

Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Главный редактор Н. В. КОРНИЕНКО

Редакционная коллегия:

Е. А. АНТОНОВА, Т. М. ГОРЯЕВА, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ,
М. А. ПЛАТОНОВА, Н. Н. СКАТОВ, А. М. УШАКОВ,
Р. ЧАНДЛЕР

Москва
ИМЛИ РАН
2004

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Том первый

1918 — 1927

Книга вторая

СТАТЬИ

Москва
ИМЛИ РАН
2004

ББК 83.3

*Подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект «Научное Собрание сочинений А. П. Платонова»*

*Печатается по Федеральной целевой программе «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Подготовка текста и комментарии
Е. В. АНТОНОВОЙ, О. С. КАПЕЛЬНИЦКОЙ, Н. В. КОРНИЕНКО,
М. А. ПЛАТОНОВОЙ, Е. А. РОЖЕНЦЕВОЙ,
Л. В. СУМАТОХИНОЙ, Е. А. ЯБЛОКОВА

Редактор тома
Е. В. АНТОНОВА

ISBN 5-9208-0181-6

- © М. А. Платонова, публикация всех текстов
А. П. Платонова, 2004
- © Исследовательский коллектив, подготовка
текста и комментарии, 2004
- © ИМЛИ РАН, 2004

СТАТЪИ

1918–1926

ОБ ИСКУССТВЕ

(Из дневника)

Как в повседневной, будничной жизни людей день сменяется ночью, период деятельности периодом покоя, так в жизни человеческой — в ее высшем смысле, на ее вершинах — в пламенном постигательном труде разума бывают подобные же периоды напряжения и отдохновения.

Отдохновение, покой духа — тот момент, когда он созерцает только самого себя, свое совершенство, свою идеальную гармонию,— есть искусство... Искусство — это жизнь разума, замкнутая в себе самой, в своей колышущейся бездне, когда он и во всей природе, во всем космосе видит только самого себя, отражение своей великой сущности, и потому искусство — такая бесконечная радость, такой гимн восторга под склонившимися небесами... Ведь все стихии, все буйные силы вселенной смолкают тогда, когда освобожденный дух человеческий отражается в них во все растущей красоте своей, когда безмолвными прозрачными острыми лучами он освещает тьму, и мы, созерцающие, в великом торжестве видим везде то же, что и в себе. Мы роднимся со всем, что казалось нам хаосом; мы убеждаемся, что вокруг нас лишь братья, любящие и ждущие нашего привета и ласки, нашего внимания,— и все это дает нам дух наш, созерцающий себя в космосе,— искусство...

Если жизнь, в победном устремлениидвигаемая разумом вперед и вперед, есть океан охваченный ураганом, то искусство — та же жизнь, тот же океан, но океан утихший, предвечерний, когда вся грязь осела на дно, и, пронизанный солнцем, он открыл каждому ищущему взору волшебные глубины свои с миллиардами живых существ, недвижимыми кораллами и сказками непостигнутых тайн — все прекрасное сокровенное лицо трепещущей юной жизни...

Искусство — это дивный сон разума, будто он уже постиг все, восцарствовал над всем — и гармония, совершенство, истина — есть все... Искусство — это идеал моего я, осуществленный в безграничном хаосе того, что называют миром.

<1918>

К НАЧИНАЮЩИМ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ И ПИСАТЕЛЯМ

Пламя революции начинает перекидываться из сфер политической борьбы в область художественного творчества, искусства. И здесь, в этой области, начинается свершаться то, что уже свершилось там, в политической и экономической жизни народа.

Грабеж, насилие, голод, убийство миллионов, золотой бог...— все свержено мощью выросшей мысли, и начинается творчество жизни, братства, труда, нравственности на новых, честных, разумных, человеческих началах...

Это в общественной жизни людей.

В искусстве революция только разгорается. Пошлость, глупость, мертвые формы, а главное — утрата того, что составляет сущность всякого искусства — творческого выявления идеи прекрасного, присущего всем людям,— сколотили гроб буржуазному искусству, которое, на самом деле, давно перестало быть искусством, сохраняя только имя его.

Пролетариат, сжигая на костре революции труп буржуазии, сжигает и ее мертвое искусство.

Мы переживаем великую эпоху возрождения духа человеческого во всех его проявлениях. Искусство богатых, оглупевших от лени и роскоши людей, эту утеху извращенных страстей, пособницу и оправдание ресторанных и биржевых оргий, пролетариат — этот носитель всего вечного в человечестве — убил, испепелил в огне первой формы своего творчества — революции. Необходимо было смести с земли все чудовищное, злое и гадкое, чтобы освободить место для строительства прекрасного и доброго,— и пролетариат сделал это.

И теперь только начинается созидание, воплощение на нашей планете великой человеческой мечты.

Человек в истинном смысле, т. е. человек, живущий в согласии со своими природными законами (стремление к истине, красоте, труд, радость, развивающее чувство нравственности...), и человек, исказивший, уничтоживший в своем существе эти законы,— столкнулись в смертной схватке.

В конце концов первый человек, человек трудящийся, носящий в себе все действительно жизненное, но поработанный, пролетарий, должен, необходимо должен, уничтожить врага своего,

врага жизни, разрушителя и расхитителя — буржуазию, чтоб дышать можно было...

Возрождая всю жизнь, трудовой класс возрождает и искусство как самое дивное, самое красивое, самое могущественное проявление растущей жизни.

Пролетарское искусство отражает в себе все человечество в его лучших устремлениях, и создается оно также всем человечеством, всем гармоничным организованным коллективом. Низкое, пошлое, злое, мелкое, враждебное жизни не будет иметь места в пролетарском, общечеловеческом искусстве. Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречными слепыми силами.

В долгом, теперь прожитом, буржуазном периоде существования человеческое сознание переросло телесные личные силы; человек убедился в бессилии собственного «я», его сердце, его ум — выросли из эгоистического, животного, темного тела. Человеку стало мало пары глаз, пары рук, одного сердца — он захотел охватить, понять, подчинить мир во всей его бесконечности, во всем переливчатом разнообразии и многокрасочности... Станки и мастерские научили человека вливать свои одинокие силы в мощный поток организованных усилий...

Вместо жалкой телесной личности, которую любая большая собака могла отправить в «клоно Авраама», вырастает личность великая, духовная, общественная, видящая в другом человеке самого же себя и любящая поэтому каждого человека, как себя самого.

Творчество, художественное творчество, в древнейшее время чудной юности человечества было плодом художника без имени — всего народа, племени, рода, семьи. У костра, отдыхая после еды, когда не было нужды в пище, когда наступал перерыв в течении междоусобной вражды,— группы первобытных людей отдавались бессознательному творчеству прекрасного. Солнце, буря, звезды, леса в молчании, пустыни равнин, шум весенних потоков... отражались в непосредственной искренней натуре того человека в стихийных, бессознательных чувствах, и эти чувства он выливал в песни, в брэнчанье зажатой в зубы и колена струны... В песни, полные скорби и серой тоски и низкого неба севера иль тихой радости ожидания весны, разлива рек, когда придет время ловли рыбы, любви и игр и коротких душных ночей; иль в чуть трепещущую мелодию — страх и покорность пред всесметающей, свирепой, неожиданной бурей с громом, молниями и затопляющими ливнями. И еще были песни — о стран-

ных людях, идущих в битвах впереди, встречающих смерть торжественно и покорно; о мудрейших людях, вносящих счастье победы и гордости, счастье довольства и мира в род свой, ибо при таких людях не были страшны ни соседи, ни звери, ни вражда внутри самого племени...

Эти песни, эти сказанья о героях, былины, полузабытые теперь преданья, религиозные мифы — были вершинами выражения глубочайших чувств, колыбелью и источником истинного общечеловеческого искусства.

А потом века истории ткали на своих станках времени развитие этого первобытного искусства, изменяли его, дополняли и совершенствовались, т. к. совершенствовался и усложнялся дух человеческий.

Так продолжалось во все время коллективной жизни людей.

Только в поздние эпохи, когда, вследствие различных исторических условий, наступила пора разделения, разъединения, распада людей внутри общества, — коллективное искусство умерло, наступило время искусства одного человека, индивидуального. Такое искусство живет до сегодняшнего дня.

Единичное, личное творчество создает лишь, так сказать, «искусственное искусство», но не самое искусство: оно есть удел всего человечества, а не отдельного лица.

Внешний мир в сознании каждого человека претворяется в цепь образов. Если образ производит слишком сильное впечатление, то он требует обратного излияния, т. е. своего творчества, выражения действием. *Искусство, вообще говоря, есть процесс прохождения сил природы через существо человека.* Силы природы производят на нас известное воздействие (образы), впечатления; мы эти воздействия, если они достаточно сильны и не прекращаются в нас, выражаем каким-либо внешним актом (творчеством). Таким образом, искусство имеет три свои главные части, фазиса: восприятие извне, особое внутреннее состояние (впечатление) и выражение в действии, творчество. Совершенство искусства зависит от соответствия, сходства между восприятием и выражением.

Содержание, бездну чувства — все, что составляет сущность искусства коллективного, индивидуальное творчество заменило красивой внешней формой, рифмой, техникой. Даже величайшие художники слова дают лишь приблизительное подобие подлинного, бесконечно мощного всечеловеческого творчества...

Революция переступила огненную черту в истории мира и ввела человечество в новую, чудесную страну.

Возрождается коллективное созидание прекрасного. Художник — это человечество в своей единой одухотворенности.

Коллективное творчество — это океан, который буря — вдохновение колышет от края и до края, от дна до звезд, когда каждое маленькое существо в этом коллективе становится бесконечностью...

Близится время сотворенья коммунистической Эдды и великих мифов труда и солидарности, мифов о грядущих машинах-чудовищах, слугах человечества в познании и покорении вселенной...

Коллективное творчество — это уравнение по наибольшему, т. е. если сойдутся, например, одиннадцать человек (или миллион, все равно), чтобы воплотить в действиях свое сокровенное чувство, и, предположим, что десять из них люди среднеодаренные, а одиннадцатый — гений, то их коллективное творчество будет равняться не средней силе, выведенной из суммы всех творящих сил, а наибольшей силе — гению (по нашему примеру).

На этом крайне интересном вопросе, требующем особого внимания, т. к. здесь лежит главный камень философского обоснования коллективного творчества, я остановлюсь в другой раз.

Чтобы начать на земле строить единый храм общечеловеческого творчества, единое жилище духа человеческого, начнем пока с малого, начнем укладывать фундамент для этого будущего солнечного храма, где будет жить небесная радость мира, начнем с маленьких кирпичиков.

Приступим же к делу, братья и товарищи!

Я обращаюсь к начинающим пролетарским поэтам и писателям из воронежского железнодорожного пролетариата образовывать при редакции нашего «Железного пути» студию коллективного художественно-литературного творчества.

Для этого предлагаю товарищам начинающим обсудить этот вопрос на страницах «Железного пути» и назначить время, когда мы могли бы собраться вместе и сговориться о всех подробностях.

Дело мы начнем большое, а сил у нас пока немного; но мы молоды, души наши не покрылись еще ржавой коркой мелкого мещанства и благополучного равнодушия. В каждой, даже самой забитой, ничтожной душе скрыты бесконечные возможности развития. И пусть никто не говорит себе, что он мал духом или бессилён знанием, — мы все равны, все одинаково мало знаем, все бродим в смрадных логовищах рабства перед миром, его

тайнами и страшными силами, и — хуже всего — мы рабы самих себя.

Наши старшие товарищи сбросили, разорвали одно звено из бесконечной сети цепей человека, а мы, их сыны и братья, будем ломать, рвать зубами, сдирать с себя с кровью, с телом, с жизнью, оставшиеся звенья черных цепей. Пока не дойдем до зенита, до самого солнца свободы и познания.

Человек — это вечный революционер, вечный созидатель на вечно разрушаемом.

Наша сила, наша мощь — в нашей воле, воле к титанической силе, воле к всесовершенному знанию.

Мы взорвем эту яму для трупов — вселенную, осколками содранных цепей убьем слепого, дохлого хозяина ее — бога и обрубками искровавленных рук своих построим то, что строим, что начинаем только строить теперь...

<1919>

«РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «КРАСНОЕ УТРО»»

Чаще и чаще появляются эти огненные знаки стремления пролетариата к творчеству прекрасного. Неизбывные, неизжитые силы рвутся в мир через эти сборники, журналы и скромные на вид брошюрки.

Натянуты тонкие упругие струны и ждут лишь пламенного танца смелых пальцев рук художника, чтобы отдать, источить из себя всю схороненную бесконечно дивную мелодию, бесценный, единственный, неповторимый напев...

И он идет, этот художник, любящий и внимательный, гордый и добрый, вождь и пророк.

Но еще не пришел. Тихий гул его шагов слышен и в сборнике Орловского пролеткульта...

Неуверенной, несмелой пока рукой касается он струн дорогого инструмента, отданного ему революцией, и первые песни его робки и глухи, но уже слышится, чуется его будущее — будущее великого всечеловеческого творца, брата всему живущему...

В «Красном утре» чувствуются эти касания непривычных рабочих рук к таинственным цветам поэзии, чувствуется за лицами немногих весь безымянный, миллионный, серый лик грядущего гения — коллектива...

Удивительно прекрасны рисунки т. Маренкова, глубоко продуманные, проникнутые оригинальной истинно пролетарской мыслью, дышащие искренним чувством.

Красиво стихотворение В. Буречарского «Ураган»:

Пусть, как зверь, ревет и рыщет
Ураганный, гневный ком —
После бури воздух чище,
После бури так легко.

Пусть трещат дубы и ивы,
Пусть все рухнет — ничего:
Все живое будет живо,
А отжившее — мертво.

У некоторых пролетарских поэтов, напечатанных в сборнике, видна неумелость в обращении с хрупким инструментом поэзии — словом, но это пройдет со временем, с ростом их таланта...

<1919>

<ОБЗОР ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЖИЗНИ»>

Первый отдел журнала заполнен статьями специалистов по вопросам политики, общественной жизни и науки. Отличие и ценность статей — в серьезной научно-беспристрастной разработке тем.

В отделе «История» интересны «материалы» «о возникновении войны», «об армии и царском правительстве» и др.

Литературный отдел открывается статьей В. Фриче о гордости всего пролетариата земли — первом поэте его, Уолт Уитмене, первом художнике, просветившемся пролетарским сознанием мира, о певце толпы, города и фабрики, дыма и гула машин, о первом сыне всего нераздельного братского человечества, приход которого Уитмен ждал, ибо видел нервы и жилы организующихся и сливающихся народов; он чувствовал, понимал своим большим сердцем, как никто в его время, создание единого всечеловеческого организма, который рождается, растет вот из этой «дикой» галдящей толпы, из этих уничтожаемых, насилуемых народов...

...Все прошло, заверщенное, отступает куда-то во мрак,
Надвигается огромное будущее, идет и идет на меня.
Я вижу горизонт расступается...

Сквозь творчество Уитмена слышны сдавленные раскаты ритмов солнечного грядущего мира...

Статья К. Трояновского о «Толстом Индии» характеризует поэта и мыслителя Востока Рабиндраната Тагора, которого британское правительство посмело бросить в тюремный каземат.

На такой верх варварства и бесстыдства способны только преступники да английские колониальные самодержцы. Арест Тагора есть открытый вызов, удар по единству и чести великого народа Индии, т. к. Тагор был искреннейшим и гениальнейшим выразителем его души, поэтом-пророком своего народа, народа Будды и Брахмы...

«Я узрел твой нежный лик и люблю твой скорбный прах, Мать-Земля!» — пел Р. Тагор, а дети этой возлюбленной им зем-

ли подняли на него тяжелую руку свою и сковали родной народ его...

Остальная часть журнала посвящена статьям о социальных утопиях, социалистических мотивах в живописи, коллективном творчестве в музыке и — многому другому, что ищет, чем волнуется наше дивное красное время.

<1919>

ЛЕНИН

Сегодня исполняется 50 лет от рождения первому работнику русской революции, великому другу труда — *Владимиру Ильичу Ленину*.

В этот день вся Красная Россия, все истомленные, заработавшиеся люди, в мастерских городов, на оттаявших пашнях, пусть все вспомнят его, всю свою жизнь горящего в нечеловеческом ежедневном труде за наше освобождение, за честную жизнь на земле.

В непрерывной жертве и самоотречении он забыл про себя, слившись с интересами дела, которому отдался с юности...

Вся его душа и необыкновенное чудесное сердце горят и сгорают в творчестве светлого и радостного храма человечества на месте смрадного склепа, где жили — не жили, а умирали всю жизнь, каждый день, гнили в мертвой тоске наши темные загнанные отцы...

Ленин — это редкий, быть может, единственный человек в мире. Таких людей природа создает единицами в столетия.

В нем сочетались ясный, всеохватывающий, точный и мощный разум с нетерпеливым, потому что слишком много любящим, истинно человеческим сердцем.

И все это сковано единой сверхчеловеческой волей, направляющей жизнь к определенным раз поставленным целям, не позволяющей склоняться и колебаться.

Это и есть та сила, которая вырывала не один раз погибавшее рабочее и мужицкое дело из пастей бесчисленных хищников и спасла в конце концов русскую революцию от всех напастей, а с ней спасла и революцию мировую, ибо победа рабочих и крестьян в России родит революцию всей земли...

Но главное в Ленине (за что и полюбили мы его так, когда поближе узнали) — это, что он вперед узнал и высказал тайную, еще не родившуюся мысль, сокровенное желание миллионов трудового народа — и не одной России, а всего мира.

Тайную и самую глубокую мечту о власти высшей справедливости на земле, которой оказалась, как показала жизнь, рабочая советская власть. Ленин не только первый заговорил об этой власти, но и начал работать, чтобы на самом деле такая власть была у трудящихся людей, пока не добился своего.

Та злоба, с которой была встречена эта невиданная власть буржуазией, была вестником грядущей любви и признания ее миллионами трудящихся.

Ленин задолго уловил самый дух еще молчавшей трудовой земли и вынес в свет общего сознания то, чего все хотят, что всем нужно, без чего жизнь не пойдет дальше и что нужно сделать теперь же,— осуществление справедливости, правды и счастья на земле, и пути к ним — через советскую власть к коммунизму.

И Ленин еще с юности забил тревогу и всю жизнь бил в набат, звал отстающих и хилых, звал к победе и великой общей радости, к борьбе и новым страданиям.

Многие от него отстали, многие стали друзьями, но никто не знал, насколько он был прав, насколько его душа и мысли слиты с душой рабочего люда, насколько верен был его взгляд на общий ход освобождения трудящихся из тисков капитала.

В Ленине выразилось все, чем живет и чего хочет каждый угнетенный человек,— он — и любимое дитя, и лучший учитель рабочих станка и сохи.

Он наитием, чутьем предугадывает, как надо бороться в данную минуту, чтобы быть ближе к победе.

Сознание нашего рабочего класса часто отстает от сознания Ленина, он вперед выражает его, а быстрота в еще не окончившейся борьбе — великое дело.

Чуткость вождя и неиссякаемое светлое озарение гения, избранника — вот что живо в Ленине и делает его нам родным и близким, вот что поражает наших врагов.

Он и восставший, побеждающий народ — это одно.

Все его предвидения сбываются, каждый новый шаг безошибочен — значит, и сам он живет тем же, чем жив борющийся рабочий и крестьянин.

Ленин — душа рабочего класса и его сердце, его мозг и воля, его великая ненависть и вдохновенная любовь.

Да живет и крепнет в Ленине его бодрый человеческий гений!

И пусть с новой силой вспыхнет в наших сердцах пламя творчества радостной правды на земле!..

<Апрель 1920 г.>

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Земля была темна и неустроена.

Из древней книги

Она была темна и неустроена, покрыта мраком и лесами и морями без края, уходившими волнами к небу.

Ветер трепал заросли невиданных трав, выл в нагроможденных острых отвесных горах, бродил степью, уходил и не возвращался...

Будто из земли рождались звери, дети тех далеких темных времен, когда и солнце, и весь мир были иными. Они рождались и исчезали миллионами, в ужасе уничтожая в ревуших пастях один другого.

Они исчезли навсегда.

Вверху было живо солнце, и мир сам сглаживался и переустраивался от его света и тепла. Впитывал в себя безобразное и дикое, рождая доброе.

Ибо земля с первого мига своей жизни была вся — порыв, вся — любовь и устремление к создавшему ее солнцу.

Кругом была бесконечность и звезды. И не могло тут быть злого и ужасного. И земля в святом материнском страдании производила и уничтожала, рождала и умерщвляла...

Чтобы сотворить наконец из зверя — человека, свое любимейшее и последнее дитя, и пустить его к небу, в бесконечность, в вольное нескончаемое странствие, к победам, творящим восторг в груди победителя.

В человеке темное и ужасное ушедшей вечности нашло свою последнюю могилу.

Зверь больше не воскреснет на земле.

Через тьму, хаос, зверя из земных глубей пронесся огонь чистого желания и вспыхнул непогасающим светом в душе последнего создания — человека. Вспыхнул со страшною разрушающей мощью, ибо человек — великий творец. Он одинаково радуется и при разрушении и при созидании: ведь разрушение — начало творения, а в конце творения уже оживает семя разрушения...

Огонь пронесся из мрака бушующего мира, и очистился миллионами веков прошедшего, и утвердился в человеке высоким рвущимся пламенем.

Земля от человека стала таким же небом, что и вверху, на которое тысячу веков назад смотрел зверь и, еще не понимая, уже желал его.

В человеческой душе вырастают крылья от синих просторов. И он преобразил землю, чтобы так же было здесь свободно и прекрасно, как в далекой небесной мечте о рае.

Человек первый научился труду, и им познал все и вознесся надо всем. Покорил своим терпением все непокорные, враждебные силы.

В этот день весны преображенного мира, день утверждения всечеловеческой радости, день веры в преображающую, пламенную силу человека — выше стоит над нами старое солнце, дальше открыта светлая бесконечность и быстрее мчится в синюю бездну новый, огненный мир, пущенный смелой рукой...

<Апрель 1920 г.>

ПРИЕЗД АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ

К нам, в Москву, на днях приехали из Англии рабочие, представители английских профсоюзов. Они приехали в чуждую им страну, но нашли здесь свою родину, ибо родина каждого рабочего не там, где он родился и где над ним измываются, а там, где сам он — владыка, а труд, свобода и совесть — единая верховная власть.

Мачеха никогда не будет родною матерью, но всякое любящее, дающее счастье существо всегда будет матерью человеку.

За границей о Красной России ходят одни чудовищные, лживые, злые вести. Буржуазные газеты королей и президентов сеют смущение в душах наших заграничных товарищей. Они падают духом от таких сообщений: ведь выходит дело, что общее мировое дело рабочего класса, за которое взялся первый восставший из народов — русский, находится в ненадежных руках, силы революции падают.

За рубежами Советской России говорят и пишут, что у нас кровь залила города, что мы душим друг друга,дохнем с голода... Одним словом, закрутились, запутались так, что хоть в петлю.

Трудовой задавленный люд стран Западной Европы почуял обычную ложь в словах своих угнетателей и захотел сам посмотреть на эту удивительную Россию, пощупать ее руками.

И вот теперь он прислал к нам непосредственно своих людей, чтобы они посмотрели и передали им, что у нас за жизнь.

То, что они увидали, страшно их поразило. Они ожидали ужасов, а увидели порядок, труд, согласованность действий, упорные коллективные усилия, творящие чудеса. Увидели небывалое радостное творчество. Увидели счастливую, торжествующую, непобедимую жизнь, неиссякаемый восторг и мощный порыв к созиданию...

Правда, они увидели большую разруху народного хозяйства, наши нехватки, но они прекрасно поняли, что в этом виноваты не русские трудящиеся, а мировая буржуазия, а отчасти и рабочие Англии, которые до сего времени не пришли на помощь трудящимся России.

Английские товарищи говорят, что, если бы эту истинную Россию увидали угнетенные всей земли, мир был бы давно иным.

<Май 1920 г.>

ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ

Российская рабочая республика, два года жившая в мертвом железном кольце мировой контрреволюции, теперь задышала свободнее.

Звено за звеном рвется под сокрушающими ударами трудового и боевого молота рабская стальная стяжка, которую хотели надеть на нашу шею белые воинствующие орды буржуазии.

Север, восток и юг прорваны, остается запад — заслон европейского капитала.

Разгромив Польшу, мы очутились лицом к лицу с последним страшным противником — объединением международных союзов капиталистов Европы и Америки.

Золото и насилие в последний и решающий раз сойдутся лицом к лицу с рабочей правдой — и история захвата и порабощения, история наживы и удушения человечества кончится на земле.

Пролетариат после схватки поставит крест на прошлом и начнет новую, свою жизнь. В первый раз всею грудью вольно вздохнет; один останется на расчищенных просторах земли.

Сейчас, в момент натиска на нас Польши (а на самом деле — всей западноевропейской буржуазии), мы стоим на вершине горы, куда шли около трех лет.

Дальше пойдет легче, настанет перелом, начнется спуск.

Удар за ударом сыпала на нас буржуазия, мы их выдержали все, выдержим и этот, последний, польский удар.

Не только выдержим, но и сами сумеем ударить. Пусть враг узнает силу пролетарского кулака. Западная Европа — наш последний живой противник. Его гибель — наше конечное торжество, его труп — лучшее удобрение революционной нивы.

Не за себя мы воюем и страдаем. За будущее, за возможность счастливой осмысленной жизни, за надежду наших отцов, за право быть под солнцем — наши усилия, наша кровь.

Земля — еще раба, и человек на ней — худший из рабов, ибо он вершина жизни, ее сознание и душа. Нет большего позора, как быть рабом.

Смерть же рабовладельцам всего света, смерть душителям человека!

<Июнь 1920 г.>

ДВА МИРА

Вначале, когда в трудовых угнетаемых массах человечества впервые пробудилось сознание своей общей доли, стремление к освобождению, к человеческой жизни было единым по духу и средствам.

Тогда думали, что и путь от участи раба к свободе тоже только один, другой невозможен или если и есть, то ложный.

При пробуждении рабочего самосознания именно так и было. Поэтому единодушие и согласие было в первых кружках людей, задавших целью вырвать все средства угнетения и жизни из рук шайки насильников и передать их рабочему народу.

Время проходило. Мысль работала, кидалась во все стороны, ища выхода и спасения из темницы царства золота и кнута.

Открылось много путей освобождения, найдено много выходов. Но какой из них верный, самый легкий, правильный? Никто не знал наверное, за то поднялся в рабочих и крестьянских партиях и группах спор. Каждый воевал за свою правду.

Единство усилий и порывов к воле раздробилось. Стало много дорог и вождей у одного «класса рабов».

Это так и должно быть: человечество состоит не из двух только частей — угнетенных и угнетателей; существует много промежуточных форм и классов между двумя концами — пролетариатом и буржуазией.

Разные течения мысли часто и представляли собой волю и желания именно этих средних классов — мелкой буржуазии, крестьянского кулачества, богатеющей промышленной мелюзги и пр. И думали, что они представляют интересы чистых пролетариев.

В революционной схватке эти средние переходные классы и подклассы ожидает неизбежная гибель. Они перетрутся и исчезнут жертвами борьбы двух титанов — капитала и пролетариата. Исчезнут с ними и их защитники, вроде партии эсеров, меньшевиков и др.

Два противоположных могущественных мира сошлись и сжигают один другого. Горе стоящим посреди!

В кровавом месиве тонут огромные глыбы человечества. Горы позади, горы впереди восставших.

Близко время, когда народы, классы, нации, как бы они ни назывались, сойдут с земли. Останется одно человечество, которое теперь рождается в бунте рабов.

<Июнь 1920 г.>

РЕМОНТ ЗЕМЛИ

Что такое земля?

Земля — это весь мир, с пашнями, цветами, людьми, реками, облаками. Земля — это то, откуда мы вышли и куда мы уйдем, где мы живем, радуемся и боремся. Так думает народ. И это правильно. Но что такое земля в нашем смысле, в крестьянском?

Это средство для производства хлеба, кормовых трав для скота и пр. То есть та же машина, но только вырабатывающая продукты питания человека, как, например, ткацкий станок вырабатывает ткани для одежды.

Как всякая машина, земля требует ремонта, исправления, возобновления свежими силами, которые она отдает на производство растений.

Тысячи лет человек напивает землю своим трудом, и она возвращает его с большим излишком, благодаря чему только и процветает жизнь на земле, растут и совершенствуются силы человека.

Но за эти тысячи лет земля страшно истощилась, обеднела живительными силами, ведь соки тянут из нее из года в год.

Из промышленных машин тоже беспрерывно выкачиваются силы, но они немедленно же пополняются.

Земные силы никто не пополняет (разве только небо, но на него надежда плоха), и наши нивы что ни год все меньше и меньше дают хлеба.

То же есть и за границей, в других странах, но там за землей ухаживают усерднее и не допускают падения урожайности. Несмотря на их буржуазный лад жизни, у них и наука, и все общество помогают землепашцу в его борьбе за хлеб с природой.

У нас до сих пор крестьянин был брошен один, без знаний, без поддержки, темный и несчастный: крутись как хочешь, а хлеба давай каждую осень.

Теперь — другое дело. Крестьянин и рабочий — первые люди, все в их власти.

Если земля устала, истощилась — поправим ее, отремонтируем, насытим новыми силами.

Средства для этого есть, и они вполне в руках крестьянина.

Средство это — знание, наука о земледелии.

Когда крестьянин будет обладать им, ничто не будет ему страшно. Голод будет навсегда изгнан со света.

Наукой уже найдены прекрасные способы восстановления сил земли и даже увеличения их. Знанием человек обращает пустыни в хлебородные благословенные нивы, а нашу-то русскую и без того хорошую почву крестьянин, вооруженный наукой, обратит в великий источник питания человека, а через это и в источник всечеловеческой культуры, социалистической, которая рождена нашей революцией.

Для будущей богатой, напряженной, красивой жизни нужно много хлеба, много всего, что дает земля.

Его дает нам земля, оплодотворенная знанием.

Нивы — станки, крестьяне — рабочие.

Отремнтируем их, пустим в ход с невиданной скоростью, пусть побегут с них великие силы, достойные великого человека.

Обновим дряхлую, изможденную пашню, пусть и она станет юной и мощной, какими стали мы.

<Июнь 1920 г.>

ХРИСТОС И МЫ

Мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога.

В позолоте и роскоши утопают каменные храмы среди голого, нищего русского народа. Одурманенный, он спит в невежестве. И стыд горит в сердцах его лучших сыновей; стыд и возмущение господством мертвого над живым, прошлого над будущим.

Христа, великого пророка гнева и надежды, его служители превратили в проповедника покорности слепому миру и озверевшим насильникам.

Плесенью зарастает земля от господства золотых церквей. Души людей помертвели, и руки опустились у всех от ожидания веками царства Бога.

И забыт главный завет Христа: царство божие усилием берется.

Усилием, борьбой, страданием и кровью, а не покорностью, не тихим созерцанием зла.

Бичом выгнал Христос торгующих из храма, рассыпал по полу их наторгованные гроши.

Свинцом, пулеметами, пушками выметаем из храма жизни насильников и торгашей мы.

Земля гнила, не жила, а мучилась под навалившимся на нее зверем. Мы этого зверя задушим, спихнем с тронов и седалищ.

Не покорность, не мечтательная радость и молитвы упования изменят мир, приблизят царство Христово, а пламенный гнев, восстание, горящая тоска о невозможности любви. Тут зло, но это зло так велико, что оно выходит из своих пределов и переходит в любовь — ту любовь, ту единственную силу, творящую жизнь, о которой всю свою жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест.

Не вялая, бессильная, бескровная любовь погибающих, а любовь-мощь, любовь-пламя, любовь-надежда, вышедшая из пропасти зла и мрака,— вот какая любовь переустроит, изменит, сожжет мир и душу человека.

Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщения. И этот гнев выше всякой небесной любви, ибо только он родит царство Христа на земле.

Наши пулеметы на фронтах выше евангельских слов. Красный солдат выше святого.

Ибо то, о чем они только думали, мы делаем.

Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга.

Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас.

<Июнь 1920 г.>

КРАСНЫЕ ВОЖДИ

Красной армии нужны рабочие командиры, вожди полков революции, солдаты передовых наступающих частей.

Красной армии нужны люди, умеющие побеждать и первыми умирать.

Эти люди нужны сейчас, немедленно, чем скорее они явятся, тем короче будет наша борьба на юге и западе. Чем их будет больше, тем меньше прольется человеческой невинной крови.

Великая страда Красной Руси еще не кончилась. От нас зависит ее кончить скорее.

Рабочая Россия почти три года всеми последними соками питает тело революции, каждая капля жизни России уходит на поддержание огня революции.

Мы истощены, мы устали, да,— но зато жива, бодрa и живородна революция — смысл и цель нашей жизни. Будет сильна революция, оживет и Россия, а с нею и весь мир.

И вот опять, еще раз требует от нас борьба новых, лучших, сознательнейших, крепчайших сил.

Мы их уже даем и отдадим все до конца.

Нет предела нашей ненависти и нет предела нашим силам, рожденным пламенем этой ненависти.

Под уничтожающими ударами революции дрожат и рушатся стены врага, открываются просторы воли и жизни и удесятерятся наша мощь от борьбы и сопротивления.

Но сопротивление врага все увеличивается, и нам нужны не просто солдаты, воины, а герои и вожди, люди железа и победы, люди великого духа сознания, люди последней революционной жертвы, которые смогли бы превозмочь и смести горы на пути к торжеству восставшего человечества.

Это — красные вожди, это рабочие командиры, первыми врывающиеся в лагерь противника, первыми срывающие цвет победы.

Они должны быть образцами для всего остального состава наших армий, по ним должны выравниваться все.

Рабочий или крестьянин, прошедший через определенное воспитание своего сознания в боевом духе, становится красным командиром, тем, кто способен поражение превратить в победу, а победу — в торжество революции.

Такие солдаты-вожди уже есть в Красной армии, это солдаты последнего момента, последнего напора, кануна окончательной победы, ибо всякий солдат всякой белой армии по сравнению с ним волк против льва. Там — принуждение, насилие, у нас — свободное сознание, воля к жизни и освобождению.

Стальной, нервущейся цепью окружают красные вожди свой свободный народ — и гибель, смерть всякому насильнику понесут они — наша гордость, наша кровь, наша мощь и надежда — красные вожди наступающей революции.

Рабочие, крестьяне, красноармейцы, пусть не будет у нас рядовых, а только вожди и герои!

Идите учиться быть ими.

<Июнь 1920 г.>

НОВЫЕ БРАТЯ

Слова т. Ленина о неизбежности, о близости и непредотвратимости грядущего мирового восстания угнетенных рабов оправдываются. То тут, то там прорывается наружу пламя революции, и нет силы на свете могущественнее ее.

До последнего времени думали, что только в Европе, в странах высшей культуры, произойдет переворот и совершится коренное преобразование мира; до сих пор Европа была вождем человечества.

Последние годы изменили все. Не Европа, зараженная буржуазией и золотом до конца, а Азия, Россия, еле живущие, еле дышащие, жалкие рабские народы освобождают человечество от всякой насильнической, зверской власти вещей над человеком.

Россия горит уже три года. Сейчас загорается Азия. Вспыхнула светом коммунизма Персия.

Русское царское правительство и Англия век грабили и душили эту страну. Обездоленный, нищий персидский народ жил между двух огней и не видел спасения. И не было бы ему спасения, если бы он не догадался сам освободить себя. Народ выдвинул и своего вождя, крестьянина-коммуниста Кучук-хана, который давно копил силы и набирал сторонников, главным образом против Англии. Теперь он организовал персидскую Красную армию и выгоняет капиталистов-англичан из родной страны.

Английские войска, чуя, что они в огненном кольце, что их владычеству пришел конец, уходят без боя.

Взбудораженные Кучук-ханом горские полудикие племена, которым Кучук-хан рассказал в чем дело, за что поднялась борьба, с радостью переходят к нему, ибо знают, что за свободу всех загорелось восстание.

Персидская революция проходит со страшным озлоблением, в иступленном отчаянии, в которое вылилась ненависть подавленного народа. Долго было терпение Персии, но коротка будет ее борьба.

Искра переходит в огонь, а огонь в полямя.

За Персией на юге заколыхалась Месопотамия и тоже выгоняет от себя своих и чужеземных английских господ.

Молчит и ждет пока Индия. — Завтра заговорит и она.

<Июнь 1920 г.>

РАЗМОЗЖИМ

Врангель отдышался и опять лезет на север, к нам в гости.

Его друзей мы уже угостили, его же угостим не в пример лучше. Тем мы отшибли кулаки, ему отшибем башку.

Наступление Врангеля есть последняя судорога мертвеца — русской буржуазии. Последний вздох недодушенной, сипящей гадины.

Генерал объявил крестовый поход буйствующим русским мужикам и чернорабочим. Он собрал вокруг себя всех недовольных господ и хочет нас попереवेशать на лозинках.

Они опять забыли, что нас миллионы, а их десятки, что у нас самое страшное оружие — понятая правда, а у них гибнущая ложь, и мы их куда скорее перетопим в море, чем они нас попередушат на лозняке.

В спину Врангеля упирается вся заморская седая знать, подгоняет и подбадривает его. А у нас еще больше друзей.

Все, что русский пролетарский человек давно закопал и успел поперезабыть, Врангель раскопал и думает оживить. Тут и церковь, и Господь Бог, и православный русский царь, и неприкосновенность собственности — право на грабеж...

Врангель опять, как Деникин и Колчак, хочет сшибить нас с ног, не дать передышки, не дать возможности взять в руки молотки и косы, чтобы отстроить неприступную рабочую крепость.

Но Красная Россия от ударов только крепнет. Она перенесла огромные, мучительнейшие страдания голода, болезней и поражений. Не Врангелю напугать ее, не ему побеждать и торжествовать над нею.

Трехлетняя зверская борьба научила нас беспощадности и терпению, но и в борьбе мы не переставали быть людьми. Англия попросила за Врангеля — обождать его добивать. Мы согласились. Но Англия и Врангель обманули нас и снова идут убивать крестьянскую Россию Советов. Не по душе им наши опорки, видно.

Но пусть удар Врангеля по русским пролетариям собьет их в тесную братскую кучу, в стальной ком спаявшихся людей под угрозой гибели, и пусть этот ком рухнет на голову белой южной орды и размозжит ее вдрызг.

<Июнь 1920 г.>

О НАУКЕ

Наука. Нет слова для рождающегося пролетарского человечества более великого, более радостного.

Наука рождена мыслью человека, а мысль рождена необходимостью, жизнью.

Из первой мысли первого человека вышла наука, с последней — она умрет. Наука — вечный спутник и неизменный друг человека. Им созданная, она его превознесла над всеми живущими существами земли, дала ему победу над всеми силами, вдунула в его тело нетелесную, нечеловеческую мощь и зажгла его душу бесконечными, как небо, желаниями.

Наука же, надежда на нее, воспламенила в людях любовь к существованию, к зеленой родной земле.— Любовь — первый двигатель, начало жизни и ее рассвета, ее совершенствования, стремления ко всему непонятному, тайному и сокровенному.

Нет большей радости, как радость победы над темным, скрытым, неизвестным и страшным. Побеждать безумие природы, торжествовать над нею, из господина делать покорного раба и ее силами расти и вырастать выше самого себя — есть ли большее счастье светлomu сознанию человека? Нет. Расти и вырастать из себя — в этом жизнь. Осилить и пересилить, наливаясь новой, юной красной кровью, всегда быть недовольным найденным, уходить дальше и выше, искать невозможного и делать его возможным — в этом есть гордый восторг, единственный восторг просветленного человека.

Но что же есть наука, в чем ее сущность и власть?

Природа есть бесконечное множество явлений. Каждое явление вызывает другое явление. Отношение первого явления к последующему называется причинностью. Причинность (соотношение явлений) в природе постоянна. Это постоянство называется естественным законом.

Замеченное (вначале, в далекие времена, невольно) постоянство причинности-последовательности явлений и послужило основой для науки. Сознательное изучение причинностей — законов, их упорядочение, разделение, использование для практических жизненных целей создало науку.

Итак, наука есть знание причин явлений внешнего мира. Это знание достигается наблюдением, опытом. А опыт есть повседневный труд человека. Значит, опыт, или наблюдение, или труд есть естественное орудие науки, познания. Именно наблюдение не случайное, а сознательное, мозговое усилие, и делает все тайное явным, сложное — простым, страшное — покорным.

Применение природных законов против природы же, для своих нужд, делает человека могущественным.

Человек ополчается против природы посредством ее же самой, он бьет ее орудиями ее законов. Он не насилует ее, а приспособляется к ней. Познав мертвую мощь мировых сил, человек направляет их, не в силах изменить прямо, против других враждебных жизни сил — и так их подчиняет, косвенно изменяет, побеждает.

Природа одна и та же; всегда она постоянна. Это и ценно: иначе ее бы невозможно было изучить. Из постоянства природы делается возможным познание ее, из познания вырастает сила человека, а из этой силы вырастает сам человек, совершенствуется (т. е. изменяется, в противоположность неизменной природе). Но человек — тоже природа. Следовательно, в нем природа достигает своего изменения, переходит в другое состояние — непостоянства, усиления, расцвета, жизни...

О великом пути знания, пройденном человечеством, и о пути, который предстоит ему пройти, о мышлении, истине и заблуждениях, о страданиях человечества в поисках правды своей жизни, о борьбе и гибели за найденную правду, о затаенной страстной мечте, о конечной победе над своими врагами — природой и смертью, — я напишу в другой раз, как обдумаю.

<Июнь 1920 г.>

ПРЯМОЙ ПУТЬ

Путь самый длинный — путь прямой.

Антанта — объединение европейской буржуазии для борьбы с восставшими рабочими. Антанта всегда во всех переговорах с Советской Россией идет с благородными словами впереди и зажатými кулаками за спиной.

Уж мы-то в этом убедились — лучше некуда.

И наша центральная, московская, власть и все русские пролетарии давно поняли, что переговоры с государствами, где царствует буржуазия, — один смех, и хорошего конца от этих разговоров не дожидаться. Тут дело решат пушки, а не слова.

Мы и капитал — два мира, зверь и звереныш. Выживет тот, у кого когти острее. Только гибель одного даст покой и счастье другому.

Но наша жизнь вовсе не в том, чтобы сейчас же погибла буржуазия всего света. Нет: довольно с нас, что нету одной русской. Довольно с нас, что мы живы, и живы сами для себя, а не для чужого дяди. А остальная буржуазия пусть достанется другим на расправу (а мы до тех пор отдышимся).

Мы так и говорим: оставьте нас в покое, дайте пожить самим для себя и живите себе как хотите, если ваши рабы вас еще терпят; мы вас уничтожить не собираемся: вы сами себя уничтожите, придет время.

Не тут-то было: буржуазия заявляет, что мы разрушаем культуру, науку — все, что есть ценного в человечестве, что мы разбойники и убийцы, нечисть, проклятье рода людского, которое нужно выжечь железом и огнем.

Да, мы разрушаем, господа, вашу культуру и науку, ибо вы ими душили нас и заставляли этими средствами служить и молиться вам. Мы создаем свою науку, которая свободна и радостна и никого никогда не будет угнетать. Если отдельные лица перебегут от вас к нам, наша наука сделает их свободными, а нас заставит простить им все.

Мы — убийцы. Да, мы убиваем и будем убивать тех, кто будет убивать нас и наших братьев, кто бродит по земле с ножом и дубиной и покупает ими пот и кровь человека.

Мы — убийцы убийц. Мы — проклятье человечества. Да, того человечества, которое насилует, гнетет, уродует другую часть человечества. Ту часть, которая нас благословляет и из которой мы сами вышли.

Мы — надежда того человечества, молодого, готового жить и бороться.

И все-таки мы не затронем вас, кто лезет на нас теперь с пулеметами, мы не затронем вас, если вы не будете трогать нас первыми. Вы нам не нужны.

А если вы готовитесь нас побить только во имя культуры и правды, а не во имя своего желудка, то опять вы не правы.

Мы говорим: дайте нам время и тогда приходите смотреть, что мы сотворим, во что мы превратим землю. Если мы не сумеем сделать лучшего, что уже сделали вы, — ваша взяла, мы уступаем вам место.

Но — подождите, дайте срок. Дайте срок во имя расцвета нашей культуры. И тогда увидите, как сама собой умрет ваша. Без всякого убийства.

Если бы вы были такими, какими себя выставляете, вы бы оставили нас; из любопытства понаблюдали бы за нашими усилиями очистить жизнь, пришли бы на помощь, где можно.

Но вы не те, какими говорите о себе в словах, вы те, каковы дела ваши.

А от ваших дел вся земля в крови.

Вы идете кривыми путями: прямой путь для вас длинен и труден. Но вы заблудитесь, вы погибнете на долгом кривом пути.

Прямая дорога тяжка, но она кончается у светлой цели. Путь извилин короток, но его конец — яма и смерть.

Еще раз; отойдите от нас, насильники, мы не садимся вам на горло, слезьте с нас и вы.

Если мы не правы, исправьте нас, когда будет доказано наше заблуждение. Сейчас же вы только показываете вашу ложь тем, что лезете на нашу неокрепшую еще правду.

Наша дорога тяжела, но она кончится чудом, хоть и не скоро: *путь самый длинный — путь прямой.*

<Июнь-июль 1920 г.>

ЖИВАЯ ЕХИДНА

Не будет нам покоя, не будет у нас возможности отдаться труду для осуществления думы человеческой о правде и справедливости на земле до тех пор, пока жив хоть один наш враг.

А враги наши еще живы и сильны, и их много, хотя нас бесконечно больше.

Сейчас вся Европа полна выгнанными из России дармоедами. Они там бродят без дела и составляют планы, как вернуть себе прошлую русскую жизнь-масленицу, как утопить в крови продравший глаза русский народ. В этом им помогают и эсеры, которые по сущности своей только лицемерные слуги буржуев. Так, Савинков, бывший при Керенском военным министром, хочет набрать в Германии, на средства засевших там русских помещиков и фабрикантов, шайку на все согласных за золото молодчиков, вроде деникинцев и врангелевцев, и двинуть ее на Россию.

Причем столицей будущей, не нашей, белой России они называют Смоленск.

Но план этот так нелеп и несбыточен, что сами же тамошние белогвардейцы ему не сочувствуют.

Чем мы будем чаще и жесточе дробить и крошить контрреволюционные силы, тем больше за кровавыми рубежами Красной России будет рождаться у ее смертельных врагов «планов» и мыслей, тем судорожнее, жаднее будут они цепляться за уходящую из них жизнь. Но ведь перед смертью не надышишься, пусть не надрывают же зря грудь.

Трудно убить змею: каждый отрубленный кусочек ее продолжает жить и шевелиться. Лучше всего ее истоптать и сжечь.

И мы всякого истолчем в песок, кто поднимет на нас кнут для усмирения.

Мы пока только дробим и рвем тело белой ехидны, и части ее множатся, и каждая из них жива.

Но скоро мы начнем топтать ее и жечь.

<Июль 1920 г.>

ТРИДЦАТЬ КРАСНЫХ

Наш железный, пламенный гимн надежды, восстания и победы в первый раз вырвался из польских окопов несколько дней тому назад.

То тридцать польских солдат шли к нам и пели «Интернационал». Но не дошли: польская артиллерия их заметила и медью изорвала в клочья их тела.

Эти темные холопы польских вельмож, быть может неграмотные, увидели в нашей Красной армии семью своих братьев — и пошли к ним, ни о чем не думая, повинувшись вспыхнувшему горячему чувству.

Польские офицеры верно оценили их поступок, когда командовали стрелять по изменникам. Они увидели в этом разложение своей армии, а мы — единение пролетариев, независимо от национальности и приказов буржуазии.

Глубокое, «подземное» чувство привело пролетариат к революции. Это чувство не смогла заглушить буржуазия ни коверканием душ наших, ни уничтожением самих нас.

Это чувство — сознание нами своей правды и неизбежности торжества нашей правды в человеческом мире.

Это же чувство вытолкнуло тридцать польских пролетариев из окопов и заставило их поднять под рвущимся все сметающим железом красный флаг ликующей революции. Поднять красный флаг рабочего братства на грани двух миров, в открытой пасти расшвирупевшего кончающегося зверя.

Они шли на гибель и знали это, ибо их смерть дала лучшую кровь живому сердцу революции.

Привет же погибающим и погибшим, привет смерти, рождающей новую высшую жизнь.

<Июль 1920 г.>

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ

Наши дедушки и прадедушки проклинали труд. Они верили, что Бог наказал их им за грех любви Адама и Евы.

В них устало сочилась кровь по узким дряблым жилам. Их животы пухли, и сами они были великанами из глины. Они не знали восторга работы и хорошо понимали праздники — дни законной торжествующей лени.

Земля плохо движется. Только великое пламенное солнце заставляет ее мчаться в струях и водопадах миллиардов звезд. Из ее мертвых глыб произошла жизнь и человек. И этот человек стал достойнейшим сыном своей матери — окаменел и замер. И долго был за это рабом всего.

Пока не оборвалось что-то в душе его, пока он не увидел во все глаза перед собою гибель и смерть — вечных спутников человеческого испуга и бессилия. Пока не родился среди людей Христос, сильнейший из детей земли, силою своей уверенности и радости подмявший смерть под себя, и тем остановил бешеный поток времени, хоронящего человека навеки под пеленой своею.

Человек рванулся и заработал. В первый раз он почувствовал себя всемогущим и единственным повелителем сил вселенной; в первый раз прошли через него страшные, разрушающие, вольные стихии мира, и он познал их мощь, он познал радость их покорения и увидел, что они не только не страшны, но ничтожны, если изучить их.

Человек и труд овладели друг другом. И с этого момента мир стал обреченным на уничтожение, а человек начал впитывать в себя все явления, каждое дрожание и изменение мира, и превращать во что желает — на усиление, на обессмертвование своей жизни. Человек обрек себя на царство бесконечности и бессмертия, на царство свободы и победы.

Первый камень, которым первый человек раздолбил дерево для своих нужд, — был концом природы и началом человека.

Первая вспышка гнева и мести за нечаянную смерть ребенка или жены — начало бессмертия.

Уловленная бессознательно зависимость между повалившимся дубом в болоте и повышением водяной черты болота — послужила решающим толчком для рождения мысли и науки.

Но как назвать все это: гнев, мысль, надежда, изменение природных форм и приспособление их к себе?

Это — труд, с которым обручился человек, когда победил в себе темного испуганного зверя.

Труд — единственный друг человека, ибо он — душа его, то, что всегда наполняет его деятельное существо.

Труд стал смыслом жизни вселенной, когда стал смыслом человека.

Есть машина. Что она такое? Это чудо, первое и последнее, чудо работы человека.

Машина трудом создана и труд производит. Она не только брат наш — она равна человеку, она его живой удивительный и точный образ. Часто машина даже выше человека, так как она не знает утомленности, перебоев работы (а скоро забудет и износ), этих чисто природных признаков, доказательств ее немощи и падения пред человеком.

Человек и труд — одно. Теперь он сознал это и заковывает себя в железо неустанности и силы — одежду труда, который один только свободен и непобедим.

Труд есть молитва человека самому себе, своим утренним надеждам.

Труд есть основа всего — ось мира, его самое высокое, самое пламенное солнце.

Труд — истинная мать жизни.

Да святится же имя Его!

<Июль 1920 г.>

РАБОЧЕЕ БРАТСТВО

Через несколько дней в Петрограде состоится всемирный съезд боевых рабочих организаций. Со всего белого света соберутся в красном гнезде революции представители пролетарских партий, признающих необходимость и неизбежность насилия и гражданской войны с буржуазией, необходимость теперь же, немедленного объявления рабочей диктатуры по всему земному шару и уничтожения власти капитала.

Во имя справедливости, свободной счастливой жизни, ясного сознания и блага огромных загнанных, изнасилованных человеческих масс, Второй всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала подымет наше красное знамя восстания, знамя избияния насильников.

Всему миру лжи, крови и золота рабочий класс впервые погрозит не пальцем, не криком, а железным кулаком. Он скажет, что он вырос, окреп и захотел жить, и двинется лавой по опоганенной злобой и жадностью капитала земле с могучей уверенной песней победы и жизни, широкими шагами великана с большой грудью, которой надо много солнца, воздуха и неба.

Стае европейских и американских капиталистов будет противопоставлено красное братство рабочих — Интернационал. Против кулака поднят кулак же. Против свинца пущена сталь.

III Интернационал — это бронирующий и вооружающийся пролетариат, это единение и торжество всех мужественных, верных, честных сил, это позор и гибель малодушным, отступающим.

Второй всемирный съезд III Интернационала — это залп по укреплениям буржуазии всей земли, это ураган ненависти, который скоро должен быть превращен в ураган железа и меди, в наступление соединенных интернациональных пролетарских красных армий.

Со всех концов мира, охваченного судорогами войн, голода и смерти, тянутся к Петрограду, живому источнику спасения и революции, твердые люди рабочего дела. Петроград сейчас корень, сердце и мозг нового, трудового человечества. Он угроза и ужас для одной половины мира и надежда, радость — для другой. Он высокая башня из гранита, откуда в первый раз глянул на свет освободившийся человек.

Теперь там наш дом, наша вольная мастерская, в которой куется наша свобода и победа. Сейчас туда приехали наши братья по борьбе и труду для слияния в одно всех угнетенных и бесправных, для подготовки к последнему бою с буржуазией, для организации темных, почерневших от работы масс людей, еще не сознавших свою великую правду.

В Петрограде будет сделана и пущена в ход та страшная машина, которая называется мировой гражданской войной.

Слава и привет Петрограду — живому сердцу революции.

Слава III Интернационалу — первой волне рабочего океана, в которой захлебнется буржуазия.

<Июль 1920 г.>

СИЛА СИЛ

Самое тяжелое в истории человечества позади.

Ф. Нансен

Со странной, непонятной многим любовью стали относиться в последнее время к русской пролетарской революции люди науки. Из врагов они становятся нашими лучшими друзьями. Они начинают нутром, совестью понимать, что наше дело — дело науки, их дело.

Революция рождена знанием. Наука — голова революции, сердце же ее — прирожденное человеку чувство истины. Революцию делают люди неученые страстью и огнем своей крови. Дело революционной науки — объяснить эту страсть и оправдать ее.

Это первым начал делать наш первый пролетарский ученый, недавно умерший профессор Тимирязев. По пробитому им пути к нам стали переходить из замкнутых дворцов знания целые группы ученых буржуазии и людей искусства — профессора Гредескул и Каменщиков, академик Белопольский и астроном Тихонов из Пулковской обсерватории, поэты Бальмонт, Городецкий, Иванов, музыкант Кусевицкий, француз Р. Роллан и др.

Каждый, кто честен, не может не прийти к нам.

Заграничные ученые с интересом и глубоким вниманием присматриваются к России и начинают понимать нас и сочувствовать нам.

На днях заседание Московского Совета посетил знаменитый путешественник — исследователь полярных стран норвежец Фритьоф Нансен. Московские пролетарии встретили его с восторгом. В его лице они приветствовали мировую науку, которая кладет пути к правде, которая бесстрашна и одна светит человечеству и не дает ему заблудиться, не дает падать бодрости и жизни, запутаться в узлицах лжи и призраков.

Буржуазия и капитал загнали мир в безысходный тупик, неиспорченная, энергичная, трудовая часть человечества — пролетариат вовремя заметил могилу и выхватил лучшее солнце земли — знание из рук буржуазии, готовых его погасить.

Пролетариат поднял науку над своею головой, дал новую, невиданную мощь ее свету — и выбрался из пропасти на про-

сторную дорогу радости и надежды на великие века, которые ожидают его в будущем и которые он завоюет своим чудесным оружием — наукой, т. е. организованным сознанием своей жизни во вселенной.

Нансен понял это и в своей речи приветствовал восставших рабочих России. Он нам предрек счастливую будущность. Он сказал, что мы перевалили через самый высокий, самый острый хребет истории человечества, что нас ожидают зеленые долины мира и жизни, что мы уже победили и входим в обетованную землю, завоеванную кровавыми тысячелетиями и миллиардами человеческих трупов.

Труд, терпение и надежда — подготовили торжество для человека, вывели его из бездн темной природы, из жадных обхватов смерти, ничтожества и гибели.

Труд — творец науки и преобразователь жизни. А в пролетарской России нет другой мысли, другой души, как мечта о великом подвиге — труде, всепобеждающем и освобождающем.

Это понимают все лучшие сыны земли и поэтому идут к нам на помощь и борьбу.

Они не могут не знать, что жизнь не держится в одном человеке, а сливается со всем, гремит потоками к неведомой цели. И только тогда она имеет цену и наполнена до краев.

Тот живет, чья жизнь отдана на жертву всем людям, бьется одинаково в каждом сердце.

<Июль 1920 г.>

ДОСТОЕВСКИЙ

Не одна душа у человека

Древнейшая идея человечества вылита Достоевским в чистые художественные формы с родной его душе целомудренностью и тревожной, смертельной страстью — идея пола.

Первою функцией жизни человека была не мысль, не сознание, а половая страсть — стремление к продлению жизни, первая стычка со смертью, желание бессмертия и вечности.

Мы живем в то время, когда пол пожирается мыслью. Страсть, темная и прекрасная, изгоняется из жизни сознанием. Философия пролетариата открыла это и помогает борьбе сознания с древним еще живым зверем. В этом заключается сущность революции духа, загорающейся в человечестве.

Буржуазия произвела пролетариат. Пол родил сознание. Пол — душа буржуазии. Сознание — душа пролетариата.

Буржуазия и пол сделали свое дело жизни — их надо уничтожить. Пусть прошлое не висит кандалами на быстрых ногах вперед уходящего...

Наша общая задача — подавить в своей крови древние горячие голоса страсти, освободить себя и родить в себе новую душу — пламенную победившую мысль. Пусть не женщина — пол с своей красотой-обманом, а мысль будет невестою человеку. Ее целомудрие не разрушит наша любовь.

Достоевский бился на грани мира пола и мира сознания. И то одно, то другое брало верх в его истомленной душе мученика.

Мышкин — Рогожин, вот две стихии, два центра, два мечущиеся дьявола сердца Достоевского. А Настасья Филипповна это слияние двух миров — Мышкина и Рогожина — в одно, самый опасный, смертельный, неустойчивый момент, висение над бездной на травинке.

Настасья Филипповна — сам Достоевский, ни живущий, ни мертвый, путающий смерть с жизнью, союзник то бога, то дьявола, пугающийся и раненый насмерть сомнением, падающий, ищущий Достоевский.

Настасья Филипповна не жила, а искала жизнь и находила ее то в дьяволе — Рогожине, то в боге — Мышкине. Потому, что душа ее — дитя третьего, неведомого царства, где никто не цар-

стует, где ничего нет, где свобода, пустота и вихри мертвых пустынь. Туда ведет провал в гранитной стене жизни. Это тот мир, откуда истекают все другие миры — и Мышкин, и Рогожин. Этот путь давно пройден вселенной, и только Достоевский со своею душой — Настасьей Филипповной — отстал и бродит там один, зовет и молится.

Достоевский поэтому ничтожнейший из существ, ибо бесценен родиться, выйти из состояния хаоса для жизни или смерти — быть Мышкиным или Рогожиным. Он ни то ни се — самый страшный и истинный сатана, противник себя, неуверенный дух.

«Идиот» как пьеса выражает собою борьбу полов. Рогожин — сама земля, ее черные мощные недра, вырвавшаяся еще бессознательная жизнь, и в своем полете к вечности уничтожающая и себя, и самую возможность вечности (Настасью Филипповну).

Мышкин — родной наш брат. Он вышел уже из власти пола и вошел в царство сознания. Только одно осталось у него от прежнего — сожаление. Он еще не знает сущности жалости: она не в любви к хилому, а в борьбе, превращении хилого в сильного, постройке железных дворцов мощи на болотных зыбях бессилия. Жалость — тление души. Борьба и ненависть — ее огонь и взрыв.

Князь Мышкин — пролетарий: он рыцарь мысли, он знает много; в нем душа Христа — царя сознания и врага тайны. Он не отвечает ударом на удар: он знает, что бить злых — это бить детей. Прощение малым.

Рогожин в исполнении г. Волкова должен бы быть еще грубее. Актер забыл, что Рогожин — непроснувшееся, почти не живущее существо, что разница между ним, деревом, ветром — небольшая.

Мышкин не должен быть жалок: в недрах души его есть знание, что он — великий дух. И в его жизни это должно прорываться и быть видимо (видела же это Настасья Филипповна). Мышкин — царь у Достоевского, а этого никто не заметил в игре актера.

Т. Мрозовская — Настасья Филипповна позабыла, что она Мрозовская, и стала Настасьей Филипповной. Отрекшись от себя, она превратила «игру», театр в ожившую по воле артиста действительность.

Она явила собой образ души Достоевского, погибающего духа сомнения и неуверенности, ищущего спасения в страдании, искупления — в грехе и преступлении, идущего к жизни неизвестными людям путями.

<Июль 1920 г.>

ДУША МИРА

Женщина и мужчина — два лица одного существа — человека; ребенок же является их общею вечной надеждой.

Некому, кроме ребенка, передавать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою обрывающуюся великую жизнь. Некому — кроме ребенка. И потому дитя — владыка человечества, ибо в жизни всегда господствует грядущее, ожидаемое, еще не рожденная чистая мысль, трепет которой мы чувствуем в груди, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь.

Женщина осуществляет ребенка своею кровью и плотью, она питает человечество. Она сводит небо на землю, совершенствуя человека, поднимая его, очищая сменой поколений его горящую жаждущую душу.

Если дитя — владыка мира, то женщина — мать этого владыки, и смысл ее существования — в сыне, в своей радостной надежде, творимой сыном. То есть смысл ее жизни такой же, как и у всего человечества, — в будущем, в приближении родного и желаемого. И потому в женщине живет высшая форма человеческого сознания — сознание непригодности существующей вселенной, влюбленность в далекий образ совершенного существа — сына которого нет, но который будет, которого она уже носит в себе, зачатую совестью погибающего мира, виновного и кающегося.

Женщина перегоняет через свою кровь безобразия и ужаса земли. Своею пламенной любовью, которой она и сама никогда не понимала и не ценила, своим никогда не утихающим сердцем она в вечном труде творчества тайной идущей жизни, в вечном рождении, в вечной страсти материнства — и в этом ее высшее сознание, сознание всеобщности своей жизни, сознание необходимости делать то, что уже делает, сознание ценности себя и окружающего — любовь.

Но что такое женщина? Она есть живое, действенное воплощение сознания миром своего греха и преступности.

Она есть его покаяние и жертва, его страдание и искупление. Кровавый крест мира с смеющейся, прекрасной жертвой. Это женщина, это ее тайное, сокровенное существо. Она улыбается, истекая кровью, кричит от боли, когда рождает человека, а пос-

ле любит без конца то, что ее мучило. Ее ребенок — высокий взлет ее мощной, творческой, сияющей души, проломленный путь в бесконечность, живая, теплая надежда, которую женщина держит в своих материнских радостных руках.

Женщина — искупление безумия вселенной. Она — проснувшаяся совесть всего что есть. И эта мука совести с судорожной страстью гонит и гонит человечество вперед по пути к оправданию и искуплению. И в первом ряду человечества — его любовь и сердце — женщина, с стойкостью вождя пробивающаяся вперед через горы греха и преступлений, с испуганными, наивными глазами ребенка, которые страшнее всякого страха своей затаенной упорностью и неизменностью; перед этим взором улыбающейся матери отступает и бежит зверь.

Страсть тела, двигающая человека ближе к женщине, не то, что думают. Это не только наслаждение, но и молитва, тайный истинный труд жизни во имя надежды и возрождения, во имя пришествия света в страдающую, распятую жизнь, во имя побед человека. Открытая нежность, живущая в приближении к женщине,— это прорыв каменных стен мировой косности и враждебности. Это величайший момент, когда всех черных змей земли накрывает лед смерти. В тишине засветившейся нежности матери-женщины погибают миры со всеми солнцами. Восходит новый, тихий свет единения и любви слившихся потоков всех жизней, всех просветившихся существ.

Безмолвие любви — последнее познание двух душ, что одно. И женщина знает, что мир, и небо, и она — одно, что она родила все, оттого у нее нет личности, оттого она такая неуловимая и непонятная, потому что отдалась всему, приобрела сердцем каждое дыхание.

Познав себя, женщина познала вселенную. Познав вселенную, она стала душой ее, возлюбленной мира, гордой, гранитной надеждой. Она доведет страдающую жизнь до конца пути.

Женщина — тогда женщина, когда в ней живет вся совесть темного мира, его надежда стать совершенным, его смертная тоска.

Женщина тогда живет, когда желание муки и смерти в ней выше желания жизни. Ибо только ее смертью дышит, движется и зеленеет земля.

Не увидеть рай, а упасть мертвой у врат его — вот смысл женщины, а с нею и человечества.

Последний ребенок женщины — ее Великий Сын искупит мир и себя.

Мыслитель Отто Вейнингер, вышедший из недр буржуазии, в своей книге «Пол и характер» проклял женщину.

«Мужчина, представляющий собою олицетворение низости, стоит бесконечно выше наиболее возвышенной из женщин», — написал он и, развивая мысль, утверждал, что существование женщины одна случайность и насмешка, и доказал это распространенностью сводничества среди женщин. Мужчинам Вейнингер отдал все, что отнял у женщины, но забыл, что если женщины — сводницы, то тогда мужчины — снохачи.

Я мог бы опровергнуть его книгу от начала до конца, но сделаю это в другом месте. Нас эта книга интересует только как вопль погибающего, ибо, вынув душу из мира — женщину, Вейнингер зашатался и исчез в вихре безумия (он убил себя юношей). Прощение честному!

Революция отдала в руки женщины все силы жизни, главенство над ее ростом и расцветом. Нет ничего в мире выше женщины, кроме ее ребенка. Это она знает и сама.

Ибо, в конце концов, женщина лишь подготавливает искупление вселенной. Совершит же это искупление ее дитя, рожденное совестью мира и кровью материнского сердца.

Да приблизится царство сына (будущего человечества) страдающей матери и засветится светом сына погибающая в муке родов душа ее.

<Июль 1920 г.>

ЛУНАЧАРСКИЙ

Двадцатого июля исполнилось двадцатилетие литературной работы нашего народного комиссара просвещения товарища Луначарского.

Если Троцкий — революционер-артист, гордый, острый дух революции, страсть восстания и ненависти, воин чести и справедливости — вождь победы; если Ленин — русский ясновидящий мужик, сумевший просто и прямо дойти до сердца другого мужика, понять его человеческие нужды, тоску по правильной, хорошей жизни, понять его страшную нетронутую земную силу, и в этой силе нашедший опору для разрушения старого, несчастного мира, для усмирения людей-зверей, где умным словом, а где кулаком; то тогда Луначарский — поэт революции, певец орудийного огня баррикад, умеющий и в смерти, и в зверстве находить нежный, прекрасный образ любви и надежды, тень грядущего века мира и красоты, возлюбивший в зверском существе человека его истинную открывающуюся сущность — брата всех и всего, могучего бога, для которого, быть может, только и создана, только и существует вселенная, от звезды до былинки.

Луначарский вышел не из рабочего класса; он пришел к нам через сознание, через сердце и мысль — не тем прямым путем, по какому идем все мы, когда знаем, что не можем, нельзя идти иначе, негде больше идти, когда эта уверенность живет от ногтя до конца волоса. Мы — рабочие по природе; Луначарский — рабочий по сознанию, по чувству истины.

Революция — живой, стройный организм. Ибо во все, что человек ни делает, он влагает свой образ, свою душу, свое неумиряющее желание жить. В революции есть свой мозг и свое сердце.

Она тот же человек, но в огромных, бесконечных размерах. Она тот же человек, с его чистым огненным ликом, но человек без зла и без нечистот, в реках которых он тонет каждый день с горем и отчаянием.

Революция самый большой и самый настоящий человек на земле. А Луначарский самая нежная извилина, самый крутой изгиб его мозга. Тот тонкий напряженный нерв, в котором начинает вздрагивать мысль и в который она возвращается, нагруженная чувствами и представлениями, и в последний раз вспыхивает

и сгорает ясным пламенем чистого сознания, светом прозревшей души.

Луначарский — самый ответственный человек в рабочей России. Он руководит работой перевоспитания, переделывания буржуазной звериной, темной толпы в человеческое счастливое самосознающее общество.

Трудовые школы — это могилы ветхого человека, это мать нового, радостного, могущественного существа.

Воспитание, которое теперь получает каждое дитя, это та отделка, то достижение желательной формы души, какая получается трудом учителя над туманным, колеблющимся сознанием ребенка.

Воспитание — это придание определенной твердой формы неустойчивому, еще темному, бесцельному сознанию маленького родившегося человека, — железной, скованной, прекрасной формы, которая нужна человечеству в данный момент его жизни, т. е. момент революции, терпения и труда.

Будет время, и оно близко, когда один человек скажет другому: я не знаю ни тебя, ни себя — я знаю всех. Я живу, когда живут все, а один — умираю. Если ударят тебя, то больно и мне. Я потерял себя, но приобрел всех, весь мир. Я — все, и все — одно — тоже я.

Социалистическое воспитание и имеет такую цель и такой смысл. — Слить все враждебные, беспорядочные силы человечества в один поток, одну струю, дать им один путь и одну общую цель, увеличить их мощь — из ручейков и рек, текущих туда и сюда, будет один океан.

Луначарский обладает в высшей мере сознанием самого духа революции, особенностей пролетариата как сознательной силы и последнего смысла существования труда во вселенной. Его настороженный, внимательный, вдумчивый глаз видит зорче и дальше. Он уже знает, чем будет дышать завтрашний день, какая новая сила родится революцией, как изменится земля под уверенными взмахами объединившихся людей.

Луначарский прошел все пути и перепутья, все узлы, все глубины буржуазной мысли. Он видел гибель мудрости господ, он увидит и торжество засмеявшихся рабов.

Есть в Луначарском одно, что не смогла в нем сжечь никакая хитрость буржуазии, никакой обманный прекрасный цвет их заблудившегося разумения, что спасло его и сделало нашим первым другом. Тысячи хороших, честных, талантливых людей погибли в призраках буржуазной мысли — Луначарский только

закалился в них, приобрел опытность и не утратил чутья правды до конца, до пришествия бодрых пролетариев, твердых, радостных сынов земли, не бегущих от нее, а возлюбивших ее.

С пролетариатом рванулось вперед все лучшее этого мира, всякая свежая, молодая сила — и Луначарский стал вождем этих юных, великих, уверенных сил, организатором их сознания и создателем первой духовной ценности пролетариата — культуры и оправдания труда признанием главенства труда во всей исторической жизни человечества, признанием его отцом жизни, единственной дорогой, ведущей человека на небо и за небо.

Кончится наша политическая и экономическая борьба с буржуазией, начнется борьба за господство нашего духа, нашей культуры, ясного солнца нашего существа — сознания над страстью, над черной верой, над страхом и выдуманными тайнами буржуазии.

Та победа будет концом наших страданий, крест борьбы будет вынесен на самую высокую гору земли.

Пусть и тогда живет с нами светлый дух пролетария — Луначарский.

<Июль 1920 г.>

ПОМОГАЙ, КРЕСТЬЯНИН!

Сейчас пора острейшей, мучительнейшей борьбы. С одной стороны, мы — революция, с другой — весь мир, который для нас сплошной кровавый фронт.

Голод, война, недобитая буржуазия внутри, ложь, слухи, шкурничество — это режет, давит нас, губит наши силы, всаживает нож в спину наступающим красным армиям.

Смерть среди нас, смерть кругом нас, мы в пламени уничтожения, но мы пересиливаем все, мы преодолеваем и самую смерть, мы держим на себе падающий, обессиленный человеческий мир.

Крестьянин, Россия кипит, она дышит из последних сил, на нас рушатся все удары еще живых насильников — дворян, князей, царей, капиталистов. Они грозят. Их угрозы зажигают наши души новым огнем ненависти, в крови вспыхивают молодые силы. На их угрозы мы отвечаем наступлениями красных армий, свинцом миллионов винтовок, нечеловеческим трудом в мастерских и на сожженных тощих пашнях и новыми насилиями над притаившейся, многоликой, перелицованной буржуазией, новыми, сильнейшими ударами по ее хребту, железом в ее стынущую кусающую пасть.

Мы говорили с самого начала нашего бунта, что только смертью буржуазии, полной и окончательной ее гибелью родится наша жизнь, наша радость, наша любовь. Только смерть ее — наша мать. И если мы еще не живем, еще боремся и мучаемся, значит, она жива, она дышит. Штык не дошел до ее сердца. Мы не отдали всех своих сил борьбе. Многие из нас малодушно испуганы, попрытались. Такие — тоже наши враги. Смерть и им!

Крестьянин! Ты знаешь все, ты видишь ошибки, губительные, страшные ошибки нашей власти (но которая все же *наша*, не чужая, не дареная, а взятая нами самими), видишь в городах сытых барынь и господ, торговцев, красивых, богато одетых людей; видишь у себя по селам непристукнутых кулаков, мельников, дармоедов, чужехлебников, маленьких панов. Видишь — и молчишь. Видим это и мы, рабочие города. Но когда на тебя лезет медведь, забываешь про собак, кусающих ноги.

На нас лезет с топором и веревкой Польша и Врангель, и нам некогда пока попередушить своих посмелевших от нашего молчания волков. Их очередь придет после Польши и Врангеля. Расправа будет коротка, потому что память у нас длинна.

Крестьянин! Ты знаешь, что и в нашу коммунистическую партию, которая одна носит и сохраняет в себе весь чистый огонь революции, залезла хитрая прожорливая буржуазная гадина, спасая свою шкуру. Она протянула туда свою руку за большим куском. Отрубим эту руку. Коммунисты — это жертва революции, наша лучшая рабочая кровь, а не обнаглевшая, упоенная властью шайка лодырей.

Крестьянин! Помоги нам свалить соединившихся для нашей гибели чужеземных господ, тогда мы с развязанными руками примемся за остатки своих.

Мы все видим и знаем, знает все и центральная, московская власть. Ведь у буржуазии не одна голова, а тысячи, но зато и у нас не пара рук, а миллионы — есть чем ухватиться за тысячи голов.

<Июль 1920 г.>

В начале я вступаю в партию в 1921 году, в вопросе Летом 1921 года я прошел Тубсов партию. С 1920 по 1921 (по конец его, когда партия уже прошла) я был в РКПб, в 1921 самоволом по малолетности и непроизвольной причине. С начала 1922, я начинаю работать в Туб. Зем. Упр. Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцанием себя делами - индустриальной Вильяма 1921 г. Туб. Экон. Сов. и Тубиспиком ввели меня для постоянной работы в Т. С. Сначала я работал председателем Комиссии по гидрофикации, затем управляющим Гос. Мел. Бюро и потом зав. п/отд с х. мемораций (по сейчас) и зав. раб. по электрификации с. х. (построено 3 электростанции). С весны до осени 1923 г. я еще работал в Тубиспиком: председателем Комиссии по Постройке гидроэлектрики Франции на р. Дон. Весной 1924 г. я подаю заявление о вступлении в РКПб и принимаю ед. Т. З. О в кандидатской. Еще с 1921 г. я посвящаю себя меморациям о сельском хозяйстве, а с 1918 г. я не отходил от советской и партийной работы.

А. Плугин

29/12 1921/2

ЕДИНАЯ СИЛА

Английский министр Керзон предложил нам посредничество Англии в ведении мирных переговоров с Польшей. Наше правительство ответило, что Англия не может быть беспристрастной посредницей, так как она сама воюет с нами, что мы можем смириться с Польшей непосредственно, а не через третьи руки, не по благословию самого кровожадного, самого подлого правительства Англии.

Керзон, кроме того, предложил помириться с Врангелем и оставить за ним Крым. Это значит, что в Англии не знают духа революционной России, ее стремления к свободной, независимой жизни, когда никто не угрожает ни спереди, ни сзади, никто не прячет за спиной ножа.

Английское же правительство думало, что мы могли бы согласиться на такой мир, когда у нас под боком царствует Врангель.

Ответ нашего комиссара по иностранным делам т. Чичерина скажет не одной Англии, а всему миру, что Россия теперь не та, которая была год-два назад, когда она шла на все уступки, на всякие тяжелые и унижительные условия, лишь бы завоевать себе мир и право на жизнь.

Собравшиеся в России представители рабочих всех стран на всемирный съезд Интернационала заявляют нам о том, что заграничные пролетарии готовы нас поддержать, что революция и у них гремит, призрак разрушения, призрак мести капиталу ходит и там.

Англия забыла, что в мире явилась новая могущественная сила — Интернационал.

Это пострашнее коммунистической России, которая в одном месте, которую можно оцепить солдатами. Интернационал же всюду, он — пожар под ногами, война с ним — гражданская война, война на улицах, самая страшная для буржуазии война.

Англия, чувствуя себя господином земли, снисходительно заговорила с Россией. Но она уже не господин земли, она дряхлый старик, у которого повыгнили все зубы и дрожат руки.

Это не только Россия сказала Англии: «Не надо твоего мира, ты не сможешь его дать никому». Это сказал новый действительный господин земли — Интернационал, когда осознал, что он живет и что он единственная сила, способная спасти и оживить мир.

<Июль 1920 г.>

БЕЛЫЕ ДУХОМ

Роскошная, откормленная буржуазная публика дохлебывала в зале консерватории остатки своего духовного убожества — поэта-аристократа Игоря Северянина.

Во время великого рабочего восстания, во время кровавой революции, в единственный, неповторимый в истории момент истребления богов на земле, в социалистической стране, ничтожная праздная толпа, для которой будущее — в прошлом, собралась нюхать отрыжку мертвеца.

В том же городе, где истомленные голодные рабочие, еле стоя у станков, последними силами двигают вперед революцию, в труде, терпении и невидном героизме творят свой братский чудесный мир, дают насильнической, развратной, поганой земле свой чистый человеческий образ, в том же городе, где каждое утро гудят гудки нашего единства, нашей надежды на победу, где потеют маслом наши товарищи — машины, — в том же городе вечером один господин визжит со сцены другим про ананасы в шампанском, про кружева и оборки и т. п.

Дух буржуазии еще витает над нами и есть еще в нас. Он холоден и непонятен, у него каменная улыбка трупa, и его шевелят полумертвые люди, а мы видим и молчим, не сметем эту подрагивающую гниль, не окрутим ее рельсами диктатуры своего духа.

Надо знать, что, если мы уьем тело буржуазии, а ее культуре, ее духу позволим свободно расплываться по земле, — победы нашей нет, победы нашей не будет.

В стране, где власть — мы, должна быть объявлена диктатура пролетарской культуры, диктатура сознания рабочих масс. Иначе мы не победим, иначе мы погибнем в потоках, которыми нас заливают прошлое.

Победу даст нам только наша же культура, организованное усилие нашего сознания. Чтобы она свободно развивалась, надо убить дух буржуазии. Пусть в первом порыве нашего духа проявится наша ненависть к прошлому, наша воля к уничтожению.

<Июль 1920 г.>

ВОССТАНИЕ ВОСТОКА

Коммунистическая революция — это не только восстание одних европейских рабочих против капитала. Коммунистическая революция охватывает все угнетенные массы человечества.

Победа европейских рабочих — это также и победа китайцев-грузчиков, английских рабов — индусов, африканских негров с французских плантаций и всех, кто сможет и захочет подняться на борьбу, кто знает, что жизнь человека начинается со смертью господина.

Европа до последнего времени шла во главе человечества. По ее культуре, по ее достижениям в области права, гражданской свободы и государственного устройства выравнивался весь мир, все народы. Но с революцией такое положение уничтожается.

Европа съедена капитализмом, она заражена им до конца и не способна одолеть его, т. к. прониклась его духом, его правдой, его убеждением в необходимости насилия, его верой в царство богатства, в благо одного человека и страдания миллионов.

Русский пролетариат начинает терять веру в близкую помощь европейских рабочих. Если эта помощь и придет, то она не будет могущественной.

Нам поможет не Запад, а Восток. Восток окончит революцию, начатую Россией.

Запад — это меньшевик. Он бьет господ с трясущимися руками, он одряхлел и изнасилован веками богатства и власти. Он не уверен, что совершенное уничтожение капиталистического хозяйства оживит человечество, даст ему новые силы для развития жизни.

Победив раз аристократию и помещиков-феодалов, дав господство в руки промышленного капитала и доведя его до высшей степени расцвета, Европа иссякла и замерла перед новым строителем жизни — коммунистической революцией.

Восток бодр, молод и силен. Восток — большевик. На него только налегала лапа капиталистической Европы, но он сразу учуял свою смерть под ее когтями и рванулся, не познав и не захотев знать европейской «культуры».

Нервы мира теперь сплетаются на его сердце, там будет биться его мысль, а не в Европе.

В бывшем черепе мира — Европе завелись черви, мозг человечества гниет.

Революция даст земле новую голову — Восток. Там вспыхнет социалистическая пролетарская культура.

Там победят рабы Востока и Запада в последний и окончательный раз.

Европа же свалится с земли сама: она труп, она душа человечества, сожранная капиталом.

<Июль 1920 г.>

ДВА УДАРА НА УДАР

На наши условия перемирия Англия еще не ответила. Если она и совсем не ответит, то ее молчание будет самым ясным ответом для нас.

Молчание Англии — это значит вооружение и скапливание новых контрреволюционных армий против России, это значит, что зверь опять крадется, тихо, с затаенным дыханием и с распущенными когтями.

Франция, как только узнала, что гордое барское предложение Англии Россией отвергнуто, вспыхнула откровенной злобой и ответила мобилизацией двух корпусов на помощь погибающему панству Польши. Франция — царство обнажившейся буржуазии, Франция — страна голого ликующего капитала, танцующего перед всем миром на своих гробах в последней упоительной пляске безнадежности.

Последний, сильнейший, острейший удар европейской пролетарской революции будет по французской оголенной празднующей слепой буржуазии.

Эти ее два корпуса до польского фронта не дойдут. Штыки всех враждебных нам белых империалистических армий поворачиваются остриями на Лондон и Париж. Темные солдаты Англии и Франции начинают сознавать, что они делают, кому отдают свою жизнь, становятся нашими товарищами по борьбе и видят, где живет общий враг, хищник жизней и труда.

По передовой линии польского фронта уже есть советы солдатских депутатов, а раз из польских окопов наши красноармейцы слушали «Интернационал», песнь проснувшегося рабочего сознания, песнь боя и нашего вырванного счастья.

Как должна ответить Красная Россия на подготовку удара капиталистической Европы? Только одним: взрывом народной ненависти, мобилизацией всех революционных коммунистических сил, двумя ударами на удар, завоеванием опорных пунктов в белой польской армии — Брест-Литовска и Варшавы и уничтожением польской схоронившейся шляхты по всей стране, которую немедленно объявить страной рабочей власти, страной Советов, Коммунистической Польшей.

Если мы заметим тогда еще хоть одно враждебное движение со стороны Франции или Англии, мы одним объединенным фронтом Красной России и красной Польши пойдем через Германию на Францию, чтобы встретиться с ней лицом к лицу и повалить ее, сделать с ней то, что мы делаем с Польшей.

Германия стоит уже на одной ноге и не знает, куда ей опереться другой — на Россию, которая даст ей страшную свободу труда, или на Антанту, которая льет ее кровь. Когда она увидит Россию и ее Красную армию, она сольется с нами в одно; ее рабочий класс стоит перед коммунистической революцией.

Разум буржуазии кончится безумием: удар по России взорвет пролетарские плотины мира, и прорвавшийся рабочий океан потопит, опустит на дно стыд земли — капитал. И самая память о нем исчезнет, выжжется грядущей радостью из сердца и сознания человечества.

<Июль 1920 г.>

ВОСПИТАНИЕ КОММУНИСТОВ

Губернским партийным комитетом организуется в Воронеже и по губернии труд по перевоспитанию членов партии и кандидатов.

Коммунизм вышел из капитализма и поэтому сохранил многие его черты и особенности. Пролетариат рожден буржуазией и тоже еще не сбросил, еще носит буржуазные многие замашки, буржуазную привычку мыслить и жить.

С этим надо кончить. Прошлое надо отрубить от грядущего, раз навсегда забыть вчерашний день, сделать человеческий мир действительно коммунистическим.

Для того чтобы мир стал новым, пусть станет новым человек, пусть почувствует каждый, что он теперь не тот, не прежний, не ветхий, а воскресший, счастливый и единственный.

Пролетарии вышли в жизнь со всем тяжелым грузом горя и надежд прошлых веков. Это горе они должны сбросить, эти надежды осуществить. Грязь еще густо облипает нас, мы еще не все пролетарии и коммунисты, даже те, кто вышел из самой трудовой гущи рабочего класса. В каждом еще живы стремления к благополучию себя и своей семьи, к приобретению собственности и хищничеству.

Шкурничество — вот весь характер буржуазии. Пусть цветет, пусть торжествует только одна моя жизнь, только я; весь мир открыт только мне, все наслаждения — мои; здоровье и счастье моей шкуры — выше всего. Так веровала буржуазия.

И глубоким, острым следом врезалось это в характер пролетариата.

Спасение пролетариата в том, что он сознает эти свои недостатки, борется с ними и поборет их.

Борьба пролетария за очищение и совершенствование своего существа и есть коммунистическое воспитание. Борьба за свой характер, за свое новое отношение к мировой жизни, за свое сознание — есть движение пролетарской культуры.

Сначала подвергнется такому полному и окончательному перевоспитанию Коммунистическая партия. Среди членов ее, рядом с коммунистами по природе и по ясной, чистой идее, есть люди отсталые, древние разумом, вчерашние и как будто чужие.

Стать вполне коммунистами им мешает прошлая жизнь в буржуазном обществе. Тогдашнее воспитание, весь уклад и сноровка буржуазной жизни изрезали и исковеркали их слабые души. Новый хозяин земли — пролетариат еще не выровнял их сознания, не дал им своего духа, сколько нужно; и часто такие люди бывают нам страшными бессознательными врагами. В дом труда и совести они входят с угрозой и насилием, темные, несчастные и чужие всему. Доля сознательных пролетариев сделать их через перевоспитание братьями.

Отчего у нас еще не наладилась дисциплина труда, нет огласного общего такта работы, нет трудовой совести?

Потому что нет чистого, общего всем рабочего, пролетарского сознания, нет ясного представления о человеческой борьбе и чутья правды.

Все это даст коммунистическое воспитание сначала партии, а потом, через партию, и всех рабочих масс, где буржуазные пережитки еще очень крепки, где обывательство и шкурничество цепко держат рабочие мозги.

Теперь надо понять всем коммунистам, что если мы не разовьем в рабочем коммунистического духа пролетарского сознания, трудовой совести, нам не наладить производства, не исправить хозяйства, не победить разрухи, ибо несознательный рабочий и темный крестьянин будут жить по старинному бабушкиному закону — поменьше дать, побольше взять.

Сначала дайте пролетарским массам пролетарское же сознание жизни, пролетарское сознание долга, и тогда придет все остальное — и хороший транспорт, и ладное хозяйство, и скорая военная победа.

Прорвите фронт тьмы в трудовом, пролетарском классе — и в ответ этот класс обновит своим светом человечество, толкнет мир по другому, прямому пути.

Сначала сознание, потом победа.

Сначала воспитание, потом жизнь.

<Июль 1920 г.>

КРАСНЫЙ ТРУД

Недалеко от Москвы, в Рязанской губернии, в Шатурском районе закончена в своей тяжелой части постройка электрической станции.

Эта станция сооружена на мощных торфяных пластах, в гиллом, диком, безлюдном месте, на пустынных болотах.

Весь добываемый в округе торф будет доставляться на электрическую станцию, и им будут отапливаться ее машины; полученная в этих машинах энергия будет превращаться в электричество — и по проводам через сто верст будет переливаться в Москву для ее фабрик, заводов, трамваев и других потребностей красного центра России.

Электрическая станция отстроена еще не совсем. Сейчас она всю добываемую в своих машинах силу потребляет на свои же работы по постройке.

Но это и есть самое главное: на проклятом сонном болоте, где только туман да смертная тишь, человеку дорого было стать твердо одной ногой. Дорог первый удар по косной, каменной, упорной враждебной силе, застывшей в тех безлюдных, холодных, немых просторах.

Дорога уверенность, вера, добротность и стойкость человеческая, не испугавшаяся никакой борьбы, чтобы вырвать у земли благо своей жизни.

Когда начали строить этот новый великий водопад полезной силы — Шатурскую электрическую станцию, то многие не верили, что можно вообще приступить к работам теперь, когда не достать и гвоздя и никакими силами нельзя затянуть в голодную Рязанскую губернию рабочие массы.

Несколько добрых людей, подвижные, быть может, одним чутьем и острой необходимостью иметь для московской промышленности свободную энергию, чтобы не зависеть больше от дорог, от подвоза топлива, от чахлах железных дорог, и по многим другим причинам, принялись за почти невозможный, почти чудесный труд — на бессилье и бессильем создать силу. И этой силой оживить, усилить, укрепить рабочую страну.

Есть в русском народе тайное, скрытое, стыдливое чувство, чувство глубокой любви и веры в необходимость, и ни за что

русский народ никогда не продаст, никогда не разуверится в своей власти. Он ведь знает, что ее ошибки — его ошибки, и, если ругает Советы, то знает, что ругает себя. «Кого люблю, того и бью».

Это чувство первым уловил Ленин и на нем так уверенно и прочно начал строить политику обороны рабочих и крестьян от оскалившегося капитала Европы. Это же чувство бессознательно уловили строители Шатурской электрической станции, когда поверили, что рабочие придут на их зов для труда. Это чувство оправдал народ на постройке Шатурской станции. Но вот стена: от рабочих требовался не просто труд, а труд героический, труд-жертва, может быть — труд-смерть.

Строить без инструментов, без материалов, без хлеба — это значит идти против штыков с кулаками, рубить палкой железо. И все же одной верующей голой сознательной душой победить, прорваться, содрав кожу, сквозь стену невозможности, создать вместо прежнего рабьего легкого труда, когда все под руками, труд новый, труд, могущий сотворить все,— красный труд, труд-бой.

Только герои новой жизни — коммунисты смогли организовать такой боевой труд. Но от руководителей, коммунистов-инженеров, ни в чем не отстала и рабочая масса, вместе с ними она голодала и гибла в лесных болотах и не меньшую проявляла смекалку, как из ничего сделать хоть что-нибудь.

Рабочие поняли общую мысль работы и в ногу, сознательно пошли к успеху.

Там не было вождей и отстающих, были одинаковые упорные, смелые люди. Там в первый раз было показано всем, каким теперь должен быть труд.

<Август 1920 г.>

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мы умираем последний раз.

Жизнь человека слишком коротка, чтобы могло в нее вместиться какое-нибудь великое деяние. Даже самым сильным из нас людям смерть сворачивает шею, когда великий труд только начат. Ибо жизнь так быстро уходит, что всякий человек успевает только начать, а кончить не может.

Земля могла бы быть не хуже любой звезды, давно бы забылись века борьбы и смерти, но в человеке слишком медленно разгорается воля к жизни и радости, слишком медленно растет ненависть к своему ничтожеству и хилости.

Человек не очень еще любит жизнь, потому не знает, что для совершения великого деяния нужно бессмертие, для неугасимого восторга жить и любить мало веков и тысячелетий — нужна вечность.

Не всякий знает жизнь, хотя и живет, а если бы знал, то не поверил в смерть. Не поверить же в смерть — значит пройти половину пути до победы над нею.

Каждый человек любит что-нибудь в мире, и эта любовь приковывает его к жизни. Чем больше он любит, тем больше он живет, тем ближе он к сокрушению смерти, тем тверже бьется его сердце.

Один любит женщину и живет сильнее от этого, потому что двое как бы живут в нем одном. Другой ушел выше и бьется за соединение всех жизней земли в одно, за благо мира. Или освещает сознанием тайные враждебные силы, покоряет их и соединяет с собой — стремится понять все, ибо не понявшие друг друга не могут быть равными и влюбленными, идти по одной дороге дружбы и совместного действия.

Человечество всеми средствами, всеми силами стремится усилить жизнь, стать ближе к бессмертию.

Раньше оно искало силы жизни в религии, в могуществе бога, но теперь увидело, что ошиблось, и вышло на другую, более верную дорогу — дорогу науки, познания, понимания и покорения для своих целей всех скрещивающихся, взаимно уничтожающихся, бессмысленных сил.

Не через тихий, детский восторг созерцания бесконечности и предание себя в руки неизвестного, а через труд, через миллионы машин, через войны, через смерть, через ошибки — путь челове-

ка к бессмертию, путь к познанию всего, путь к слиянию с бесконечностью.

Мировая культура — трон победившего человека, мировая культура — лестница на небо, память человечества о всех путях и блужданиях.

Какова же цель нашего века революций?

Такая: убить в себе древнего, бессильного, ветхого, страдающего человека и родить здесь на земле новое существо невиданной силы, с душою острого огня восторга, возобладавшем смыслом вселенной, поднявшим всех рабов до себя и тем освободившим их. Бессмертие тогда станет окончанным трудом человека, и в свою вечность он успеет сотворить все великие дела. Последний, долго ликовавший враг будет задушен маленькими руками много возненавидевшего человека.

И тогда же начнет человек свою великую работу, творчество единого, всемогущего, светлого существа, о котором он лепетал с первых всплшек сознания и которому молился в своей радостной мечте.

Что же нам делать теперь, сейчас, в эти дни?

Увеличить борьбу со всем, что теснит нашу жизнь, увеличить в себе ненависть к своему бессилию и этой ненавистью родить силу. Надо помнить, как страшно велик наш путь, как уходят века и ничтожные препятствия удерживают человеческие потоки.

Надо скорее, немедленно заканчивать революцию, у нас очень много ждет работы, и нам некогда останавливаться. Нас ждут великие дела, величайшие победы, мы должны разбудить мир.

Труд пожрет нашу жизнь. И мы должны отречься от себя, если истинно хотим победы жизни и сознания на земле.

Если мы любим и эта любовь держит нас крепко в мире, то пусть наша любовь будет полной и мы сами отдадимся миру на растерзание во имя его целей. Его же цели (теперь это ясно) — создание бессмертного человечества с чудесной единой разумной душой; и через человечество — создание нового, неведомого, но еще более, чем человек, мощного, всепознавшего существа.

Всякая жизнь выходит из смерти. И мы должны умереть — чтобы родились и жили те, кто идут за нами, и тот, кто придет после всех.

Труд до смерти, труд всю жизнь, от ногтя до пламенеющего сознания, работа без конца и без памяти — вот наш смысл и наше оправдание, наша плата за жизнь, наш голос грядущему за то, что мы узнали какое оно и отдали себя за него.

<Август 1920 г.>

**ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «ТРУДОВОЙ АРМИИ»
ПО ПОВОДУ МОЕГО РАССКАЗА
«ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА»**

Вы пишете о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее.

Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей не достойных Ее видеть и не могущих Ее видеть, а потому я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать Ее белые одежды. Не место мне, грязному, там.

Ладно. Я двадцать лет проходил по земле и нигде не встретил того, о чем вы говорите — Красоты.

Должно быть, по тому самому, что она живет вне земли, и ее видели немногие — лучшие и, конечно, не я.

Я думаю не так: это оттого я никогда не встретил Красоты, что ее *отдельной*, самой по себе — нет.

Она — имущество всех, и мое. Красота — все дни и все вещи, а не одна надземная и недоступная, гордая. Это оттого я не встретил и никогда не подумал о Красоте, что я к ней привык, как к матери, о которой я хорошо вспомню, когда она умрет, а сейчас я все забываю о ней, потому что стоит она всегда в душе моей.

Я живу, не думаю, а вы, рассуждая, не живете — и ничего не видите, даже красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста.

Вы мало любите и мало видите.

Я человек. Я родился на прекрасной живой земле. О чем вы меня спрашиваете? О какой красоте? О ней спросить может дохлый: для живого нет безобразия.

Я знаю, что я один из самых ничтожных. Это вы верно заметили. Но я знаю еще, чем ничтожней существо, тем оно больше радо жизни, потому что менее всего достойно ее. Самый маленький комарик — самая счастливая душа.

Чем ничтожней существо, тем прекраснее и больше душа его. Этого вы не могли подметить. Вы люди законные и достойные, я человеком только хочу быть. Для вас быть человеком привычка, для меня редкость и праздник.

Мои товарищи по работе называют меня то ослом, то хулиганом. Я им верю.

Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безоб-

разен. Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся — мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем.

Человек вышел из червя. Гений рождается из дурачка. Все было грязно и темно — и становится ясным.

Мы идем снизу, помогите нам, верхние, — в этом мой ответ.

Не казаться большим, а быть каким есть — очень важная никем не ценимая вещь.

Жить, а не мечтать, видеть, а не воображать — искусство не по силе людей, но зато и единственно истинное искусство.

<Август 1920 г.>

В ЧЕМ СВОБОДА

Про свободу никто не сказал ясно и понятно, что она такое. Буржуазия дала ей тысячи названий и определений и этим еще больше запутала простое дело человека — узнать, в чем его истинная свобода.

«Освобождение в Боге, а Бог в любви»,— говорил Толстой.

«Свобода в осуществлении вечного нравственного закона, заложенного в человеке»,— думал Кант, германский мыслитель.

И все это непонятно, туманно, далеко от сознания человека. Ибо для того, чтобы согласиться с такими определениями, нужно принять прежде всю их мудрость, все другие взгляды их на жизнь. А мы этого сделать не можем, нам нужна такая правда, чтобы она была правдой для всех, а не для одного замкнувшегося в себе, задумавшегося человека.

Может быть, для Толстого и для Канта свобода была как раз в том, о чем они написали, а для нас, для всех остальных людей, она не в этом.

Надо всякую истину выводить из общей жизни, а не из себя, тогда эта истина будет дороже и нужнее человеку. Надо искать не для удовлетворения себя, а для всех. Сделать это способна только наука, ищущая в явлениях мира не какую-нибудь сладкую сосульку для своего блага, а начальные причины жизни, какие бы они ни были.

Первый сумел посмотреть на явление свободы в человечестве научно, т. е. найти простое объяснение ее независимо от желания человека, а в зависимости от развития человечества из природы,— Карл Маркс.

Он первый увидел, что весь ход жизни на земле идет ко все большему и большему развитию, расширению, успеху ее — освобождению.

Каждая отдельная маленькая жизнь, существо приспосабливается ко всему окружающему, согласуется с ним, перенимает от него все полезное для себя, отдает, что есть у самого, и так совершенствуется.

Вся разгадка в том, что сила каждого живого существа несколько превышает ту силу, которая нужна для поддержания

жизни этого существа. Оттого жизнь тратит эту лишнюю силу на усиление, совершенствование самой себя.

Следовательно, каждое существо (и человек), кроме той силы, какая нужна для постоянной затраты на себя, для удержания в себе жизни, имеет еще некоторый свободный накопленный остаток сил, который оно может тратить как хочет — хоть для расцвета своей жизни и жизни других, хоть для гибели.

В этом единственная доступная каждому живому существу, не выдуманная, а настоящая свобода.

Если бы природа создала такие условия для жизни человека, что работай он изо всех сил, изо дня в день и то еле-еле зарабатывал бы свой хлеб, — почувствовал ли он тогда, что и он свободен?

Успели ли бы Толстой и Кант при такой жизни заниматься праздной, бессмысленной (для той жизни) думой о свободе человека?

Никогда. Никаких других мыслей никогда не зашевелилось бы в человеке, кроме мысли о скором плодотворном труде для удовлетворения необходимости жить.

Но производительные силы природы, а за ней и человека непрерывно растут, питают собою всякую потребность — и еще остаются. В этом свобода.

Мир непрерывно богатеет. Жизнь неминуемо катится к общему счастью. Если бы люди даже не захотели счастья, оно бы пришло к ним помимо их воли.

Сила наращивается, удваивается во всем, и нет другой силы, которая бы стала поперек этому, удержала собою общий поток к радости и слиянию всех в одну жизнь, в единое существо с бесконечной мощью.

В древности еще люди заметили этот гремящий уверенный поток, движущий вселенную к какой-то великой цели, — и молились на белый свет, видели Бога во всем существующем. Для них это было тайной. Для нас это стало ясной истиной — истиной, из которой вырос социализм и посредством которой произошел пролетариат.

Наращение свободных сил, остающихся в производящем человечестве от затраты на поддержание жизни, делает людей все более и более свободными. Это единственное, а не что-нибудь иное, светит на земле человеку и ведет его к действительному освобождению и счастью.

Такое положение (т. е. остаток в человеке от расходования на жизнь свободной силы) создано по законам, управляющим ходом природы, а не волею человека.

За такую настоящую, естественную свободу теперь, когда мы нашли ее своим сознанием, мы должны ухватиться обеими руками и жить и радоваться так, как никто еще не жил и не радовался до нас, потому что мы выше, мы старше наших отцов и дедов, ибо больше их видим и знаем.

<Август–сентябрь 1920 г.>

ГАЗЕТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Газета есть выражение повседневных мыслей и дум человеческого общества.

Газета есть сознание общества и орудие борьбы общества за свое улучшение.

Кроме того, через газету же и вообще через печать общество самоорганизуется и ведет борьбу со своими врагами. Всегда господствующие классы первым делом захватывали печать и посредством ее вели борьбу за свою власть.

Раньше буржуазия печатью воевала с пролетариями и перedelывала их сознание себе на пользу, т. е. оправдывала свое существование, выворачивала правду и делала себе покорным пролетарский дух.

Буржуазная печать пела об истине, необходимости и вечности капитала, о Боге, самом большом богаче, о своей страшной, пугающей силе, о своих армиях и царях.

Если рабочие проявляли свою враждебность богатой орде, т. е. открыто выходили с винтовками на улицы и поднимали бунт, то буржуазия высылала своих покорных, ошалелых от казарм и дисциплины, солдат и тушила пламя правды.

Но капиталисты хорошо знали, что пускать винтовку против винтовки — это последнее, самое плохое средство, лучше предотвращать революцию, не давать ей народиться, отсекают самые корни ее, убивают причины восстаний.

И буржуазия нашла это средство — печать и общая культура.

Дело в том, что всякому делу предшествует определенная мысль, сознание. А сознание зарождается в жизни и из ее условий выходит.

Первая причина — сама жизнь. Вторая — сознание, порождаемое жизнью. А за всем этим следует уже дело, революционное выступление.

Первую причину буржуазия уничтожить была бессильна: это же хозяйственная жизнь, которую буржуазия и могла создавать только так, как она создавала. А вторую причину — сознание — буржуазия уничтожить не смогла (это доказала революция), но исковеркать, изуродовать пыталась всеми средствами, и главным из них — печатью.

Она пыталась изменить революционное рабочее сознание, исходящее из самых условий экономической жизни, и отчасти добилась этого (меньшевики, эсеры) — небольшая часть рабочего класса поплелась за нею и до нашей поры сохранила в себе дух буржуазии. Путем умной, хитрой обрисовки жизненных каждодневных явлений, картин покоя, благополучия человеческой жизни и ее железной необходимости быть именно такой, какая она есть, а не иной, путем вразумления темной рабочей покорной толпы, что только ею дышит мир и она только даст счастье всему роду людскому,— буржуазия достигала больших успехов и владычествовала на благо себе всем рассыпанным, загнанным черным людом.

Буржуазия работала изо всех сил печатью над обработкой и изменением рабочего сознания. Книга, газета, наука, школа, религия — все это машина капитала, всегда работавшая на его сохранение и развитие.

С мыслью можно бороться только мыслью; и против просыпающейся правды о труде и справедливом порядке жизни буржуазия пускала тоже мысль, но свою, изукрашенную и лживую.

Цель печати — убеждение врага в своей правде. Капиталисты это и делали.

Теперь мы повернули пушку дулом в другую сторону — на буржуазию. И ее орудием — газетой — бьем ее же. У нее мы научились пользоваться им.

Пролетарская газета — такая же винтовка, такой же штык, и ею мы пробиваем фронт господства буржуазного сознания, нарождаем новое сознание — коммунизм. Бьемся за правду, уродуем и уничтожаем буржуазный разум, поворачиваем все рули в свою сторону.

Против белых армий — мы пустили Красную армию.

Против старой мысли и буржуазных убеждений — мы пустили пролетарскую правду и проповедь ее через печать.

<Сентябрь 1920 г.>

О НАШЕЙ РЕЛИГИИ

I

Бог есть любовь, говорили древние люди.

Нет: любовь есть форма жизни, ее высшее для нашего времени достижение, сама же жизнь выше даже любви, ибо жизнь есть источник любви (а не наоборот, как думали); будет время, и жизнь найдет еще более достойное проявление себя.

Бог есть не любовь, а то, что мы все и всегда достигаем,— совершенная сила жизни. Жизнь же, чем больше она усиливается, тем больше жаждет силы.

Есть бесконечность. Ее мы чувствуем неизменно и уверенно. В этой бесконечности осуществимо все: и бог, и сатана, и тот третий, которому мы не дали имени, потому что он не понадобился.

Мы живем, мы смеемся и идем без конца. Для своей же радости, для потребностей своей жизни мы творим себе видения — бога, дьявола. А за этими видениями молчат еще океаны тайн и возможностей.

Бог есть игрушка человеческой жизни, ибо жизнь наша есть простая счастливая игра в пустыне, которую мы воображаем садом. В наших руках палочки, а мы думаем, что мечи, и рассекаем ими врага — воздух.

Эта игра есть игра во все, даже в игру, и потому жизнь нельзя назвать ни игрой, ни еще чем,— ничем. Она — ничто: до того проста. Она свобода, оттого и радостна и ненасытна в жажде.

До нашей поры жизнь никто не смог определить словом: она проще всякого слова и всякого действия. Всякое слово и всякое действие — явление жизни, но не сущность ее.

Каждый человек живет только маленьким кусочком жизни: полная, совершенная жизнь невыносима, она сжигает душу в мгновение. До нас дошли слухи о таких людях, которые умирали от неожиданного бесконечного восторга охватившего их полного познания жизни. Они сгорали в этом пламенном безумии. Они были в те миги всемогущими и творили чудеса.

Христос всю свою жизнь стоял на последней ступеньке перед совершенной, невозможной жизнью. Крест толкнул его через эту ступень — он ожил, убитый, и опять умер и исчез, но не от сла-

бости тела, а оттого, что его тело не вместило всей вошедшей в него вдруг бесконечной пламенной жизни — от силы.

Человек — отец бога. Человек, бьющаяся в нем жизнь — единая власть вселенной от начала до конца веков.

Бог — образ, начерченный рукой человека в свободном желании наполнить жизнь радостью творчества.

Художник рисует картину и наслаждается ею, но пройдет день, и художник принимается за другую картину — старая не нужна ему, он уже достиг высшего мастерства в работе, он сотворит новое, прекраснее прежнего.

Стирается старый образ, уходит и память о нем. Придет новый день — новая радость.

Но придет такой день, когда исчезнет и самый художник — он тоже образ, начерченный свободной счастливой рукой.

Мы живем в то время, когда стирается весь образ, сотворенный человечеством давно. Бог, буржуазия, власть, тайна, невозможное, бессилие — образы уходящего.

Только человек — образ грядущего.

Но что такое бог, тайна... Это тоже человек, его же образ, но далеко отодвинутый им от себя. Человек долго шел к этому своему дальнему образу — и теперь дошел.

Он сам теперь бог, но не тайна, так как тайны самой для себя быть не может — себя знает каждый, в этом и есть разгадка жизни, ее свет, непогасимое пламя — знание себя.

Когда человек сознал, что один брошен на земле, созданный игрою темных мощных сил, один, счастливый, но ничтожный, со своею маленькою мечтою о совершенстве и могуществе; когда это сознал человек, он не испугался, а вступил в бой со всем, что не он, что не с ним и что против него или далеко от него.

Он стремится сжать покорную землю между кулаками. Это и есть революция.

Революция — явление жажды жизни человека. Явление его любви к ней. Ненависть — душа революции.

До революции над человеком имели страшную власть им же созданные зыбкие образы — бог и его отпечатки на земле среди людей — цари и богатые.

Их первыми подверг человек гневу и уничтожению. За ними подвергнется истреблению от человеческой руки природа. Потому что если не уничтожим ее, то она уничтожит нас.

Все, что бы мы ни делали, мы делаем во имя себя. Мы уверенно знаем, что мы самое важное на земле.

II

Революцией разрушена не только христианская религия, но и предупреждена всякая возможность возникновения на земле всякой новой религии.

Это потому, что революция есть дочь науки, а наука враждебна всякой вере, всякому темному, невыясненному движению души, всякой страсти, вытекающей не из сознания, не из мысли, а из темных глубин человека.

Наши противники, буржуазная интеллигенция, люди белые духом, говорят, что большевики, разрушая церковь, религию народа, ничего не дают нового взамен, душа народа изголодалась по духу и нигде не находит его, ибо все старое рушится и уже разрушено, уже самый темный народ перестает плакать перед иконой Богородицы.

Но зато и нового, истинно утоляющего открытую душу человека, нового ничего не дает большевизм русскому народу.

И еще говорят эти белые духом, что религиозное чувство, та темная страсть души, в народе не умерло; умер только обманчивый идол, к которому стремилась народная душа,— умерло православие, а неутомимая изголодавшаяся страсть еще сильнее вспыхнула и ищет и делает себе новых богов.

Это не так, тут нет правды, господа ученые. Вы полагаете душу народа и душу человека не там, где она есть *теперь*. Там, куда вы указываете,— ничего нет; центр человека, его сущность (душа, как вы называете) перенесена революцией в другое место, в человека. И та темная, увлекающая, томительная и сладкая страсть человеческой души, откуда вытекала потребность молиться и любить неизвестное,— умерла навсегда.

Теперь нет русского народа, есть русский рабочий класс, ядро, образующее равное и единое человечество всей земли.

Есть III Интернационал — отец трудового свободного и радостного человечества.

Вы любили неизвестное, небесное, далекое. Мы ненавидим его. На всю голубую высь мы не променяем комка лошадиного навоза, потому что и навоз пойдет в дело, от него земля добреет, а из хорошей, жирной земли вырастет много хлеба, и этот хлеб пойдет на питание наших многих детей, которые выйдут на завоевание смысла и истины вселенной. А голубой высью нам нечего делать, земля для нас сейчас важнее всего.

Мы еще не отвергли окончательно тех, кто говорит, что у коммунизма нет «религии», нет высшего смысла, нет такой вели-

кой, всепоглощающей идеи, которая бы всего наполнила человека и повела бы его на всякую жертву.

Да, это правда. Мы начали строить свою правду снизу, мы только кладем фундамент, мы сначала дадим жизнь людям, а потом потребуем, чтобы в ней были истина и смысл. Мы идем постепенно, голова заработает у слившегося, спаявшегося человечества после всего. Сначала оно поест и отдохнет от крови тысячелетий, сначала забудет прошлое.

Буржуазия говорит, что большевизм, построенный будто бы на брюхе и удовлетворении низших потребностей животного человека, не превысит их культуры, не сможет дать людям ведущей общей идеи, ради которой можно жить.

Нет. Эту идею, эту общую руководящую мысль коммунизм людям даст. И до нее мы уже дошли, мы открыли религию грядущего, мы нашли смысл жизни человечества. Мы нашли того бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество. Только этого «бога» будут не любить, а ненавидеть, и такой страшной ненавистью, что из нее родится смысл жизни всех.

Не надо мучить себя догадками — разгадка очень проста, ибо истинная жизнь и есть самое простое в свете, а этот «бог», который поведет человечество, вышел из общего потока человеческой жизни на земле.

<Сентябрь 1920 г.>

БОРЬБА МОЗГОВ

Какие главные руководящие силы ведут теперешнюю революционную и контрреволюционную борьбу?

Это мозги. Два действующие сознания — буржуазное и пролетарское. Наша борьба — это не схватка страстей, какими раньше были все войны, а схватка умов.

Мы заставили буржуазию поумнеть, т. к. доказали ей, что победа будет у того, кто сильнее сознанием. Еще до своего восстания пролетариат уже знал свою главную силу, свою душу — сознание и противопоставлял эту силу старой душе буржуазии — половому чувству, страсти жить во имя себя, ради ложных целей.

Буржуазия и теперь, после годов великой борьбы за себя, все та же. Но она узнала, чтобы спасти себя, свою сущность, ей необходимо сравняться с пролетариатом во всем — и в силе сознания, и в стремлении к общественной правде, и поставить себе такие же великие жизненные задачи, какие у пролетариата.

Этого вполне она никогда не достигнет, ибо перестала бы тогда быть буржуазией, а этого она сделать никак не может, так же как пролетариат никогда не будет буржуазией.

Пролетариат вышел из самой гущи, из самого кипятка человеческой жизни на земле: он сам был главным огнем, от которого кипела и расширялась эта жизнь. Он родился всеми условиями, всеми необходимостями, всеми силами истории человечества — и печать этих родивших его сил на нем.

Буржуазию произвели другие силы, и она тоже отразила их на себе и на всем ходе своей жизни.

Поэтому эти два класса — два отдельных мира, и слияние их невозможно теперь никакими силами, как не слить опять родившегося ребенка с телом матери.

А для победы над нами буржуазии необходимо перенять некоторые наши качества, чтобы привить их себе и ими нас победить.

Наш перевес над буржуазией вот в чем: в способности к организации, в сознании (как природной силе, рожденной веками труда)*, в силе классовой сознательности, в коммунистическом чувстве (т. е. в самоотречении во имя общества, в спасении

* Об этом вскоре расскажу подробно

пролетарского общества ценою жизни отдельных его членов) и в общей великой цели жизни, которую пролетариат только начал сознавать и поставил перед собой...

У буржуазии все наоборот. И впитать в себя хоть одно свойство пролетариата для нее значит убить себя.

Смысл буржуазии — она сама. Наш же смысл — победа всего человечества над природой.

Пролетариат сосет свою мощь и свое сознание из народных масс, а те из самой земли.

Но буржуазию мы теперь отрубили от ее питательных жил — народа, и она теперь работает, как машина на холостом ходу, сама на себя, и без питавшей ее силы, пролетариата, скоро должна остановиться.

Пролетарии вырвали у природы средства для жизни всему человечеству, главным образом буржуазии, и в этой трудовой борьбе за общую жизнь у них развилась главная сила успешности труда — сознание, мысль.

У буржуев, напротив, самая возможность развития в их теле мозга (орудия сознания) уничтожилась, так как они отошли от труда — борьбы за жизнь.

Душа буржуазии — другая, обратная душе пролетария.

И вот теперь, когда мы достигли высшей точки военного напряжения на фронтах классовой борьбы, для обоих лагерей стало ясным, что победит тот, кто умнее. В этой борьбе двух великанов победа останется за тем, у кого больше мозг.

Прошлая жизнь пролетариата есть длинная история упражнения и развития сознания в человеке, ибо необходимость трудиться есть мать всякой мысли.

Прошлая жизнь буржуазии есть такая же длинная история угасания в этой части человечества ценной, ранее приобретенной человеком, способности — мыслить. А на нашей земле, кто не умеет хорошо драться, тот долго не проживет. Мысль же, сознание есть самый лучший кулак для борьбы за право жить.

История буржуазии — это история сжатия мозга и развития челюстей и половых частей.

Наша классовая борьба есть схватка мозгов. Об этом догадались и вожди буржуазии.

Кто же победит? Выйдет чистым и живым из борьбы, и кто упадет мертвым?

Они ли — дети половой похоти, дети страстей тела...

Мы ли — дети сознания?

<Сентябрь–октябрь 1920 г.>

ДВЕ ПОБЕДЫ

Польша заключила с нами перемирие. Это перемирие есть самый крепкий удар по европейской буржуазии со стороны русского пролетариата.

Никогда еще мы не одерживали такой крупной политической победы. Мы оказались умнее хитроумных белогвардейцев.

Ведь этот мир есть признание польской и европейской буржуазией своего поражения. Они же хотели идти священным походом против русского большевизма для окончательного его свержения в России и выбрали для этого белую Польшу своим орудием.

Но убедившись, что Россия не груда развалин, а крепкая, мощная военно-революционная организация, буржуазия отступила и признала свою ошибку заключением мира.

Польский мир — это первая пролетарская победа на политическом фронте.

Вся история переговоров есть удивительная битва мозгов двух классов — буржуазии и пролетариата. Во время этой битвы мы несколько раз меняли позицию — и победили, ибо мы, а не они добились своего.

Мы умнее буржуазии. Товарищи, ведь этот мир есть более важная, более чудесная наша победа, чем если бы мы взяли Варшаву.

Сегодня наша победа, товарищи, и сегодня наш праздник.

Мы ударили не только Польшу, но и Францию, но и буржуазию всего белого света. Мы снова перепутали их планы и закрутили им головы.

Французская затея завоевания России разрублена красноармейской саблей и съедена мозгом пролетарских дипломатов.

И еще есть сегодня у нас победа: атаман Махно прощен нашим правительством и отправлен на Врангеля. Против России можно разбойничать месяц, два, но не признавать ее силы, победить ее, не узнать ее внутренней великой сущности — нельзя.

Честный человек не может не любить Красной республики, не может не служить ей, не может пить кровь ее до конца и не покаяться.

Махно искренне раскаялся, и его простили. Если он до конца будет честен, он должен помочь Красной армии задушить Врангеля и за каплю крови пролетарской должен вылить ведро белогвардейской.

<Октябрь 1920 г.>

БЕЛЫЙ БЕС

Русская революция пережила борьбу с отечественной, «родной» буржуазией: она уничтожила ее; и теперь вступила в войну с буржуазией международной, французской главным образом.

И Польша, и Врангель — это только кулаки все той же Франции.

Один кулак — Польшу мы заставили опуститься. Очередь за вторым — Врангелем, который заставить опуститься нельзя, а надо отшибить совсем.

Белый бес — барон Врангель впился с юга в тело России и не только не отрывается, но занижается все глубже и глубже.

Его надо размокнуть, ни помириться с ним, ни пропустить его нельзя. Барон — не Махно. В его лице еще живет пережившая свой век русская буржуазия, которая уже не может самостоятельно существовать и прилепилась к еще царствующей французской буржуазии и питается ее кровью.

В бароне Врангеле мы имеем уже не русскую, а международную буржуазию.

Перемирие с Польшей есть первый крепкий удар по европейскому капиталу. А удар по Врангелю отшибет у ней правую руку.

Советская Россия не может терпеть больше на себе старого темного беса. В рабочем доме не должно быть темных углов с черной нечистью.

Крым же есть заросшее убежище темных, злобных сил.

Их оттуда надо выжечь артиллерийским огнем.

Красная армия должна красным потоком залить Крым.

Пусть в ее полках захлебнутся злобствующие остатки южной белогвардейщины.

Сабля красного кавалериста должна отсечь этот живой и угрожающий кулак французского капитала.

Смести с земли русского пролетариата белого беса надо до зимы.

Зимой у нас будут другие дела. Наших рук давно уже ждет истрадавшаяся Россия.

Смерть Врангеля — начало работы по созданию коммунистической России.

<Октябрь 1920 г.>

ЗАДНИЕ ПЛАНЫ

Несмотря на то, что французский план разгрома Советской России посредством Польши рухнул, буржуазия головы не потеряла и ищет других средств загнать нам железо в грудь.

Франция, ставшая главой мировой буржуазии, не меняет своего отношения к России и после заключения перемирия между Польшей и Россией, она все еще надеется найти силы для удешевления России, найти таких международных дураков, которых можно бы было еще направить на Россию.

Благо, много теперь народилось таких маленьких, ничтожных государств, которые на все согласны, лишь бы угодить своим большим господам, дозволившим им после войны отделиться. Эти мелкие жадные буржуазные сплочения (вроде Латвии, Эстонии, Грузии, Югославии, той же Польши и пр.), которые выросли на разлагающемся трупе империализма, хотят стать мировыми, могущественными, хотят чем-нибудь отличиться перед всем миром, подпрыгнуть выше затылка, завоевать и подавить всех, лишь бы не остаться тем, чем они единственно могут быть, — ожившими волдырями на трупе и гное буржуазии. Их жизнь — миг. Их душа — ничтожество. И сознание своего ничтожества рождает в них желание быть героями в мировой истории, а они — волдыри, полные гноя и буржуазной нечисти. Польша, например, хочет, чтобы она владела землями «от моря до моря». Русский пролетариат сумеет дать ей место потесней — в гробу от доски до доски.

Их-то командующая французская буржуазия и хочет использовать для новых походов на коммунистическую Россию, им-то она и морочит головы вечной военной славой, которую они заслужат перед буржуазией всего света за свержение в России коммунизма.

Им-то Красная армия и посшибает головы прежде, чем она сшибет голову Франции.

Если мы убедили Польшу в своем могуществе и заставили помириться, то это значит, что главная, «верхняя» французская буржуазия будет искать и прельщать себе новых наемников.

Мы должны быть готовыми к новым, сильнейшим ударам, мы должны беспрерывно вооружаться и готовиться к отпору.

Франция надеется, конечно, главным образом на Врангеля, но не на него одного, и за золото и обещания она найдет себе союзников во всех маленьких гнездилищах буржуазии.

После мира с Польшей мы должны еще усилиться, еще вооружаться и стать еще внимательнее к темному, неизвестному, притаившемуся, звериному миру буржуазии.

<Октябрь 1920 г.>

ОБУЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЮ

Наша задача в том, чтобы обучить управлению государством каждую кухарку.

Ленин

Пролетариат должен вести наступление на буржуазию в двух направлениях: на фронте военном и на фронте предрассудков.

На военных фронтах мы бьем буржуазию третий год, на фронте предрассудков мы только начинаем наступать.

Среди крепостей буржуазного духа, вроде религии, ложной науки и заблудившегося искусства, есть одна крепость, взять которую нам нужно немедленно. Это — предрассудок о том, что управлять государством могут только избранные, особые, ученые люди, а простому рабочему человеку это не по разуму.

Это — великая ложь, каменная стена, за которой держала правящая буржуазия рабочий класс и не подпускала его к управлению государством.

Такая хитрость буржуазии теперь нам очень понятна: если бы пролетарий понял нехитрую науку управления государством, увидел бы, как господствующий класс делает из человеческого общества машину угнетения одних другими, он бы недолго после потерпел буржуев на своей хребтине. И оттого первым действием восставших рабочих был захват политической власти и поворот всей политики управления в свою пользу.

Убеждение в том, что государством могут управлять только избранные, «лучшие» люди, есть злейший предрассудок, который мы не изжили до сих пор.

На самом деле управление государством есть обыкновенное *обязательное* дело каждого гражданина, которому он должен обучиться и которое должен знать, как знает другие свои обязанности члена организованного человеческого общества.

Наряду со специальными трудовыми знаниями каждый человек еще должен изучить *общеобязательные знания*: грамотность, классовую сознательность и *умение управлять своим государством*. Управление должно в обычной жизни превратиться в самоуправление, а когда человек попадает в руководящую государственную организацию, он должен свою способность самоуправления расширить до управления всем государством.

Сейчас, когда общественное пролетарское сознание в массах еще не достигло необходимой высоты для полной общественной жизни, нам все еще приходится управляться через особо избранных людей. И, конечно, очень часто в наши Советы попадают не лучшие, а худшие люди, которые и баламутят нашу жизнь, благо, часто действительно хорошие люди отказываются участвовать во власти, ссылаясь на дельные причины, вроде безграмотности.

Этого быть не должно, мы должны одолеть эти колючие проволочки на пути к полной общественной жизни, как безграмотность, робкость, замкнутость, крайне темное самолюбие и пр.

После преодоления этих сравнительно мелочей (по сравнению с нашей будущей общественной работой), мы должны перейти к поголовному очередному участию в управлении своей рабочей страной.

У нас есть только здоровые-счастливые и больные-несчастные вследствие многих боковых причин, вроде бедности, воспитания, темной загнанной жизни и др., изуродовавших человека и превративших его в преступника.

Когда мы уничтожим это наследство прошлых веков, мы будем действительно равными и честными во всех областях жизни, и тогда не будут управлять государством одни «лучшие», избранные, а все мы по очереди, по порядку. Каждый узнает тогда эту простую науку, и никто не употребит ее в пользу себе и во вред другим — честность и совесть тогда будут необходимыми качествами каждого человека, а умение управлять государством — обязательным знанием, как теперь грамотность.

<Октябрь 1920 г.>

ПОЭЗИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Тысячи, а может, и десятки тысяч русских крестьян и рабочих начали писать на бумаге свою душу, свои тайные, стыдливые чувства и думы. Всем захотелось говорить, жить на людях, быть всегда со всеми и для всех.

Мы переживаем время равное чуду. Люди перестают жить для себя и для своей одной семьи, вылезают на свет, дружатся и любят с каждым. Человеку стало мало жить одним собою, своим телом, он сливается со всеми людьми, раньше бывшими ему чужими, дышит одной общей грудью и живет огромной душой всех близких и далеких людей.

Уже многим из нас своя одинокая радость стала не в радость (например, ожил после тифа). А вот когда выходят тысячи народа на улицу и поют одну песню, когда я работаю в мастерской, вижу, как спешат, дрожат, кричат незнакомые мне люди, как электрический кран подхватил и потащил за хвост паровоз и подняла глаза вся рабочая бригада, смотрит и молчит,— тогда у меня настоящая радость.

Моя радость — в радости всех. Вот что тайно пока шевелится в груди русского коммунистического народа. Человек вырос из себя, из личности, понял ничтожество и убогость одного отделенного человека, идет к единению со всеми, к окончательному слиянию всех людей как бы в одно существо. Это и есть коммунизм. Человек понял, что избежать страданий человеческий род может тогда, когда у всех будет одна цель, и один смысл жизни, и один путь.

На земле будет рай. Верно думали наши деды о нем. Все стремится на земле слиться, познать, полюбить. Дух единения и сближения живет в каждом дыхании — дух любви, за который мучился Христос и который называл Богом.

Дух единения дышит в нашем пролетарском искусстве. О нем поют в стихах рабочие и крестьянские поэты, хотя и сами они мало знают про это.

Одна из великих задач искусства — задача *<вероятно, пропуск текста>*, а ее не сознают, ибо каждый поэт пишет не для чего-нибудь, а просто для себя, из свободного желания.

Есть чувства, которые входят в человека и в нем умирают — так слабо живет этот человек. И есть чувства, малые по своей

причине, но которые в человеке разгораются, разрастаются, не вмещаются в нем и выбрасываются вон с пламенем и жизнью, какие они были внутри, когда были невидимы.

Это получается так: человек работает и больше ничего. Сотни людей прошли, и слабое впечатление от видения работающего человека вспыхивало и угасало в них. Прошел еще один человек и увидел в этом простом явлении другое. Виденное не умерло в нем, а из ничтожного выросло в большое, стало мучить его и попросилось наружу. Человек этот записал на бумаге свое чувство, и ему полёгчело.

Один поэт-крестьянин говорил: «Если бы я умел хорошо писать и был грамотен, я бы исписал всю бумагу». Так много накопилось у него внутри. А то в груди что-то живет и мучается, а станешь писать, выходят не слова, а бревна, дерева. Мы плохо грамотны и не привыкли думать, а живем кое-как.

Что же есть поэзия и вообще искусство! Это уметь мыслить чувствами и передавать дальше на люди свои мысли в какой-либо ясной, понятной форме.

Уметь мыслить чувствами — это есть у каждого человека, это идет к нам от далеких предков-полузверей, раньше это было главным свойством человека. Теперь человек умеет мыслить не только чувством, но и самой же мыслью, отвлеченно, не образами и явлениями, а понятиями. Это — область науки.

Работать мыслью ради другой мысли и помогать этой работе чувствами и опытом — это наука.

Искусство же имеет своим средством организацию чувств человека.

Выясню все это я в другой день.

Наши произведения выходят корявыми и грязными — и все-таки мы их будем печатать, потому что печатанье возбуждает к работе, усовершенствованию, а замалчиванье сеет унынье и убивает в человеке желание идти дальше. Только очень сильные вытерпевают все до конца и выходят на большие дороги сквозь все стены.

Следующую статью я напишу, чтобы выяснить, в чем состоит искусство пролетария и чем оно отличается от искусства буржуазии, т. е. в каком направлении нужно нам работать.

<Октябрь 1920 г.>

КУЛЬТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Что такое культура?

Культура есть совокупность действий человеческого общества, направленных к укреплению, развитию и совершенствованию жизни всех людей на земле.

Культура появилась в мире тогда, когда задышало первое живое существо, а может быть, и раньше...

Что такое, например, учение Дарвина, которое мы, пролетарии, так любим? Это культура организмов.

Что такое социология — наука о жизни человеческого общества? Это культура классов. Но что родило культуру, заставило идти ее именно в этом направлении? Внешние относительно человечества условия природы и соответствие явлений человеческой жизни общему ходу мирового естественного процесса. Культура есть совершенно нормальное явление, прямое, свободное истечение из гнезда вселенной, и обуславливается она общим законом, по которому живет и она, и весь мир.

Потому, что мир такой, а не иной, по тому самому и культура может иметь только такую форму, какую уже имеет, а не какую иную.

Культура есть продукт всех мировых внешних явлений, окружающих жизнь человеческого общества. Она необходимое следствие этих явлений и этими явлениями направляется и регулируется.

Культура, как и все на земле, развивается в двух направлениях — во времени и пространстве. Здесь культура в пространстве нас мало интересует. Скажу только, что и тут имеют место внешние природные условия. Если, например, современную европейскую культуру ухитрится целиком перенести в Китай, то китайцы ее так бы обработали, что она перестала бы быть чисто европейской, какой была принесена, а стала бы все равно китайской.

В пространстве культура, сохраняя (и то не всегда) свою внутреннюю общечеловеческую идею, бесконечно варьируется, приспособляясь ко многим условиям и изменяясь в зависимости от них.

Общечеловеческой культуры, в прямом смысле, нет и никогда не было. Есть культура какой-нибудь господствующей части

(класса) человечества, которая и навязывает насильно свои взгляды, свой характер и свои желания всему остальному человечеству.

Но я буду говорить здесь о ходе культуры только во времени.

Что такое буржуазная культура и культура пролетариата? В чем их разница? Возможна ли новая пролетарская культура на земле и какая она будет?

На эти вопросы я и буду отвечать.

Перед приходом пролетариата во всем мире господствовал класс буржуазии, который и навязывал свою волю всем. Буржуазия, это значит объединение торгово-промышленных, финансовых, военных и церковных групп общества в единый класс, имеющий общие интересы. Этот класс настолько усилился, что подчинил своему влиянию и слил в одно все господствовавшие классы — аристократическо-военный, духовно-церковный, помещичий и другие промежуточные мелкие группы второстепенного значения.

Власть денег была так велика, что ради них были позабыты и военная слава, и небесное блаженство. Деньги — это значит немедленное личное благо, а это ведь главное для тогдашнего человека. И потом, деньги легче всего достижимое благо для человека; для приобретения их не нужно таких высоких качеств и усилий, как для приобретения военной славы, обеспечивающей власть, или небесного блаженства. Для приобретения нужно как раз только развитие тех животных качеств, которые заложены в каждом человеке.

К этому легко достижимому благу — богатству люди и бросились по линии наименьшего сопротивления, приобретения всеми средствами денег.

А деньги, значит все: и личное благо, и власть над другими людьми, и слава — все, что было смыслом жизни каждого тогдашнего человека.

Благо было всегда целью жизни человека.

А в богатстве оно так близко, так сравнительно легко, для многих достижимо, и наслаждаться этим благом можно немедленно и ощутительно (не то что небесное блаженство).

По этому пути бросилось все человечество, тут самое близкое расстояние до немедленного блаженства.

Многие погибли на этой дороге, но кое-кто и добрался до «неба земли» — богатства, уединился там и начал наращивать свою силу.

Другие, сильные классы, как царедворцы, военные и духовенство, видя, что на земле появилась новая сила, сильнее ихней, не захотели потерять своего могущества и стали приобретать себе эту новую силу во всех ее формах — деньгами, имуществом, лишь бы остаться на прежней высоте своей. И они достигли этого, даже очень легко. Благо, скоро спохватились, когда еще и старый их авторитет не успел рухнуть. И, по существу, в последнее время не было никаких классов, кроме буржуазии. Разница была только в том, что одни из них ходили в сюртуках и цилиндрах, другие в орденах и мундирах, а третьи в рясах и колпаках. По пережитку, по привычке они еще разделялись на сословия и делали разные дела: одни были на настоящем месте, добывали деньги и больше ничего не делали, другие по-прежнему пробовали воевать, а третьи зачем-то еще говорили про какого-то бога. Но сущность всех была одна и та же: благо в богатстве, богатство в деньгах. И все буржуазные сословия были богаты, стремились сохранить существующий, счастливый для них, порядок жизни навсегда. Для этого пользовались старыми средствами: попы доказывали, что все от бога — и богатство, и поэтому оно нерушимо, военные-то просто защищали свое богатство штыками; а буржуазия в чистом своем виде (т. е. группа, не принадлежащая к старым классам, жившая без всякой маски) опиралась на свою военно-духовную часть и была поэтому тоже в безопасности.

Смысл существования буржуазии — накопление богатства, а в богатстве — поиски личного наслаждения жизнью. И все, что способствует богатству или наслаждению, буржуазией пускалось в ход; овладев культурой, буржуазия превратила ее в свое орудие. Таково наслаждение жизнью. В этом нет ничего плохого, то же хочет сделать пролетариат, но по-своему. Рассмотрим, как создала буржуазия свою классовую культуру. Начнем с опытных, точных наук, куда, на первый взгляд, кажется невозможным проникновение классовой точки зрения. Тут мертвая точка, с которой (насколько я читал) не сдвинулся ни один самый горячий сторонник пролетарской культуры. А на самом деле тут, как и везде, прошлая культура очень уязвима. Язвой буржуазной опытной науки был идеализм. Мысль буржуазного ученого как-то по самой своей природе стремилась обобщать единичное опытное научное открытие на всю природу или, по крайней мере, на громадный цикл ее явлений. Недавно я прочитал старую книжку одного ученого физика, где он почти с уверенностью говорит, что сущность природы — электрическая энергия. Я сов-

сем не ученый человек, но тоже думал, как умел, над природой и такие абсолютные выводы ненавидел всегда. Я знаю, как они легко даются, и еще знаю, как природа невообразимо сложна, и верхом на истину человеку еще рано садиться, он этого не заработал, а скуперее природы на оплату труда нет хозяина.

У профессора Тимирязева я прочел, что даже в науку о самой точности — математику невидимыми путями пробралась мистика (тоже вид идеализма, так присущий предсмертной эпохе буржуазии). Научная мысль буржуазии не довольствуется простым исследованием явлений в границах опыта, она, в силу религиозных мозговых пережитков, неудержимо стремится вырваться из скромных данных опыта и улететь в идеалистические обобщающие области неподвластные критике. В механике, химии, физиологии, зоологии, ботанике — везде лежат печати средневековых религиозно-идеалистических пережитков, которыми пропитана вся классовая философия буржуазии. Буржуазия в своей науке всегда в отдельном факте, явлении видела уже целую общемировую идею, бессознательно для себя перебрасывала эту идею на человеческое общество, и, удивительный результат, всегда эта ничтожная идея, заброшенная сюда из области точной науки оригинальным приемом классового мышления, всегда эта идея оправдывала существующее положение вещей. Здесь мы имеем дело просто с своеобразной классовой организацией буржуазного мозга. Если бы создать особую науку — классовую психологию, то пролетариат увидел бы через ее посредство изумительные вещи, удивительные искажения научных истин особенностью классовой мысли и сумел бы отделить классовую ложь от действительных научных ценностей, добытых прошлыми веками. Идея, вырастающая из опыта, всегда была пагубна и для хода самой науки, и особенно для самих людей. Например, из дарвинского учения о выживании приспособленных, о непримиримой борьбе за жизнь в животном царстве буржуазная мысль уже делала тот вывод, что борьба личностей, индивидуализм, в человечестве необходимое, даже хорошее явление. А если бы она не выходила из границ теории Дарвина, то увидела бы, что, напротив, эта борьба с совершенствованием вида сходит на нет, что она не вечный закон жизни, и вот мы теперь можем наверное сказать, что борьбы человека за личное существование в пролетарском обществе не будет. Природа бесконечно изменчива и едва ли сохраняет что в себе на вечные времена. Идеализм — враг науки. Он лошадь без узды, которая едет дальше, чем нужно. Фантазия освобождает в человеке все инстинкты и завалива-

ет зерно правды мусором воображаемого, а идеализм — дитя фантазии. Фантазия — самое страшное для науки. Естественно, что буржуазия, пришедшая с грузом средневековых инстинктов, не владела этими инстинктами, и они через каждую щель пробивались туда, где место одному чистому действующему сознанию — в науку.

Идеализм это произвольный, смотря по человеку, вывод из действительного факта. И понятно, куда можно зайти, следуя и веря в идеализм. Против такого врага научной истины и, следовательно, человечества уже давно был выдвинут материализм. Но материализм не сразу, так сказать, стал материализмом, тем, чем он должен быть. Этому мешала стихия мистицизма и идеализма, бушевавшая в человечестве. И на первых порах материализм стал тоже какой-то идеалистической теорией, полагающей в основу мира идею материи. Но уже самое появление его было ударом в лоб идеализму. Только позднее лучшие представители науки поняли, что сущность материализма в отвержении какой бы то ни было метафизики, теории сущего, общей, уже будто найденной идеи мира, а иметь дело с материальными, действительными фактами, подвергать их опыту и выносить суждения только из данных опыта, не возвышая этих данных ни в какую общую идею, и развить до возможного совершенства критику самых опытов. Если очень большое количество одинаково произведенных опытов по своим результатам совпадает, то мы имеем дело с законом, но опять-таки в строгих границах исследуемой области природы. И вечен ли, нет ли этот закон, ученый материалист сказать не может, он может только сказать, что при таких же условиях в данный момент явление протечет с таким же результатом, как при опыте. Вообще говоря, материализм есть сужение опыта человеческим сознанием для увеличения вероятности найти истину. Идеалист берет для исследования всю вселенную и, не в силах ее обнять сознанием, не признается в этом, а находит какую-нибудь успокоительную теорию-ложь.

Материалист же — это честный человек, который сознает свои слабые познавательные силы и, учитывая это, берет за предмет исследования не вселенную, а волос, атом, т. к. он знает, что ищет истину, а не свой покой, и притом знает, что критика основа истины. Материализм ограничивает до возможного поле исследования, и поэтому у него степень вероятности найти истину бесконечно бóльшая, чем у идеализма. Материалистическая наука изучает части, подробности мира, а не все целое. Она идет страшно медленно к синтезу, но все же идет и дойдет. А идеализм

имеет только одну научную ценность: он родил материалистический метод, т. е. способ частичного, детального исследования взамен своего универсального. Материализм не рождает идеи, он изучает мельчайшие факты в отдельности, потом замечает их зависимость, связывает и получает точную картину действительности. Так от частных материалистическое исследование подвигается к универсальному и завоевывает ту же истину, которой не добился идеализм, только завоевывает наверняка и с другой стороны.

У пролетариата душою всех наук будет материализм, свободный от вредоносных предрассудков идей. Общим предметом исследования будет, не как у некоторых буржуазных мыслителей, не то, что должно быть или что будет, а то, что есть. Касаться таких наук, как социология, экономика, политика, я не буду, так как в руках буржуазии это была такая колода карт, которыми она всегда всех обыгрывала. Скажу только, что и в этих науках возобладает материалистический метод.

Разница между идеализмом и материализмом и есть разница буржуазной и пролетарской науки.

Буржуазия и в науке искала не столько истину, сколько блага. Мы же будем искать истину, а в истине благо. Почему так — это будет видно из дальнейшего.

Тьмы жалких истин нам дороже
Нас возвышающий обман —

вот гениальное сгущение сущности буржуазного идеалистического метода. Они не понимают, что истину нельзя мерить. Истина сама простейшая и основная величина для всех измерений.

И еще слова В. Розанова:

Я не хочу истины,
Я хочу покоя.

Тут все ясно. Ясна душа науки буржуазии, искавшая прежде всего блага и покоя, в чем бы они ни были, хоть и во лжи.

Нет, по-нашему:

Жизнь еле тлеет под камнем смерти,
Изнемогает в борьбе со тьмой,
Свалите камень, земные дети,
Пусть станет истина ее душой.

Перейдем к другому элементу культуры — искусству. Разбить буржуазию на этом фронте еще легче, чем в науке, ибо там все же были отдельные ученые, у которых пролетариату есть чему поучиться. Мы же, отвергая старый метод науки, имели в виду ее общий характер, а не исключения.

В искусстве не было ни одного пролетарского представителя и еще нет и сейчас. Причин этому много, но нас здесь они не интересуют. Главная причина, я думаю, та, что в искусстве никому нельзя лгать.

Наука и искусство таковы же, каков человек, из которого они вышли.

При буржуазии они соответствовали ее духу, а при пролетариате — его духу.

При рассмотрении искусства этих двух классов необходимо рассмотреть, чем разнятся буржуй и пролетарий как два типа человеческого рода, в чем их сущность, душа и каковы эти сущности.

Для меня очевидно, что мы переживаем не только то время, когда классовое господство переходит из рук в руки и только.

Нет. Кроме обычных и довольно частых революционных переломов, в истории есть еще переломы по напряженности и результатам во много раз превосходящие такие периодические социальные изменения. Они происходят, насколько мне удалось выяснить, раз в полторы-две тысячи лет. Последний такой великий перелом был в эпоху зарождения христианства, когда человечеству была дана новая душа, в корне изменено его мирозерцание, весь психический порядок.

Дух христианства родился еще до Христа (буддизм). Так же, как и первый удар науки по религии был дан еще в XV–XVI вв., в эпоху Возрождения, но решительный, смертельный, последний удар мысли по предрассудку будет дан только пролетариатом.

Есть революции, изменяющие внешний образ жизни лишь слегка, по необходимости, не затрагивающие внутренний строй человека. И есть перевороты настолько резко меняющие внешность человечества, что и то, что называется человеческим духом, ломается, умирает и рождает своей смертью новую форму психики.

Поэтому человеческий мир сейчас стоит перед великим и коренным изменением внутренней сущности самого человека, которое будет идти параллельно изменению внешней, социальной формы человечества. И наша социальная революция есть также и революция интеллектуальная, и она есть такой исторический

момент, когда человечество возрождается, обновляется и находит новый источник сил для питания и развития своей жизни.

Теперь определим, какова была «духовная», психическая сущность человека в допролетарский период и какой она будет в период послепролетарский.

Высшего развития эта сущность достигла в буржуазии. Старик — самый жадный человек до жизни; только умирающий начинает любить жизнь по-настоящему. Так и тут: общая душа человечества того исторического периода, который заключила буржуазия, именно в капитализме развернулась во всю мощь и погасла, чтобы заместиться молодой душой пролетариата.

Какая же сущность, душа буржуазии?

Половое чувство. Пол — душа буржуазии.

Это не острый парадокс, не глумление, не результат ненависти дикаря-пролетария, а голая колючая правда, вынесенная из многих наблюдений и опытов, и раскрытая логика истории.

В самом существе человека всегда были известные господствующие центры, т. е. такие сильные чувства, которые перевешивали все другие ощущения человека.

До буржуазии и, может быть, до истории таким чувством был страх за жизнь — постоянный ужас, острое сознание окружающей враждебности мира.

Все другое забывалось, существо жило в постоянном напряженном чутье опасности. Из этого основного чувства развились орудия защиты — другие чувства — зрение, слух, сила мышц, интуиция, сытость, вкус (от отрав и вредных растений) и др.

Регулировались и согласовались все эти чувства в особо созданном для того, вначале слабом, центре — в мозгу.

И равнодействующей всех разрозненных чувств, следящих за внешним миром, было сознание, которое мало-помалу стало синтезом всех ощущений и вождем поступков человека.

Но все чувства, вместе с сознанием, не были целью жизни. Эта цель в самой жизни, благе, которое испытывает человек от исполнения живущего в нем закона природы. Природа выплеснула человека на землю и заставила его держаться на ней, существовать изо всех сил. И человек делает это — и ему хорошо и покойно.

И, организуя для безопасности свои чувства, человек имел в виду свое благо.

С рождением культуры, т. е. с ростом безопасности жизни, старые чувства (зрение, слух, интуиция и др.) притупляются, ибо борьба за жизнь требует для победы других органов. При буржуазии, при высоте технической культуры непосредственная связь

человека с природой ослабла и ослабли соответствующие чувства. Зато неимоверное развитие получило сознание, деятельность мозга, т. к. вся борьба за существование вылилась в организованный труд, техническую промышленность главным образом. А тут действует только сознание — ум.

Синтез чувств стал главным и могущественным чувством человека. Им человек нанес великое поражение природе.

Но человек живет для блага, а труд только необходимое условие этого блага, и сознание как средство для труда еще не благо.

Исполнение основного закона для человека — жить — рождает благо. Но это было тогда, когда человек слишком боялся за жизнь. С исчезновением этого страха, с ростом уверенности в своей непобедимости и счастье от одного простого полного чувства личного существования исчезло.

Но природа стремится к совершенному выполнению своих законов, и страх за жизнь все возрастал.

Если человек находил раньше благо в развитии своих органов обороны и расширении ими жизни, то теперь, с перенесением опасности в другую сторону, он должен находить свое благо в действии соответствующего обороняющего органа.

Новая опасность человека — смерть. Против нее он направил свои удары и против нее из страха развил и возвысил над всеми остальными чувствами половое чувство. Размножение, замена себя на земле своими детьми — все это удары по смерти и полет к бессмертию.

Пол стал главным, центральным чувством в борьбе за существование, душою человека. И исполнение закона пола стало высшим благом человека.

Вокруг пола, как на оси, кружилась вся жизнь людей. Остальные чувства начали играть второстепенную роль, в том числе и сознание. Именно сознание, мозг и стал главной опорой пола, его вернейшим слугой.

Страх за жизнь, неотступное видение смерти усиливал пол, это единственное противосмертное, хотя и условное, оружие.

Кто больше боялся смерти, тот больше любил женщин.

Исполнение природных законов всегда сопровождается наслаждением. Это служит гарантией для природы. Так и в поле.

Женщина для буржуазии была центром мира, а искусство молитвой во имя ее.

Приводить доказательства из литературы, раскрывать сокровенный смысл деталей того, что называлось «прекрасным», я здесь не буду.

В этой статье я только рисую действительность, а не ее истоки.

Искусство же, вследствие этого, служило интересам пола. Ведь искусство есть та лишняя скопляющаяся сила в человеке, которая выращивает и приподнимает его. И искусство служит тому же, чему человек.

Как продукт избытка жизненных сил искусство утверждает, оправдывает и поощряет жизнь, так как указывает, что сила нарастает и требует выхода жизненного творчества или ложного — искусства.

Искусство — это тоже гарантия природы против неисполнения человеком ее требований и тоже наслаждение.

Пока пол занимался высшей опасностью жизни — смертью, сознание было рабом и боролось со старыми, ставшими второстепенными опасностями. Но от постоянной длительной работы сознание тоже все развивалось да развивалось и все заостряло и заостряло свою единственную функцию — мысль.

А пол работал на одном месте. Дело борьбы с великим врагом — смертью вперед не подвигалось. Найдя благо в половом чувстве, люди окаменели. Смерть была жива и стояла на месте, и растущий мозг увеличивал сознание опасности.

Пол стал устарелым, недействительным орудием за укрепление-бессмертие жизни и требовал смены.

А мысль уже открыла еще более страшного врага — тайну. Если бы человек убил смерть, то этот враг — тайна мира, тайна всего — все же осталась бы.

Со смертью надо спешить: родился другой враг.

И сознание же начало доказывать, что только оно способно повалить смерть.

Вся же буржуазия — культура приспособлена к полу, руководящему центру тогдашнего человека.

Для господства сознания нужна его же культура.

И вот мы подошли к этой смене культур, к этому великому горному перевалу.

И в этом культура социальной революции. А в господстве сознания — культура пролетариата, когда он останется один и прочно станет на землю.

Так что сознание станет душой пролетария, а борьба с окружающими тайнами — его смыслом и благом жизни.

И сознание победит и уничтожит пол и будет центром человека и человечества. И перед этим интеллектуальным переворотом мы сейчас живем и к нему готовимся.

Раб станет и тут господином, как и в экономической области. Мысль легко и быстро уничтожит смерть своей систематической работой-наукой.

И весь мир сольется в один вопрос, куда вопьется мысль, пока не повалит и его.

Вся пролетарская культура определится сущностью самого пролетария — сознанием. Вся работа этой культуры будет постройкой истины — общей, последней и завершающей.

Пролетарское искусство есть страсть мысли, сознания. Как буржуазное было — страстью пола. Именно и тут и там — неудовлетворенной страстью, излитой не по прямому назначению, но все-таки способствующей поднятию жизнеспособности души человека (пола или сознания), т. к. способность художественного творчества показывает избыток сил и само по себе есть требование действительной работы. А искусство все-таки работа ложная. И сохранится ли вообще искусство в теперешнем виде при господстве сознания — сказать пока трудно.

Вероятнее всего, оно вольется в науку, которая от этого подымется и во многом преобразуется.

У пролетариата тоже будет бог, но этого бога он будет так ненавидеть, что ненависть станет благом и наслаждением.

Эта ненависть будет гореть и жечь и двигать жизнь.

Этот бог — наш жесточайший враг — Тайна, ибо сущность и душа самого сознания, сущность самой мысли нашей есть Истина.

А где Тайна, там Истина мертва.

Грядущая жизнь человечества это поход на Тайны во имя завоевания Истины, источника вечного и последнего нашего блага. Около нее мы остановимся навсегда. Ибо не бесконечности, а конца, результата прогресса хочет человечество.

<Октябрь 1920 г.>

ГЕРОИ ТРУДА. КУЗНЕЦ, СЛЕСАРЬ И ЛИТЕЙЩИК

Жизнь рабочего до революции — это жертвоприношение во имя врага своего. Это черная длинная лента, как глист, в которой не вспомнишь ни одного дня — все одинаково тяжелы и невыносимы, все безмолвны и тихи, как сон. И будто не ты живешь, а тот упорный дядя, который в тебе.

Но нам дорого и прошлое, нам дороги те упорные могучие люди, которые и раньше могли жить и радоваться, думать и ждать.

Те люди, о которых я буду говорить, люди старые, даже религиозные, глубоко привязанные к семье, к старым пережиткам, почти темные, но с прекрасными дальнорезкими глазами, светлыми головами и сердцами революционеров, хотя и никогда они не ораторствовали. Они революционеры особенные, вроде Ленина, который любит русскую старину и славянские письмена; склонны к тихой думе, покою и ужину, склонны ко всем вещам, какие есть на свете, одарены твердой, неутомляющейся любовью, и эта любовь у них становится в повседневной жизни волей к благу и счастью. Эта же любовь ко всему и к каждому (пусть не они, а я, их сын, сказал это за них), эта любовь держит их у станков голодными и раздетыми и все-таки сквозь шепот и ненависть заставляет надеяться на успех нашей революции и работать на нее день за днем.

Буржуазия наслаждалась искусством и награждала работников его. Артисты, поэты, композиторы — это ведь герои мира, рыцари красоты и вообще немного сродни небу. Эта поразительная слепость, эта дубовая, чугунолитейная глупость уже от нас далека. Пролетариат — сын сознания, и ложь, слепость — его худшие враги.

Довольно! Нет искусства и нет работы. Они одно и то же. Отлить, выверить и проточить цилиндр для паровоза требует такого же напряжения высших сил человека, как и танец балерины.

Блуза и воздушная юбка равноценны. Вот среди нас жили десятки лет великие герои, мученики и гении терпения и труда, а о них никто не знал, их держали, как зверей, на окраинах города в черноте тела, в темном безумии полусонной, сжатой жизни, их томили в тисках нищеты и безнадежности.

Мы знаем Шалапина, Горького, Гельцер и здесь, в Воронеже, Нину Кирсанову, Нестеренко, но никто не догадывался, что есть кузнец Неведров, жизнь которого есть кровоточие ада, а труд — высшее мастерство и беспредельное упорство. Если Гельцер танцует, как птица, то Неведров, кузнец воронежских железнодорожных мастерских, выштамповывает под огромным паровым молотом дышла и рамы для паровозов, как художник-творец. И ворочает накаленный металл, как великий артист железа. Те же легкость, мастерство и уверенность. А над ним прыгает молот, прыгает годами и уродует тело.

Это неграмотный кузнец Алексей Филатыч Неведров. Ему уже за пятьдесят лет, он изувечен, без живого места, и лет пять ходил горбатым от тяжелых подъемов. Он и сейчас работает на большом паровом молоте в кузнице, на самых ответственных вещах — делает рамы и дышла для паровозов, и это от него осаживается в Крым Врангель, от него мы едим хлеб, поем и любимся. Во всем виноват Алексей Филатыч. Но только немногие из нас «виноваты» перед ним.

Он более двадцати пяти лет работает на самой тяжелой кузнечной работе, и это его дышлами вращают колеса паровозы. И он никогда не попытался ворваться на сцену Большого театра и плюнуть с наслаждением в рожу хоть половине публики. Это она его уродовала двадцать пять лет, искалечила и забыла, сделала темным и терпеливым, торопливым, пугающимся старичком, услужливым и покорным до крайности, до жалости и муки.

И Алексей Неведров никогда не знал и не узнает, что он лучше многих умных и нарядных, а будущие люди будут гордиться им и наслаждаться памятью о нем, как лучшим образцом прошлого...

Платон Фирсович Климентов, или просто Фирсыч, Фирсаныч, слесарь гидравлического пресса колесного цеха тех же мастерских. Проработал 25 лет, получил грыжу, потерял зрение и почти оглох. Его работа еще более высшее мастерство, чем труд Неведрова. Она требует внимания, сосредоточенности и аккуратности. Заключается она в насадке и выдавливании под пресом паровозных пальцев, кривошипов и осей. Малейшая неточность — и вещь испорчена. Требуется математический расчет и миллиметровая тщательность.

Паровозные пальцы срабатываются, Климентов их выдавливает и вставляет новые, и ни разу не было, чтобы они преждевременно ослабли, были не так вставлены, а на новых паровозах (т. е. еще не отремонтированных, заводских) такие штуки бываю

часто. Работа его заключается в ежедневной бдительности, внимании и математическом расчете. Тут геройство и упорство расплылось на длинные годы, и его уловить нельзя поэтому в одном выдающемся дне. Все дни выдающиеся, все необыкновенны, каждый день это схватка, явление художественного мастерства и битва со сталью и железом за техническую, точную, прекрасную форму.

Климентов с товарищем по работе Терентьевым (теперь уже умершим человеком) изобрели особый прибор для определения угла опережения при насадке паровозных кривошипов. Он страшно облегчил и ускорил им работу. А главное, увеличил точность ее и сберег от преждевременной порчи не одну паровозную машину. Раньше же этот угол определяли линейкой и угольником, и до желаемой точности надо было каждый раз домучиваться, т. к. точность очень велика, кажется, 1–2 миллиметра. Линейке и угольнику до нее далеко.

Теперь Климентов еще более усовершенствовал этот прибор и сейчас делает его снова. Он работает еще на эксцентриковых муфтах, где требуются изящная точность и высшая бдительность.

Слесарь Климентов ездил несколько самых суровых снежных зим, год-два назад, со снегоочистителем. Эта работа требует геройства и терпения в огромных размерах и сопряжена с прямой смертельной опасностью.

Особый вагон, снабженный аппаратом для очистки рельсов от снега, цепляется к паровозу, и тот развивает огромную скорость, так как очистка при этом совершенней. Вагон врывается в сугробы и сбрасывает их крыльями далеко в стороны. При сравнительной легкости вагона опасность схода с рельсов на полном ходу очень велика.

Сама работа в мороз и вьюгу и бесконечность ее во времени, ибо при сильных заносах снегоочиститель работает непрерывно, пока не очистит своего участка. Необходимо уметь не спать и напряженно без понижения работатать, так как переезды вагон проскакивает без работы и надо вовремя, по команде, поднимать ножи, иначе можно наткнуться на переезд и быть сброшенным под откос.

В этой борьбе со снегом за чистый путь были удивительные случаи рабочей выдержки и упорства, здесь их не передашь. И это слесарь Климентов в зимние вьюги пробивал сугробы своей машиной, чтобы пускать за собою вслед воинские эшелоны на Деникина. По десяти суток он не выходил из машины и почти не

спал, не раз насакаивал на неодолимые снежные горы и их заносило до крыши.

Теперь он опять каждый день марширует по гудку из цеха да в цех. И тянется его жизнь, как нераспутанная нить, и живет он, как чужой. Никому до него нет дела, только ему есть до всех.

И есть еще человек, который сделал свою работу смыслом своей жизни. Это литейщик Федор Степанович Андрианов, помощник мастера литейного цеха. Работает тридцать лет на одном деле и в литейном деле великий артист и уверенный, твердый мастер. Но труд — это битва, и Федор Степанович так же изувечен и замучен этой битвой, как и его описанные товарищи. Он глух, весь в ожогах и не ходит, а бродит, и еще давно начал ходить потихоньку, когда был помоложе (а теперь ему лет пятьдесят пять).

Работа в литейной самая тяжелая, хуже, чем в кузнице. При удушливых, разрушающих тело газах плавящегося металла, при постоянной опасности выжечь глаза, быть насмерть сожженным фыркающим жидким чугуном, и требует особого навыка, умения, высокого мастерства при формовке и отливке. Желвак, червоточина делают вещь негодной, и ее возвратят из токарной.

Андрианов все это превозмог и поднялся в работе до художественного совершенства. Он знает металл по цвету, может быть, по запаху; изучил, как никто из литейщиков, формовку, землю, самый такт, приемы работы. И его любят и слушают за то «свинорои» (так называют рабочие других цехов литейщиков за их копанье в земле). Андрианов не портит вещей, он их любит и знает. Может быть, кроме них он не знает ничего и знать не хочет.

Теперь он, ставши помощником мастера, только учит работать молодых и показывает им иногда свое мастерство. И как его любят и уважают все. Мастер в человеке есть необходимое условие уважения к нему всех остальных людей. Будь он разбойник, но раз он еще и мастер — конечно, все равно его любят.

Андрианов же лучший товарищ и прекрасный простой человек.

Тридцать лет героического труда искалечили, наполовину убили его, но в нем же эти тридцать лет сотворили новое, невиданное существо чудесной силы и гениального мастерства в работе. Это от таких пойдет поколение в будущие времена, и ими подымет мир из грязи и вони в небесную чистоту совершенных точных форм. Не раз бывало, что только благодаря одному Андрианову литейная не останавливалась и продолжала лить паровозные цилиндры и вся дорога от Андрианова управлялась.

Может быть, было время, когда мир держали и украшали Пушкины, Бетховены, Толстые, Шалапины, Скрябины... Теперь держат мир и сами живут его лучшими цветами — Неведровы, Климентовы и Андриановы.

С мастером неразделим и человек: всех этих великих рабочих очень любят и уважают все ихние товарищи по работе, и они их тоже любят и живут всегда вместе, в ногу, одною душой.

<Ноябрь 1920 г.>

ГОСУДАРСТВО — ЭТО МЫ

Мы идем и идем к социализму, мы наступаем и отступаем, берем и отдаем, но идем.

Вся наша сила в нашей способности организовать бесформенное, в нашей железной воле к победе, в нашем сознании, что не победить мы не можем. Не победить — это смерть!

Мы рыцари жизни, мы дети грязной безумной земли. Но мы хотим и мы сможем довести ее от низа до неба.

Мужество — самая основная черта характера пролетариата. Мужество же есть воля, а воля рождает знание и любовь к миру. Воля покоряет природу и выводит ее из оцепенения к высшей активности, к напряженному биению всех окаменевших сил.

Что было год-два назад и что есть теперь!

Теперь стала видней нам дорога. Теперь мы чаще сознаем наши ближайшие задачи. Эти задачи — истребление русских и международных белогвардейцев и дальнейшее развитие социалистической системы внутри страны. Первую задачу мы выполняем хорошо; военная мощь РСФСР — лучшая агитация среди буржуазии за мир с нами.

Вторая задача зависит от первой. А заключается она в увеличении, в подъеме гражданской организации и в приближении к полному осуществлению социалистического идеала.

Мы, например, должны добиться усовершенствования советской системы через введение в программу трудовой школы общеобязательного предмета обучения гражданскому управлению и элементов общественных знаний, тогда мы всех людей поставим через несколько лет на один уровень знаний, необходимых для участия во власти; и дело государства станет делом каждого, и общественная человеческая спайка станет реальной вещью.

Управление государством станет обязанностью каждого, общей повинностью.

Государство — это мы. Такую простую истину надо осуществить действием.

<Ноябрь 1920 г.>

БУДУЩИЙ ОКТЯБРЬ

Кто говорит, что в коммунистическом обществе будущего не будет *совершенно* никаких различий между людьми, тот фантазер с коровьим, женским сердцем, а не мыслитель.

Что значит коммунистическое общество? Это общество *равного* в своем применении трудового закона. Это общество равно правовых отношений *вне* производственной жизни. Это общество принципиального равенства, но под давлением старой значимости, исторической необходимости, равенство в абсолютной форме будет выражаться только в исключительные моменты общественной жизни — в празднествах, в научных коллективных победах, в искусстве.

В жизни обывательской — производственной — до равенства будет далеко даже коммунистическому обществу (хотя коммунистическое общество — это общество *мужчин* по преимуществу*, и всякие цели *поэтому* оно будет достигать скорее, т. к. не будет иметь балласта страстей).

Производство — вот истинное тело коммунистического общества, и организация производства есть организация коммунистического общества. Производство же основано на труде всех. Значит, труд — главный, решающий, универсальный момент жизни коммунистического общества и производство — основная цель этого общества.

В классовом обществе была, в сущности, такая цель, хотя сам командующий класс полного участия в производстве и не принимал, и почти весь результат производства присваивал себе.

Но если в коммунистическом обществе не будет классов, не будет различий в области гражданских правовых отношений, то будут *профессионально-производственные* деления, различия производственного процесса.

* Равноправие мужчин и женщин это благородные жесты социалистов, а не истина — и истиной никогда не будет. Пора пересмотреть этот вопрос и решить его окончательно. Человечество — это мужество, а не воплощение пола — женщина. Кто хочет истины, тот не может хотеть и женщины. А истины начинает хотеть все человечество. Тут не гибель женщины, а другое...

Классовое буржуазное общество эхом отзовется в обществе коммунистическом.

Но только недолговременным эхом, и в этом наша победа.

В том наша главная идеологическая победа, что мы сумели всю жестокость, всю полярность классовых отношений свести до производственного профессионализма, до отношений объединенных специалистов в общественной жизни и до чисто трудовых отношений специалистов между собою в повседневной технической жизни.

И это различие мы мыслим как зло, как временную необходимость. И знаем, что разрушение производственных различий совершит абсолютный машинизм производства и изгнание человека оттуда навсегда.

То есть переход человека в высшие сферы жизни из сферы материального (а может быть, и «духовного») производства.

И противоречия производственных отношений есть, и с течением времени они будут все больше обостряться и приведут опять к Октябрю.

Дух профессионализма будет развиваться с ростом и «уточнением» производства. И если он был слаб в капитализме, при грубом производстве, если пролетариат все-таки образовался независимо от своих профессиональных противоречий, то в расцвете коммунизма, при высококультурном производстве-искусстве, профессионализм перейдет во враждебные отношения, дойдет до Октября и раздерет общество, дав ему высшую форму и вытолкнув человечество из производства, как вытолкнул его Октябрь 17 года из классов.

Производство — машине. Человеку же — иная форма жизни. Вот лозунг будущего Октября.

Мы — коммунисты, но не фанатики коммунизма. И знаем, что коммунизм есть только волна в океане вечности истории. Мы коммунисты по природе, по необходимости, а не по принадлежности к РКП.

И еще: мы еще больше революционеры, чем коммунисты, а главное — не фанатики. Фанатик не коммунист, а старообрядец и враг человечества.

Если при классовой системе общества были такие решающие типы, как капиталист и пролетарий, то при коммунизме они перейдут в такие, как изобретатель и кочегар, квалифицированный мастерской и чернорабочий.

Если даже обеспечить этим производственным категориям (к чему мы уже идем) равный государственный паек, то это дела не меняет.

Конструктор динамо-машин и слесарь могут рядом сидеть в театре, но на заводе они в разных местах — этого требуют интересы производства.

Ясно, что профессиональные союзы есть отголоски классов. И задача коммунизма в производстве — это уменьшить противоречие общественных отношений от зверства классов до терпимости профессионализма.

На вид это мало и недостойно нашего великого Октября, в действительности это очень много, неизмеримо много с успехами прошлых веков. Повторяю, надо уметь мыслить и оценивать голову, а не поражаться коровьим сердцем.

Гора заслуживает удивления, но только песчинка от этой горы — изучения. В бесконечности прячется космос — это просто и понятно. Но космос в ничтожном явлении (хотя бы в Октябре) это чудо. И, изучив до конца один Октябрь, мы изучим всю историю человечества, прошлую и будущую. Вот в чем дело.

Октябрь повторится. И повторится профессионализмом. Но повторится так, что коммунистическое человечество будет поставлено перед вопросом — или передача производства машине, или гибель. Припертое к стенке общество решит этот вопрос, как оно решило большевизмом аналогичный вопрос в семнадцатом году.

Мы — одно. И если станки нас разделяют, то пусть останутся одни станки.

Человечество идет к синтезу личностей и в характере, и в телесности. И производство лишь отрезок дороги, по которой мы идем и идем.

Мы уходим все выше и ищем и делаем ту высшую сферу жизни, ради которой сотворим еще раз Октябрь.

Профессионализм же обеспечивает будущий Октябрь.

<Ноябрь 1920 г.>

ВЕЧЕР КОМСОЖУРА

Десятого ноября комсомужуром был устроен вечер-концерт, сбор с которого поступит в помощь фронту. В большей своей части вечер прошел изящно и не пах пошлостью.

Актер студийного театра т. Захарчук прочел «Трубадур» — о певце, который сильнее королей и богаче бога жизнью. Товарищ прочел с огромным открытым чувством и всех убедил, что выше певца нет существа на земле. И, может быть, в будущем люди сравняются действительно, когда вместе сойдутся в искусстве.

Пианист т. Романовский сыграл несколько серьезных, но старых, буржуазных вещей. Но от музыки только тогда может человек быть счастливым, когда он звуки свободно переводит в отчетливые, чистые мысли. В вещах, которые играл Романовский, этого нельзя было сделать: слишком изощрены, сложны и «тонки» были идеи произведений. Объевшаяся всем, пресыщенная буржуазия иначе не могла творить — ей не хлеб, а конфекты, не женщины, а воздушные фурии нужны были в искусстве. Нам это непонятно. В музыке Шуберта и Рахманинова выражено не стремление познающей мысли, а усталость сознания, смерч безумия и бредовые искания.

Романовский тут, конечно, ни при чем. И независимо от содержания можно наслаждаться мастерством исполнителя. В особенности в вещах Рахманинова, в этом преступном кровосмешении звуков и в этом изощренном болезненном мастерстве. Но Романовский преодолел и это и показал, насколько велик он даже как равнодушный мастер. А мастер — начало художника.

<11 ноября 1920 г.>

МАСТЕР-КОММУНИСТ

Военно-политическая схватка коммунизма с капитализмом сменится, и скоро сменится, схваткой *производственной*. Революция станет борьбой за усовершенствование и расширение производства.

Что такое социальная революция, как не борьба с капиталом за сохранение и усовершенствование производства, который раньше сам был организатором производства, а теперь стал его разрушителем.

Восстановить, удесятерить и освободить производство на земле во всех его областях — основная и главная цель социальной революции. Мы бьемся за производство, в этом все.

Производство — основа жизни. И когда его выбивают из-под ног, того сметает с земли рука желающих жить людей.

Причина социальной революции в том, что капитализм начал разрушать самые корни жизни — производство. Это почувал пролетариат и схватил его за горло.

Революция идет, по отношению к капиталу, сверху вниз: сначала пролетариат сбил всю идеологическую голову капитала — политику. Теперь она развивается дальше, добирается до живота его, до самой сущности — системы производства и переворачивает ее. Революция далеко не закончена, и главные силы врага не сбиты.

Задача военно-политического подавления капитала наполовину решена. Очередная задача пролетариата — разрушение системы капиталистического производства и создание коммунистической.

Начать это и сделать должна коммунистическая партия. Она должна из политической передовой силы превратиться в организационно-*производственную*, в техническую. Коммунисты из политиков, агитаторов, ораторов должны превратиться в техников-специалистов, мастеров производства, руководителей и обновителей труда.

Только тогда мы окончательно избавимся от капитализма, только тогда мы оживем по-настоящему, по-коммунистическому.

Партия должна перейти на новый фронт — производственный и доделать то, что она начала в политике.

Партии необходимо переменить оружие и даже в своей сущности измениться, так как это нужно для завоевания, возрождения и усовершенствования подавленного производства.

Как осуществить это практически?

Ввести в существующие партийные курсы, школы и институты преподавание организационно-технических знаний и подготовить из коммунистов не только агитаторов, но и слесарей, механиков, электромонтеров и организаторов технического коллективного труда, способных в корне переломить существующую капиталистическую систему производства и заменить ее коммунистической.

Для этого коммунисты должны уйти в мастерские, на заводы и найти практические методы перерождения производства из капиталистического в коммунистическое. Не предрешая этого вопроса теоретически (т. е. каким именно путем должна произойти эта замена производственных систем), можно только определенно сказать, что пути эти уже есть, уже найдены, и в них надо ввести только поправки, какие укажет практика.

Значит, если мы хотим сделать мир коммунистическим, медленно нужно переорганизовать коммунистическую партию на производственную ногу и отправиться в поход на заводы и мастерские для создания нашего производства.

Коммунист-мастер, коммунист-слесарь, эти понятия должны стать вещами, жизнью и орудиями производственного Октября. Мы должны атаковать производство техниками-коммунистами и изменить весь его строй.

Что значит мастер-коммунист?

Они есть и сейчас. Это не значит, что человек с техническим образованием состоит членом РКП.

Это значит — изобретатель, искатель новых, лучших методов труда.

Это изобретатель коммунистического производства. Сущность же коммунистического производства может быть только в одном — в замене везде, где можно, человека машиной, в подавлении железной необходимости без конца и мученически трудиться и в конце концов в спасении человека от материально-производственного труда и предоставлении человеку лучшей участи. Но это — потом.

Сейчас же мы должны пройти через труд, преодолеть его через абсолютную механизацию производства, совершенную технику, т. е. именно одолеть нашу тяжкую повинность коммунизмом труда.

Для этого надо выработать организационно-производственную, техническую программу РКП и обрушиться на весь ослабший, еле дышащий аппарат производства.

Коммунисты — слесаря и токаря, электрики и конструкторы пусть наполнят старые мастерские и зальют их живой водой.

От митинга к станку — по такой дороге партии необходимо пройти, чтобы расширить капитализм до конца.

От оратора к слесарю — это путь каждого члена РКП. Каждый должен изучить техническую специальность и в мастерской, делом, технически должен вести пропаганду за коммунистическое производство.

Член РКП необходимо будет и мастером.

Надо развить в рабочих массах культ, «религию» производства. Их надо зажечь верой во вседарующее, ошастливливающее производство.

Жизнь и производство — это одно и то же.

Жизнь любит каждый — и здесь основание для агитации за производство.

Но агитировать нужно не словом, а мастерством и усовершенствованием самого аппарата производства путем коренной ломки и сплошной механизацией.

Партия пойдет впереди: партия совершит Октябрь в системе производства.

Цека должен практически разработать приемы борьбы на этом новом партийном общепролетарском фронте. Сама партия должна измениться и перевооружиться для новых битв за коммунистическое производство.

<Ноябрь 1920 г.>

ГОЛОВА ПРОЛЕТАРИАТА

Сейчас пролетариат уже имеет свое крепкое тело, живой, сильный организм — ему надо создать себе голову, выстроить ее на себе.

На молодом теле пусть будет молодая, ясная голова, новое сознание. У младенца голова ребенка, а не облупленная седая дедовская башка.

Эту простую мысль забывают те, кто противится пришествию пролетарской науки и искусства и отвергают самостоятельность культуры пролетариата.

Маркс говорил, что всякой общественной организации соответствует определенная, и только одна, духовная, культурная надстройка. У капитализма как общественной организации эта культурная надстройка, выросшая из низших основ капитала, была такая-то, а у коммунизма эта культурная надстройка, голова, будет иная, ибо ведь у капитализма и коммунизма первые простые экономические основы, из которых исходит всякая культура, совсем разные.

Говорят и утверждают — культура непрерывна в человечестве. Да, потому что человечество непрерывно. Но человечество потому и вечно, что всегда меняет свой состав и свою сущность. Смерть вечно обрабатывает жизнь и очищает ее. Бессмертие сейчас преждевременно: люди его недостойны.

И культура тоже *постоянна*, но потому и постоянна, что изменяет постоянно свое содержание, как бы приспосабливается к господствующему духу времени, и поэтому время бессильно уничтожить ее.

Человечество и его культура — ураган, который каждый миг не тот.

Вот мы и подошли теперь к тому, чтобы изменить культуру и тем спасти ее, как подошли мы три года назад к Октябрю, чтобы спасти землю от капитала и империи.

Мы всегда побеждаем, когда ставим дело революции на военную, диктаторскую ногу, когда сознаем необходимость нашей победы.

На фронте борьбы за свою культуру мы должны поднять беспримерную войну. До этих пор мы дрались за свое тело, за

каждый вздох своей жизни. Теперь мы так усилились, так развились, что нам нужна голова, мозг, ясная мысль.

У буржуазии была религия, было искусство и наука, и она до сих пор бьет этим оружием пролетариев. По всей России еще звонят колокола и молятся богу.

Своя культура нам необходима, без нее нам скоро не кончить гражданской войны.

Русский пролетариат сознателен не весь, большая его часть темна. Маленькая передовая сознательная часть (Коммунистическая партия) тянет за собою всю громаду русского народа, качает и раскачивает его, протирает глаза сонным рабам.

Чем партия скорее вдунет живое сознание в темную израненную душу народа, тем скорее завершится революция.

Теперь стало ясно всему миру, что лучшее оружие войны не миллионные армии и тяжелая артиллерия, а то неуловимое, что называется духом, сознанием, что одно в человеке не боится смерти, если нужно умереть.

В сущности сознанием пролетариат обладал и до своего господства, а значит — и культурой.

Но сейчас нам нужно организовать те начатки культуры, сделать из них боевую силу, переселить дух в тело и спаять из разбросанных, расщипанных нервов единый мозг, одну голову. Слить верные, но случайные, оторванные, слабые мысли в одно ясное, торжествующее сознание, которое одно способно подавить мир капитала, ибо теперь уже ясно, что главная и страшная сила пролетариата это его сознание, душа. В человеке тоже страшен не камень в руке, а видящая голова.

В первую очередь надо объединить сознание отдельных пролетариев в коллективное сознание, общее всем. И из него вывести культуру, т. е. последние достижения в области науки, искусства, религии.

Работа коллективного сознания пролетариата будет на два фронта: критика и подавление культуры буржуазии и творчество из критики старого новой культуры.

Всякая тайна мучает, неясность обессиливает. А мы, пролетарии, еще не все понимаем, не видим от начала до конца своего дела и бьемся не с нужною для победы силой.

Только сознание вдохнет в нас живую свежую мысль, только голова, которая видит, знает и думает, расшибет буржуазию.

Как нам начать битву за свою голову, мысли, я напишу, когда увижу все яснее, чем вижу сейчас.

Но это делать надо всем, а не одному, и поэтому пишите нам об этом, товарищи, как лучше начать и скорее добиться своей жизни на земле, ибо и сейчас мы все-таки еще не живы по-настоящему.

<Ноябрь 1920 г.>

АНАРХИСТЫ И КОММУНИСТЫ

Мы будем рассуждать не о тех людях, которые бродят по деревьям и лесам, режут и грабят и называют себя анархистами. Они — не анархисты, им имя дает их дело.

Настоящий же анархизм есть учение о ненужности и вредности всякой власти на земле, учение о безначалии.

Если изучить капиталистическое учение, а потом за ним — анархизм, то можно увидеть в них глубокое сходство. И больше того: анархическое учение есть прямой, однокровный наследник учения буржуазии.

Что требовал капитализм для себя? Свободы, прежде всего. Но только для себя — все остальное должно быть ему подчинено, и государства для осуществления такой свободы капитала строились так, чтобы капитал в них был началом и господином.

Анархисты же, думая о необходимости справедливости на земле и о равном распределении богатств среди людей, хотели это осуществить уничтожением всякой власти, они хотели раздробить капиталистическую машину и рассыпать людей, чтобы дать им волю.

Иначе говоря, они хотели уничтожить организацию капитала и потом из человеческой беспорядочной, темной смеси создать новую организацию, имеющую в каждом человеке начало и конец.

Анархисты всегда напирают на то, что их учение шире учения о политике и хозяйстве, что анархизм заложен в природу человека, он одна из основных сущностей человека.

Сопоставляя это опять-таки с учением капиталистов, с их положениями о природном влечении человека к собственности, к личному богатству, очень ясно, откуда течет анархизм. Он тоже учит о мощной человеческой личности, которая превыше всего, о бесконечном устремлении ее к победе над всем, т. е., в сущности, о хотении человека приобрести в свою собственность весь мир — это конечная, все покрывающая, последняя откровенная мысль буржуа.

Анархизм есть развитие буржуазного капиталистического учения.

Коммунизм есть тоже, по сущности, развитие капиталистического учения, более совершенная форма мирового хозяйства. Но анархизм есть развитие капитализма вширь, а коммунизм — вглубь. В этом вся разница.

Анархисты не перестроят, не изменят мира, они разовьют, расширят капитал в его старой рубашке. Они и капитал не изменят, а только откроют ему шире ворота.

Коммунизм изменяет форму капитализма и дает ему общечеловеческий характер. Делая единственным капиталистом-собственником на земле *все* человечество, соединяя все богатства в одно, для одного хозяина.

Анархизм же исходит из мелкого озверения, остервенения отдельного человека буржуазного общества, захотевшего тоже стать «вольным» человеком — буржуем.

Этим капитал не убьешь, а только погладишь его.

Коммунисты пошли другой дорогой. Они вовсе не разрушают той действительно общечеловеческой сущности, которая есть и в капитализме, — желания блага. Они только делают капитал общечеловеческим, дают ему мировую организацию, строгие, точные формы, единую окраску.

Осуществляют они эту цель через пролетариат, через его человеческое влечение к благу и жизни, прибавляя к этому еще то, что личнокапиталистическая форма хозяйства по многим условиям превратилась в разрушителя всякого хозяйства на земле, в хищника.

И коммунисты ведут пролетариат весь, а не пролетариев.

Они завоевывают собственность, богатство земли для всего пролетариата, чтобы было возможно превратить имеющееся уже богатство путем организованного труда всех людей в еще большее богатство, в еще большее благо.

Личную, отдельную собственность коммунизм сливает в единую собственность пролетариата, человечества и делает эту собственность оружием дальнейшего труда.

Коммунизм есть усовершенствование капитализма, придание ему совершенной формы через превращение в хозяина всего человечества.

Анархизм же есть утверждение капитала в старых формах, топтание на месте, его простое развертывание, желание одного человека победить других, и стать «свободным» человеком — буржуем, и даже сделать из себя бога.

<Декабрь 1920 г.>

ВЫКЛЮЧЕННЫЕ ДНИ

Сейчас у нас есть несколько церковных праздников, в которые все заводы и мастерские всей РСФСР останавливают машины и отпускают рабочих.

Эти праздники признаны декретом днями нерабочими.

В стране, воюющей за социализм, объявившей смерть пред-рассудкам, и самому опасному из них — религии, в такой стране такой закон может объясняться только как уступка еще невежественной религиозно настроенной массе, как уступка временная.

Но, кроме этой безличной, пока еще враждебной нам по невежеству массы, есть в России передовой, двигательный, ведущий организм рабочих-коммунистов, которые волокут за собой на баррикады революции всю громаду еще только просыпающейся России. Они дают тон и цвет русской революции, а русская революция начинает уже давать краску всему миру.

Значит, организованный коммунистический пролетариат России начинает становиться головой, командующим центром мировой жизни. Это он поставил человечество на новые, быстрые колеса.

Жизнь Красной России должна быть жизнью ее организованного пролетариата, и этот пролетариат не должен отступать от своих основных принципов в угоду не поспевающей за ним массе.

Поэтому закон о нерабочих днях — церковных праздниках — должен быть изменен. И вообще все законы об отдыхе должны быть пересмотрены.

На первое будущее с церковными праздниками можно закончить так: церковные праздники объявляются рабочими днями, машины не останавливаются, гудки гудят, но с таким условием: старые рабочие с религиозными пережитками освобождаются от наказания за неявку на работу в такие дни, для всех же сознательных рабочих и коммунистов труд в эти дни обязателен.

В первое время на работу не будет являться огромное большинство: бог превратится в покровителя лодырей. Но небольшая часть рабочих придет в мастерские.

При теперешнем строго организованном, взаимном, преемственном процессе производства с такой маленькой кучкой все

данное производство запустить полным ходом нельзя. Слесарю нужен токарь, токарю — литейщик, а всем вместе — энергия электрической станции, т. е. ее кочегары, механики и электрики.

Если в такой взаимной производственной цепи будут обрывы, то организованного, целесообразного производства не будет.

Это ясно. Поэтому на первых порах работа в церковные праздники будет вроде субботников — черная работа и отчасти только работа по специальности, повседневная, насколько это можно по характеру труда и другим условиям для некоторых из работающих.

В будущем эти передовые отряды рабочих будут вырастать в количестве, по мере роста коммунистического сознания в самой массе, и это будет крепкая часть антирелигиозного фронта.

Переиздание декрета в такой форме есть единственно правильное коммунистическое решение вопроса о праздниках церкви.

В какие же дни должен, однако, прерываться производственный процесс Республики, а рабочие массы выключаться из труда для отдыха?

Во всей истории до нашей поры этот вопрос решался случайно, стихийно, бессознательно, под давлением предрассудков и совершенно нерационально.

Коммунизм должен этот вопрос решить научно, физиологически. Надо начать с исследования человеческого рабочего организма, открыть кривую его работоспособности, сопротивляемость ядам, усталости, физическую разрушаемость молекул под влиянием повышенной температуры и продолжительного нервного напряжения, надо учесть всякие вредные изменения работающего организма и тоже найти для них кривую.

Это серьезный научный вопрос, но его надо как можно скорее и точнее решить, только тогда мы сможем установить периодические дни, когда все рабочие будут выключаться из производства. Этот день может быть пятым, десятым; может, потребуется установить не один, а два-три дня непрерывного отдыха для приведения обессиленного рабочего организма в работоспособное состояние.

Дни отдыха надо тоже сделать косвенно производственными днями, т. е. чтобы проходили они не бессмысленно, чтобы организм действительно в них накачивался энергией, заряжался, а не обессиливался бы дальше (как бывает в теперешние «праздники»).

Поэтому дни отдыха должны стать производителями работоспособности организмов, т. е. опять-таки — дни отдыха — дни производственные по сущности.

И дни отдыха должны быть так устроены, рабочие обессиленные организмы должны быть поставлены в такие условия, чтобы источники жизненной энергии и радости приходились к ним вплотную, и человек бы действительно становился утром к станку весь накачанный красной кровью и огромной жаждой полного труда.

Наука должна будет организовать производство и все включить в него, все подставить под знак его интересов — даже дни отдыха.

Только одна наука же и сможет примирить с наибольшей выгодой для обеих сторон два враждебных, по сущности, явления — производство и человеческий организм; именно согласовать интересы жизненных, физиологических процессов организма с целями производства.

<Декабрь 1920 г.>

О НИХ

Многие товарищи рабочие считают неправильным и вредным отбор из ихней среды героев труда.

— Мы все герои,— говорят они.— Мы все одинаково работаем. Как я буду героем труда, а вот он нет? Он и будет обижаться, а другие проходу не давать... Да мы так уж замучены, что, по правде, нас ничто уж и не радует...

Это, товарищи, совершенно неправильно. Во-первых, и среди героев есть герои. Труд вообще требует упорства и самозабвения, но к труду относится каждый по-своему.

А что работают все по-разному — один лучше, другой хуже и нет совсем одинаковых двух — это вам хорошо известно.

Тот рабочий, у которого заиграет самолюбие, если его товарища назовут героем труда, тот рабочий — не пролетарий, а буржуазный выродок, ублюдок прошлого и лодырь, ибо настоящий жестокий труд отучает человека любить себя и рождает особое чувство коллективного сознания.

Коммунистическая Россия объявила трудовой боевой поход на разрушенное капиталистами и гражданской войной хозяйство — и теперешний уровень трудовой напряженности слишком слаб для скорой победы над нашим гниющим хозяйством, поэтому для такого трудового похода нужен труд не обыкновенный, теперешний, абы день прошел, а труд героический, ударный, наступающий.

И цель пролетарского государства при выделении и общественном уважении к героям труда — это поднять всех рабочих России до высокого уровня героя труда, сравнять всех по их плечу, чтобы весь пролетариат стал героическим в труде и заново бы отстроил основание своей жизни — хозяйство.

Герой труда — будет имя каждого трудящегося России.

И отбор героев труда, какой делается сейчас, есть именно начало государственной реорганизации всего трудового фронта, чтобы научить товарищей думать, что упорными руками можно все сделать и изменить на земле, что побеждает всегда герой, а не опустившийся обозленный выродок — лодырь.

Геройство в труде есть обязанность каждого пролетария. Теперь это сознали немногие, а в будущем должны сознать все.

Мы должны сделать героями труда всех пролетариев, основываясь на отдельных имеющихся сейчас героических личностях,— вот в чем цель общественного признания героя труда.

При строго организованной системе труда, когда каждому отводится точно определенное маленькое место в производстве, героизму в форме изобретательности часто нельзя проявиться, и он проявляется в упорстве, в изяществе, точности и прочности работы.

Есть такая работа, что если работать без прогулов, не болеть, переносить безропотно тяжелые условия труда и все-таки работать хорошо, скоро и точно, то это уже есть великое мужество.

Геройство тут распыляется, и оно неуловимо. Труд не война, где есть выдающиеся дни и пустые. В труде каждый день — бой, и мастерство — великое оружие. Поэтому нельзя говорить об исключительных случаях, когда вся жизнь, весь труд такого человека — есть исключительный случай.

Многословие героям труда не нужно — им нужна правильная оценка и признание трудового общества.

Социальную революцию совершили пролетарии, постигшие сознанием сущность капитала и сущность пролетариата.

Хозяйственное возрождение совершат герои труда, до конца сознавшие смысл и необходимость великого труда.

Ибо великий труд есть мать богатого хозяйства.

<Декабрь 1920 г.>

ЗНАМЕНА ГРЯДУЩЕГО

Дети из очага при ДOME Коммунистов несколько раз сыграли сказку Андерсена «Свинопас».

Играют дети бесконечно хорошо, гораздо лучше больших людей, это надо открыто признать.

Главная сущность детского театра — чудесность, светлое обаяние сказочной, далекой жизни и совершенное преобразование детей в героев золотой сказки.

В театре же старых людей всегда много мертвых действительных вещей, настоящей, наглядной, твердой жизни, которой в нашем детском, солнечном, смеющемся мире по правде нет.

Дети — неполные сосуды, и потому туда может влиться многое из этого мира. Дети не имеют строгого, твердого своего лица, и потому они легко и радостно преобразуются во многие лики.

И те девочки, которые играли в сказке Андерсена принцесс Розу и Маргариту, на самом деле были принцессами — в этом им верили все, а сами они больше всех.

Как живые пламенные знамена грядущего трепетали дети в восторге игры на сцене. И тайный стыд охватывал всех больших: почему мы такие плохие и ничтожные, а наши дети — такие радостные и вольные.

Большие — только предтечи, а дети — спасители вселенной.

Их «дядя Костя», из живых самый живой человек, потому что друг всех маленьких, знает, кто такие дети, и поэтому отдается им и служит им, как редкие из больших.

Кто видел детей в эти дни на сцене, тот теперь знает, что коммунистическая Россия есть единственная обитель детей на земле и все большие должны пасть жертвой за эту обитель грядущего.

<Декабрь 1920 г.>

КЛУБ—ШКОЛА

По почину руководителей детского клуба при Доме Коммунистов этот клуб расширяется до школы, т. е. дети от игры переходят к знанию. И оба эти понятия (игра — знание) совмещаются, и одно естественно рождается другим.

Это чудесный путь воспитания и, может быть, единственно правильный. От игры, радости, легкого неорганизованного труда по выбору переходить к системе, организации, скопленному труду всего прошлого — знанию.

Знание произошло из игры и свободного, нечаянного наблюдения далеких от нас существ, на заре зарождения сознания в мире. На той пограничной резкой черте, где мощные чувства, страсти животных по необходимости произвели сознание — новую силу вселенной, носителем которой в полной мере явится впоследствии человечество.

В ребенке сосредоточено все прошлое жизни, и в этом прошлом чуть очерчены контуры будущего, хрупкие фигуры еще не бывшего, но возможного.

И в первые дни-годы жизни ребенок переживает давно пережитое: он бывает зверьком и быстрыми шагами проходит всю историю общей жизни, которая сосредоточилась и в нем. Ребенок и есть отпечаток всего прошлого. Только он миллионы веков проходит в дни и короткие годы. А искусственным воспитанием этот процесс роста усиливается, ускоряется — и ребенок быстро насильственно поднимается до современного уровня человечества. Но воспитание надо начинать не прямо с высокого искусственного уровня, к какому близок большой человек — воспитатель, а следовать за естественным, физиологическим процессом маленького организма, т. е. начинать воспитание с самого низшего, примитивного, наипростейших инстинктивных жизненных функций. Иначе говоря, чтобы создать человека, надо по примеру природы начать с животного и с того, что было раньше животного, — с бессознательной, рефлексивной, механической жизни первобытных организмов.

Ибо ребенок — это человек вначале, т. е. еще животное.

А воспитание есть работа за природу, но та же работа природы. И воспитание есть только великая имитация приро-

ды, и пусть оно будет им. Это его единственный, истинный смысл.

Воспитатель же, педагог должен только идти в ногу с ребенком и не перебивать, не путать его, а попевать за ним.

А знать воспитатель должен только одну науку: каким образом протекает этот процесс перестройки инстинктов в сознание в самой своей естественной форме в ребенке и способствовать этому. В этом все.

Самый хороший, самый разумный и сильный человек вышел бы тогда, если бы ребенка выкормила волчица в лесу, а когда он подрос и ушел бы от нее, то построил бы курень на реке, ел бы траву, а потом стал охотником, а потом пришел в города и одолел все книги и всякое человеческое знание, т. е. стал бы сам человеком, развил бы до конца ту возможность, которую он имеет по рождению от отца — человека.

Но искусственное воспитание должно только создать такие условия и дать свободу кипению органических и исторических сил в ребенке при росте.

Создание из клуба школы есть самый хороший и короткий путь. Тут отчасти выдерживается такой принцип исследовательской естественной, органической педагогики. Клуб и школа должны совмещаться не только временно, потому что школа произошла из клуба. Дальше школа должна очищаться, и все меньше становиться клубом, и все больше быть школой. Знание все меньше должно становиться игрой, радостным случайным опытом, и все больше системой, организованным познающим усилием, нарочным целесообразным опытом.

Перед устройством такой чисто коммунистической школы, какая будет в Доме Коммунистов, совет воспитателей должен произвести огромную работу: все должно быть пересмотрено и подвергнуто критике.

Но детский клуб училищем не станет, а превратится в школу, и бывшие учителя туда не проберутся. Он станет зародышем красной культуры, культуры сознания. Предстоит очень большой труд, его надо проделать самим, ибо никакая инструкция Наркомпроса не поможет. Надо пересмотреть все области знания, самую их сущность, и изменить их, ибо между арифметикой гимназической и арифметикой марксистской широкая глубина, а история Иловайского и коммунистическая история (я везде разумею разницу точек зрения) есть православие и наука — несовместимые вещи.

Клуб-школа при ДOME Коммунистов должна стать самой коммунистической школой в губернии, началом великого перерождения педагогики, отрядом Октября культуры.

<Декабрь 1920 г.>

ТВОРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Газета есть обычная, рабочая мысль общества, организующая его действия. Она есть постоянное, непрерывное сознание пролетариата, направляющая его удары по природе и по прошлому, по всему враждебному и мертвому.

Одно из главных отличий пролетариата от буржуазии состоит в том, что пролетариат есть динамическое, критическое человечество с до конца расцветшим интеллектом; буржуазия же всегда стремилась остановить на себе эволюцию, развертывание человечества, окаменеть, сделать догматами свои истины, прочно и навсегда утвердиться на земле.

В теснинах современной газеты нельзя освещать вопросы до конца, и я перехожу к прямой цели статьи.

На печати, на газетах и книгах даже эта природа буржуазии отразилась ярче всего. Больше того, буржуазная идея о цели и смысле печати глубоко проникла в пролетариат и до сих пор им не изжита.

Газета — это мировая информация, переработанная в редакциях так, что представляет из себя скрытое насильственное убеждение, тайную пропаганду, оборону и нападение командующих застольных классов.

Это буржуазное понятие о газете.

Широкое, полезное, но мелкое и ничтожное.

Газета есть равнодействующая всех индивидуальных сознаний — она есть, следовательно, говорящее, громкое, открытое общественное коммунистическое сознание; газета есть самопознание общества и регулятор его жизни.

И самое главное: если мир есть — потому, что он есть постоянное, непрерывное самовозобновление, самовозрождение, совмещение разрушения и творчества, так что и разрушение есть творчество. Нет разрушения. Мир есть творчество мира.

Если труд-творчество и жизнь — понятия совпадающие, потому что в труде есть такая же, как и в самой жизни, увлекающая глубокая, чистая сила *<в газете несколько слов пропущено>* трудно, а оторваться невозможно. Каждый день горячими ветрами бродят среди людей глубокие, сияющие мысли, стихийно (пока, пока) самозарождаются в обычной, будничной нестерпимой ра-

боте великие технические изобретения и новые конструкции мировоззрений. Мир очищается и начинает думать.

Движение, механика, изменение относительного взаимного (а следовательно, и абсолютного — это мы после выясним) положения — вот в чем весь вопрос вселенной.

Из орудия междуклассовой общественной борьбы газета при коммунизме должна превратиться в орудие борьбы человечества с космическими стихиями, со всем, что не человечество и вне человечества.

Вот в чем разница взглядов пролетариата и буржуазии на газету. Но газета как орудие борьбы с природой — смешная штука, бумажный парус в расплескавшемся океане.

Это видная правда. Видная правда это и то, что газета, когда коммунизм станет мировым явлением, уничтожится и ее место займет книга, более глубокое и точное средство познания. Ибо и человечество растет не ввысь, не вширь, а вглубь.

Бороться с природой надо серьезными, тяжелыми вещами — книгами, наукой, а не листами газет и мгновенными мыслями.

Газета же есть только принадлежность междуклассовой борьбы, явление несложившегося, неспевшегося человечества — и с уничтожением классов, противоречий, с наступлением совершенлетия, мужественности человечества газета будет не нужна.

В социальной же революции значение газеты первостепенно, т. к. именно тут классовая борьба достигает предельной точки.

Но газета в этот период пролетариата должна в корне измениться, а не сохранять прежние, буржуазные способы работы. Она будет творчеством сознания, а не голой любопытной информацией. Редакции должны расплыться по всему массиву пролетариата; журнализм, как и государственное управление, должен стать общегражданским делом, обязанностью каждого пролетария, а не кучки их.

В программу общеполитического воспитания пролетариата и сродных с ним масс партией должен быть включен и журнализм как наука о выражении классового сознания.

Редакция должна стать простым техническим аппаратом, экономизирующим средства выражения сознания.

Редакция — *излагающий* механизм, а не *перелагающий*, как сейчас, чужое сознание в меру своего, отчего получается битая газета, не умнее своих главных сотрудников.

Пролетарская газета должна печатать все, написанное пролетариями, ибо каждый пролетарий потенциально коммунист и стричь его мысли в духе марксизма, который так немногие по-

настоящему понимают, это значит оскорблять пролетариат, упрекать его в неслыханной вещи — сочувствии капитализму и общественно проявлять свое паскудство.

Мы требуем свободы выражения сознания *для пролетариата*. Мы требуем реорганизации редакционной системы. Лучшая редакция газеты — мастерские.

Пролетариат — всегда коммунист, и цедить его мысли в маленьких комнатах — паскудство.

Мы угрожаем, если система печати не будет изменена.

<Декабрь 1920 г.>

НОРМАЛИЗОВАННЫЙ РАБОТНИК

Нормализованная гайка есть лучший кусок социализма,— сказал недавно т. Троцкий.

Так. А нормализованный работник — лучший коммунист.

С переходом республики на трудовые рельсы надо переопределить понятие коммуниста и изменить все поведение РКП.

Мы же все знаем, что человека создают внешние объективные условия его жизни. Субъекта создает объект. Партию тоже создали исторические условия, необходимость сопротивления пролетариата разрушающим стихиям капитализма.

Военное сопротивление капиталу теперь сменяется трудовым. Партия и вся созданная ею коммунистическая Россия тоже должны соответственно изменить позицию.

Мы должны обладать способностью приспособляться в полной мере, чтобы выжить на этой земле и разбить всякого врага. Приспособляемость — лучший способ побеждать.

Сущность России — РКП — должна измениться, чтобы сокрушить капитализм посредством высшей формы хозяйственной организации и усовершенствования трудовых приемов.

Только теперь мы совершаем главную часть социальной революции. Так как социальная революция и есть реорганизация мирового хозяйства и распространение, универсализм труда.

По мысли т. Троцкого скоро будет созвана инициативная конференция по научной организации труда в производстве. Программа конференции глубоко продумана и отвечает практическому моменту хозяйственного положения страны.

Одного нет в этой программе — нормализации работника (хотя косвенно соприкасается с этим вопросом пункт программы о психофизиологических задачах организации труда).

А без разрешения этого вопроса на всем лике всего труда останется язва.

Что значит нормализация работника?

Тут два понятия и два последовательные решения вопроса.

1. Изучение всех областей труда, всех специальностей, всех трудовых методов и параллельное изучение характера (психофизиологии) трудящихся личностей. Потом найти наибольшее соответствие, наиболее высшую гармонию между данным характе-

ром трудящейся личности и какой-либо сферой труда. Тогда между трудом и человеком будут самые нормальные, самые выгодные для производства и для самой личности отношения.

Наибольшее соответствие способностей данной личности к определенным производственным процессам — вот в чем решение вопроса о первоначальной нормализации работников.

Но это только половина решения всего вопроса, революционный компромисс буржуазному индивидуализму.

Полное решение вопроса о нормализации работников вот в чем.

2. Создание путем целесообразного воспитания строго определенных рабочих типов.

С первого вздоха два ребенка должны жить в разных условиях, соответствующих целям, для которых их предназначает общество. Если один ребенок будет со временем конструктором мостов, а другой механиком воздушного судна, то и воспитание их должно соответствовать этим целям, чтобы механик атмосферного судна чувствовал себя среди моторов, в своем специфическом трудовом процессе счастливым, как в рубашке по плечам. Иначе говоря, чтобы он был в своей полной органической норме, в психофизиологической гармонии с внешней средой. И тогда его производство будет в высшей степени продуктивным, чего добивалось коммунистическое общество от этого своего члена.

Значит, решение вопроса о трудовой нормализации членов общества — в их нарочном воспитании, искусственном изменении характеров, соответствующем производственным целям общества.

Нам надо слить труд с жизнью, а производственный процесс с физиологическими, нормальными функциями организма человека. Чтобы все это было одно.

Дело социальной коммунистической революции — уничтожить личности и родить их смертью новое живое мощное существо — общество, коллектив, единый организм земной поверхности, одного борца и с одним кулаком против природы.

К этому предвидению мы подошли не через фантазию, а через распознавание естественных стремлений личностей к взаимному соединению.

<Декабрь 1920 г.>

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

(Общие понятия)

Электрификация есть такая же революция в технике, с таким же значением, как Октябрь 17 года.

Именно по электрификации можно понять ценность Октябрьской революции.

С введением ее в жизнь все лицо заводов, мастерских, все лицо труда переменится. Больше того, от перемены труда изменится и самый характер, самая сущность людей.

Главное определение понятия электрификации в том, что она есть более выгодный способ передачи энергии на расстояние, чем все раньше бывшие и существующие теперь.

Электрификация, значит, самым экономным образом разрешает великий вопрос техники — передачи силы на большие расстояния с наименьшей утечкой ее при этой передаче.

Второе — это то, что никакая из известных человечеству сил во вселенной не поддается так легко и с такой малой непроизводительной потерей силы трансформации (превращению в другую силу; есть еще трансформация такая, когда величины электрического тока — сила и напряжение — взаимно изменяются одна за счет другой).

Третье.— Электрификация дает экономию в машинах (в их числе, материале, величине), экономию в числе рабочих, экономию в месте для силовых установок, увеличивает прочность рабочих механизмов (прочность электромоторов по сравнению с другими двигателями во много раз выше), экономит смазочные материалы, упрощает уход за моторами, понижает уровень напряжения сознания при труде — и многое другое, что пока трудно учесть, несет электрификация.

Какие теперь существуют способы передачи энергии?

На земле источники, так сказать колодцы сил, распределены очень неравномерно. Где очень много таких источников, складов силы, а где лежат мертвые непроходимые пустыни без признака на залежи энергии.

Хотя с движением науки вперед это все больше опровергается и все больше доказывается, что энергия в разных своих видах залегает везде по вселенной и как будто даже равномерно, только она имеет разные, неизвестные нам пока, формы. И чем боль-

ше человек научается переводить неизвестные формы энергии в известные ему, тем больше он находит силы везде. (Например, много говорят о могущественной, невиданной энергии радия, но дело в том <что>, пока мы не научились трансформировать, превращать лучеиспускание этого металла в известную нам полезную форму энергии, которую прямо можно использовать,— в электричество, движение и т. д.,— радий для нас хрустальный дворец, к которому еще не сделан никем ключ. Есть частичное использование радиоактивных лучей в медицине. Но там используется только ничтожная часть мощности радия, маленькая возможность его способностей.)

Но мы берем современный уровень науки и видим, что полезная энергия на нашей планете залегает очень неравномерно: то оазисы, плодородные зеленые места, то пустыни.

Какие же эти залежи сил? — Это угольные месторождения, месторождения нефти, лесные и торфяные разработки, водопады, пороги и вообще водные напоры, все реки — весь белый уголь.

Дальше идет пока мало использованная форма энергии — атмосферные потоки — ветры, так называемый серый уголь, хотя правильнее было бы назвать его голубым углем.

Еще дальше идут химические процессы, тоже пока совсем почти не использованные для рабочих целей.

Прежде всего скажем про чудесную реакцию окисления, которая вечно происходит во вселенной.

Материя всей земли сгорает, т. е. соединяется с кислородом атмосферы. В этой мировой химической реакции участвуют и выделяются у нас под ногами и над головой неизмеримые, почти бесконечные силы, а мы их еще не умеем заставить вращать наши станки и динамо. Горит не только солнце, но и земля, горит один жаркий неугасимый костер, и его теплом топится бесплодная вселенная, а не наши котлы.

Бесконечно много форм и количества имеет энергия вселенной, но мы еще сами слабы и не покорили их.

Нашли только несколько грошей и ими живем и играем.

Задачи техники — идти передовым отрядом на завоевание энергии. Если мы завоеваем энергию, т. е. научимся бесполезные и неизвестные по своей форме силы превращать в полезные, известные, то мы воистину покорим мир, все.

Ибо мир есть явление силы, сплошная, полная, бездонная энергия.

Тогда человечество станет совершенным, абсолютным существом, когда оно весь стихийный, безумный мир переведет на

простое вращение шкива и когда оно в сознании поймет, какова сущность самого этого движения — вращения.

Пока мы можем переводить только некоторые немногие формы энергии, до тех пор для нас энергия на земле — где есть, а где нет. Но люди живут по всей земле, и энергию нужно распределять почти равномерно тоже по всей земле.

Это осуществляется транспортированием, переброской энергии.

Но каким?

Простым, почти первобытным до сих пор и, на наш взгляд будущих электрификаторов,— чудовищным и жалким, как будто люди действительно стали воду решетом таскать.

Транспорту, передаче, благодаря отсутствию электрификации, поддавались не все даже известные полезные формы энергии.

Водные и атмосферные напоры, например, передать было невозможно.

Можно только нагружать вагоны углем, нефтью, дровами, торфом у самых месторождений их и перевозить к пунктам, где никаких естественных источников силы не было.

Передача энергии на расстояние была и есть сейчас просто перевозка материалов, в которых залегают энергии.

И сейчас таким передатчиком сил служат железные дороги больше всего.

Следовательно, задача техники и отчасти электрификации в том, чтобы залежи, неровные горы энергии распределить равномерно, пропорционально количеству населения и высоте промышленной и общей культуры.

Переброской угля, нефти, торфа и дров это и осуществляется.

Трудность и большая стоимость такого транспорта, явная бесхозяйственность этой системы теперь видна всем.

Нужно содержать дорогие, сложные, пожирающие огромное количество труда железные дороги, по которым перебрасывается энергия в бесплодные, так сказать, сухие промышленные пункты.

Даже по привозе топлива на место мы без электрификации заводов затрачиваем его во много раз больше, чем собственно нужно для данной производственной цели. Об этом будет сказано потом.

Тяжелый дорогой теперешний транспорт энергии по железным дорогам убедителен для каждого, кто видел его, и говорить о нем нечего.

Электрификация же дело упрощает и в несколько, очень во много раз удешевляет такой транспорт энергии.

Все лицо техники меняется, и даже поверхность земли при электрификации будет не та, что сейчас.

Как же будет осуществляться транспорт энергии при электрификации?

В ответе на этот вопрос и заключается главная сущность электрификации.

При электрификации сила, в виде угля, нефти и т. д., не везется никуда с места добычи, а тут же перерабатывается в электричество и уже электрический ток транспортируется, но не по железным дорогам, не по дорогим рельсам с тяжелыми паровозами, а по тонким дешевым проволочкам.

В этом все. Вся красота электрификации — в ее сравнительной выгоде перед всяким другим транспортом силы. Выгоде во много раз, сбережении труда в бесконечно нарастающую цифру.

На месте выемки из-под земли угля, на торфяных разработках, на водопадах и т. д. строятся прямо несколько больших мощных электрических станций. В своих немногих топках они сжигают добываемое топливо и через турбины и динамо-машины превращают это топливо в электрический ток. Потом этот ток по проволочкам передается далеко по окружности, в места, где нет естественной силы, и там его трансформируют во что угодно, благодаря гибкой природе электричества, — в свет, вращение станков, теплоту или химическую энергию.

Если раньше для транспорта силы требовались дорогие сооружения, как железные дороги, пожиравшие массу ценностей, и четверть или третью часть (смотря по расстоянию) переносимой энергии потребляли на самих себя, т. е. непроизводительно, то при электрификации этого не будет: при передаче энергии по проводу непроизводительно будет теряться самая небольшая часть переносимой силы.

При всяком движении мы сталкиваемся с явлением сопротивления. И вот сопротивление железных дорог при движении по ним энергии во много раз больше сопротивления провода при движении по нему тока.

Это можно доказать цифрами, но и для всякого далекого от электричества человека тут все ясно. Ясно можно представить, вообразить эти два процесса передачи, и сами явления покажут грубую разницу.

Сопротивление провода бегущему по нему току зависит от трех величин: удельной сопротивляемости, величины постоянной, зависящей от природы материала, из которого сделан провод (для меди это удельное сопротивление равняется $1/57$), длины провода и его сечения.

Эти три величины находятся в таком отношении, что общее сопротивление провода равно удельному сопротивлению, умноженному на длину провода и разделенному на его сечение. Следовательно, сопротивление прямо пропорционально двум величинам — удельному сопротивлению материала и длине провода и обратно пропорционально его сечению.

Так. А при передачах сил железным транспортом каково будет сопротивление?

Бесконечно большее, товарищи.

Его можно также вычислить в точных, наглядных, убедительных цифрах, и у вас получится непроходимая, чудовищная разница.

Формулы сопротивления железных дорог и других видов транспорта перебрасываемым по ним материалам с запасами сил имеют бесчисленное количество цифр.

Разница между этими двумя цифрами (сопротивление провода и сопротивление всякого другого транспорта) и заставляет коммунистическое правительство России прибегать к экстренной электрификации страны. Каждый час отсутствия у нас электрификации приносит миллиарды убытков и горы трупов, если перевести бесполезную трату труда на потерю кусочков жизни в каждом рабочем человеке.

Сопоставьте эти две цифры двух сопротивлений при переброске энергий, и в результате вы получите необходимость немедленной электрификации, т. е. в первую голову постройки электростанций на местах добычи топлива или у водных и атмосферных напоров.

При всякой другой передаче энергии есть много таких моментов в промежутках этой передачи, где много пропадает бесполезно самой энергии.

Путь угля от шахты до топки — это крестный путь, где самая драгоценная красная кровь жизни съедается страданиями сопротивления.

Но, конечно, в выгоде передачи не вся суть электрификации, и не это одно заставило Россию пойти на героический труд изменения всей технической системы хозяйства.

Электрификация технически осуществляет коммунизм в производстве, она централизует его, спаивает в одно и уничтожает кустарнические теперешние способы добычи сил. Сейчас что ни мастерская, что ни какое-нибудь ничтожное предприятие, то полная автономия, самостоятельность, техническая независимость. Там свои кустарные средства добычи силы, свои котлы,

двигатели и т. д. Отделенность, «свобода», непроизводительное производство — вот что есть сейчас. Это ликующие остатки капитализма.

Электрификация кладет всякому кустарничеству, самостоятельности, индивидуальности производства конец. Она замыкает все производство в кольцо, в техническую машинную коммуну.

На место сотен слабосильных установок делается одна огромной мощности, которая и снабжает по проводам все ячейки производства.

Тут тоже не меньший выигрыш, чем при транспорте энергии, т. е. если вместо 10 десятичных двигателей поставить один стосильный, то получается не то же самое, а огромная разница: один стосильный двигатель во всех отношениях гораздо выгоднее 10 десятичных. В технике это давно известно.

Потом, дисциплина в производстве, великолепии технического оборудования, как бы тишина труда — все это продукты электрификации.

Вся промышленность, все хозяйство переходит на электрическую тягу, т. е. ставятся везде электромоторы вместо теперешних двигателей внутреннего сгорания и паровых машин.

Сейчас еще по многим производствам в каждой мастерской стоит особый паровой котел и своя паровая машина со сложными тяжелыми трансмиссиями на станки.

Тогда же надо поставить на каждый станок или на несколько их электромотор, который пускается только когда нужно и не трет зря ремни на холостом ходу, как паровая машина с единой трансмиссией.

Еще и сейчас есть такие производственные пункты, где в каждой мастерской, чуть ли не в каждом сарае стоит отдельный паровой котел и отдельная паровая машина с бригадой механиков.

Теперь же, с электрификацией, дело меняется таким образом, что данный промышленный пункт или совсем не имеет своих двигателей, если он энергию получает по проволоке издалека, скажем, из Донбасса, или если и имеет самостоятельный силовой центр, то он у всего завода, у группы мастерских только один — электрическая станция, где топится только один, хотя и большой, котел и работает одна или две турбины, которые тянут динамо, а уже мастерские снабжаются энергией опять-таки по проводам, а не самостоятельными двигателями. Таким манером промышленность механически централизуется.

Жечь ли уголь в двадцати топках, или в одной — это разница. Хотя одна большая топка на электрической станции, конечно,

много больше одной из этих двадцати, но все-таки разница ясная. Смазывать ли двадцать машин, или одну-две — тоже разница.

Содержать прислугу у двадцати двигательных установок или у одной — тоже не то.

Наконец, невозможно осуществить центры производства энергии огромной мощности иначе, как не созданием электрических станций непосредственно у залежей энергий в природе: у угля, на водном напоре и т. д.

Невозможно без посредства электричества перекачать энергию из природы в промышленность, в человеческую культуру.

Вы, например, сжигаете в больших топках огромное количество угля, превращаете теплоту в пар, пар пропускаете через турбины, получаете колоссальные количества механической энергии на турбинных валах, но куда девать эту силу, как ее перебросить в места потребления? — Невозможно.

Но передайте механическую энергию вала в динамо, т. е. превратите движение в электричество, соедините динамо проводами с промышленными пунктами, — и вопрос решен. Создание мощных центральных силовых установок невозможно без посредства электричества — без электрификации, следовательно, и всей промышленности.

Но так как устройство центральных силовых установок — электрических станций — есть способ наиболее выгодного и экономного использования естественных средств, чем маленькие пуговицы сил на бесчисленных пунктах производства, то переход промышленности на электрическую тягу, связанный с устройством центростанций, т. е. электрификация, есть самый выгодный способ снабжения промышленности энергией всех форм (двигательной, светом и др.).

Электрификация не прихоть, не красота, а расчет, обыгрывание природы, разница двух цифр — цифр количества затраченного труда на добывание энергии до электрификации и после электрификации.

Коммунизм борется не только с капиталом, но и с природой. Электрификация есть наша лучшая дальнобойная артиллерия в борьбе с этой природой.

Электричество есть свет нашей земли, оно станет теперь вечно горящим глазом вселенной и, может быть, ее первую мысль. Ибо все можно найти во вселенной, но мысль — только на Земле. Никакая форма силы не превращается в другую форму с такой покорностью и меньшей непроизводительной затратой себя на самый процесс этого превращения, чем электричество.

Электричество — это универсальная энергия. Всякая другая сила может ее произвести, и она в ответ тоже может эту силу, которая произвела ее, обратно воспроизвести.

Для производства электричества всегда нужна другая, более, так сказать, простая сила.

Непосредственно из природы мы электричество получать еще не научились.

Добыть электричество можно из чего угодно — топлива, механической силы, химической реакции и т. д.

И превратить обратно электричество в эти силы, которые родили его, тоже чрезвычайно легко.

Электричество — легкий, неуловимый дух любви: оно выходит из всего и входит во все, где есть энергия.

Электрификация еще решает вопрос о транспорте. Теперь уже ясно, что с паром мы далеко не уедем. Если даже у нас будут миллионы паровозов — все равно и такой транспорт человечество не удовлетворит.

Скорость паровых локомотивов очень ограничена, благодаря их конструкции, сложности, сравнительно малой энергичности пара и пр. Паровозы очень ограничены сами собой, старой идеей паровой машины, заложенной в них, и, главное, непроизводительной потерей огромных количеств энергии, благодаря опять-таки самой конструкции, заставляющей даже при стоянках поддерживать высокое рабочее напряжение пара, т. е. жечь зря топливо.

Идея связи, которая при коммунизме будет особенно сильна, не может быть разрешена паровым транспортом — ее разрешит транспорт электрический.

Как будут работать будущие электровозы — на аккумуляторах ли (т. е. возить с собой запас энергии, как паровозы на тендерах возят уголь), или будут получать энергию по проводу, как трамваи, сказать пока трудно, потому что вопрос решится, вероятно, многими способами.

Аккумуляторы — острейший вопрос электротехники, и до нашей поры он не решен удовлетворительно. Главное свойство хорошего аккумулятора (аппарата, куда, так сказать, накачивается электроэнергия и где она сохраняется, перемещается и откуда берется по мере надобности) — это малый вес и малый размер при большой емкости и при малой утечке энергии через аккумуляторы при хранении.

Это пока не достигнуто. И аккумуляторы на практике применяются редко, особенно в практике транспорта и тяжелой промышленности.

Часто аккумуляторы употребляются на телеграфе. Недавно их применил инженер Махонин для электропоезда, но без дальнейших усовершенствований этот электропоезд в обычный транспорт не войдет.

Передача по трамвайному способу, по проводам — очень дорогое сооружение. Ведь тянуть эти провода придется над всеми железнодорожными линиями на многие десятки тысяч верст. В первое время после электрификации транспорта будет, наверное, смешанное решение вопроса: где будут ходить поезда на аккумуляторах, а где получать энергию из проводов над головой.

Полное и самое практическое решение вопроса будет тогда, когда будет изобретен способ беспроводной атмосферной передачи электроэнергии на расстояния и когда не будут нужны такие дорогие посредники, как аккумуляторы или сеть проводов.

До такой воздушной передачи осталось ждать не так долго: наш мир теперь не тот, что пять лет назад, и что мы предполагали совершится через тысячелетие — совершится завтра.

Электрический транспорт разрешает и вопрос о скорости и эластичности хода ведущей машины. Под влиянием огромных скоростей, которые будут развивать на наших дорогах электродвигатели, земля уменьшится под нашими ногами, сожмется в комочек, а один из наших врагов, пространство, понесет сильнейшее поражение.

Паровозам недоступна скорость электродвигателей от характера конструкции своей машины и самой природы начальной силы — пара. Так же, как и недоступна эластичность хода.

Единение людей, с самой малой затратой времени, нельзя осуществить без электричества.

В последнее время наукой доказано, что отапливать углем, нефтью или дровами котлы для добычи пара — вещь совсем не хорошая, потому что химическими процессами из этих веществ можно добыть столько продуктов и такого качества, что они в конечном счете дадут больше пользы, чем работа от простого сжигания их в топках и превращения в тепло. Отсюда ясно, что нам можно пользоваться только силами водяных напоров и атмосферных потоков, из них добывать электричество, а не из нефти, угля и дров.

Из этих веществ мы будем, может быть, добывать энергию, но уже другим путем: через возвратные химические процессы, что даст много больше.

При электростанциях на атмосферных потоках большую роль могут сыграть аккумуляторы. Строить атмосферные элект-

ростанции мы будем на сильных постоянных ветрах — эти места укажет нам точно метеорология (наука об атмосфере).

Когда электрические потоки будут бродить по земле по всем направлениям — изменится сущность человечества.

Чем сейчас жив пролетариат с так называемой духовной сторонны?

Трудом. Но вот в каком смысле, а не в обычном, пошлом, когда говорят это для того, чтобы указать пролетариату его сущность, как будто бы он сам ее не знает.

Трудом в смысле того, что в нем человек теряет самого себя, забывает, что ему нужна жизнь со смыслом, с целью, с благом, радостью и т. д. Труд поглощает жизнь и освобождает от нее человека. Труд бывает и радостью, бывает и страданием, но чаще всего он бывает забвением. И только благодаря этому уцелело человечество, потому что большие массы пролетариата, корни человечества, жили в трудовом забвении и не помнили себя, не замечали своих великих страданий, у машин и у топок, перед которыми страдания евреев в Египте, муки ассирийских рабов, пытки средневековья — смех.

Империализм был более жестокий хозяин, чем древние цари и полководцы и иезуитский бог. А машина и тот самый молот, который теперь на наших знаменах, были когда-то, недавно еще совсем, острее всех зубьев застенков и тяжелее египетского зноя.

Труд похож на сон. Человечество спало до сих пор в трудовом сне и благодаря этому уцелело.

Буржуазия — это первый вздох просыпающегося, освобождающегося человечества.

Коммунизм будет его последним и полным пробуждением.

Электрификация мира есть шаг к нашему пробуждению от трудового сна — начало освобождения от труда, передача производства машине, начало действительно новой, никем не предвиденной формы жизни.

До этого дня мы лезли к освобождению по лестницам, по высоким деревьям, теперь мы полетим к нему на аэроплане.

Электрификация есть осуществление коммунизма в материи — в камне, металле и огне.

<Конец 1920 г.>

У НАЧАЛА ЦАРСТВА СОЗНАНИЯ

История идет по такому пути, что мысль все более развивается за счет чувства.

И близко то время, когда сознание окончательно задавит всякое чувство в человеке, пол главным образом. Водворение царства сознания на месте теперешнего царства чувств — вот смысл приближающегося будущего.

Царство сознания уже близко, уже началось. Невидимыми маленькими струйками оно выбивается из всех щелей прошлого и настоящего.

С искры всегда начинается пламя, пожар, который сжигает старые дома, плетни и старых спящих людей.

Искры мысли мы сольем в один сплошной огонь и сожжем им землю, зажжем космическую, интеллектуальную, последнюю революцию.

Скоро мы все это выясним и сговоримся. В газете нельзя об этом написать.

Теперь поглядим, какими путями идет сознание в мир, как оно бьется с чувствами.

Общая причина происхождения сознания — это необходимость сохранения и расширения жизни. Значит, та же, отчего произошли некогда и чувства.

Вот, например, нам надо переродить свое хозяйство, усовершенствовать его технику, перестроить человеческие отношения, бить капитал не только кулаками, но и мозгами и т. д.

Это может произвести только сознание, мысль, пока, конечно, под нажимом чувств. Ну, ладно.

Такая работа заострит и усилит сознание и приблизит его восстание.

Здесь придется коснуться только одной области, где зарождается и разгорается сознание, — техники, ее главной части — изобретений.

Красная Россия в тисках нужды и капиталистической осады пускает как средство обороны и победы самое сильное средство — мысль и добывается своего.

Коммунистическая Россия — страна науки. Наука же есть деятельность сознания. Выходит, что Россия — родина сознания.

И из нее вспыхнет последняя, космическая, интеллектуальная революция.

В России сейчас идет напряженная работа по техническим изобретениям.

Люди приучаются думать и осуществляют свои думы в вещах, т. е. изобретают.

Строго и до конца говоря, вся промышленность, все хозяйство, начиная со старинных времен, держались на непрерывной, незаметной изобретательности рабочего класса. Человек инстинктивно стремится облегчить свой труд и все более приспособляется к производственной обстановке, устанавливает все более тесное соответствие между собой, мускулами и трудом.

Изобретений — бесконечное множество. Изобретатели — все, кто трудится. Но бывают моменты, такие переломы, когда приходится ко всему скученному опыту прошлого прибавить один новый элемент, хоть немного совершенствующий данное орудие труда,— и все это орудие резко изменяется, намного (непропорционально прибавленному элементу) совершенствуется и удешевляется в силе и области применения. Если человеку прибавить третий глаз (маленькую часть), то он бы все увидел в другом свете. Так и тут.

Петроградский инженер Махонин построил на Балтийском заводе несколько месяцев назад электропоезд, т. е. поезд на электрической тяге. Этот поезд совершил несколько рейсов Петроград—Москва и обратно с хорошими результатами.

Газеты, поставленные на политическую ногу, очень плохо сообщают технические подробности об этом большом шаге сознания.

Поезд Махонина состоит из семи вагонов (помнится так), три вагона из них заполнены аккумуляторами, а четыре с полезным грузом. Это объясняется свойствами аккумуляторов (хранилищ электроэнергии) — иметь большие объем и вес при малой емкости. Электротехника еще не преодолела этих основных недостатков аккумуляторов, тормозящих их полное использование.

Скорость хода поезда — 80–90 верст в час.

Сущность изобретения — в усовершенствовании аккумуляторов, т. к. при прежних их системах было бы невозможно оборудовать и такой поезд. Нигде в мире нет такого поезда, потому что нет махонинских аккумуляторов.

Сейчас Махонин работает с товарищами по постройке воздушного судна, кажется, тоже на Балтийском заводе. Судно будет готово к 1-му мая 1921 г.

Опять-таки нет о нем технических подробностей. Но можно наверное сказать, что этот воздушный корабль будет летать на аккумуляторной зарядке, т. к. иначе нельзя осуществить подъем тысячи человек и обставить их там наверху всем, что есть тут на земле.

Никакие двигатели тут не годятся, кроме электрических.

Без электричества могли летать отдельные, редкие люди, при электричестве полетят массы человечества. Воздушные корабли будут нашими домами, а атмосфера — новой голубой родиной.

Разгром буржуазии уменьшит намного силу человечества, она упадет ниже необходимой нормы. Будущее все это сгладит, наверстает и во много раз повысит жизненную норму человечества по сравнению с такой же нормой при капитализме. Это ясно. За это мы и бьемся.

В России сейчас, по понятным причинам, осталось столько жизненной энергии, что ее хватает только на поддержание, на сохранение организма. На развертывание, усиление жизни энергии нет. Силы в мышцах ровно столько, чтобы не засохли без крови сами эти мышцы. Мы можем замерзнуть на таком невыносимом упавшем уровне.

Все бы это было так, все бы мы погибли, если бы в нас не было сознания — высшей формы органической энергии.

Мы не только чувствуем, мы еще *думаем*. Вот почему мы целы и поднимем жизнь до коммунистической нормы. Благодаря сознанию, мы способны на геройство и легко преодолевать сопротивления голода, смерти и многого другого на нашем пути к расцвету и торжеству жизни.

Мысль невозможное, мучительное делает возможным и радостным.

Несмотря на то, что у наших товарищей на работе еле руки шевелятся от слабости, мы сжигаем последние силы и средства на научной работе. Мы совершенствуем технику, организуем труд и снаряжаем экспедиции в глубины природного царства за поисками естественных богатств для нового человечества.

Недавно в Научно-техническом отделе ВСНХ был заслушан доклад северной научной промысловой экспедиции. Экспедиция исследовала северное побережье, печорский край и побывала на острове Шпицберген.

Вид хорошо снаряженной, сильной в научном отношении экспедиции приводил белогвардейские страны, облапившие богатый Шпицберген, в недоумение. Особенно Норвегия не знала, что ей делать. Из дикой, кровавой страны приехали люди с книгами и приборами, думают и наблюдают.

Что-то чудно!

В экспедиции ученых было около 140 человек. С ними ездил художник Бенуа. Он нарисовал около 100 картин севера, где нет ничего человеческого, одно холодное и чужое. Одни враждебные далекие пространства, одна ненавидящая нас природа. Там борьба, бой, героическое усилие только может спасти жизнь. Там только можно научиться настоящему труду и поверить в необходимость насилия над природой.

Север — школа ненависти к природе.

Экспедиция привезла 10 тыс. пудов шпигбергенского угля, давшего после испытания высокие качества.

В печорском крае бродит не менее 800 тысяч оленей. Их можно и необходимо использовать как двигатели на человеческом транспорте.

Мурманская треска дает самый большой из всех северных уловов процент жира — семь. Рыбные богатства побережий Мурмана и Белого моря неисчерпаемы.

Экспедицией усиленно велись геологические исследования и географические работы.

Работа экспедиции только началась, и она скоро уезжает обратно на север для продолжения работ.

Север есть поле будущей культуры, культуры рабочих. Надо знать вперед, что он такое есть.

Человечество двигается с экватора к полюсам. Это движение возможно только при непрерывном усовершенствовании орудий труда. На севере человек юга потому остается цел, что огораживается трудом. Север не беднее юга, только богатства его забронированы.

<Январь 1921 г.>

СЛЫШНЫЕ ШАГИ

(Революция и математика)

Социальная революция — ворота в царство сознания, в мир мысли и торжествующей науки. Сам коммунизм тогда только и стал действительной, страшной, несломимой силой, когда он стал наукой.

Это не будет теперешней наукой, тлеющей в университетах, лабораториях и библиотеках. Это будет бушующее пламя познания, охватившее все города, все улицы, все существа нашей планеты.

Познание станет таким же нормальным и постоянным явлением, как теперь дыхание или любовь.

Страсть к познанию все больше, все мучительней разгорается в человечестве. Но голова его еще не свободна, мысль подчинена брюху. Надо сначала избавиться от этого зверя. А лучшее средство избавиться от зверя, чтобы он не выл и не мешал, это — накормить и утолить его, а не уничтожить, как думали раньше.

Ожидание царства сознания трудно и нестерпимо, и все смотрят далеко вперед. Оттого будущее становится как бы настоящим, и сам ты оттого не тот, что есть.

Человек есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах.

Тихими шагами идет к нам будущее, а мы к нему бежим навстречу и радуемся заранее. И наша радость не обманется.

Мы уже слышим приближение того, чего никогда не было и что будет один раз.

Был математик Минковский, который теперь умер, он нашел зависимость времени и пространства. Такую тесную связь, почти тождество, что время и пространство есть как бы две взаимно, одна другую производящие величины. Он раз написал такую формулу:

$$\sqrt{-1} \text{ секунд} = 300\,000 \text{ км.}$$

Т. е. *величина времени*, равная корню квадратному из отрицательной величины (-1) секунд, *равняется скорости* 300 000 км — скорости света. Значит, некоторая величина времени равна некоторой величине пространства. Они тождественны, они — одно.

В одной формуле разумеются абсолютные величины, мировые постоянные. То есть свет может обладать такой скоростью

при отсутствии всякого сопротивления на своем пути. Время — тоже, но для времени мы и не знаем сопротивления, в нашем мире оно не встречалось человеческому опыту.

Значит, формула Минковского определяет зависимость двух основных понятий человеческого сознания — времени и пространства, действующих в абсолютной сфере, лишенной всяких сопротивлений и относительных взаимных влияний.

Время, равное $\sqrt{-1}$ секунд, непрерывно производит, вмещает в себя линейное пространство в 300 000 км, потому что такое время и такое пространство соответственны, тождественны, одно без другого невозможны и немислимы. Они уравниваются взаимно и только потому существуют.

Квадратный корень из (-1) есть величина мнимая, т. е. несуществующая, не поддающаяся пока познанию.

Раньше она приводила в суеверный ужас математиков. О ней, наверное, уже знал Пифагор, когда смешал математику с религией.

Но при вычислениях мнимая величина предполагается существующей, реальной, и результаты получаются точные. Больше того, мнимые величины открыли математике новые просторы.

Есть влекущая, обещающая много тайна в том, что пространство, по формуле Минковского, равняется *мнимой* величине. Тут есть указание, закрытая дверь на большую дорогу.

Несовершенство нашего сознания в том, что я, например, не мог понять сразу эту формулу, а сначала почувствовал ее; ее истина не открылась для меня, а вспыхнула.

После уже я перевел ее в сознание и закрепил там. Поэтому формулу Минковского трудно объяснить. Ее надо взять сразу, мгновенно охватить ее крайнюю сущность, и тогда поймешь.

Тут тоже чувство предшествует мысли.

В один из близких дней я напишу о конце теоремы Кантора. Эта теорема страдает неоконченностью. Он нашел великое начало, нарисовал стройную фигуру новой истины, но немного не договорил, будто забыл вставить истине глаза, освещающие ее внутри, ее крайнюю глубину. Этот завершающий конец попробовали сделать мы с товарищами. О том и будет написано.

<Январь 1921 г.>

ГАПОН И РАБОЧИЕ

9 января 1905 г. поп Гапон собрал рабочий, пролетарский народ Петрограда и повел его к Зимнему дворцу, к царю, чтобы выпросить у него, без посредства министров и лакеев, терпимую жизнь для рабочих.

Когда из окраин шли рабочие большим кругом к дворцу, они верили и не верили.

А вдруг поймет!

Да нет, не может быть.

Толпы народа, радостные, что они вместе, и испуганные, что идут без веры, а с верой идти не могут, толпы народа шли с Гапоном к царю, неуверенные и ожидающие.

Их далеко не подпустили к дворцу первого жандарма России и смели артиллерией.

Петроградские и все русские пролетарии приобрели великое знание из этого безумного опыта.

И, может быть, не было бы столько коммунистов в России теперь, если бы не было Гапона.

Христианин Гапон научил рабочих большевизму.

Рабочие повесили Гапона, потому что другого такого опыта было не нужно.

Пролетарии узнали тогда, что они на земле чужие, что они окружены врагами и нет и не может быть у них друзей, нет помощников и благодетелей, кроме них самих.

9-е января был днем великой науки для пролетариата.

Этот день содержательнее и ценнее тысячи учений о рабочем классе, его тактике и задачах.

Если взвесить жертвы гапоновской веры с жертвами, которыми рабочие приобрели бы знание о своем положении другим путем, то эти последние жертвы перевесили бы гапоновские; история идет кратчайшим путем по наименьшему сопротивлению.

Истерики тут не надо: гапоновская катастрофа показала рабочим их путь и окупилась в сто раз Октябрем 17 года.

Мы знаем, что истории нужны ошибки, чтобы не сбиваться с ее единственно верного пути. И направо и налево идти больно — остается идти прямо.

Что много пролетариев пошло за Гапоном — показывает, как мало мы тогда знали о самих себе, если не понимали, что счастье царя и его помощников построено на нашем несчастье, и мы можем быть счастливыми только тогда, когда их сделаем несчастными — тою же палкой, какой нас били, будем бить их.

Царь с царедворцами, питаемый буржуазией, и мы — две взаимно уничтожающиеся величины, и ни сложить, ни слить их никак нельзя. Они как раз то, что не мы. Это было понятно только после гапоновского шествия, а до него такое ясное положение было темным.

Гапон сделал пролетариев большевиками.

Кто же был Гапон?

Священник, родом украинец. Но этого мало: он был тот бесноватый, безвольный, как бы не живущий сам собою человек, которых так любит сильная, непримиримая история.

Чуткий, живой, верующий в «добро» человек, Гапон как раз был нужен течению вещей пятого года.

Истории тогда был нужен человек — некритикующий, непосредственный, стихийный, влюбленный и верящий во все, к чему потянется сердце.

Это Гапон.

Ознакомившись чуть с судьбой рабочих, он легкомысленно, как женщина, решил весь вопрос в один зимний вечер при лампаде — и решил звериный вопрос «по Христу» — не необходимостью борьбы, а необходимостью примирения.

Гапон решил дело рабочих в пользу буржуазии, потому что сам был ее сын и не мог иначе.

И такого судью пролетарии по всей справедливости повесили.

Буржуазия не только нас родила, но и научила биться и ненавидеть.

<21 февраля 1921 г.>

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРУДА

<1.> Сущность труда — в сопротивлении состояниям природы враждебным жизни человеческого организма.

Сопротивление это выражается в изменении состояний природы — в перестановке ее явлений таким порядком, что эти явления природы наименее вредно влияют на живой организм и наиболее полезно.

Сопротивления тут взаимны: человек сопротивляется косности природы или ее стихиям — это есть труд. А природа сопротивляется труду своими сопротивлениями — косностью и стихиями.

При большем количестве и силе природных сопротивлений труд является необходимостью жизни, орудием ее обороны и развития, действием, осуществляющим самую жизнь и предшествующим ей.

2. Труд появился тогда, когда в природе появились сопротивления живым организмам, их развитию.

3. Всегда ли были эти сопротивления природы жизни?

Нет, не всегда. Природа начинает ограничивать жизнь на известной, уже довольно высокой ступени ее развития, когда организм настолько вырос и расширился, что ему делаются тесными рамки природы.

На низших ступенях развития живые организмы не только не встречают вредящих им естественных сопротивлений, но, напротив, встречают со стороны природы участие, даже насилие, толкающее их на путь развития. Насилие простые организмы встречают в мире не сопротивление своей жизни, а обратные ему явления, принуждающую к жизни силу, устранение всяких враждебных, разрушающих стихий.

Иначе жизнь никогда не смогла бы появиться в мире. Без участия и сочувствия самой природы живые простейшие организмы не дошли бы до того уровня развития и органического совершенства, когда они сами могли бы держаться не только без сочувствия природы, но даже расширять установленные ею рамки своему развитию — сопротивляться сопротивлениям и преодолеть их.

Прежде чем жизнь стала на крепкие устойчивые ноги, для нее много потрудились природа, а сама жизнь, организмы не трудились.

4. Как же появился труд?

Когда организмы переросли создавшую их природу, они встретили со стороны ее сопротивление, косность, реакцию, и вот тогда организмы, в борьбе за дальнейшее развитие своей жизни, стали преодолевать косные, реакционные, ограничивающие стихии природы, осаживать их, чтобы добыть себе возможность усовершенствования жизни, т. е. организмы столкнулись тогда с необходимостью трудиться, одолевая естественные сопротивления — и они начали делать это, и делают и сейчас.

Так зародился труд.

5. Труд есть показатель того, что трудящийся выше природы; он есть разрушитель ее; сила, изменяющая ее сущность. Ибо всему тому, что идет в такт с явлениями и законами природы, не может быть никаких сопротивлений.

А сопротивление есть начало, отец труда. Сопротивление есть явление самосохранения природы, значит, трудящийся борется с естественным миром, с тем, что вне его и не он.

Но т. к. на эту борьбу нас вызвало не свободное желание, а необходимость, то живые организмы (человек особенно) действительно по своей сущности обогнали, переросли природу.

И чем сильнее растет в человечестве необходимость трудиться, тем оно и само выше вырастает и совершенствуется относительно природы.

Чем упорнее человечество трудится, тем оно больше становится самостоятельным и отдельным от природы, тем острее схватка жизни с природой и ближе победа трудящегося живого.

Труд есть отношение человечества к природе, а его напряженность есть показатель их взаимной враждебности.

<Март 1921 г.>

НАД МЕРТВОЙ БЕЗДНОЙ

Главная ошибка науки буржуазии и вообще человеческой мысли во время господства капитала была в том, что человек переносил свои личные переживания, чувства и случайные мысли на всю природу, обобщал их и делал законами общего хода жизни вселенной. Он думал, что, познавая себя и углубляясь в себя, он изучает истинный, действительный мир.

Познай себя — и ты познаешь все, что существует. Вот господствующая мудрость буржуазной науки. На ней, часто бессознательно, основывались многие открытия даже таких наук чистого опыта, как физика, биология.

Не отдавая отчета, буржуазия оправдывала свое социально-классовое положение в своих научных достижениях. Она утверждала вечную ценность, вечную неизменность найденных законов. Она не могла понять, что всякое явление (и закон) есть результат действия бесконечно многих явлений, протекших ранее. Что всякое явление — мгновенно, призрачно, неуловимо, как всякое исчезающее облако в знойный полдень.

Закон есть тоже явление, но сущность явления именно в его изменяемости, текучести, перерождаемости, свойстве быть причиной для другого явления. Следовательно, законов никаких в природе нет и не может быть, есть человеческие заблуждения и отражения этих заблуждений в непознанном пока мире. Мир — другое, его истинное лицо не известно ни одному мыслящему существу. Мы видим две-три ступеньки, через которые проходим, но не видим лестницы и во что она упирается.

Почему же так? Потому, что мы еще не нашли метода (способа) к действительному познанию вещей, раскрытию их нутра и господству над ними. Господство буржуазии в человечестве именно и оправдывалось бытием этих несуществующих законов — «железной необходимостью».

А так как законы вечны и постоянны, то и буржуазия как некоторое истечение и продукт этих законов — вечна, действительна и оправдываема.

Если бы мысль буржуазии впилась в ход мировых явлений, впилась с мукой и отчаяньем, присущим всякому страстному желанию знания, она бы увидела пропасть и тьму под собой, а не

обманную ясность, не чистое небо истины. Ей бы пришлось расстаться с покоем и счастьем обладания «истиной» и взять посох, сознать свое человеческое бессилие и мучительную, огромную и угрожающую тайну мира и уйти в странствие на поиски или завоевание истины, на гибель или победу. Такое желание есть в пролетариате, и его бой с буржуазией есть первый бой сознания с мировой душащей тьмой.

У нас нет пока твердой правды, но зато нет и призраков. У нас одна правда — сознание мировой неправды и мрака, в котором жить, с которым примиряться нельзя, и мы не будем с ним примиряться и обманывать себя кусочками правды, которые являются только манящими знаками торжествующей тайны.

Наша гражданская война есть первый удар обманутого человечества, первая огненная стрела в закрытые двери царя вселенной — тайны. Революция только началась, только встала на ноги. Она стала душой человечества, восставшей на все призраки, обманы, на всех богов и царей.

Человеку нет и не будет покоя, пока он один не останется в засветившихся истиной просторах вселенной или пока не сомкнутся все бездны над его измученной, не сдавшейся головой. Но никогда они не сомкнутся над нами, а только мы над ними.

<Март 1921 г.>

(«ЧТОБЫ СТАТЬ ГЕНИЕМ БУДУЩЕГО...»)

Чтобы стать гением будущего, надо быть академиком прошлого.

Чтобы чутая бурю, надо иметь в себе знание тишины.

Задача ученика — постичь учителя и вырасти выше его на одну голову.

Учитель — орудие ученика. Буржуазия — орудие обучения пролетариата.

Учитель всех — прошлое.

Прошлое — фундамент будущего. Отрицание его — дурость и мелководие.

Искусство — познание чувствами, оно есть логика чистого абсолютного чувства.

Кто ничего не знает и не умеет думать, тот великий художник. А тот, кто ненавидит искусство, выше художника.

Прошлое — потенциальное будущее, как в минуте — все времена. Секунда — причина вечности.

В мире столько вещей, сколько концов в бесконечности, и каждая вещь ищет нашего познания.

Мы довольные, потому что можем делать, что захотим.

Кто придет раньше, кто придет позже, но все встретятся.

От родившегося ничего не требуется, кроме радости. Вселенная тянется к нам, а мы ее оттолкнем.

Все вещи смеются.

Душа мира — удивление.

Товарищ, нам пора перестать говорить: мы все понимаем.

Слово — знак бессилия, как и действие. Наша судьба — безмолвное знание. Но и через знание мы должны переступить.

Лучше всего быть ничем, тогда через тебя может протекать все. Пустота не имеет сопротивления, и вся вселенная — в пустоте.

Мы ищем возлюбленную, последнюю истину. Ее не надо ни искать, ни жалеть, тогда она придет сама.

Вечное отречение, быть нищим у нищих — это мы.

Если вселенная — невеста, поющая звезда, то мы выше ее — она вся в нас и у нас еще осталось много места.

<Март 1921 г.>

ЧЕРНЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Нам говорят: погодите, потерпите, страдание наше пройдет, все успокоится и мы будем счастливы на вечные времена.

Нам говорят о покое, об отдыхе, о счастье, о радости под горящим солнцем, о том, что мы будем богами.

Опыт нашей жизни, мысль каждого рабочего и еще не всеми понятые голоса машин рассказывают нам совсем другое.

Люди малосмыслящие, чульдики и епишки мысли, всегда имеют желание обучать рабочих, воспитывать их. О, морды! Лучшее, что можно сделать для рабочего класса, стать его учеником и поступать так, как он хочет. Воспротивитесь — все равно он вас собьет.

Нам говорят о покое, а мы хотим двигаться и биться. Центр человеческого счастья теперь передвинулся, из полного покоя и созерцания он перешел в движение, в полет с абсолютной скоростью и переделывание природы сообразно себе и своим потребностям.

Как можно успокоиться, когда и земля под нами колеблется, и в почве происходят ураганы, и, может быть, скоро земля взорвется и разлетится от не постигнутых еще нами законов взаимодействия частиц массы. Солнце есть взорвавшаяся планета именно от внутренних законов своей массы.

Мы в кольце врагов — и наша радость в движении, в их уничтожении. Мы только начинаем борьбу. Мы очень спешим. Буржуазия — щенок. Настоящий враг — природа, вселенная, которой до сих пор любуются и поют песни ослепшие, одуроченные поэты.

Кропоткин говорит в одном месте, на основании научных исследований, что судьба юго-восточной Европы (наших краев) та же, что и Центральной Азии, — высыхание, голод, истребление людей. А мы смеемся, когда надо ненавидеть и высылать на позиции уже не Красную армию, а армию Познания и Действия, коммунистическую науку и коммунистическое искусство.

Теперешняя наука не способна даже в малом биться с природой — ее надо переродить. Теперешнее искусство не может показать, чего же хочет человек, — его надо уничтожить и сделать новое.

В университетах, среди каких-то добрых и красивых людей, на вечерах и лекциях видно, как затухает, меркнет утомленная еще в предках, в тысячелетиях жизнь.

Только в мастерской, у машины я увидел, как жизнь из горения, из пламени переходит во взрыв, из человека в машину.

Там цветут другие надежды и поются песни не о покое, счастье и красоте, а о новых, безумных напряжениях, о скоростях, числах и науке.

Там другое. Мир никем не открытый и никем не ожидаемый. Там спасение человечества от природы и природы от своей бессмысленности.

Все это я пишу не для городской интеллигенции. Я предлагаю бросать ненужные, вредные занятия и уходить к машинам — в мастерские, где каждый день куется душа грядущего сознания.

Я предлагаю уйти в самые низы труда. Там каждый увидит свою родину и увидит свой смысл и настоящую радость. Тогда вы увидите, как легко достигнуть коммунизма, подняв производство РСФСР, тогда не понадобится никакая пропаганда.

Все зло в том, что все идут кверху, т. е. от труда, из полезного кровавого шарика каждый хочет сделаться вошью.

Никто не поймет, что истинное восхождение есть опускание.

Все ниже и ниже — к недрам, к корням труда и человечества. Вы увидите, какая там скрыта революционная энергия.

Да здравствуют темные низы человеческого труда — машины и чернорабочие.

<Апрель 1921 г.>

ДАЙТЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МАСТЕРОВЫХ

Рабочий класс, известно, состоит из разных групп. Он делится, так сказать, на подклассы. Эти подклассы разнятся друг от друга, главным образом профессией, т. е. родом труда.

В рабочем классе крупной промышленности наиболее резкая черта проходит между мастерскими и чернорабочими. Мастерские — люди с техническими навыками и знаниями. Чернорабочие в большинстве — обедневшие, бегущие из деревень крестьяне. Разница в заработке в дореволюционное время делила их и экономически, хотя еле заметно.

Теперь состав мастерских, т. е. технически обученных рабочих, почти не пополняется, и они либо померли, либо их приходится по одному, по два на цех, и совладать с чернорабочей массой они не могут, да и совладать они не в силах: рабочие из деревни работают только до благоприятного случая, они, как батрак на отживе, — ходит — на все наплевать, только на часы посматривает. Ему бы только дожидаться в деревню удрасть. От таких дурней работы с вошь.

Приказать им нельзя: ну прогоняй, говорит, мне что!

И старые мастерские работают одни. Они постепенно истребаются голодными пайками, усталостью и болезнями.

Работать в мастерских (например, в наших железнодорожных) некому. И работа стоит.

Надо, во-первых: учесть всех квалифицированных мастеровых, поставить их в лучшие условия; у них ничего ведь нет: что из рук, то в рот.

Им надо оказать предпочтение, о котором говорил т. Ленин, всех их очень предпочитают в труде: они одни и работают. Им надо дать лучшие пайки, прозодежду и обувь.

Потом надо обучить им смену молодых рабочих. Но обучать не на краткосрочных курсах, а в высших технических институтах: наука такое дело, что ее надо изучать или всю, или совсем не изучать.

Наше счастье придет тогда, когда за каждым станком будет стоять инженер.

<Апрель 1921 г.>

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ДЕРЕВЕНЬ

Электрификацию России, как всем известно, утвердил VIII съезд Советов. Но выдумал электрификацию не VIII съезд и не тов. Кржижановский.

Электрификацию изобрели опять те же русский рабочий и крестьянин, которые изобрели и коммунизм*.

Задолго до VIII съезда началась стихийная массовая электрификация России. Мы давно поняли, что электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут и новую человеческую товарищескую душу.

Как только чуть-чуть затихла гражданская война, так начали то там, то тут строиться маленькие электрические станции, плохие, самодельные, но они все-таки давали настоящий яркий свет и настоящую рабочую силу для молотилок, мельниц и всего хозяйства.

Крестьянин никогда не слышал, что в Лондоне и Америке поезда ходят на электричестве, он сам по себе, в полном смысле, изобрел электрификацию.

Свет загорался по русским серым полям, конечно, в зависимости от энергии и сознательности местного населения, и если было топливо и машины. Россия электрифицировалась так без всякого общего плана, неэкономно и бесхозяйственно. И если бы дело продолжалось так, то Россия в конце концов стала бы страной электричества, но не добилась бы вполне того счастья, которое дает электрификация, если ее осуществить продуманно, по единому государственному плану, центрально.

В Москве заметили эту общую думу России, а VIII съезд обеспечил этой мечте осуществление.

Коммунистическое правительство только улавливает волю пролетариата и крестьянства и стремится осуществить ее. В этом его главная и единственная роль. Никакое правительство не обгонит сказочных желаний работающих масс.

* Изобрели в смысле действительности. За границей давно знают и электрификацию, и коммунизм, но знают в мозгах, не дальше, мы же изменяем землю, мы даем жизнь мертвым мыслям, у нас электричество горит в хатах, а не в фантазии

План электрификации части России, рассчитанный на 10 лет, еще далек от осуществления, а деревни, как в догонялку, строят одну за одной свои кустарные станции.

Организованность еще не победила стихийность, и, может быть, это не так плохо, т. к. только из великой стихийности, из буйного безумия могут родиться великая организация и великое сознание. Россия это и доказывает своей революцией.

Многие деревни, не имея торфа, дров или угля, но имея динамо-машину (машина, которой добывается электричество), становятся в тупик. В городах и то это ставит многих, даже «ученых» людей, в такой же тупик. Но в городах это происходит от трусости и неизобретательности старых техников, а в деревнях чаще от незнания.

Ведь если нет топлива под руками, то есть река, вообще водяной напор. Если и этого нет, то обязательно есть воздух — голубой или серый уголь, как его называют.

Воздух, атмосфера есть та сила, которая когда-нибудь будет творить такие же чудеса, как и электрификация.

Как же воспользоваться этим голубым углем — атмосферой? Ей уже давно пользуется крестьянин на своих ветряках. Чтобы получать электричество из воздуха, для этого надо только усовершенствовать, улучшить тот же ветряк. Крыльев сделать побольше и всю ось поставить повыше.

Для этого надо, одним словом, четыре-шесть крыльев крестьянской мельницы превратить в воздушную турбину с автоматическим регулятором, который сам устанавливает угол крыльев к поперечному сечению дующего ветра в зависимости от силы этого ветра. Благодаря этому будет достигаться равномерный ход турбины, что очень важно для динамо-машины.

Вся такая воздушная электрическая станция состоит из турбины (сложной, многокрылой мельницы), установленной на высокой башне, где дуют более сильные ветры и более постоянного направления, из динамо-машины, которую вертит посредством передаточного ремня турбина, и из аккумуляторов (особых аппаратов, куда собирается и где хранится электрический ток и откуда он расходует по нужде). Добытый в динамо-машине ток идет в аккумуляторы, а уже из них по проводам — в избы и в моторы. Аккумуляторы нужны для того, чтобы ток был и тогда, когда наша воздушная станция работать совсем не может, когда ветер совсем стих (как часто бывает по ночам, когда электричество как раз нужно).

Тогда скопленная за день электрическая энергия в аккумуляторах течет из них по проводам куда нужно.

Аккумуляторы можно приспособить так, чтобы они давали так называемый постоянный потенциал, одинаковое напряжение тока. Это как раз необходимо для правильной работы двигателей и чтобы лампочки не мигали.

Нельзя в газете написать весь план устройства воздушных электрических крестьянских станций. Но это должны сделать научно-технические отделы при совнархозах. Они должны разработать нормальные, легко осуществимые с крестьянскими средствами такие станции, чтобы не приходилось изобретать каждой деревне все заново.

Такие станции уже есть в Америке.

Мы должны опередить Америку.

Нет богаче и доступнее в мире энергии, чем атмосфера. Надо нам это понять. И не только понять, но и доказать.

И тут народ опередит науку и покажет «ученым», что надо им делать, как показал он стихийной электрификацией, где выход из разрухи, как отпереть дверь в страну счастья.

О том, как электрификация изменит людей, их внутреннюю сущность, будет написано после этого.

<Май 1921 г.>

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ

Историю мы рассматриваем как путь от абстрактного к конкретному, от отвлеченности к реальности, от метафизики к физике, от хаоса к организации.

Вся сила человека в том, что он более соответствует действительности, он глубже проник в тайну материи, чем мир животных.

От неопределенности, от тумана веры и фантазии мы переходим к науке, к дисциплине во всей жизни, соответственно требованиям сковывающей нас природы и соответственно своей внутренней необходимости — желанию.

Спасение не внутри нас, а вне нас — вот что мы узнали в последнее время. Все проникновеннее, все внимательнее мы вглядываемся в мир, которого раньше не знали и теперь еще не узнали. Мы знали только мир, созданный в нашей голове. От этого мы отрекаемся навсегда. Мы топчем свои мечты и заменяем их действительностью. Если бы мы оставались в мире очарованными, как дети, игрою наших ощущений и фантазии, если бы мы без конца занимались так называемым искусством, мы погибли бы все. И мы погибнем, если пойдем по этому пути.

История есть путь к спасению через победу человека над вселенной. И мы идем к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны и ужаса.

Конечная наша станция — постижение сущности мира. Пусть нас не разубеждают в этом: мы сильно хотим познать все до конца, и с нас довольно этого желания, чтобы не поверить никакому шкурнику мысли.

Путь человечества в смысле его деятельности — от отвлеченности к конкретности, от так называемого духа к так называемой материи. Мы ненавидим всякие понятия, даже понятие материи. Для нас ценны не наши представления, а вещи. Под материей мы разумеем сумму явлений действительности.

До сих пор миром мы называем наше представление о мире. Теперь мы переходим к тому, чтобы миром называть не наше чувство мира, а самый мир.

Этот переход лежит через сознание. Прежде чем ближе подойти к миру, увидеть, во сколько он прекраснее нашей мысли о

нем, мы должны сами измениться. Сущность человека должна стать другой, центр внутри его должен переместиться.

Это предварительное изменение глубокой души человечества перед его сближением с действительным миром нами найдено. И хотим ли мы или не хотим — революция внутри человека произойдет, человек изменится. Причина этого изменения лежит в самой действительности, вне человека.

Сознание, интеллект — вот душа будущего человека, которая похоронит под собой душу теперешнего человека — сумму инстинктов, интуиции и ощущений. Сознание есть симфония чувств.

Как это произойдет и почему — я писал и говорил в другом месте.

Самый большой переворот, который несет с собою царство сознания, в том, что вся история до сознания была творчеством блага, и ради блага человек жертвовал всем.

Истина была ценностью настолько, насколько она служила благу и сама была благом.

Скоро будет не то: не благо будет сидеть верхом на истине, а истина подчинит себе благо. Потому что наше благо будет в истине, какая бы она ни была. Пусть будет истина гибелью, все равно — да здравствует.

Только истина есть стихия сознания. (До сих пор истина шла на пристяжке у блага, теперь благо пойдет на пристяжке у истины.)

Мы не жалеем себя и не ценим, мы ищем только объективной ценности. Если такой ценности нет — ее надо создать. В этом задача искусства. Искусство есть творчество объективной, безотносительной ценности, несравнимой ни с чем и не взвешенной ни на каких весах.

Искусство есть такая сила, которая развяжет этот мир от его законов и превратит его в то, чем он сам хочет быть, по чем он сам томится и каким хочет его иметь человек.

Наука есть искание объективного поля наблюдения, чтобы с точки, стоящей вне мира, увидеть настоящее лицо и сущность вселенной.

Цель искусства — найти для мира объективное состояние, где бы сам мир нашел себя и пришел в равновесие и где бы нашел его человек родным. Точнее говоря, искусство есть творчество совершенной организации из хаоса.

Точка объективного, внеотносительного наблюдения совпадает с центром совершенной организации. Только отойдя от

мира и от себя, можно увидеть, что есть все это и чем хочет быть все это.

Наука и искусство в своих высших состояниях совпадают, и они там есть одно.

Только несовершенное исследование и несовершенное творчество находятся в разных местах. Чем выше, тем ближе эти линии сходятся и наконец на невероятной высоте они совпадают в одной точке, как две стороны угла совпадают в вершине.

Там исследование этого мира все равно что творчество этого мира.

Вначале мы говорили об истории как о пути от абстрактного к конкретному, от идеала вещи к самой вещи, какая она есть, от идеи к материи. А здесь мы все время говорим об истине. Но разве истина не отвлеченное понятие? Нет. Истины теперь хотят огромные массы человечества. Истины хочет все мое тело. А чего хочет тело, то не может быть нематериальным, духовным, отвлеченным. Истина — реальная вещь. Она есть совершенная организация материи по отношению к человеку. Поэтому и социальную революцию можно рассматривать как творчество истины.

Дальше: что же такое пролетарская поэзия и вообще искусство?

На этом вопросе поломали челюсти все, кто брался разрешить его.

Решать же его не нужно. Нужно взять готовый ответ пролетариата и не слушать интеллигенции.

Человечество становится все сильнее и сильнее. Его задачей является накопление мощи. Каждый момент его деятельности пропорционален наличию силы в человечестве.

В мире есть вещи, а в человеке есть образы, эхо этих вещей, условные символы явлений.

В таком деле, как искусство, где человек стремится свободно переустроить мир по своему желанию, *начинать* работу прямо с материи, стремиться без предварительной подготовки изменить действительность до наших дней было не по силам человечеству.

Это было непропорционально его силам: их было накоплено еще недостаточно.

Поэтому человечество и принялось за организацию, за приспособление к своей внутренней природе нематериальных вещей, не действительности, а только образов, символов этих вещей, например, слов.

Слово надо считать трехгранным символом действительности.

У него есть три элемента: идея, образ и звук. Такой треугольник и рисует нам какую-нибудь вещь из действительности. *Нет слова без одновременного слияния этих трех элементов* — они только бывают в разных процентных сочетаниях: иногда пересиливает идея, иногда звучность, иногда образ. Но всегда три элемента бывают вместе. *Слово невысказимо без них. Все попытки создания поэтической школы на преобладании какого-нибудь элемента слова не могут иметь успеха:* для этого надо прежде всего изменить сущность, природу слова, построив его на одном элементе.

Но *слово* тогда получится неизмеримо бледное, сумрачное и *будет* только неясным образом явления, *которым оно сотворено.* А слово и так очень глухое эхо действительности.

Если мы рассмотрим эти три элемента — идею, образ, звук, — то увидим, что по своей первой сущности они одно и то же. Только в произведениях среднего качества их можно различать — на вершинах творчества они сливаются и неразличимы. Такое трехгранное строение слова — дело чувств, а не необходимости. В крайнем своем напряжении все чувства сливаются и превращаются в сознание, в мысль. Так и тут: слово в крайнем своем выражении, при бесконечной энергии не имеет элементов — оно однородно. Анализ трех элементов также показывает их родство. Ведь идея есть только глубочайший и последний, поддонный образ вещи, а образ — поверхностная идея. Звук же есть тот же образ, приспособленный для специального ощущения организма — слуха.

Надо стремиться к синтезу элементов слова, тогда оно получает величайшую ценность и по своей энергии становится близким к действительности.

Люди пересоздают природу сообразно своим желаниям, т. е. внутренней необходимости. В этом сущность всякого искусства. Но они начали не прямо с переустройства самой действительности, а с более легкой, с более посильной работы — с переустройства символов, образов, теней этой действительности, например, со слов.

Организация символов природы — слов сообразно желанию, внутренней необходимости, — вот что есть поэзия пролетарской эпохи.

Рядом с организацией символов действительности шла работа и по организации, по преобразению самой действительности, самой материи. Но это именно была работа, а не искусство — настолько слаба она была и еще не соответствовала силам людей и настолько жалки были ее результаты.

Поэзия после пролетарской эпохи будет не организацией символов, призраков материи, а организацией самой материи, изменением самой действительности.

Пролетарская поэзия есть преображение материи, есть борьба с действительностью, бой с космосом за его изменение соответственно внутренней потребности человека.

Наша поэзия есть действительное, а не мысленное преображение вселенной, отвечающее свободному желанию, т. е. внутренней необходимости человечества.

Принцип истории, принцип перехода от отвлеченного к конкретному, от головного к настоящему тут выдержан до конца.

Пролетарское и коммунистическое человечество это не человечество капитализма: оно в тысячи раз сильнее последнего, и ему будет по силам переход от легкой работы над духом, над призраком действительности к неимоверному труду над *самой* действительностью.

Конечно, и образ действительности, как слово, есть часть действительности, но это поверхность действительности, а мы спускаемся в ее недра, и труд, напряжение наше безмерно возрастают.

Работа пролетариев над материей в мастерских может быть названа началом пролетарского искусства. Но настоящее, полное пролетарское искусство только идет. Оно придет, когда человек станет волшебником материи, когда природа будет звучать голубой музыкой в его неустанных руках, когда он из раба действительности станет господином, влюбленным в свою работу.

Сейчас мы во многом только приспособляемся к природе, изменяя свои сокровенные желания, где поперек им встают гранитные законы.

Сейчас мы убого, по-нищенски работаем в своих мастерских со слабыми машинами над организацией материи. Вот когда мы построим такие чудесные машины, которые будут разумнее человека в своем творчестве, для которых не будет существовать непреодолимых сопротивлений и законов, которые будут играть бесконечно покорной природой, как веселый ребенок,— вот тогда будет пролетарское, всечеловеческое неимоверно прекрасное искусство.

Мы только подходим к нему.

Изобретение машин, творчество новых железных, рабочих конструкций — вот пролетарская поэзия.

Раньше мы сковывали в тиски чувства слова и называли это ритмом. Теперь мы сковываем материю в тиски сознания, и это есть ритм пролетарской поэзии.

Каждая новая машина — это настоящая пролетарская поэма. Каждый новый великий труд над изменением природы ради человека — пролетарская, четкая, волнующая проза. Величайшая опасность для нашего искусства — это превращение труда-творчества в песни о труде.

Электрификация — вот первый пролетарский роман, наша большая книга в железном переплете. Машины — наши стихи, и творчество машин — начало пролетарской поэзии, которая есть восстание человека на вселенную ради самого себя.

<Первая половина 1921 г.>

ДУША ЧЕЛОВЕКА — НЕПРИЛИЧНОЕ ЖИВОТНОЕ

1. Рассуждение о сути дела

Фельетон — это, в сущности, маленький манифест только что рожденного не по своей воле бандита, а по воле своих свах и бабушек: «исторической необходимости», «естественного хода вещей», «действительности» и прочих старых блудниц и гоморриц. Причем иногда, и чаще всего коммунист, вдруг ощущает себя как бандита, и в сердце его радостно и свободно начинает выть справедливый, чудесный зверь. Такой «коммунист» кажется всем неприличным: у него оголилась душа, он начинает смеяться, надевает обыкновенные штаны и уходит «домой» — в цех.

— Товарищ! — говорят ему. — Надо жить только в гостиных и залах души. А ты живешь в клозете. Опомнись, брат. Не смотри чертом... Не собирай нищих за городом. Ты думаешь, они способны направить революцию. Нет, брат, не тряс штанами нищими, мы и брюки видали...

И они замолчали. Другой, что говорил, ушел. Остался один, у кого в сердце зверь и душа свободна от белья и сапогов приличий. Он видел остро и радостно. Его тело скрипело под напором крови и горело, как огнедышащий вулкан. В голове танцевали четкие фигуры развратных мыслей. Он был один, один — с неисчислимыми массами неведомых идущих к нему товарищей, решивших взорвать мир без определенной цели, без программ и политики, а ради самих себя, ради своей страсти к невозможному...

Он увидел мир во всем его приличии и свою душу во всем ее неприличии. Первое дело, он снял шляпу жизни — жену — и отпустил ее домой, в деревню. Пусть песни вечером поет. Он и песню сочинил и посвятил ее ей.

Теперь он глядел на старую жабу — действительность, — и от ее мелочей у него нутро затихало.

Он же был динамитом действительности и радовался своей справедливости.

Подойдет его время. Пока же он и спит, и обедает в клозете жизни — своей душе.

Он знал одно: эти мелочи — вся истина жизни. Идеал, дух и прочие юбки старых дев это суть только заблуждающаяся материя.

2. Революционер в полном облачении

Площадь. Красные войска, рабочие, женщины, дети. После дождя вся земля под стеклом. Гремит и движется под солнцем живая революция. Никто не верит, что есть невозможное.

Парад. Черные чертики — фотографы — снимают пролетариат. Люди в полном облачении, т. е. в галифе, нагане, коже и т. д., устанавливают порядок, чтобы было приличное лицо у революции.

К суетящейся хохочущей толпе, повторившей на квадратной сажени Октябрь, подсакивает официальный революционер, бритый и даже слегка напудренный. Так, чуть-чуть, чтобы нос не блестел.

— Осади, осади, назад — говорят вам.

Рабочие и женщины осадили. Они вполне поняли. Революция затихла. Галифе скакнуло дальше.

Революция сменилась «порядком» и парадом.

3. Мертвые души в советской бричке

Едет советская бричка. В ней солидный мужчина, разбрызгавшая на ворованных харчах барыня, кучер и кобелек.

Это едут по всем мостовым, улицам и переулкам мертвые души в советских бричках. Едут и едут, никак не доедут. А ведь доедут — придет время. Доедут до рабочего ада, и им там воткнут железный шток сквозь пупок. Мечутся мертвые тени в живых городах, и ждут они страшного суда, рабочей расправы.

4. Необъяснимые чудеса

Чудеса эти — беременные мужчины, которые идут домой с мельниц.

Стражи у ворот следят:

— Ты куда?

— Домой, кончил.

— Ага, кончил. Открой рот... Ну, проходи.

Или так:

— Даешь?

— Берешь.

— Проходишь.

В селе Лупцеватом объявилась икона божьей матери — трое-ручицы.

А у нас чудеса еще почище — мельники, солидные, приличные мужчины, по вечерам беременеют и еле доходят с работы домой, где и опорожняются.

5. Резюме

Один рабочий объяснил это слово так:

— Режь умней.

А другой ему ответил:

— Ничего, глотай без ножа. Суй пальцем.

<Июль 1921 г.>

РЕВОЛЮЦИЯ «ДУХА»

Глубоко заблуждаются те товарищи, которые «пытаются» сделать «духовный» Октябрь, революцию в культуре. Это ошибка и нищенство мысли: Октябрь 17 года был комком всех революций. Победить буржуазию политически и экономически — значит победить ее во всех смыслах — и «духовно», и культурно, и идейно, и по-всякому. Взорвать фундамент — значит разрушить весь дом. После уничтожения самой основы не нужно заниматься уничтожением частей: крыш, труб и т. д. — их уже нет, раз взорван фундамент.

Мы — глубокие материалисты, мы откровенные язычники. Вне материи для нас нет ценности. «Дух» мы считаем заблуждением и орудием капиталистической обороны. Ничего нет гаже, безумнее и ненавистнее для нас, как понятие духовности, высшей интеллектуальной одаренности. Мы восстаем не только против экономического угнетения, но также и против умственного. И мы отлично знаем, что освободиться экономически — значит освободиться и от своего умственного убожества. Мы знаем, что пролетариат в целом еще неразвит, беден мыслью и мало способен к свободному творчеству. Хотя он и создал все, что есть видимого в человеческом мире, но творил это он скованный, под плеткой принуждения, подгоняемый необходимостью жить и питаться.

Короче и проще говоря, завоевать возможность есть досыта, не зябнуть по зимам, не истощаться болезнями и трудиться по силам — равносильно возможности стать из нищего духом неистощимым гением, обрести силу сознания, умственную одаренность, т. е. приобрести «дух», которым пролетариат так беден и отчего нам так трудно убить буржуазию, располагающую огромными запасами интеллектуальной энергии.

Но «духовное» богатство выросло из богатства материального. «Дух» есть наиболее экономное проявление все той же материи. Он есть как бы обработанная, оформленная, сгущенная материя, нарост на ней, материя, переделанная и усовершенствованная историческим процессом.

Но корень «духа» скрыт в сырой планетной материи земли, в общественном труде и классовой борьбе. И «дух» подчинен законам материи.

Когда мы в октябре семнадцатого года завоевали эту материю, вырвали ее из рук противника в свои, то этим мы совершили и «духовную» революцию, т. к. обеспечили себе возможность в будущем на вершине созданного нами материального благополучия вырастить мощный интеллект — сознание.

Взорвав же буржуазию экономически, мы убили этим самым и ее «дух», т. к. дерево без почвы не растет. В этом наша духовная революция. Она нами совершена одновременно с революцией социальной.

Ведь «духовная» (окаянное слово) революция есть замена одного миропонимания другим. В данном случае — замена буржуазного понимания мира вначале пролетарским и потом коммунистическим. (Пролетарское и коммунистическое миропонимание — не одно и то же.)

Но чтобы эта замена состоялась, надо переменить экономические системы, рождающие самый «дух».

Замена экономических систем состоялась — вместо капитализма строится социализм. Раз так, то с железной неизбежностью социализм родит и новый «дух» как конечное, сгущенное выражение своей первичной, материальной, экономической сущности.

Когда пролетариат приобретает социализм, то он приобретает и дух. Борьба за социализм и есть борьба за новую культуру, борьба за свое духовное обогащение, за возможность мыслить и любить.

Мы знаем, что сила ума, мозговая мощь прямо пропорциональна экономическому благосостоянию данного человека. Это — общая формула. Отклонения, конечно, неизбежны, и их много.

Выходит дело, кто богаче, тот и умнее.

Нет. Есть другая формула, важнее первой: стремление к богатству прямо пропорционально нищете. Чем человек более беден, тем более его желание стать богатым. Сильное, действительное желание к благосостоянию таит в себе потенциальную силу (силу в возможности) к производству. Сумма этих активных желаний обеспечивает экономическую мощь общества.

Неимоверная производственная мощь, скрытая в пролетарии-нищем, имеет в себе и неимоверную духовную мощь. Производство обуславливает благосостояние, а благосостояние есть гнездо, корень духовной деятельности.

Так что раз пролетарий потенциально могущественнее в экономике, то он могущественнее и в духе.

Задача революции и коммунистической партии — перевести эту глубоко заложенную, скрытую в пролетариате производственно-экономическую мощь в действительную, явную, работающую энергию.

Никакой революции духа не произойдет: она произошла одновременно с революцией экономической. Пролетарское искусство и общая культура просто явятся: они живые дети коммунистического хозяйства, они уже рождены, только не умеют говорить и ходить до времени. Искусство вырастает из действительности. И коммунистическое искусство будет тогда, когда коммунизм станет явлением, твердой, видимой вещью, ибо художник исходит из явления; раз коммунизма как четкого, ясного явления еще нет, то дурак только говорит, что у нас есть уже коммунистическое искусство.

Сначала электрифицируйте Россию, и тогда у вас будет железная рабочая поэзия, напитанная электрической безумной, рвущей энергией.

Вгоните в облака сооружения из рельсов, бетона и стекла, наполните их машинами, разумнее человека, пусть рухнет земля под тяжестью работающего, в первый раз счастливого человечества — и тогда не нужна будет музыка; гром и ритм пульсирующих раскаленных машин волнуют и вдохновляют нас больше, чем тысячи гениев звука. Пламя топок и черные тела котловин моторов рождают больше красок, чем мазня на кусках полотна. В мгновенных взрывах динамита, в разряде электричества больше жизни, чувства и вдохновенных неуловимых оттенков и линий, чем в древних галереях, где затомились никому не нужные, бессильные старые краски.

Арена наша — вселенная, и мы актеры, и мы не насытимся игрой и радостью никогда.

Но мы голодны. Наши маленькие братья мрут от истощения, и для начала мы вышли на завоевание хлеба.

Горы хлеба в наших пролетарских складах — вот наша революция духа.

<Июль 1921 г.>

КОММУНИСТ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕМУ

Я не представляю себе истинного коммуниста без преданности и любви к партии.

Что такое коммунисты? Это лучшие люди, передовые борцы человечества. Люди, которые умеют любить больше дальнего человека, чем ближнего. Люди, которые любят себя больше *в будущем* человечества, чем себя в настоящем и, несмотря на их *физическую* зависимость от сегодня, умеют духовно всецело отдаться завтра.

И я не представляю себе, чтобы искренний коммунист, человек беспредельного будущего, связь с которым, заметьте, может быть осуществлена только через партию, мог с легким сердцем примириться с исключением из ее рядов, из рядов коллектива, который, больше чем какой-либо другой, носит в себе зачатки коммунистического человечества.

И ради чего? Ради сегодня — или материального, или интеллектуального мещанского сегодня.

— Я хочу учиться... Я люблю искусство. Я хочу есть шоколад. А меня гонят с места, на котором все же удобней жить, чем мне придется жить там, в другом месте. Я не хочу, пусть меня исключают из партии, но я не подчинюсь!!

Это не коммунист, а *мещанин*, индивидуалист. Он жертвует принадлежностью к партии ради «искусства», «науки», забывая что партия есть высшая наука и высшее искусство. Она больше, чем что-либо, учит понимать и любить жизнь.

Нет, эти люди не коммунисты, они никогда ими и не были, хотя официально и носили высокое звание.

Настоящий случай лишний раз говорит нам, что в нашей партии есть не только слабые, усталые товарищи, это было бы полбеда, это было бы естественно в той тяжелой обстановке, в которой мы живем, но это говорит нам за то, что в наших рядах есть достаточное количество чистокровных лавочников. От них для партии — счастье избавиться. И настоящая мобилизация наводит на мысль, что испытания для наших членов для очищения и для поднятия морального их уровня в настоящей обстановке крайне необходимы, помимо их практического значения. Для этой цели на очереди должна стать и переборка по возможнос-

ти всех оторвавшихся от непосредственной связи с рабочим коллективом в мастерские и заводы и, в первую очередь, конечно тех, кто наиболее подозрителен по индивидуализму, по отрыву от пролетарской психологии (у некоторых ее и следов нет).

К такой переборке, мне кажется, мы давно должны были бы приступить и не только эпизодически, как это имело место совсем в других целях с командированием товарищей на железнодорожные мастерские, а *систематически*. Это безусловно необходимо делать, многие из нас изнутри сильно подгнили, тогда как перед нами стоят по-прежнему величайшие мировые задачи.

Но очищение, поднятие морального коммунистического уровня наших членов невозможно без возрождения *товарищества* в нашей среде (мы сейчас друг к другу относимся как к человеку за номером) и без улучшения быта членов партии.

Коммунисты *без взаимного уважения и любви друг к другу не товарищи*.

Коммунисты, всегда нищие, голодные и босые, в силу того, что они все же не *совсем* боги и все же принадлежат частично, своим телом, сегодня,— в конце концов не могут отдать из своего внутреннего богатства больше, чем позволяет *будущее*, тоска по уютному, хоть сколько-нибудь человеческому существованию.

Неожиданно и для себя, и для партии они могут стать рабами сегодня.

Нужно этого не забывать и *по-хозяйственному, по-коммунистически* предупредить.

Забота о «сегодня» членов партии должна стать заботой каждой организации, чтобы эта забота не заполняла ум и сердце каждого в отдельности.

Нужно позаботиться о *быте* коммунистов и сделать все возможное, чтобы не допустить понижения физического и духовного уровня наших товарищей.

Это в интересах партии, в интересах человечества. И сделать это необходимо организованно.

Мы должны нравственно, морально почаще проверять наших членов, перетряхивать их и перетряхивать решительно, если это требуется интересами чистоты партии, но в то же время мы должны постараться, чтобы жизнь не заставила нас думать слишком много о том, что нас в настоящее время в материальном отношении отягчает.

Тогда наши руководящие организации с несравненно большей пользой и результатами для партии сумеют осуществлять

мобилизации и чистку партии. И не только такие явления, какие имеются в настоящем случае, не будут иметь места, ибо в наших рядах при *систематическом моральном перетряхивании* мещанам нечего будет делать, но и коммунистические элементы не будут поддаваться медленному, но хроническому гниению.

Это нужно понять по-коммунистически, по-хозяйственному, в лучшем, в социалистическом смысле этого слова, и сделать из этого соответствующие выводы.

Коммунист должен принадлежать будущему, организация должна на себя взять заботу о его настоящем.

<Июль 1921 г.>

КОММУНИСТ! ПОКАЖИ, ЧТО ТЫ КОММУНИСТ

Тяжелое стихийное бедствие свалилось на нашу трудовую республику: миллионы наших братьев — рабочих и крестьян Поволжья, постигнутые неурожаем, переживают кошмарные минуты голода. Наша рабоче-крестьянская власть принимает все меры для оказания помощи голодающим, а вслед за нею и все честные труженики вкладывают свою лепту в это святое дело братской помощи.

Все без исключения коммунисты должны здесь, как и везде, быть впереди. В то время, когда миллионы умирают в ужасных муках голода, многие из наших товарищей имеют различные золотые и другие драгоценные предметы (часы, кольца, брошки и пр.), украшая себя этими побрякушками. Пусть в эту тяжелую минуту каждый товарищ хорошенько подумает о своем назначении и откажется от этих побрякушек для спасения наших голодных братьев от ужасной смерти.

Все, что необходимо, коммунист должен отдать в фонд помощи голодающим. Пусть будет стыдно перед своей совестью тому товарищу, который не выполнит этого долга.

Наши партийные организации должны сказать по этому вопросу свое авторитетное слово.

<Август 1921 г.>

ВЕЧЕР НЕКРАСОВА В КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Пятнадцатого августа был этот вечер. Русский народ настолько велик и человечен, что не плакал сам от боли, и за него, за всех мужиков, заплакал Некрасов. Он говорил, что народ свой стон на Волге назвал песней. Это хорошо, потому что правда. И горе, и смерть — для народа только песня, а песня всегда радость.

Когда Е. Щербина-Башарина запела «Коробушку» и сказала с бессознательным восторгом — «музыка народа», в тесном белом доме запел народ. Бессознательность — душа художника. Он должен быть пуст, чтобы смог вместить все. Он радостный, самозабвенный нищий духом, в которого входит мир, и потому художник блажен и стон превращает в восторг.

Русский народ уцелел оттого, что долго ничего не создавал, и боль ему была не больна.

Теперь русский народ в ногу со всем человечеством переходит из царства стихии, песни и бессознательности в царство сознания, в мир мысли и точных форм.

На равнинах и пашнях, среди ветра и неба мы построим мастерские, мы засветим землю электричеством и напоим вселенной изжаждавшуюся душу народа.

Но нам дороги матери, Волга, песни и тысячелетняя незабываемая тоска. Если помолимся мы чему, то полям и рекам, странникам и мужикам, родившим нас. Но мы влюблены в грядущее, которое уже знаем, как знаем несделанную, но вычерченную, расчитанную машину.

Над этим же — над отцами-шахтерами, полевыми дорогами и песнями можно только постоять без шапки и броситься вперед. С неудержимой, невероятной силой в нас вспыхивает любовь и сила от познания этого тихого прошлого, отзвонившего навсегда в свои колокола.

Хорошо постоять на краю города и поглядеть в поле, но не пойти в него и не проклясть его, а вернуться на работу в тесные дома, где от труда и пота, кажется, коптит электричество. Мы живем в такие времена, когда о будущем можно говорить с такой же точностью, как о прошлом.

И предлагаю устроить вечер неродившегося поэта грядущего, уже плетущего железные венцы своих песен.

Имя ему — Машина. Машина жует мир и делает из печали радостную песню, как русский народ на Волге. Только звуки ее песни не дрожащие слова, а измененные миры, пляшущий космос. Предлагаю устроить вечер поэта-машины — нашего и моего товарища. Я буду докладчиком о нем.

Не предлагаю пока устраивать вечера поэта-человека, и машины творящего, как песни, из тоски.

<16–17 августа 1921 г.>

ЖИЗНЬ ДО КОНЦА

Отчаяние, мука и смерть — вот истинные причины человеческой героической деятельности и мощные моторы истории. Мы должны мучиться, миллионами умирать, падать от неистощимой любви, чтобы обрести в себе способность работать. Настоящий труд есть утоление нашей вечной скорби, в нем затихает боль и не слышно сердца.

Настоящей жизни на земле не было, и не скоро она будет. Была гибель, и мы рыли могилы и опускали туда брата, сестру и невесту. В каждом рано умершем, в каждом погибшем человечество теряет своего спасителя. Как много хочется сказать и как не нужно говорить, потому что сейчас нужны бойцы, а не мечтатели. Но много скопилось в душе динамита.

Что такое голод? Я не знаю. Одна мать была беременна, она долго не ела, только редко жевала цветы от растений в своей комнате. И вот ребенок ее затомился и истлел в ней, она перестала быть беременной, живот ее стал могилой ее сына. Мать ослепла, свесила голову с койки и умерла. Ее закопали поздно вечером сытые соседи, когда узнали по духу из комнаты.

Великие видения, правду об этом мире мы видим во сне. Что сейчас делается в Поволжье? Это трудно вообразить днем, когда кругом светло и видим простые, скучные причины хода явлений. Это можно увидеть только во сне, когда заторможены нервные трезвые центры — и ты свободен от своего рассудка, который всегда похож на спекулянта и стервеца.

Но какая скука только писать о томящихся миллионах, когда можно действовать и кормить их. Большое слово не тронет голодного человека, а от вида хлеба он заплачет, как от музыки, от которой он уже никогда не заплачет.

Отныне наша жалость и кипение души будут остывать не в форме искусства, а в форме работы, преобразующей матерно, скручивающей мир, закабалая и охлаждая враждебные силы, которые могут стать нашей волей, нашими помощниками и товарищами по жизни в одной вселенной.

Наши песни — наши руки, а не жидкие слова и не веселые театры, где люди гасят безумное бешенство своих сытых кровей. Нам также не нужна музыка: в нас есть лучшие песни, но они

стыдливы, потому что слишком прекрасны. Самое прекрасное на всем свете безмолвно и темно и не требует выражения дневного огня и любви. Жизнь пока печальна и пустынна. Это хорошо. Но жизнь еще и голодна, и затомлена в смертном застенке. И ее красота — хлеб и еще немного жизни. И все лучшие песни на земле пели всегда голодные и умирающие, этим они отвлекали себя от хлеба. А более сильные и, значит, еще лучшие не пели, но добывали хлеб и тяжело работали; от них даже смерть и сон отступали. Пока жив человек — есть у него надежда сделать все, одолеть невозможное. Потому — прожить, вытерпеть, удержаться на этой звезде — важное дело. А скрутить, победить, переделать эту планету, чтобы стала она, как станок, — значит обнадежить вселенную, что она будет когда-нибудь спасена. Вселенная есть потому, что ее никто еще не спас.

После спасителя-человечества ее не станет, будет другое, где ни одна птица не полетит вечером за мошкой и не будет любви и мысли.

Я хотел написать о жизни, которая не хочет своего конца или хочет одного конца — бессмертия. Но сейчас жизнь хочет не бессмертия, а умереть завтра вместо сегодня. Поэтому ответу на вопросы, заданные товарищами по поводу статьи «Гидрофикация». Вы понимаете, что сейчас и в будущем судьба революции зависит от количества хлеба, а хлеб — от орошения.

В ближайшие годы небо будет полно зноя. Нам надо трудиться над каждым колосом, нам надо поливать и выхаживать каждый кустик. Нам, вероятно, придется перейти от полевой к огородной системе и от огородной дальше, к системе индивидуальной культуры растения, чтобы при минимуме почвы и влаги из одного куста картофеля добывать то, что добывается теперь с десятины.

Об этой индивидуальной культуре, которая придет на смену огородной, надо еще много подумать, поговорить и попробовать. Идет новая земледельческая эпоха, когда человек будет изучать каждое отдельное растение и даже частицу растения, а не целые виды их, когда он будет давать имя каждому листу, знать характер, душу, потребности, болезни и настроение каждого колоса и знать отличие его от другого такого же колоса. Сейчас считают, что рожь есть рожь, все колосья приблизительно одинаковы. Тогда узнают, что один ржаной колос и другой такой же имеют большую разницу, совсем не одинаковые души и требуют не равного света и не равной пищи для своей полной жизни и полного плода. В те идущие времена при индивидуальной куль-

туре растений человек будет выращивать себе хлеб в цветочной плошке.

Об этом мы еще подробно поговорим. Теперь отвечаю на вопросы по гидрофикации. Прежде всего, напечатанная статья слишком сжата, обрублена, чтобы быть ясной и понятной.

Проекты деталей гидрофикационной системы там опущены: это слишком специальные области. Например, как же строить стены-баррикады речного коридора, как строить водоснабжающие галереи — про это почти не сказано было ничего. Что строить их надо из глины, этого мало и это не обязательно: строить их можно и из другого подходящего материала, какой легче можно достать на месте,— от простых насыпей вплоть до такой роскоши, как бетон. Можно делать их и из больших каменных глыб, спаянных цементом, и из мелкого щебня, и из различных комбинаций, вроде каменных слоев, связанных цементом, с глиняной сердцевиной — для речного коридора, и просто из слоев сцементированного камня — для водоснабжающих галерей. Можно оставить и глину с каменной окладкой со стороны воды для предохранения от истачивания и разрыва глины водой. Можно применять еще кирпич, бревна, топочный шлак и т. д. Плетни для глины плести надо наклонно, небольшим углом, вершиной кверху. Вообще, такие строительные детали могут быть выяснены только спецами, а заранее их выяснить нельзя: стройте из чего можно, приспосабливайтесь к условиям почвы, соображайте, когда будете стоять на самой работе. Я против теории: практика сама вам подскажет, как лучше и экономней делать. Теория рождается непониманием практики. Понятая практика (а процесс ее понимания есть момент работы) не нуждается в объяснениях. Сознательный труд не нуждается в организующей его идеологии. Гидрофикация меньше всего нуждается в предварительном проекте: она нуждается в осуществлении. Перебрать все планы, как строить стены-баррикады для речного коридора и водоснабжающих галерей, нельзя — их невероятное множество; в зависимости от местных условий строить эти стены можно по-разному, до бесконечности.

Устройство плотины тоже сложная и специальная штука, она у нас будет выдерживать колоссальные напоры воды. Этот напор мы, конечно, используем через турбину и динамо для перекачки воды в верхние (вторичные, третичные) гидрофикационные системы. Стены водоснабжающих галерей верхних систем можно строить очень низкие, независимо от крутого наклона почвы. Как строить плотину — дело известное в гидротехнике,

но нам придется и в этом кое-что изменить, добавить, усовершенствовать. Теперь: не будут ли гидрофикационные системы размываться половодьем. Нет, потому что половодий не будет, снеговая вода не будет допускаться до реки, а будет оставаться на месте: ее будут задерживать стены-баррикады верхних гидрофикационных систем. То же самое с дождевой водой. Получится то, что называется террасировкой. Террасировку и будут осуществлять гидрофикационные системы.

Но это только их свойство. Высокие гидрофикационные системы, например, на водоразделах, на крутых склонах, да и нижние системы у всех водоснабжающих галерей будут идти поперек ската и во всех направлениях, в целях лучшего и удобного орошения и приспособления к рельефу почвы для преодоления наклонов, поэтому весенние воды все останутся на полях. Конечно, ремонт и восстановление гидрофикационных сооружений потребуются, но больших и периодических разрушений не будет. Каждую верхнюю систему можно, так сказать, террасировать, т. е. построить уступами, чем достигнется малая высота стен водоснабжающих галерей. Только тогда немного усложнится перекачка воды.

Вопросов будет очень много. Для разрешения их есть два способа: 1) обдумывание, проникновение не в то, что написано, а в обстановку и цели работы, инициатива в планах и 2) диктовка практики. Этим и надо руководствоваться прежде, чем спрашивать. И пора переходить к труду. Помните, гидрофикация и вообще устройство какой-либо системы орошения — есть работа экстренная, сверхурочная; от осуществления этого замысла зависит жизнь миллионов, и твоя, и моя.

<Август 1921 г.>

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Коммунистическая революция возможна только через рабочий, крупноиндустриальный класс. В крестьянстве возможен только коммунистический сдвиг, сочувствующий городской революции.

Но крестьянство можно *сделать* коммунистическим, перевоспитать его силами городского пролетариата. Самостоятельного коммунистического движения, параллельного городскому, в крестьянстве не может возникнуть. Как же нам завоевать крестьянство, как перевоспитать его, сделать из крестьян сплошь коммунистов?

Для этого надо создать, создать как бы искусственно, сознательно со стороны пролетариата, *такие способы производства хлеба и, значит, такой быт, который определил бы сознание крестьянства как коммунистическое.* Сейчас сложились такие счастливые для нас объективные условия и мы имеем возможности так их использовать, что можем вызвать великую крестьянскую коммунистическую революцию, т. е. поголовный, сплошной переход всех крестьян на сторону городских рабочих. В бледные, пустые артерии истомленного великого борца мы можем накачать свежей крови почти неограниченное количество. Эти необыкновенные условия для нас не повторятся никогда, если мы их не используем сейчас. Какие же это счастливые, выгодные естественные условия? — Засуха. Но, скажете вы, это же великое горе, засуха не спасет, не расширит, а засушит революцию и т. д. Все это правильно. Но мы хотим именно это бедствие — голод, смерть — превратить в счастье и жизнь народа. Так, чтобы через 10–20 лет можно было сказать, что засуха 20–21 годов принесла больше пользы, чем вреда.

Как же при наличии засухи перестроить (вернее, построить заново) крестьянские хлебодобывающие хозяйства, чтобы результатом такого нового способа производства явилось массовое крестьянское коммунистическое сознание? Каков конкретный план перерождения, усовершенствования крестьянских индивидуальных хозяйств?

В одном слове — *гидрофикация*. Этим сказано все. Техническое осуществление и организация в ближайшие сухие годы массового водоснабжения крестьянских хозяйств есть фундамент,

нижний слой бутового камня для постройки на нем по всей земле великой коммунистической зерновой фабрики. Гидрофикация — первый прочный, вяжущий цемент, сливающий крестьянские хозяйственные точки в одно хлебопроизводящее море со всеми прекрасными результатами, какие дает размах, укрепление всякого производства и механическое уравнивание его при этом по наивысшему достижению, какое есть в данном производстве.

Гидрофикация — не искусственная выдумка, а режущая необходимость. В ней — единственное спасение революции и России, и потому массовое осуществление ее обеспечено.

Гидрофикация имеет то свойство, что выгода, полезность ее возрастает с ее размахом. Если гидрофицировать площадь земли одной рекой, то будет, скажем, единица пользы; если гидрофицировать еще соседнюю реку, то пользы будет не две единицы, а три или четыре, т. к. тогда получится возможность оросить почвы не в два раза больше, а в три или четыре, а количество и мощность сооружений увеличить приблизительно в два с половиной раза, т. е. выгода гидрофикации растет не пропорционально сооружениям и затраченным силам, а гораздо быстрее.

Это все вытекает из самого технического проекта гидрофикации. Кроме того (опять-таки по техническим причинам), гидрофикация причащает и обязывает всех работников на системах водоснабжения и всех крестьян с гидрофицированными хозяйствами к плану, дисциплине, точности, культурности в работе, совместности, коллективности и ответственности. Такой труд переродит крестьянина. В гидрофикации как техническом аппарате есть нечто необыкновенно планомерное, точное, хронометрическое, благородно машинное. Она крестьянина и его соседа будет минута в минуту выводить на работу и заставлять их работать рядом, а когда случится где-нибудь катастрофа или повреждение в гигантском сцепленном гидрофикационном сооружении, то исправление его — дело всех и по силам только всем. Ибо от катастрофы, бедствия в одной точке будут бедствовать все (или, по крайней мере, очень удаленные от места катастрофы перестанут снабжаться водой); от невыполнительности, безответственности товарищей на водопитающих системах можно вызвать целый потоп, который сможет ухудшить урожай, так сказать, перепитать растения.

И еще многое можно сказать об организации земледельческого труда после гидрофикации крестьянских полей. Гидрофикация — технический переворот в производстве зерна и вообще сельских продуктов со всеми последствиями из этого в области социальной жизни крестьян.

Последствием же будет то, что индивидуалистическая, мелкохитническая душа крестьянина станет коммунистической, для которой пашней будет весь мир.

Из точного анализа труда после гидрофикации сельского хозяйства, из самого проникновения в способ производства сельских продуктов в будущую «гидрофицированную» эпоху мы выводим свое убеждение в том, что крестьянство можно перевоспитать посредством гидрофикации, сделать из него стройную армию коммунистов, организм и уничтожить теперешний бугор пыли, соединенный случайно и механически, разлетающийся от всякого маленького ветра.

И крестьянство станет коммунистическим добровольно, даже без агитации, точнее, благодаря одной агитации — гидрофикации. В первый раз в мировой истории сознание делается не стихийной силой — производством, а сознанием же только другого класса.

Может быть, для абсолютного слияния крестьян России с компартией и лучшим индустриальным пролетариатом, для абсолютного превращения буржуазно настроенного человека в коммунистически мыслящего друга будет недостаточно одной гидрофикации, одного осуществления гигантской оросительной централизованной системы, но ведь параллельно будет перерабатывать крестьянскую душу и электрификация, и другие коммунистические способы производства. Гидрофикация же — самое важное, потому что она начало.

Если мы продумаем, вникнем в это дело до конца (а не только в то, что можно, по ее размерам, написать в газете), то увидим с ослепительной ясностью, что гидрофикация даст нам верный хлеб, накормит досыта всех, какими бы ни были ближайшие годы, иначе говоря, в ней наше единственное спасение; и второе — мало-помалу сделает крестьянина коммунистом — другом и союзником рабочего, точнее, таким же рабочим, т. к. работа при машинах с электрическим током уничтожит в крестьянине все специфическое, полевое, отделенное.

Мы стоим у новой эпохи — эпохи непредвиденной крестьянской коммунистической революции, осуществляемой волей и сознанием машинного, индустриального пролетариата и при полном сочувствии самого крестьянства.

Пролетариат городов должен эту великую бескровную революцию видеть заранее, и осуществить, и провести ее по своим чертежам, в свете своей мысли.

<Август–сентябрь 1921 г.>

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОЛЫМАГА

У Советской России три врага — буржуазия, природа и сама она, Россия. Это обыкновенная истина. Ее надо понять теперь всем, но ее до сих пор поняли не все, далеко не все.

То, что буржуазия нам враг,— известно много лет. Но что она враг страшнейший, могущественнейший, обладающий безумным упорством в сопротивлении, что она действительный властелин социальной вселенной, а пролетариат только возможный властелин, что она закована в броню глубоких предрассудков, ставших истинами для масс, и в золото неисчислимой собственности — это лучшее орудие социальной борьбы и победы,— это нам стало известно из собственного опыта. Может быть, мы немножко это знали и раньше, даже до революции, но вполне и много мы узнали это только теперь.

Мы узнали недавно, как трудно волочить по историческому бездорожью всероссийскую колымагу партийно-советским мотором.

А наше историческое бездорожье почти непроходимо: идем — все нет и нет конца. Европейская коммунистическая революция, эта историческая прямая, мощная дорога, еще не поддается продвижению; а значит, она не так близка, если видеть ее нельзя.

А чем дальше мировая (или хотя европейская, это почти одно и то же) революция, тем ниже качество русской революции. И каждый день отсрочки пролетарского восстания есть понижение на градус революционной температуры русского пролетариата. Каждый прожитый нами в одиночку день равносителен нашему поражению и все большему оживанию трупа буржуазии.

Чем короче социальная классовая революция, тем она победоноснее. Растянутая на необозримо долгий срок — она может свестись к нулю, т. е. революция может стать силой, которая якобы по объективным условиям, а на самом деле по собственному бессилию* возрождает капитализм в еще более нестерпимых, безумных формах, чем он был до революции.

* Бессилие революции, когда она уже начата и длится, бессилие как сознанный факт, есть ошибка самой революции в учете объективных условий перед своим выступлением. Нашей революцией эта ошибка не совершена, как и вообще никакой революцией — см дальше.

Чтобы победить буржуазию окончательно, чтобы и говорить было больше не о чем, надо ее уничтожить, выбить из действительности, умертвить всех ее представителей.

В наше время, время ломаного противокapиталистического фронта, а не фронта прямого удара,— это звучит немного дико, а много — глупо. Сознаюсь и разъясняю.

Оправдание всем нашим сложнейшим действиям одно: объективные условия, играющие не в нашу руку. Но что такое эти знаменитые «объективные условия»?

Это атмосфера действительности, созданная господством капиталистических шаек. Она прямо пропорциональна мощи капитала и обратно пропорциональна революции всегда. Значит объективные условия всегда нам враждебны, т. к. они есть субъективное выражение буржуазии (для нашего момента).

Чтобы изменить действительность, взять управление ею в свои руки — надо уничтожить эти «объективные условия» через уничтожение создающей их буржуазии. Тогда «объективные исторические условия» пересоздадутся сами собой и будут пролетарской атмосферой.

Мы размахнулись, ударили, а убить побоялись «объективных условий». А надо убить, чтобы победить.

Объективные условия есть результат, есть выражение борющихся классовых субъективных сил; и поэтому они субъективны, а совсем не объективны; они выражают волю господствующего субъекта; чтобы их изменить, надо уничтожить этот господствующий классовый субъект — буржуазию.

При боязни, при «учете» этих окаянных «объективных данных» победа революции невозможна.

Все мы в этом отношении были до сих пор глупее буржуазии. Мы думаем, что революции надо считаться с действительностью, иначе она не победит, а забываем, что эта действительность буржуазна, враждебна нам. Считааясь с действительностью, мы не уничтожаем ее (в чем первая задача революции), а приспособляемся к ней.

Смысл революции — как раз в изменении действительности через взрыв ее и пересоздание; революция не должна считаться с действительностью, ни смотреть на нее. Революция должна только себя признать за настоящую действительность, все остальные — за чепуху достойную пинка.

Революция — сила обратная действительности, противоположна ей; она есть новая, более реальная действительность,

уничтожающая старую действительность, ставшую недействительной с рождением революции.

Быть революционером и считаться с теперешнею действительностью — преступление и дурачество, контрреволюция. Революция должна помнить только себя и свои задачи, а не глядеть в беззубый рот враждебнейшей действительности.

Революция и настоящее — несовместимые вещи. Совмещение их есть смерть революции. Победа революции в ее смелости и «безумии» (для «разума» действительности революция всегда безумна).

Все это очень скучно говорить. Не революционер, а только круглый дурак, «садовая голова» считается с действительностью. Это все равно что бить и ощущать боль от своих ударов. Такой боец недолго продержится, он упадет от воображаемой боли своих же ударов.

Революция — это то, что не может не быть, что хочет и что будет новой действительностью вразрез действительности теперешней.

Теперь дальше. Действительность такова: 25 миллионов народа поволжских губерний голодают, обречены на смерть. Солнце выжгло поля. Люди бегут в Сибирь, к нам, на юг, во все концы. Это мы узнали летом этого года. Но это мы предвидели. С этой «действительностью» один разговор: уничтожение ее. В будущие годы побежит почти вся Россия. Дождя выпадать не будет. Сеять хлеб станет ненужной работой: засуха в сухую пыль превратит труды крестьян.

Борьба с голодом, борьба за жизнь революции сводится к борьбе с засухой. Средство победить ее есть. И это средство единственно: гидрофикация, т. е. сооружение систем искусственного орошения полей с культурными растениями.

Революция превращается в борьбу с природой.

Я из опыта знаю, что прежде чем нормировать урожай своими руками, гидрофикацией, прежде чем победить тот элемент природы, который управляет засухой, — надо победить косность людей, от которых зависит практическое осуществление гидрофикации.

Все кричат, воют подголосками: хлеба! А когда им хочешь указать путь к этому хлебу, то оказывается, что это скучно. И пусть 25 миллионов людей день и ночь бегут выжженными полями бог весть куда, пусть! У нас пока есть немного хлеба, есть любовь, есть музыка, стихи, есть в нашем покое и благополуч-

ном равнодушии своя красота. А то не наше дело, то дело центра или еще кого-нибудь.

Как у нас мало сознательности, в смысле чувства! Как велик у нас живот и губы!

Но не для этих чертюков мы живем и боремся. Гидрофикация им не нужна, им нужна «имагофикация», им нужен «здоровый смех», радость на трупах.

Хорошо же, мы натравим на них 25 голодных миллионов. Пусть голодные им совершат «революцию в искусстве», пусть докажут, что красота есть только функция сытости. Голодный, безобразный ребенок дороже армии сытых и прекрасных. Он и прекрасней их.

В нас нет счастья, в нас есть мысль.

Искусство — это путь от страдания к освобождению и радости. И никто не понял, что, чтобы освободиться от страданий голода и смерти, для этого надо создать поэму о гидрофикации. Гидрофикация вызвана нестерпимой мукой миллионов, она есть их надежда и спасение, их единственная, решающая красота.

А прыщи на теле масс, вроде «советской интеллигенции», не хотят гидрофикации, они не верят (не доверяют, по крайней мере) науке и ее предвидениям. Ладно: они богу молятся, у них есть надежда, у нас ее нет, у нас есть руки и много хороших голов.

Писание статей есть буржуазная выдумка. Поэтому я кончаю.

Всероссийская колымага не едет потому, что она колымага, хоть и стоит на ней прекрасный двигатель новейшей конструкции в виде РКП. Надо переделать колымагу в автомобиль.

Надо разрушить действительность и создать то, чего нет. Надо больше ненавидеть, чтобы дойти до любви.

Эти бегущие 25 миллионов не считаются с действительностью, а ненавидят ее. Они настоящие революционеры: они первые поняли, что такое гидрофикация, что такое машина и что такое вселенная.

Будущая голодная Россия, когда ее душа будет перегорать от засухи, одним ударом, одним ничтожным напряжением коллективного сознания уничтожит враждебные силы природы, а с буржуазии-то голова слетит в первую голову, и никто этого не заметит. Это тогда будет не важно.

Россия будет гидрофицирована желанием голодных масс, их волей и их мыслью, наперекор общественному равнодушию.

Пусть мы не учены, но мы погибаем. Науку мы постигнем в два счета, потому что мы — масса и потому что наука перед жизнью только маленькие пустяки.

Смерть — личности, жизнь и свобода — организованным массам. Масса делается личностью. Вот что пусть знают все в Советской России.

Рабочая масса, организованная совместным машинным трудом, представляет из себя, выражаясь старым языком, высший тип личности. Но, конечно, масса не личность, а что-то больше ее, что-то другое, что знает сама масса и ее члены, но чему не подыскано еще имени, для чего нету слова во всем интернационале языков.

На пути к коммунизму Советская власть только этап. Скоро власть перейдет непосредственно к самим массам, минуя представителей. Представителей, членов массы не может быть — тогда масса не целое, не организм, тогда она не масса. Это надо понять, как самого себя понимаешь, это надо ощутить.

Раз масса вымирает от голода, а рабочие дрожат и падают у станков, потому что от слабости и истощения идет кровь из носа, значит революция только начинается.

Мы накануне наступления масс, *самих масс*, без представителей, без партий, без лозунгов.

Рабочие массы скоро возьмут власть в свои руки без представителей, без учреждений, без исполнительных органов. Масса бесчленна.

Об этом подробно напишу, если советская печать и власть увидит в этом выступлении непосредственно самих масс путь к коммунизму и высшую, следующую форму рабочей диктатуры и не испугается этого мощного взрыва красной энергии.

Да здравствует Общее Собрание — власть рабочих!

Через Советы — к Общим Собраниям.

Вся власть рабочим массам — без представителей, без органов и учреждений.

Долой выборность, дух учредилки, власть должна быть самоорганизацией, масса нераздельна. Властвует масса тогда, когда она вместе, когда она не имеет представителей, когда она представляет себя сама и не доверяет никому, даже первому из лучших.

Смерть личности, жизнь массе.

Да здравствует Союз Рабочих Производящих Масс — Великий Интернационал, IV Интернационал!

<Август–сентябрь 1921 г.>

НОВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Удар рождает два удара в ответ.

Великая космическая катастрофа сплачивает, братает человечество и напрягает его для контрудара по природе.

Великие климатические изменения, постигшие земной шар, ведут человечество к смертельному бедствию — длительной, иступленной, невыносимой засухе. Засуха будет длиться несколько (10–20) лет и захватывать все новые, все обширнейшие области земли. Причины засухи необыкновенно сложны. Нам важен пока самый факт. Хотя для окончательного поражения засухи знать до конца все причины, ее вызвавшие, необходимо.

Эта великая космическая катастрофа положит начало эпохе гигантских работ по изменению лика земли, чтобы регулятор климатических состояний земли наконец из рук стихий и неведомых нам сил перешел в руки человечества, а не в руки теперешних капиталистических банд, которые власти над природой не удержат и не достойны ее.

Эпоха космических работ, в которую мы вступаем, на ходу решит все социальные задачи внутри человечества, потому что тут вопрос нам ставится ребром: или коммунизм и борьба всеми кулаками, всеми машинами и мозгами с истребляющей нас вселенной, или гибель. Человечество, конечно, выберет коммунизм и жизнь.

Засуха ускорит пришествие коммунизма, засуха, в конечном счете, усилит и побратает людей, ибо всякая катастрофа есть причина всякой организации, всякое зло перерастает в добро.

Страдания человека от голода смертельны. Умиравшие рвут сердце живым. И эти живые, имеющие сердце, судорожно сострадающее, больно бьющееся за каждого и за всех, кто живет наполовину, кто теряет жизнь, кто потерял ее — от бесхлебья, желудей и стружек,— эти живые должны массами отправляться по русской стране с проповедью нового евангелия — техники, и сами должны первыми исполнить, осуществить в материи первые заповеди техники.

Первая заповедь техники, исчерпывающая все остальные, говорит: уничтожь природу *такую*, какая есть, и из ее хаоса создай иную — свою, человеческую, или природа тебя уничтожит.

Первый шаг для исполнения этой заповеди есть борьба и победа над засухой.

В городе, здесь, в деревнях, я ходил и говорил со всеми, кто встречался, о смертельной нужде спеться людям между собой и подняться на природу, на бессмысленное устройство земли и всей вселенной, мучающее и истребляющее человечество. И о том, что первым боем побратавшихся людей с природой должна быть борьба с засухой, война за сытость, за полнокровное, сытое тело человека, борьба за отдаление могилы от человека.

Этот бой еще сравнительно маленькая стычка по сравнению с будущими решительными, генеральными битвами. Но все равно этот бой важен потому, что он начало, и потому, что в великом деле нет мелочей.

Голодные люди слушали тихо, с надеждой, с перегоревшим отчаянием; бабы месили желудевую черную муку, волки подходили совсем близко к гумнам, и мы сидели вокруг стола и тихо говорили об общем великом деле — о всечеловеческой борьбе со вселенной, о том, что нет нам спасения и мы должны решиться, мы должны стать безумными, если разума мало на дело победы людей над миром.

Мужики слушали и слушали. Тут же я рисовал им водоподъемные машины самые простые и самые сильные, самые удобные. Рассказывал, как надо строить деревянные лотки для самотека воды, канавы, водоснабжающие галереи, как приспособить ветряки для подъема воды, как устроить центробежный насос из трех-четырёх трубок и ведра. Эти скучные разговоры люди слушали, как поэму; рассуждения о двухдюймовых гвоздях доводили нас до экстаза. Мы молитвенно и затаенно говорили о великой силе ветра, о солнце, которым можно качать воду, о благословенной влаге, питающей рожь в будущие дни суховея и горячего песка, о том, как прохладно и мирно станет на земле в знойные дни при орошении.

Неизмеримо малые вещи стали гигантами и богами в нашу чудесную эпоху.

Еще я говорил о коммунизме, о настоящем коммунизме, который будет тогда, когда станет он кусками нашего сердца и нашего сознания. А коммунизм в сердце человека посеять сможет только великая беда, ибо, когда я счастлив, мне не нужен никто, когда несчастлив и близок к смерти, мне нужны все.

Война царей и богачей, задуманная ими для наращивания своего богатства, и расстрелы миллионов простых рабочих людей ради этого, родила коммунизм, а мировая беда — засуха и опять

истребление голодом миллионов людей воспитает, вырастит и закончит постройку нового человеческого общества — коммунизма.

А для этого надо две вещи: ненависть, точное сознание и ураганный труд — по отношению к миру, и сердце, чуткость и ритмическую, машинную согласованность в действиях — по отношению к другому человеку.

Мы говорили и дальше: переносили технику в работу души человека, развивали мысли до конца, и в нас рождался и светился ослепительный сатана — сознание, которое будет тем рычагом, каким человек приподнимет и изменит вселенную.

Я уходил из деревни в туманное утро. В полях, на дорогах — нигде никого. Небо с землей сцепились через тучи и овраги в безумной неимоверной схватке, как на картинах страшного суда.

Из этих вот тоскующих, пустынных, раненых временем полей и должно подняться человечество на мир, угрожающий смертью, забвением и вечной пляской стихий. Из глубокого колодца — земли мы встаем и уже встали с железом в руках и сознанием.

Здесь и больше нигде человек скоро устроит над вселенной свой страшный суд, чтобы осудить ее на смерть.

<Ноябрь 1921 г.>

ВЕЛИКАЯ РАБОТА

Рабочие массы изнурены, обессилены, и огромное количество рабочих уничтожено гражданской войной, голодом и десятилетиями бессменного труда при капитале.

Массы дошли до полного равнодушия ко всему, у них уничтожается, отмирает то, что называется душой человека.

Россию революции, ту Россию, какова она на самом деле, сколько она выстрадала и сколько она способна выстрадать еще, мало кто знает.

Революция ранена — железная птица упала на землю и ползет. У революции нет хлеба.

Если хлеба долго не будет, то революция будет заморена и уничтожена.

В рабочих массах хранятся неизмеримые силы, но эти силы заморожены голодом.

Чтобы *победила революция*, чтобы коммунизм был наконец осуществлен в людях и в материи, *надо хлеба*, как можно больше хлеба, горы хлеба, чтобы тысячу раз накормить всех досыта, обновить побуревшую, прокисшую кровь в жилах, напряжить мышцы каждого работника, капитально отремонтировать хлебом тела пролетариев и еще оставить в запасе миллиарды пудов.

Голод сшибал голову не одной революции. Буржуазию легко разбить, труднее победить собственную дезорганизованность и усилить хозяйственный аппарат прошлого.

Исправная капиталистическая хозяйственная система не сможет никогда удовлетворить насущных потребностей масс, когда они захотят досыта наесться.

Капитализм никогда не кормил всего человечества досыта.

Как же нам сделать хлеб? Какую построить машину, чтобы она делала хлеб?

Машина эта называется гидрофикацией. Если хочешь быть сытым, без гидрофикации не обойдешься. Она победит засуху, и ты освободишься от капризного неба.

Гидрофикация — спасение рабочих масс от смерти, спасение революции и коммунизма.

Как строить гидрофикацию — об этом мы много и подробно будем говорить. План ее готов и после проверки спецами будет опубликован.

Промедление с гидрофикацией — предательство и измена нам, нашим детям, нашим женам, всему великому бессмертному будущему человечеству.

Каждая сооруженная гидрофикационная галерея, каждая стена, каждый сделанный насос есть удар по смерти, есть наступление жизни, есть наше освобождение от голода.

Мы соберем все свои человеческие силы, всю железную энергию, настойчивость, все сознание, изобретательность, организованность и будем строить гидрофикационные системы, пока не замкнем в них все красные пашни.

Мы уьем голод и остановим растущую сейчас злобу от голода.

Гидрофикация не просто труд.

Это — бой, кровавая война.

Не один мозг будет иссушен, не один мускул лопнет от перенапряжения, пока вся земля наполнится морями полевых хлебных колосьев и все насытятся. Мы сознаем необходимость бесчисленных жертв и с радостью готовы на них.

<Ноябрь 1921 г.>

РЕВСОВЕТ ЗЕМЛИ

Зло новой человеческой души в том, что ослабляется спайка, единение, чуткость человека с природой.

Новый, городской, машинный человек все менее и менее чувствует себя родным миру, все более ему непонятна книга вселенной: человек разучился ее читать, он сделался глухим к ветру, слепым к звездам. Сказанное мною подтверждается коровьим равнодушием большинства людей к великой, смертельной катастрофе, к которой подкатывает нас время,— к засухе будущего 1922 года и следующих годов (может быть, только с маленькими влажными перебоями).

Кто живет заодно с природой, тому земля говорит про себя и снимает для него свою одежду — время. Надо родиться с большой любовью в сердце ко всему. Любящий же человек — сын каждой женщины, каждой травинки и гость на всякой дороге. Как же любящий может не знать и не видеть, когда сердце есть самый большой и ясный глаз.

И когда заволновалось, заболело что-то в мире, народ тоже заболел думой о будущем.

Зимы стали плохими, малоснежными, трава начала расти не как в прошлые годы. Что-то дрогнуло и оборвалось в мире, где-то он ранен — и в ответ открылась рана и боль в человеке.

Засуха этого года была нами предсказана весной.

Не я говорил о ней, а мир отзывался во мне.

Но никто тогда не поверил; кто слушал, тот был сыт и равнодушен, черт с ним!

Подошло лето, и загорелась рожь в Поволжье и у нас на юге в большей части губернии.

Горе пошло по России, томление и смерть.

Тогда была найдена и обдумана гидрофикация как борьба с засухой за жизнь, т. е. за хлеб. После долгого словесного звона в газетах отозвался наконец центр — Москва. Там согласились с нами, нашлись люди одинаково думающие, и вот теперь там борются за создание революционного сельскохозяйственного совета, боевого, ударного штаба против зноя, против плохого крестьянского хозяйства, против голода — за хлеб и сытость рабо-

чих и крестьян, за спасение революции от поражения и людей от истребления.

Засуху и можно победить только так, как побеждали мы Колчака и Врангеля,— всем напряжением, жертвами, талантом великих вождей труда и изобретательности.

Ревсовет земли будет, наверное, создан на днях, и тогда закипит великая смертельная борьба человека с силами природы.

Мы чуем великую катастрофу, но мы имеем мозг и силу в крови, мы знаем как делать орудия против природы, чтобы укрощать и сковывать ее.

Мы организуем миллионные армии работников и бросим их в поля и стети и мастерские — к плугу, насосам, плотинам, моторам, станкам.

Мы объявляем генеральный бой зною и голоду.

Да здравствует революционный совет земли!

Да здравствует сознание и машина человека!

<Ноябрь 1921 г.>

ГОРЬКИЙ И ЕГО «НА ДНЕ»

Горький любит не истинное большое человечество, а то маленькое, которое вырастает из этого большого. Его очаровала и влюбила в себя эта маленькая шеренга штурмующих вселенную — Наполеон, Магомет, Христос, Бетховен и те неведомые вожди древних орд, для которых тесны были пустыни и ненавистна зарождавшаяся жалкая культура человека,— и они обращали врагов и их города в ветер и прах, не ненавидя их, скучая от своих побед.

Боги, герои и вожди — это существа смертельно пораженные своим сознанием, не могущие примириться с тем, почему звезда на небе, а не во мне. И они разными путями идут к одному: Бетховен борется, одолевает, уничтожает вселенную, сметает ее из своего взора и сердца, чтобы остаться одному или только с любимыми; для него (и для всех богов) мир нестерпим, потому что он распылен, и каждая пылинка поражена от этого сознанием, а такое сознание рождает любовь; Скрябин делает почти то же, но у него мутится внутри хаосом сомнение, он почти безоружен и иногда, уже достигнув экстаза и победы, великого конца, он опрокидывает себя-победителя, срывается и кричит, уничтожает цель, видит в себе главного и страшнейшего врага и скручивает душу себе и вселенной ради одной веселой игры: победа есть поражение, ибо руки привыкли к сопротивлению, а тело к смерти.

Христос шел другою дорогой. Не уничтожения, не взрыва вселенной он хотел, не изменения ее, а хотел обнять ее, и не иную, преображенную, а всю такую, какая есть. В этом полная любовь. Для Христа вселенная — мать и невеста, небесная Галилея, а не окаянная пустыня, не судьба, не водоворот хаоса, в котором человечество — только случайная рожа. Раненый сознанием, Христос хотел одного и ясного, чтобы вселенная стала им, Христом. Большого ничего он не хотел, а если бы захотел большего, не был бы Христом.

Очарованный видением великого человечества, Горький всю жизнь слабо тянулся к нему — в этом философия его искусства. Ему никогда не забыть напева:

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не сумеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой

Разум Христа, Будды и Скрябина питало безумие. Безумие есть резерв сознания. Оторвавшись от безумия, разум тухнет и выцветает. Только безумие есть отец разума. Разум же есть замершее на миг в своем взлете безумие и хаос.

«На дне» Горького и есть тот момент, когда безумие питает разум и разум человека вырастает.

«Дно» это хаос, где редко, но все увереннее и ослепительнее сверкает разум человека. Все эти Васьки, Актеры, Бароны, Сатины, Бубновы, Странники есть те же Наполеоны и Магометы, но еще не проснувшиеся. Хаос в них еще не сформировался в разум и не вывел их на вселенские дороги борьбы, экстаза и победы.

Но вот поднялся во мне на миг восторг, и если бы мы завоевали вселенную, я бы сказал ей песней Агасфера Беранже, от которой слезы проступают на глаза, я бы сказал ей —

За пир, за угощенье
Мое благодаренье,
Но слишком я томлюсь,
Когда остановлюсь.

<Ноябрь 1921 г.>

ХЛЕБСТАНОК

Мы живем в дни нестерпимых страданий, массовых смертей и величайших надежд. Душа всего человечества звенит на самой верхней ноте — выдержит или оборвется?

В эти ответственные годы смерти и победы, отчаяния и света каждое наше слово должно быть набатом, каждая мысль — откровением, каждый стих — евангелием. И смерть в эти дни прекрасна, как бессмертие.

Величие и вечность нашего времени в том, что не отдельные развитые личности делают историю земли, а целые неистребимые и неисчислимы работающие массы.

20–30 миллионов крестьян и рабочих Поволжья в голоде и тоске бегут по выжженным полям. В самодельных тележках везут они умирающих детей. И на всех нас глядят их смертельно испуганные потемневшие глаза. В них животная тихая кротость, они ранены природой.

Или человек — или природа. Природа должна быть уничтожена ради человека, иначе человек будет уничтожен ради природы.

Примирения с палачом не может быть. Кто думает напротив — тот плохой человек и мучитель детей, тот предатель и изменник, а прежде всего идиот.

Доказательство, что природа — палач, лежит в самарской тележке.

Мы открыто говорим и проповедуем о космической революции — о восстании коммунистического человечества на вселенную. Это не мечта, не дикая мысль а необходимость. Мы знаем конкретные (новые, практически осуществимые) пути такой революции, отчетливо видим свои цели и взвешиваем силы обеих сторон. Эта борьба может продолжаться тысячи лет, но мы должны в ней победить, иначе все прожитое и перенесенное нами было бесцельно и ненужно.

Все это я говорил подробно еще год назад, только меня плохо слушали. Так же, как теперь я девять месяцев говорю о гидрофикации как единственном средстве вполне победить голод раз и навсегда, взяв в свои руки регулятор урожаев, но опять плохо отзываются другие люди, может быть потому, что я не громко говорю, когда надо выть и бить в набат.

В глубинах масс идет страстная, невероятная борьба мысли со стихией засухи. Не один крестьянин в эту минуту думает одну думу, какую он думал летом.

Вся Россия, и в первую очередь ее юго-восточные области, должна быть гидрофицирована, т. е. искусственно орошена, поставлена вне зависимости от дождей. Гидрофикация это станок, на котором делается хлеб.

Гидрофикация — работа настолько трудная и долгая, что некоторые товарищи, познакомившись с проектом, говорили, что она совершенно невыполнима в наше время.

Мы должны окопаться от Азии прежде всего, от зноя и песка Туркестана. Волга должна стать климатической баррикадой. Для этого надо гидрофицировать водою Волги и ее притоков Приволжье. Волга через это станет, между прочим, судоходна вся и везде действительно назовется кормилицей. Потом мы гидрофицируем Донской бассейн Доном и его притоками и сцепим Донскую и Волжскую гидрофикационные системы в одно. Кубанская область также должна быть гидрофицирована и сцеплена своей системой с Волго-Донскими системами. Этим юго-восток Европы будет спасен от засухи, а Россия от голода. А дальше мы посмотрим, что нам делать.

Главное надо смотреть, предвидеть и заранее, свободно и сознательно, сделать орудия обороны и победы.

<Декабрь 1921 г.>

РАВЕНСТВО В СТРАДАНИИ

Есть в душе человека позорная черта: неспособность к долгому пребыванию на высотах страдания и радости. Человека постигает смертельное страдание или пламенная радость — и вот душа его, привыкшая, сросшаяся с обыденностью, с «нормальностью», с ровным тихим потреблением дней, душа его отбрасывается назад — к тихим дням тихой работы, к тесному дому, к уютной замкнутой, враждебной людям и земле жизни.

Душа человека — реакционное существо, дезертир кровавого поля жизни, предатель героя — действительности.

Вот был и есть голод, это безумие кишок, эта веселая пляска изнемогающей крови, когда каждый атом живого мяса делается нищим, попрошайкой и бандитом ко всему большому, скудеющему от внутренней борьбы телу.

Вот голод. И кто же, кто из нас, неголодных, бьется с ним, кто, одолевая пространства, страдает от голода? Можно быть сытым, но через сознание и сердце проходит внутрь человека голод, и так же он, сытый, бьется судорожно со смертью, воеет по ночам в пустом злобном сытом городе, и тысячи мыслей вихрятся у него — геройских, великих мыслей, мостящих дороги к спасению.

Долой сострадание, жалкое кипящее сердце, долой человека, признающего себя дробью и пылинкой, самой по себе!

Человечество — одно дыхание, одно живое, теплое существо. Больно одному — больно всем. Умирает один — мертвеют все.

Долой человечество-пыль, да здравствует человечество-организм.

Долой благотворительность голодным. Да здравствует законодательство, сознание и беспощадность к сытым.

Надо провести железные пролетарские законы о борьбе с голодом. Надо показать миру, как борются с голодом коммунисты. А то мы только копировали до сих пор буржуазию.

Беспощадность, сознание, распыление волжского страдания по всей России, наложение на каждого человека, от Ленина до грузчика, камня голода — пусть каждый несет и не гнется, — вот что надо. Довольно равнодушия, спекулянтских миллионов, заграничных кусочков и корочек, довольно тихой сапы и неспеш-

ной бюрократической организации, довольно всего! Довольно сочувствия и жертвы от избытка. Нужен долг, закон и сознание. Нужна математика. Нужен великий числовой пролетарский разум. Поволжье — один из станков России-мастерской. Он стал и в буйном крушении рвет наши трансмиссии и контакты. Он должен быть исправлен, чтобы установилось равновесие работы и не полетела к черту вся мастерская.

Будем героями в работе, в мысли и борьбе. Будем человечеством, а не человеками в действительности.

<Январь 1922 г.>

В. Губайло —
г-ов. Боферио

Докладная Записка в адресе.
Губ. Коллегии по Гидроэлектрикам

Поворачивая! Решил Вам сообщить
наших работ. Было у нас предельно, от-
нуженая на предельно в работ-
де труд. Мульти, которые Вы автентиче.
Романе ничего нет совершенно. От-
Губайло-идея урвайне не удаётся
ничего, и не удаётся — у него на самом
деле нет денег. У Белом бесчислен-
ные попытки и в результате тоже
ко Честно-то миллионы удавалось полу-
чить (на них сделаны модели) и нес-
колько миллионов на аванс Союзрудни-
ком.

Наша задача — организовать само
население для производства объектив-
ных работ. Я это прекрасно знаю
Но чтобы организовать так насе-
ние, надо иметь реальную показа-
тельную образовательную базу, т.е. Холм-
бы один участок над Ореховскими.

Население нашего района образует
было бы к концу 1922 г. работы и поэтому
бы уже помогло. Наши, т.е. Чела-
ло-бы уже само, несправедливо,
на свои средства, но при нашей
технической и организационной помощи

За последние
дни цена
на изделия
Центрального
экономического
управления
и перепродажи
нашего опре-
дела 107 гадис
ушла на
К.С.И.

ЗЕМЧЕКА

(Черный Реввоенсовет)

Земля сейчас темна, бесплодна и неустроена, и мысль человека-организатора, еще не сознавшая всей своей мощи, веет над нею. Но мысль человека не должна больше веять, как дух, она должна впитаться, вгрызться в землю и перестроить ее.

Сознание, видение близкой, неминуемой общей гибели должно пробудить дремлющий гений народа, должно заставить его неспешающую, полусонную мысль отдаться бешеному, неудержимому материальному творчеству, оплодотворению трудом и знанием бесплодных, нищих равнин,— под страхом гибели.

И мы уже подходим, подошли к тому времени, когда мысль не будет, как раньше, не находить своего материального воплощения и сухо замирать в мечте или в слове, а будет вонзаться в самый мир, в твердую, сопротивляющуюся, непокорную материю — и изменять и побеждать ее. Человечество — художник, а глина для его творчества — вселенная. Эта легенда стала и все больше становится былью.

Пролетариат и крестьянство мобилизуются и приводятся в боевую готовность для сопротивления наступающей враждебной природе и ответного наступления на нее — для окончательной или на долгий срок победы над ней.

Два дня назад Губпланом принято предложение одного из докладчиков об учреждении губернского земельного чрезвычайного органа с широкими полномочиями для экстренной организации обороны наступающей засухе и для доведения темпа работ по восстановлению и развитию сельского хозяйства в губернии до высшего напряжения.

Мы хотим революционизировать труд крестьянина и тихую, постепенную работу наших земорганов. Мы хотим привить им всем, и крестьянину в первую очередь, микроба энергии, сознание смертельной опасности, чтобы труд земледельца,— при нашей действительной и материальной помощи знаниями, людьми, орудиями, всякими средствами, организацией,— стал боем с природой за хлеб и всегда бы оканчивался победой, т. е. сытостью всех.

Чрезвычайными мерами многим покажется диким восстановление сельского хозяйства, эта экстренная организация со-

противления засухе агрикультурно-техническими средствами, срочное внедрение сельскохозяйственных знаний в гущу крестьянства, бешеная пропаганда руками и словами (руками, главным образом) генерального боя природе на сельскохозяйственном фронте и другие свирепые вещи, которые мы задумали сделать. Многим это покажется и диким, и странным, и неосуществимым. Но дики не мы, а дика та действительность, в которой мы существуем, дика вся природа, терзающая человека,— и только такое же и сильнейшее, дикое и свирепое сопротивление человека может восстановить равновесие человека и действительности и сохранить человеку жизнь.

Губернская чрезвычайная комиссия по восстановлению и развитию сельского хозяйства и по борьбе с засухой — орган не только революционно-организационный, но, главным образом, агрикультурно-технический и педагогический. Она будет располагать громадными полномочиями, авторитетом и средствами. Надо знать, надо помнить, что идет враг в тысячи раз сильнее всяких белогвардейцев и — на войне как на войне — Земчке должны беспрекословно, всеми силами и средствами помогать все органы советской власти губернии, а в некоторых случаях — и подчиняться, исполнять приказания Земчки.

Земчка — губернский боевой штаб сельскохозяйственного фронта, созданного против расплывшихся смертельно опасных стихий, грозящих сплошным истреблением русского народа и революции.

Но, разумеется, Земчка чудес не наделает: ее работа не может прыгнуть сверх тех материальных ресурсов, которые имеются в губернии, а ресурсы эти — медный пятак, всякому известно.

Но все-таки Земчка должна из души три души сделать. Мы не постесняемся взять за глотку спекулянтов, отнять пайки от кого-либо и отдать их сельскохозяйственным курсам и школам, провести ряд мобилизаций и снять с работ, где бы они ни были, гидротехников, электриков, землеустроителей, опытников, самоучек и т. д., не говоря об агрономах и инженерах. Последние, какой бы специальности они ни были, обязательно должны участвовать в обороне губернии от засухи, хотя бы преподаванием в сельскохозяйственной школе — это в крайнем случае.

Мы всех и все поставим на ноги и заставим биться за хлеб.

Коллегия Земчки будет тем изобретателем и организатором, который, припадая к земле, учитывая силы и средства населения, края и свои и особенности местности, будет осуществлять в каждом участке губернии ту сеть мероприятий и улучшений,

которую единственно можно там осуществить, сообразуясь с хозяйственным состоянием этого угла губернии, природными условиями и имеющимися установками (мельниц обоих родов, электростанций), которые можно использовать.

Сейчас изобретены простейшие водоподъемные машины — деревянные гидравлические тараны, которые можно сделать в любой деревне.

Они очень дешевы, и обращаться с ними сможет любой крестьянин.

Земчека начнет, примерно, с того, что устроит здесь в Воронеже мастерскую по массовому изготовлению этих гидравлических таранов и снабдит ими сельские общества, где имеются плотины, запруды и их можно легко пустить в дело.

Неимоверно много будет лежать работы на Земчеке. Всего преждевременно, в статье, не объять.

Надо только в Земчеку посадить свежих, горящих и зажигающих энергией, инициативой и смелостью людей — это половина успеха. В самом ходе работы они найдут направление и программу дальнейшей своей деятельности. Не надо обременять их инструкциями. Их единственная инструкция — страшная действительность плюс собственное сознание; из спайки действительности с сознанием и родится их творчество, борьба и победа на огненном фронте зноя и пустых, нищенских мужицких дворов.

Крестьянский двор — этот первый и основной кирпич РСФСР — должен быть восстановлен, исправлен и наполнен добром — хлебом и скотом. Вот в чем конечная цель Земчеки.

Земчека должна относиться к природе, как к белогвардейцу, — вот что должно сделать деятельность Земчеки неистовой и до крайней степени напряженной.

Природа ведет наступление на Россию. Природа — белогвардеец.

Да здравствует Земчека — кулак, штык и машина человека-революционера против природы, не вмещающей человека, против расвирепевших, сбесившихся, нахлынувших на нас стихий зноя!

<Январь 1922 г.>

ХЛЕБНЫЕ БОГОМОЛЬЦЫ

В Поволжье, на Украине, в Крыму, у нас в губернии, по всей смертно голодающей России ходят по обмокающим весенним дорогам под первыми жаворонками тихие, блаженные странники — хлебные богомольцы. Они полны благоговения и молитвы не только к небу, но и ко всему мягкому и твердому, что можно пожевать или пососать.

Глина, чернозем, гниющие стебли, галька на донском берегу — все это есть хлебушек, только молодой, не шумевший еще колосом.

Новую, великую религию родил мощный народ. Эта вера имеет больше апостолов, чем православная или наука, и сердца их раскалены страстью и тоской и блаженной упоительной верой в невозможное — в хлеб, в то, что еще раз можно услышать песню поспевающей ржи у своего хутора, дымящегося рано-рано завтраком.

Когда же запоет рожь по всей любимой России, по всем родным, сросшимся с сердцем полям, где человек родился, видел мать, и в первый раз любил, и соскребал железом с расцветающей земли гной насильников, сопревшую кожу погибших веков...

Никогда, никогда больше не запоет ржаной океан на влажной благотворной земле — думают миллионные толпы богомольцев. И они ходят все тише и тише; строже и медленнее, в предсмертном экстазе и великом мире они, выпрямленные, ступают по спутанным русским дорогам и без мольбы, без вытянутых замерших рук проходят глухие, враждебные города, где ворота и сени на замках и нет больше человека.

Голод и смерть стали родным бытом России. Человек сросся с ними и стал думать, что иной жизни нет, чем истома и неучаемая смерть сегодня вечером в мокром глинистом логу. Иной жизни нет, и не может она быть и не была никогда. Поэтому — мир и смирение в России, и не пришел еще массовый стихийный, огненный бунт против природы, который придет когда-нибудь и будет верой народа вместо веры в хлеб и в лошадиный неоглоданный костяк.

Чтобы не чуют голода как муку, как засыхание крови, а принять его как благо и радость, народ выдумал и сделал себе

новую душу. Где-то родился и бродит сейчас по тающим межам этот первый человек, взаправду победивший голод и не желающий больше есть. Он величественнее и могущественнее всех гениев земли, всех строителей и певцов. И по его обретшей спасение душе нечаянно равняется весь народ. Этот человек в смертной, последней, раскаленной фантазии, преодолевшей рассудок и всю видимость, стал жевать призрачный хлеб, и ощутил в себе сытость и силу, и ходит себе, не умирая.

Для тех, кто не смог родить в себе такую солнечную энергию мысли,— этот человек ничего не ест, даже коры, даже воды не берет в рот. Но он жив и говорит, что ест хлеб вдосталь, сам его научился делать, сыт и хочет жениться. И таких, как он, становится все больше и больше.

Для человека нет безысходности: если земля его не кормит, он кормится своей душой. Если рассудок ведет к смерти, то к жизни выведет безумие.

<Март 1922 г.>

НА ФРОНТЕ ЗНОЯ

Смысл всякой культуры (а пролетарской — особенно и в высшей степени) — в повышении коэффициента полезной деятельности природы по отношению к работающему человеческому обществу.

Если перейти с этой общей точки зрения на частную, на конкретную, например, на исследование нашего нарушенного внутреннего влагооборота (что нас, работающих в этой области, интересует больше всего), то мы увидим, что даже существующий, расхлябанный влагооборот — расхлябанный отчасти самой природой (наступление пустынь), отчасти рукою человека (истребление лесов и уменьшение площади культурных растений)* — даже такой крайне ослабленный, нищий влагооборот сможет удовлетворить наше сельское хозяйство, если мы сумеем искусственным путем повысить коэффициент его использования.

Инженер Касаткин, работающий над проблемой усиления внутреннего влагооборота, говорит, что для разрешения этой проблемы потребуются целые века — 100–200 лет. Это, конечно, для нас неприемлемо. Поэтому комиссия по гидрофикации видит победу над засухой не в усилении или в восстановлении нашего влагооборота, а в повышении коэффициента использования существующего теперь влагооборота, скупого и прерывистого. Это значит, вся влага (или громадный ее перевес), участвующая во влагообороте, должна проходить через корневые системы растений, а не соскальзывать безрезультатно с поверхности почвы, как это есть сейчас при естественном порядке вещей.

Вот из чего мы исходим: на каждых 100 мм выпавших осадков только 60 (70 в лучшем случае) мм достигают корней, остальная часть непроизводительно стекает со склонов. Если для нашей губернии, в среднем, приблизительно, принять годовое количество осадков за 500 мм, то растениями используется не больше 300 мм, благодаря условиям рельефа. В неблагоприятном

* Две руки — человека и природы — тут скрещиваются и взаимно помогают друг другу в разрушении нашего внутреннего влагооборота, ибо продвижение пустынь вглубь России обуславливается хищничеством человека и хаосом социальной жизни.

рельефе, следовательно, и зарыто все зло засухи. Скажем только, что из зимних осадков 90–95% совершенно пропадает зря. А из летних — 10–20%. Весенняя, самая драгоценная, влага уходит даром почти вся. Мало того, она беспрерывно, из года в год работает над уменьшением площади удобных земель, сносит верхний плодородный слой, делает естественный рельеф еще более неблагоприятным и взбучивает реки, что ведет к их обмелению.

У земли, так сказать, только полуоткрыт рот. Наша задача — открыть его совсем, чтобы вся влага попадала в рот, а не текла зря по лицу полей.

Поверхностный сток вод должен быть сведен на нет. Тогда в самые сухие годы колос не сгорит, скот не погибнет от бескормицы, а знаменитая «костлявая рука голода» будет отрублена по плечо.

Нам возразят — ну, а если выпадет год слишком влажный и увлажнение будет сверхнормально, и вы, перестроив рельеф, достигнете гибели растений, тогда что?

Это — возражение неграмотного человека. Мы, при составлении проекта реконструкции рельефа, опирались на все научные исследования, какие только есть. И юго-восток нашей губернии, на основании этих многолетних исследований, произведенных не нами, отнесен к засушливой зоне, где недостаток во влаге есть хроническое явление. Эта засушливая зона продвигается все дальше и дальше вглубь страны, вглубь губернии — пустыня наступает нас, с юга-востока зной Туркестана, климат сухих плоскогорий центральной Азии через степи и полупустыни Прикаспия и Кавказа уже дышит нам в лицо. Скоро и вся наша губерния будет в засушливой зоне. Это надо знать всем, к этому надо подготовиться, чтобы отбить наступление зноя и самим перейти в наступление на него, продвигая культурные хозяйства вглубь степей и пустынь, за пределы Европейской России, на юго-восток.

Задача нашего времени — завоевание степей и пустынь, вооружение русского сельского хозяйства агрономией и техникой, чтобы распространить его в степях и пустынях.

Для повышения коэффициента отдачи влагооборота Комгидро приняла проект реконструкции рельефа взрывным методом. Поверхность будет террасирована, овраги будут замкнуты. Такие гигантские работы и возможно осуществить только взрывным методом. Энергия взрывчатых веществ впервые будет применена для самой мирной работы человека — сельского хозяйства и на громадных площадях. Ограниченный местом, я не

могу тут вдаваться во все технические и экономические детали проекта реконструкции рельефа. Этот год мы используем на подготовительные и опытные работы. Со следующего лета начнутся уже действительные работы. В первую очередь будут реконструированы юго-восточные уезды, тогда для зноя создастся барьер и его наступление будет замедлено увлажнением климата, благодаря реконструкции рельефа юго-восточного угла губернии. Вся же работа по реконструкции всей площади губернии рассчитана на 10–12 лет. Частично же результаты (пропорционально реконструированной площади) скажутся после первого же года.

Комиссия предполагает применить для своих работ не только взрывной метод, но и более мощный — электромагнитный (точнее, метод ритма), основанный на разрушении материи через сообщение ей извне электромагнитных волн с точно рассчитанной длиной волн и частотой периодов; такие волны, совершенно совпадая с внутриатомным ритмом (строго определенным, «индивидуальным» для каждого элемента, для каждого сложного состава), разрушают материю; при несовпадении же таких — внутреннего и внешнего — ритмов материя электризуется, создается. Дело в том, что каждый элемент и каждое соединение их имеет свое, строго определенное, внутриатомное и внутримолекулярное колебание. Здесь и лежит загадка разрушения и создания материи. Здесь же и выясняется природа электромагнитных волн. Над этим вопросом и работают сейчас несколько сотрудников комиссии. В ближайшее время будут поставлены опыты для проверки теоретических выкладок. Таким образом, при работе для узкопрактической задачи была найдена энергия невиданной мощи, покрывающая собою все известные энергии,— внутриатомный-молекулярный ритм и электричество есть только вид этой энергии.

Нам скажут — ишь куда залезли! да где средства?.. и т. д., и в таком роде без конца...

Бюрократы от науки (мы еще не познали, как динамично и революционно знание) и обыватели от жизни нам так и говорят.

Отвечаем: мы кустарничать по-провинциальному (а ведь Воронеж всем провинциям провинция!) не хотим и не будем. Надо жить и работать по высшим методам, какие только сегодня узнал человек. А средства мы достанем, и мы их уже достали, начав с весьма маленькой ссуды государства.

Создание капитала — первейшая и основная задача комиссии, потому что государство не может, не в силах нас финансиро-

вать. Поэтому при комиссии есть торговая часть, грязно, но выгодно погрязшая в спекуляции, есть промышленная, ведающая арендованными предприятиями и своими собственными. Комиссия и проблему обогащения, накопления капитала для работ, ставит как научную задачу, и до сих пор все наши торговые и промышленные операции проходят благополучно. Наживать можно тоже научно, т. е. безошибочно, так сказать. Особенно в кругу мелких невежественных теперешних шакалов-торговцев. Нэп можно сделать пролетарским орудием и еще каким.

Комиссией, кроме того, разрабатывается с участием хороших спецов проект синдиката для финансирования работ на рельефе.

В области практических мероприятий, осуществимых в лето этого же года, комиссией сделано вот что: сделана модель и разработан проект простейшего оросительного механизма, работающего течением рек; разрабатывается проект универсального ветряного двигателя; оборудована оросительная станция (осталась только мелкая слесарная работа), в виде агрегата мотор-центробежный насос, которой при благоприятном рельефе можно оросить 60–80 десятин; эта установка будет орошать городские огороды; в Задонском уезде уполномоченным комиссии строится (теперь, вероятно, уже достроена) оросительная ветро-станция, какую площадь она оросит, не можем пока сказать. Вот все, что нами сделано сейчас. Но ведь сделано, повторяю и подчеркиваю, почти самостоятельно, без поддержки извне. Вся наша энергия уходила на организацию денежной армии, отпущенных же нам средств хватило только на начало самых безобидных торговых и промышленных операций, которые и позволили впоследствии нам начать хоть эти, правда мизерные, работы. Кроме того, комиссией оборудована, и на днях она заработает, своя мукомольная мельница, доход с которой пойдет на содержание штата. Но и в этом году мы думаем сделать больше, чем сказано. По мере роста нашего капитала от торговых и промышленных операций мы будем развивать оросительное дело в губернии. Так, вероятно, будет орошен один показательный участок в селе Городище, Нижнедевицкого уезда, еще один в Воронежском уезде, на Дону, и сооружены две универсальные подвижные ветро-станции**, которые не только будут работать под орошением,

** На них будет испробовано усовершенствование комиссии по искусственному образованию воздушной струи инерцией самой мельницы в моменты затихая или затуханий воздушных потоков.

но и пахать, но и молотить зерно и вообще обслуживать энергией сельское хозяйство. На участке же десятин в 80–100 неудобной земли будет перестроен рельеф, в виде опыта.

У комиссии еще масса мероприятий и работ в проектах, но осуществление их будет идти по мере наращивания ею средств. Работам комиссии обещана поддержка центра, для чего в Москву в скором времени выезжает ее председатель с докладами, проектами, сметами и отчетами.

<Апрель 1922 г.>

О КУЛЬТУРЕ ЗАПРЯЖЕННОГО СВЕТА И ПОЗНАННОГО ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Человек, прошлый и настоящий, жил и живет чувствами, настроениями, вспышками нервов; а всей этой многоголосой, крайне недисциплинированной органической бандой командует хребет, позвоночник человека — область бессознательной физиологической деятельности человека. Я хочу сказать, что душа прошлого и, в большинстве, теперешнего человека проявляется только в отношении к женщине, в поле. Инстинкт размножения, эта устремленность к бессмертию во времени, господствует над остальными инстинктами питания и самосохранения, не говоря уж о сонме ревущих чувств, в которые любовь — копошащееся семя — вносит также порядок и строй, но свой строй, враждебный сознанию.

И медленно, беззвучно, одолевая невероятные сопротивления, сознание все-таки горит и движется, и мысль скрежещет в медных, холодных недрах предрассудков, веры и покоя. Мы всюду несем тревогу, работу и мерный трепет машин.

Человечество было немного ценнее любого семейства растений, ибо и у него вся суть культуры сводилась к производству двух половых клеточек и к нужному транспорту в места. Завод половых семян, селекционный пункт, а не человечество и не та грозная, несущаяся в пространстве озаренная солнцем планета, которую мы именуем земным миром.

Не пора ли кончать с этим древним производством, с этой слишком долгой задержкой на дальнем пути?

Пора, смертельная пора. Пусть душа человека обнаружит себя не в отношении женщины, а в отношении материи — не в любви, а в работе (понимая под работой не только маханье молотком, но и напор и поток мысли, запущенной в глубины материи).

Работа-любовь началась сложенной теплотой двух тел, а кончилась Беатриче и «прекрасной дамой», так работа началась камнем, запущенным в зверя, а кончится перестроенной вселенной, где понятий работы, сопротивления материи, человека и т. д., конечно, не будет. Да и высшая форма работы уже не движение человека, даже не движение его мысли (все это будет перейдено), а его отречение от мира, ибо реконструированный мир

по отношению к человеку дисциплинируется автоматически. Человеку уже нечего будет тут делать, для него наступит вечное воскресенье.

Пролетарская культура — это должно быть тем, что лежит в мире электромагнитных волн, в расколоте атоме, в области сухого хлеба, где влагу заменит переменное электромагнитное поле, где свет будет тянуть станки, где будет познано электричество, найдена утилизированная, самая универсальная и самая мощная энергия вселенной — свет, когда планеты Солнечной системы завоюются Землей ради мысли и мощи и овладение солнцем станет в порядок рабочего дня.

Пролетарская культура — это также день и место, когда и где отдельный человек найдет точку своего физического сближения с другим человеком и общество станет вещью, а не понятием и отношением.

Все зло в том, что мы хотим сознать революцию, а сознание до сих пор было реакционно, только материя (та, которая образует растущие производительные силы) — революционна и стремительна.

Человечество родило дьяволов — производительные силы, и эти бесы так разрослись и размножились, что начали истреблять само человечество. А мы их хотим подчинить, смирить, урегулировать, использовать на сто процентов — вот в чем смысл социальной революции и точное понятие пролетарской культуры. Но мы хотим не только этого, а все видимое и невидимое сделать дисциплинированной, отрегулированной производительной силой — в этом суть коммунистической культуры.

И вот мы хотим в мире мелкой буржуазии, веры, любви и торговли создать базис покоренных и устремленных к бесконечной мощи производительных сил.

Конкретно об этом — в следующей статье. Ибо нельзя сказать коротко о том, что точнее, нежнее и безмерно сложнее всех античных и западноевропейских культур, — о культуре запряженного в станки солнечного света и перешагнутой вселенной.

<Июль 1922 г.>

СВЕТ И СОЦИАЛИЗМ

По всей земле сейчас идет творчество социализма. Одновременно же должны быть созданы (и они создаются) эквиваленты социализму в физике, химии, технике, биологии и т. д., иначе социализм немислим и невозможен.

Мы здесь остановимся на техническом эквиваленте социализму.

Социалистическая техника должна найти и суметь утилизировать такую энергию, которая бы почти автоматически творила человечеству все то колоссальное количество продуктов, о котором капитализм не имеет никакого представления. Социализму нужна эквивалентная ему физическая сила, чтобы посредством ее социализм стал твердой вещью и утвердил свое мировое господство. Но сила безграничной мощи, всюду имеющаяся, всегда готовая к производству, сила, освобождающая человека от низших форм труда.

Имя этой силы — свет, обыкновенный солнечный дневной рассеянный свет, но также и свет луны и звезд. Эту силу мы и хотим запрячь в станки. Ее во вселенной столько, сколько пространства. Дальше мы увидим, что свет и пространство — одно и то же.

Производственная мощь капиталистического общества слагалась из угля и железа и соответствующей социальной организации. Неравномерное распределение по земле естественных запасов топлива, немногочисленность таких резервуаров энергии — все эти естественные условия именно обосновывали капиталистический способ производства. Электрификация отчасти побеждает эти неблагоприятные для социалистического производства естественные условия и разрывает зависимость энергии от географического пункта. Но только частично. Нам же нужно полное решение вопроса. Только тогда и можно сделать социализм, заранее определив его, когда мы узнаем, какая физическая сила и как будет запряжена в социалистическое производство.

Эта сила — свет.

Пространство, по новейшим учениям, электромагнитной природы. Физическая функция пространства — электромагнитное переменное поле. Ибо свет есть переменное электромагнит-

ное поле с очень большой частотой периодов (обратных перемен направления); в секунду это число периодов равно приблизительно 500 триллионов. Длина же электромагнитной световой волны равна приблизительно 0,6 микрон.

Принципиальной разницы, таким образом, между электричеством, работающим в лампе, и светом нет. В Воронеже динамо электростанции вырабатывает переменный ток 50 периодов в секунду и длиной волны в 3 километра (не ручаюсь за точность, насколько только помню).

Далекие от всяких поэтических словесных экскрементов, мы говорим, что видим, чувствуем и знаем: единственно известная нам физическая функция пространства — есть свет, который есть переменное электромагнитное поле с ужасающей частотой периодов в секунду и невероятно малой длиной волны. Свет и электричество — одно и то же. Пространство же и время составляют все, что мы знаем о мире. Все, что мы знаем, есть комбинированные функции пространства и времени.

Электричество же есть все, что мы знаем о, так сказать, «чистом» пространстве — эфире.

Не вдаваясь в теоретические области, ибо чистая теория — предрассудок умирающей эпохи, нас же интересует не столько истина, сколько материальный продукт, не справедливость, а факт господства.

Мы просто говорим, что социализм нужно строить на такой физической силе, которая самая дешевая, самая распространенная и запасы которой не поддаются исчислению (света столько — сколько пространства), т. е. на свете и из света надо отлить и выточить коммунизм.

Вся вселенная есть, точно говоря, резервуар, аккумулятор электрической энергии, т. к. вселенная — прежде всего пространство, а пространство — прежде всего электромагнитное переменное поле. Рассматривая же историю как практическое разрешение единого энергетического вопроса, конечное решение которого есть полное, стопроцентное использование вселенной человеком без всякой затраты сил человека, мы можем сказать: использование света для промышленности есть самое совершенное решение энергетического вопроса для нашего времени. Вспомним, что база мира растений есть свет. Сделаем же свет также и базой мира человека. И вся техника для этого должна быть сведена к светотехнике, вся физика (может быть, химия) к электрике.

Светотехника должна сконструировать тот механизм, который превращает свет солнца в обыкновенный рабочий электри-

ческий ток, годный для наших электромоторов. Этот механизм уже наполовину сконструирован. Называется он фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор. Его назначение — свет, этот небесный ток, переделывать в земной, человеческий ток. В случае удачного разрешения этой технической задачи (мы не входим тут в ее детали) свет, а с ним вся вселенная, станет «пролетарием» человечества на многие неисчерпаемые века и человечество не истощит эту энергию никакими машинами, сопротивлениями и сооружениями. Даже энергия расколотого Резерфордом атома ничто в сравнении с энергией светового океана.

При социализме в основе творчества человека лежит не настроение, не случай, вдохновение или интуиция, а сознание. И поэтому если фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор еще не сделан, его надо сделать сознательной волей, потому что он необходим для утилизации света, а свет — для социализма. Ибо свет должен лечь в основу социалистического производства — или не будет никогда социализма, а будет вечная «переходная эпоха». Социализм придет не ранее (а немного позднее) внедрения света как двигателя в производство. И только тогда из светового производства вырастет социалистическое общество, новый человек — существо, полное сознания, чуда и любви, коммунистическое искусство — эта вселенская скульптура, планетная архитектура, и только тогда совершится совокupление человечества в одно физическое существо, а искусство, как теперь его понимают, будет не нужно, потому что искусство — это корректив революционной материи в реакционном сознании, а при коммунизме материя и сознание будут одно.

В эпоху света и будет осуществлен посредством того же света межзвездный транспорт и будет познано (потому что будет до последних глубин переработано) электричество — этот ключ к познанию вселенной и меч к победе над ней.

<Июль 1922 г.>

СИМФОНИЯ СОЗНАНИЯ

(Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)

I

Вера есть двигатель творчества; знание есть созерцание сотворенного, замедленная, застывшая вера — сомнение.

Вторая формула и есть фигура духа современной нам Западной Европы. И сколько бы ни писалось книг, сколько бы ни мучилось голов, они не вырвутся из этих живых (потому что истинных) слов: творчество есть вера, а знание — сомнение, медленная вера, точка творчества, нуль жизни.

Знание это отбросы творчества, то, что переварено в человеческой сокровенности и выкинуто вон. Знание — то, что я сделал и перестал любить, потому что кончил, завершил; вера-творчество есть то, что люблю я, люблю потому, что не имею и не знаю, что не прошло через меня и не стало прошлым. Творчество есть всегда любовь к будущему, небывшему и невозможному. Великий покой, четкая, суровая, жесткая оформленность должны быть в душе творящего: он противопоставляет себя хаосу, — т. е. будущему, не существующему, — и делает из него настоящее — твердые комки вещей — мир. Душа художника должна быть тверже и упорней всех вещей в мире. Искусство есть, может быть, время — и больше ничего; оно есть трансформация хаоса, его ограничение, делание пространства из времени, ибо только ограниченное — форма — доступно желудку сознания. Хаос есть зимнее холодное поле, а художник — теплота, от которой тает снег и растет трава. Когда хаос — синяя птица — пойман и посажен в клетку, он становится миром, т. е. прошлым, пройденным, перестраданным, и отношение к миру у человека может быть только одно — познание его. Но — никогда не оглядывайся назад: остановишься. Творчество же есть крылья и движение к тому, чего нет, что невозможно, неведомо, неимоверно, но что будет, должно быть неотвратимо. Может быть, творчество есть чудовищное сомнение в спасении, в цели, в остановке и страстные поиски окончательной гибели. Судьба — аккомпанемент искусства, никогда не заглушаемый никакими взрывами и пожарами духа, потому что судьба творчества есть свобода его. То, что будет, есть время, то, что было, есть пространство. Иначе: пространство есть прошлое замерзшее время; время — нерожденное

пространство, хаос, не превращенный жаркой и верующей душой художника в комки вещей.

Только человек-художник стоит посреди — на зыбкой волнующейся грани времени и пространства и неутомимо, бесменно строит из жидкой пламенной лавы времени твердые холодные камни — пространство.

Сейчас по Западной Европе курсирует ослепительная книга Освальда Шпенглера о закате Европы, о падении к смерти европейской культуры. Шпенглера там обожают и клянут, но и кто клянет, тайно любит его. Я где-то читал, что искусство есть мать любви, а Шпенглер — источник мощного искусства мысли. Шпенглер — универсальный мыслитель Европы, он свободно и радостно, не запинаясь и не сомневаясь, играет на современной чудовищно сложной клавиатуре культуры. Математика и религия, музыка и политика, история и инженерное искусство — все под его пальцами поет и служит его единой любимой идее — близкой катастрофе Европы. Шпенглер — музыкант слова, он сравним только с Ницше по какой-то фиолетовой глубине и гибельности стиля, по скорбному напеву слов. Есть органическое соединение слов — тогда все слова живые, как цветы, и им нельзя не верить; есть механическая сцепка слов — тогда они есть ложь и песок. У Шпенглера — органика, а не механика слов; его философия — песня, а не рассчитанная техника логики. И Шпенглер — опасный человек. Он настолько артист слова, что может какую угодно чепуху написать, но *так* написать, так торжествующе-уверенно, ослепляюще написать, что ему поверят все, а он засмеется после надо всеми. Но пусть не надеется, не всех одинаково очаровывает красота — есть вещи поважнее и попрекраснее красоты.

Книга Шпенглера — до конца честная книга, книга мужественного человека, полюбившего свою гибель, не верящего и не нуждающегося ни в каком спасении.

Гибель, катастрофа Европы — вот главный напев его книги. Культура становится цивилизацией, а цивилизация есть смерть культуры, — тихо и убедительно говорит Шпенглер.

Культура, — вообще культура, а не только западноевропейская, — это когда человек, нация, раса делает в себе свою душу посредством внешнего мира.

Цивилизация — это когда уже душа сделана, закончена и энергия такой завершенной души обращается на внешний мир для изменения его на потребу себе.

Культура — когда мир делает душу. Цивилизация — когда насыщенная, полная, мощная душа переделывает мир. При цивилизации человек или раса,— т. е. ломоть человечества,— хочет весь мир сделать своей сокровенной душой, а при культуре человек хочет вырвать из мира только кусок его, что ему мило и необходимо,— душу.

Культура — это искусство, а цивилизация — техника, гидрофикация. Это не мысли Шпенглера, а мои, но, чтобы сделать анализ и прогноз современной культуры Западной Европы, которой Шпенглер есть совершеннейшее произведение, я должен начать именно так, как начал.

Сделать это можно только в целом цикле очерков — так и будет сделано, ибо вопрос огромен, запутан, мрачен, а разрубать его не остроумно и не для всех будет это понятно,— следовательно, надо по единой нити его весь распутать.

В Шпенглере — океан мысли, и каждую мало понять, но надо восать в себя, перевести в эмоцию и перестрадать, выжить ее из себя. Кто же Шпенглер — пророк или только художник, вакханка сознания? Дело, конечно, не в Шпенглере, но Шпенглер — сконцентрированное выражение западноевропейской культуры, вот почему он так интересен. Ведь если европейский пролетариат скоро не выступит, то и в России социализм не наступит. Это будет освещено и оживлено в следующем очерке.

Шпенглер не верит в контакт, в преемственность или даже отдаленную родственность отдельных культур. Каждая культура одинока; рождается, расцветает и погасает в цивилизации, без следа, без эха в истории и вечности. Вот его волнующие слова об этом:

«Нет бессмертных творений. Последний орган и последняя скрипка будут когда-нибудь расщеплены; чарующий мир наших сонат и наших трио, всего только несколько лет тому назад нами, но и только для нас рожденный, замолкнет и исчезнет. Высочайшие достижения бетховенской мелодики и гармонии покажутся будущим культурам идиотическим карканьем странных инструментов. Скорее, чем успеют истлеть полотна Рембрандта и Тициана, переведутся те последние души, для которых эти полотна будут чем-то большим, чем цветными лоскутами.

Кто понимает сейчас греческую лирику? Кто знает, кто чувствует, что она значила для людей античного мира?»

Есть ли цивилизация смерть культуры, души, окостенение и превращение в ничтожество рас — носительниц и авторов культуры? Или — нет, или — наоборот, или истинное решение вопро-

са осталось неизвестным Шпенглеру? Одинока ли и обречена ли на смерть без памяти в грядущем всякая культура и возможна ли социальная революция на Западе — или там классы срослись уже органически, уже пережили эпоху механической смеси классов, когда только и возможна, и необходима классовая борьба и классовая победа? Об этом — скоро будет написано.

II

История и природа

Отношение истории к природе то же, что отношение времени к пространству. История вовсе не есть только внутрочеловеческое понятие: если бы это было так, то мир был бы грудой независимых друг от друга вещей, а не живым, цветущим организмом процессов, каким мы его знаем.

Природа есть тень истории, ее отбросы, экскременты — то, что было когда-то живым и движущимся, т. е. временем, полетом, будущим, и то, что стало теперь прошлым, пространством, материей, формой, одиноким забытым камнем на покинутой дороге.

Нам надо переоценить историю и природу: историю одну сделать вещью достойной познания, и оставить природу в стороне, позади, как хлам, как время, съеденное историей и превращенное ею в пространство, — в мрачное тюремное ущелье, тихий и просторный белый каземат. Человечество в природе-пространстве — это голодный в зимнем поле: ему нужны не ветер и воля одному умирать, а хлеб и уют натопленной хаты. Человечество в истории — это всежаждущее существо, это беззаконная душа со всемогущими, неустанными, пламенными крыльями. Закон, точная форма, гармоническая зависимость процессов, симметрия — это же только следы улетающей свободы, ее отбросы, окаменелые экскременты. И природа — есть закон, путь, оставленный историей, дорога, по которой когда-то прошла пламенная, танцующая душа человечества. Природа — бывшая история, идол прошлого. История — будущая природа, тропа в неведомое. Ибо неведомое есть неимоверное разноцветное множество неродившихся вселенных, которое не охватывает раскосый взор человечества, — и только поэтому возможна и действительно есть свобода: есть всемогущество в творчестве, есть бесконечность в выборе форм творчества.

Итак, история, а не природа — как было, как есть теперь — должна стать страстью нашей мысли, ибо история есть взор

вдаль, несвершившаяся судьба, история есть время, а время — неосуществленное пространство, т. е. будущее. Природа же есть прошлое, оформленное, застывшее в виде пространства время. И мы бы не должны знать природы, одну историю мы бы должны постигать, потому что история и есть наша судьба, а судьба — показатель нашей мощи, вестник цели и конца или начало иной бесконечности.

История для нас есть уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа — законченное время, законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет поэтому загадки. Каменный сфинкс страшен отсутствием загадки*. Но человечество живет не в пространстве-природе и не в истории-времени — будущем, а в той точке меж ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце концов, и время, и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревущую лаву — время, и косит глаза назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем — и падает, обессиливается, — из свободы и всемогущества делается немощью и ограниченностью — пространством, природой, сознанием.

Этим мыслям можно бы найти эквивалент в новейшей науке, но я ограничен местом.

Дальше от природы — в стихию свободы, в поэму пламени, в страну склоняющихся пред человеком невозможностей — в историю. Историю нельзя познать, предопределить: предопределенное несвободно, и погасает желание его достигнуть. Сейчас историю точно предопределяют, и этим облегчается путь человечества. Но это — совсем не история. Это сдвиги, обвалы, сбросы еще неостывшей, неуравновесившейся, недавно рожденной временем природы**. То, что мы принимаем за историю, не есть она — это только охлаждающаяся, оформляющаяся природа, сумма ее последних, добавочных, нивелирующих процессов. Еще и еще раз нам надо отдаться критике всех прочно сидящих богов в науке и в представлениях будничной жизни человечества. Критика же есть реконструкция рукою человека мира, построенного до него, и насколько оригинальнее, новее этот родившийся чело-

* Загадочно то, что имеет судьбу. В природе нет судьбы.

** И потому, смотря на обвисшие куски, можно заранее сказать, куда и как они упадут.

век, настолько мир ему менее соответствует, настолько основательнее будет его реконструкция — перестройка мира этим человеком, этой расой... И в конечном счете цель прогресса человечества — сбросить железную диктатуру действительности, побратать закон с чудом — свободой.

У Шпенглера есть прекрасные слова: история есть мир цветущий в образе. Да, потому что образ есть движение, изменчивость. А изменчивость есть чудо и свобода, что присуще только жизни и истории. Природа же — образ окаменевший, и потому она не образ, а безобразия: образ не может быть стоячим, он — игра и движение.

И вот мы подошли к основному, глубочайшему вопросу: каково будет содержание культуры нового человечества, зачатого пролетариатом, и есть ли начала этой культуры уже сейчас, в действительности. В следующем, последнем очерке о пролетариате и цивилизации это будет выяснено до конца, и мы предугадаем, уже предугадали, какая песнь вырвется из груди того человечества, ставшего организмом, вместо механизма, строящего себе прочную обитель на периферии земного шара и запустившего руки и мысли глубоко в землю, в ее теплые тайные недра и к танцующим непойманным звездам.

Из мертвеей, пропахшей трупами России вырастает новая, венчающая человечество и кончающая его цивилизация — штурм вселенной, вместо прежнего штурма человека человеком — симфония сознания.

<Июль–август 1922 г.>

<РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. КАРСАВИНА «NOCTES PETROPOLITANAE»>

По-русски это <Noctes Petropolitanae> значит «Петербургские ночи». Книга написана, как говорится в предисловии, только для просвещенных и действительно просвещенных людей. Там же говорится, что «единственно оправдывающим издателя обстоятельством может служить только его искреннее желание сохранить для потомства поучительный образец современных нам антинаучных построений и безответственных мистических исканий».

Содержание книги, по автору, метафизика любви. Автор, кажется, профессор и, как доказывает книга, физически совершенно бесчувственный человек. Для него любовь существует как Любовь, т. е. самостоятельное отвлеченное существо, а не составляет с любимой единого, как есть в жизни. Любовь это — Вера, Александра, Варвара, Мария, или — Петр, Семен, Владимир, Епифан, но не третье, самостоятельно живущее, хотя и дышащее в двух полюбивших, существо — любовь. Любовь не трое (триединство: Любящий, любящая, сама Любовь), а — ни одного. Любивший это видел сам.

Л. Карсавин не имеет ни сердца, ни семени — и ненавидит их. Для него никогда не было любимой, русской девушки Маши. А если бы это и случилось, он сейчас же сделал бы все это мировым явлением, оправдал бы Христом, девой Марией, создал бы вокруг живого и теплого чувства мир червивых профессорских понятий — и истребил бы любовь в себе. Вот он что говорит: «Ты ушла. Но люблю тебя я, Любовь. Люблю тобою, Любовью! Ты — любимая моя, ты — я сам, ты — двуединство наше; целостно-вечная, бессмертно-живая, всесовершенная!»... Хорошо! Дальше. «Бог становится Богом личным, лучше сказать — сверхличным в троичном самостяжении своем. Он всецело разъединяется на три взаимно ограничивающих друг друга ипостаси»... и т. д. Вся книга — варево понятий протухшего, усталого мозга. О настоящей человеческой любви автор не имеет никакого представления. Для него любовь — религия, философия, литература, все что угодно, только не крик будущего, не движение семени, не физиология, не теплота, не мужество и не

физическая сила, истребляющая негодные поколения, не работа солнца.

Автор — дохлый человек и совершенно непросвещенный. Его книга, кроме прочего, еще и до последней точки реакционна и христиански убога и совсем не эквивалентна содержанием труду, затраченному на ее создание.

<Август 1922 г.>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСКУССТВЕННОГО ОРОШЕНИЯ

Делом искусственного орошения ведаёт отделение гидрофикации при Губземуправлении. В этом году отделению, в условиях беспощадной нищеты, базарного разгула, с одной горсточкой верных новой работе людей удалось сделать очень мало.

У гидрофикации не было вначале друзей, но невежества, насмешек и всякой гнусности вокруг нее было достаточно. Одно Губэкосо, создавшее в Воронежской губернии дело искусственного орошения, не меняло своего теплого и сочувственного отношения к гидрофикации и при возможности всегда оказывало нам материальную поддержку.

От имени техников и рабочих отделения гидрофикации выражаем глубокую благодарность и уважение товарищам Божко-Божинскому, Новикову, Абелью, Зудову, Ф. Михайлову и Гаек за организацию самых работ по гидрофикации, материальную и административную поддержку и товарищеское, коммунистическое отношение к делу.

Отделение по гидрофикации (бывшая комиссия по гидрофикации) не имеет еще и полгода от роду. Поэтому, да еще при новизне работы (у отделения нет ни одного «удостоверенного» спеца по орошению), сделать много оно не могло.

Если бы были средства, то мы, конечно, сделали бы все, что захотели, что нужно было, потому что темп работы у нас был настоящий: оросительная станция (постройка деревянного сарая, установка двигателя, насоса, всасывающей трубы) и трубопровод в 80 саженей у нас были закончены в один день.

Орошению подвергалась огородная площадь в $\frac{3}{4}$ десятины с контрольными участками на ней. Способ орошения — подтопление. Более совершенный способ мы не могли применить по крайнему недостатку средств и рабочих рук (весь штат отделения — технический, рабочий и канцелярский — четыре человека).

Земля была отведена нам самая худшая во всем районе: сплошной песок. И потом — с землей вышло недоразумение: ее отвели нам только в июне, так что, когда у наших соседей уже все росло и использовались обильные майские дожди, мы только начали сажать. Посажены были помидоры, капуста, свекла и некоторые другие культуры. И как раз кончился (примерно, с сере-

дины июня) период дождей и начался сухой период с редкими выпадами влаги.

Огородный участок был снивелирован, найдена высшая точка на нем, и туда был подведен трубопровод. Потом мы прорыли магистраль и от нее разветвили сеть водопроводных канавок, по которым вода должна следовать самотеком. Всего канавок было прорыто 41, общим протяжением около 400 сажений.

Несмотря на крайне позднюю посадку, сплошной песок и сухую погоду, помидоры и капуста быстро взошли, благодаря обильному поливу, догнали и передогнали огороды с ранней посадкой и лучшей почвой. На контрольных же участках, где орошение нарочно не производилось, не взошло ничего, даже выносливый сорняк еле-еле выполз. Всего было подано воды для орошения 36 825 ведер в течение 21 дня — в наиболее бурный период вегетации, который для наших культур совпал с периодом наименьшего выпадения естественной влаги за истекающее лето.

В общем результаты опытов по орошению получились отличные*. В будущем году, если позволят обстоятельства или если мы сумеем одолеть трудом, организованностью и волей эти наши обычные неблагоприятные обстоятельства, — мы дело орошения поставим более широко и более эффективно для крестьянства. А главное, на что мы бьем всеми силами, нам, может быть, удастся организовать и выполнить работы по реконструкции рельефа почвы — основное и самое рациональное мероприятие по преодолению засухи в условиях нашей губернии.

<Август 1922 г.>

* На нашу капусту приходящие люди и огородники-соседи любят. Наша капуста — мандат на орошение и аттестат зрелости по гидрофикации.

<ПО РОДИМОМУ КРАЮ>

Интернационал есть также право жить и работать в родном краю, в стране сердечной привязанности, и не быть насильственно перемещаемым из конца в конец по земному шару. У человека имеются, в виде привеска к образующей его экономике, еще сильные этнические и расовые черты, на человеке запечатлелись фигура, флора и фауна его родной местности; и кто живет и действует не в царстве голых идей, а в цветущей живой действительности — должен с этим неминуемо считаться. Наш мужик мыслим только в братстве с лошадью, коровой, рожью; и если мы хотим (и он сам бессознательно хочет того же) побратать его с электричеством, то встретимся с мощной инерцией его экономики (лошадью, коровой...) — это раз, это главное, и еще встретимся с его расовой инерцией — психическими и физическими окаменелостями, получившимися от хозяйничанья с лошадью (а не с электромотором) и жизни в данной природе (ржи и берез, а не пальм и маиса).

Едешь по тяжелому песчаному полю, все горизонты далеки, время идет медленно, зной и тоска в душе. И тогда ясно мне: пространство, время, душа — все это вопросы техники, промышленности, а не философии. Истинный философ современности — это механик, электротехник, архитектор. Он действительно решает вопросы вселенной, потому что действует самым совершенным методом — работой, руками, вцепившимися в материю, а не оркестром призрачных понятий.

Человечество движется по линии наименьшего сопротивления, конечно. Вот сейчас оно перестраивает само себя, а не поверхность земли, не природу, потому что первое легче и выгоднее второго. Но будет скоро время, когда опять центр работы и внимания человека перенесется из общества в материю, так как только до известного предела можно реконструируя общество повышать его производительность, а потом опять надо пробивать в земле новые молочные ключи и прорывать новые туннели в неизвестном и неиспользованном. Но если б нашелся техник-чудотворец, который отомкнул бы природу для человека, и земля облилась бы теплом, влагой и хлебом — всюду и навсегда, мы не услышали бы больше имен Ллойд Джорджа, Пуанкаре, Пил-

судского, а навеки утвердилось бы и проросло в земле звучное имя простого человека — Ивана.

Вот мы подъехали к совхозу «Зеленому Яру». На том берегу Дона сена больше, чем в американских пампасах! Дон тут особенно тих и глубок, берега его в белом нежном песке, и течет в его берегах не вода, а влага — холодная тягучая слеза.

В «Зеленом Яру» — материнская благодать земли. Тут в глухих балках сочатся и бьют фонтанами ключи с редкою водой — ее можно пить без жажды, а для удовольствия и здоровья. Две бутылки ее мы привезли в город для анализа — может быть, этой водой можно будет лечить людей. Но там этой водой мелют муку на совхозовской мельнице. А потом она из-под наливного колеса идет по канавке среди капусты. Если эту водопроводную канавку запрудить, то уровень воды в ней будет выше огородной площади, следовательно, тут налицо наивыгоднейшие условия для орошения. Честь и заслуга совхоза «Зеленого Яра», что он это орошение производил в этом году, правда, довольно неумело и скудно — на площади не более одной десятины. Но это потому, что у него и без того много важных дел, а штат малочисленный. У совхоза около двадцати десятин тучного, плодоноснейшего сада. Молоком плодов течет тут земля. Низко нависли деревья, рьпят и ломаются. Земля устлана розовым ковром яблок, и люди живут на подножном корму, как некий белый скот.

Задача нашей поездки (представителей Отделений гидрофикации и мелиорации) заключалась в том, чтобы разработать засоренные ключи в балках — увеличить количество воды для мельницы и орошения, осушить заболачивающийся луг и устроить транспорт фруктов в город на моторной лодке по рекам Дону и Воронежу. Все это делается и будет сделано. Тысячи пудов яблок, груш, бергамот, арбузов, дынь, хлеба достигнут желудка рабочего и служащего, и самая плодоносность «Зеленого Яра» от орошения в будущем году увеличится. Задача всякого учреждения не только использовать рациональнейшим образом имеющееся, растущее, но и увеличить плодоносность того, что имеется и растет.

<Август 1922 г.>

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ВОЗДУШНЫЕ ЛИНИИ

Пока не изобретена беспроводная передача больших мощностей электрической энергии или аккумуляторы огромной ёмкости при неимоверно малом весе — до тех пор электрический аэроплан — только неглубокая мечта.

Но признак всякого хорошего пути есть его относительное сопротивление движению. Поэтому стремление человека к воздушному пути как пути с наименьшим сопротивлением из всех известных нам дорог — есть вещь целесообразная.

Но можно ли электрический воздушный транспорт осуществить сейчас, хоть отчасти, не в смысле указанного сейчас идеала?

Можно, и очень хорошо, и очень легко.

Как же?

Государственным планом электрификации России намечены к переводу на электрическую тягу железнодорожные магистрали, в первую очередь: Донбасс—Москва, Донбасс—Царицын, на Урале Пермь—Гороблагодатская; во вторую очередь: Москва—Петроград—Мурманск, Москва—Нижний, Донбасс—Петровск, Уфа—Челябинск и еще кое-что на Урале.

По всем этим направлениям потянутся электрические линии для питания электровозов, и по всем этим же направлениям можно устроить воздушный транспорт — для перевозки почты, пассажиров и срочных грузов.

Технически это пустячная вещь, социально совершенно безопасная, экономически — немедленно осуществимая и выгодная бесспорно и очевидно.

Первый раз в мире электромотор завращает пропеллер и электричество повезет человека по воздуху. Мы тут воздух используем как путь, и нам не важна высота полета, а важны грузоподъемность и скорость.

Если мы возьмем обыкновенный аэроплан и переконструируем его для наших специальных целей, т. е. отыдем от него те части (или облегчим, упростим их), которые предназначены для ответственной работы при свободном полете, поставим на такой несколько перестроенный аэроплан электромотор облегченного типа (сделать это опять-таки технически легко, изготовив электромотор, например, из алюминия, кроме некоторых, незначительных по весу частей, где это сделать нельзя, и облегчив всю

конструкцию). Потом аэроплан (электромотор) надо соединить с линией гибким двух- или трехжильным проводом (смотря какой ток), свитым, конечно, в одно, и сцепить этот провод с линией бегущими роликами. Провод этот будет длиной саженой, примерно, двенадцать, и саженой семь-восемь над линией будет лететь сам аэроплан. Сконструировать нужные для этой цели ролики, не сползающие с линии ни при каких отклонениях аэроплана, очень легко, как и все детали для передачи тока на аэроплан. Сам аэроплан должен иметь усиленные плоскости и другие приспособления для планирующего спуска, чтобы и с такой незначительной высоты можно было легко и безопасно спланировать в случае какой-либо катастрофы. При управлении рулями надо ориентироваться по электрической магистрали.

Вот приблизительно и все для схемы оборудования воздушных электрических линий. Говорить о том, что при электромоторе полет неимоверно безопаснее, дешевле и изящнее, чем при всяких бешено ревущих тепловых моторах, говорить об этом нет надобности — это дело известное и давно чаемое всеми аэротехниками. Устройство таких «привязных» воздушных линий и будет переходным этапом к линиям свободного воздуха.

На станциях для спуска и подъема аэропланов должны быть устроены эстакады, причем подъем и спуск будет совершаться с тормозными приспособлениями, так что эстакадные площадки будут небольшими.

Хорошо и разумно бы было связать проект воздушных электрических линий с планом и проектом электрификации России.

Эту вещь мы и предлагаем центру и местам, если только центр слушает мысль мест, а он это, несомненно, делает. Мы стараемся выхлопотать от центра какой-нибудь старый аэроплан вышедшей из употребления конструкции и произвести опыты привязного полета над линией здесь, в Воронеже. Тем более что это ни с какими особыми затратами не связано, и все для таких опытов у нас в Воронеже найдется, и можно сделать, чего нет.

А дело это громадной государственной важности.

Только так и никак иначе (благодаря уровню современной техники) можно воздух сделать обычной человеческой дорогой. И к сооружению таких линий есть все реальные предпосылки революционной современности.

Электричество, наряду с другими помощниками человека, должно победить и пространство, эту первую причину дикости, голода и душевной нищеты.

<Октябрь 1922 г.>

ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЙСКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Рядом и одновременно с работой над влагооборотом мы должны работать и над устройством круговорота веществ (этот круговорот есть и сейчас, но он стихийный и совсем не выгодный для человека; стихийный круговорот веществ приведет к невозможности выгодно работать на земле). Нам надо учредить такой круговорот веществ, чтобы он держал почву на высшей ступени плодородности, в состоянии заряженности энергией урожая.

Мне кажется все больше и больше, что точка опоры, посредством которой действительно можно перевернуть и преобразовать мир, лежит в прошлом, в истории человечества в широчайшем смысле понятия, в сумме опыта рас, наций, народов и культур. Пролетариат призван эту еле измеримую сумму опыта <накопленную> на протяжении сотен тысяч лет работы всех человечеств (будем так говорить: это точнее) обитавших на земле, привести в систему, т. е. в форму конструкции, укладываемую в голову одного человека. Эта система и есть рычаг и точка опоры для коренного преобразования вселенной.

Возьмем маленький (сравнительно со всем) опыт старого и большого народа — китайского — китайское земледелие. Оно известно очень многим, но у нас в России его, кажется, не применяет никто, даже в виде опыта.

Китайское земледелие и есть разгадка того удивительного для нас явления, как китайская семья человек в десять живет на осьмушке десятины.

Китайское земледелие состоит в постоянном, правильном и обильном удобрении почвы калом человека и животных. Это самое дешевое удобрение и самое нужное для растений, ибо в человеческих экскрементах содержатся в готовом виде все те вещества, кои нужны растению для его еды и роста. Вот и весь фокус прокормления китайца на немногих саженьях. Мы не можем сказать о потребном количестве экскрементов на одну десятину для данной культуры, почвы и климата для получения наивысших урожаев — литературы по этому вопросу достать не удалось, но китайцы работают с черепашками, горшочками, на руках доставляют в поле такое удобрение. Наверное, его требуется немного. Но вот увидим. Необычайно полезна также моча, содер-

жащая много азота, добавление ее к корму коровы повышает ее удой.

Китаец давно понял, что землю надо тоже кормить, чтобы она кормила, а не опустошать, не обессиливать ее урожаями бесплатно. Пора и нам, русским, да еще социалистам, понять эту правду. Ведь не в чудесном неистощимом краю мы живем, а в железной, жесткой природе, похожей скорее на бухгалтера, на математика и коммерсанта, чем на родителя человека. Мы обильны чувствами, талантами, но в нас только зародыш истинного повелителя мира — сознания — и в этом наша гибель и убожество, бесславие и равенство глисту.

Губземуправление через свое отделение гидрофикации создаст в совхозе «Надежда» опытную станцию по китайскому земледелию. В «Надежде» 30 десятин сплошного почти совсем бесплодного песку. Станция должна превратить его в тучную почву. (Пользуясь случаем еще раз попросить Сельтрест поспешить возвратить «Надежду» из аренды в ГЗУ, ибо вопрос этот давно разжеван и решен: в теперешнем состоянии «Надежда» ничего, кроме убытка, не даст. Зачем же задерживать и тормозить работу других учреждений?)

Транспортные средства «Надежды» — четыре вола, две лошади — будут пущены на ст. Отрожки, откуда и будут доставляться экскременты человека на поля «Надежды». В будущем, как соберемся со средствами, около Воронежа построим завод для переработки экскрементов в особую пудру «пудрет» (за границей это есть), на этот же завод для переработки в удобрение будут свозиться, кроме извержений жителей всего города, и трупы павших животных и людей. Пока же научимся работать в «Надежде».

Китайское земледелие есть будущее благоденствие русского крестьянства. Его значение не меньше значения электрификации. Это надо усвоить, растворить эту мысль в своем сознании и организме, а не поверхностно прочитать.

Наша общая цель, и отделения гидрофикации при ГЗУ в особенности, — рациональный круговорот веществ на земле, т. е. наивыгоднейший человеческому обществу.

Отделение гидрофикации берется за китайское земледелие не потому, что таково задание, а потому, что никто за него не взялся, а силы свободные у нас есть.

<Декабрь 1922 г.>

ВОРОНЕЖСКАЯ ГИДРОЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Президиум Губисполкома постановил соорудить на бывшем шлюзе на р. Воронеже (под слободой Чижовкой) гидроэлектрическую станцию по проекту и смете, представленным сотрудниками отделения гидрофикации при Губземуправлении.

Гидроэлектрическая станция рассчитана (к 1-му августа 1923 г.) на 120 л. с. (88,3 кВт) первоначальных, в дальнейшем же будет использована вся гидравлическая сила этого места реки, и станция будет расширена, дооборудована до мощности в 500 л. с. (к осени 1924 г.).

Смета сейчас передана в Губплан, по рассмотрении и утверждении Губпланом экономической целесообразности такой станции смета пойдет в бюджетную комиссию Губфинотдела для ассигнования кредитов. Всего отпущено будет до 500 миллионов руб. старыми знаками (на мощность 88,3 кВт). Работы по постройке станции начнутся немедленно, теперь же (и они уже начались, фактически). Станция будет оборудована в постройке Петра I, остатки которой еще сохранились. Теперь же будет приступлено к восстановлению этого здания, заготовке материалов, машин и оборудованию электрических линий.

Будут построены три плотины (каменно-бетонные с железными укреплениями) с затворами и водоспусками. На третьей плотине будет работать первоначальная станция (в доме Петра). На остальных двух к осени 1924 г. будут поставлены дисковые турбины особой конструкции (работающие трением, вязкостью воды), и энергия водного потока тогда будет использована полностью — при данных сооружениях. Четвертое русло (самое маломощное) для концентрации гидравлической энергии и экономии в сооружениях будет завалено наглухо, навсегда. Русло к третьей плотине, рабочей, будет спрямлено, расчищено и расширено.

Назначение станции — обслуживание коммунального хозяйства города и прилегающего сельского района дешевой энергией: водоснабжение, орошение в сухие годы, освещение (слободы Чижовки и селений), обслуживание мелкой сельской промышленности и обработка урожая, электропахота и пр. При станции будет поставлена мельница для урегулирования нагрузки. В особо жестокие годы по засухе станция будет служить центральным

источником силы для подачи энергии в сеть оросительных установок, орошающих район. Если всю станцию нагрузить под орошение, то она сможет оросить до 2000 десятин, оросить в оптимальном размере, так что, если даже естественных осадков совсем не будет, все-таки урожай будет наивысшим в зависимости от других условий.

Главное же преимущество проектируемой станции в том, что будет дана неизмеримо дешевая энергия. Киловатт-час энергии гидроэлектрической станции (если бы она работала сейчас, вообще при нынешнем состоянии рынка) стоил бы не более 500 000 руб. старыми знаками, т. е. раза в три дешевле теперешнего квт-часа. И потом, ток будет подаваться круглые сутки, зимой и летом.

При указанной стоимости киловатт-часа в первый же год станция принесет 202 600 000 000 руб. старыми знаками чистого дохода (все расходы по штату, ремонту и пр. уже выключены из этой суммы; валовой доход станции выразится в 345 600 000 000 руб. старыми знаками). Иначе говоря, весь капитал, затраченный на сооружение станции в 120 л.с., будет через год амортизован. Понятно, этот доход пойдет на расширение станции — до полного использования гидравлической энергии.

Энергия станции будет распределяться так (пока приблизительно — нет еще точных заданий): слобода Чижевка — 38 кВт, сельскохозяйственный район — 50 кВт, это вечером; днем и поздней ночью: на подачу воды в город (ток включается в линию водокачки) — 68 кВт; мельничный постав — 20 кВт. При такой незначительной мощности, как 68 кВт или даже все 88, работа гидроэлектрической станции на водоснабжение возможна только в роли вспомогателя другой силовой станции. Указанное распределение энергии не окончательно: в зависимости от времени года, хозяйственного роста района (вызванного станцией) и прочих многих причин. Это распределение будет всячески варьироваться. Но план электроснабжения все-таки будет выработан на первое время по указаниям правительственных учреждений и хозяйственных органов.

Итак, вопрос о гидроэлектрической станции решен: *она будет создана, горизонт воды в реке будет урегулирован, постылого мелководья на реке, где нарождался флот, больше не будет*, пережитое лето было последним в этом отношении. В истории Воронежского края началась новая эра — мы практически приступили к электрификации, ибо в нашей бедной лесами губернии, удаленной от жидкого топлива на тысячу верст, работа станций на дровах или на нефти есть, скорее, агитация против всякой элект-

рификации, т. к. энергия в этом случае достигнет такой непомерной стоимости, что ее не может потреблять рабочий человек. У нас могут существовать только станции гидравлические (большой частью на «зеленом угле», у нас нет рек с большим падением и особо многоводных) и торфяные.

Будущим летом воронежская гидроэлектрическая станция будет открыта. Рабочие и крестьяне, населяющие наш город, и окрестные села получат дешевую воду, дешевый свет, дешевый помол зерна, дешевую обработку урожая, электрическую пахоту и электрическое искусственное орошение, ибо рабочие, потомки крестьян, задумали эту станцию, спроектировали ее и они ее построят.

<Декабрь 1922 г.>

СТРАНСТВУЮЩИЙ МЕТАФИЗИК

(По поводу «трагедии одиночества» В. А. Поссе)

Из силы сознания и сердца происходит одиночество. Одиночество же есть всегда трагедия, ибо человек есть орган общества и космоса, а не орган самого себя. Одинокими были все «великие» люди потому, что они были изобретателями нового сознания, чуждого их времени и их обществу.

В. А. Поссе очень трудно слушать: он орудует все время метафизическими понятиями, враждебными и малопонятными социалистически действующему обществу.

Прежде всего надо «одиноким» называть изобретателями (в широком и глубоком смысле). Одиночество изобретателей есть *необходимое* (непреодоленное пока) *условие их жизни и работы*. Ясное сознание этого самим изобретателем исключает всякую трагедию. И еще: изобретатели, «одиноким» есть всегда первые работники общества: отрыв, отделенность, одиночество тут только кажущиеся. Где же тут трагедия? Трагедия тут как раз в неполном сознании своей роли, т. е. в бессилии сознания, и главный тезис лекции В. А. Поссе (см. первые строки заметки) неправилен.

Потом, скажем коротко и просто, к таким вопросам (трагедия, одиночество) теперь уже нельзя подходить лекционно — надо лабораторно. Это — задача не литератора и не безоружного мыслителя (к счастью, им все меньше остается задач), а — физика, электротехника, исследователя.

Простите, нам нужна точная правда явления, а не утешение пожилых дам и благонамеренных христианских мещан, святых скотов. Нам нужно в окружающую тихо враждебную нам среду вселить тревогу, беса сомнения, показать им трагедию великого класса, расширяющего общество, и трагедию организованного, смертельно напряженного человечества, тонущего и погибающего в стихиях вселенной, работающего до разрыва мускулов, думающего до экстаза и завоевывающего последнюю, побеждающую победу.

Одиночества в действительности, конечно, нет. Это философия наивного реализма. Новейшая физика учит, что сознание рождается из пространства, природа же последнего есть комплекс различных электромагнитных полей. Одни из этих полей

обнаруживаются как свет, другие как психика и т. д. Наша голова есть электромагнитный резонатор-трансформатор, настроенный на волны только таких-то периодов и такой-то длины. Человек теснейшим образом связан с вселенной и живет под ее диктовку. Отсюда — идеи религии и судьбы, по существу являющихся физическими факторами, подлежащими исследованию физика, а не метафизика. Одиночество наше — геометрическое явление и по сути — абсурд и безграмотность.

И вообще говоря, всякие философии, религии, идеологии, миропонимания имеют причиной производственно-материальную неорганизованность общества. Чем совершеннее общество будет материально-производственно организовано, тем ненужнее и вреднее будут философии, религии, искусства. Эти величины обратно пропорциональны.

Неужели время не движется и до сих пор Христос, Шелли, Байрон, Толстой интереснее электрификации?

Неужели еще можно французским жестом и французским стилем речи убеждать в ценности старых ветошек, говорить о любви, счастье, высоте женщины, о соловьях и прочей дешевке? Писать занимательные афиши (В. А. Поссе хорошо знает русскую провинциальную публику) и прочее.

Оказывается — можно, и еще как: зал Дворца Труда редко бывает так полон, и билеты дорогие. В нашем нерабочем городе В. А. Поссе, конечно, легко создать себе аудиторию: понайдут торговцы, монашествующие девы, интеллигенция из внутренней эмиграции — и полно.

Но скоро будут начаты работы по «омолаживанию» всей системы р. Воронежа, и тогда аудитории В. А. Поссе не собрать.

<12 января 1923 г.>

О БОРЬБЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ГОЛОДА

Если человек терпит голод, вообще бедствие, то причины этому могут быть две: неправильное социальное устройство и естественные стихии.

Будем говорить о голоде 21 года. Новая экономическая политика установила правильные, для нашего момента, производственные отношения между классами рабочих и крестьян. Это совершенно бесспорно и практически доказано. Значит, наше социальное устройство голоду способствовать никак не может. Кроме того (это очень важно вспомнить), новая экономическая политика объявлена еще до получения известий о голоде в Поволжье.

Значит, остается преодоление стихий, разрушающих хозяйство крестьянина. Это преодоление стихий осуществить простою раздачею продуктов голодающим нельзя. Когда разрушение хозяйства стихией стало совершившимся фактом, тогда — да, тогда раздача хлеба есть единственно правильный способ спасения, если не хозяйства, то хозяина. А когда катастрофа только назревает (наше время), когда засуха грядет, то нужна ликвидация богадельни, нужна организация нового сельского хозяйства, которое способно мощно и успешно сопротивляться засухам, вредителям и пр.; нужна наравне с этой организацией свирепая ликвидация старого, «жлобовского» хозяйства, преступного ковырянья земли, при котором мужик выживет только посредством чуда и собственной святой невзыскательности.

Борьба с последствиями голода теперь должна быть направлена на восстановление и коренное улучшение крестьянского хозяйства, чтобы впоследствии опять не пришлось спасать одного голого хозяина. Ф. Нансен это уже понял и свертывает свои кормительные организации, направляя в Россию тракторные отряды, удобрения, земледельческие орудия, скот и пр. Но этого мало: нужно еще широкое сельскохозяйственное просвещение. Необходимо, наряду с коренными улучшениями земли и снабжением хозяйства орудиями и средствами производства, такое же (и, пожалуй, еще сильнее) «коренное улучшение» самого хозяина как хозяина.

Вот что сейчас нужно, а не благотворительность, не простая кормежка.

Конкретные предположения из этого следующие: местный Последгол слить или по крайней мере координировать его работу с органами и частями местного ГЗУ, которые ведут непосредственную, прямую работу по восстановлению и коренным улучшениям сельского хозяйства (например, отделением гидрофикации).

Тогда у нас получится комбинированное учреждение, у которого будут громадный авторитет, широкие права, средства — с одной стороны, и с другой — техника, навык, опыт, инициатива и любовь и верность делу восстановления и развития сельского хозяйства, которое одно способно разорвать мертвую петлю народной нищеты и народного истребления.

Заинтересованных учреждений и лиц прошу срочно отозваться в печати или лично переговорить в ГЗУ.

<Февраль 1923 г.>

О ЛИКВИДАЦИИ КАТАСТРОФ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Чтобы победить голод навсегда (или, по крайней мере, на очень долгий срок, на десятки лет), для этого надо ввести новую систему земледелия — в части, касающейся снабжения влагой культурных площадей. Снабжение влагой полей и интенсивных угодий окончательно должно перейти из рук природы в руки человека.

Отделом гидрофикации ГЗУ в настоящее время разрабатывается план искусственного орошения и увлажнения некоторых районов Воронежской губернии, который войдет частью в генеральный план указанных работ для всей культурной сельскохозяйственной площади Воронежской губернии.

В общих чертах план этот таков. В приречных районах, по береговым полосам, а также при всяких других естественных водоемах организуются интенсивные угодья с искусственным орошением. К массовой, на больших площадях, организации огородов именно вблизи рек, озер, прудов идет и само крестьянство, подгоняемое засухами, как бывшими, так и в предчувствии грядущих. Распашка лугов под огородные культуры стала не редкостью. Наступающий период жесточайших засух, первая из которых грядет, примерно, в 1925 году, окончательно закрепит такое распространение угодий интенсивного пользования.

Эти-то угодья интенсивного пользования и должны быть, и будут искусственно орошены. Каким же способом и за счет какой силы? Какая сила обеспечит наибольшую дешевизну искусственного орошения и, следовательно, наибольшую выгодность огородного хозяйства? Это так называемый «зеленый уголь», сила наших медленно текущих немногочисленных рек. Ибо для подачи воды на небольшую высоту (огороды расположены в прибрежных же полосах) не требуется много силы. На каждой реке устраиваются одна, две, три и более (смотря какая река) гидроэлектрические станции (в большинстве их придется строить на колесах, за дороговизной турбин), которые и будут питать электронасосные районные станции, орошающие участки в десятки и сотни десятин. Смотри по условиям рельефа. Каждая гидроэлектрическая станция тянет от пяти до пятнадцати электронасосных установок, которые подают воду по деревянным

гидропередачам (лоткам) на орошаемые площади. Для орошения всей прибрежной полосы, сплошь, интенсивно обрабатываемой, скажем, р. Воронежа, требуется воды максимум 10 процентов от количества воды несомой рекой (если расход воды в р. Воронеже мы примем за 0,5 куб. сажени в секунду, что близко к действительному расходу или, скорее, преуменьшено). Следовательно, максимум на 10 процентов будет ослаблена мощность наших гидроэлектрических установок. Но оросительная вода частично опять будет возвращаться из почвы в реку, и, кроме того, сплошь, до последнего квадратного сантиметра закультивирована береговая полоса не будет. Кроме того, мы брали самые большие оросительные нормы и «береговую полосу» понимали очень широко. Практически тратить на орошение мы будем не более $\frac{1}{40}$ части воды данной реки. Кроме того, ведь электромотор-насосы, питаемые от данной гидроэлектрической станции на реке, будут нагнетать воду не только из реки, но и из озер и прудов, которые чаще всего встречаются у нас вблизи же береговой полосы, так что работа почти не повлияет на количество воды в реке.

Средняя стоимость киловатт-часа такой мелкой гидроэлектрической станции будет 2 коп. золотом. Стоимость орошения одной десятины при такой системе (принимая в расчет все расходы по эксплуатации как гидроэлектрической станции, так и электронасосных станций с электрическими линиями, гидропередачами и оросительными сетями) будет в среднем 3 руб. 20 коп. золотом, каковая дешевизна не достигнута и американскими оросительными компаниями.

В местностях, удаленных от естественных водоемов, на водоразделах, должно быть применено не искусственное орошение, а увлажнение. По проекту отделения гидрофикации самое действительное увлажнение есть реконструкция рельефа почвы, дающая в результате почти полную ликвидацию поверхностного стока, который не только бесполезен, но и разрушителен, истощающе действует на почву и совершенно недопустим. Реконструкция рельефа почвы взрывным способом обходится в среднем для района Воронежской губернии в 10–12 руб. золотом на одну десятину. Влага безрезультатно стекает со склонов у нас около 40 процентов ото всех (зимних и летних) осадков, и особенно дорогая весенняя влага уходит почти вся (80–85 процентов).

Следовательно, если у нас хорошим годом считается, когда естественные осадки близки к 500 мм, то на самом деле почвой усвоится, по условиям рельефа, только 60 процентов, или 300 мм, 200 мм пропадает. Плохой год (засуха), когда осадков бывает

200–250 мм. Из них, благодаря естественному рельефу, влаги используется, значит, 120–150 мм.

При реконструкции рельефа безрезультатный сток понижается до 10 процентов и менее от всех выпадающих осадков. По-нашему, в тех вышеуказанных 40 процентах и сокрыта проблема благоденствия, сытости и одоления голода для всего юго-востока России в широком смысле. Ибо благополучие — это значит 300 мм осадков в почве. В годы относительной засухи (какая у нас преимущественно и бывает) у нас выпадает 200–250 мм. При реконструированном рельефе у нас потеря выражается в 10 процентах, т. е. в почве остается в засушливый год 180–185 мм, что составляет около $\frac{2}{3}$ от благополучного года (300 мм), иначе говоря — и в засушливый год будет обеспечен средний урожай благодаря реконструкции рельефа (образованию особых влагозадерживающих и снегозадерживающих террас по горизонталям).

Понятно, работы по искусственному орошению и по реконструкции рельефа будут географически связаны, т. е. реконструкция рельефа должна производиться в местностях, лежащих выше орошаемой прибрежной полосы. И это обязательно, ибо мы тогда урегулируем питание рек и других водоемов, т. е. сократим период половодья, а среди жаркого лета расход воды в реках не так будет резко падать. Все это имеет колоссальное значение для более правильной работы гидроэлектрических установок.

Гидроэлектрические же станции, кроме своего специального назначения — орошения, будут служить и для общей электрификации сельского хозяйства в прилегающих к ним районах.

Кроме этих работ в генеральный план гидрофикации Воронежской губернии входит работа по замыканию оврагов (взрывным способом) для превращения их в водоемы, с облесением их и с устройством водоотводной канавки (взрывным же способом то и другое).

Если этот план не будет осуществлен хотя бы наполовину, сельское хозяйство нашей губернии разрушат засухи ближайших лет, а с катастрофой сельского хозяйства содрогнутся и города.

<Март 1923 г.>

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК № 33

259

ответственного работника.

Воронежская Губерния
Область
Учреждение Т. Зем. Лр. (по должности) ^{Уч. ин} Мех. мастер
по электротехн

1 Фамилия **Платов** Имя **Андрей** Отчество **Платонович**
 2 Год рождения **1899** Место рождения **Воронеж**
 3 Национальность **Великоросс** Родной язык **русский**
 4 Какими языками, кроме родного свободно владеете —
 5 Какое местожительство: СССР хорошо знаете по работе **одну Воронеж обл**
 6 Где бы вы работали, если бы не было препятствий —

7 Социально-политическое (принадлежность к партии) **членом, членом РСФСР**
 8 а) Основания профессии **Мех. мастер, Электротехник**
 б) Как долго, с какой целью и в каком учреждении работали **с конца 1917 г., с 1917 г. — занимался и сейчас**
 9 Семейное положение и состав семьи **Женат, есть жена и ребенок**
 10 Образование (наименование, окончание, квалификация) **высшее — физ. инж.**
 11 Специальное образование **Ворож. Политехникум по электротехн. отд.**
 12 Студентом в армии какой, в какой период времени и в каких учебных заведениях обучались —

13 К какой партии принадлежите (с какого времени и какой организацией) **принят в РКП(б) Туб. электротехн. в феврале 1924 г. в кандидатура**
 14 Какими партиями принадлежали в прошлом (с какой партией организационно, когда) **с весна 1920 г. по весну 1921 г. в РКП(б).**

15 Ваше участие в революционной и общественной работе:
 а) до 1917 г. **не участвовал**
 б) с лета 1917 г. **участвовал, глав. орг., как организатор совет. хресса**
 16 Привлекались ли к суду (когда, за что, кем, приговору) **нет. и митингов.**
 17 Финанческие недостатки **нет.**

18 а) Когда впервые стал членом Профсоюза (какого) **в 1918 г. (последний рабочий)**
 б) Членом какого союза и с каких пор состоите **с февраля 1922 г. Веработсоез.**
 19 а) Выдали ли русским подданным до 1917 г. **да**
 б) Состоите ли теперь в подданстве СССР **да**

20. С какого времени работаете в области **Тамбовской — Мех. мастером с февр. 1922 г.**

21. Ваша работа в области **печати и сельского хоз-ва (на член. и мес. лнк.)**

ДАТА	ГДЕ	Сов. проф. парт. ком. воен. и частн. учрежден.	Должность	Изменение на ил. назначении
с июля 1918 по октябрь 1918	Воронеж	В Редакция	Зав. отд.	по казн
с июля 1918 по октябрь 1918	Воронеж	Кустарь, Красн. Армия, Ворож. Ком. "Бел. фронт"	Машинист (Бел. фронт)	по казн
с июля 1918 по октябрь 1918	Воронеж	"Кан. Талла"	Машинист	по казн
с июля 1918 по октябрь 1918	Воронеж	Училище в Поли-техникум	Мех. мастер	по казн
с июля 1918 по октябрь 1918	Воронеж	Т. Зем. Лр.	Мех. мастер	по казн

ВЕЛИКИЙ РАБОТНИК

(О развитии в России взрывной культуры)

Земной шар как таковой представляет из себя объект для одной из самых мощных (по ёмкости труда и полезному эффекту впоследствии) прикладных наук — мелиорации (т. е. науки об улучшении земли, приведении ее в разумный вид). Для России — это наука будущего, и, как нигде, как ни в одной стране мира, будущее мелиорации в России огромно. Мелиораций есть много: тут и работы по оздоровлению местности (санитарная мелиорация), сельскохозяйственная мелиорация, лесная, климатическая и др. Но цель всех мелиораций одна — реконструкция планеты для более выгодного хозяйствования и здоровой жизни.

Понятно, для той или иной, хотя бы ничтожной, частичной переделки поверхности земли требуется неимоверно могущественное оружие в руках человека. Ведь мелиоратор — техник земного шара, он одолевает и укрощает гиганта, а сам сравнительно с планетой мал, как атом.

В его руки надо вложить оружие ужасающей силы. Это оружие, эта сила найдена и испытана, и только она одна может осуществить замыслы пересотворения земли.

Взрыввещества и, главным образом, жидкий кислород являются орудием переделки поверхности (а в будущем — и недр) земли.

Вне России (особенно и с грандиозным размахом в Америке) взрывное дело — не редкость. Там по селениям бродят целые артели кустарей-взрывников, которые и выполняют всевозможные работы в сельском хозяйстве. У нас взрывные работы — одно удивление и сомнение, но не обыкновенное хозяйское дело. Но так долго продолжаться не будет. Ибо надо знать теперь всем, что одолеть голод и принести богатство всему рабочему классу и крестьянству могут только три вполне конкретные силы: электрификация, гидрофикация и взрывная культура.

Что такое взрывная культура?

Это, конечно, применение взрывных веществ в том или ином деле. Главным образом в области сельского и лесного хозяйства, а также в строительном деле.

Взрывной метод в несколько раз (иногда десятков раз) быстрее ручного и даже машинного, экономически выгоднее, а в некоторых случаях и единственно возможный.

Взрывные вещества (самое дешевое, самое сильное и удобное из них — жидкий воздух) применяются в следующих работах: корчевание пней, расчистка лугов от кустарников, глубокое рыхление грунта, освобождение площадей от валунов, осушение болот (рытье канав или пробивание подстилающего водонепроницаемого слоя), борьба с оврагами, всевозможные лесомелиоративные работы, быстрое проведение противопожарных полос в лесу для борьбы с пожарами, борьба с песками, дноуглубительные работы, очистка русла рек и спрямление русла, борьба с ледяными заторами, рытье котлованов (строительные работы), заготовка камня, разрыхление мерзлого и каменистого грунтов, подрывные работы; наконец, крупные работы: устройство морских путей в Северном Ледовитом океане (при пользовании жидким воздухом это вполне осуществимая работа), общее приобщение Северного Ледовитого океана к экономике страны, достижение полюса и пр.

Область взрывкультуры безгранично обширна, вплоть до фантазии Жюль Верна (путешествие на Луну посредством пушки), а может быть, и дальше.

Для этой работы великого напряжения и великого задания, которая у нас и нами ведется,— восстановление сельского хозяйства и дальнейшее его развитие,— взрывкультура сыграет одну из решающих ролей (для дальнейшего развития сельского хозяйства). Поэтому нам надо ею овладеть и ее внедрить в сельское хозяйство. В центре уже создана и работает комиссия по применению взрыввеществ в сельском хозяйстве (Взрывсельпромгвиу).

Мы в Воронежской губернии должны также создать организацию по взрывкультуре. Цель организации этой должна быть пропаганда — печатная и практическая — взрывкультуры. Для этого надо: тесно связаться с соответствующими учреждениями центра, еженедельно (примерно) помещать в местной прессе информацию (по РСФСР и заграничную) о взрывкультуре (и вообще заодно по мелиорации, электрификации и гидрофикации) с общими и специальными статьями, приступить к созданию сети опытно-показательных участков — станций по взрывкультуре, разнообразя эти станции, так чтобы они обнимали возможно полнее все области взрывкультуры (т. е. одна станция по лесной мелиорации, другая по борьбе с оврагами, третья по выкорчевке, четвертая по «вспашке» и т. д., но желательно создание комбинированных участков, т. е. совмещать в одном пункте разнообразное применение взрыввеществ).

Учреждения (государственные, кооперативные) и частные лица, заинтересованные в пропаганде и практическом распространении взрывкультуры в нашей губернии и желающие активно работать в этом направлении и материально помочь проектируемой организации (которая так или иначе, а создана все равно будет), пусть обращаются в Отдел гидрофикации ГЗУ, где мы обо всем и сговоримся подробно и точно.

<Март 1923 г.>

РЕКА ВОРОНЕЖ, ЕЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В Воронеже свирепствует малярия. Заболоченная (и все более заболачивающаяся) пойма реки Воронеж служит мощным очагом этой малярии и ее неустаным множителем. Некогда многоводная, сильная река одряхла, истощилась, сошла до поганой лужи. И в значительной степени это случилось оттого, что человек приложил к реке свою руку*. У нас, заодно сказать, вообще здоровая вода не ценится, река, дескать, дело вечное, а ведь вода так же необходима и ценна, как и хлеб. Река, наравне с почвой, есть основа хозяйства. Реку и нужно оборудовать для этого, запрячь ее в хозяйство.

Перед образованной губисполкомом «*партией дополнительных изысканий*» по р. Воронежу поставлены три задачи: уничтожение малярийных очагов в пойме р. Воронеж, улучшение ее суходонных условий и силовое использование.

Этой «партии» удалось добыть результаты многолетних трудов инженера Легуна по точнейшим и обширнейшим исследованиям р. Воронежа до Верхнего Дона. Инженер Легун хотел связать всю систему р. Дона и его притоков с открытым морем, чтобы морские пароходы могли с грузом свободно проходить в глубь страны и разгружаться, примерно, у Яхт-клуба. Он думал о прямом водном сообщении, скажем, Воронеж — Константинополь, Неаполь — Задонск. Идея очень правильная. Легун уже сознавал великое будущее системы Дона и его преимущество перед Волгой, впадающей в закрытую банку.

В свое время инженер Легун предлагал тов. Богуславскому (в 18 году) купить у него его работы, и, кажется, за большие деньги. Но тогда нам было не до того. А материалы инженера Легуна действительно великой ценности. Нам же они обошлись в 2500 р., и скоро они будут доложены Губплану и Губисполкому.

Затем «партия» посвятит 2 месяца дополнительным изысканиям (в районе от устья р. Воронежа до дачи бывш. Клемешова, что выше железнодорожных мостов у ст. Отрожка), т. к. Легун работал в 1905 г. и с тех пор много воды утекло, его материалы требуют внесения существенных корректив.

* Например, сгрузка навоза на лед у Чернавского моста весной перед разливом

Для нас ясна теперь причина малярии в Воронеже, и мы знаем средство для ее ликвидации. На так называемом шлюзе сохранились еще остатки (основания) плотин, эти плотины, образуя подпор для реки, замедляют водоток в ней вследствие увеличения площади живого сечения, благодаря чему твердые частицы опускаются на дно и происходит наращивание дна, иначе говоря — обмеление.

Но расход реки (количество воды, утекающей в единицу времени) остается прежний, а дно вместе с годами поднимается — река уже не вмещает своей влаги в своем русле и размещает ее по своей пойме, образуя болото, развилки, рукава и пр., где и нашел себе прочную обитель малярийный комар.

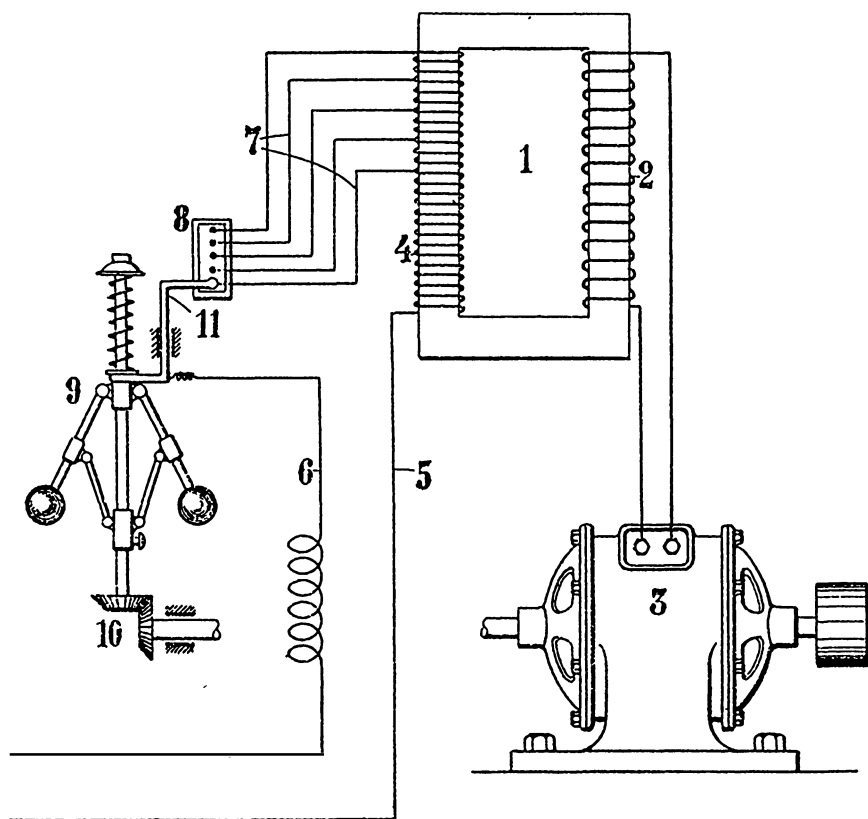
Чтобы уничтожить окончательно малярию в Воронеже, надо произвести дноуглубительные работы (чем и уничтожатся заболоченные пространства и река будет введена в единое русло), а остатки плотин снести. Дноуглубительные работы сразу оздоравливают Воронеж и делают реку судоходной — мы опять увидим прежний, древний, мощный, многоводный, нешуточный Воронеж, каким его видел Петр или татарин.

Силовое же использование воды мы предполагаем в устье р. Воронежа с шлюзованием ее. Там есть возможность использовать реку на большую мощность, чем где бы то ни было. Увеличивающееся же расстояние до г. Воронежа не служит препятствием для передачи энергии, ибо (мы и раньше так проектировали) ток будет весьма высокого напряжения.

Более точно и подробно о ходе работ будет сообщаться по мере их производства.

<Июнь 1923 г.>

К ПАТЕНТУ А. П. ПЛАТОНОВА № 758.

Чертеж устройства для поддержания напряжения сети постоянным при переменном числе оборотов генератора переменного тока.

ПАТЕНТ 1924 г.

ВОДА — ОСНОВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

«Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего»

В основу социализма, как известно, должна быть заложена электрификация.

Но электрификация — это сила подпертого речного потока, преобразованная в электричество, которое в свою очередь рационально и широчайшим образом используется.

Только так, главным образом, теперь в России должна пониматься электрификация, и никак иначе. Сокровенное существо электрификации, и не только для России, а для всего мира, именно в превращении силы перемещающейся воды в электромагнитную энергию. Конечно, превращение теплоты сжигаемого топлива (торфа, угля, нефти, дров и др.) в электричество и известное распределение и использование этой энергии есть тоже электрификация. Но мы говорим, что использование топлива для электрификации не так типично для последней, как использование движущейся воды, особенно для электрификации будущего; и затем, само использование топлива (всех его видов) в энергетическом хозяйстве уже исчерпывается во времени — в недалеком будущем то, что служит сейчас топливом, будет служить сырьем для обрабатывающей промышленности.

Служить сырьем для обрабатывающей промышленности — в этом судьба нефти, угля, торфа, дров, сланцев. Ибо на смену топлива идет гидравлическая энергия, которая в состоянии дать нужное силовое основание для промышленности и сельского хозяйства коммунистического общества. Вода — основа социализма.

Воду — в энергию. Топливо — в сырье для обрабатывающей промышленности. В этом вся суть.

Существо этого обстоятельства разбирать слишком долго — и это уже я делал в другом месте.

Рассудим конкретно. Мы сейчас проектируем гидроэлектрическую станцию в устье р. Воронежа. Мощность ее (пока говорим приблизительно, преуменьшенно, но близко к точности) будет выражаться в 500 л. с. на валу турбины, или, кругло, 438 л. с. на зажимах генератора, или около 310 л. с. в местах потребления тока — в городе (беря потерю энергии в линиях и трансформаторах за 30 процентов, с большим, значит, запасом, преувеличен-

но). Фактически, мы уверены, энергии в городе, в пунктах потребления, в общей сумме будет получаться не менее 400 л. с.

Если же использовать одновременно и р. Воронеж и р. Дон одной гидроэлектрической установкой, то можно получить в городе 2000 л. с., ибо расход воды в Дону в том месте, где впадает в него р. Воронеж, в 4 раза более расхода воды в Воронеже. Следовательно, при одной и той же высоте подпора мы получаем в Дону 1600 л. с. плюс 400 л. с. от р. Воронеж. Эти 2000 л. с. уже чисто полезные — в пунктах потребления.

Для одновременного использования рр. Воронежа и Дона имеются счастливые природные условия. У места впадения р. Воронежа в Дон и от р. Воронеж идет вправо размытый весенний пронос, по которому идет полая вода. Если на коренном русле р. Воронеж при впадении его в Дон поставить глухую плотину, а всю воду р. Воронеж по этому внешнему проносу направить в Дон и уже на Дону построить плотину со шлюзом, то таким образом, бросив на турбину две сложенные реки, мы получим минимум 2000 полезных лошадиных сил.

Но это дело будущего. Пока же мы запрежем только один Воронеж, добудем 400 л. с. На упряжку Дона сейчас средств у нас не хватит, хватит только запречь р. Воронеж (180 000 золотых рублей).

Но использование р. Воронежа не ограничивается одной станцией в ее устье. Подпор от плотины в устье распространяется немного выше Чернавского моста (до Алексеевского монастыря). Следовательно, мы имеем право в этом месте (лучше немного выше) соорудить вторую гидроэлектрическую станцию, мощность которой лишь немного будет уступать устьевой станции. Выше по р. Воронежу, где кончается подпор воды от плотины второй станции, можно построить третью станцию и т. д. Это речь о Воронеже — небольшой реке. Что же тогда можно сделать с Доном — мировой рекой. Можно получить мощность, которой хватит на полное обслуживание всех силовых потребностей огромной придонской страны, и еще этой мощности останется в запасе на многие десятки, если не сотни, лет вперед, учитывая какой угодно бешеный темп развития производительных сил данного края. В следующей статье мы дадим цифры по этому вопросу.

Очевидно, конечно, что при таком наличии гидравлической даровой энергии надобность в топливе, даже для отопления, совершенно устраняется.

Есть еще одно великое дело. Речной транспорт. При развитии силовых электрических установок на реках можно речной

транспорт преобразовать в корне. Можно заставить двигаться суда по реке силой самих же рек. Создать, так сказать, электроходство (вместо пароходства и теплоходства). То есть такие суда, которые движутся электромоторами, везя с собою запас электричества в аккумуляторах и получая это электричество от гидроэлектрических же станций на этой же реке, по которой курсируют данные суда.

Иначе говоря, можно создать водяные поезда Махонина. Но соотношение мертвого груза (аккумуляторы) и полезной нагрузки (товары, пассажиры) на воде уже будет совершенно другое, чем на суше, и в пользу полезной нагрузки.

Речной транспорт тогда не потребует подвоза топлива для себя, он силу для своего движения будет обретать тут же, на родной реке.

Обслуживание же, кроме всего прочего, гидроэлектрическими станциями также и речного флота ничего не даст первым, кроме большой рентабельности их (и как раз летом, ибо станцию будет легче тогда загрузить на все 100 процентов ее мощности).

Речное электроходство как ветвь общей электрификации страны должно быть также учтено при составлении проектов гидроэлектрических станций.

Все сознают, что такое транспорт для нашей особенно страны. Но не все видят, чем будет именно речной электрический транспорт.

Обо всем этом в следующей статье.

<Июль 1923 г.>

СТОЛИЦА ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

Нас давно интересовал вопрос, как возможно и насколько возможно увеличить продукцию средне оборудованного крестьянского хозяйства, скажем, в нашей губернии. Чтобы это «средне оборудованное» крестьянское хозяйство было реальным, сущим, мы взяли знакомый нам двор.

После внимательного изучения этого вопроса, об руку со специалистом сельского хозяйства, оказалось, что продукцию двора можно увеличить на 300 процентов по сравнению с теперешней продукцией. Причем, это увеличение прироста идет не за счет нагрузки новыми работами хозяина и его скота, а за счет реорганизации и перепланировки самого хозяйства.

Нагрузка же работой увеличится лишь на 50 процентов, и то ее можно уменьшить, применяя мероприятия НОТа, что мы оставили пока в стороне.

На выставке я искал исключительно этот ключ к обновлению сельского хозяйства. Там, конечно, несколько таких «ключей». Но я помнил избы деревень Воронежской губернии, мало-мало сильных крестьян, их лошадок-мышат и интересовался инструментом, коим можно было бы истребить это отчаяние, это заточение в нищету и эту казнь миллионов.

На выставке я видел и научился, какими способами можно быстро и действительно коренным образом улучшить наше, в Воронежской губернии, сельское хозяйство, опираясь только на крестьянское хозяйство — такое, какое оно есть, каким дано, без посторонней помощи, без вложения сторонних капиталов. Всякий хоть немного сведущий в сельском хозяйстве человек также приблизительно знал это «чудо» обновления, но выставка дает этим сведениям систему, силу великой веры и убеждения и силу воли действовать. В этом — суть и ценность выставки. Выставка, отсюда, есть инструмент и начало Обновления Земли, столица Обновленной перерождающейся Земли, тот крестьянский сказочный град, который был скрыт на дне озера. Выставка — Столица Советского Сельского Хозяйства. Она и есть Зеленый Вертоград, именно Зеленый, в покрове земнородных богатств, о котором поется в одной замечательной крестьянской песне. Больше нет сказок, остались одни дела.

Установим же выставку как Столицу, как начало, как энергию Обновления Союзной Земли.

Один из худших павильонов на выставке — павильон мелиораций. У нас до сих пор не поймут, видимо, всю важность и необходимость овладения стихией воды. Не поймут никак, что вода лежит в основе жизни людей и растений и пренебрежительное отношение к водной стихии есть самоубийство. Павильон мелиораций от этого утонул в бумаге, а не в вещах.

Хорошо в Иностранном отделе. Германскими фирмами (например, Генрих Ланц) выставлены изумительные в конструктивном отношении сельскохозяйственные двигатели. Это, действительно, двигатели; у нас работают по совхозам, на мельницах, кое у кого из крестьян — дерьмо, а не машины. Компактность, крайний минимум и высокое совершенство устройства охлаждения, смазки и подачи топлива. Из всех выставленных тракторов наилучшие — «Фордзон», американские. Стоит «Фордзон» 225 червонцев. В 14-тичасовой рабочий день запахивает 5 1/2 десятин тяжелой почвы. Другие сельскохозяйственные машины и орудия, по нашему, не лучше, а иногда хуже таковых же, которые выставлены напротив, через мост, в Союзных павильонах русскими заводами.

Но главное значение выставки, опять-таки, в том, что она легко, наглядно, скоро обучает Обновлению Земли каждого крестьянина. Обновлению не дорогими, недоступными средствами, а теми средствами и тем имуществом, которое есть у каждого хозяина. В этом ее смысл. Есть на выставке волны упорной энергии, инстинкт воли и гипноз работы, сверхчеловеческая, коммунистическая жажда ворочать и творить. В этом, в заразе творческой жаждой, — второй смысл выставки. Оттуда приезжаешь обновленным, заряженным прибавочной энергией и мыслью. Выставка не только Столица Обновленной Земли, но и Столица Обновленного Человека, разумеющего и творящего.

Выставка начала — мы докончим. Выставка и мы — работники мест должны поднять в стране организационно-техническое движение в сельском хозяйстве во имя спасения крестьянства и Союза от одичания и гибели.

Практически органами Обновления Земли должны стать Общества Друзей Обновленной Земли.

У нас настала эпоха технических революций — первая из них по нужде революция техники и организации нашего сельского хозяйства, служащего сейчас не опорой крестьянской жизни, а ее погибелью и сокрушением.

<Сентябрь 1923 г.>

<РЕЦЕНЗИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ МЫСЛИ»>

«ЛЕФ»

В первой же статье первого номера журнала, в программной статье тов. Чужака — «Под знаком жизнестроения» — Леф дал такое определение искусства: «*Искусство есть только количественно-своеобразный, с преобладанием эмоции, метод жизнестроения и, как таковой, не может остаться ни изолированным, ни тем более длительно самостоятельным — в ряду других подходов к строению жизни*». Этот тезис явился для Лефа основным. Поэтому надо разобраться — насколько он марксистский и революционный.

В той же статье тов. Чужак, говоря о домарксистском понимании искусства, указывает на тезис — «искусство — познание жизни» как на высшее достижение *буржуазной* эстетики. Увы! — не только буржуазной — даже и марксисты (тов. Воронский, тов. Троцкий) принимают за *основу* тезис — «искусство — познание жизни».

В сущности, все споры об искусстве сводятся сейчас к спорам об этих тезисах. Есть, правда, еще третий — «искусство — украшение жизни» (тов. Луначарский), но это настолько явно эстетское положение, что о нем всерьез говорить не приходится. Значит, два положения: 1) *Искусство — познание жизни* (тов. Воронский, тов. Троцкий), 2) *Искусство — метод жизнестроения* (тов. Чужак, Леф).

Разберемся!

«Искусство — познание жизни», — заявляя это, тов. Воронский с гордостью указывает, что такое определение искусства давал еще Белинский.

Добавлю: —

— Не только Белинский —

еще раньше — *Гегель*.

У Гегеля было свое определение искусства. Но можно ли так, с категоричностью, утверждать, что гегелевское определение это и есть — *истинно марксистское* определение? — Сомнительно!

Не буду вдаваться в детальный разбор. Интересующихся отсылаю к выходящей в скором времени книжке тов. Н. Горлова — «Искусство — эмоция класса». Для меня достаточно констатиро-

вать, что тов. Воронский без малейшей переделки взял тезис Гегеля и на нем утвердился. Теперь о тезисе тов. Чужака.

Никто не станет возражать против того, что искусство воздействует на эмоцию, т. е. в определенном направлении организует ее. Это бесспорно. Но ведь организовывать эмоцию — это значит через эмоцию организовывать деятельность человека, иначе говоря, *строить жизнь*. Это, конечно, грубо, схоластично, но в мои задачи не входит доказывать правильность тезиса тов. Чужака. Он сам это делает достаточно убедительно. А я только рецензирую журнал.

Посмотрим, как теоретики Лефа проводят этот основной тезис.

Отмечу наиболее интересное.

1) Статья тов. Чужака во втором номере «Лефа» — критическая. В ней — жестокая критика Маяковского за отход от производственной линии.

Статья того же тов. Чужака — в третьем номере — полемическая. Ставится вопрос о внутрилефовской коллизии — «производственного Лефа, пытающегося сделать из теории — пока еще корявые и робкие, но уже актуально-практические выводы», и «строгого футуризма... отдающего производству только — технику левой руки и явно путающегося меж производством и мещанской лирикой».

И вывод тов. Чужака из наблюдения этой коллизии —

— «Помочь *производственному* крылу Лефа... — значит, способствовать скорейшему выявлению искусства, нужного рабочему классу».

2) Чрезвычайно нужная статья тов. Арватова — «Маркс о художественной реставрации», подводящая базис марксов слов под постоянную продвижку вперед левых в искусстве; доказывающая — вред и «немарксистскость» назадовых лозунгов.

3) Полемические статьи тов. Горлова в третьем и четвертом номерах «Лефа» — ответ тт. Сосновскому и Троцкому на их столь различные и в то же время столь одинаковые выпады против Лефа.

4) Статьи тов. Третьякова в первых трех номерах «Лефа», деловито разбирающиеся во всех нелепейших обвинениях, возводимых на Леф, и спокойно их отвергающие.

Вот и все наиболее интересные теоретические статьи в журнале.

Остаются статьи специальные. Тов. Винокура — о языке; о них уже очень много писалось и говорилось за последнее время.

Нам они кажутся серьезно ставящими вопрос о необходимости нового классового подхода к языку и безусловно заслуживающими всякого внимания. Статья тов. Дзиги Вертова — является прямым перенесением основного тезиса на область кинематографии.

Статья Шкловского в четвертом номере. Зачем она напечатана — непонятно. Что Лефу до техники романа тайн и какое отношение имеет она к производственному искусству — аллах ведает. Отдельные положения в этой статье весьма спорны — например: «В настоящее время мы, очевидно, накануне оживления романа тайн. Возрос интерес к сложным и запутанным конструкциям. Своеобразно преломлена техника тайны у Андрея Белого. Интересно отметить новое перевоплощение техники загадок, которое дает нам Андрей Белый».

Почему это — мы накануне оживления романа тайн, и причем здесь все Белые и других цветов покойнички — Шкловский не объясняет. А без доказательств — такое «положение» весьма... сомнительно. В общем же статья беспартийна... до скуки.

Вот и вся, грубо взятая, теоретическая часть «Лефа».

Практика. Это тема настолько большая, что уместить ее в рецензию никак нельзя. Поэтому о ней отдельно, уже не рецензией, а специальной статьёй, во втором номере.

«ЗВЕЗДА»

Начинается так:

«От редакции» — «Возобновляя вековую традицию толстых журналов в Петрограде, после длительного перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны...»

Возобновлять традиции... это, конечно, кому что нравится. Кто возобновляет, а кто новое делает. Но при чем же здесь марксизм, при чем же здесь тов. Ленин? Когда читаешь список сотрудников журнала, в глаза бросается противоестественное сожителство под крышей одного, хотя бы и толстого, журнала тов. Ленина и, например, Мариэтты Шагинян, тов. Клары Цеткин и Ходасевича или графа Толстого.

Это общие замечания. То, что сразу бросается в глаза. Но в этой рецензии мы будем говорить о главном в толстом журнале — о его литературно-художественном отделе.

Отдел литературно-художественный — подбор специальный. На этом стоит остановиться.

Сперва о прозе.— Под предводительством именитого графа Алексея Толстого путешествуют эти господа по страницам единственного петроградского госиздатского толстого журнала.

Каждый путешествует по-своему.

Граф, как и подобает графу, описывает места культурные, где варваров-большевиков не имеется,— Парижи. И конечно же, на то он и русский барин, описывает в этом Париже ужасных апашей.

Но ведь нельзя же так, скажет читатель,— прошла война, русская революция, нельзя же все об апашах.

Граф — умный человек, ответим мы, у него все предусмотрено: Париж у него послевоенный, хотя это становится известным только из голословного графского заявления, апаша у него модернизированы, бывшие «пуалю». А чтобы было под стать Госиздату, даже словечки модные введены — «деклассированный», «буржуа» и еще много таких же, и даже о казни Марии-Антуанетты совсем некстати рассказано.

Впечатления от графского рассказа не остается никакого.

Разве только... легкая зевота.

Дальше — Николай Никитин. Этот помоложе, поинтереснее и, пожалуй, менее осторожен.

У него рассказ даже с предисловием. Рассказ о старых офицерах, служащих по воле революции в Красной армии.

Но ведь неудобно как-то советскому литератору, попутчику из Круга так просто взять и писать об... офицерах (излюбленная тема Никитина, между прочим). Поэтому предисловие:

«У меня узкий круг (*даже и здесь без круга обойтись не может.*— А. П.) некоторой части старого царского офицерства»...

— «Если из “150 миллионов” вывалится 1% зараженного общественно-гангреной, нужно уметь быть жестоким и не жалеть ненужного... Повестью я их регистрирую как покойников. Об их судьбе — странной и скучной — мне хотелось здесь рассказать. Это точка им — и для меня, автора,— чтобы мог... обменяться приветом с тем племенем, кого еще Пушкин назвал “младым и незнакомым”»).

Насчет привета Никитин (как бы помягче выразиться) несколько... поторопился. Племя (почему племя?) молодое и незнакомое вряд ли будет обмениваться приветом со звездными писателями. У него есть писатели свои. А вот насчет отношения Никитина к своим героям — поговорим.

«Повестью я их регистрирую как покойников... Это точка им... »

Мы думаем, что точку «им», а кстати и Никитину, поставил или поставит пролетариат, вот это самое «племя младое, незнакомое». А «регистрирует» Никитин своих героев не так чтобы очень сурово, а даже очень внимательно... чтобы не сказать — любовно. Проверим:

«Лепукалн (*это политком.*— А. П.) ходил ясно, чуточку хмельной... разыскивая глазами Климовича (*офицер.*— А. П.). И найдя, ласково шепнул: — И Климовича научу... что же... Любовник... А, любовник? И только хотел он к нему наклониться, как Климович бешено отскочил от него. И сжал *брезгливо* (*курсив мой.*— А. П.) бороду в горсть.— Отстаньте. От вас разит пивом».

«Климович сидел устало... И его черные глаза (затянутые мохнатыми, как у зверя, ресницами), любившие смеяться, но не умевшие говорить, уперлись в Фирсова».

Так говорится в рассказе о героях. А вот, что говорится о революции.

Речь политкома:

«Мы вспомнили исторические переживания...

...Недовольство внутри того строя, который мы с вами переживали...

...Эту нить проделали рабочие и Красная армия...

...С гордостью восстановились...»

Еще пример:

«Тут же одним левым глазом захватил краешек столичной газеты и между крошками (в газеты был завернут хлеб) прочел:

“В д. № 9, по Социалистической площ., повесилась, оставив записку о разочаровании в жизни, гр. Берзина, 54 лет”.

Улыбнулся Фирсов.

— Анекдоты... Началось...»

Еще:

«Кривой Кочеток, как ни назови, останется всегда Кочетком».

Еще:

«Он идет мимо Уездкома, Отнаробра — и прочих, и прочих правящих мест. За плечами винтовка, в снегу тяжелые вятские валенки, и с красной звездой, заточенной в овал скрестившихся веток.

У него нет лица, потому что не надо ему лица».

Еще:

«У портного есть комод, а на комодке рядом с зеркалом — по одну сторону самовар медный, но покрыт никелем, по другую — гипсовый Карл Маркс, величиной в три вершка, покрыт позолотой».

Вряд ли требуются еще комментарии... Мы думаем, что приведенного достаточно, чтобы сказать, что «племя младое, незнакомое» не только не пошлет Н. Никитину «привет», но, пожалуй, пошлет (уже не ему, а по его адресу) несколько слов более крепких, чем «привет».

Остальная беллетристика бесцветна и так же «кругла», как и писания Н. Никитина и графа Толстого.

Перейдем к стихам. С ними тоже не легче.

«Пролетарский» поэт Илья Ионов пишет:

Ах, в книге много букв, как много дней в столетях,
И каждая — звено, и каждая — понятие...
О том, что мир велик, что люди всюду братья,—
Сказала книга мне в годину лихолетья.

Если уж для «пролетарского» поэта революция — только година лихолетья, то, конечно, понятно, что Ходасевич пишет совсем просто:

Тогда встает в дали далекой
Розовоперое крыло.
Ты скажешь: ангел там высокий
Ступил на воды тяжело...
Клубятся облака пустые,
Дозором ангелы встают.

Прибавить и тут нечего. Форма, конечно, такая же, как и содержание. Вот примерный словарь четырех «звездных» поэтов:

— лихо, бич, злодей, клич, злак, исток, звено, лиходей, столетье, година, куранты, фолианты, пучина, бездна, грани, оконце, лов, ладья, небосклон, кимвал, цевница, ангел, алтарь, овечка, Дриады, Пан, Аркадия, Пармид, Рея, Эреб, стон, невеста.

И еще словарь эпитетов:

— злое лихо, гнусная плита, пряный злак, острый нож, целетельный исток, зеленая трава, тяжелая ладья, хрупкий перламутр, сладкие грезы, проворная рука, стыдливая невеста, волшебная картина, ветхие фолианты, розовоперое крыло, рдяный свет, роскошный алтарь.

Не правда ли, как это все ново и как это близко и понятно «пролетарской интеллигенции», для которой предназначается, по словам редакции, журнал.

Можно было бы на этом и покончить с петрогосиздатской поэзией, но мы не можем удержаться, чтобы не предложить читателю разрешить еще такую загадку из Х. М. Эредиа, предлагаемую журналом:

И закричал орел, и пламенный разлив
Обвил пронзенного, и смертная истома
Низвергла гордый труп на дно огня и грома.

Что это значит? Мудрый Эдип, разреши! Какие это такие «гордые трупы» и что из себя представляет «дно огня и грома»?

И, наконец, на какое «дно огня и грома» спустился Петрогосиздат, что стал печатать такие стихи?

И вообще, для кого сие предназначается? Если для «пролетарской интеллигенции», то мы ее от души жалеем.

На этом и кончим, так как наши задачи — писать о литературно-художественном отделе, а с ним мы покончили.

«НА ПОСТУ»

Журнал драчливый.

В руководящей, по-видимому, статье четвертого номера «Большевики — заезжатели» один из редакторов, тов. Волин, с гордостью объявляет журнал «заезжательским».

Это не плохо. Заезжать кого следует и как следует, конечно, не мешает.

Но именно — *кого* следует и *как* следует.

У товарищей «напостистов» на этот счет не все обстоит благополучно.

Заезжают они на *две* стороны и *двумя* способами.

Первый способ *безоговорочный*.

Так «напостисты» заезжают писателей враждебных пролетариату — Пильняков, «круглую» компанию и прочих Ходасевичей. Способ хороший, — направлен по адресу, — его можно только приветствовать.

Второй способ «с оговорочками».

Это для «Кузницы» и Лефа. О нем надо поговорить.

Леф начали заезжать с первого номера. И самыми разнообразными способами. Тут и

— «клеветник» Брик, и

— «згара — амба», и

— «индивидуализм» Маяковского, и венец всего —

— «Леф — искусство разлагающейся буржуазии».

Все это мы читали в «Кузнице», в речах тов. Зиновьева, в статьях тов. Сосновского, и где этого только не было. Никто и никогда всерьез такой «критики» не принимал.

Уж очень неубедительно и безнадежно... скучны тирады вроде такой:

«Влияние футуризма в *известных* условиях и при *известном* направлении действительно разлагающе и тлетворно (*курсив мой.* — А. П.)». С. Родов — «Как Леф в поход собрался».

Не становятся они также убедительней и от заявлений тов. Родова:

«Футуризм изжил себя (*давно ли?* — А. П.). Анархически-революционный отщепенец класса буржуазии, он впитал слишком много от ее яда и разложения, чтобы оказаться способным на строительство с классом победителем, с пролетариатом».

Нет, товарищи «постники», так даже заезжать нельзя — все равно никто не поверит. Вы только, по выражению тов. Родова, «вертаться в колесе собственных противоречий, путаетесь сами и запутываете других в феерической эквилибристике фраз внешне революционных».

Леф, конечно, следует ругать, но совсем с *другой* стороны и *не по тому поводу*. О «згара-амбе» трепаться нечего. Это только предмет для зубоскальства. Есть вещи посерьезнее — о них говорилось в самом «Лефе». Мы только можем посоветовать вам повнимательней прочитать статью тов. Чужака во втором номере «Лефа». Там вы найдете указания — *что и как* нужно критиковать в Лефе.

Но довольно о заезжании, поговорим об «оговорочках».

На 42 странице первого номера журнала тов. Родов объявил Леф — «анархическим отщепенцем класса буржуазии». На 80 странице того же номера тов. Авербах провозглашает Леф — одной из трех литературных группировок, «наиболее близко стоящих к нашей партии» (две остальные — «Октябрь» и «Кузница»).

Как же это так, товарищи? «Анархический отщепенец» и близок к нашей партии? «Продукт буржуазного разложения» и рядом с «Октябрем»? А ведь «Октябрь» — (это же не секрет) — тот же «На посту».

А если мы заглянем в четвертый номер, то в статье тов. Либединского «Классовое и групповое» — прочтем следующее:

«Группа “Октябрь” хочет сплотить вокруг себя всю пролетарскую и подлинно революционную литературу».

Эта цитата станет совсем понятной, если мы вспомним, что незадолго до выхода четвертого номера — «Октябрь» заключил с Лефом оборонительный и наступательный союз. Неудачная попытка и невинность соблюсти (мы с футуристами ничего общего не имеем) и капитал приобрести (союз с Лефом). А все-таки, до чего же хорошо звучит такое вот сочетаньице — «подлинно революционная литература анархических отщепенцев буржуазии»!

Теперь — «Кузница».

С одной стороны, упадочные настроения, все в прошлом, не поняли и не приняли Нэпа, медиумическая платформа, а с другой — тоже близка РКП, «первый отряд пролетискусства». Здесь совсем другая причина. Здесь и заезжательства, в сущности, нет, а только критика с благоволением. Признание заслуг в прошлом, упреки за современность. И упреки-то мягкие, наполовину похвала. Причина проста. Она в прошлом. Это «медиумическое родство» с «Кузницей». Ведь «Октябрь» — это отколовшаяся часть «Кузницы». И хотя и откололись, но все-таки родства не забывают. А пора бы разрушить легенды о великольном революционном прошлом «кузнечиков».

Бросьте, товарищи октябристы. Забудьте о скверном родстве. Для вас же лучше будет.

Как видим, заезжания у постников бывают разные и по-разному они не годятся. Иногда слишком заезжают, да еще не с той стороны, а иногда слишком много оговорочек. Тоже не ахти как хорошо применительно к «кузнечикам» со Староконоушенного.

Есть в журнале еще другого сорта заезжательство. Заезжательство полемическое. Это, собственно говоря, даже и не заезжательство — так... деликатный спор. Спорят с тт. А. Воронским и Троцким. Вопрос о понимании искусства и о партийной политике в искусстве.

Пока вопрос о партполитике в искусстве ставится практически, напостисты рассуждают трезво — нельзя поддерживать Пильняков и Алексеев Толстых, Ахматовых и Ходасевичей. Это стало уже трюизмом.

Но когда вопрос переходит на принципиальную почву — понимания искусства — дело становится хуже. Тут раскрывается трогательное единение «постников» и с т. Воронским, и с т. Троцким, и даже с самим т. Луначарским. Искусство все-таки оказывается «познанием жизни», да еще каким —

«Литература, будучи как таковая отражением жизни, *преломленным* через классово-познавательную систему того или иного

художника, по отношению к обществу является оружием организации психики как господствующего класса, так и широких масс всего общества (*курсив мой.* — А. П.). Ю. Либединский — «Классовое и групповое», № 4.

Вот когда нам преподносят такое «преломленное отражение», то можно только руками развести. Что это значит? Мы этого уразуметь не можем. Нам остается пожелать товарищам постникам поменьше злоупотреблять «преломленными отражениями». А лучше всего — если бы товарищи напостисты выпрямили свою идеологическую линию.

Это главное.

«У СТАНКА»

Первый и пока единственный журнал по вопросам рабочего быта. Первый и пока единственный серьезный, хороший рабочий журнал.

До сих пор у нас бывали рабочие журналы по специальным отраслям (антирелигиозные, профессиональные и пр.) или же сатирические («Крокодил»). Теперь впервые появился литературный и научно-популярный рабочий журнал с широким захватом. О таком журнале стоит поговорить и надо поговорить.

С внешней стороны (обложка), по монтажу и иллюстрациям, журнал, сделанный такими мастерами, как тт. Моор и Добровольский, конечно, прекрасен. Очень удачно применен в журнале принцип графического разрешения теоретического мастерства, даваемого в статьях. Тов. Моор прекрасно справился с этой задачей. Его графики — «Человеческие отношения в капиталистическом обществе», «Крылатый Эрос», «Назад к Пушкину» и др. — выполнены блестяще и очень удачно сочетаются с текстом статей.

Литературный материал журнала делится по отделам: «Политика», «Семья», «Молодежь», «Дети», «На работе», «Литература», «Музыка», «Кино», «Физическая культура», «Питание» и «Жилище».

Отдел политики представлен статьей тов. Бухарина «О пролетарской революции», написанной в обычной для автора популярной форме и затрагивающей вопросы «второго дня после революции».

Наиболее интересны в журнале отделы: «Семья», «Молодежь» и «Дети». Теоретический материал — статья тов. Лядова о

необходимости разрушения старых, буржуазных форм семьи и построения новых. Разрушительные программы тов. Лядова не вызывают возражений, но, к сожалению, тов. Лядов не указывает путей строительства даже новых форм семьи, необходимость существования которых сейчас поставлена под сомнение. Тем же недостатком отличается и статья тов. Логинова о воспитании детей, так же крепко критикующая старые формы и методы воспитания и так же не дающая ничего для строительства нового. Но центральное место в этих отделах занимают не теоретические статьи, а литературные очерки, написанные, главным образом, рабочими от станка. Целый ряд товарищей ставят один и тот же вопрос, вопрос о пропасти, вырастающей в современной рабочей семье между мужем, общественным работником, человеком, идущим все время впереди, и женой, прикованной к кухне и детям и оставшейся поэтому на том же уровне развития, что и до революции. Надо отметить, что ни один из авторов не видит выхода из создавшегося положения. Только тов. Минаев находит в любви, заставляющей жену поступиться иконами (это — начало) ради мужа, выход, но выход явно надуманный и годный для одного случая из тысячи.

Почти весь литературный материал отдела «Дети» — о беспризорных. Опять не указан выход — улица засасывает, и никак их оттуда не вытащишь.

Рассказы о детях тов. Кожевникова и тов. Долныкова — лучшее по литературной обработке из всего литматериала журнала.

В других отделах литературный материал гораздо слабее. Останавливают хорошей обработкой и экспрессией самой темы стихотворение тов. Шведова «О смазчике» и его же поэма «Не приду».

В отделе литературы помещены прекрасные статьи тов. Попова-Дубовского о литературной форме и о «назаде» к классикам. Тов. Попов серьезно и крепко ставит вопросы и отвечает на них весьма доказательно (применительно к размерам статьи, конечно). Кажется, это первый случай, что рабочий журнал не только ставит вопросы о литературе, но даже разрешает их не по наркомпросовской указке.

Общий вывод. Журнал заполняет большой и серьезный пробел в нашей журналистике (отсутствие рабочего журнала) и заполняет его удачно.

<Январь-февраль 1924 г.>

О РАБОТЕ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

В начале февраля этого года при Губземотделе было организовано отделение по электрификации сельского хозяйства (Губэлектрозем).

Отделение с самого начала своей организации было поставлено на собственные ноги — на полную самокупаемость и хозрасчет. Такая постановка дела предвещала мало хорошего. Электрификация сельского хозяйства — дело совершенно новое, о доходности с первых же дней его организации говорить было нельзя — доходность невозможна: предстоит еще огромная, материально совершенно не прибыльная организационная работа среди населения, налаживание связей с центральными и кредитными учреждениями и пр.

И Губэлектрозем не только не сгинул, а проделал некоторую практическую работу.

За пять с половиной месяцев сделано следующее: электрифицирован опытно-мелиоративный участок «Спартак»; электрифицирован совхоз «Никольское» с выводом линии на село (к осени станция будет приготовлена к регулярной работе); выполнены на 75 процентов работы по электрификации села Рогачевки, Московской волости, Воронежской губернии, станция будет открыта для общественного регулярного действия 1-го сентября текущего года; крестьянских абонентов к этой установке по сегодняшний день присоединено 40, общественных учреждений — 2: на большее присоединение потребителей не хватило средств. Бесплатная проводка и оборудование производится по списку сельсовета беднякам и трудовым крестьянам, кулаков линия обходит. При рогачевской электростанции оборудуются мельница, просорوشка и обойка, чтобы станция в первый период неполной нагрузки окупала бы все свои расходы и в первый осенне-зимний сезон своей работы давала бы ток присоединенным абонентам по цене вполне посильной даже для бедняцких хозяйств.

На развитие сети рогачевской электростанции испрашивается кредит из местного бюджета 1924–5 операционного года. Тогда станция эта может работать уже без подсобных предприятий,

окупая все свои расходы, амортизацию и пр. исключительно продажей тока.

Работы по электрификации сельского хозяйства Воронежской губернии могли бы идти быстрее и успешнее, если бы хоть штат Губэлектрозема содержался на средства местного бюджета и был бы хоть немного увеличен. Сейчас штат Губэлектрозема (в строительный сезон, когда наступает максимум строительной и организационной работы!) состоит из заведующего работами и одного электромонтера — двух, стало быть, человек. Тут никакой НОТ не поможет, ибо нехватка абсолютная. Понятно, многое по сему упускается — зав. работами не может вести широкой организационной работы, он несет обязанности монтера и механика и бьется с безденежьем. Это, конечно, слабое использование человека, это ущерб всему делу электрификации сельского хозяйства в нашей губернии. Ибо крестьянство уже заражено «электрическими идеями» и пришло в движение.

В Губэлектроземе есть ряд предложений от сельских обществ и кооперативов на электрификацию (из Воронежского, Бобровского, Новохоперского уездов). В одном селе Нижнедевицкого уезда крестьянский кооператив по электрификации на свои средства построил здание для электростанции и купил двигатель. Дальнейшее исполнение электрификации (техническое и финансовое) этот кооператив передает Губэлектрозему.

В селе Криуше, Бобровского уезда, крестьяне просят Губэлектрозем осуществить у них электрификацию и соглашаются на сплошное самообложение. Просят они также прислать лекторов-электриков.

Практические выводы таковы.

Сметы Губэлектрозема на 1924–5 операционный год надо утвердить полностью и провести их по местному бюджету, считая, что Губэлектрозем уже зарекомендовал себя жизненной организацией (три работы за первые полгода существования без всяких ассигнований из местного и государственного бюджета, питая аппарат и осуществляя установки на средства из «прессованного воздуха»).

В этих сметах уже предусмотрено увеличение штата до шести человек (и это крайний минимум: работы по электрификации принимают массовый размах).

Нам, работникам Губэлектрозема, был не раз видим и ощущаем на стройках и открытиях станций великий моральный подъем крестьянства, его подымающаяся строительная энергия и

его яркое сочувствие творческой советской системе, чего трудно достигнуть даже агитационным путем.

Пусть Губэлектрозему дадут хоть немного (но не слишком немного) средств — и то для начала. А немного погодя мы сами припадем к первоисточнику всех средств — крестьянскому населению губернии.

<Август 1924 г.>

МЕЛИОРАТИВНЫЕ РАБОТЫ В НАШЕЙ ГУБЕРНИИ

Общественные работы имеют двуединую цель: продовольственную помощь, населению пострадавшему от недорода и хозяйственно-технический противозасушливый эффект. Совершенно ясно: прежде чем говорить о том или ином использовании воды (для людей, их животных или для орошения), необходимо иметь воду — нужно создать водохранилища. И тогда уже, когда имеется налицо достаточно густая сеть водохранилищ, можно говорить о возможно более полном и разностороннем использовании влаги.

Устройство водохранилищ в нашей безводной губернии, орошаемой только редкими и маловодными притоками Дона, имеет также великое значение для землеустройства. Неземлеустроенное население не может воспринять и усвоить агрономической пропаганды. А землеустройство в условиях нашей губернии немыслимо без предварительного обводнения землеустриваемых территорий. Предварительная организация водного хозяйства — вот непереносимое условие и основание для сельского хозяйства в нашей губернии.

Далее. В общественные работы 1924–5 г. положен революционный принцип: концентрация времени и концентрация качества, т. е. — работы должны быть произведены в кратчайший физически возможный срок и качество сооружений должно быть выше качества сооружений, произведенных до нас. Общественные работы — это целая организационно-техническая революция, не имеющая в прошлой мелиоративной технике никакого подобия. Предсовнаркома А. И. Рыков перед открытием работ сказал: общественные работы — это экзамен советской мелиоративной технике.

На малочисленный, привыкший к спокойной, осторожной, плановой работе штат мелиораторов сразу рухнул ураган работы; от мелиоративной организации потребовалась высшая степень дисциплины, работоспособности, инициативы и способности ориентироваться в сложной общественной обстановке. Воронежская мелиоративная организация имела пять человек в штате. В одну неделю этот штат был увеличен до 50 и затем до 70 человек. Гидротехник — редкая специальность: нам пришлось не

просто комплектовать штаты, но учить и перевоспитывать людей. В общественных работах, как нигде, техника теснейшим образом переплетена с политикой — и это до предела усложняло задачу набора специалистов, отвечающих своим новым обязанностям. Организационная работа получила полное и предельное напряжение. Сейчас у нас штат на 60% вполне пригодный, на остальные 40% не вполне годный. По мере возможности эти 40% беспрерывно заменяются более годными.

Потребовалось огромное количество геодезического инструмента. Сейчас имеется он в достаточном количестве.

Кроме работ по обводнению (пруды, колодцы) у нас есть три работы по регулированию рек Черной Калитвы, Осереды и Тихой Сосны с целью осушения общей сложностью 4 500 десятин заболоченных площадей и улучшения санитарных условий прилегающих населенных районов. Работы по регулированию рек требуют предварительных тщательных и точных изысканий. Изыскания по всем трем рекам сейчас заканчиваются. На Черной Калитве и Осереде уже открыты работы. На первой заканчивается канал длиной в 120 сажень и мост; на второй ведется канал. Ежедневно работает на обеих реках 600 человек. На Тихой Сосне работы еще не открыты ввиду сложности естественной обстановки — там изыскания лишь заканчиваются; работы по углублению русла реки Тихой Сосны будут вестись паровой лопатой на понтоне, приобретение которой представляет трудную задачу (в России землечерпалки не изготовлялись); возможно, что паровую лопату придется изготовить в Воронеже; сейчас ведутся переговоры по всем линиям, где только можно решить вопрос положительно.

Отношение населения к работам, за редчайшими исключениями, самое сочувственное. Содействие местных органов власти всюду полное. Не удовлетворяясь сооружениями за счет правительства, население само начинает производить мелиоративные работы — своими средствами и за свой счет при нашем техперсонале и частичной помощи материалами в некоторых случаях. Напор крестьянства, спрос его на техперсонал все увеличивается. Мы беспрерывно качаем специалистов в уезды. Беспрерывно растет число сооружений, устраиваемых крестьянами.

Политическое значение общественных работ до сих пор никем не оценено в полную цену. Общественные работы дали в три месяца то, чего бы не дали годы пропаганды, и так сомкнули город с деревней, что не расцепить эту смычку никакой враждебной силе. Кто-нибудь должен заняться учетом эффекта обще-

ственных работ. Когда повели канал по Черной Калитве — крестьяне плакали, а сельское начальство жало руку инженеру, начальнику работ. Десятилетия стояла эта задача неразрешимой.

Стихийно растет крестьянская самодеятельность. На Тихой Сосне организованы три мелиоративных товарищества, которые удвоят эффект, произведенный общественными работами. В Богучарском уезде под нашим техническим руководством население соорудило 55 плотин (прудов), 40 из которых уже закончены. В Валуйском уезде население само устраивает 4 пруда. На 9 ноября за счет общественных работ (кроме сейчас указанного) находилось в производстве по губернии 189 плотин. Земляные работы закончились или заканчиваются. Везде приступлено к устройству водосливов.

Приступлено к устройству 150 колодцев, не менее 20 процентов из этого количества будут бетонные, остальные каменные и деревянные. Рабочей силы по 9 ноября пропущено через работы: пешей — 336 882 человеко-дней (из них 80 процентов женщин), конной (подвод) — 105 436 коне-дней; всего — 442 308; вручено населению в виде зарплаты — 388 022 р. (по 9 ноября). Сверх указанного открыты и на днях открываются 50 плотин (с несомкнутыми плечами — доделка таких плотин будет произведена весною). Работы будут вестись до последней возможности. Техническая надежность и качество сооружений обеспечиваются в полной мере. Руководство, инспекцию и инструктирование работ ведут шесть человек (губмелиоратор, его заместитель, особый инспектор работ и три профессора консультанта: А. Н. Рутцен, А. Д. Дубах и А. А. Дубянский — первый по обводнению, второй по осушению, третий по гидрогеологии). Губернская тройка по мелиорации (при президиуме Губисполкома) имеет общее руководство и контроль над работами. Несомненно, работы не получили бы такой высокой оценки в центре, если бы тройка так близко, отчетливо и детально не руководила работами, как это имеет место с самого начала грандиозных мелиоративных работ в губернии.

<Ноябрь 1924 г.>

БОРЬБА С ПУСТЫНЕЙ

Сахара, Гоби, песчаные реки Азии — это экскременты неразумных культур, легших в уготованные самими себе песчаные могилы.

Из рукописи «Пески и Люди»

Основной капитал человечества — плодородие земли, поэтому он не должен расхищаться и истребляться, а должен использоваться, сохраняя абсолютную величину постоянной. Последнее возможно, вероятно, лишь при идеальной технике и организации сельского хозяйства и достижимо лишь относительно.

Современные способы эксплуатации почвы, конечно, есть причины образования пустынь. Современная система сельского хозяйства есть хищничество по существу и разрушение производительных сил земли, а не хозяйство в присущем последнему смысле. Хозяйство есть такая система трансформаций элементарных производительных сил, где абсолютная величина производительных сил, участвующих в процессе трансформаций,— постоянная, а «чистая прибыль», продукт, «прибавочная ценность» образуется за счет солнечной энергии, участвующей в хозяйстве как элементарная производительная сила,— энергии, практически неубывающей.

За счет солнца же должно происходить восстановление потерь от трансформаций почвенных элементарных производительных сил. Этот частичный ремонт возможен, конечно, лишь при участии посредников (системы чередования растений, удобрений и пр.), искусственно вводимых человеком, которых также можно рассматривать как трансформаторов солнечной энергии.

Земля должна быть цела и девственна, а вся пышная жизнь человечества пусть идет целиком за счет солнца. В этом, по сути, конечная цель агрономической и мелиоративной техники.

Как эту цель сделать твердым фактом?

Мы лишены возможности и способности это сделать в сотне газетных слов. Мы изложим лишь способ ликвидации одного (и главного) пустынообразователя — поверхностного стока вод. Весеннее таяние снега и ливни дают в результате мощные потоки воды, которые с большими скоростями сбегают в конечном счете в реки, выгребая из почвы те вещества, которые пита-

ют растения. Ежегодно уносит вода такие богатства, которые не исчислишь, которые не восполнишь никакими удобрениями. Значит, стихийный поверхностный скат воды есть причина истощения почвы, есть сосун ее плодородия. Это одно. Второе — мы теряем воду, которая сама по себе необходима растению и от недостатка которой мы бедствуем постоянно и пока неизлечимо. Ведь 60–75% всех твердых осадков уходит безвозвратно. Это два. Стихийный же поверхностный сток вод творит овраги, увеличивая площадь неудобных земель, умыкая поля; заносит реки продуктами размыва почвы, заставляет блуждать русла рек и плодя болота; дробя организм почвы, вода делает неорганический песок, а последний, обрабатываясь ветром, образует холмы и барханы, заносит плодородные черные земли — и уже дышит пустыня. Это три. Этого достаточно.

Надо уничтожить главного пустынообразователя — поверхностный сток вод. Как это сделать?

В 1923 г. группой мелиораторов (работавших на юге ЦЧО) был разработан проект так называемой «реконструкции рельефа», суть которого — в создании водозадерживающих валиков по горизонталям поверхности. Валики должны охватывать как можно большую площадь (тем действительнее их эффект). Теоретически, этим достигалось почти полное прекращение поверхностного стока. Последний, таким образом, превращался во внутренний сток. Горизонтальное скольжение воды заменялось вертикальным ее поглощением почвой. Почва выходила из весны в лето жирно насыщенной влагой. Благодаря такому переустройству естественного рельефа, дожди и ливни также лучше использовались почвой. Вообще, этим мероприятием достигалось увлажнение почвы и ликвидация всех вышеперечисленных бед. В условиях ЦЧО в широком, массовом крестьянском масштабе только и применим этот способ непосредственной и поражающей борьбы с засухой. Все остальное — паллиативы и не могут иметь такого великого, всестороннего значения, как ликвидация поверхностного стока воды. Искусственное орошение будет у нас иметь только узкое, оазисное значение. Обводнение и водоснабжение не есть в собственном смысле мелиорация.

В № 269 «Известий» была помещена обстоятельная статья Г. Б. Красина, посвященная вопросу увлажнительной мелиорации, разработанному примерно так же, как три года назад его разработали мы. Г. Б. Красин это мероприятие обозначает как первоочередной вопрос нашей земельной культуры. Это верно. Надо найти основную позицию, с которой можно разгромить

засуху. Увлажнительные мелиорации, полное усвоение почвой зимнего урожая воды — вот основная и победная позиция над засухой. Борьба с засухой есть лишь часть более общего вопроса об одолении пустыни. Увлажнение же есть не только мелиоративное мероприятие, но также и агрикультурное: об этом уже сказано выше.

Увлажнение вполне рентабельно: на десятину падает расход (при ручном способе земляных работ) — 25–30 р. (в условиях рельефа Тамбовской губернии), при машинном способе — 15–18 р. (посредством так называемого «реконструктора» — самодвижущегося механизма, существенная часть которого — быстро вращающийся лежащий барабан с зубьями, насыпающий валик параллельно движению реконструктора). Полезно также некоторое укрепление валиков (кроме обязательного трамбования) растительностью, не самих валиков, а подступов к ним со стороны воды. Для этой цели подойдет лох (дикая маслина), крутик (аморфа куртикоза) и др., кстати, эти культуры имеются в питомниках Тамбовской и Воронежской губерний в большом количестве. Стоимость обсадки на одну десятину падает в 8 рублей. Следовательно, на одну десятину падает расходов: на земельные работы при ручном способе — 25 р., плюс обсадка — 8 р., плюс съемка в горизонталях и организационные работы — 2 р., всего — 35 рублей.

При машинном производстве земляных работ общая стоимость увлажнения одной десятины понижается до 26 руб.

Эффект увлажнения (сравнительный прирост урожая) для годов благополучных по осадкам надо считать в 25%, для засушливых в 75%. Максимум в 4 года затраты полностью будут возвращены. Но увлажнение есть не только увлажнение, а также способ сохранения плодородия — косвенное удобрение. Увлажнительные сооружения — это средство для приведения речных систем в порядок, это прекращение роста оврагов и прекращение иссушения земель, — это омоложение природы.

Коммунизм — это осуществление конкретных заданных тем: электрификация (и общая индустриализация) промышленности и сельского хозяйства и одоление пустынь посредством увлажнительных мелиораций. Борьба с засухой есть часть вопроса об одолении пустынь.

С обычной большевистской страстностью и напором мы должны сокрушить засуху в кратчайшие годы, став на твердую позицию — увлажнительную мелиорацию.

<Декабрь 1924 г.>

В ячейку РКП(б)
при Цбземуправлении

Весною этого года я подавал
заявление о приеме меня в кандидат
РКП(б), но партийные органи-
зации, занятые работой с Ленинским
набором, временно отложили вопрос
обо мне, предложив сделать 7.3.4.
лучше ознакомиться со мной.

Видно, что Ленинский набор уже
ассимилирован партией, а также, что ячей-
ка РКП при 7.3.4 может теперь дать обо
мне определенное мнение, что и разрешит
вопрос обо мне окончательно.

Все сведения и материалы анкеты
Корокореда мною были своевременно
полны.

12/10/1924. Андрей Платонов

1 В ячейку ВКП(б)
при Ц.К.

Прошу, в случае утверждения
меня кандидатом ВКП(б), передать
мне карточку кандидатуры в адрес
ячейки ВКП(б) при Ц.К. Союза с.х. и
лесн. работ., или мне лично:
Ц.К. Союза с.х. и лесн. раб., Землеу-
строительная Сельхоз. Ф. П. Платонов,
известив предварительно ячейку
Ц.К. н/союза.

А. Платонов

27/10, 1926.

ОГНИ ВОЛХОВСТРОЯ

Сооружение Волховской силовой установки, требующее от государства содержания и прокормления 10000 человек в течение 4 лет, создаст трудовую армию в 1200000 человек, бессмертную, преданную стране.

Записки главного инженера Г. О. Графтио

Для работ по регулированию стоков рек в Воронежской губернии Губземуправлению потребовались экскаваторы (землечерпательные снаряды). Дело это новое, поэтому для ознакомления с работой экскаваторов я поехал предварительно на Волховстрой, а оттуда на заводы Ленинграда для заключения договора на изготовление экскаватора.

От Ленинграда до станции «Волховстрой» (через Званку) идет специальный вагон управления строительства. Не доезжая Званки уже видно огромное зарево на низких зимних тучах. В вагоне едут инженеры, охотно рассказывающие историю этих невероятных работ. 11 часов ночи. Мы переезжаем мост через р. Волхов. Направо — океан огня, свист пара, узкоколейки с бегущими паровозиками почти посредине реки (в котловане шлюза), долгие тревожные гудки и неясный шум борьбы человека и механизмов с материей.

Работы идут круглые сутки — и не менее 16 часов при свете электричества. Район работ обнесен высоким забором, проходы охраняются военными караулами.

Проходим главные ворота. Идем по главной улице города Волховстроя — по Волховскому проспекту. Этот город выстроен в 2–3 года. Он прекрасно распланирован, ярчайше освещен, имеет театры, кино, клубы, бани, больницы, водопровод, центральное отопление, ЦРК, пожарные команды, мостовые, тротуары, садики и прочее. В нем около 12 000 населения: администраторы, техники, рабочие строительства. Раньше тут было болото, теперь — проспекты, улицы, следы летних цветов, пение и грохот работы.

Далее, экономя место, я буду оперировать исключительно цифрами.

Для производства основных работ потребовалось гражданских вспомогательных сооружений 34 600 куб. саженей.

Река Волхов вытекает из озера Ильмень и впадает в Ладожское озеро. Длина реки 222 километра. Волхов судоходен по всему течению, за исключением Пчевских и Волховских (Петропавловских) порогов, где проход судов сильно затруднен. Волховские сооружения имеют двоякую цель: силовое использование подпертого течения р. Волхова и коренное улучшение водного пути, соединяющего Ленинград с бассейном озера Ильменя, посредством перекрытия порогов. Для силового использования подпертого течения сооружается глухая водосливная плотина длиной 210 метров. Правое плечо плотины сопряжено в так называемом «узле сооружений», где соединены все основные сооружения установки: ледозащитная стенка, которая пропускает воду в так называемую аванкамеру, отцеживая ее ото льда, и главное здание с машинным залом. Общая длина ледозащитной стенки 249,30 метра. Силовое здание имеет длину 193 метра и ширину по обреза́м фундамента — 39 метров. По высоте силовая станция вдвое выше самого высокого здания в Ленинграде.

В машинном зале будет установлено восемь электрических генераторов, преобразующих механическую энергию падающего речного потока посредством турбин в электрическую. Кроме восьми больших агрегатов (турбогенераторов) будут установлены два малых — для возбуждения и для нужд самой станции.

Однокамерный шлюз имеет длину камеры 149 метров и ширину около 17 метров. Осадка судов допустима до 2,134 метра в среднюю воду. Тяга судов будет производиться электрическими кабестанами.

Установленная мощность Волховской гидроэлектрической силовой станции равна 80 000 лошадиных сил (по 10 000 л. с. на каждый генератор). При больших колебаниях расхода воды в р. Волхове средняя годовая мощность может быть принята за 40 000 л. с. Приняв это, Ленинград будет в год получать энергии 240 000 000 киловатт-часов по цене в 2,28 коп. за каждый отпущенный киловатт-час. Теперь же стоимость 1 кВт.ч в Ленинграде около 20 коп. Разница серьезная, и работать стоит из-за нее.

Высота подпора воды плотиной равна 10,5 метра. Большой высоты нельзя было допустить, т. к. озеро Ильмень тогда вышло бы из берегов. Однако изыскания по Ильменю сейчас ведутся с целью выяснения возможности создания из Ильменя мощного

водохранилища-регулятора, чтобы, регулируя водоспусками в истоках р. Волхова расход последнего, достигнуть постоянной работы установленной мощностью (80 000 л. с.), а не средней (40 000 л. с.).

Расход же воды в Волхове крайне неравномерен: он колеблется от 100 до 2400 куб. метров в секунду.

Напряжение на борнах генераторов будет 11 000 вольт, трансформацией на станции это напряжение повышается до 110 000 вольт и отдается в линию передачи на Ленинград; понижающая подстанция в Ленинграде принимает напряжение в 100 000 вольт (10 000 утрачивается на преодоление сопротивления линии), это напряжение подстанция понижает до 35 000 вольт и в такой форме отдает ток на подстанции Ленинградской сети.

Полная стоимость Волховской гидроэлектрической силовой установки (от реки до потребителя) исчисляется в 54,8 млн. руб. (не считая стоимости шлюза).

На производство такого же количества энергии, сколько дает Волховская установка (240 млн. кВт.ч в год), паровым станциям потребовалось бы угля 20 000 000 пудов высшего качества, стоимостью около 7 000 000 руб. Для доставки такого количества угля из Донбасса потребуется в год 38 250 000 вагоно-верст.

Для сооружения Волховской установки и шлюза потребуется около 14 млн. рабочих дней, вынуть 750 000 куб. метров грунта, заготовить и употребить в дело 300 000 куб. метров камня, 200 000 куб. метров песка, 74 000 тонны цемента, 7500 тонн железа, 112 200 куб. метров леса, затем потребовалось различное вспомогательное оборудование (узкоколейки, суда, временные электрические станции, паровозы, экскаваторы, топливо и многое другое).

Цифры говорят без жалких слов за неимоверность и величие этой мировой работы. Открытие Волховской станции — это будет второе мировое событие после Октября 17 года в истории человечества за последние десять лет.

<19 декабря 1924 г.>

МЕТОД ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Есть два метода подхода к явлениям практики: формально-логический и диалектический. Если стоять на точке зрения формально-логического метода, то общественные работы — абсурд, деятельность без результата. В самом деле, налицо все антитехнические условия, требование примирения непримиримых по природе начал: безвестные, совершенно неквалифицированные рабочие массы, отсутствие в них элементов рабочей дисциплины, переменный состав рабочих, недостаток рабочего инструмента и инвентаря, крайняя срочность исполнения заданий (при их сложности), полная степень ответственности за качественную сторону сооружений, требование от техперсонала организационно-общественных навыков и некоторого минимума политического такта — с одной стороны, с другой — требование определенного хозяйственного противозасушливого (для мелиоративных работ) эффекта, что невозможно без органической увязки работ (мелиоративных) с землеустройством, тогда как ясно, что необходима некоторая традиция и история этого родства, чтобы сразу «вложить» сооружения именно в нужные места, а этого в Воронежской губернии не было; требование максимального эффекта продовольственной помощи пострадавшему населению, следовательно, организационные расходы следует сжать до минимума, одновременно перегрузив донельзя техперсонал, получающий содержание из организационной статьи расходов.

В условиях же советской действительности работы (их качество и необходимость) должны иметь и показное, образцовое значение для организации населения в нужном правительству направлении.

По этим причинам приказ об открытии общественных работ и их принципы внесли некоторое беспокойство в ряды технических работников.

Стала ясна необходимость найти общее правило поведения, основную ось организации и тактики, основной проект организации и действий, отличный от головной схематической логики, не ведущей никуда. Формальная логика — это вещь умная, но ум-то ее дурак (перефразируя известную поговорку о немце).

Нужен был другой подход к делу. И он был обнаружен в живой диалектике: перекрытии и заполнении всех ущербов и неувязок в принципах работ живой силой энергии людей и их организационно-техническим уменьем. Вопрос свелся к тому, сумеем ли мы противопоставить «враждебной» силе противоречивых принципов работ противодействующую ей и осиливающую ее живую силу организационно-технического аппарата, так, чтобы равнодействующая этих борющихся сил совпала с линией успеха. Вот в чем был вопрос. В мобилизации, в отборе мелиоративного персонала, в инструктировании, обучении, направлении его, во внимательном живом руководстве им, в непрестанном улучшении его, в искусстве чутя нужных людей и уменьи ставить каждого на свое место — и все это делалось с одним конечным расчетом: задавить, пересилить живой, энергичной, интеллектуальной силой труднейшие, противоречивые принципы работ и все же осуществить, назло формальной логики, все цели великих работ.

Вот в чем состоял, по-нашему, метод диалектики, этот метод борьбы, где враждующие силы рассчитываются не по «массе» и не по «весу» (это не небесная механика тяготения), а по качеству и «цене» этих сил, по динамике их взаимного относительного движения, по тому жизненному принципу, который применял еще В. И. Ленин: уменье предвидеть обстановку завтрашнего дня и предрешить ее сегодня посредством удара всей наличной живой силой в решающее место, перестановив силы противника этим ударом так, чтобы была возможна победа и на послезавтра. Это знаменитые «шажки» к социализму.

Такими же шажками надо двигаться и к успеху любого дела — большого и малого, применяя диалектический метод, единственно побеждающий любое сопряжение противоречий.

Диалектика, наверное, не жесткий закон, а руководство к правильной ориентации в любой обстановке, с тем, чтобы эта ориентация дала возможность занять наивыгоднейшее командное место. Диалектика потому не закон, что она чрезвычайно конкретна, она скорее искусство, потому что обладает живым духом, а не наполнена прахом формул; диалектика это универсальное средство минимумом живой силы сломить, победить и целесообразно организовать целые горы и пучины материи.

И если общественно-мелиоративные работы имеют в Воронежской губернии относительный успех, то этот успех выведен как результат из диалектического уравнения: с одной стороны

были обстановка недорода, переменная рабочая сила, ее неквалифицированность и пр. и пр., с другой — неспящий, всегда на подводах, увлеченный единой идеей технический персонал и поднятое им на дыбы в борьбе за жизнь и будущую прочную судьбу передовое крестьянство.

<Январь 1925 г.>

СТРАНА БЕДНЯКОВ

(Очерки Черноземной области)

Задолго до революции огромная область, включающая в себя Воронежскую, Тамбовскую, Курскую, Орловскую губернии целиком и частично Тульскую и Пензенскую губернии, уже нищала. Революция тут неповинна.

Область расположена в глубине континента, она страшно бедна естественными открытыми водоемами. Кроме Дона, главной водной артерии области, почти все реки заболочены и служат очагами малярийной заразы. Малярийная эпидемия — вечное бедствие области.

Гидрологическая бедность обусловила собою способ заселения области. Села расположились и разрослись в древних долинах рек — у природной воды. Огромное большинство населения живет в многодворных поселениях, где число дворов достигает 1000 и выше.

Стало быть, у большинства земледельцев такого селения земля отстоит от хозяйственной базы — двора за 5–10–20 и даже 30 верст. При таких «холостых» расстояниях прогрессивное земледелие совершенно невозможно. Возможно лишь некоторое мертвое статическое состояние — скудное прокормление, и то не год в год, что по отношению к общему темпу роста производительных сил страны представляет регресс.

Если земля от двора за 10–15 верст, то на ней может гнездиться только трехполье, самая дикая и экстенсивная форма земледелия.

Агрономически рациональные поселки не должны превышать 40–50 дворов. Стало быть, создание сети искусственных водоемов и источников, затем расселение крупных сел к этой искусственно добытой воде — путь к победе над бедностью. Область заселена пришельцами запада, западные ухватки они приложили на юго-востоке — и обеднели. На западе влаги избыток, у нас — нехватка. В этом, между прочим, решение загадки и типичного юго-востока.

Однообразный промысел области — хлебопашество при неустойчивых годовых осадках (то засуха, то хлеба преют от избытка влаги) — не выведет область из ее оскудения, даже если

земледелие будет хорошо поставлено и территория рационально организована.

Области нужна промышленность, компенсирующая ее нехватки в годы невзгод и стабилизирующая активную половину ее баланса.

Есть ли для развития промышленности в области благоприятные естественные и экономические условия? Да, они очень велики.

У нас есть агрономические руды — фосфориты. Огромные запасы. У нас есть цементные мергели, по химическому составу выше знаменитых новороссийских, причем, возможно, благодаря этому природному составу мергелей, даже кустарное производство цемента. Вблизи станции Подгорная ЮВЖД (Воронежская губерния) цементных мергелей залегают сотни миллионов тонн. Здесь возможно крупнейшее производство цемента, и он будет дешевле новороссийского и вольского цемента, потому что его производство будет ближе к промышленным центрам республики. У нас есть огнеупорные глины (знаменитая латнинская глина) и фарфоровые глины в Богучарском уезде. У нас возможно крупное сахарное производство, и к этому область уже переходит, с каждым годом увеличивая площадь свеклы и пуская старые заводы. У нас неисчислимо много добра в земле, запасенного про нас солнцем и веками.

Почва у нас хороша. Но то, что под почвой, еще лучше. Вот, занимаясь не только почвой, но и «подпочвой», найдя правильное, оптимальное соотношение между сельским хозяйством и промышленностью, можно не только вывести область из ее дикого, нищего, темного теперешнего состояния, но и пустить впереди бури растущих производительных сил республики.

Черноземная область как район возможной промышленности — еще малооткрытая страна. Но ясно, для фундамента ее роста и благополучия почва тонка, нужны недра. Почву у нас разъедают овраги, умерщвляет суховей (в область уже просунулся язык пустыни с юго-востока), застилают кислые болота и заевает слегка песок. Под действием таких противоположных активных сил природы находится у нас почва. Видно, какое крайне ненадежное дело заниматься сельским хозяйством, несмотря на одаренность почвы плодородием. Чтобы лишь немного сделать сельское хозяйство устойчивым, к нему надо прибавить массу техники и организации. Но было бы ошибкой стоять на одном сельском хозяйстве. Нужно развить местную областную промышленность, имеющую далеко не всегда областное значение.

Сочетание агрономии с геологией — вот в чем весь вопрос Черноземной области. Страна без промышленности — незамужняя жена. О восстановлении Черноземной области, о ее людях, об их душевной жизни, о том, чем дни они преодолевают, — в следующем очерке.

<Вторая половина 1925 г.>

О ДЕШЕВОМ ВОДНОМ ПУТИ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРАЯ

**(Экономическая и мелиорационно-техническая проблема
в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)**

Значение реке Дону и его главнейшим притокам как государственно важному водному пути первый придал Петр Великий.

Посредством донской системы водных путей он боролся с Азовом. В 1694 г. Петр I приехал в Воронеж (тогда это было небольшое поселение, состоящее из острога, посада, шести церквей и немногих жилых построек, в коих жили главным образом стрельцы и казаки; всего населения в городке было около пяти тысяч). Город Воронеж стоял на реке Вороне, притоке Дона, «что от великого затона днища два», т. е. г. Воронеж отстоял от Дона в двух днях пути, считая вверх по течению р. Вороны.

В Воронеже Петр задумал заложить судостроительную верфь для снаряжения похода на Азов. Вице-адмирал Крюйс, сотрудник Петра, писал: «Река Ворона у г. Воронежа не шире обыкновенного в городе канала, но так глубока, что восьмидесяти пушечным кораблям безопасно по ней плавать можно; того ради оное место правильно царем Петром Алексеевичем для корабельного строения избрано, к чему в близости имеющиеся леса великую способность подают и меньше иждивения требуют; а находятся там чрезвычайно прямые высокие дубы, буковые, березовые, липовые и сосновые деревья». «Здесь же,— продолжает Крюйс,— в 1696 году построен славный арсенал для хранения якорей, канатов, блоков и прочих корабельных припасов, подобный Амстердамскому морскому цейхгаузу, весь каменный, толщиной в основании своем 14 фут...»

После огромных затрат средств и труда судостроение в Воронеже наладилось. Суда были построены, спущены, отправлены на Азов и второй азовский поход кончился победой (во втором походе участвовали более крупные и боеспособные суда, построенные также в Воронеже).

Но и в те времена уже были мели на Дону и на Воронеже. После азовских походов приказано было пригнать 10 каторг изпод Азова в Воронеж. Стряпчий Хрущов доносит: «Те фуркаты (галеры) с мелей и из воды снимали многое время и ныне беспрестанно работаем, а освободить не можем... а достальных фуркатов в Азов согнать никоими мерами не возможно, потому что *на Дону реке мели великие*».

Эти затруднения судоходству вызвали в 1698 году два приказа Петра: «Реку Воронеж, где корабли строят, вниз до р. Дона и р. Дон до Азова осмотреть, и где в тех реках объявятся корчи, езовые перебои, завалы и заносы, то все повытаскать на берег, и нагнутые деревья ссечь, и водяной ход очистить, а по берегам для признака и прохода кораблям в полую воду вежи поставить тех городов, и сел, и деревень жителями, которые у тех рек живут в ближних местах, чтобы теми реками корабельному ходу никакой остановки не было, для чего послать трех человек дворян добрых, кого б с такое дело стало».

Здесь мы видим уже первый подход к «службе пути» и к регулировочным работам. Причем, регулировочные работы были Петром сознательно предпочтены подъемным кораблям датского капитана Петерсона, которые должны перевозить через мели и перекаты баркалоны и брандеры.

Любопытно отношение крестьянства к петровскому судостроению, поставленного этим делом в губительные, пропащие условия жизни: «Мы, холопы твои, и крестьянишки наши в те годы у твоего, великий государь, корабельного и бригантного дела и адмиралтейского двора строения во время пахотное, и жатвенное, и сенокосное в домишках своих не были и ныне по работе ж и за тою работою озимого и ярового хлеба в прошлом и нынешнем годах мы и крестьянишки наши не сеяли, и сеять некому и нечем, и за безлошадьем ехать неначем; а который у нашей братьи и крестьянишек наших старого припасу молочной и немолочной хлеб был, и тот хлеб служилые и работные люди, идучи на твою, великого государя, службу и на Воронеж на работу, много брали безденежно, а остальной волею Божью от мышей поеден без остатку, и многое нам и крестьянишкам нашим такие служилые и работные люди обиды и разоренье чинят».

Крупное судостроение Петра в Воронеже и придонских краях вызвало оживленную торговлю и заселение этих краев. Наряду с военным судостроением появилось коммерческое. Пришли дошлые люди (многие из них были раньше мастерами на петровских верфях), построили барки и лодки и начали возить на них соль, пеньку, хлеб и прочее. Жалкое судоходство поддерживается на Верхнем Дону и по сей день. Но Петр страшно извел могучие леса, обнажил почву, поверхностный сток воды ничем не поддерживался — реки начали засоряться, мелеть и заболачиваться. Появилась малярия, особенно она донимала пришлых московских людей — «великий им упадок живет, а болят и умирают

больше лихорадкой и пухнут»... «капитаны, командиры и поручики волею Божью чуть не все лежат больны».

Стало быть, отчасти в результате петровской деятельности появилась малярийная зараза и началось разрушение девственных рек. Этот процесс продолжается и поныне, геометрически возрастая в своей губительности. Поэтому на Верхнем Дону мы имеем сейчас судоходно-мелиорационную проблему.

Но настал ли час для ее решения? Да, и более счастливого часа для разрешения этой проблемы не дождешься. Мы не стремимся, конечно, в небольшой статье решить весь вопрос — мы только ставим его, чтобы в свое время решить его другими способами.

Сейчас в Центральночерноземной области происходят большие события: идет восстановление сельского хозяйства и перестановка его на новые пути. К сожалению, внимание широкой советской общественности к этому делу как-то мало приковано. Были времена — шло сплошное бумажное планирование, производились обследования, изыскания и расчеты; под белой бумагой часто не видно было живой зеленой земли.

Когда же будет настоящая работа?

Но вот проступила земля, бумага оползла от паводка весны великого строительства, на сцену выступили лопата мелиоративных работ, трактор, теодолит землестроителя, лошади, семена, свиньи, кирпичи, черепица — и вся эта публика шествует гораздо резвее, чем то предусмотрено, скажем, тремя пятилетними планами одинаковой ценности, составленными на одни и те же пять лет. Я этим не хочу сказать, что плановая метафизика (есть и такая) допускает потенциальную возможность пятнадцати лет в пяти годах или — трех различных длительностей в одной продолжительности равной этой длительности, или что Эйнштейн усовершенствован подлежащими ведомствами и время открыто как различные количества в одном качестве и т. д. Покончим об этом — восстановление сельского хозяйства уже реализует себя из бумаги и плана в жизнь. Этим оправданы и бумага, и планы.

Огромная масса и разнообразие восстановительных мероприятий трудна для понимания и усвоения даже свежей и молодой голове. Когда изучаешь план восстановления сельского хозяйства ЦЧ области, в нем все важно, все нужно до зарезу, но нет самого важного, самого большого, нет сукровицы, нет того значительного, после чего сельское хозяйство ЦЧ области сразу, ощутительно и очевидно поднялось бы, нет главного рычага и решения основной сельскохозяйственной проблемы края, нет ви-

димой тугой увязки с общей экономикой республики, нет, так сказать, сюжета: после всех препятствий как же и за кого выйдет замуж сельское хозяйство ЦЧ области? Нам думается, сельское хозяйство должно выйти замуж за промышленность, а брак их будет — торговля, обмен веществ, *а сват — дешевый водный путь.*

В феодальную эпоху Западной Европы, еще прежде развития рельсовой сети, водный транспорт сыграл там огромную роль для ускорения наступления эпохи торговли, ремесел и промышленности. Водные пути сообщений и теперь в Западной Европе имеют большое значение, поставлены образцово и мирно живут с рельсами и автомобилями.

У нас в Республике (да и во всем Союзе) почти все реки в диком состоянии — их использование ограничивается водопоем и рыбной ловлей. А между тем, использование реки как водного пути обходится в 4–5 раз дешевле, чем рельсовый транспорт, и эти данные — для русских условий, — упорядоченные реки дадут гораздо большую разницу в пользу рек. При работах по судоходному упорядочению рек как побочный эффект получается еще и санитарное улучшение прилегающего района. А это само по себе гигантское дело. Например, в г. Воронеже, да и во всей почти Воронежской губернии, эпидемия малярии приняла неслыханные размеры, малярийный комар встречается повсеместно, и на суходолах, и от него нет спасения. На приобретение одного хинина населением тратится в год такая большая сумма, что примерно пятилетний ее расход равняется сметной стоимости всех работ по коренному санитарно-гидротехническому оздоровлению края.

Мы поднимаем старую для Черноземного края проблему улучшения судоходных условий Верхнего Дона и его главных притоков и связанное с этим улучшение судоходных условий Среднего Дона. Нам нужно это для того, чтобы организовать самый дешевый из всех возможных транспорт экспортного хлеба из ЦЧО в порты Азовского и Черного моря. Нам нужно это, чтобы дешево ввозить в область топливо из Донбасса, которым ЦЧО до крайности обездолена, и чтобы оживить наконец товарооборот внутри самой ЦЧ области — той значительной части ее, которую будет обслуживать судоходная Верхне-Донская водная система.

Момент для такой работы — неповторимый: идет восстановление сельского хозяйства области. Если за счет средств восстановления устроить дешевый вывоз хлеба из области, дешевый ввоз топлива, металла и промышленных изделий с юга, дешевый

транзит леса с севера на юг, то разве это не будет решающим, основным и необходимейшим мероприятием и самым эффективным и рентабельным использованием средств восстановления? Построив дешевый водный путь, мы завоюем для области (или значительной части ее) рынки севера и юга, станем на основные линии экономики Союза, выйдем из захолустья провинции на арену союзной экономической жизни. Дешевый экспорт хлеба, т. е. иметь, скажем, в Ростовском порту вместо каждых 4 коп. только 1 коп. транспортных расходов на пуд хлеба — ведь это может иметь, без всякого преувеличения, решающее значение в нашей внешней торговле и внешней, стало быть, политике. Вот в чем дело, а не в малом. Только тогда минует область то чисто русское явление, что и недород — вред, и с урожаем семь бед.

Мы не Волго-Донской канал проектируем и не Днепрострой (хотя мы за них), где пахнет сотнями миллионов. Мы берем не фантастическую задачу, а немедленно выполнимую — за четыре года, данные на восстановление сельского хозяйства области, и в пределах отпущенных средств.

По подсчетам инженера Легуна (1909 г.) на упорядочение русла Верхнего и Среднего Дона требуется 3764 тыс. руб. Беря средний поправочный коэффициент 2,0, для нашего времени получим 7528 тыс. руб.

Делая вторую поправку на совершенство техники землечерпания (Легун имел 1909 г.), на изменение техники и организации производства работ (против предложенной Легуном) и, наконец, на советские условия работы (возможность сочетать на береговых полосах интересы сельского хозяйства с интересами реки как судоходного пути без капитальных затрат на это вначале и с облегчением эксплуатационных расходов в дальнейшем), мы получим единовременных капитальных затрат около 5 млн. рублей. Прибавляя $2\frac{1}{2}$ млн. руб. на главнейшие притоки Верхнего Дона, которые также надо отрегулировать в судоходном (и — косвенно — мелиоративном) отношении и приобщить к Верхнему Дону, мы получим сумму общих затрат в $7\frac{1}{2}$ млн. руб. Если эти последние $2\frac{1}{2}$ млн. руб. отнести на местные бюджеты и на средства заинтересованных ведомств и населения, то за счет госбюджетной части средств восстановления ЦЧО нужно отнести 5 млн. руб. (скажем, стоимость регулирования самого Дона в верхней и средней частях), или по 1250 тыс. руб. в год. Это чрезвычайно немного (на 1925–6 операционный год на одну Воронежскую губернию — около $\frac{1}{4}$ ЦЧО — отпущено на восстановление сельского хозяйства около 6 млн. руб.). Стало быть, мы предлагаем

провести эту работу за счет правительственных ассигнований на восстановление сельского хозяйства ЦЧО — за счет некоторого уменьшения госбюджетной части финансирования агрикультурных, землеустроительных и мелиоративно-строительных мероприятий. Это — один выход, наиболее тяжелый, наименее приемлемый для той же ЦЧО, несмотря на все блестящие перспективы Черноземно-Черноморского водного пути.

Но если поставить перед правительством вопрос об улучшении судоходных условий Верхнего и Среднего Дона во всей его широте и огромном экономическом значении, то, может быть, правительство отпустит средства дополнительно, сверх ассигнований и кредитов на восстановление сельского хозяйства, ибо в этом вопросе скрыт ключ к мощному хозяйственному расцвету края, *в этом вопросе лежит волшебный рычаг, которым можно повернуть в сторону социализма всю экономику области, если будет найдена точка опоры для этого рычага — средства.*

Некоторые люди прочтут это и улыбнутся: режим экономии. Режим экономии есть порядок благоприятствования устройству нужных дел и расстройство дел ненужных, поэтому средства для Верхнего Дона потенциально (а, может, и реально) уже существуют: это дело нужное, направленное для экономии средств государства и мужика.

В заключение, мы предлагаем организовать, ввиду важности вопроса, в особой комиссии по ЦЧО при Госплане подкомиссию, или бюро, или группу специалистов, или еще что для полной, всесторонней и срочной проработки этого вопроса, чтобы его можно было уже в чистом виде вносить на рассмотрение куда следует и как следует.

<Первая половина 1926 г.>

О БОРЬБЕ С ОПОЛЗНЯМИ В КРЫМУ И В ПРОЧИХ МЕСТАХ

Обилие осадков главным образом, отчасти — природа почвы, подпочвы и общего гидрогеологического строения южного побережья Крыма, некоторых мест Днепра и Волги и других мест создают условия для сползания верхних частей материка, разрушая искусственные сооружения человека на этих территориях.

На бывшем в феврале этого года Всероссийском мелиоративном совещании вопрос о технической борьбе с оползнями ставился, но ставился глухо и в таком пессимистическом разрезе, что не всякая природная стихия победима современными средствами человека. Это не совсем так, конечно, но верно, что выдвигаемые технические мероприятия для предупреждения оползней слишком дороги, сложны и не гарантируют полного успеха. Это несомненно.

Однако разрушение государственного имущества на десятки миллионов рублей требует решительной, срочной и радикальной борьбы с оползнями.

Теперешняя техническая борьба сводится, главным образом, к дренажу — удалению грунтовых вод из земляных массивов, кандидатов в оползни. Ведь в общем виде оползень представляет из себя творогообразный массив, переполненный влагой (все поры и капилляры заполнены ею сплошь), ползущий по наклонной плоскости водоупора. Вся суть в том, чтобы не дать определенному массиву, могущему, по внешним признакам (легко устанавливаемым), стать оползнем, дойти до творогообразного состояния — насытиться до предела влагой, до полного вытеснения ею воздуха по всему разрезу массива, от верхнего слоя почвы до водоупора. Причем общее смещение (оползание) массива наступает тогда, когда массив насыщен влагой и переведен ею в вязкое состояние до самой границы водоупора, подстилающего данный оползень.

Наше предложение сводится к тому, чтобы не допустить предельного насыщения влагой массива, могущего сместиться; чтобы, стало быть, не довести достаточно сухую, крепкую и устойчивую массу до вязкого, творогообразного, «ползучего» состояния.

Для этого надо суметь не пустить в земляную массу воду — не дать просочиться вниз, вглубь земляного массива выпадающим осадкам, спуская их поверхностным стоком.

Предупредить проникновение влаги можно, если заранее заместить поры и капилляры массива воздухом достаточного давления. Воздух и вода, как известно, антагонисты. Но не нужно задаваться целью весь массив, могущий сползти, насытить сжатым воздухом. Это трудно, и нет в этом необходимости. Достаточно создать в массиве сеть оазисов — зон сжатого воздуха, причем особенно важно, чтобы главная масса сжатого воздуха в каждой зоне приходилась возможно ближе к водоупору. Этого легко достигнуть.

На территории массива, могущего сместиться, делаются несколько единиц (или несколько десятков — смотря по размерам площади и общему характеру массива) скважин, доходящих до водоупора. Эти скважины очень малого диаметра. В скважины вставляются трубки диаметром, примерно, в один дюйм, открытым концом эта труба доходит до водоупора. В трубках имеется несколько отверстий (к нижнему концу, к водоупору их больше, кверху меньше). Воздух проходит и в нижнее отверстие трубы и в дырочки, просверленные в ней. Площадь оползня, скажем, квадратный километр. На этой площади сделано, примерно, 12 таких скважин, и в них вставлены дюймовые трубы. К верхним, надземным концам труб подходит питательная труба (также диаметром в дюйм). По этой трубе подается во все скважины воздух.

Скважины должны располагаться поперек падения площади оползня, в шахматном, примерно, порядке, ближе к наименьшим по высоте над уровнем моря точкам оползня. Для снабжения сжатым воздухом скважин имеется нагнетательный (лучше поршневой) воздушный насос и двигатель. Смотря по местным условиям, двигатель этот может быть электрический, нефтяной или водяное колесо на небольшом ручье. Центральная установка для снабжения скважин сжатым воздухом чрезвычайно скромная вещь. Воздух нужен в 2–6 атмосфер давления (смотря по массиву оползня, длине воздухопроводов, глубине скважин и пр.). Для снабжения воздухом воздушных зон в оползне нужно подать воздух один раз, а затем поддерживать лишь убыль воздуха (сравнительно незначительную величину).

Двигатель нужен всего в 1–4 лошадиные силы. Установка легко будет работать автоматически, без всякого присмотра и обслуживания. Особенно если она будет в виде водяного колеса или турбинки и маленького воздушного насоса.

По моим подсчетам, стоимость предохранения от оползания одного квадратного километра поверхности будет, примерно, равна 6 или 8 тысячам рублей единовременных затрат. Эксплуа-

тационные же расходы выражаются десятками рублей в год. При больших площадях стоимость квадратной версты будет, конечно, ниже. Но эти цифры будут очень сильно колебаться в каждом отдельном случае.

Легко понять, что если мы имеем на квадратной версте 10 скважин — 10 воздушных зон, то наличие сжатого воздуха (в форме конуса, основанием на водоупоре) не позволит проникнуть влаге вглубь массива, где будет этот воздух (около скважин, особенно нижних концов их). Воздушные зоны, даже при редкой сети скважин, могут быть очень значительны и занимать до половины объема всего массива, считая воздушную часть его полного объема за единицу. Но это трудно предугадать теоретически.

Весь массив не может превратиться от избытка влаги в тесто и не может сместиться: он держится, как на ногах, на тех частях своих, поры которых переполнены сжатым воздухом и не позволяют войти туда воде.

Таким образом, весь оползневый массив покоится на конусообразных «воздушных» устоях и никогда, пока действует воздушная система и целы скважины, не сможет поползти.

Я был бы рад если бы возможно было сделать опыты в Крыму с предлагаемой мною системой. Я сознаю, что в предложенном мною способе много спорного и неясного, но в журнальной заметке многого не скажешь, в правильности же такой идеи борьбы с оползнями я убежден абсолютно.

<Середина 1926 г.>

Р. С. С. Р.

Действительно по „ „ „ „ 1926 г.

ВОРОНЕЖСКОЕ
Губернское Земельное

УПРАВЛЕНИЕ

Губземуправление

Администр. Служб. Б/УГДЕМ

*Оклад № 11 от 1926 г.
№ 6490*

Вид орд. № 135

Удостоверение.

Пастышное удостоверение дано Блаженному / Св. Димитрия
Уму, Мисирю, Мисирю, Мисирю
в том, что он действительно командует в Воронежском Губзем-
управлении в Мисирю, Мисирю, Мисирю
Мисирю, Мисирю

Губземуправление обращается с просьбой ко всем учреждениям,
должностным лицам, Родным и Сельсоветам, оказывать т.

Мисирю, Мисирю ... и. какое содействие как и пути
его следования, так и при выполнении возложенных на него поучений.

Срок командировки ...

Срок командировки ...

Срок командировки ...

Зав. Отделом *Мисирю, Мисирю*

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОРОШЕНИЕ ПОЧВЫ

Почва обладает энергией всасывать в себя воду. Это известно сравнительно давно.

Но только недавно преподавателем Ленинградского университета В. Г. Корневым была сделана удачная попытка использовать это открытие для практического земледелия. Именно, его система автоматического самоорошения почвы представляет почти совершенную конструкцию, с точки зрения техники и целесообразности. Пользуясь этой системой, нельзя засолить почву, влага не теряется на испарение, потребление воды регулируется самим растением и почвой (в случае избыточности осадков вода автоматически отдается в систему, которая начинает действовать как дренаж) и т. д. Система действует совершенно автоматически, точно и надежно, — раз запрограммированная, она почти не требует надзора.

Налицо высокое и остроумное произведение техники. Если бы не дороговизна некоторых частей этой системы (керамиковые трубы), она бы нашла широчайшее применение, в первую очередь, конечно, в садовых и интенсивных культурах, а затем и в полях нашего засушливого юго-востока. Правда, в системе есть один неустраняемый недостаток: ограниченная высота всасывания воды, достигающая в лучшем случае трех саженей; этот предел потребует дополнительного механического подъема воды или гидротехнических сооружений, что удорожит устройство орошения по системе В. Г. Корнева. Экспериментальная проверка В. Г. Корневым своего изобретения дала вполне удовлетворительные результаты (см. его работу в «Трудах Государственного института сельскохозяйственных мелиораций — 1925 г.»).

Существует общее научное положение, что наиболее полное, объективное и точное познание явления природы дает и наиболее целесообразный и совершенный метод его использования в хозяйственной практике человека. Оно применимо и для данного случая.

Чрезвычайно хорошо начав разбираться в сокровенной природе явления всасывания влаги почвой, В. Г. Корнев, по моему мнению, все же не дошел до конца и остановился на точке зрения почвоведов.

Занимаясь с 1922 г. почти аналогичной работой (изысканием рационального способа орошения, применимого на крестьянских полях), произведя уже некоторые исследования и опыты в этом направлении, я хочу дополнить работу В. Г. Корнева.

В. Г. Корнев установил и блестящими опытами подтвердил самое наличие в природе жизненной всасывающей энергии почвы. Кроме того, он же дал математические выражения этой энергии и ее зависимость от других факторов.

Самые же причины этой энергии остались, видимо, скрытыми. Из чтения его работы эти причины не выясняются.

В своей четырехлетней работе по этому же предмету я дошел до следующих результатов.

В почве вода присутствует в двух состояниях: пленочном и капельно-жидком (это установлено уже многими исследователями). Проявляя свою «всасывающую энергию», почва забирает влагу извне в себя и этой же энергией старается удержать ее.

Но что такое всасывающая влагу энергия почвы?

Поверхность земли, т. е. почва в первую очередь, имеет электрический заряд отрицательного знака (работы Пельтье-Экснер и мн. др.). Это означает присутствие в почве отрицательных электронов, чрезвычайно энергичных на стягивание вокруг себя паров влаги. Присутствием же в атмосфере отрицательных и положительных электронов (последние на влагу менее энергичны) и объясняется образование гидравлических метеоров (облака, туман, росы, тучи). Так учит молодая наука — электрометеорология.

Почва, стало быть, имеет скопления отрицательных электронов. Причем, эти электроны, будучи наведенными в почву силами космического порядка, курсируют в молекулах и частицах почвы в свободном состоянии — не связанными с материей. Отрицательные электроны могут появиться в почве также и в результате почвенных процессов. Вероятно, в природе имеются налицо обе причины появления отрицательных электронов в почве — и космическая, и почвенно-внутренняя.

Кроме этих «свободных» электронов, в почве, как и во всякой материи, имеются отрицательные электроны, связанные с материей, составляющие неотрывный элемент ее существа, — это те отрицательные электроны, которые входят в структуру всякого атома. Но все же и эти связанные с атомом электроны обладают свойством электронов свободных — сгущать вокруг себя пары влаги.

Пленочная влага в почве, тончайшим слоем (пленкой) обтягивающая мельчайшие пылинки почвы, образуетея силой отри-

цательных (в меньшей степени, положительных) электронов, входящих в состав атомов. Поэтому-то пленочная влага и теряет почти все свойства свободной воды — она не участвует в растворении солей в почве, теряет собственную тяжесть, не испаряется, не фильтруется, не замерзает при низких температурах,— она составляет как бы структурную принадлежность атомов и молекул почвы.

Отрицательные электроны, входящие в структуру атомов почвы, образуют пленочную влагу. Эта пленочная влага практически в сельском хозяйстве никак не может быть использована.

Но, кроме пленочной, в почве находится еще влага в капельно-жидком состоянии — всосанная в почву отрицательными электронами, находящимися в свободном, а не структурно-атомном состоянии, которые циркулируют и скапливаются в почве по другим причинам и по своим законам.

Эти свободные отрицательные электроны в почве и есть причина всасывающей силы почвы. Они образуют в почве влагу в капельно-жидком состоянии, которая остается водой и не теряет своих свойств воды, а, следовательно, может быть использована в сельскохозяйственных целях.

Произведенные мною в 1924 г. небольшие и недостаточно оборудованные опыты вполне все же подтвердили правильность изложенного объяснения явления.

Я поставил следующие опыты.— На делянке площадью около 4 кв. саженей был посеян овес. Такая же и в одинаковых условиях была устроена контрольная делянка. Лужеными (чтобы не было окисления) концами медных волосков я соединил корневые системы растений в пяти местах опытной делянки (по углам ее и в середине) с электрическим проводом. Подопытная делянка была изолирована от окружающей растительной среды канавкой в полметра глубины, которая отчасти дренировала опытную делянку и тем ухудшала ее водный режим, по сравнению с контрольной делянкой. Соединяя волоски провода непосредственно с корневыми разветвлениями растений, я хотел обеспечить лучшую электропроводность и лучшее насыщение отрицательным электричеством корнеобитаемой почвы, т. к. вся корневая масса представляла собою неплохой проводник. Но, по моим предположениям, можно ток пускать прямо в почву, и результаты будут едва ли хуже (нужно лишь соответствующее напряжение), а, может быть, и лучше. Это покажут только будущие опыты.

В провод я пускал только отрицательный ток (источник был постоянного тока), положительный же заряд испускал через мачту в атмосферу. На вершине мачты имелся медный полый шар с припаянными к его лицевой стороне длинными острями, через которые и уходило в атмосферу электричество положительного знака. Такое же количество отрицательного электричества попало в корневые системы растений и в корнеобитаемый слой почвы.

Не имея приборов и возможности поэтому фиксировать количество тока, его увлажняющий эффект в почве и пр., я все же добился некоторых положительных результатов, которые позволяют сделать следующие обобщения:

1) Почва подопытной делянки имела влаги больше по сравнению с контрольной делянкой: простейшим выпариванием одинаковых объемных частей почвы с опытной и контрольной делянок установлено, что в пробе почвы опытной делянки влаги было больше на 6%.

2) Вероятно, были побочные небольшие положительные действия отрицательного тока на физиологию растений, кроме лучшего увлажнения почвы,— это сказалось на более свежем и пышном виде опытной делянки.

3) Вес твердой массы валового урожая с опытной делянки превысил контрольную на 8%.

4) Недостаточное напряжение тока (около 400 вольт) и кустарная обстановка опытов не позволяют сделать больших обобщений, а сделанные можно считать лишь условными. Но гипотеза электронного увлажнения почвы все же подтвердилась действительностью, а это и было важно.

В дальнейшем необходимо повторение опытов в совершенной научной обстановке, тем более, что затраты на них потребуются незначительные.

Система электрического орошения почвы, как видно из описания опыта, заключается в снабжении почвы отрицательными электронами, на что требуется чрезвычайно незначительная мощность тока.

Система действует потому, что отрицательные электроны, насыщая почву, стягивают к себе влагу и производят эффект «всасывания» воды почвой.

Для электрического орошения больших площадей полевых культур вся система имеет следующий вид.

Необходим источник постоянного тока — небольшая электроустановка или динамо-машина, сцепленная с каким-либо уже

имеющимся двигателем. На каждые 100 десятин нужна, примерно, одна лошадиная сила. При больших массивах потребная мощность на единицу площади, конечно, уменьшится. Наилучшее напряжение, количество тока и время подачи его для каждого вида растения и почвы могут установить только опыты. Такая небольшая электроустановка должна быть снабжена мачтой и излучателем положительного тока в атмосферу (или в другое место, избегая лишь возможности соединения положительных и отрицательных электронов). На поле идет общий магистральный провод, от которого ответвляются питательные провода. Число этих ответвлений (зависимое от орошаемой площади, вида сельскохозяйственной культуры, корневой массы, желательного водного режима и пр.) должны установить также опыты.

Лучше, если установка будет гидравлическая или ветряная, тогда можно обойтись без всякого специального персонала, а подачу тока могут регулировать из села сами крестьяне или с агрономического или с метеорологического пункта.

Если есть уже в районе электростанция, то тем проще будет все дело — нужно только дополнительное устройство на ней для выработки тока того качества, который нужен для орошения.

Электрическое орошение, по моим приблизительным подсчетам, стоит 20–30 р. на десятину, при орошении до 100 десятин. Орошение массивов свыше 100 десятин должно обходиться от 20 до 5 р. на десятину и ниже в некоторых случаях. Но эти цифры относительны и могут сильно колебаться в зависимости от площади, рода почвы, культур, организации землепользования — всей конкретной обстановки и искусства технического исполнителя орошения.

Электрическое орошение не отнимает полезных площадей под сооружения, делает немислимым засоление почвы, позволяет держать влагу в почве в оптимально возможном количестве для каждого вида почвы и растения, обладает исключительной простотой и ясностью устройства и обслуживания и пр.

При условии дальнейшей разработки электрического способа орошения, оно может стать самым действительным оружием борьбы с засухой, какого еще никогда не имел в своих руках крестьянин. Притом, это орошение применимо в современном крестьянском хозяйстве и требует от крестьянства лишь согласованности в пользовании источником тока и кооперации средств и труда для постройки системы. По предварительным цифрам, данным выше, устройство электрического орошения вполне доступно середняку и даже бедняку-крестьянину.

Действительность электрического орошения вполне гарантирована. Ведь мы тут последовательно копируем природу — делаем в почве буквально то же, что делает там и природа, лишь искусственно стимулируя и интенсифицируя наличные благодетельные силы природы. Как происходят облака и тучи в атмосфере, как получаются капельно-жидкие образования в почве, таким же путем идем и мы, лишь уснащая почву усиленной пропорцией отрицательных электронов и получая поэтому более сильный эффект всасывания почвой паров влаги в себя. В почве уже есть более или менее редкая «туча» влаги — мы делаем ее густой, обильной и «дождливой».

Откуда же будет приходиться влага в почву после добавочного (против природной нормы) насыщения ее отрицательными электронами? —

Влага почвой будет усиленное всасываться *из подпочвы; отработанная и испаряемая* растением влага будет частично обратно *втягиваться в почву*, поступая *во второй полезный оборот*; обтекающие дневную поверхность почвы пары влаги разного происхождения, а также утренние и всякие иные конденсаты влаги будут также вовлекаться в почву; наконец, поступившие осадки сильнейшим образом будут замедлены в своей фильтрации под почву и в испарении, поступая, главным образом, в полезный оборот растения, а также образуя некоторый запас влаги на будущее, сцементированный электронами.

Электрическое орошение соберет влагу по крохам отовсюду, и растение будет сыто.

Электрификация же страны получит нового, очень выгодного в смысле загрузки станций в летнее время, достаточно емкого и неожиданного потребителя.

<1926>

ОБ УЛУЧШЕНИЯХ КЛИМАТА

За последние годы в газетах часто появляются статьи о проектах улучшений климатов, главным образом американских инженеров. Особенно интересен был проект повышения средней годовой температуры полуострова Лабрадора и, кажется, острова Ньюфаундленда. Существо проекта сводилось к преграждению определенного холодного океанического течения и к одновременному отклонению в нужном направлении теплого посредством сооружения гигантской плотины в проливе между полуостровом Лабрадором и островом Ньюфаундлендом (за точность не ручаюсь, да для нас она здесь не важна).

Проекты такого порядка вызывают до сих пор шум и удивление в мировой прессе, изумляются даже эпохе, в которую рождаются такие мысли. Но такие мысли вспыхивают уже давно и в Советской России (нам приходилось еще пять и три года назад освещать в провинциальной прессе вопрос о возможности и необходимости улучшения климата восточной Сибири).

Мысли вообще приходят раньше, чем они станут технически осуществимы и экономически рентабельны. И это очень хорошо — в этом одна из причин исторического успеха человека.

По нашим соображениям и расчетам — настало время и технической возможности, и экономической целесообразности работ по улучшениям климатов, так сказать климатических мелиораций.

Вопросы о климатических улучшениях заключаются в искусственном регулировании атмосферы и гидросферы. Американские инженеры решили его для указанного случая в плоскости гидросферы. Но могут быть «атмосферные» решения вопросов и смешанные решения — дело в конкретной обстановке задания. Гидросфера имеет свой строго определенный, точный, закономерный динамический механизм (реки, морские и океанические течения, грунтовые и артезианские воды, сгущения паров в воздухе — влагооборот вообще). Этот механизм сам по себе реконструируется только с течением веков. Атмосфера теснейшим образом связана с гидросферой и находится с последней в функциональной связи.

Атмосфера также имеет свой динамический, движущийся, живущий и работающий активнейший механизм, т. е. перемеще-

ние газовых масс, закономерный, строго определенный цикл потоков, ясно очерченный в пространстве и времени.

Рельеф земной поверхности представляет собою сопротивление атмосферным потокам, благодаря которому атмосферные потоки — ветры — изменяются так или иначе, т. е. отклоняются от первоначального направления, дробятся, рассеиваются, осаживаются и пр.

Стало быть, климат есть в значительной степени функция «количества» и «качества» атмосферных потоков данной области. Установить это для нас очень важно: вся техника климатических улучшений будет основана либо на реконструкции рельефа (если нужно влиять на атмосферу), либо на гидротехнических сооружениях (если нужно влиять на гидросферу), либо на том и на другом одновременно.

Выяснив зависимость воздушных течений от рельефа страны, можно найти соотношение между климатом этой страны и рельефом ее местности (а также и рельефом сопредельных стран, вообще говоря — рельефом всего земного шара).

Следовательно, перестраивая естественный рельеф, мы можем влиять на климат в нужную нам сторону (везде, понятно, нами разумеется такой рельеф, как горные системы, а не микрорельеф).

Так же, как гидротехники строят плотины, водоспуски и шлюзы для водных потоков, задерживают их, отклоняют, спрямляют, роют искусственные каналы, производят дноуглубительные работы,— так же можно поступать и с воздушными реками: их можно прудить, канализировать, изменять направление, спрямлять и пр. Но методы работы тут несколько иные, чем в гидротехнике. Методы работ по улучшению климата посредством перестройки рельефа должны быть основаны на применении взрывчатых веществ. Но этого мало: только применение жидкого кислорода в качестве взрывчатого вещества (в 2–3 раза сильнее динамита) с его портативностью, абсолютной безопасностью в транспорте, сравнительной дешевизной (которая все прогрессирует) в корне решит великий вопрос об утеплении стран. Взрывной способ производства работ плюс механизация извлечения и транспортировки разрыхленного материала и отделка профилей — вот в чем способы климатических работ.

Я подсчитал (грубо, конечно), что, чтобы разморозить восточную часть Сибири, нужно два золотых миллиарда рублей. Это немного. Это экономически рентабельно.

Работа заключается в канализации теплых течений в Сибирь через горные массивы и такой же канализации холодных пото-

ков с ледяной пылью из Сибири в пустыню Гоби, где есть места, где никогда не бывает и не было осадков: растаявшая ледяная пыль даст пустыне облака и дождь, впервые от сотворения мира. В Китае можно сделать влажный умеренный климат с преобладанием к теплomu, взамен знойно-пустынного, в Сибири — умеренный, западноевропейский, примерно как в Германии.

Через горные массивы, отрезавшие Сибирь от юга вечной стеной, должны быть прорваны каналы — для воздушных рек в Сибирь с юга и с востока — из Китая и с Тихого океана. Трассы таких каналов должны, конечно, совпадать с линией преобладающих теплых течений, которые сейчас поворачивают в сторону, упираясь в стены гор.

Чтобы разжевать поперек горные массивы и вычистить этот образованный взрывной работой хаос горных пород, чтобы образовались каналы для воздуха (географически точно расположенные, связанные с динамикой атмосферы), для этого нужно два миллиарда. Панамский канал обошелся в 750 миллионов рублей.

Ведь географически открыть страну еще немного значит. Подготовить же ее для человеческого хозяйства и человеческой обители — все. Утепление климата прежде всего несет великие возможности для сельского хозяйства — удлинение вегетационного периода, разведение более ценных культур, более быстрое образование ценных почв, улучшение скотоводства и многое другое. Облегчится вся социальная жизнь, облегчится в сотни раз общая эксплуатация естественных богатств страны. Весь органический мир усовершенствуется с утеплением климата — огромная энергия, отнимаемая у жизни холодом, возвратится жизни и пойдет на ее собственное развитие и укрепление.

Усовершенствуется и человек, раз зацветет его хозяйство, раз будет устранен один из основных врагов жизни — холод. Возможности тут пока не поддаются никакому учету и граничат с фантастикой.

Размороженная Сибирь! Теплая страна на берегу Ледовитого океана! Это должно стать лозунгом Советского Союза, страны великого напора на историю и природу, страны хронических великих работ.

Мы должны распространить человечество по всему земному шару, сделав последний равноценным и удобным от полюсов до тропиков.

Человек не только Колумб, но и слесарь своей планеты.

<1923, 1926>

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

- ГАВО* — Государственный архив Воронежской области (Воронеж).
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва).
СА — Семейный архив — архив М. А. Платоновой (Москва).
ЦДНИ ВО — Центр документации новейшей истории Воронежской области.

ПЕЧАТНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Антонова* — А. Платонов в «Красной деревне» и «Воронежской коммуне» 1920—1921 гг. К атрибуции статей писателя. Публикация Е. Антоновой // *Страна философов*, 1999.
- Вор. ком.* — газ. «Воронежская коммуна». Воронеж, 1920—1926.
- Воспоминания* — Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. М., 1994.
- ГГ* — Платонов А. Голубая глубина. Краснодар, 1922.
- ЕШ* — Платонов А. Епифанские шлюзы. М., 1927.
- Жел путь* — журн. «Железный путь». Воронеж, 1919, 1923.
- Живя главной жизнью* — ...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Журн. «Волга». Саратов, 1975, № 9.
- Записные книжки* — Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
- Кр. дер.* — газ. «Красная деревня». Воронеж, 1920—1921.
- Кр. новь* — журн. «Красная новь». М., 1921—1942.

Ласунский — Ласунский О. Житель родного города. Воронеж, 1999.

Страна философов, 1999, 2000, 2003 — «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3—5. М., 1999—2003.

Субботин — А. Платонов и Государственное издательство РСФСР в 1921—1922 годах. Публикация С. Субботина // *Страна философов, 1999.*

СТАТЬИ. 1918—1926

Публицистическое наследие воронежского периода жизни Платонова огромно по своему объему. В настоящий том вошло не более половины статей, опубликованных Платоновым на страницах местных газет и журналов. Тексты расположены в хронологическом порядке, поскольку именно в такой последовательности они представляют естественную динамичную картину приоритетных интересов Платонова в те или иные моменты его жизни.

Наибольшее число статей Платонова было опубликовано в 1920 г. в изданиях, руководимых Г. Литвиным-Молотовым. Это — в основной массе газетные передовицы, посвященные положению на фронтах, первым достижениям международной политики Советской России и другим актуальным событиям того времени. Выступления Платонова-публициста зачастую отталкиваются от публикаций центральной прессы и пропагандируют ее идеи (см.: Антонова, с. 463—475). Он также печатает теоретико-философские статьи о смысле истории и ее дальнейшем ходе после революции 1917 г., эссе о культуре и религии, рецензии и т. п. (Об идейных контекстах статей Платонова см. в общей преамбуле — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 484—492.) Именно с 1920 г. в публицистике Платонова все более набирает силу одна из универсальных тем его творчества — тема электрификации.

В мае 1921 г., после отсылки в Госиздат сборников стихов и прозы, Платонов направил туда же и сборник статей под названием «Думы коммуниста», который не был допущен к изданию (см. внутреннюю рецензию на сборник: Субботин, с. 445—448).

В первой половине 1921 г., после ухода Литвина-Молотова с руководящих должностей в местной печати, Платонов какое-то время публикует статьи, касающиеся преимущественно работы воронежских железнодорожных мастерских, однако с началом катастрофической засухи обретает новую тему, для обозначения которой подбирает название «гидрофикация». Впервые этот термин обнаруживается в статье Платонова «Воспитание коммунистов (1 детская школа-клуб Горнаробраза)» (*Вор. ком.*, 1921, 12 июля, № 151, с. 2). Известно также, что еще до появления печатных публикаций Платонов 15 июня выступил с докладом о гидрофикации в клубе журналистов «Железное перо» (см.: Там же, 1921, 14 июня, № 128, с. 4). По объяснению самого Платонова, неологизм «гидрофикация» являлся всего лишь «более коммунистическим» назва-

нием ирригации (*Платонов А. Против зноя // Там же, 1921, 27 июля, № 165, с. 2*), при этом понятно, что явная параллель с «электрификацией» была здесь совсем не случайна. Платонов определенно предполагал, что необходимость борьбы с засухой приведет к появлению плана гидрофикационных мероприятий не менее масштабного, чем план ГОЭЛРО. Собственно говоря, Платонов как раз и приступил к самостоятельной разработке такого плана, будучи в достаточной степени уверенным, что его инициатива не может не получить правительственной поддержки. С середины лета 1921 г. до начала 1922 г. Платонов регулярно публикует статьи, посвященные теме гидрофикации, в которых знакомит читателей с деталями предстоящей работы, сначала не скрывая упования на скорую организацию центрального московского «штаба» по проведению задуманных мероприятий, позднее — призывая к созданию подобной организации хотя бы в Воронежской губернии.

Установлено, что еще летом 1921 г. Платонов обращался за помощью в организации борьбы с засухой в газету «Известия». Выбор адресата был обусловлен тем, что, начиная с июля месяца, на страницах «Известий» обозревались практические способы преодоления засухи (см. рубрику «О борьбе с голодом»: *Беляков А. Поливные огороды // Газ. «Известия», 1921, 22 июля, № 159, с. 1; Он же. Ирригационные работы на Кавказе // Там же, 1921, 15 июля, № 153, с. 1 и др.*). О письме Платонова стало известно благодаря тому, что подобные публикации вызывали критику, в частности, со стороны Наркомзема (полемические статьи, обвиняющие «Известия» в «прожектерстве» появлялись на страницах «Правды» и «Экономической жизни»), и, в очередной раз отстаивая свои позиции, газета обратилась к письмам читателей: «Наше “прожектерство” по части поливных огородов, ирригации и сельскохозяйственной мелиорации, столь жестоко осужденное некоторыми товарищами, особенно из Наркомзема, приобрело все права гражданства. Под напором жестокого бедствия, под страшным ударом царя-голода крестьянские массы дружно встают на верный путь борьбы с голодом — устройство искусственного орошения. <...> Кроме того, к нам сыплются, как из рога изобилия, письма, заметки, целые проекты из самых разнообразных медвежьих углов. В них очень много наивного, примитивного, милого вздора, но немало и дельных, глубоких, серьезных соображений. Гражданин А. Платонов с Дона пишет: “Наши мужики спят и видят орошение полей. Это — всенародная мечта. Они ждут, когда явятся руководители оросительными работами, и готовы положить на это дело все свои силы и средства. Ведь, действительно, дико, что вдоль многоводного тихого Дона выгорели поля и огороды. Народ в этом вопросе идет впереди правительства. Если центр не организует

широко и немедленно орошение, хотя бы и простейшими способами, то население стихийно, беспорядочно бросится на это дело с колоссальной затратой сил, так как нет охоты помирать от засухи, когда под боком так много воды — огромная река Дон и пр. ” <...> В письме с Дона нам пишут: “Я обращаюсь к вам потому, что не знаю больше, к кому обратиться, а в “Известиях” я читал ваши статьи об орошении и думаю, что вы наверное большой друг этого дела”» (*Беляков А.* Проектирование «Известий» и канцелярская волокита Наркомзема // Газ. «Известия», 1921, 25 авг., № 187, с. 1).

Из статей Платонова следует, что он продолжал рассчитывать на каких-то своих московских единомышленников и в конце осени 1921 г. (см. статью «Ревсовет Земли»). Возможно, ими были все те же сотрудники «Известий». Очень похоже, что появление в газете статей ““Полевой” штаб» (*Брагин А.* // Газ. «Известия», 1921, 4 нояб., № 248, с. 2), «Новый штаб для новой работы» (*Евгешин А.* // Там же, 15 нояб., № 256, с. 1), «Реввоенсовет земледелия» (*Евгешин А.* // Там же, 26 нояб., № 266, с. 1), поднимающих вопрос о необходимости создания «самого властного вневедомственного органа, “Центрального Совета по улучшению земледелия республики”, Реввоенсовета для разгрома голодного фронта», являлось прямым следствием продолжавшейся переписки с Платоновым.

Своего наивысшего накала проповедь гидрофикации достигла в ноябре—декабре 1921 г. В этот период статьи Платонова (см., например: «Фронт зноя», «Великая работа», «Ревсовет Земли», «Хлебстанок») по своей эмоциональности сопоставимы с его же газетными передовицами времен Гражданской войны.

Благодаря проявленному упорству Платонов добился хотя и не совсем того, чего хотелось, но в общем-то тоже почти невозможного. В январе 1922 г. при Воронежском ГЗО появилась руководимая Платоновым губернская чрезвычайная комиссия по восстановлению и развитию сельского хозяйства и по борьбе с засухой. С этого времени, на протяжении 1922 — лета 1923 гг., статьи Платонова касаются главным образом деятельности этой организации — происходящих с ней изменений, ее нужд и планов проводимых работ. Осенью 1923 г. самодельная платоновская организация фактически заменила собою упраздненный было незадолго до того подотдел сельскохозяйственных мелиораций ВГЗУ.

С 1924 г. Платонов все реже и реже выступает как публицист. После попытки в первой половине 1921 г. издать статьи в Госиздате и обращения с этой же целью к Литвину-Молотову Платонов, кажется, более не возвращается к идее их издания отдельной книгой.

В корпусе статей, включенных в настоящий том, представлены все основные направления журналистской работы писателя 1918—1926 гг. В отличие от лирики и рассказов рукописи ранних статей практически не сохранились и поэтому за редким исключением статьи печатаются по прижизненным публикациям.

ОБ ИСКУССТВЕ (Из дневника) (с. 7).— Журн. «Жизнь и творчество русской молодежи», М., 1919, № 19, 19 янв., с. 7—8.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья печаталась в рубрике «Вольная трибуна», впервые появившейся именно в этом номере журнала. Применительно к названию рубрики было дано примечание редакции: «Статьи, помещаемые в “Вольной трибуне”, печатаются в дискуссионном порядке».

К НАЧИНАЮЩИМ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ И ПИСАТЕЛЯМ (с. 8).— *Жел. путь*, 1919, № 9, апр., с. 25—26. В разделе: *Из писем наших читателей*.

Датируется и печатается по первой публикации.

У истоков статьи стоят выступления идеологов и теоретиков пролетарской культуры, а также резолюции, принятые Первой Всероссийской конференцией Пролеткульта (1918). Основные стратегические задачи современного этапа культурного строительства были сформулированы в общей резолюции: 1) «...выработка Пролетарской Культуры, которая, с уничтожением в обществе классового деления, станет общечеловеческой»; 2) «...строительство этой новой культуры должно базироваться на общественном труде и товарищеском сотрудничестве» (Первая Всероссийская конференция Пролеткульта // Журн. «Горн», 1918, № 1, с. 30). Конференцией были также приняты резолюции по клубному вопросу, издательскому делу и базовым тактическим вопросам («Наука и рабочий класс», «Пролетариат и искусство»).

С. 9. ...отправить в «лоно Авраама»...— т. е. на тот свет; ср. в Евангелии: «Умер нищий и отнесен был ангелами на лоно Авраамово» (Лк. 16, 22).

Творчество, художественное творчество ~ было плодом художника без имени...— Здесь и далее Платонов излагает основные идеи русских богостроителей о различии индивидуалистической и пролетарской культуры, в частности, А. Луначарского. По Луначарскому, проективным идеалом для пролетарской культуры в мировой культуре является

пример коллективного творчества — мифы народов мира и художники масштаба Гомера и Эсхила, явившие пример гения коллективного творчества — «новое творчество матери-толпы»: «Мудрость миллионов, грезы поколений, страдание и радость сонмов сердец нашли свой голос, ясный и чистый. Себя узнает широкое, плодотворное, могучее, но бесформенное в этом зеркале, где стихийные силы воплотились в законченный живой символ» (Луначарский А. Мещанство и индивидуализм // Сб. «Очерки философии коллективизма». СПб., 1909, с. 344).

С. 11. *...время сотворения коммунистической Эдды...*— «Старшая Эдда», древнеисландский сборник мифологических и героических песен, бытовавших в устной традиции германских народов. Контаминация выполнена в общем русле пролеткультовской эстетики (подробно см. наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 472—474).

...коллективное творчество будет равняться не средней силе ~ а наибольшей силе — гению (по нашему примеру).— Ср.: «Учась у гения, народ учится у себя. И гений, при нормальных условиях, создает школу. Критики и толкователи уясняют и расширяют и уточняют смысл и формальные эстетические принципы гения, его ученики и подражатели развертывают заложенные в шедевре возможности, словно ветви главного ствола дерева. <...> в шедевре, в принципах истинного мастера-учителя заложено множество прекрасных возможностей, развить которые до конца бессильна самая великая личность» (Луначарский А. Указ. соч., с. 344). Платонов не случайно обещает специально вернуться к данному вопросу и пытается если и не оспорить, то прояснить одно из положений концепции Луначарского о коллективном творчестве в пролетарской культуре. В концепции гения, предложенной Луначарским, Платонов вычитывает противоречие между коллективистской риторикой и зачарованностью романтическим пафосом сильной личности и «великого человека», выросшим из идей Ницше о «сверхчеловеке»; отношения же коллектива и творца-гения представлялись Луначарским как «учительные», т. е. отношения учителя-«гения»-мастера и учеников-подмастерьев.

...образовать при редакции нашего «Железного пути» студию коллективного художественно-литературного творчества.— Согласно резолюции, принятой конференцией Пролеткульта по вопросу литературно-издательскому, литературная студия была призвана стать центром создания «своей художественной литературы и поэзии, существенно отличной от бывшей до сих пор буржуазной». Резолюцией определялись и планы работы студии: знакомство с наследием прошлых эпох и техникой литературного творчества, занятия журналистикой и издательское дело (Первая Всероссийская конференция Пролеткульта // Указ. изд., с. 34).

<РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «КРАСНОЕ УТРО»> (с. 13).— *Жел. путь*, 1919, № 9, апр., с. 16. Подпись: *А. Пл.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Рецензия помещена в библиографическом разделе журнала *Жел. путь*, посвящена первому и единственному выпуску сборника (издание недоступно).

<ОБЗОР ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЖИЗНИ»> (с. 15).— *Жел. путь*, 1919, № 10, апр., с. 27. Подпись: *А. Пл.*

Печатается по первой публикации.

Полное название журнала «Вестник жизни: Итоги политики, общественности, науки, литературы, искусства» (М., ВЦИК РСФСР); выходил в 1918—1919 гг. (всего вышло 7 номеров). Обзор, посвященный № 3—4 журнала «Вестник жизни» за 1919 г., помещен в библиографическом разделе.

С. 15. *Первый отдел журнала заполнен статьями специалистов по вопросам политики, общественной жизни и науки...*— В отношении первого отдела журнала Платонов ограничивается общей характеристикой, повторяющей название отдела — «Политика, общественность, наука».

В отделе «История» интересны «материалы» «о возникновении войны», «об армии и царском правительстве» и др.— «Исторические материалы» заключают отдел «История»; внимание Платонова привлекли публикации «Армия и царское правительство», «К вопросу о возникновении мировой войны», «Итоги войны» (с. 59—66). Помимо «материалов» в отделе «История» опубликованы статьи: «История коммунистической партии в России» (*Каменев Ю.*, с. 34—42), «Северный союз русских рабочих» (*Павлов Б.*, с. 43—48), «Парижская коммуна в истории и литературе» (*Станишевский В.*, с. 49—56).

...открывается статьей В. Фриче...— *Фриче* Владимир Максимович (1870—1929), советский литературовед и искусствовед, исследовал основные проблемы социологии искусства. Речь идет о его статье «Уолт Уитмен» (с. 67—70), посвященной творчеству американского поэта Уолта Уитмена (1819—1892). Статью сопровождает подборка стихотворений Уитмена из сборника «Листья травы» (с. 71—73). В своем обзоре Платонов цитирует стихотворение «Годы современные».

Статья К. Трояновского о «Толстом Индии»...— Речь идет о статье «Толстой Индии» (с. 74—75), посвященной известному индийскому писателю и общественному деятелю Рабиндранату Тагору (1861—1941). Статью сопровождает подборка стихотворений Рабиндраната Тагора из книги «Садовник» (С. 76).

...народа Будды и Брахмы.— Будда (букв.— просветленный), имя, данное основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме (623—544 гг. до н. э.). Брахма, в брахманизме и индуизме один из трех высших богов, бог-создатель, творец вселенной и всего сущего.

С. 16. *Остальная часть журнала посвящена статьям...*— См. в разделе «Литература»: *Барабанов Н.* «Социалистические “утопии”» (с. 82—88); в разделе «Искусство»: *Сидоров А.* «Уольтер Крэн и социализм в искусстве» (с. 93—98), *Щетинин Г.* «Коллективное творчество в музыке» (с. 102—106).

ЛЕНИН (с. 17).— *Кр. дер.*, 1920, 11 апр., № 29, с. 4.

Датируется и печатается по первой публикации.

Сегодня исполняется 50 лет от рождения...— По неизвестной причине дата рождения Ленина указана по старому стилю. В. И. Ленин родился 10 апреля 1870 г. по юлианскому календарю (22 апреля по новому стилю).

ПРЕОБРАЖЕНИЕ (с. 19).— *Вор. ком.*, 1920, 1 мая, № 95, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

В качестве заголовка статьи взято название одного из двенадцати церковных праздников — Преображения Господня (6/19 августа). Эпиграф — парафраз библейского текста, ср.: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (*Быт.* 1, 2).

ПРИЕЗД АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ (с. 21).— *Кр. дер.*, 1920, 29 мая, № 67, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

К нам, в Москву, на днях приехали из Англии рабочие...— 17 мая 1920 г. в Москву прибыла делегация английских рабочих, представителей конгресса трейд-юнионов и английской рабочей партии. Делегация совершила многочисленные поездки по России летом 1920 г.

ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ (с. 22).— *Кр. дер.*, 1920, 3 июня, № 70, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Одна из многочисленных газетных передовиц, написанных Платоновым летом — осенью 1920 г. Большею частью в передовицах комментируется ход советско-польской войны 1920 г. и борьбы с Врангелем.

...республика, два года жившая в мертвом железном кольце мировой контрреволюции...— Период Гражданской войны и интервенции в истории Советского государства пришелся на время с лета 1918 г. до конца 1920 г.

...Север, восток и юг прорваны...— Речь идет о военных действиях 1919 г.— разгроме армий Н. Н. Юденича, Е. К. Миллера, А. В. Колчака и А. И. Деникина.

Сейчас, в момент натиска на нас Польши (а на самом деле — всей западноевропейской буржуазии)...— Еще в апреле — августе 1919 г. польские войска захватили почти всю Белоруссию и часть Украины. С конца 1919 г. Антанта проводила подготовку польской армии к большому наступлению на советскую страну; это наступление должна была поддержать ударом из Крыма армия Врангеля. Помощь Антанты позволила польскому правительству создать к весне 1920 г. армию численностью 738 тыс. человек. Боевой подготовкой польской армии занимались французские инструкторы. План польского наступления разрабатывался по указаниям маршала Фоша и под непосредственным руководством генерала Анри — главы французской военной миссии в Варшаве. 25 апреля 1920 г. польские войска начали вместе с петлюровцами наступление на фронте от Припяти до Днестра. В середине мая фронт проходил южнее линии Киев—Ямполь. С 26 мая по 17 июня советскими войсками Юго-Западного фронта была проведена Киевская операция, позволившая отбросить противника от Киева. В дальнейшем наступление Красной Армии продолжалось до середины августа 1920 г.

ДВА МИРА (с. 23).— *Кр. дер.*, 1920, 8 июня, № 74, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 23. *...их защитники, вроде партии эсеров, меньшевиков и др.*— Эсеры, партия социалистов-революционеров, представлявшая левое крыло буржуазной демократии в России. *Меньшевики*, члены мелкобуржуазной реформистской партии в России.

РЕМОНТ ЗЕМЛИ (с. 25).— *Кр. дер.*, 1920, 9 июня, № 75, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921). Сохранившийся отзыв на сборник (рецензия Г. Торчинского) содержит следующую характеристику статьи: «“Ремонт земли” доказывает, что необходимо удобрять ее. Для читателей повышенного типа (на которого рассчитаны по своему содержанию и форме другие статьи сборника) такого доказательства не нужно. Печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 446).

ХРИСТОС И МЫ (с. 27).— *Кр. дер.*, 1920, 11 июня, № 77, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста»; рецензент отметил возможность ее напечатания (*Субботин*, с. 447).

С. 27. ...царство божие усилием берется.— Парафраз евангельских слов Христа: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (*Матф.* 11, 12).

Бичом выгнал Христос торгующих из храма, рассыпал по полу их на-торгованные гроши.— Речь идет об одном из евангельских событий: «Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли» (*Ин.* 2, 13—16).

КРАСНЫЕ ВОЖДИ (с. 29).— *Кр. дер.*, 1920, 16 июня, № 81, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана в связи с состоявшимся 6 июня 1920 г. выпуском слушателей командных курсов Москвы и Петрограда, подготовленных для Западного фронта.

НОВЫЕ БРАТЬЯ (с. 31).— *Кр. дер.*, 1920, 19 июня, № 84, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Заметка написана под непосредственным впечатлением от публикации газеты «Известия» «Пожар на Востоке» (16 июня, № 129, с. 1). Под шапкой «Народные массы Персии сбросили ярмо международного капитала и организовали у себя власть Советов» в газете было опубликовано приветствие Реввоенсовета персидской Красной Армии, адресо-

ванное Красной Армии России. В приветствии, в частности, сообщалось: «Волей трудового народа в Персии образовалась Советская власть, которая начала создавать Красную персидскую армию на принципах создания российской Красной Армии для уничтожения поработителей персидского народа». Немного ранее в тех же «Известиях» (10 июня, № 124, с. 1) в статье «Новое революционное правительство Персии» была опубликована достаточно подробная биография одного из руководителей движения — Кучек-хана.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921). В отзыве на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448), очевидно, из-за изменений, произошедших к тому времени в политической ситуации.

Слова т. Ленина о неизбежности ~ мирового восстания угнетенных рабов... — Положение о международном характере социалистической революции являлось одним из основных в марксистско-ленинском учении. В 1917—1920 гг. ощущение кануна мировой революции было особенно сильным в связи с европейской революционной ситуацией.

Кучук-хан — Кучек-хан Мирза (1880 или 1881—1921), иранский националист, один из руководителей партизанского антиимпериалистического движения в Гиляне (Иран) в 1912—1921 гг., участники которого носили название дженгелийцев. Отряды дженгелийцев состояли главным образом из крестьян, городской мелкой буржуазии и бедноты; в 1920—1921 гг. дженгелийцы выступали единым фронтом с коммунистами. В июле 1920 г. и мае—сентябре 1921 г. Кучек-хан занимал пост председателя Временного революционного правительства Гилянской республики. 29 сентября 1921 г. организовал убийство руководителей Иранской коммунистической партии, что облегчило шахскому правительству подавление национально-освободительного движения в Гиляне.

РАЗМОЗЖИМ (с. 32).— *Кр. дер.*, 1920, 23 июня, № 87, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Врангель отъезжал и опять лезет на север, к нам в гости.— *Врангель* Петр Николаевич (1878—1928), участник русско-японской и 1-й мировой войн, командир кавалерийского корпуса, генерал-майор. После Октябрьской революции уехал в Крым, в августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Командовал конной дивизией и конным корпусом, с января 1919 г.— Кавказской Добровольческой армией, в мае—декабре — Кавказской армией, в декабре 1919 — январе 1920 гг.— Доб-

ровольческой армией. Во время отступления белогвардейских войск выступал в офицерских кругах с требованием смены главкома, за что отстранен Деникиным от должности и выслан за границу. С 22 марта (4 апреля) 1920 г. преемник Деникина на посту главкома вооруженными силами Юга России, с 11/24 мая — главком Русской армией. После поражения в Северной Таврии и Крыму 14/27 ноября со значительной частью армии бежал за границу; в 1924 г. в Париже создал Русский общевоинский союз (РОВС)

В июне 1920 г., используя отвлечение основных сил Красной Армии на польский фронт, врангелевские войска овладели Северной Таврией; к 24 июня они вышли к р. Днепр, угрожая Донбассу. В июле—августе 1920 г. Врангель высадил десанты на северное побережье Азовского моря и на Кубань с целью поднять казачество на борьбу с советской властью.

Его друзья мы уже угостили...— см. выше прим. к статье «Последний враг», с. 320.

Деникин Антон Иванович (1872—1947), Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — руководители белого движения; см. прим. к рассказу «Иван Жох» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 518, 519.

Англия попросила за Врангеля — обождать его добивать ~ Но Англия и Врангель обманули нас...— В марте 1920 г. в Крыму закрепились части Добровольческой армии, сюда же были переброшены белогвардейские части, уцелевшие от разгрома на Южной Украине и Северном Кавказе. Во главе этих сил 4 апреля 1920 г. стал Врангель, дипломатическую поддержку которому обеспечила на начальном этапе Великобритания, предложившая Советскому правительству прекратить военные действия на крымском участке и начать переговоры на условиях предоставления амнистии белогвардейцам. Позднее Врангель отклонил требование Великобритании ограничить военные действия только оборонной Крыма.

О НАУКЕ (с. 33).— *Кр. дер.*, 1920, 25 июня, № 89, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

ПРЯМОЙ ПУТЬ (с. 35).— *Кр. дер.*, 1920, 2 июля, № 95, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «...не представляет достаточной агитационно-политической ценности, оригинальности и глубины по сравне-

нию с другими статьями сборника. Печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 447).

С. 35. *Антанта* — (от франц. «Entente cordiale» — «Сердечное согласие»), в данном случае, блок государств-победителей в 1-й мировой войне, выступивший в 1918—1920 гг. главным организатором вооруженной интервенции против Советской республики.

ЖИВАЯ ЕХИДНА (с. 37).— *Кр. дер.*, 1920, 3 июля, № 96, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Источником фактических сведений для этой статьи послужила заметка «Безработные» (газ. «Правда», 1920, 2 июля, № 143, с. 1).

...*Савинков, бывший при Керенском военным министром...*— *Савинков* Борис Викторович (литературный псевдоним — В. Ропшин) (1879—1925), политический деятель, один из лидеров партии эсеров, писатель. После Февральской революции 1917 г. был комиссаром Временного правительства при Ставке главковерха, затем комиссаром Юго-Западного фронта, товарищем военного министра. Во время советско-польской войны 1920 г.— председатель «Русского политического комитета» в Варшаве, возглавлял «Народный союз защиты родины и свободы», был в числе главных организаторов антисоветских военных отрядов. В августе заявил о признании власти Врангеля и готовности подчиниться ему; начал формирование на территории Польши так называемой 3-й русской армии. В 1921—1923 гг. руководил шпионско-диверсионной деятельностью против Советского государства. *Керенский* Александр Федорович (1881—1970), политический деятель, эсер. В марте 1917 г. вошел во Временное правительство (министр юстиции): в 1-м и 2-м коалиционных Временных правительствах (май—сентябрь) — военный и морской министр, с 8/21 июля также министр-председатель, с 30 августа (12 сентября) одновременно главковерх; в сентябре возглавил 3-е коалиционное Временное правительство. 25 октября (7 ноября) бежал из Петрограда, вместе с Красновым возглавил антисоветский мятеж. В 1918 г. эмигрировал из России.

Мы пока только дробим и рвем тело белой ехидны ~ Но скоро мы начнем топтать ее и жечь — Платонов обнаруживает детальное знание одного из сюжетов греческой мифологии — битвы Геракла с Лернейской гидрой: «Напрасно Геракл бил дубиной по головам гидры — стоило ему раскрыть одну голову, как на ее месте вырастали две, а то и три новые. На помощь гидре из болота выполз огромный рак и вцепился

Гераклу в ступню, но Геракл в ярости растоптал его и призвал на помощь Иолая. Иолай поджег часть ближней рощи, а затем, чтобы у гидры не выростали новые головы, стал прижигать горящими головнями обезглавленные шеи» (*Грейс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992, с. 352—353). В то же время, в статье перепутаны имена мифических чудищ: вместо Лернейской гидры здесь фигурирует Ехидна, тогда как, по преданию, многоголовая гидра была дочерью Ехидны.

ТРИДЦАТЬ КРАСНЫХ (с. 38).— *Кр. деп.*, 1920, 6 июля, № 98, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана под непосредственным впечатлением от заметки Г. Бергмана «Первые тридцать» («Известия», 1920, 29 июня, № 140, с. 1). При сопоставлении с выявленным источником заметны некоторые текстовые совпадения и параллели, ср.:

«В нынешней сводке много добрых вестей,— то вести о наших военных достижениях.

Но есть в этой сводке и нечто иное: это — сообщение о попытке тридцати польских солдат перейти к нам, о тридцати поляках, певших наш гимн, боевую песнь рабочего восстания, стальной и вместе огненный, марш-гимн коммунистической революции.

Эти солдаты были обстреляны польской же артиллерией. Их тела были разорваны в кровавые клочья за то, что эти рабочие и крестьяне пели песнь рабочей солидарности; за то, что в тех, кого их буржуазия ненавидит <...> в русских красноармейцах они узнали своих братьев.

<...> могучий классовый инстинкт, пролетарское чутье, это шестое чувство в классовом обществе, в классовой борьбе подсказали этим тридцати солдатам правду, дали им мощный толчок к совершению того поступка, завершить который помешали им панские пушки.

Буржуа назовут это “разложением”. Нет, это начинается выздоровление польских рабочих и крестьян в солдатских гимнастерках.

Слава первым тридцати! Слава пионерам русско-польской рабочей революционной солидарности!»

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ (с. 39).— *Кр. деп.*, 1920, 7 июля, № 99, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

В качестве заглавия статьи взяты начальные слова молитвы «Отче наш» (*Мф.* 6, 9; *Лк.* 11, 2).

С. 39. ...*Бог наказал их им за грех любви Адама и Евы.*— Речь идет об одном из последствий грехопадения Адама и Евы, см. в этой связи слова библейского Бога, обращенные к Адаму: «...проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. <...> В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (*Быт.* 3; 17, 19). По Библии, грех праотцев состоял в непослушании — в нарушении по внушению змея единственной заповеди, данной им Богом.

РАБОЧЕЕ БРАТСТВО (с. 41).— *Кр. дер.*, 1920, 13 июля, № 104, с. 1; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 41. ...*Второй всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала подымет наше красное знамя восстания...*— 3-й Интернационал или Коминтерн (1919—1943), международная революционная пролетарская организация, объединявшая компартии различных стран. 2-й конгресс Коминтерна открылся 19 июля 1920 г. в Петрограде, 23 июля— 7 августа продолжил и завершил работу в Москве; в работе участвовали 217 делегатов из 37 стран.

СИЛА СИЛ (с. 43).— *Кр. дер.*, 1920, 16 июля, № 107, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

В эпиграф статьи Платонов вынес слова из выступления Ф. Нансена на заседании Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. В июле 1920 г. норвежский ученый, общественный и политический деятель Фрицьоф Нансен (1862—1930) приехал в Россию в качестве верховного комиссара Лиги Наций по делам военнопленных. 9 июля он присутствовал на заседании Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 10 июля в газетах «Правда» и «Известия» были помещены сообщения, посвященные этому событию (Пленум Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов // Газ. «Правда», 1920, 10 июля, № 150, с. 2; Пленум Московского Совета // Газ. «Известия», 1920, 10 июля, № 150, с. 1). Платонов цитирует выступление Нансена по газете «Известия».

Статья явилась откликом Платонова на серию публикаций в центральной прессе, посвященных судьбе интеллигенции, см.: *Гредескул Н.* Интеллигенция на переломе («Известия», 1920, 12 июля, № 152, с. 1; 15 июля, № 154, с. 1), *Мещеряков Н.* На переломе («Правда», 1920,

14 июля, № 153, с. 1. Имена Н. Гредескула, С. Кусевичко, К. Бальмонта, В. Иванова и С. Городецкого упоминались в данной статье).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «Приблизительно целая треть “Силы сил” посвящена событию текущего характера — приезду Нансена и его выступлению. Есть и другие недостатки. Статья не подлежит напечатанию» (*Субботин*, с. 447).

С. 43. *Тимирязев* Климент Аркадьевич (1843—1920) — один из основоположников русской научной школы физиологов растений, член-корреспондент Российской академии наук, профессор Петровской земледельческой и лесной академии (с 1871 г.) и Московского университета (1878—1911), ушел в отставку в знак протеста против притеснений студенчества. Одним из первых русских ученых заявил о поддержке советской власти, член Моссовета (1920), активный участник пролеткультовского движения, член Социалистической Академии, сотрудник журнала «Пролетарская культура». Умер 28 апреля 1920 г. В пролетарском движении Тимирязев являлся культовой фигурой — «благородный представитель союза пролетариата и науки» (журн. «Пролетарская культура», 1920, № 15—16, с. 2).

...к нам стали переходить из замкнутых дворцов знания целые группы ученых буржуазии и людей искусства ~ француз Р. Роллан и др.—*Гредескул* Николай Андреевич (1864—?), юрист и публицист, проф. Харьковского университета, потом — Петербургского политехникума. *Белопольский* Аристарх Аполлонович (1854—1934), выдающийся русский астроном и астрофизик. Астроном *Тихонов*, вероятно, *Тихов* Гавриил Адрианович (1875—1960). *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867—1942), русский поэт-символист; с воодушевлением встретил Февральскую революцию 1917 г.; отношение Бальмонта к Октябрьской революции выражено в кн. «Революционер я или нет?» (М., 1918). Получив разрешение временно выехать за границу в командировку, вместе с близкими в июне 1920 г. эмигрировал. *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967), русский поэт, прозаик, переводчик, драматург. В 1912 г. вместе с Н. С. Гумилевым организовал «Цех поэтов», группу акмеистов и журнал «Гиперборей». В 1918—1921 гг. был одной из самых видных фигур в русской литературной жизни Закавказья (Тифлис и Баку), в 1920 г. заведовал литчастью политуправления Балтфлота. *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949), русский поэт, переводчик и теоретик культуры; в 1918—1920 гг. был одним из организаторов и руководителей театрального и литературного отделов Наркомпроса, читал лекции и вел занятия в секциях Пролеткульта и многочисленных учебных заведениях. В 1924 г. по линии Наркомпроса командирован за гра-

ницу и поселяется с семьей в Риме, до 1936 г. сохраняет советское гражданство. *Кусевицкий* Сергей Александрович (1874—1951), русский дирижер, контрабасист и музыкальный деятель. В 1917—1920 гг. возглавлял Государственный симфонический оркестр; в 1920 г. эмигрировал. *Роллан* Ромен (1866—1944), французский писатель, музыковед, общественный деятель. 11 июля 1920 г. в газете «Известия» была помещена небольшая заметка «Ромен Роллан о Советской России» (№ 151, с. 2), в которой сообщалось о публикации во французской газете «Форум» восторженной статьи Р. Роллана о советской стране.

ДОСТОЕВСКИЙ (с. 45).— *Вор. ком.*, 1920, 17 июля, № 158, с. 2. С подзаголовком: «Идиот». *Театр Губвоенкома*. Редакционная сноска: *Статья печатается в дискуссионном характере*.

Датируется и печатается по первой публикации.

13 июля 1920 г. Воронежский театр Губвоенкома (б. Народный Дом) открыл очередной сезон спектаклем по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» (1867—1868). Платонов посетил театр именно 13 июля, поскольку второй раз спектакль был дан 17 июля — в день выхода статьи. Помимо оговорки о дискуссионном характере статьи, редакция сочла необходимым поместить здесь же еще одну рецензию на этот спектакль — более традиционного типа (см.: Театральный штрих // Там же).

Эпиграф к статье является своеобразной аллюзией к словам Христа «Не хлебом одним будет жить человек».

Рецензия на спектакль, вероятно, писалась одновременно со статьей «Душа мира», опубликованной на следующий день в *Кр. дер.* В интерпретации героев Достоевского через призму категорий «пола» и «сознания» отразилось знакомство Платонова с идеями книги О. Вейнингера «Пол и характер» (см. ниже прим. к статье «Душа мира»).

ДУША МИРА (с. 47).— *Кр. дер.*, 1920, 18 июля, № 109, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

В статье предпринята попытка с позиций материализма, без упоминания имени Божьего передать новозаветный смысл матери рождающей, определяемый христианским учением о боговоплощении. Подобный же опыт представлен в стихотворении «Сын Земли» (наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 388—389), где рождение ребенка описывается как рождение «спасителя». Из литературных источников статьи можно назвать прежде всего работы известного русского писателя и философа В. Розанова (1856—1919), знакомство с которыми стало одним из событий в духовной жизни Платонова лета 1920 г. В русской философии и литературе

начала века Розанову принадлежат лирико-философские гимны матери; он неустанно предлагал литературе в ее поисках «героя» обратиться к образу матери и открыть мистические глубины в теме рождения ребенка. Развивая практически во всех работах 1910-х гг. идеи «религии семьи», Розанов утверждал, что христианство — это не только «религия Голгофы», но и «религия Вифлеема» и что недостаточным вниманием к «“Вифлеемской” стороне нашего бытия» объясняются многие беды русской жизни и экзистенциальные провалы в современной культуре: «...около колыбельки — начало *иного* мира» (Розанов В. В мире неясного и нерешенного // Розанов В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995, с. 70, 71); «Брак есть поклонение “невидимому свету”. <...> он то и побеждает смерть, не иносказательно, но фактом: где мое и жéнино в этом младенце? Мы — живы в нем, а через его рождения — живы в бесконечность. “Смерть — где твое жало?” Мать умирает за младенца; она — в нем; и краткий обрывок частного в себе бытия естественно жертвует за бесконечное (в будущем) свое же “я”. Не только в колорите, в тембре рождение противоположно смерти: оно в самом деле вечно вырывает у него жертву, оставляя в руках ее, “под косою”, скорее скорлупу бытия, нежели самое бытие, ускользающее через рождение — в жизнь» (Там же, с. 75—76); «Рождаемость не есть ли тоже *выговариваемость* себя миру...»; «Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать: “Вот мой пророческий глагол”» (Розанов В. Опавшие листья // Розанов В. Сумерки просвещения. М., 1990, с. 458).

Газетная публикация сопровождалась примечанием от редакции: «Несмотря на трудность усвоения *мысли* (не слога, а мысли, ибо слог прост) тов. Платонова и некоторую сложность взглядов его на роль женщины в будущем и в революции,— редакция находит возможность дать данной статье рабочего Платонова место на страницах своей крестьянской газеты, ибо крестьянину, смотрящему на женщину как на доходную статью своего хозяйства, статья эта будет поучительна».

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «“Душа мира” может быть напечатана. Необходимо лишь ярче подчеркнуть, что женщина является не воплощением самого греха и преступности, а лишь олицетворением импульса к покаянию и искуплению, вернее, действительному устранению совершенных не ею (это нужно усиленно подчеркнуть) грехов и ошибок общества. В конце статьи нужно удалить обещание ответа на книгу Отто Вейнингера» (Субботин, с. 447).

С. 49. Мыслитель Отто Вейнингер ~ проклял женщину.— Вейнингер О. (1880—1903), австрийский философ, автор книги «Пол и характер» (1903; русский перевод и издание — 1907 г.). Вейнингер предложил

взгляд на женщину как на существо исключительно плотское, сексуальное, «лишенное души» (Вейнингер *О Пол и характер*. СПб., 1907, с. 130). Анализируя роль женщины в мировой культуре, Вейнингер доказывал, что женщина лишена краеугольного начала культуры — творчества, а потому и не наделена признаками культуры — идеалом, памятью, чувством вины, возможностью самосовершенствования и развития: «Женщины не имеют никакого существования и никакой сущности, они не суть, они суть ничто»; «...сводничество есть настоящая женская черта и притом исключительно женская» (Там же, с. 184, 165). Книга «Пол и характер» была чрезвычайно популярна в России 1910—1920-х гг.; на предложенную Вейнингером концепцию культуры откликнулась не только литература, но и философия. Уничжительную критику «Пола и характера» дал В. Розанов в книге «Опавшие листья» (см.: *Розанов В. Сумерки просвещения*. М., 1990, с. 400).

«Мужчина, представляющий собою ~ наиболее возвышенной из женщин»...— Цитата из 12-й главы («Сущность женщины и ее смысл во вселенной») книги О. Вейнингера «Пол и характер».

...утверждал, что существование женщины одна случайность и насмешка...— Скрытая цитата из 12-й главы книги «Пол и характер», ср. у Вейнингера: «Живет ли она <женщина> во имя какой-нибудь миссии, или ее существование одна только случайность и насмешка?».

...Вейнингер зашатался и исчез в вихре безумия...— Вскоре после выхода книги «Пол и характер» Вейнингер покончил жизнь самоубийством.

Я мог бы опровергнуть его книгу от начала до конца, но сделаю это в другом месте.— Вероятно, обсуждение темы продолжалось на заседаниях клуба журналистов; так, например, 22 ноября 1920 г. Платонов выступил в клубе «Красное перо» с докладом «Пол и сознание», куда включалась и тема «Судьба женщины при коммунизме» (см. извещения об этом выступлении: *Вор. ком.*, 1920, 19 нояб., № 261, с. 4; 20 нояб., № 262, с. 2).

ЛУНАЧАРСКИЙ (с. 50).— *Кр. дер.*, 1920, 22 июля, № 112, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья приурочена к литературному юбилею наркома просвещения А. В. Луначарского. О грядущем юбилее Платонов узнал из сообщения газ. «Известия»: «20 июля — двадцатилетие литературной деятельности А. В. Луначарского: летом 1900 г. появилась первая статья Луначарского в «Северном курьере»» (Юбилей тов. Луначарского // 1920, 14 июля, № 153, с. 2).

Сведения о творческом пути Луначарского Платонов черпал не только из газетных сообщений. Статья свидетельствует, что он неплохо

знал о главных вехах литературного пути Луначарского и о его главных трудах (О знакомстве Платонова с работами Луначарского см.: Гюнтер Х. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с. 256—259). Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — публицист, литературный критик, драматург, театровед; в правительстве советской России занимал пост наркома просвещения. С юности увлекался марксизмом, в 1903 г. примкнул к большевикам. Участвовал в полемике марксистов и идеалистов, написал книгу «Основы позитивной эстетики» (1904). В 1906—1917 гг. был в эмиграции. Вместе с А. Богдановым организовал и возглавил партийную группу «Вперед», в 1909 г. отделившуюся от большевиков; отстаивал просветительскую программу подготовки кадров образованных рабочих, способных организовать в России сеть культурно-революционных школ. В 1909 г. вместе с Горьким и Богдановым участвовал в создании на Капри школы рабочих и в разработке идеологии и эстетики пролетарского коллективизма (сб. «Очерки философии коллективизма», 1909). Большой общественный резонанс имела книга Луначарского «Религия и социализм» (1908—1911), в которой было выдвинуто обоснование религиозного статуса социализма как «последней религии», которая идет на смену христианству, «религии угнетенных» (см. наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 488—489). Грядущая культура виделась как расцвет «социалистического религиозного сознания»: это «религия Труда, Вида и Прогресса» (Луначарский А. В. Религия и социализм. Т. 2, СПб., 1909, с. 338). Идеи богостроительства и «религии социализма», широко пропагандируемые Луначарским в те годы, вызвали резкую критику со стороны Ленина и были осуждены «большевистским центром» РСДРП(б) как неприемлемая для марксизма форма религиозного сознания. После февральской революции Луначарский вернулся в Россию, вступил снова в партию, был назначен наркомом просвещения (1917—1929). С первых дней революции Луначарский становится одним из организаторов и идеологов пролетарского литературного движения, выступает на страницах практически всех пролетарских изданий этого времени, выбирается почетным председателем Пролеткульта.

Кроме книг по эстетике, перу Луначарского принадлежат первые «Революционные силуэты» — написанные в возвышенно-романтическом стиле портреты вождей русской революции (они печатались на страницах центральных газет, выходили отдельными изданиями массовыми тиражами, входили в самые разные издания его избранных работ).

Платонов пишет статью, не ведая о скором изменении позиции партии по отношению к Пролеткульту. Осенью 1920 г. Ленин выступил с жесткой критикой Луначарского за поддержку Пролеткульта и напомнил ему о «старых» заблуждениях по поводу пролетарской культуры.

После принятия резолюции «О Пролеткультах» (декабрь 1920 г.) Луначарский существенно откорректирует свою позицию (см. ниже прим. к рецензиям Платонова 1924 г., с. 439—441).

С. 50. *Если Троцкий — революционер-художник...*— В характеристике Л. Троцкого Платонов явно солидарен с Луначарским; образ «революционера-художника» является своеобразным резюме нескольких портретов «второго великого вождя русской революции», созданных пером Луначарского (цит. по: *Луначарский А. Лев Давыдович Троцкий // Луначарский А. В. Революционные силуэты*. Харьков, 1924, с. 30). Если Ленин наделялся Луначарским «почти непогрешимым инстинктом» истории, то в Троцком, по Луначарскому, явлен выдающийся «актер», и с этой стороны Троцкий бесконечно превосходит Ленина: «...он более блестящ, он более ярк, он более подвижен» (*Луначарский А. Великий переворот (Октябрьская революция)*. Ч. 1, Пг., 1919, с. 82). Луначарский не раз обращался к анализу феномена массового успеха выступлений выдающегося «актера» великой революции, «великого агитатора», человека «картинного и героического поведения»: «Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов <...> вот достоинства речи Троцкого»; «Я видел Троцкого говорящим по 2—3 часа перед совершенно безмолвной, стоящей притом же на ногах, аудиторией, которая, как зачарованная, слушала этот политический трактат» (Там же, с. 23—31). В «Великом перевороте», брошюре, к которой, скорее всего, обращается Платонов, Луначарский приводит авторитетные суждения членов партии (в частности, Урицкого), считавших, что именно Троцкий является «подлинным вождем русской революции», и потому ставивших его на первое место: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого» (Там же, с. 78).

...если Ленин — русский ясновидящий мужик...— Не исключено, что «мужицкие» характеристики Ленина появились у Платонова под впечатлением от статьи Л. Троцкого, посвященной 50-летию Ленина: «Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение. <...> Ленин отражает собой русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь же свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. Он похож на крепкого умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь. Это — мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернув-

шаяся до гениальности...» (*Троцкий Л.* О пятидесятилетнем (национальное в Ленине) // Газ. «Правда», 1920, 23 апр., № 86, с. 1).

...возлюбивший в зверском существе человека его истинную открывающуюся сущность,— брата всех и всего, могучего бога...— Платонов приписывает Луначарскому духовную миссию спасения человека, основываясь на представлениях о высоком, идеальном начале пролетарской культуры. Основу эстетики Луначарского составляли антропоморфизм и романтический сверхиндивидуализм, идеи о человеке как «венце творенья» и вершине природной эволюции. С ницшеанским культом силы, обожествлением человека и его борьбы связано у Луначарского отрицание страдания и сострадания, презрение к слабым; при этом эстетика «слабых» всецело ставилась в зависимость от христианства: «...эстетика эта отворяет двери антиэстетическому, опираясь на чувство сострадания, на жажду искупления и т. п. Задачей искусства слабых становится сделать прекрасным страдание...» (цит. по: *Луначарский А.* Основы позитивной эстетики. М.; Пг., 1923, с. 74). Луначарский настаивал, что новое революционное искусство будет свободно от «слезливого сострадания», а потому главной задачей революционного художника становится — «рисовать сияющие счастьем и совершенством картины будущего, а рядом все отвратительное зло настоящего» (Там же, с. 99). Луначарский много писал об идеальных началах пролетарской культуры; эту позицию он отстаивал в философских и литературных дискуссиях 1910-х гг. о «святом» и «зверинном» началах русской души, а также в самых разных выступлениях уже в должности наркома просвещения. Высказывания Луначарского о пролетариате и грядущей общечеловеческой культуре исполнены высокой романтической патетики: пролетариат восстал, «как человек с большой буквы», он является «Прометеем, который открывает новые пути» (*Луначарский А.* О пролетарской культуре // Журн. «Грядущее», 1919, № 7—8, с. 19); «Пролетариат потому свят, что он защищает человечество» (цит. по: *Луначарский А.* Социальные основы искусства. М., 1925, с. 48). «Человечество идет неудержимо по пути к интернационализации культуры», а пролетарская культура, по Луначарскому, являет высший этап развития культуры общечеловеческой: «Искусство, вообще, есть прежде всего организация эмоций отдельных лиц или групп, классов, целых наций и т. п. Пролетарское искусство есть культура нового класса, есть *новое видоизменение*, органическая метаморфоза единой общечеловеческой культуры» (*Луначарский А.* Культура общечеловеческая и классовая. Пг., 1919, с. 1, 3). Именно как выразитель народнических и богостроительских идей Луначарский вписывается Платоновым в «троицу» вождей русской революции. Ср.: «Человеческий организм есть прекрасное полусовершенство. Мы не знаем в мире ничего более изумительного и радостного, чем человек с его

колоссальными возможностями. <...> “Человек человеку бог!” Но вовсе не тот человек, какого мы наблюдаем в повседневной жизни. “Божественны” в этом человеке обыденности — только возможности. Только то, что из него развивается, только самое его развитие. <...> Заурядный человек — калека, а не норма, это организм, задавленный и исковерканный властной и неприспособленной для него средой и уже зараженный порочной наследственностью» (Луначарский А. Мещанство и индивидуализм // Сб. «Очерки философии коллективизма», СПб., 1909, с. 330—331).

Луначарский вышел не из рабочего класса...— А. В. Луначарский родился в семье крупного судейского чиновника, действительного статского советника; окончил гимназию в Киеве, продолжал образование в Цюрихском университете, где изучал философию и биологию под научным руководством философа Р. Авенариуса.

С. 51. *Трудовые школы — это могилы ветхого человека, это матерья нового ~ существа.*— Речь идет о новой системе школьного образования в советской России. «Положение о единой трудовой школе РСФСР» было разработано государственной комиссией по просвещению во главе с А. В. Луначарским и утверждено ВЦИК в октябре 1918 г. В «Положении» подчеркнуто, что «обучение в трудовой школе носит общеобразовательный и политехнический характер» (см.: газ. «Известия», 1918, 16 окт., № 225, с. 5). С введением трудовой школы упразднилось дореволюционное деление школ на церковно-приходские, начальные, гимназии, реальные училища (всего около 30 типов школ); из учебных планов были исключены закон Божий, изучение древних языков и др., вместо них вводились общественно-политические дисциплины на марксистской основе; усиливалось преподавание наук о природе; обучение школьников должно было соединяться с участием в общественно полезном труде. Трудовая школа должна была стать очагом коммунистического воспитания и формирования «нового человека», человека материалистического сознания.

Раскрывая символическое значение революционных преобразований, Платонов использует в новом смысле традиционное евангельское противопоставление «ветхого» и «нового» человека. В церковной традиции «ветхий человек» — обобщенно, падшее человечество, живущее под непреодолимой властью первородного греха, а «новый человек» — человечество, искупленное жертвой Христа и в Нем получившее причастность к Божественной жизни, см.: «...вы слышали о Нем <о Христе> и в Нем научились <...> отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Ефес. 4, 21—24).

Будет время, и оно близко, когда один человек скажет другому: я не знаю ни тебя, ни себя — я знаю всех ~ Я потерял себя, но приобрел всех, весь мир.— Ср. данный фрагмент статьи с финалом рассказа «Маркун»: «Теперь я узнал, что я — ничто, и весь мир открылся мне, я увидел весь мир, никто не загораживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить» (наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 146). «Маркун» датирован Платоновым 28 июля и непосредственно примыкает к статье «Луначарский». Симптоматично, что в описании пути героя рассказа реализуется комплекс именно богостроительских идей Луначарского: изобретатель-рационалист Маркун утратил в детстве веру в Бога, полюбил другого человека как бога; он равнодушен к страданиям близких; поверил в теорию прогресса и даже представил, как при этом мировидении вооруженный техникой человек уничтожит мир и т. п. После «Маркуна» Платонов не раз будет возвращаться к комплексу «учительных» нравственно-эстетических идей Луначарского: Соня Мандрова («Чевенгур»), Лида Вежличева («Технический роман»), Москва Честнова и Сарториус («Счастливая Москва») и др.

ПОМОГАЙ, КРЕСТЬЯНИН! (с. 53).— *Кр. дер.*, 1920, 23 июля, № 113, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Появление статьи вызвано нарастанием недовольства среди крестьян политикой продразверстки в деревне. О взрывоопасности ситуации, сложившейся к этому времени, свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в августе 1920 г. в Тамбовской губернии вспыхнул знаменитый антоновский мятеж, распространившийся затем и на северо-восточные районы Воронежской губернии.

Заметка была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921); в отзыве на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448).

С. 54. На нас лезет с топором и веревкой Польша и Врангель...— *Врангель* Петр Николаевич, см. выше прим. к статьям «Последний враг», «Размозжим», с. 320, 323. На момент публикации статьи революционными войсками Западного фронта была освобождена значительная часть Белоруссии, развивалось наступление на Варшаву.

ЕДИНАЯ СИЛА (с. 56).— *Кр. дер.*, 1920, 25 июля, № 115, с. 1; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья комментирует события советско-польской войны, написана в период успешного наступления революционных войск Западного фронта на Варшаву.

Английский министр Керзон предложил нам посредничество Англии...— Керзон Джордж Натаниел (1859—1925), маркиз, министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг. 12 июля 1920 г. Керзон по поручению Верховного совета Антанты обратился к Советскому правительству с требованием приостановить наступление Красной Армии на линии, которая была установлена в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши (так называемая «линия Керзона»), и заключить перемирие с Польшей.

...предложил помириться с Врангелем и оставить за ним Крым.— см. выше прим. к статье «Размозжим», с. 323.

Ответ нашего комиссара по иностранным делам т. Чичерина...— Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936), государственный деятель, дипломат; с 30 мая 1918 г.— нарком иностранных дел РСФСР (в 1923—1930 гг.— СССР). Ответ Чичерина на ноту Керзона был опубликован 17 июля. Советское правительство отклонило попытку вмешательства Антанты, но заявило, что, при условии непосредственного обращения Польши с предложением начать переговоры о мире, оно согласится даже на некоторые отступления от «линии Керзона» в пользу Польши. Наступление советских войск, вступивших в пределы Польши, продолжалось, т. к. польское правительство медлило с переговорами, ожидая помощи союзников.

...год-два назад, когда она шла на все уступки...— Вероятно, имеется в виду так называемый Брестский мир, заключенный со странами германского блока в марте 1918 г. на условиях крайне тяжелых для России.

Собравшиеся в России представители рабочих всех стран на всемирный съезд Интернационала заявляют нам...— Речь идет о 2-м конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве 23 июля—7 августа 1920 г.

БЕЛЫЕ ДУХОМ (с. 57).— *Вор. ком.*, 1920, 25 июля, № 165, с. 3. С подзаголовком: *Вечер Игоря Северянина*. Опубликована с редакционной пометой: *Статья печатается редакцией в дискуссионном порядке.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Вечер Игоря Северянина, состоявшийся в Воронеже 21 июля 1920 г., был устроен А. Л. Саминским, членом Культпросвета Опродкомарма 2 (Особая продовольственная комиссия по снабжению продуктами и предметами первой необходимости 2-й особой армии Республики). Резкий отзыв Платонова, как и ожидалось, вызвал дискуссию. Прежде

всего, свою точку зрения на происшедшее высказал А. Саминский, увидевший в стиле и слоге статьи Платонова желание «оскорбить не только организаторов вечера, но и публику, присутствовавшую на вечере» («Красный» духом // *Вор. ком.*, 1920, 30 июля, № 169, с. 2). Можно предположить, что в условиях того времени Саминский не мог оставить без внимания «этот выпад, который сделан автором статьи по отношению к культпросвету Опродкомарма 2, члены которого в большинстве состоят из коммунистов и работа которого протекает под контролем комячейки». По мнению организатора, кратковременное присутствие Платонова на вечере (Платонов появился в момент декламации стихотворения «Ананасы в шампанском» и тут же покинул зал) не давало ему права судить об этом мероприятии в целом: «Для установления истины заявляем, что творчеству Игоря Северянина была уделена небольшая часть вечера, а большая часть прошла в концерте очень удачном и имевшем большой успех. Между прочим, в концерте участвовал пианист Романовский. Как раз о лучшей и большей части вечера т. Платонов ничего не говорит». Существенные возражения со стороны Саминского заключались в том, что «убивать» культуру буржуазии нерационально, поскольку «пролетариат, разрушив капиталистический строй, перестраивает все на свой лад и в свою пользу, стараясь при этом использовать весь опыт, накопленный буржуазией». Кроме того, Саминский отметил у рецензента отсутствие формальной четкости в вопросах идеологии: «Полагаем, что вы не анархист, желающий уничтожить старый мир в буквальном смысле слова и на обломках старого построить новый».

Ответ Платонова на статью «Красные духом» был готов уже к 1 августа, однако «по целому ряду причин» не был напечатан в *Вор. ком.* Вместо этого было объявлено о переносе полемики «Об Игоре Северяnine и его творчестве» в клуб журналистов (на 2 авг.); на обсуждение особо приглашались представители Культпросвета Опродкомарма 2 (см.: Об Игоре Северяnine и его творчестве // *Вор. ком.*, 1920, 1 авг., № 171, с. 3).

...поэта-аристократа Игоря Северянина.— Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильевич) (1887—1941) — поэт, представитель направления «эгофутуризма». 27 февраля 1918 г. избран «королем поэтов» (конкурс проводился в Политехническом музее; участники: В. Маяковский, К. Бальмонт и др.). С 1918 г. постоянно жил в Эстонии.

ВОССТАНИЕ ВОСТОКА (с. 58).— *Кр. деп.*, 1920, 27 июля, № 116, с. 1; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации

Статья является откликом на аналогичные публикации центральной печати, освещавшие ход национально-освободительной борьбы народов Востока, ср.: «Мировой империализм инстинктивно чуял, что отсюда грозит ему гибель, что именно с Востока будет нанесен ему смертельный удар» (*Стеклов Ю* *Ex oriente lux!* // Газ. «Известия», 1920, 23 июня, № 135, с. 1; см. выше также прим. к статье «Новые братья», с. 321—322).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста»; в отзыве на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448).

ДВА УДАРА НА УДАР (с. 60).— *Кр. дер.*, 1920, 28 июля, № 117, с. 1; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана в период успешно развивавшегося наступления Красной Армии на Варшаву и Львов.

С. 60. *На наши условия перемирия Англия еще не ответила.*— Речь идет об ответе советского правительства на ноту Дж. Керзона (см. выше прим. к статье «Единая сила», с. 336).

Франция ~ ответила мобилизацией двух корпусов...— Сведения взяты из статьи Ю. Стеклова «Накануне Мальбрукова похода», см.: «И уже имеется сообщение о том, что еще 18 июля, т. е. на следующий же день после посылки ответной советской ноты, быть может, даже до ее получения, французское правительство постановило привести в боевую готовность два французских артиллерийских корпуса на случай “необходимости” помощи Польше» (газ. «Известия», 1920, 23 июля, № 161, с. 1).

...из польских окопов наши красноармейцы слушали «Интернационал».— Вероятно, имеются в виду события, изложенные в заметке «Тридцать красных», см. с. 325.

Германия стоит уже на одной ноге...— Речь идет о ситуации, сложившейся в Германии в результате революционного движения в этой стране в 1918—1919 гг.

Антанта — см. выше прим. к статье «Прямой путь», с. 324.

ВОСПИТАНИЕ КОММУНИСТОВ (с. 62).— *Кр. дер.*, 1920, 30 июля, № 119, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья имеет непосредственное отношение к партийной жизни Воронежа. 27 июля в *Вор. ком.* было опубликовано следующее обращение

агитационно-пропагандистского отдела Воронежского Губкомпарта: «Необходимость политического воспитания всех членов и кандидатов партии и ознакомления их с нашей программой всем ясна и очевидна. Но до сих пор мы только ограничивались одним этим сознанием, необходимо теперь разрешить этот вопрос в самый кратчайший срок. Прежде всего должно быть проведено воспитание малосознательных и бессознательных членов и кандидатов в городах. Эта работа должна явиться только первой ступенью широкой воспитательной работы среди членов партии вообще и рабочих в частности. Агитационно-пропагандистский отдел секретариата Губкома выдвинул вопрос о первоначальном политическом воспитании через кружки как боевой вопрос дня, как боевое задание агитационно-пропагандистским отделам Укомпартов» (*Вор. ком.*, 1920, 27 июля, № 166, с. 1). В следующем номере газеты были опубликованы план и инструкция по организации и проведению кружков политического воспитания (Там же, 1920, 28 июля, № 167, с. 1).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила отрицательный отзыв: «“Воспитание коммунистов” неправильно утверждает, что буржуазия является отцом пролетариата. Дальнейшее изложение по своей ценности также не отвечает требованиям, предъявляемым обычно к статьям для сборников. Печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 448).

С. 62. ...*пусть станет новым человек, пусть почувствует каждый, что он теперь не тот, не прежний, не ветхий...*— см. выше прим. к статье «Луначарский», с. 334.

КРАСНЫЙ ТРУД (с. 64).— *Кр. дер.*, 1920, 4 авг., № 123, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

В статье речь идет о первой (вспомогательной) Шатурской электрической станции (мощностью 5000 кВт). Торжественное открытие электростанции состоялось 25 июля 1920 г.; это событие достаточно широко освещалось в центральной печати (см., например: На Шатурских болотах // *Газ. «Известия»*, 1920, 29 июля, № 155, с. 1; Победа на фронте труда (Открытие Шатурской электрической станции) // *Газ. «Гудок»*, 1920, 31 июля, № 68, с. 3).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста». Отзыв рецензента: «...не имеет сколько-нибудь перманентного интереса, имеет славянофильский душок; печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 446).

С. 64. ...*в Рязанской губернии, в Шатурском районе...*— Ныне Шатурский район Московской обл.

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ (с. 66) — *Кр. дер.*, 1920, 14 авг., № 132, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «...субъективно-абстрактна, чересчур парадоксальна, отрывочна и вообще подобна “Искусству пролетария”. Печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 446) Возможно, под заглавием «Искусство пролетария» в отзыве фигурирует статья «К начинающим пролетарским поэтам и писателям».

С. 67. ...убить в себе древнего, бессильного, ветхого, страдающего человека и родить здесь на земле новое существо... — см. выше прим. к статье «Луначарский», с. 333—334.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «ТРУДОВОЙ АРМИИ» ПО ПОВОДУ МОЕГО РАССКАЗА «ЧУЛЬДИК И ЕПИШКА» (с. 68). — *Кр. дер.*, 1920, 22 авг., № 138, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Трудовые армии — военные формирования Красной Армии, использовавшиеся в 1920—1922 гг. в народном хозяйстве; в связи с введением нэпа расформированы постановлением СТО от 30 декабря 1921 г. Газета «Трудовая армия» являлась органом Реввоенсовета 2-й Особой армии Республики и политотдела ЮВЖД. Текст рецензии, помещенной в газете «Трудовая армия», неизвестен (издание недоступно).

Рассказ «Чульдик и Епишка» был опубликован 10 августа 1920 г. и вызвал многочисленные отзывы читателей. 19 августа в рубрике «Наша почта» Платонов ответил своим оппонентам следующим образом:

«Всем, кто писал или хочет писать мне по поводу рассказа “Чульдик и Епишка”.

Человека, который ошибается, надо учить, а не смеяться над ним и не ругать его.

А то мне теперь от вашего целомудренного визга еще больше думается, что не вы, а я один прав.

А. Платонов» (*Кр. дер.*, 1920, 19 авг., № 136, с. 2)

Отзывы на рассказ продолжали приходиться и после публикации «Ответа редакции...». Некому Шварцу из слободы Ровенка на страницах *Кр. дер.* ответили: «По поводу рассказа “Чульдик и Епишка” редакция ни в какую переписку не намерена вступать. Прочтите ответ автора в № нашей газеты от 22 августа» (*Кр. дер.*, 1920, 3 сент., № 147, с. 2).

С незначительными изменениями статья «Ответ редакции...» вошла в предисловие к *ГГ*, написанное Г. Литвиным-Молотовым.

В ЧЕМ СВОБОДА (с. 70).— *Кр. дер.*, 1920, 3 сент., № 147, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «...написана вдумчиво и популярно. Постановка вопроса правильная. Может быть напечатана» (*Субботин*, с. 446).

С. 70. «Освобождение в Боге, а Бог в любви»,— говорил Толстой.— Толстой Лев Николаевич (1828—1910), русский писатель. Религия Толстого почти целиком сводилась к этике любви и непротivления. Толстой проповедовал идеи о возможности преодоления насилия в отношениях между людьми путем непротivления, нравственного самосовершенствования каждого отдельного человека.

«Свобода в осуществлении вечного нравственного закона, заложенного в человеке»,— думал Кант, германский мыслитель.— Краткое изложение философско-этической системы родоначальника немецкой идеалистической философии Э. Канта (1724—1804).

Первый сумел посмотреть на явление свободы в человечестве научно ~ Карл Маркс.— Марксистское учение дает определение свободы как «познанной необходимости», согласно которому свобода личности, коллектива, общества в целом заключается «не в воображаемой независимости» от объективных законов, а в способности выбирать, «принимать решения со знанием дела» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20, с. 116).

ГАЗЕТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ (с. 73).— *Кр. дер.*, 1920, 23 сент., № 163, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста»; в отзыве на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448).

С. 73. Всегда господствующие классы первым делом захватывали печать...— Декрет Совета народных комиссаров «О печати» был принят 27 октября (9 ноября) 1917 г.

О НАШЕЙ РЕЛИГИИ (с. 75).— О религии // *Кр. дер.*, 1920, 18 авг., № 135, с. 2; О нашей религии // Там же, 1920, 25 сент., № 164, с. 2.

Статьи «О религии» и «О нашей религии» объединены Платоновым не ранее середины 1921 г., поскольку в сборник «Думы коммуниста»

(1921) они были включены еще по отдельности. Газетные вырезки указанных статей с незначительной правкой, объединяющей их в единый текст, см.: *РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 109, л. 17—18.

Датируется по первой публикации. Печатается по источнику *РГАЛИ*.

В отзыве на сборник статьи получили следующую оценку: «“О нашей религии” можно напечатать, но она нуждается в некоторых редакционных изменениях, рискованно и незстетично противопоставление голубой выси комку лошадиного помета; неправильно утверждение, что у нового человечества “голова заработает после всего”, ибо она уже и теперь у него работает; постановка вопроса о новом боге или должна быть совершенно снята, или ее следует должным образом аргументировать без ссылок на будущие работы. <...> Статья “О религии” художественно непопулярна и предназначается для очень тесного круга людей с слишком тонченными эстетическими взглядами. Уже поэтому ее при настоящих условиях печатать нельзя. Есть и другие недостатки, сближающие ее с “Искусством пролетария” и “Вечной жизнью”» (*Субботин*, с. 447)

С. 75. *Бог есть любовь...*— Цитата из соборного послания ап. Иоанна (1 *Ин.* 4, 8).

С. 77. *III Интернационал* — см. выше прим. к статье «Рабочее братство», с. 326.

БОРЬБА МОЗГОВ (с. 79).— *Кр. дер.*, 1920, 3 окт., № 171, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» и получила следующий отзыв рецензента: «“Борьба мозгов” представляет революцию как столкновение пролетарской мысли и буржуазных чувств. Печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 448).

ДВЕ ПОБЕДЫ (с. 81).— *Кр. дер.*, 1920, 7 окт., № 173, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Источником фактических сведений для статьи являются публикации в газ. «Известия»: «Соглашение с Польшей», «Махно и Советская власть» (1920, 6 окт., № 222, с. 1).

С. 81. *Польша заключила с нами перемирие.*— Польское правительство сообщило о готовности начать мирные переговоры 7 августа 1920 г.,

но приступило к ним лишь 17 августа, после перехода польских войск в контрнаступление. Советская делегация, добиваясь скорейшего заключения мира, пошла на уступки и согласилась на отклонение от так называемой “линии Керзона” в пользу Польши. Предварительные условия мирного договора подписаны в Риге 12 октября 1920 г.; военные действия были прекращены 18 октября.

...более чудесная наша победа, чем если бы мы взяли Варшаву.— Возможность взятия Варшавы существовала в августе 1920 г., по ряду причин не была реализована.

...атаман Махно прощен нашим правительством и отправлен на Врангеля.— Махно Нестор Иванович (1889—1934), руководитель вооруженного движения на Украине в 1918—1921 гг. В 1919—1920 гг. воевал против белогвардейцев и петлюровцев, а также против Красной Армии. Трижды вступал в соглашение с советской властью и трижды нарушал его. В октябре 1920 г. в Харькове было подписано соглашение между представителями Махно и командованием Южного фронта о совместных действиях против войск Врангеля. Конный махновский отряд участвовал в Перекопской операции Красной Армии. После поражения белогвардейцев в Крыму Махно вновь отказался подчиняться большевикам. 26 августа 1921 г. бежал в Румынию.

БЕЛЫЙ БЕС (с. 83).— *Кр. дер.*, 1920, 8 окт., № 174, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Один кулак — Польшу мы заставили опуститься...— На момент написания статьи с Польшей велись мирные переговоры (см. выше прим. к статье «Две победы»).

...барон Врангель ~ занижается все глубже и глубже.— Врангель Петр Николаевич, см. выше прим. к статье «Размозжим», с. 322—323. В первой половине октября на Южном фронте развернулись напряженные бои; в частности, 6 октября врангелевские войска начали наступление на Правобережную Украину, форсировали Днепр.

ЗАДНИЕ ПЛАНЫ (с. 84).— *Кр. дер.*, 1920, 12 окт., № 177, с. 2; статья-передовица.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья является откликом на публикации газеты «Правда», см.: «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», «Во Франции. Отношение правительства к России» (1920, 10 окт., № 226, с. 2).

С. 84. ...после заключения перемирия между Польшей и Россией...— См. выше прим. к статье «Две победы», с. 342.

...мелкие, жадные буржуазные сплочения (вроде Латвии, Эстонии, Грузии, Югославии, той же Польши и пр.)...— Речь идет о буржуазных государствах появившихся в результате 1-й мировой войны. Буржуазные правительства Латвии и Эстонии возникли на территориях, занятых германскими войсками. В августе 1919 г. Латвия и Эстония участвовали в организованном Антантой совещании антисоветских сил Прибалтики, в результате которого было заключено соглашение о совместном выступлении против Советской России. Советская власть на территории Эстонии была полностью подавлена в июне 1919 г., на территории Латвии — в январе 1920 г. Грузинская буржуазная республика была провозглашена 26 мая 1918 г. после распада Закавказской демократической федеративной республики. Югославия, т. е. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г.— Югославия), образовалось в результате распада Австро-Венгрии 1 декабря 1918 г. Республика Польша была образована в ноябре 1918 г. Основными условиями этого явились отказ Советского правительства в августе 1918 г. от договоров и актов, заключенных правительством бывшей Российской империи о разделе Польши, и вывод с окончанием 1-й мировой войны германских и австро-венгерских войск с польских земель.

Врангель Петр Николаевич, см. выше прим. к статье «Размозжим», с. 322—323.

ОБУЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЮ (с. 86).— *Кр. дер.*, 1920, 15 окт., № 180, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Наша задача в том, чтобы обучить управлению государством каждую кухарку.— Утверждение, перефразирующее одно из известных высказываний В. И. Ленина: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством» (*Ленин В. И. Удержат ли большевики власть // Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 315).

ПОЭЗИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН (с. 88).— Газ. «Свободный пахарь», Задонск, 1920, 17 окт., № 58, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 89. Следующую статью я напишу, чтобы выяснить, в чем состоит искусство пролетария и чем оно отличается от искусства буржуа-

зи...— Возможно, речь идет о статье «Культура пролетариата» (см. ниже).

КУЛЬТУРА ПРОЛЕТАРИАТА (с. 90).— *Вор. ком.*, 1920, 17 окт., № 233, с. 2; 20 окт., № 235, с. 2—3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Публикация программной статьи Платонова «Культура пролетариата», по-видимому, была приурочена к Первому Всероссийскому съезду пролетарских писателей, проходившему в Москве 18—21 октября 1920 г. Платонов был делегатом съезда с правом решающего голоса.

Тема, развернутая в статье, была чрезвычайно актуальна в публицистике Платонова (см.: «Борьба мозгов», «Белые духом», «Газета и ее значение», «Поэзия рабочих и крестьян» и т. д.). Основные идеи статьи оформлялись и уточнялись в дискуссиях клуба журналистов. В клубе «Железное перо» диспут на тему «Буржуазное и пролетарское искусство» проходил 7 и 14 августа (см.: *Вор. ком.*, 1920, 7 авг., № 176, с. 3; 14 авг., № 182, с. 2). 21 августа Платонов выступил с докладом «Что такое пролетарское искусство?» на вечере пролетарской поэзии в клубе пехотных курсов комсостава (см.: Там же, 1920, 24 авг., № 189, с. 2). Вероятно, доклад Платонова «Пол и сознание», прочитанный 22 ноября (см. выше прим. к статье «Душа мира», с. 328—330), также продолжал тему «Культуры пролетариата».

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «...представляет массу отрывочных, рискованных и неаргументированных утверждений и печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 447).

Статья действительно соткана из взаимоисключающих тезисов и положений; среди источников, явно или скрыто цитируемых, также трудно выделить определенную, а тем более — единую тенденцию. Платонов прикован к вопросам кризиса культуры и сознания и, выстраивая свою позитивную программу через радикальное решение пролетариатом последнего и главного вопроса — «истины», черпает доказательства из самых разных явлений русской и европейской мысли, не признавая, по существу, никаких последних авторитетов. Статья в некотором смысле представляет читательскую лабораторию Платонова революционной эпохи, что акцентировано и в сквозном мотиве «прочитанной» книги или статьи. Программный характер заглавия статьи позволяет сказать об одном очевидном ее источнике — «Очерках организационной науки» А. Богданова. С осени 1919 г. на страницах «Пролетарской культуры» начинают печататься главы главного философского труда Богданова «Тектология», во многом адаптированные к современным

задачам развития пролетарской культуры и к новой аудитории. Идеи организационной науки объявлялись «новой точкой зрения в универсальном масштабе», «новым способом мышления» человечества (Богданов А. Очерки организационной науки // Журн. «Пролетарская культура», 1919, № 7—8, с. 27). Именно с позиций богдановской «опытной» и «коллективно-трудовой точки зрения» Платонов предлагает решить фундаментальные вопросы наследия прошлого, современной культуры и жизни. Причем проводит он «организационный принцип» с той последовательностью и радикальностью, которая вовсе не была свойственна теоретику «организационной науки».

С. 90. *Что такое, например, учение Дарвина, которое мы, пролетарии, так любим? Это культура организмов.*— Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882), английский ученый, автор трудов «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), «Изменение домашних животных и культурных растений» (1868), «Происхождение человека и половой отбор» (1871). Объяснив с помощью теории естественного отбора процесс развития органических форм, Дарвин придал идее эволюционизма универсальный характер. Учение Дарвина имело глубокое влияние на естественные и общественные науки, культуру в целом. Большой вклад в пропаганду и развитие идей Дарвина внесли русские ученые-естественники: К. Тимирязев, И. Сеченов, Н. Бекетов; собрание Сочинений Дарвина в русском переводе вышло под редакцией Тимирязева; книга Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение» (1899) выдержала 4 издания. Платонов написал собственные тезисы о Дарвине, выдержанные в духе марксистской науки и современной ему пропаганды дарвинизма на страницах пролетарских изданий, однако образ Дарвина в «Культуре пролетариата» несколько иной. Не исключено, что еще в юности Платонов прочитал некоторые работы Ч. Дарвина, причем прочитал их поверх всех рекомендаций, прежде всего, как эпос органического мира, мира растений и животных. Мир этот описывался Дарвиным как трудная и трудовая жизнь (так, в одной из последних своих работ «Образование растительной земли благодаря червям» (1881) он одним из первых рассказал, какую громадную «работу» над нашими почвами проделали земляные черви и какое полезное значение они имеют для растительного мира). С интересом именно к «культуре организмов» связан один из нереализованных замыслов Платонова (см. предисловие к произведению об эволюции живых организмов: *РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 108, л. 1—2). Неизвестная исследователям статья о Ч. Дарвине была включена Платоновым в книгу «Думы коммуниста» (*Субботин*, с. 446).

С. 91. *Что такое буржуазная культура...*— Фрагмент, посвященный объяснению причин упадка буржуазной культуры, выполнен в духе

и стилистике критики индивидуалистических начал культуры, характерной для самых разных течений этих лет. Ср.: «Когда общественный класс выполнил свою прогрессивную роль в историческом процессе и склоняется к упадку, тогда неизбежно упадочным становится содержание его искусства, а за содержанием следует, приспособляясь к нему, и форма. Вырождение господствующего класса обыкновенно совершается на основе перехода к паразитизму. Следом за ним идет пресыщение, притупление чувства жизни. Из него выпадает главный источник нового, развивающегося содержания — социально-творческая деятельность; жизнь пустеет, теряет “разумный”, т. е. именно социальный, смысл. Пустоту стараются заполнить исканием новых и новых наслаждений, новых и новых ощущений. Искусство организует эти искания: с одной стороны, по пути возбуждения угасающей чувственности уходит в декадентские извращения; с другой стороны, по пути утончения и изощрения эстетических восприятий начинает до крайности усложнять и массой мелочных ухищрений стремится изукрасить свои формы. Все это не раз наблюдалось в истории, при упадке разных культур...» (*Богданов А.* Критика пролетарского искусства // Журн. «Пролетарская культура», 1918, № 3. Цит. по: *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М., 1990, с. 446); «У буржуа — почва под ногами определенная, как у свиньи — навоз: семья, капитал, служебное положение, орден, чин, бог на иконе, царь на троне. Вытащи это — и все полетит вверх тормашками» (*Блок А.* Интеллигенция и революция (1918) // *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т., т. 6, М.; Л., 1962, с. 18); «Глаза Рима, как и наши глаза, не видели этого; а если кто и видел, то не умел предупредить страшной болезни, которая есть лучший показатель дряхлости цивилизации: болезни *вырождения*. За этим опошленным словом стоит довольно жуткое содержание» (*Он же.* Катилина. Страница из истории мировой Революции (1918) // Там же, с. 66).

С. 93. *У профессора Тимирязева я прочел...*— *Тимирязев* Климент Аркадьевич, см. выше прим. к статье «Сила сил», с. 327. Разоблачению идеалистических течений в современной науке посвящены практически все статьи и книги К. Тимирязева последних лет («Насущные задачи современного естествознания», 1919; «Ч. Дарвин и К. Маркс», 1919; «Наука. Очерк развития естествознания за 3 века», 1920; «Главнейшие успехи ботаники в начале XX столетия», 1920; и т. д.). Тимирязев не раз предупреждал, что у науки «не должно быть метафизически распространительного смысла», ибо наука тогда неизбежно вступает в область метафизики и веры, проигрывает последней и превращается в «философскую схоластику» (*Тимирязев К.* Наука. М., 1920, с. 3). Однако сам Тимирязев не удержался от искушения перекинуть мост из естествознания в область современной культурной ситуации. В статье «Ч. Дарвин

и К. Маркс» он не только провел параллель между дарвинизмом и марксизмом, но и предложил именно естествознание положить в основание культуры пролетариата и считать Дарвина «основателем новейшей реалистической этики» (Тимирязев К. Ч. Дарвин и К. Маркс (Канун шестидесятых годов, 1859 год) // Журн. «Пролетарская культура», 1919, № 9—10, с. 24, 25—34). Платонов с интересом читал Тимирязева, доверял его естественнонаучным изысканиям, однако, как следует из дальнейшего сюжета статьи, он возражает расширительной трактовке учения Дарвина об организмах, которую вслед за Марксом предложил Тимирязев.

С. 94. *...подвергать их опыту и выносить суждения только из данных опыта, не возвышая этих данных ни в какую общую идею...*— Ср.: «Методы всех наук для тектологии — только способы организации материала, доставляемого опытом. <...> Философия теоретическая стремилась *найти* единство опыта, и именно в форме какого-нибудь универсального объяснения. Она хотела дать *картину* мира, гармонически целостную и во всем понятную. Ее тенденция — созерцательная. Для тектологии единство опыта не “находится”, а *создается*, активно-организационным путем: “философы хотели объяснить мир, а суть дела заключается в том, чтобы изменить его”, сказал великий предшественник организационной науки Карл Маркс. Объяснение организационных форм и методов тектологией направлено не к созерцанию их единства, а к *практическому овладению* ими. Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке...» (Богданов А. Очерки организационной науки // Там же, 1919, № 9—10, с. 19—20). В понимании материализма Платонов развивает именно те идеи «Тектологии» Богданова, которые были подвергнуты жесткой критике Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).

С. 95. *...материализм, свободный от вредоносных предрассудков идей.*— В публикации было напечатано «материализм, свободный от вредоносных и профессиональных идей»; допущенная опечатка заставила Платонова выступить с поправкой к статье:

«В № 235 в ст. “Культура пролетариата” в одном месте напечатано: “профессиональных идей”. Это зверская опечатка — надо: “предрассудков идей”. Ибо я отстаиваю тот взгляд, что самое понятие “идей” есть предрассудок: идея должна замениться точным изложением наблюдения, действительности.

Наблюденное явление нельзя расширять до обобщающей идеи, а прижимать только к факту, который изучаешь. Так будешь ближе к истине, а иначе уйдешь в сладкую “идеальную” ложь метафизики.

Не идеи, а наблюдения и критика самих наблюдений должны господствовать в науках коммунистического человечества» (Поправка

к статье «Культура пролетариата» // *Вор. ком.*, 1920, 27 окт., № 241, с. 4).

Тьмы жалких истин нам дороже, // Нас возвышающий обман...— Неточная цитата из стихотворения А. Пушкина «Герой» (1830) В источнике: «Тьмы низких истин мне дороже...». Использование данных строк Пушкина в качестве символа «индивидуалистической» культуры первым предложил А. Богданов: «...отчаянье недостойно борцов; но фальшь розовых очков еще более их недостойна: она — отрыв, бегство от действительности, лживая маска того же отчаяния... Это низводит пролетарскую поэзию до уровня той, которая ставила своим девизом:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман. .

Нет, не сладкие славословия, а непреклонная воля и стоическая гордость — вот что нужно окруженному врагами со всех сторон пролетариату...» (*Богданов А. Критика пролетарского искусства // Журн. «Пролетарская культура», 1918, № 3. Цит. по: Богданов А. Вопросы социализма. Указ. изд., с. 445).*

...слова В. Розанова: Я не хочу истины, Я хочу покоя...— Усеченная цитата из книги «Опавшие листья» В. В. Розанова. В источнике: «Я не хочу истины, я хочу покоя. (после доктора)» (цит. по: *Розанов В. Сумерки просвещения. М., 1990, с. 485).*

...Жизнь еле плетет под камнем смерти ~ Пусть станет истина ее душой.— Цитируется собственное стихотворение «Мысль» (см. наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 386).

С. 97. *Пол — душа буржуазии.*— Лаконичная формула представляет скрытую цитату из Розанова. Ср.: «...центр души лежит в поле...»; пол «и есть наша душа» (*Розанов В. В мире неясного и нерешенного. Указ. изд., с. 27).* Розанов понимал пол как духовное начало в человеке, как сферу его сокровенной тайны, где человек связан со всей природой, историей и Богом. Розановская метафизика пола как одной из универсальных категорий жизни, истории и культуры явно или скрыто присутствует и в дальнейших оппозициях пролетарской культуры, выстраиваемых в статье: розановскому «поклонение полу» — противопоставляется мысль и сознание; «религии семьи» как «высшей красоте религии» — коллектив; «загадке рождающегося бытия», «небесной надежде» жизни пола — радикальное решение вопроса смерти; «тайноведению жизни пола» — поход на тайны; «связи чувственности и гения» в истории литературы и культуры — крайний нигилизм и т. д. Одновременно розановский скепсис в отношении к «книжному» мышлению интеллигенции, к «литературности» самой литературы оказался также близок Платонову

и сказался в антикнижной и нигилистической по отношению к литературе риторике статьи.

С. 100. *А где Тайна, там Истина мертва.*— Ср. с записью в записной книжке 1921 г.: «Истина — тайна, всегда тайна. Очевидных истин нет» (*Записные книжки*, с. 17).

ГЕРОИ ТРУДА. КУЗНЕЦ, СЛЕСАРЬ И ЛИТЕЙЩИК (с. 101).— *Вор. ком.*, 1920, 7 нояб., № 251, с. 1. Подпись: *А. П.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Очерк написан в период кампании по выдвижению героев труда. Первое награждение героев труда в Воронеже состоялось в декабре 1920 г. (см. выше прим. к статье «О них», с. 357). Звание героя труда присваивалось лицам, отличившимся на трудовом фронте, производство в герои труда рассматривалось как средство организации массового героизма в труде. Согласно официальной информации исполкома, профсовета и совнархоза Воронежской губернии героями труда могли считаться «рабочие и служащие всех тарифных разрядов, личным мужеством или абсолютно неограниченным по собственной инициативе временем предотвратившие порчу машинного оборудования предприятий, предотвратившие возможность общественных бедствий (напр., пожаров и проч.), рабочие и служащие, проявившие особую инициативу в деле технического и организационного усовершенствования работ предприятий и учреждений, рабочие и служащие, достигающие значительной переработки сверх нормы и подающие своим трудом пример массе работников» (Героям труда // *Вор. ком.*, 1920, 8 дек., № 277, с. 1).

С. 101. *...вроде Ленина, который любит русскую старину и славянские письма...*— Возможно, в данной характеристике нашли отражение поэтические образы Н. Клюева, ср.: «Есть в Ленине Керженский дух, // Игуменский окрик в декретах, // Как будто истоки разрух // Он ищет в Поморских Ответах» («Есть в Ленине Керженский дух...» // Журн. «Знамя труда», М., 1918, № 1, с. 15).

С. 102. *Мы знаем Шалаяпина, Горького, Гельцер и здесь, в Воронеже, Нину Кирсанову, Нестеренко...*— К столичным представителям интеллигенции (Ф. Шалаяпин — певец, М. Горький — драматург, Е. Гельцер — балерина) Платонов добавляет имена артистов воронежских театров.

...осаживается в Крым Врангель...— *Врангель* Петр Николаевич, см. выше прим. к статье «Размозжим», с. 322—323. Статья написана накануне Перекопско-Чонгарской операции, завершившей разгром врангелевских войск в Крыму.

...Платон Фирсович Климентов или просто Фирсыч, Фирсаньч — Климентов П. Ф. (1870—1952) — отец писателя. 12 мая 1949 г., за несколько лет до смерти, в письме к сыну Петру рассказывал о себе: «Я родился в городе Задонске, мещанин, <в> 1870 году. <...> Мать твоя родилась <в> 1875 году <...> в городе Задонске. Крещение наше было — ее и мое — тоже в Задонске, в Успенском соборе. Где я и отбывал воинскую повинность в 1891 году, ездил из Воронежа в Задонск, откуда я поехал в Ленинград, где прослужил 5 лет старшим унтер-офицером. Когда возвратился со службы, поступил на ж. д., где проработал почти 40 лет и был на хорошем учете. <...> поступил на ж. д. рядовым слесарем, потом стал бригадиром, далее групповод — потом монтер, потом инспектором по приемке деталей. У меня много изобретений. Мой прибор для проверки и постановки ведущих кривошипов, за что я получил патент. В газетах писали, что перегнал Круп<п>а. Вальцевание дымогарных труб. Кольца для укрепления бандажей быстрого гидравлического пресса. За все это я получил благодарность с линии и был представлен к высшей награде — Ордену Ленина, но не получил, хотя играли туш в клубе Карла Маркса и поздравляли» (цит. по: *Свительский В. А.* Андрей Платонов вчера и сегодня. Воронеж, 1998, с. 138; см. также: *Песков В.* О товарище Климентове // Журн. «Подъем», Воронеж, 1931, № 6—7, с. 58—61; *Ласунский, с. 17—23).*

...паровозных пальцев, кривошипов...— Палец, валик или стержень округлой формы, укрепляемый на конце одной из движущихся частей механизма и служащий осью вращения для другой соединенной с ним части. *Кривошип*, звено кривошипного механизма, которое может совершать полный оборот вокруг неподвижной оси.

С. 103. ...особый прибор для определения угла опережения при насадке на паровозных кривошипов...— На это изобретение («Прибор для проверки взаимного положения контр-кривошипов ведущей оси паровозов любой серии») П. Ф. Климентову было выдано авторское свидетельство № 23430 (см.: Журн. «Вестник комитета по изобретательству при СТО», 1931, № 10, с. 97). Справка о первенстве заявки (№ 53972) датирована 2 сентября 1929 г. (см.: Там же, 1929, № 10, с. 56). Об изобретениях отца Платонов также писал в статьях «Два изобретения» (газ. «Трудовой клич», 1921, 7 апр., № 25, с. 2), «Слесарь Климентов — изобретатель» (газ. «Наша газета», 1921, 28 окт., № 23, с. 3).

Эксцентриковая муфта — муфта, расположенная на диске, ось вращения которого не совпадает с его геометрической осью.

...Климентов ездил несколько самых суровых снежных зим, год-два назад, со снегоочистителем.— В личном деле П. Ф. Климентова, хранящемся в фонде Управления ЮВЖД (ГАВО, ф. И-33) имеются документы, свидетельствующие, что зимой 1919—1920 гг. слесарь Воронежской

дистанции П. Ф. Климентов должен был обслуживать снегоочистители на Воронежской, Лискинской и Анненской ветках.

...пускать за собою вслед воинские эшелоны на Деникина — Речь идет о наступлении Красной Армии на Южном и Юго-Восточном фронтах зимой 1919—1920 гг. См. также прим. к рассказу «Иван Жох» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 519.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО МЫ (с. 106).— *Вор. ком.*, 1920, 7 нояб., № 251, с. 1; статья-передовица Подпись: П

Датируется и печатается по первой публикации.

В заглавии статьи Платонов перефразирует известное высказывание французского короля Людовика XIV — «Государство — это я».

...через введение в программу трудовой школы...— см. выше прим. к статье «Луначарский», с. 334.

БУДУЩИЙ ОКТЯБРЬ (с. 107).— *Вор. ком.*, 1920, 9 нояб., № 252, с. 1. С подзаголовком: *Дискуссионная*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья вызвала два критических отклика в *Вор. ком.* Первой появилась заметка Б. Ирисова (Знамение времени. Ответ на «Будущий Октябрь» тов. А. Платонова // *Вор. ком.*, 1920, 14 нояб., № 257, с. 2), в которой предпринималась попытка прояснить идеологические воззрения Платонова:

«Активная борьба не на живот, а на смерть за каждую мелочь жизни настолько въелась в обиход будней, что наиболее мыслящие представители пролетариата не могут себе мыслить живой жизни без этой борьбы.

И будущий Октябрь т. Платонова — просто отголосок прогрессирующего в человеке инстинктивного желания никчемной борьбы. Вымучивается, в качестве предпосылки к будущему Октябрю, весьма удивительный профессионализм, который, при истинном представлении этого понятия, не что иное, как техническая деталь коммунистического государственного механизма. <...>

“Мы еще более революционеры, чем коммунисты, а главное не фанатики” — говорит т. Платонов. Стало быть, в представлении т. Платонова существуют два понятия — мы (кто же именно?) и коммунисты. Очевидно, т. Платонов хотел сказать — мы (или, может быть, я) левее по своему мировоззрению коммунистов.

Вот где сказалось влияние времени, совокупности политических, общественных и — главное — экономических условий жизни. Душа современного пролетария, не обретя спокойствия в мирном строительстве, страстно потребовала борьбу и выдумала повод — профессиональные различия. Т. Платонов хочет выдвинуть лозунгом дня раскол коммунистического общества и зверство профессионализма — вместо зверства классов.

Следует напомнить т. Платонову, что коммунистическая программа не есть нечто целое, завершенное — она наметила вехами прогресса дальнейший путь человечеству и предусматривает какие угодно возможности в пределах коммунистического развития общества.

Нельзя стать левее коммунизма потому, что дорога коммунистов уходит далеко вперед в бесконечность».

В качестве второго оппонента Платонова выступил Г. З. Литвин-Молотов. Не называя имени автора, Литвин-Молотов указал, между прочим, на анархистский характер отдельных тезисов статьи:

«<...> Что же касается до теоретического мудрствования,— то эту полосу мы уже прошли и теперь стали перед вопросами практического применения; вопросы же теоретического характера, если не всеми еще нами поняты, то, во всяком случае, самым ходом русской пролетарской революции они уже разрешены, и марксизм (коммунизм) вступил, таким образом, в полосу практической борьбы, в полосу своего практического осуществления. (Последнее особенно и нужно запомнить тем, кто мудрствует о “будущем Октябре”).»

Советская Россия основное сделала, в ней дорога к коммунизму открыта, пути его расчищаются пролетарской метлой на нашем внутреннем и международном фронтах, а внутри идет новое строительство. Поэтому совершенно странным кажется, когда вновь (под якобы практическим соусом) начинает пережевываться разжеванное, разрешенное, отброшенное и т. д. И особенно странными являются рассуждения о каком-то “будущем Октябре”, в которых, помимо проскальзывающих старых ноток синдикализма, анархизма, чувствуется явная несуразность (опять-таки прикрытая некоторым “якобы практицизмом”) и подтасовка. <...>

На этом я считаю необходимым покончить с возражениями, направленными против стремления некоторых товарищей неправильно осветить прошедшее трехгодичное существование диктатуры пролетариата (и самую сущность диктатуры) и включить в будущее коммунистическое общество новую борьбу, навеянную анархическими тенденциями (здесь я не прикрепляю просто ярлыка: анархо-синдикалисты как раз и пытаются доказать, что будущее общество должно будет строиться так, что будут лишь производственные объединения, между которыми будет развита в процессе обмена конкуренция, борьба).

Вместо того, чтоб тратить время на мудрствование о каком-то “будущем Октябре”, лучше было бы подумать о том, где подлинный коммунизм и как должно идти его строительство: захват государственной власти произошел, деклассирование общества началось переводением всех на трудовое положение, новые социалистические формы производства наметились, как же продолжить в дальнейшем строительство?

Поскольку общие положения могут намечаться, проводиться сверху вниз, постольку частные положения должны выдвигаться местами — низами.

Если фундамент заложен, то дальнейшая постройка складывается по кирпичикам.

Таким образом и вся наша жизнь состоит и строится из мелочей, которые следуют за крупными преобразованиями.

Этими “мелочами”, составляющими сейчас нашу основу, и следует заняться, их нужно подметить, развить или исправить, а не заниматься ненужными, необоснованными и глубоко неверными давно уже решенными теоретическими рассуждениями, которые для теперешнего времени являются лишь “никчемным мудрствованием”» (Подлинный коммунизм. Мудрствующим о «будущем Октябре» // *Вор. ком.*, 1920, 26 нояб., № 267, с. 2).

Предполагалось, что статья Литвина-Молотова будет иметь продолжение, но его не последовало. Свообразным завершением полемики стал II Губернский съезд печати, прошедший в конце декабря 1920 г., где применительно к работникам печати, Литвиным-Молотовым была задана установка на более конкретный, практический подход к строительству коммунистического общества.

Несмотря на столь жесткую «домашнюю» критику, Платонов включил статью в сборник «Думы коммуниста» (1921). Отзыв рецензента был следующим: «В статье “Будущий Октябрь” допущены совершенно необоснованные, незстетичные и некоммунистические противопоставления мужского начала женскому (“фантазер с коровьим женским сердцем”, “коммунистическое общество — это общество мужчин по преимуществу”). Вопрос, затронутый в ней, не является актуальным (о роли человека в производстве во тьме грядущих тысячелетий). Изложение непопулярное, аргументация почти отсутствует. Могло бы быть напечатано при иных условиях книгопечатания, а теперь оно несомненно не выдерживает конкуренции» (*Субботин*, с. 445).

ВЕЧЕР КОМСОЖУРА (с. 110).— *Вор. ком.*, 1920, 12 нояб., № 255, с. 3. Подпись: П.

Датируется и печатается по первой публикации.

Литературно-художественный вечер воронежского комсомола (коммунистического союза журналистов) был проведен 10 ноября в зале консерватории в ознаменование начала «недели помощи фронту» (9—19 ноября 1920 г.). В газетных объявлениях предстоящий вечер именовался «грандиозным» (см.: *Вор. ком.*, 1920, 6 нояб., № 250, с. 2), «большим» (Там же, 1920, 9 нояб., № 252, с. 3). Действительно, в вечере должны были безвозмездно участвовать лучшие артистические, музыкальные и литературные силы Воронежа: пианист Романовский, профессора консерватории Рубинштейн и Залесский, тенор Валентинов, баритон Алеев, певица Грубе, режиссер Волков, артисты Ракин и Ридаль, бас Астров, балерины Сапитон и Андреева и др. В рецензии Платонова внимание сосредоточено преимущественно на одном из номеров — выступлении пианиста Гавриила Ивановича Романовского. По воспоминаниям Я. М. Металлова, одно время Платонов был участником кружка восприятия музыки, организованного Г. И. Романовским при консерватории (см.: *Ласунский*, с. 126).

В музыке Шуберта и Рахманинова...— Шуберт Франц (1797—1828), австрийский композитор, создатель жанра романтической песни-романса. Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943), русский композитор, пианист, дирижер, с декабря 1917 г. жил за рубежом.

МАСТЕР-КОММУНИСТ (с. 111).— *Вор. ком.*, 1920, 12 нояб., № 255, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующую оценку: «Статья “Коммунист-мастер” обращает внимание на необходимость в новом фазисе развития революции органического слияния коммунистической партии с квалифицированным трудом в целях технического перерождения производственных процессов: мысль не истасканная во всяком случае. Статья написана доступным языком, имеет производственно-агитационное значение и потому может быть напечатана» (*Субботин*, с. 445).

ГОЛОВА ПРОЛЕТАРИАТА (с. 114).— Газ. «Свободный пахарь», Задонск, 1920, 14 нояб., № 61, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 114. *Маркс говорил, что всякой общественной организации соот-*

ветствует определенная ~ культурная надстройка.— Речь идет об одном из фундаментальных положений марксизма.

АНАРХИСТЫ И КОММУНИСТЫ (с. 117).— *Кр. дер.*, 1920, 9 дек., № 226, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921), в отзые на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448).

ВЫКЛЮЧЕННЫЕ ДНИ (с. 119).— *Вор. ком.*, 1920, 9 дек., № 278, с. 1. Подпись: *Рабочий А. Платонов*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующую оценку рецензента: «Статья “Выключенные дни” разбирает вопрос о днях отдыха. Метод их отбора указан правильно, хотя не предусмотрены случаи целесообразности установления дней — памятников событиям. Достаточно ценна для печатания» (*Субботин*, с. 446).

С. 119. *Сейчас у нас есть несколько церковных праздников ~ признаны декретом днями нерабочими.*— Действующим трудовым законодательством были установлены несколько праздничных дней (1 января — Новый год; 22 января — день 9 января 1905 г.; 12 марта — низвержение самодержавия; 18 марта — день Парижской коммуны; 1 мая — день Интернационала; 7 ноября — день пролетарской революции), в которые производство работы было запрещено. Помимо этого, местные Советы профсоюзов могли устанавливать особые, неоплачиваемые, дни отдыха, не больше десяти в год, «согласуя эти дни отдыха с обычными для большинства населения данной местности праздниками, заранее опубликовавая таковые во всеобщее сведение» (сб. «Кодекс законов о труде», М., 1920, с. 47—48). До начала 1930-х гг. православные Рождество и Пасха являлись выходными днями.

С. 120. *Надо начать с исследования человеческого рабочего организа...*— В связи с необходимостью скорейшего восстановления народного хозяйства страны вопросы научной организации труда приобрели широкое государственное значение; в частности, ими занимался открытый 18 августа 1920 г. Центральный институт труда. Работая в железнодорожных мастерских, Платонов не мог остаться в стороне от обсуждения принципов НОТ, поскольку именно транспорт рассматривался как

сфера их первоочередного приложения (см. далее прим. к статье «Нормализованный работник», с. 360—361).

О НИХ (с. 122).— *Вор. ком.*, 1920, 12 дек., № 281, с. 1. Подпись: *Рабочий А. П.* В рубрике: *К чествованию героев труда.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Очерк открывает публикацию «портретов» воронежских героев труда, представленных к награждению; один из портретов был посвящен отцу Платонова П. Ф. Климентову (см. выше прим. к статье «Герои труда», с. 351). Материал вышел накануне состоявшегося 13 декабря в Большом советском театре Воронежа первого чествования героев труда (награждены семь человек). К этому времени был создан наградной фонд героев труда, включавший «50 боевых фронтовых красноармейских пайков, 50 костюмов, 100 шт. смен белья, 50 часов, 50 пар сапог» (см.: *Вор. ком.*, 1920, 8 дек., № 277, с. 1). От железнодорожных мастерских, где работали Платонов и его отец, в числе награжденных оказался только А. Ф. Неведров; об этом в одной из более поздних статей упоминает и сам Платонов: «...в мастерских не оказалось ни одного героя труда (за исключением т. Неведрова, который как-то “проскочил”), по крайней мере их нигде не чествовали» (Великое равно малому, а малое — ничему // Газ. «Трудовой клич», Воронеж, 1921, 9 марта, № 2, с. 2).

Вскоре после первого награждения в *Вор. ком.* появилась заметка с критикой практики выдвижения героев труда: «Можно смело заявить, что сами рабочие массы принимали в деле награждения небольшое участие. Процесс этого награждения был таков: рабкомы предприятий представили героев в комиссию при Губпрофсовете, которая рассмотрела вопрос персонально <...>, сделала свое заключение и представила на утверждение нескольких тысяч трудящихся, собравшихся торжественно чествовать героев труда. <...> И, несмотря на то, что вопрос о награждении прошел через трое рук, на деле получается, что все-таки в награждении принимало участие всего несколько человек: рабкомы и комиссия. <...> И невольно всплывает вопрос о том, чтобы герои труда выдвигались и утверждались самими рабочими того или иного завода» (*Вор. ком.*, 1921, 26 янв., № 17, с. 1). Платонов также высказал в печати свое мнение по этому поводу после того, как в ходе продолжавшегося выдвижения героев труда к этому званию были представлены женщины-машинистки (сообщение об этом опубликовано: *Герои труда // Вор. ком.*, 1921, 2 марта, № 45, с. 4):

«Теперь ясно: великое начало выделения из пролетариата наиболее мужественного, наиболее героического и честного ядра для уравнивания по ним всех пролетариев, это великое начало кончается маленьким, по-

стыдным концом. В людях осталась еще привычка от прошлого великое укорочать по своему росту, и получается маленькое и нечто паскудное.

Изуродованного, полумертвого литейщика Андрианова или Ганина вычеркнули, а вписали Нелли, Зизи и Сиси, психич девиц.

Оно, конечно, можно быть великим писарем, светлой покорной машинисткой. Но сопоставление Андрианова и Нелли есть уже паскудство и потеха. <...>

Дело о “героях труда” кончается обвинением героев. Старый неотвязчивый друг-бюрократ и здесь победил: он занялся производством “героев”, а также “героинь” труда» («Великое равно малому...»).

Проблеме выдвижения героев труда в Воронежских железнодорожных мастерских посвящен также фельетон Платонова «Огромный человек» (газ. «Трудовой клич», 1921, 27 марта, № 16, с. 2).

Повторная публикация о П. Ф. Климентове — герое труда появилась в середине апреля 1921 г. (см.: Герои труда (Характеристика героев труда — работников транспорта) // *Вор. ком.*, 1921, 13 апр., № 78, с. 4).

ЗНАМЕНА ГРЯДУЩЕГО (с. 124).— *Вор. ком.*, 1920, 17 дек., № 285, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Постановка сказки «Свинопас» была приурочена к проводившейся в Воронеже «неделе ребенка» (см. также прим. к рассказу «Странники» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 577). Предполагалось, что пьеса будет сыграна дважды, 6 и 7 декабря, на городском празднике для детей 11—14 лет, устроенном «правлением центрально-коммунистического клуба» при участии детей «коммунистической площадки» (*Вор. ком.*, 1920, 5 дек., № 275, с. 4). По завершении «недели ребенка» Платонов продолжал следить за судьбой этого детского клуба (см. статью «Клуб-школа», с. 126—127).

...принцесс Розу и Маргариту...— В известной сказке датского писателя-сказочника Г. Х. Андерсена (1805—1875) «Свинопас» нет героинь с такими именами. Вероятно, спектакль представлял собою какую-то переработку произведений Андерсена.

Их «дядя Костя»...— Речь идет о Константине Позднякове, руководителе детской коммунистической площадки.

КЛУБ-ШКОЛА (с. 125).— *Вор. ком.*, 1920, 21 дек., № 288, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья посвящена дальнейшей судьбе детского клуба, привлечшего внимание Платонова в связи с проведением в Воронеже «недели ребенка» (см. статью «Знамена грядущего», с. 124). Открытие школы-клуба состоялось 25 января 1921 г. (см.: *Вор. ком.*, 1921, 30 янв., № 21, с. 2). Летом 1921 г. Платонов еще раз обращается к этой теме (Воспитание коммунистов (I детская школа-клуб Горнаробраза) // Там же, 1921, 12 июля, № 151, с. 2).

С. 126. *Курень* — шалаш, сторожка.

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

...*история Иловайского*...— *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832—1920), историк. Учебники Д. И. Иловайского выдержали до революции около двадцати восьми переизданий.

ТВОРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА (с. 128).— *Вор. ком.*, 1920, 26 дек., № 293, с. 2. Подпись: *От имени журналистов-рабочих А. Платонов*. Опубликовано с редакционной пометой: *Не соглашаясь с некоторыми положениями, выдвигаемыми автором, редакция пускает статью дискуссионную.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья помещена в разделе «Ко II Губсъезду работников печати». II Губернский съезд работников печати, созданный в связи с предстоящим в Москве Всероссийским съездом работников печати, проходил в Воронеже 25—27 декабря 1920 г. Подготовка к Губернскому съезду началась в конце ноября 1920 г. (см.: В Губкомсожуре // *Вор. ком.*, 1920, 26 нояб., № 267, с. 1). Платонов значился в числе делегатов съезда, избранных от воронежского комсожура (см.: Среди журналистов // Там же, 1920, 21 дек., № 288, с. 2).

Губернский съезд был призван определить задачи советской печати и на этой основе объединить работу журналистов, сотрудников центрпечати и партийных организаций и организовать просвещение масс. Большую роль в подготовке и проведении съезда сыграл Г. Литвин-Молотов. В частности, в ходе подготовки к съезду на общем собрании членов союза журналистов 18 декабря 1922 г. им был сделан доклад «Очередные задачи советской печати». В этом докладе Литвин-Молотов указывал на необходимость «перейти от военной агитации к агитации производственной (содействовать поднятию сельского хозяйства и развитию промышленности)», «дать максимум знаний по вопросам экономического строительства, учить крестьян обрабатывать землю, а рабочим указать на самые современные способы фабрично-заводского производства» (Там же, 1920, 22 дек., № 289, с. 3). Вероятно, немалое значение в дальнейшей судьбе Платонова сыграл следующий призыв Литвина-Молотова:

«Нужно, чтобы имеющиеся в наличности газетные работники распределили между собою все отрасли знаний, т. е. один специализировался бы на вопросах сельского хозяйства, другой на продовольственном деле, третий изучил бы вопросы фабрично-заводской промышленности или советского права и т. д.

Одним словом, знакомясь с соответствующей литературой по интересующим его как спеца вопросам, журналист должен связаться с обслуживаемыми им учреждениями.

Эта связь устанавливается в процессе знакомства газетного работника со всеми деталями того или иного производства, усовершенствованиями, внесенными в него самим учреждением (например, Губземаотделом, Совнархозом и т. д.), предпринимателями (артелями, кооперативами, коммунами, ремесленниками и т. д.), наконец, производителями-работчиками и крестьянами» (Там же).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921), в отзыве на сборник отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 448).

НОРМАЛИЗОВАННЫЙ РАБОТНИК (с. 131).— *Вор. ком.*, 1920, 29 дек., № 295, с. 1. С подзаголовком: *Дискуссионная*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана в преддверии Первой всероссийской конференции по научной организации труда в производстве (20—27 января 1921 г.) и является откликом на опубликованную в газете «Гудок» программу конференции (Организация труда // Газ. «Гудок», 1920, 18 дек., № 185, с. 3); позднее это же издание достаточно подробно освещало ход конференции (№№ 209—215). Тема конференции имела непосредственное отношение к профессиональной деятельности Платонова. Первоначально, по инициативе наркома путей сообщения Л. Троцкого, при Наркомате путей сообщения планировалось проведение Всероссийской конференции по научной организации труда (тейлоризации) на железнодорожном транспорте. В ходе подготовки к конференции тема была расширена, тем не менее секция съезда, обсуждавшая вопросы организации труда на железнодорожном транспорте, являлась основной.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «...в своей первой половине повторяет собою предыдущую статью <«Мастер-коммунист»>. Вторая часть повторяет Уэльса, но идеализируя тип селенитов. Неубедительно, непопулярно и печатанию не подлежит» (*Субботин*, с. 445). (В фантастическом романе Г. Уэллса «Первые люди на Луне» (1901) изображено общество селенитов, построенное на крайнем разделении труда.)

С. 131. *Нормализованная гайка есть лучший кусок социализма* — сказал недавно т. Троцкий. — В действительности высказывание «Нормализовать гайку — это лучший кусок социализма» принадлежит Я. Шатуновскому (см.: Какая нормализация нужна Советской России? (Доклад т. Шатуновского на съезде по нормализации) // Газ. «Гудок», 1920, 23 июля, № 62, с. 2), автору брошюры «Восстановление транспорта РСФСР (Пути сообщения и пути революции)» (М., 1920), напечатанной с предисловием Л. Троцкого.

Платонов не случайно приписал изречение Л. Троцкому. В 1920 г. особое внимание к проблемам нормализации (унификации) было вызвано необходимостью ремонта и строительства паровозов. 21—27 июля 1920 г. в Москве прошел съезд по нормализации, в котором приняли участие 100 крупных ученых, профессоров, инженеров-конструкторов и изобретателей; работа съезда велась в секциях «Новое паровозостроение», «Ремонт паровозов» и «Нормализация паровозных частей» (см. о съезде: *Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 15, М.; Л., 1927, с. 591—592*). Все это непосредственно касалось Л. Троцкого, исполнявшего в период с 20 марта по 10 декабря 1920 г. обязанности наркома путей сообщения, и, естественно, он неоднократно затрагивал эту тему в своих выступлениях. Так, например, выступая на II Всероссийском съезде профсоюза железнодорожников, проходившем в Москве одновременно со съездом по нормализации, Л. Троцкий сказал: «<...> мы стремимся свести число паровозных серий к минимуму, уравнивать запасные части их, нормализовать, т. е. законодательно закрепить. Как существуют определенные единицы меры и веса — аршин, фунт, так должны быть определенного размера цилиндры, гайки, болты, трубы и т. д. Они должны быть нормализованы, должны быть обязательны по закону для всех дорог. Таков настоящий подход к социалистической организации транспорта» (*Троцкий Л. Д. Указ. изд., с. 399*).

...нормализованный работник — лучший коммунист. — Одним из главных пропагандистов нормализации работника производства являлся А. Гастев, разработавший идеи «механизированного коллективизма» и «коллективов-комплексов», в которых уже нет человека, а «есть ровные нормализованные шаги». «Нормировочные тенденции», по Гастеву, составляют основу подлинной культуры пролетариата и должны стать главными во всей жизни рабочего класса: они «внедряются в боевые формы рабочего движения: стачки, саботаж, — социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь, вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата» (см.: журн. «Пролетарская культура», 1919, № 9—10, с. 43).

...найти ~ высшую гармонию между данным характером трудящейся личности и какой-либо сферой труда. — В начале 1920-х гг. активно

обсуждались возможности так называемой психотехники — «новой практической науки», при помощи которой предполагалось определять пригодность человека к той или иной профессии.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ (Общие понятия) (с. 133).— Электрификация. Воронеж: Госиздат, 1921.

Датируется концом 1920 г.

Печатается по первой публикации.

В СА сохранился экземпляр брошюры «Электрификация» с посвящением М. Кашинцевой: «Марии. Вся моя жизнь была только предчувствием Вас. Андрей». Карандашные пометы на страницах брошюры свидетельствуют о попытке переработать текст, возможно, для какого-то несостоявшегося переиздания.

Вероятно, брошюра во многом соответствует тексту доклада, прочитанного Платоновым 27 декабря 1920 г. на литературно-музыкальной вечеринке, организованной для участников II-го Губернского съезда работников печати (см. выше прим. к статье «Творческая газета», с. 359). Выбор темы выступления, помимо личных пристрастий самого Платонова, продиктован ходом VIII Всероссийского съезда Советов (22—29 декабря 1920 г.), на котором, в частности, был одобрен государственный план электрификации России. План был рассчитан на десять—пятнадцать лет и предусматривал коренную реконструкцию всех отраслей народного хозяйства страны на базе электрификации. Одной из основных идей плана являлось широкое использование огромных гидроэнергоресурсов страны; планировалось также сооружение мощных тепловых электростанций, топливной базой которых должны были служить местные виды топлива; наряду со всесторонней реконструкцией транспорта было предусмотрено электрифицировать важнейшие ж.-д. магистрали; были намечены большие работы по механизации сельского хозяйства. Доклад об электрификации был сделан на второй день работы съезда (23 января) председателем Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) Г. М. Кржижановским; к 27 декабря содержание доклада уже было известно Платонову по публикациям в прессе (см., напр.: «Известия», 1920, 24 дек., № 290, с. 2; 25 дек., № 291, с. 2)

Доклад Платонова, судя по отзыву в *Вор. ком.*, произвел чрезвычайно сильное впечатление на слушателей:

«Впечатление у съезда от доклада и прений по нем осталось такое, как будто вся Россия сейчас только и занята вопросом об электрификации, как будто вся Россия слушает выступающих на трибунах инженеров, воскресивших времена Жюль Верна и великих утопистов. <...>

Наконец, следует указать на необходимость прочтения доклада т. Платонова на целом ряде публичных собраний и заседаний среди рабочих и населения. Еще лучше было бы, конечно, если бы губкомсожур, издавая брошюрой труды съезда работников печати уделил бы в ней местечко и докладу об электрификации. То же самое можно сказать и о всех сообщениях содокладчика тов. Златогорского. Это — память о знаменательном событии в жизни Воронежа: не успел еще радиотелеграф полностью передать всего плана героя Всероссийского съезда Советов — инженера Кржижановского, а в нашем городе простой рабочий-журналист смело заявляет, что нужно поддержать предложения великого техника, что они вполне приемлемы и что в них наше спасение от голода, холода и нищеты» (2-й Губсъезд работников печати. У журналистов в гостях // *Вор. ком.*, 1920, 29 дек., № 295, с. 3).

Впоследствии Платонов использовал данный автобиографический сюжет при работе над повестью «Хлеб и чтение» (1930—1931). Герой повести Семен Душин пишет и издает книгу «о применении электричества для социализма», а затем, за четыре дня до открытия VIII съезда Советов, выступает на партсобрании с докладом об электрификации.

20 апреля 1921 г. брошюра была затребована в Госиздат на предмет предполагаемого переиздания уже в Москве. Переиздание было отклонено в соответствии с отзывом рецензента И. Кушина:

«Брошюрка написана семинарским высокопарным кликушеским слогом. Пример: «Тогда человечество станет совершенным абсолютным существом, когда оно весь стихийный, безумный мир переведет на простое вращение шкива и когда оно в сознании поймет, какова сущность самого этого движения вращения». О том, чтобы простым человеческим языком рассказать, что электрификация — это значит: если по возможности все, что сейчас совершается человеческими руками, силой животных, различными паровыми и другими машинами, заменено работой машин, приводимых в движение электричеством; указать простые примеры электрификации из области того, что в этой сфере уже осуществлено, объяснить возможность использования для превращения в электрическую энергию сил, до сих пор почти неиспользованных: сила воды, ветра и т. д., объяснить просто понятие превращения энергии, а также почему выгоднее превращать другие виды энергии в электрическую,— об этом автор не думает, или совершенно не умеет этого сделать. Ход мысли брошюры таков: на земле много неиспользованных источников энергии, но мы не умеем ими пользоваться или их трансформировать и транспортировать. До сих пор существовавшие способы транспортирования энергии можно сравнить с переноской воды решетом. Почему? Потому что: «при всяком движении мы сталкиваемся с явлением сопротивления. И вот сопротивление жел<езных> дорог при

движении по ним энергии во много раз больше сопротивления провода при движении по нем тока”. Как можно догадаться, это должно обозначать, что поезд, везущий дрова, сам сжигает относительно слишком много дров. Что такое “сопротивление”, конечно, не объясняется. Содержание брошюры этим исчерпывается. Заканчивается брошюра лемментациями на тему: электрофикация — это коммунизм. Брошюра написана безграмотно, часто в простом грамматическом смысле» (*Субботин*, с. 449—450).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента — «может быть напечатана, нужно лишь несколько отредактировать ее, выбросив слишком отдаленные от темы рассуждения» (*Субботин*, с. 446).

С. 134. *Динамо* — то же, что *динамо-машина*; устарелое название машины, служащей для выработки постоянного электрического тока; электрический генератор.

С. 138. *Трансмиссия* — устройство для передачи движения от двигателя к станкам или другим механизмам.

С. 140. *Тендер* — вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательного устройства.

С. 141. *Недавно их применил инженер Махонин для электропоезда...* — Электропоезд системы И. И. Махонина был построен в Петрограде на Балтийском заводе в 1920 г. Состоял из шести вагонов — трех моторных (с установленными электромоторами) и трех тендерных (аккумуляторных). В октябре 1920 г. электропоезд совершил пробную поездку Петроград—Москва, о чем, в частности, сообщалось в центральных газетах (см.: «ст. Петроград—Москва на электропоезде» // Газ. «Известия», 1920, 14 окт., № 229, с. 1). Откликнулась на это событие и железнодорожная газета «Гудок», где сообщение об электропоезде было дополнено портретом изобретателя и зарисовкой внешнего вида поезда (На трудовом транспорте // 1920, 16 окт., № 132, с. 2). В своих произведениях Платонов упоминает о поезде Махонина неоднократно («В мастерских», «У начала царства сознания», «Вода — основа социалистического хозяйства»).

С. 142. *Электрификация есть осуществление коммунизма в материи...* — «Коммунизм в материи» название одной из статей Платонова (*Вор. ком.*, 1920, 28 дек., № 294, с. 1; без подписи).

У НАЧАЛА ЦАРСТВА СОЗНАНИЯ (с. 143).— *Вор. ком.*, 1921, 12 янв., № 9, с. 1; 18 янв., № 12, с. 1. Подпись: А. П.

Датируется и печатается по первой публикации.

Дальнейшее развитие тема статьи получила в устных выступлениях Платонова. Так, *Вор. ком.* сообщала, что 14 февраля в клубе журналистов состоится доклад-лекция Платонова «Сознание»: «...тов. Платонов будет говорить о восстании сознания на чувства и об идущей интеллектуальной революции — об уничтожении человечеством природы и о торжестве сознания над неизвестностью» (*Вор. ком.*, 1921, 11 февр., № 30, с. 2). Вероятно, доклад был прочитан только 28 февраля (см. сообщение о переносе: Там же, 1921, 27 февр., № 43, с. 4). 22 апреля 1921 г. с ответом на выступление Платонова должен был выступить Семен Пеший (А. Явич) с докладом «Теория самоуничтожения» (см. извещение: *Вор. ком.*, 1921, 21 апр., № 85, с. 2).

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921) и получила следующий отзыв рецензента: «В “Началах царства сознания” последнее противопоставляется чувствам и предсказывается их гибель. Неправильно и неубедительно, печатанию не подлежит. Вторая часть, конечно, также не может быть напечатана» (*Субботин*, с. 448).

С. 144. *Петроградский инженер Махонин ~ Судно будет готово к 1-му мая 1921 г.*— Платонов дает достаточно подробное описание электропоезда Махонина, известное ему по ряду газетных публикаций (см. выше прим. к статье «Электрификация», с. 364). Источник приведенных в статье сведений о вестущем строительстве воздушного судна не обнаружен.

Скорость хода поезда — 80—90 верст в час.— Верста — русская мера длины, равная 500 сажням (1,0668 км).

С. 145. *...ВСНХ был выслушан доклад северной научной промысловой экспедиции.*— Сведения об экспедиции, приводимые в статье, Платонов почерпнул из публикации газеты «Правда» (*Рабчинский И.* Северная экспедиция // 1920, 17 дек., № 284, с. 1). *ВСНХ* — Высший совет народного хозяйства, первый общезоюзный центральный орган Советского государства; организован в декабре 1917 г.

С. 146. *Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — русский художник, историк искусства и художественный критик; с 1926 г. жил во Франции.*

СЛЫШНЫЕ ШАГИ (Революция и математика) (с. 146).— *Вор. ком.*, 1921, 18 янв., № 12, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья была включена в сборник «Думы коммуниста» (1921), в отзыве на сборник ошибочно указана под заглавием «Неслышные шаги» и отмечена как не подлежащая печатанию (*Субботин*, с. 447).

С. 147. *Минковский* Герман (1864—1909) — немецкий математик и физик, давший математическое обоснование теории относительности; его книга «Пространство и время» была издана на русском языке в 1911 г. Для Платонова с его особым вниманием к проблеме пространства и времени в работе Минковского была важна математически доказанная гипотеза о новой диалектике пространства и времени: «Отныне время по себе и пространство по себе должны сделаться всецело тенями, и только особого рода их сочетаемость сохранит самостоятельность» (*Минковский Г. Пространство и время. Пг., 1915, с. 27*).

С. 148. ...*знал Пифагор, когда смешал математику с религией.*— *Пифагор* Самосский (VI в до н. э.), древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, математик. Основал религиозно-философское учение (пифагореизм), исходившее из представления о числе, как основе всего существующего; пифагорейцы учили о переселении душ и разработали сложную систему культовых запретов («пифагорейский образ жизни»).

...*я напишу о конце теоремы Кантора.*— *Кантор* Георг (1845—1918), немецкий математик, разработал основы теории множеств. В личной библиотеке писателя сохранилась книга С. Богомолова «Актуальная бесконечность (Зенон Элейский и Георг Кантор)». Платонов сдержал свое обещание и написал статью, в которой предложил логическое решение одной из теорем Кантора (Истина, сделанная из лжи // *Вор. ком.*, 1921, 19 янв., № 18, с. 2). В формулировке Платонова, это теорема «о том, что число точек внутри куба, квадрата и т. д. такое же, как и количество точек, расположенных на одной только его стороне».

ГАПОН И РАБОЧИЕ (с. 149).— *Вор. ком.*, 1921, 22 янв., № 15, с. 2.
Подпись: *А. П.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья приурочена к очередной годовщине «кровавого воскресенья» — дня расстрела царскими войсками мирного шествия петербургских рабочих, направлявшихся с петицией к царю. По трудовому законодательству день 9/22 января являлся праздничным (см. выше прим. к статье «Выключенные дни», с. 356).

Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — уроженец Полтавской губ., священник, агент охранного отделения; в 1903 г. организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»; инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II и шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Пытался проникнуть в «боевую организацию» эсеров, по обнаружении связи Гапона с охранным отделением эсеровский партийный суд приговорил его к смертной казни через повеше-

ние. Приговор привели в исполнение социал-революционер инженер П. М. Рутенберг и несколько рабочих.

С. 150. *Чуткий, живой, верующий в «добро» человек ~ непосредственный, стихийный...*— Характеристика Гапона свидетельствует о знакомстве Платонова с оценками, данными В. И. Лениным: «...поп Гапон мог быть истинным христианским социалистом, и <...> именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь»; «На меня он произвел впечатление безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного мирозерцания» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 280; т. 10, с. 180).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРУДА (с. 151).— *Вор. ком.*, 1921, 2 марта, № 45, с. 2. С подзаголовком: *Тезисы*. Подпись: *А. Пл.* В конце текста указано: *Продолжение следует*.

Датируется и печатается по первой публикации.

НАД МЕРТВОЙ БЕЗДНОЙ (с. 153).— *Вор. ком.*, 1921, 4 марта, № 47, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

«ЧТОБЫ СТАТЬ ГЕНИЕМ БУДУЩЕГО...» (с. 155).— *Вор. ком.*, 1921, 6 марта, № 49, с. 3; без заглавия. Подпись: *Ницкий*.

Датируется и печатается по первой публикации.

ЧЕРНЫЙ СПАСИТЕЛЬ (с. 156).— Газ. «Трудовой клич», Воронеж, 1921, 17 апр., № 33, с. 4.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 156. *...Люди маломыслящие, чульдики и епишки мысли...*— *Чульдик* и *Епишка*, персонажи одноименного рассказа Платонова (см. наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 62—64).

...Кропоткин говорит в одном месте ~ что судьба юго-восточной Европы (наших краев) та же, что и Центральной Азии...— *Кропоткин* Петр Алексеевич (1842—1921), публицист, мемуарист; революционер, теоретик утопического социализма; географ, геолог, историк, биолог. Вероятно, речь идет о докладе «Высыхание Евразии», прочитанном

П. Кропоткиным 1 февраля 1904 г. в Королевском географическом обществе (Лондон) и напечатанном в «Geographical Journal» (1904, vol. 23, № 6), см.: «Высыхает не только Центральная Азия; такое же будущее ожидает Прикаспийские степи Нижней Волги, а так же и весь юго-восток России» (Цит. по: *Кропоткин П. А.* Естественные-научные работы. М., 1998, с. 210—218). Статья вызвала дискуссию между сторонниками и противниками гипотезы высыхания, в том числе и в России. Вероятно, Платонов ознакомился с мнением Кропоткина в изложении кого-либо из русских участников дискуссии.

ДАЙТЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ МАСТЕРОВЫХ (с. 158).— Газ. «Трудовой клич», Воронеж, 1921, 23 апр., № 38, с. 2. Подпись: *А. Пл.*
Датируется и печатается по первой публикации.

Заметка продолжает ряд статей Платонова, затрагивавших тему квалификации работников воронежских железнодорожных мастерских (см. также: Мертвая петля // *Вор. ком.*, 1921, 21 янв., № 14, с. 1; *А. Пл.* Институт вместо курсов // Газ. «Трудовой клич», 1921, 22 апр., № 37, с. 2).

...как батрак на отживе...— т. е. работает временно.

...оказать предпочтение, о котором говорил т. Ленин — Имеется в виду речь Ленина на объединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б), произнесенная 30 декабря 1920 г. Ср.: «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. <...> Предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, то дай и хлеба, и одежды, и мяса» (*Ленин В. И.* О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 212).

Проодежда — производственная, рабочая одежда.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ДЕРЕВЕНЬ (с. 159).— Газ. «Трудовой клич», Воронеж, 1921, 12 мая, № 51, с. 2—3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья является продолжением главной темы брошюры «Электрификация» (1921), однако ориентирована уже на конкретные нужды деревенского населения губернии.

С. 159. *Электрификацию России, как всем известно, утвердил VIII съезд Советов.*— Речь идет о плане ГОЭЛРО, одобренном на VIII съезде Советов (см. выше прим. к статье «Электрификация», с. 362).

План ГОЭЛРО был утвержден СНК 21 декабря 1921 г. после обсуждения технико-экономических вопросов на VIII электротехническом съезде (октябрь 1921 г.).

Кржижановский Глеб Максимилианович, см. прим. к «Докладу Управления работ по гидрофикации Центральной Азии» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 586—587.

С. 161. *Совнархоз* — Совет народного хозяйства, в 1917—1932 гг. орган управления промышленностью и строительством в губерниях, краях, областях и округах, местный орган ВСНХ.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ (с. 162).— Журн. «Кузница», М., 1922, № 9, с. 28—32.

Датируется весной 1921 г.

Печатается по первой публикации.

Статья датируется на основании письма Платонова, сохранившегося в домашнем архиве Г. Санникова. На письме от 14 мая 1921 г. с просьбой о высылке в Воронеж седьмого номера журнала «Кузница» (к этому времени еще не вышел) 2 октября сделана приписка Н. Ляшко: «Сообщить, что статья “Пролетарская поэзия” идет в 9 № “Кузницы” и выслать 7 № “Кузницы”. Просить присылать материал» (*Санников Д.* «Мы все сыны эпохи вздыбленной...» (К 90-летию Г. Санникова) // «Литературная газета», 1989, 8 нояб., № 45, с. 6). № 9 журнала «Кузница» вышел в марте 1922 г., из чего следует, что приписка Н. Ляшко относится именно к 1921 г., а статья Платонова поступила в редакцию «Кузницы» не позднее сентября 1921 г. В статье содержится упоминание о плане электрификации, но никак не упомянута засуха лета 1921 г., что заставляет считать временем ее написания первую половину 1921 г.

Статья писалась для «Кузницы» во многом под впечатлением от Первого Всероссийского съезда пролетарских писателей, участником которого был и Платонов, и является откликом на прозвучавший призыв редколлегии нового журнала. В качестве главных задач, стоящих перед пролетарской литературой, «Кузница» определила прежде всего формальные: «Вчера мы ковали новую жизнь в “основном” материальном отделении, сегодня стремимся “надстроить” ее новое содержание стройными, живыми словесными образами. <...> в поэтическом мастерстве мы должны набить руку в высших организационных технических приемах и методах, и только тогда наши мысли и чувства вкуем в оригинальные поэтические формы, создадим оригинальную пролетарскую поэзию. Итак, товарищи, “Кузница” открыта» (<От редакции> // Журн. «Кузница», 1920, № 1, б/с). В «Кузнице» печатались в основном поэты вышедшие из Пролеткульта, они же выступали с теоретическими стать-

ями по проблемам «техники творчества» и вели дискуссию с Пролеткультом, прежде всего, с А. Богдановым. Отошедшая от Пролеткульта группа поэтов провозгласила в качестве организационного принципа объединения «ставку на мастера», т. е. на писателя-профессионала. Это был лозунг, несомненно противопоставленный установке Пролеткульта на массовость и самостоятельность пролетарского литературного движения. Именно эта установка «Кузницы» вызвала особо резкую отповедь А. Богданова, осудившего бывших пролеткультовцев за литературность и формализм: «Вы говорите, что нет оригинальной пролетарской поэзии, вы ставите ее в зависимость от усвоения “высшей” буржуазно-поэтической техники. Вы слишком низко ее цените, товарищи, и плохо знаете, где ее искать. Ее мало пока в форме стихов и прозы; но ею полна жизнь пролетариата, полна мысль революционного социализма» (*Богданов А.* Простота или утонченность? // Журн. «Пролетарская культура», 1920, №№ 13, 14—15, 16. Цит. по: *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М., 1990, с. 460).

«Кузница» выступала с защитой своей позиции воинственно, обрушивая потоки обвинений на бывших теоретиков пролетарской литературы, якобы недооценивающих значение мастерства, отстаивала право пролетарского поэта учиться у мастеров современных поэтических школ, не принадлежащих пролетарскому лагерю (см.: *Александровский В.* О путях пролетарского творчества // Журн. «Кузница», 1920, № 4, с. 32—33; *Оленев С.* Слово и дело // Там же, с. 36—38); *Кириллов В.* О пролетарской поэзии // Там же, 1921, № 7, с. 23—26). При этом многие тезисы и формулировки в эстетической программе «Кузницы» были заимствованы именно у Пролеткульта. Говоря о том, что отличает «Кузницу» от прошлой и настоящей поэзии и вообще от всех группировок, В. Кремнев (псевдоним А. Чайнова) утверждал, что это, прежде всего, осознание в своем творчестве коллективного начала, заключенного в понятии «Мы»: «Слово “Мы” является знаменем, символом глубокого внутреннего значения для всех пролетарских поэтов. Это лейтмотив Великой Поэмы Революции» (*Кремнев В.* Поэма Великой Революции // Там же, 1920, №№ 5—6, с. 64). Также вслед за теоретиками Пролеткульта утверждалось, что в основе поэтического произведения лежит отвлеченная мысль, готовое абстрактно-логическое построение — «пролетарское чувство коллективного труда». Вопрос о содержании пролетарской поэзии, утверждали «кузнецы», уже давно решен: содержание можно почерпнуть из «тезисов многочисленных обширных докладов и статей по вопросам пролетарской культуры» (*Обрадович С.* Образное мышление // Там же, 1920, № 2, с. 24). Поэту же остается «оформить» содержание, найти «новый сплав слов-образов» (*Он же*, с. 25), т. е. выполнить все ту же общую задачу: «...вковать свои мысли и чувства в оригинальную

поэтическую форму» (Там же, 1920, № 1, с. 2). В декларации поэтической группы, опубликованной в марте 1921 г., провозглашалась «полная свобода в выборе творческих методов» и был выдвинут лозунг — «изучение и преодоление всех предшествующих нам художественных школ для новых достижений и для создания искусства, отвечающего идеалам коммунистического общества» (Там же, № 7, с. 2).

Статья Платонова выглядит явным анахронизмом на страницах «Кузницы». По своему пафосу она, скорее, ближе универсальным пролеткультовским построениям 1918—1920-х гг. Платонов не полемизирует с Богдановым; он крайне острожно относится к традиционному решению «кузнецами» темы труда — замене пролеткультовского «машинизма» «трудоу лирикой». Теоретики журнала широко пропагандировали тему труда, утверждая ее в кругу вечных тем. Как писал поэт Н. Полетаев, «в жизни миллионов людей, крестьян и рабочих, труд имеет огромное значение», в то время как в литературе прошлого — труду и творчеству человека придавалась «малое значение» (Там же, 1920, № 1, с. 19). Философское же обоснование темы труда не отличалось у «кузнецов» оригинальностью: «Пролетарский поэт любит вещи, созданные трудом своего класса, любит материю, организованную и покорную его воле, любит орудия производства; они как бы живут в его творчестве, источая радость, тепло и свет. Он знает, что первый локомотив, пущенный по рельсам, был первым гонцом в грядущий мир социализма. <...> Труд — основа бытия, источник всей красоты и мудрости. Без труда немислима жизнь, счастье и победа, и поэтому воспевание труда есть одна из самых ярких глав Великой Пролетарской Поэмы» (Кремнев В. Указ. соч., с. 65—66). Журналы «Кузницы» заполнены многочисленными стихами о труде: постоянные авторы журнала (С. Обрадович, Г. Санников, В. Казин, Н. Полетаев, А. Дорогойченко) посвящают стихи людям различных трудовых профессий — токарю, грузчику, ткачам, фонарщику и т. д.

Статья Платонова печаталась в предпоследнем номере журнала — после выхода № 10 журнал прекратил свое существование. Поэтические материалы «Кузницы» за 1922 г. свидетельствуют о глубочайшем кризисе, переживаемом поэтами-кузнецами. Так, например, почти все стихи, опубликованные в № 9, проникнуты глубоким пессимизмом, неверием в будущее революции и пролетариата (см.: «Черная пена» М. Герасимова, «Будни», «Тяжелые лапы тоски» В. Александровского, «Дни» Г. Санникова, «Дождь идет» Н. Полетаева и др.), — первый год нэпа оказался сильнее космической и планетарной метафористики бывших пролеткультовцев и явил силу «объективных обстоятельств». В январе 1924 г. Платонов напомнит «кузнецам» об их декларациях и поэтической практике (см. далее прим. к «Рецензиям, опубликованным в журнале “Октябрь мысли”», с. 460).

С. 163. *Как это произойдет и почему — я писал и говорил в другом месте.*— Далее Платонов кратко резюмирует содержание статьи «Культура пролетариата» и, вероятно, выступления по вопросам пола и сознания в воронежском клубе «Железное перо» (см. выше с. 91—95, 345—349).

С. 164. *Слово надо считать трехгранным символом действительности...*— Полемический контекст этого высказывания свидетельствует об интересе Платонова к филологическим и эстетическим теориям слова 1910-х гг., в частности, к работам А. Потебни, П. Флоренского, А. Белого, В. Хлебникова, Вяч. Иванова, Н. Клюева, В. Шкловского. Самым близким источником определения являются работы П. Флоренского, возможно даже, его книга «Столп и Утверждение Истины» (1914). Не только Писание, но и всякое удачное слово, по Флоренскому, являются событиями нашей сокровенной жизни и имеют свое строение. В предложенной им теодицеи Флоренский опирался на догмат о Троице и рассматривал Истину (Бог и слово в его лингвистической форме) как «единую сущность о трех ипостасях» (цит. по: *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 1, М., 1990, с. 49). В работе «Строение слова» (1922) Флоренский будет развивать найденное в «Столпе...» сравнение слова с организмом и предложит посмотреть на трехтомичное строение «тела слова»: 1. Три соотнесенных между собой слоя значения и три восприятия (чувственно-буквальное; отвлеченно-нравоучительное и идеально-мистическое); 2. Три различных этажа одновременного усвоения и восприятия слова: «...и как звук, вместе с соответственным образом, и как понятие, и, наконец, как трепетная идея, непрестанно колышущаяся и во времени многократно намекающая о надвременной полноте». Реализация трех функций слова и есть, по Флоренскому, условие поэзии символической, «когда слово, гармонически развитое в трех своих сторонах, воздействует на весь духовный организм, поддерживая каждое свое действие двумя другими» (цит. по: *Флоренский П. А. Указ. изд., т. 2, с. 239—240*).

С. 167. *Электрификация — вот первый пролетарский роман, наша большая книга в железном переплете.*— Выражение может быть понято в буквальном смысле: «План электрификации РСФСР» составлял том объемом в 650 страниц.

ДУША ЧЕЛОВЕКА — НЕПРИЛИЧНОЕ ЖИВОТНОЕ (с. 168).— Газ. «Огни», Воронеж, 1921, 4 июля, № 1, с. 1. С подзаголовком: *Фельетон о стервецах*. Подпись: *Тютень*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Псевдоним *Тютень* в 1922 г. будет реализован Платоновым как имя одного из персонажей, см. рассказ «Тютень, Витютень и Протегален» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 218—222.

С. 169. *Шток* — деталь поршневой машины, соединяющая поршень с ползуном.

С. 170. ...*икона божьей матери — троеручицы.*— *Троеручица*, икона Божьей Матери, с которой связана история из жизни св. Иоанна Дамаскина (дата празднования 28 июня/12 июля). По ложному обвинению у св. Иоанна была отрублена рука, которая затем, помощью св. Богородицы, чудесно срослась. В воспоминание этого события Иоанн приклеил (или подписал) к иконе Богородицы изображение серебряной руки.

РЕВОЛЮЦИЯ «ДУХА» (с. 171).— Газ. «Огни», Воронеж, 1921, 11 июля, № 2, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 173. *Но мы голодны. Наши маленькие братья мрут от истощения...*— Одно из первых у Платонова упоминаний о голоде 1921—1922 гг. Засуха 1921 г. поразила 16 российских губерний, 3 автономные области и Трудовую коммуну немцев Поволжья. Кроме того, в 1921 г. голодали 5 губерний Украины, Азербайджан, Армения, Казахстан. В 1921 г. в зоне голода проживало 69795,1 тыс. человек, из них общее число голодающих составляло 26510,1 тыс. человек. На IX Всероссийском съезде Советов (декабрь 1921 г.) М. И. Калинин привел в своем докладе цифру голодающих — 27—28 млн. человек. По сводкам 23-х административно-территориальных единиц, к 1922 г. голодало 6,4 млн. детей. С августа 1921 г. стали создаваться комиссии помощи голодающим при отраслевых наркоматах.

КОММУНИСТ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕМУ (с. 174).— *Вор. ком.*, 1921, 13 июля, № 152, с. 2. Подпись: *Коммунист*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья является откликом на события партийной жизни Воронежа конца июня—июля 1921 г. В это время в Воронеже прошла мобилизация 50 коммунистов для проведения в уездах «продразверстки по мирному» (см. объявление о мобилизации: *Вор. ком.*, 1921, 29 июня, № 140, с. 1). Некоторые из мобилизованных категорически отказались подчиниться распоряжению партии. В одной из заметок, посвященной сложившейся ситуации, отмечена такая, например, причина отказа: «...заявляет, что страстно полюбил театр и искусство, которое изучать может только в Воронеже, и готов из партии выйти, но не променять искусство на прозаический продналог» (Проверка преданности и мещанства // Там же, 1921, 9 июля, № 149, с. 2).

Статья послужила началом дискуссии с воронежским журналистом Г. Плетневым, ответная реплика которого была следующей:

«Автор статьи обрушивается на коммунистов, любящих искусство и науку и даже жертвующих партией ради них <...> Так говорить об искусстве и науке может недалёковидный, плохо соображающий коммунист. Разве мы не кричим: “Больше красных спецов, больше пролетарских инженеров, врачей, профессоров, агрономов?” Разве мы не знаем, что и в искусство давно надо направить освежающую революционную, коммунистическую струю?

“Партия есть высшая наука”, но значит ли из этого, что каждый член партии только благодаря принадлежности к последней может делать дома, мосты, паровозы, машины! Больше уважения к науке и искусству, партийные фанатики!

Я отнюдь не говорю, что коммунист, выходящий из партии ради науки или искусства, прав. Надо использовать влечение, любовь товарища к науке, например, послать его в техникум, университет, а не выкидывать из партии как “мещанина”. Это будет менее “по-мещански”.

Мне возразят, что, мол, партия не может сейчас дать членов университетам, но, товарищи, ведь глупо вместо этого вышвыривать из партии коммунистов, любящих науку, великолепных коммунистов.

Теперь дальше.

Автор интересующей нас статьи далее глубокомысленно рассуждает: коммунист принадлежит будущему, коммунистов заедает наша нищета <...> Из всего этого автор предлагает выход: улучшить быт коммунистов. <...> Просто, ясно, но слишком легкомысленно, если не сказать больше.

Очень легко быть коммунистом будучи “барином”, не заботясь ни о чем лично-материальном. Таких коммунистов, к сожалению, много и может расплодиться по рецепту автора статьи бесчисленное количество. Грош цена такому коммунисту. Ты голодай вместе со всеми, ходи оборванным, босым, как и все, болей нуждами всех и будь коммунистом! Только такой коммунизм и можно признать, только такие коммунисты и есть настоящие коммунисты. Коммунист в первую очередь принадлежит скверному, тяжелому сегодня, а уже потом великому, светлому завтра.

Да и разве можно сейчас дать коммунистам “уютное человеческое существование”? Да и если бы было можно, то что сказали бы голодные рабочие и беднота крестьянская?» (О коммунисте // Газ. «Огни», 1921, 18 июля, № 3, с. 1).

На публикацию Г. Плетнева Платонов ответил статьей «Ответ мещанину» (также за подписью «Коммунист»). Плетнев был обличен в том, что взял на себя «безнадежную и весьма *незавидную* роль защитни-

ка партийных дезертиров, оправдывающих свое дезертирство любовью к “науке” и “искусству”», «тех великолепных коммунистов, которые во чтобы то ни стало хотят учиться в университете и не подчиняться партийной дисциплине в то время, когда партия, не считаясь с их желанием, но считаясь с тяжестью момента для Советской республики, посылает их на работу в уезд» (*Вор. ком.*, 1921, 21 июля, № 160, с. 2). Здесь же был объяснен смысл выражения «партия есть высшая наука»:

«...через коммунистическую партию, при помощи партии, обладая ее никем не превзойденным методом и в науке и в политике — марксизмом, можно не только заставить строить даже врагов наших лучшие дома, паровозы и мосты, чем строят их инженеры для буржуазии, но, что гораздо трудней,— и строить коммунистическое общество.

Мало быть техником, строителем, естествоиспытателем, чтобы полностью использовать в интересах трудящихся все данные науки. Для этого надо быть сознательным членом коммунистической партии, и только тогда наука приобретает универсальное значение. То же относится и к искусству. Наконец, вне партии нет тесной, глубокой, психологической связи с наиболее творческим коллективом — пролетариатом, необходимой для искусства, для науки, необходимой для понимания жизни. Отрицать это может только мещанин, привыкший мыслить индивидуалистически.

Вот эта особенность коммунистической партии и означает, что она высшая наука и высшее искусство» (Там же).

Статья, написанная достаточно жестко, завершилась следующим пассажем:

«Партия, запомните себе это, Плетнев, выгоняет не тех, кто любит науку и искусство, таких она жаждет иметь в своих рядах в возможно большем количестве, ибо наука и искусство есть орудия ее борьбы и творчества, а выгоняет тех, кто любит “науку” и “искусство” больше, чем науку и искусство,— больше чем партию.

Но великолепный публицист Плетнев твердо стоит на своей позиции и обиженный за искусство и науку и своих “великолепных коммунистов” со злобой шипит вслед нам: “Партийные фанатики!”

Жалкие мещане! — отвечаем мы подобным любителям и их защитникам.

О том, что о коммунистическом быте все-таки нужно позаботиться, несмотря на то, что коммунист Плетнев считает, что коммунисты обязательно должны ходить босыми и голодными, и об аскетизме вообще и Плетневых в частности, я позволю себе высказаться в следующей статье».

Несмотря на обещание продолжения, последнее слово в печатной дискуссии осталось за Плетневым:

«В последних номерах “Коммуны” горячо дебатировался вопрос об улучшении быта коммунистов и об отношении коммунистов к науке и искусству. Однако дебаты оказались преоригинальными: некий “коммунист” в двух громадных статьях по-чиновничьи “разделал” меня “на все корки”, обругал, очернил как революционера. Все это только за то, что в № 3 “Огней” я высказал не могущие понравиться каждому партийному чиновнику взгляды.

Я мог бы назвать “коммуниста” обозлившимся идиотом и т. п. обидными наименованиями, но я не хочу присваивать у него метода доказательства своей правоты. Основательный же ответ по существу затронутых вопросов невозможен по некоторым не зависящим от меня причинам. Я могу только предложить “коммунисту” устроить публичный спор об аскетизме и коммунизме. Вопрос злободневный и достоин публичного разрешения непосредственно массами. Пусть массы скажут свое веское слово об улучшении быта коммунистов. Я же по старому говорю: сейчас вполне сытым, хорошо обеспеченным может быть только мерзавец. РКП должна болеть одними болями с мужицкой гольтебой и рабочими, не должна отделяться от общей массы» (Вместо ответа // *Вор. ком.*, 1921, 21 авг., № 186, с. 4).

С. 174. *Люди, которые умеют любить больше дальнего человека, чем ближнего.* — Реминисценция из книги Ницше «Так говорил Заратустра»: «Вы жметесь к ближнему, и для этого есть у вас прекрасные слова. Но я говорю вам: ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе. <...> Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему» (*Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т., т. 2, М., 1990, с. 43). Ср. также использование антитезы «дальнего» и «ближнего» в работе Ленина «Великий почин» (1919): «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично и их “ближним”, а “дальним”, т. е. всему обществу в целом» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 22).

С. 175. *...как это имело место совсем в других целях с командированием товарищей на железнодорожные мастерские...* — Возможно, здесь Платонов имеет в виду командирование коммунистов в связи с просьбой партийной ячейки ж. д. мастерских к Первому райкому партии Воронежа «дать достаточное количество коммунистов, которые бы могли оказывать широкое влияние на рабочих, политически воспитывая их, и, работая у станка, способствовали бы поднятию производительности» (*Вор. ком.*, 1921, 26 марта, № 64, с. 2).

КОММУНИСТ! ПОКАЖИ, ЧТО ТЫ КОММУНИСТ (с. 177).—
Вор. ком., 1921, 10 авг., № 177, с. 1. Подпись: *Фирсов*.

Датируется и печатается по первой публикации.

Псевдоним *Фирсов* образован от имени деда Платонова со стороны отца.

Тяжелое стихийное бедствие свалилось на нашу трудовую республику...— речь идет о засухе 1921 г. (см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373).

ВЕЧЕР НЕКРАСОВА В КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (с. 178).— *Вор. ком.*, 1921, 18 авг., № 184, с. 1. Подпись: *Курсант А. П.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана Платоновым — курсантом Воронежской губернской советско-партийной школы (комуниверситета). Вероятно, мероприятие было проведено в непосредственной связи со столетием со дня рождения Н. А. Некрасова (1821—1877).

С. 178. *...народ свой стон на Волге назвал песней.*— Часто используемый в публицистике образ из стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «Выдь на Волгу! // Чей стон раздается // Над великой, могучей рекой? // Этот стон у нас песней зовется».

Щербина-Башарина Евдокия Илларионовна — артистка Государственной Петроградской оперы (см.: *Вор. ком.*, 1920, 6 окт., № 223, с. 2), исполнительница народных песен, часто выступавшая с концертами в Воронеже. Вероятно, пение Е. Щербиной-Башариной произвело на Платонова сильное впечатление; в 1921 г. он посвятил певице стихотворение «Лесная говорушка» (см. наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 318, 611).

«*Коробушка*» — под таким заглавием известен фрагмент поэмы Некрасова «Коробейники», ставший народной песней.

ЖИЗНЬ ДО КОНЦА (с. 180).— *Вор. ком.*, 1921, 25 авг., № 189, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

«Жизнь до конца» содержит ответы на читательские вопросы по поводу статьи «Гидрофикация (Система орошения полей посредством рек)», посвященной строительству гидрофикационных систем (*Вор. ком.*, 1921, 28 июля, № 166, с. 2—3; 29 июля, № 167, с. 2). Известен еще один, более поздний по времени, печатный ответ Платонова на вопросы о гидрофикации, см.: «Еще о гидрофикации (Ответ А. С. А. и на безымянное письмо)» (*Вор. ком.*, 1921, 11 сент., № 204, с. 2).

Пропаганда гидрофикации как кардинального средства борьбы с засухой осуществляется практически во всех последующих статьях Платонова конца 1921 г. В биографии Платонова лето 1921 г. стало переходом к практической сельскохозяйственной (мелиоративной) работе.

С. 180. *Что сейчас делается в Поволжье?* — Речь идет о голоде 1921 г., см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373.

С. 181. *В ближайшие годы небо будет полно зноя.* — В данном утверждении сказывается знакомство Платонова с современными ему исследованиями по климатологии. Во второй половине XIX — начале XX вв. в географической литературе широко обсуждался вопрос о высыхании Евразии в послеледниковую эпоху, однако к началу XX в. стало очевидно, что изменения не носят характера постоянного усыхания. В работах А. И. Воейкова и других климатологов того времени основное внимание стало уделяться вопросу колебаний климата в прошлом и настоящем. По этой теме Платонов мог читать, например, брошюру М. А. Боголепова «Наступающие возмущения климата» (М., 1921), изданную Наркоматом земледелия в серии «Материалы работ опытно-мелиоративной части». Вопрос о периодичности засух и нормальных лет затрагивался и в местной прессе, см.: «О возможности новых неурожайных годов» (*Вор. ком.*, 1920, 16 дек., № 284, с. 1).

С. 182. *Гидрофикационная система* — У Платонова система орошения земли в районе какой-либо реки, включающая в себя речной коридор, водоснабжающие галереи и плотину-затвор в устье реки. Общее описание речной гидрофикационной системы и принципа ее работы дано в первой части статьи «Гидрофикация»:

«По правому и по левому берегу реки у самого уступа мы на всем протяжении реки построим стены или баррикады из водонепроницаемого материала. <...> Стены идут по обоим берегам, от истоков до устья, но они не одинаковой высоты: у истоков они совсем маленькие, просто насыпи, а к устью постепенно повышаются и достигают максимальной высоты. <...> Над рекой образуется нечто вроде коридора, который у устьев достигнет огромной высоты.

Стены не сплошные, а в них имеются “двери”, особые прорезы, выходы, на равном расстоянии <...> и устроены они для вывода воды из речного коридора в особые водоснабжающие галереи, идущие в глубь берега, на поля. <...>

У места впадения реки в море она преграждается искусственной плотиной. Эта плотина имеет регулятор для некоторого спуска воды или ее окончательного запора. Плотина сомкнута своими концами с концами береговых стен и образует с ними как бы одно.

Когда плотина сооружена и регулятор спуска закрыт, уровень в реке начинает подыматься. <...> Сквозь “двери” в стенах вода проходит

в водоснабжающие галереи и постепенно <...> заполняет и водоснабжающие галереи. Наконец уровень достигает почти высоты падения <реки>, он максимален. Стены галерей рассчитаны так, что вода в этот момент начинает переливаться через стены галерей и медленно разливаться по поверхности почвы, благодаря рациональному направлению галерей и приспособленности их к рельефу почвы. <...>

После достижения достаточной высоты влаги над почвой для наиболее лучшего ее орошения <...> регулятор у плотины приоткрывается, максимальный уровень спадает и орошение, перелив воды через стены галерей, прекращается. Плотинным регулятором регулируется сразу вся гидрофикационная система, так как она устроена вся заодно» (Гидрофикация (Система орошения полей посредством рек) // *Вор. ком.*, 1921, 28 июля, № 166, с. 2—3).

Необходимость орошения районов, лежащих выше высоты падения реки (например, высокого правого берега), предусматривала создание так называемых верхних гидрофикационных систем — водоснабжающих галерей, куда вода должна была подаваться при помощи специального электронасоса. По проекту Платонова все гидрофикационные системы должны были иметь единое управление: «...один человек на плотинном регуляторе будет управлять всеми электростанциями (а через них всеми насосными пунктами) и одновременно и в равных дозах будет подавать воду во все гидрофицированные районы, сколько бы их ни было. Так будет осуществлено единство управления и регулирования при наибольшей экономии и автоматичности» (Гидрофикация (Система орошения полей посредством рек) // Там же, 1921, 29 июля, № 167, с. 2). Предполагалось, что в своем предельном развитии гидрофикационные системы охватят всю территорию страны: «Гидрофикационные системы — районы одной реки при своем развитии встречаются с гидрофикационными системами другой реки и связываются друг с другом в одно целое, в единую общую систему (это будет на так называемых водоразделах, т. е. самых высоких местах двух разных бассейнов). Таким путем реку за рекой, бассейн за бассейном, область за областью всю страну можно гидрофицировать...» (Там же).

Динамо — то же, что динамо-машина; устарелое название машины, служащей для выработки электрического тока.

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
(с. 184).— *Вор. ком.*, 1921, 4 сент., № 198, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья раскрывает значение проекта гидрофикации для решения основной политической задачи эпохи — социалистической перестройки

крестьянского хозяйства. Идеологические построения основываются на конкретных деталях проекта, изложенного в статье «Гидрофикация» (см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378—379).

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОЛЫМАГА (с. 187).— Журн. «Октябрь», М., 1999, № 2, с. 128—131.

Беловой автограф — СА.

Датируется концом августа—сентябрем 1921 г.

Судя по общему настроению, статья написана на начальном этапе пропагандирования идеи гидрофикации (см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 377—378); датировка статьи подтверждается смысловыми перекличками с фрагментом письма Платонова, опубликованным в газете «Известия» (см. предисловие к разделу, с. 314—315).

Статья содержит многочисленные полемические выпады в адрес новой экономической политики, принятой на десятом съезде РКП(б) в марте 1921 г.

С. 188. ...*знаменитые «объективные условия»*...— Ср. с высказыванием В. И. Ленина в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»: «Каждый пролетарий переживал стачку, переживал “компромиссы” с ненавистными угнетателями и эксплуататорами, когда рабочим приходилось браться за работу либо ничего не достигнув, либо соглашаясь на частичное удовлетворение их требований. Каждый пролетарий, благодаря той обстановке массовой борьбы и резкого обострения классовых противоположностей, в которой он живет, наблюдает разницу между компромиссом, вынужденным объективными условиями (у стачечников бедна касса, нет поддержки со стороны, они изголодались и измучились до невозможности),— компромиссом, несколько не уменьшающим революционной преданности и готовности к дальнейшей борьбе рабочих, заключивших такой компромисс,— и, с другой стороны, компромиссом предателей, которые сваливают на объективные причины свое шкурничество <...> свою трусость...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 51—52).

С. 189. ...*25 миллионов народа поволжских губерний голодают*...— Речь идет о голоде 1921 г. (см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373).

В будущие годы победит почти вся Россия.— В своих выводах Платонов опирается на современные ему научные гипотезы. См. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378.

С. 190. ...*им нужна «имагофикация», им нужен «здоровый смех»*...— Платонов крайне неприязненно относился к имажинизму, имевшему в Воронеже своих последователей. Так, резкий отзыв на первый вечер во-

ронежских имажинистов (Невиданный балаган // *Вор. ком.*, 1921, 24 мая, № 111, с. 4), подписанный Платоновым, А. Кировым, Ф. Михайловым, И. Бережным и Б. Бобылевым, большей частью принадлежит перу Платонова: «У рабочих руки не двигаются от голода и душа поет от радости, а обожравшиеся спекулянты, обложившись халтурниками актерами, хотят уничтожить и растоптать в нас нашу рабочую душу». В 1921 г. объявления о проведении в кафе-клубе журналистов «имаго-пятниц» периодически появляются в *Вор. ком.* вплоть до июля месяца (см.: *Вор. ком.*, 1921, 8 июля, № 148, с. 4). Еще одна реалья лета 1921 г. — проведение на воронежских сценах многочисленных «вечеров смеха» — также зафиксирована в возмущенном отклике на страницах губернской прессы (см.: Эпидемия смеха // *Вор. ком.*, 1921, 31 авг., № 194, с. 4).

НОВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ (с. 192).— Газ. «Наша газета», Воронеж, 1921, 13 нояб., № 37, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья освещает реакцию крестьянского населения губернии на пропаганду идеи гидрофикации (см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 377—379). Практическая работа такого рода представлялась Платонову чрезвычайно важной. Признавая на данный момент невозможность воплощения плана гидрофикации в желательном, с его точки зрения, масштабе, Платонов требовал от Воронежского Губэконо учреждения хотя бы губернского опытного бюро по гидрофикации: «Это бюро должно немедленно же приняться за практическую работу и, насколько возможно, <...> работу по орошению размахивать, ускорять, охватывать своим энтузиазмом, примером и результатами крестьянское немое море и заразить его, дать надежду, что хлеб добыть можно, что смерть можно избежать. Опыты мы превратили в действительность. Я ходил по деревням, говорил и видел, как крестьяне относятся к делу борьбы с засухой. Для них техника — евангелие. И прошу (не от имени себя, а от имени тысяч) учредить комитет или бюро гидрофикации на средства государства, т. к. бороться одному трудно и бессмысленно, я пробовал» (*Платонов А. Фронт зноя // Вор. ком.*, 1921, 18 нояб., № 259, с. 3). Аналогичное требование содержит и обращение Платонова к X губернскому съезду Советов (*Он же. Вниманию X губсъезда Советов (К 4-му пункту повестки дня) // Вор. ком.*, 1921, 16 дек., № 283, с. 3).

Путешествия Платонова по губернии — одна из важнейших реалий второй половины 1921 г., упоминания о них обнаруживаются и в других статьях *Вор. ком.*, см., напр.: «Я знаю одного товарища, который пытался вести практическую работу в деревне, но, не имея денег даже на по-

ездки, путешествуя пешком, задыхается от сознания преступного равнодушия других» (*Нычитор*. На борьбу с небесной контрреволюцией // Там же, 1921, 30 дек., № 295, с. 2).

Вероятно, просветительская деятельность Платонова совмещалась с его визитами в с. Волошино, где работала М. Кашинцева (см. прим. к зарисовкам «Заметки» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 580).

С. 192. *Засуха будет длиться несколько (10—20) лет...* — См. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378).

С. 193. *Гумно...* — задворье, зады, огороды.

...как устроить центробежный насос из трех-четырёх трубок и ведра... — Конструкция такого насоса описана в статье «Гидрофикация»: «Это видоизмененный центробежный насос. Суть конструкции насоса, выработанная мною, в следующем (ее можно еще много усовершенствовать): имеется цилиндр, внутри полый, с маленькой высотой и большими основаниями, как бы сжатый. На боках цилиндра есть несколько круглых нарезанных отверстий. В них ввинчиваются трубки со свободными отверстиями. Один конец трубки выходит наружу, а другой входит в цилиндр. К одной крышке цилиндра привинчивается ось, перпендикулярная к плоскости расположения трубок. Другая крышка цилиндра имеет отверстие с фланцами. К этим фланцам подходит неподвижно укрепленная труба, несущая воду. Если за ось привести цилиндр с трубами на нем во вращение, то из трубок центробежной силой выбросится сначала воздух, а потом, вследствие разрежения давления, подымется по трубке и вода, она войдет в цилиндр и вылетит через трубки. Это все очень ясно и просто» (*Платонов А.* Гидрофикация (Система орошения полей посредством рек) // *Вор. ком.*, 1921, 29 июля, № 167, с. 2).

ВЕЛИКАЯ РАБОТА (с. 195). — Газ. «Наша газета», Воронеж, 1921, 20 нояб., № 43, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

Одна из обращенных к населению статей-агиток, написанных Платоновым в период развернутой им кампании по созданию государственной, а затем губернской организаций для борьбы с засухой. К этой же группе статей относятся: «Фронт зноя» (*Вор. ком.*, 1921, 18 нояб., № 259, с. 3); «Ревсовет Земли» (с. 197—198 наст. изд.); «К оружию, народ!» (газ. «Наша газета», 1921, 6 дек., № 47, с. 3); «Обороняйтесь — наступайте!» (Там же, 1921, 7 дек., № 57, с. 1).

При публикации после заглавия статьи было помещено несколько предложений резюмирующих ее содержание: «У революции нет хлеба. —

Голод сшибал голову не одной революции. Капитализм никогда не кормил всего человечества досыта. Чтобы победила революция, нужно досыта накормить хлебом рабочих.— Гидрофикация — машина, которая принесет избыток хлеба).

С. 196. *Как строить гидрофикацию ~ План ее готов и после проверки спецями будет опубликован.*— В настоящее время приблизительное представление о плане гидрофикации можно составить лишь на материале различных публикаций Платонова по этой теме, см.: «Гидрофикация», «Вниманию X губсъезда Советов».

РЕВСовет ЗЕМЛИ (с. 197).— Газ. «Наша газета», Воронеж, 1921, 25 нояб., № 47, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Одна из обращенных к населению статей-агиток, написанных Платоновым в период развернутой им кампании по созданию государственной, а затем губернской организаций для борьбы с засухой. При публикации после заглавия статьи было помещено несколько предложений, резюмирующих ее содержание: «Городской, машинный человек перестал понимать природу. Кто живет заодно с ней, тому она говорит про себя. Засуха — зияющая рана земли, ее можно победить знанием, силою мозга, напряжением. Для борьбы с засухой необходимо создать армии работников». Кроме того, статья была разбита на четыре озаглавленных раздела: «Человек — глух к ветру, слеп к звездам», «Заболела природа, народ заболел думой о будущем», «Борьба за жизнь, за хлеб при помощи гидрофикации», «Где миллионная армия бойцов?».

С. 197. *...к засухе будущего 1922 г. и следующих годов...*— В своих выводах Платонов опирается на современные научные гипотезы, см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378.

Подошло лето, и загорелась рожь в Повольжье и у нас на юге в большей части губернии.— Речь идет о голоде 1921 г.

...отозвался, наконец, центр — Москва. Там согласились с нами, нашлись люди одинаково думающие ~ Ревсовет земли будет, наверное, создан на днях...— Косвенным подтверждением этого заявления может считаться ряд публикаций газеты «Известия» в ноябре 1921 г. (см. выше предисловие к разделу публицистики, с. 315).

С. 198. *Колчак Александр Васильевич, Врангель Петр Николаевич* — руководители Белого движения, см. прим. к рассказу «Иван Жох» (наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 518—519) и статью «Размозжим» (с. 322—323).

ГОРЬКИЙ И ЕГО «НА ДНЕ» (с. 199).— Газ. «Искра», Воронеж, 1921, 29 нояб., № 6, с. 3. Со сноской: *К постановке «На дне» в Студийном театре.*

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 199. *...шеренга штурмующих вселенную — Наполеон, Магомет, Христос, Бетховен...*— Отгалкиваясь от знаменитого монолога Сатина о человеке («Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они...! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном!»), Платонов расширяет перечень имен, включая в него Христа (см. выше статью «Христос и мы», с. 27—28) и авторитетные для Советской России 1920-х гг. имена композиторов — Л. Бетховена (1770—1827) и А. Н. Скрябина (1871/1872—1915).

Галилея — провинция на севере Палестины к западу от Тивериадского озера, окаймленная Иорданом, основной район религиозных проповедей Иисуса Христа, в ряде случаев называемого в Евангелии галилеянином.

С. 200. *Господа! Если к правде святой ~ человечеству сон золотой.*— Неточная цитата из стихотворения П. Беранже «Безумцы». В пьесе «На дне» это стихотворение читает Актер.

...лесней Агасфера Беранже...— У Беранже есть стихотворение «Агасфер», включенное в вышедшую с предисловием М. Горького книгу «Легенда об Агасфере — “Вечном Жиде”»: поэмы Шубарта, Ленау и Беранже» (Пг., 1919). Данный стихотворный текст написан, скорее всего, под впечатлением от знакомства с этим горьковским изданием и, вероятно, принадлежит самому Платонову; этот же стихотворный фрагмент затем включен в текст повести «Строители страны» (см.: *Вьюгин В. Повесть «Строители страны». К реконструкции произведения // Сб. «Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов».* СПб., 1995, с. 361).

ХЛЕБСТАНОК (с. 201).— *Вор. ком.*, 1921, 14 дек., № 62, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 201. *20—30 миллионов ~ в голоде и тоске бегут по выжженным полям.*— Речь идет о голоде 1921 г., см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373.

...я девять месяцев говорю о гидрофикации...— Первое печатное упоминание о гидрофикации относится к июлю 1921 г. (см. выше предисловие к разделу публицистики, с. 313—315).

С. 202. ...сцепим Донскую и Волжскую гидрофикационные системы в одно.— Описание гидрофикационной системы дано Платоновым в статье «Гидрофикация», там же предусмотрена возможность сцепления таких систем (см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378—379).

РАВЕНСТВО В СТРАДАНИИ (с. 203).— *Вор. ком.*, 1922, 5 янв., № 4, с. 4.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья имеет непосредственное отношение к проекту гидрофикации и попыткам Платонова создать организацию для практического распространения гидрофикации (см. выше прим. к статье «Новое евангелие», с. 381). Говоря о введении чрезвычайных мер и массовом вовлечении населения Республики в борьбу с голодом, Платонов подразумевает наличие руководящего органа, соответствующего разработанному им проекту «Земчека» (см. ниже прим. к статье «Земчека»). Этот радикальный проект перекликается с главными требованиями «рабочей оппозиции», широко обсуждавшей в 1921 г. вопрос о «неравенстве» в партии и обществе, привилегиях и льготах «верхов».

С. 203. ...распыление волжского страдания...— Речь идет голоде в Поволжье.

С. 204. Трансмиссия — устройство для передачи движения от двигателя к станкам или другим механизмам.

ЗЕМЧЕКА (Черный Реввоенсовет) (с. 206).— *Вор. ком.*, 1922, 17 янв., № 12, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Земчека — название губернской организации по борьбе с засухой, созданной по инициативе Платонова (см. выше прим. к статье «Новое евангелие», с. 381). 17 января о создании Земчека сообщила также «Наша газета», поместившая статью Ник. Олегова «Зем-Че-Ка» (№ 12, с. 2).

Еще только начиная говорить о создании подобной организации в связи с засухой 1921 г., Платонов подчеркивал чрезвычайный характер и всеобщий масштаб предлагаемых мер:

«Что нам делать? Одно — немедленно организовать ударные трудовые отряды для оросительных работ. Для этого надо отчислить хоть 1/2 % продналога на питание рабочих-гидрофикаторов. 1/2 % — это 1 000 000 пудов приблизительно. Если эта гидрофикационная армия будет иметь 10 000 ч<еловек> рабочих, то этого хлеба ей хватит на 200

дней, считая по 2 ф<унта> в день на человека. Эти 10 000 человек могут за 200 дней (считая 50 дней подготовительных работ и 150 дней работы на полях) гидрофицировать площадь, способную кормить 100 000 человек (самая осторожная цифра) ежедневно. А всех рабочих в Воронеже не больше 15 000 человек. Если бы Воронеж сумел выделить 2 000 человек для оросительных работ, снабдить их инструментом и прокормить, то через год воронежские рабочие были бы обеспечены хлебом навсегда, независимо от состояния атмосферы. Тогда бы мы объявили Воронеж рабочей индустриальной коммуной, образцовой для всей РСФСР, и выгнали бы отсюда всех спекулянтов, спироторговцев и других, нуждою нашей “узаконенных” бандитов, начинающих сосать последнюю кровь затомленных рабочих» (Платонов А. Водой за хлеб // *Вор. ком.*, 1921, 30 авг., № 193, с. 1).

Несколько позднее, в ходе рассмотрения возможности создания Государственного штаба по борьбе с засухой, Платонов предполагал при проведении противозасушливых мероприятий задействовать население всей страны: «Мы оторвем людей от их повседневной будничной работы и бросим всех на героический праздник труда — на фронт зноя, на фронт смерти <...>. Мы проведем миллионные мобилизации и создадим Черную армию земли, машины, плуга и насоса против желтых армий суховея и знойного песка.

Все второстепенные занятия, всякая работа, не прямо относящаяся к добыче хлеба, всякое искусство, театры, торговля должны быть остановлены, люди с них должны быть насильно переброшены на черную землю к борьбе за влагу с безоблачным небом» (Платонов А. Обороняйтесь — наступайте! // *Газ. «Наша газета*, 1921, 7 дек., № 57, с. 1).

Наиболее конкретное изложение плана организационных мероприятий Земчека содержится в проекте под заглавием «Губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с засухой и восстановлению и развитию с. х.», подготовленном для председателя Воронежского Губэконо А. Г. Божко-Божинского:

«Для осуществления агрономических мероприятий будут привлечены (в порядке мобилизации) учащиеся с.-х. учеб<ных> заведений всех родов и ступеней, РКСМ, Партия, а в случае остроты борьбы и все гражданское население городов; будут отданы на с.-х. фронт все лошади, все транспортные средства, будет организован сбор топоров, лопат и всяких инструментов (добровольно и за плату); будет развита бешеная пропаганда и т. д. Эти работы мы сделаем в широком смысле общественными. Всю молодежь городов мы привлечем на свою сторону и весной и летом пустим их в деревню.

Эти мероприятия (вроде очистки и сортировки семян; обучение крестьян посеву, уходу и обработке кукурузы; корнеплоды; животноводст-

во и т. д.) мы проведем за счет местного пятимиллиардного чрезвычайного налога на спекулянтов и одного миллиарда на все гражданское население городов. О крестьянстве и говорить нечего — они все будут солдатами с.-х. фронта, и сочувствие их этому делу несомненно, и оно будет выражаться в высочайшем энтузиазме и сплошном добровольчестве. Я сам был этому свидетель.

Мы осуществим еще чрезвычайный производственный с.-х. налог на все заводы, фабрики и кустарные заведения.

Каждому будет дано задание Земчеки выполнить ту или иную работу, по чертежам Земчеки,— в течение, скажем, месяца, с затратой, примерно, от 100 до 10 000 человеко-часов, смотря по мощи заведения или завода. Заказ должен быть выполнен из материалов производителя. Это — штука нетрудная: такой налог» (СА).

В последующем Земчека трансформировалась в отдел гидрофикации ГЗУ (см. ниже прим. к статье «На фронте зноя», с. 388—390).

С. 206. *Земля сейчас темна, бесплодна и неустроена, и мысль человека-организатора, еще не сознавшая всей своей мощи, веет над нею.*— Ср.: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1; 2).

Два дня назад Губпланом принято предложение одного из докладчиков...— Речь идет о выступлении самого Платонова. Прямое отношение к этому событию имеет сообщение *Вор. ком.* от 14 января 1922 г.: «На сегодняшнем заседании губернского экономического совещания представитель Губземотдела сделает доклад о постановке борьбы с засухой в губернии. С содокладом о значении гидрофикации (искусственного орошения) в борьбе с засухой выступит т. А. Платонов» (№ 10, с. 4).

С. 208. *...деревянные гидравлические тараны...*— *Гидравлический таран* — водоподъемное устройство, в котором давление создается в результате гидравлического удара. Высота подъема воды может превышать 50 м. О дальнейшей судьбе проекта см. далее прим. к статье «На фронте зноя», с. 394—395.

ХЛЕБНЫЕ БОГОМОЛЬЦЫ (с. 209).— *Вор. ком.*, 1922, 12 марта, № 58, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 209. *В Поволжье, на Украине, в Крыму, у нас в губернии, по всей смертельно голодающей России...*— Речь идет о голоде в результате засухи 1921 г. (см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373).

НА ФРОНТЕ ЗНОЯ (с. 211).— *Вор. ком.*, 1922, 26 апр., № 91, с. 2—3.

Датируется и печатается по первой публикации.

В статье излагается план деятельности Губернской комиссии по гидрофикации (Губкомгидро), бывшей Земчека (см. выше прим. к статье «Земчека», с. 385). Первое переименование организации по борьбе с сухой произошло в феврале 1922 г.; когда Земчека получила название Энергзем (Губернская сельскохозяйственная энергетическая комиссия). Как писал сам Платонов, «причина этого превращения Земчека в Энергзем,— из тяжелой артиллерии, которую мы предполагали создать против природы за человека, в простой кастет,— эта причина наша местная, губернская — обычное безденежье, организационная слякоть и то бюрократическое кольцо, которого не минует никто, которое отучает человека просто и сердечно говорить с другим человеком, а заставляет взаимно обмениваться приказами и взаимно не исполнять их» (*Платонов А. О поднятии энергетики сельского хозяйства (Очерк о планах Энергзема)* // *Вор. ком.*, 1922, 16 февр., № 37, с. 2—3).

Интересна дальнейшая судьба Губкомгидро. Постановлением Воронежского Губземаотдела от 15 марта 1922 г.— «в целях экономии средств и для придания большего авторитета» — комиссия по гидрофикации была слита с отделением сельскохозяйственных мелиораций подотдела землеустройства ГЗУ, а Платонов был назначен политическим руководителем отделения сельскохозяйственных мелиораций (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 1466, л. 37). С этого времени Губкомгидро именуется отделом гидрофикации, но в документах и газетных публикациях старое название (комиссия по гидрофикации) продолжает использоваться наряду с новым. На этом этапе существования Губкомгидро не входила в бюджет ГЗУ, ее работы не получали финансирования. К 1 июня 1922 г. штат комиссии по гидрофикации при подотделе гидротехники (новое название отделения сельскохозяйственных мелиораций) составлял четыре человека, и в центр сообщалось, что «ввиду отсутствия средств у подотдела <гидротехники> уплата содержания персоналу отделения по гидрофикации носит случайный характер и из различных кредитов Губземуправления, каковое явление не позволяет установить контактности в работе» (Там же, оп. 7, ед. хр. 1053, л. 8—9). Комиссия по гидрофикации была включена в бюджет Губземуправления только в июле 1922 г., см.: «Губкомгидро после бесконечных ходатайств и докладов, наконец включается в смету и аппарат Губземаотдела. Пора дать возможность развернуться налаживающемуся делу гидрофикации!» (*Вор. ком.*, 1922, 22 июля, № 163, с. 4). При этом, во изменение постановления от 15 марта 1922 г., Губкомгидро из подотдела гидротехники перешла в отдел земледелия и животноводства (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 1466, л. 145 об.; постановление ВГЗУ от 25 июля 1922). В отчете о дея-

тельности ВГЗУ за июль месяц отчет комиссии по гидрофикации также обнаруживается в разделе «Отдел земледелия и животноводства» (Там же, оп. 2, ед. хр. 671, л. 42 об.— 45 об.).

В ноябре месяце Губпланом было сделано замечание «о желательности слияния внесенной в смету комиссии по гидрофикации с гидротехническим отделом», поскольку Губплан не одобрял «параллельного существования двух однородных по своей работе учреждений» (*Вор. ком.*, 1922, 14 нояб., № 257, с. 3). Постановлением ВГЗУ от 25 декабря 1922 г. комиссия по гидрофикации снова, с 1 декабря 1922 г., включалась в состав Губмелиозема (т. е. Губернского отдела землеустройства и мелиорации ВГЗУ) (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 1468, л. 6), где опять, в составе четырех человек, была закреплена как часть подотдела сельскохозяйственных мелиораций (бывший подотдел гидротехники, он же — отделение сельскохозяйственных мелиораций) (Там же, л. 97).

К этому времени подотдел сельскохозяйственных мелиораций находился в состоянии агонии. И без того сложное положение мелиоративной организации, входившей в состав Губмелиозема, ухудшилось после вступления в силу циркуляра Наркомзема от 11 июня 1922 г. о переводе органов землеустройства на хозрасчет. Необеспеченность средствами приводила к тому, что инженеры, и без того неохотно соглашавшиеся занимать должность начальника подотдела сельскохозяйственных мелиораций, довольно быстро брали расчет, не выдерживая тягот подобного положения. Так, инженер М. Куренков отказывался от должности заведующего на протяжении весны 1922 г., но приступил-таки к исполнению обязанностей в июле месяце (см. постановление ВГЗУ от 25 июля 1922 г.: Там же, ед. хр. 1466, л. 145 об.). Уже 12 августа он уволился по собственному желанию (Там же, л. 179), написав незадолго до этого письмо в Наркомзем, где оценивал положение подотдела как совершенно безнадежное и просил: «Не зная, какие соображения на этот счет существуют в Управмелиоземе по поводу перевода подотделов сельскохозяйственной гидротехники в целом на самокупаемость, и, с своей стороны, чтобы дать возможность пережить тяжелое для мелиорации время и сохранить губернскую организацию ее, считаю необходимым ходатайствовать перед Вами об оставлении подотдела на государственном снабжении в отношении содержания личного его состава в количестве 10 человек, согласно прилагаемой при сем сметы, пока на период с 1-го июля по 1-е окт. 1922 г.» (Там же, оп. 7, ед. хр. 368, л. 34). Затем ставка долгое время оставалась вакантной, и очередной заведующий подотделом сельскохозяйственных мелиораций был назначен совсем незадолго до возвращения комиссии по гидрофикации в состав Губмелиозема (см. постановление технической коллегии Губмелиозема от 27 ноября 1922 г.: Там же, оп. 3, ед. хр. 1466, л. 314).

В результате такого развития событий и во исполнение циркуляра Управмелиозема от 19 марта 1923 г. отделение гидрофикации выделилось в Воронежское государственное мелиоративное бюро при Губземуправлении, имевшее целью «поставить производственные начинания в этой области на началах самокупаемости и коммерческого расчета, изыскивая средства для развития мелиоративного дела из внебюджетных ресурсов» (Там же, ед. хр. 1470, л. 97). Постановлением ВГЗУ от 1 июня 1923 г., согласно поданному заявлению, был освобожден от должности (с 1 апреля 1923 г.) очередной заведующий подотделом сельскохозяйственных мелиораций (Там же, ед. хр. 1468, л. 47 об.). 12 июня 1923 г. было принято постановление ВГЗУ об организации Госмелбюро со штатом в количестве десяти человек, Андрей Платонов назначался управляющим Госмелбюро (Там же, л. 51). 23 июня 1923 г. в дополнение к постановлению от 12 июня было принято решение упразднить оставшийся обезглавленным подотдел сельскохозяйственных мелиораций, «передав все функции его вновь организованному при Губземуправлении Госмелбюро». Кроме того, Госмелбюро передавались все полученные кредиты по бывшему подотделу (Там же, л. 57). Так, комиссия по гидрофикации (уже в виде Госмелбюро) заместила собою подотдел, частью которого она до недавнего времени являлась. Отметим, что губмелиоратором, по логике вещей, являлся как раз заведующий подотделом сельскохозяйственных мелиораций, так что Платонов, возглавляя в данной ситуации Госмелбюро, как раз и был губмелиоратором, но пока что только фактически.

Государственное мелиоративное бюро просуществовало до октября 1923 г., после чего было ликвидировано, а при Губземуправлении возобновили подотдел сельскохозяйственных мелиораций (см.: Ликвидация Госмелиобюро // *Вор. ком.*, 1923, 2 окт., № 219, с. 4). Госмелбюро преобразовалось в подотдел Губмелиозема, при этом Андрей Платонов остался на посту руководителя. Затем была проведена очередная реорганизация, в результате которой ВГЗУ получило новое название — Воронежский Губземотдел (ВГЗО); а подотдел сельскохозяйственных мелиораций стал называться частью сельскохозяйственной мелиорации. 20 ноября 1923 г. приказом по Губземотделу Платонов был введен в состав Воронежского губернского землеустроительного совещания по части сельскохозяйственных мелиораций (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2320, л. 25). На этом, собственно, и завершается история комиссии по гидрофикации или Земчека.

Восстановленная хронологическая последовательность практически совпадает с датировкой известных удостоверений, выписанных на имя Платонова: с 5 февраля 1922 г. — председатель губернской комиссии по гидрофикации, с 1 января 1922 г. — заведующий отделом гидрофика-

ции, с 1 июня 1923 г.— увольняется из ГЗУ, с 17 октября 1923 г.— заведующий подотделом сельскохозяйственных мелиораций.

Перечень работ, реальное выполнение которых брал на себя отдел гидрофикации (под любым из его названий), был весьма обширен. Сведения о деятельности данной организации можно получить не только из статей Платонова, но и из рекламных объявлений, появлявшихся на страницах воронежских газет в 1923 г. Так, 27 февраля печатается объявление об условиях, на которых отделение осуществляет орошение земельных участков (см. далее прим. к статье «Результаты искусственного орошения», с. 412). Затем было опубликовано объявление общего характера:

«Отделением гидрофикации ГЗУ открыт прием заявлений на производство следующих работ: искусственное орошение угодий интенсивного пользования, садов, лугов, а также и полевых культур, орошение сточными водами огородов; увлажнительные работы (реконструкция рельефа, с целью ликвидации непроизводительного поверхностного стока); замыкание оврагов взрывным методом, с целью превращения их в водоемы и одновременное облесение их с взрывной посадкой деревьев и с устройством водоотводной канавки для прекращения их роста.

Работы проводятся материалами, машинами и рабочей силой отделения гидрофикации или землепользователей.

Точные цены и подробные условия — по запросу и по представлению нужных сведений или по обследованию — лично или письменно в отделении гидрофикации Губ<ернского> земуправления» (*Вор. ком.*, 1923, 3 марта, № 47, с. 4; Там же, 7 марта, № 50, с. 4).

В конце марта — начале апреля публиковался и более краткий вариант этой же по сути рекламы, включавший, однако, в перечень работ еще и строительство гидроэлектрических станций; относительно условий работ сообщалось: «Сельским обществам, госучреждениям, кооперативам, совхозам, коммунам, коллективам — кредит и наивыгоднейшие условия» (см.: Там же, 1923, 31 марта, № 70, с. 4; Там же, 1 апр., № 71, с. 10).

Третий вариант рекламы касался уже деятельности мелиоративного бюро:

«Государственное мелиоративное бюро при Губземуправлении производит следующие работы:

I. Устройство и ремонт срубовых и трубчатых колодцев. II. Устройство прудов. III. Ремонт плотин. IV. Устройство водоспусков и водосливов. V. Осушение. VI. Искусственное орошение. VII. Увлажнительные работы. VIII. Регулирование рек. IX. Гидрометрические работы. X. Сдаст в аренду под эксплуатацию торфяные болота. XI. Ведет контроль и наблюдение за торфоразработками.

Прием заявлений от госучреждений, общественно-кооперативных организаций, совхозов (или их объединений), коммунартелей, сельских обществ и отдельных граждан» (*Вор. ком.*, 1923, 12 июня, № 125, с. 4; Там же, 13 июня, № 126, с. 4; газ. «Наша газета», 1923, 16 июня, № 62, с. 4).

Аналогичное объявление было дано в 1924 г. от имени мелиоративной части Воронежского ГЗУ:

«Мелиоративная часть Воронежского Губземаотдела принимает производство следующих работ, неся полную ответственность за их успешное и целесообразное выполнение:

Устройство и ремонт прудов, устройство колодцев: срубовых, бетонных, трубчатых, осушение заболоченных площадей для образования кормовых угодий. Искусственное орошение земель, укрепление оврагов инженерными способами, регулирование рек, составление смет и проектов по этим работам и надзор за их выполнением.

Мелиоративная организация есть единственное в губернии учреждение, имеющее вполне подготовленный научно-технический аппарат для производства перечисленных работ.

Все справки — в мелиоративной части Губземаотдела, комн. № 19, 3-й этаж» (см.: газ. «Наша газета», 1924, 13 авг., № 61, с. 8; Там же, 16 авг., № 62, с. 3).

С. 211. *Инженер Касаткин, работающий над проблемой усиления внутреннего влагооборота...* — Платонов ссылается на изданную опытно-мелиоративной частью Наркомата земледелия брошюру И. И. Касаткина «Усиление внутреннего влагооборота как очередная задача народного хозяйства в России» (М., 1921). Упоминание об этой брошюре встречается и в одной из более ранних статей Платонова — «Против зноя» (*Вор. ком.*, 1921, 27 июля, № 165, с. 1).

С. 212. *...проект реконструкции рельефа взрывным методом.* — В планах комиссии по гидрофикации данный проект являлся основным. Возможно, интерес Платонова к взрывным работам в сельском хозяйстве возник благодаря ряду публикаций газеты «Известия» (см.: *Сухаревский М.* Динамит-пахарь // «Известия», 1922, 3 янв., № 2, с. 1; *Беляков А.* Динамит — завоеватель «диких земель» // Там же, 18 янв., № 13, с. 1; *Сухаревский М.* Жидкий (взрывчатый) воздух // Там же, 21 янв., № 15, с. 1; *Он же.* Взрывчатые вещества и мелиорация // Там же, 7 февр., № 29, с. 1; *Взрывные работы в мелиорации* // Там же, 12 февр., № 34, с. 2). Платонов собирал информацию по данному вопросу с начала 1922 г. Так, в *Вор. ком.* им было помещено следующее объявление: «Кто знаком с взрывной мелиорацией. Всех лиц, работавших в области взрывной мелиорации, или хотя отчасти знакомых с этими работами,

видевших их в других странах, а также у кого имеется литература по этим работам,— просьба прийти в губ<ернскую> ком<иссию> по гидрофикации (при Губземотделе) к т. Платонову для переговоров о сотрудничестве или продаже литературы» (1922, 1 марта, № 48, с. 4). Упоминания о намерении осуществить в губернии взрывные работы встречаются во многих статьях Платонова 1922—1923 гг.: «Результаты искусственного орошения» (с. 229—230); «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (с. 244—247); «Гидрофикация и электрификация» (*Вор. ком.*, 1923, 28 янв., № 19, с. 5); «Великий работник» (с. 248—250); «Об улучшениях климата» (с. 306—308). Что касается практического воплощения идеи, известно о проведении взрыва с целью создания пруда недалеко от села Волошино (см.: *Ласунский*, с. 178). Эта сфера деятельности Платонова нашла художественное отражение в рассказе «Сатана мысли» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 197—204.

С. 213. ...*применить для своих работ не только взрывной метод, но и более мощный — электромагнитный...* ~ *Над этим вопросом и работают сейчас несколько сотрудников комиссии.*— Свое предельное воплощение данный проект получает в художественном творчестве Платонова, где аппарат, созданный с целью ведения электромагнитных работ, носит название «фотоэлектромагнитный резонатор-трансформатор» (см. прим. к рассказу «Невозможное» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 581). Подобные оригинальные проекты разрабатывались в так называемой электроагрономической лаборатории Губкомгидро; см. перечень разработок в подписном листе на организацию лаборатории: «отрицательная электризация корневых систем растений для конденсации на них паров воды, курсирующих над почвой и в капиллярах верхних слоев почвы, т<ак> с<казать> для увлажнения корневых систем; осуществление питания растений при минимуме влаги посредством переменного тока высокой частоты перемен — и высокого напряжения; введение в русское сельское хозяйство китайского способа удобрения экскрементами человека (фекалии) — нахождение оптимумов количеств удобрения для каждой почвы, каждой культуры, концентрации и стока брожения; воздействие на микроклимат изменением электромагнитного состояния атмосферы и почвы: превращение света в форму обычного рабочего электрического тока» (*РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 35, л. 1).

Создание капитала — первейшая и основная задача комиссии, потому что государство не может, не в силах нас финансировать.— По поводу государственного финансирования Губкомгидро в статье Л. Стальского «Первый удар по засухе» (*Вор. ком.*, 1922, 23 июня, № 138, с. 2) приводятся следующие данные: «За все время ее существования комиссия получила от Губземуправления 50 миллионов рублей и от Губэконосо 50 п<удов> муки».

В начале 1922 г., решая проблему финансирования, Платонов со страниц городской газеты призывал кооперативные организации и частных предпринимателей Воронежа предоставить Губкомгидро деловой кредит (см.: *Платонов А. О поднятии энергетики сельского хозяйства // Вор. ком.*, 1922, 16 февр., № 37, с. 2—3; *Он же. Внимание великой работе // Там же*, 1 апр., № 74, с. 1; *Он же. Схватка с засухой // Там же*, 13 апр., № 83, с. 2). Вероятно, эти обращения Платонова остались безответными.

С. 214. . *сделана модель и разработан план простейшего оросительного механизма, работающего течением рек...*— Речь идет о работе, сделанной в феврале 1922 г., см. извещение в *Вор. ком.*: «В настоящее время губернская комиссия по гидрофикации работает над выработкой модели оросительной машины, которая будет поглощать наименьшее количество материала, стоить очень дешево и легко разбираться» (Оросительная машина // *Вор. ком.*, 1922, 26 февр., № 46, с. 4). Этой же работе посвящена статья Платонова «Машины для орошения полей» (*Вор. ком.*, 1922, 25 февр., № 45, с. 3; газ. «Наша газета», 1922, 28 февр., № 47, с. 2—3).

В целях рекламы Платонов неоднократно демонстрировал созданную модель. Один из показов состоялся 2 марта 1922 г. на вечере журналистов. В объявлении о предстоящем вечере журналистов сообщалось: «Помимо литературных и музыкальных номеров будет демонстрироваться с пояснениями т. Платонова машина для орошения, модель которой сделана губернской комиссией по гидрофикации» (Интересный вечер журналистов // *Вор. ком.*, 1922, 1 марта, № 48, с. 4). 6 марта 1922 г. доклад Платонова о работах комиссии по гидрофикации, проходивший в Коммунистическом клубе, сопровождался демонстрацией двух моделей «наипростейших оросительных машин, действующих силою течения воды и ветра» (см.: Доклад о гидрофикации // *Вор. ком.*, 1922, 8 марта, № 54, с. 4).

Известно также, что в апреле 1923 г. Губкомгидро была занята перевозкой гидравлических таранов и деревянной гидропередачи на пруды, где установка и была собрана (см. ниже прим. к статье «Результаты искусственного орошения», с. 412).

...оборудована оросительная станция...— Речь идет о механической оросительной станции Губкомгидро.

...оборудована ~ своя мукомольная мельница, доход с которой пойдет на содержание штата.— Этот способ получения средств на содержание Губкомгидро изложен Платоновым в письме в Губэкозо от 24 марта 1922 г. (адресовано А. Г. Божко-Божинскому): «От Вас же я прошу следующее (больше от государства мы ничего не попросим, мы сознаем его нищету сейчас) — 6 (шесть) пудов муки и больше ничего. За 3 пуда

я приобретаю двигатель, за 3 пуд<a> мельничные камни и оборудую маленькую мельницу. Оборудование на примете у меня уже есть. Если не хватит 6 п<удов> муки — я добавлю из других источников (редакция и я сам заработаю). Такая мельница — доходное и простое дело. Я знаю одну подобную мельницу в Воронеже, и дело пойдет хорошо наверное.

Дальше. Я устраиваю мельницу. Она даст дохода в день чистого 15—30 фун<тов> муки. На этот доход я содержу 3-х научных сотрудников, живу сам, и покупаю нужные материалы и инструменты, и вообще сильно и независимо работаю над проектом реконструкции рельефа, и веду другие научные работы (свои и др. товарищей) в области с. х. Губ-исполком только пусть освободит нас от налога на мельницу (иначе наш доход сожмется фунт<ов> до 3—5 в день, а так уже работать почти невозможно)» (СА).

Сведения о мельнице и прочих коммерческих предприятиях Губкомгидро содержатся и в некоторых газетных публикациях: «В городе у комиссии уже имеется паровая мельница, которая оборудована силами комиссии и скоро будет пущена в ход. Она будет давать около пуда в день, что составит по теперешним ценам до 100 миллионов в месяц. Эти деньги будут употреблены на содержание личного состава и показательные опытные работы. Затем комиссия арендует 2 мельницы в Нижнедевицком уезде. Прибыль с них будет составлять от 3 до 5 пудов в день — 300—500 млн. в месяц, и даст средства на подготовительные производственные мероприятия — покупку взрывчатых веществ и т. д. <...> Затем предположена разработка фосфорита в Нижнедевицком уезде» (Платонов А. Схватка с засухой // *Вор ком.*, 1922, 13 апр., № 83, с. 2). Более поздняя по времени статья Л. Стальского «Первый удар по засухе» (*Вор ком.*, 1922, 23 июня, № 138, с. 2) упоминает о том, что «комиссия организовала и пустила <...> мукомольную паровую мельницу, которая с 1-го июля обеспечит ее рабочий аппарат. Организована также мастерская по сборке оросительных станций, которая необходима для самообслуживания братья за ремонт центрального отопления».

...универсальные подвижные ветростанции, которые не только будут работать под орошением, но и пахать...— Вероятно, подобная ветростанция описана Платоновым в наброске рассказа «Ветер-пахарь» (1929), действие которого происходит в 1922 г.: «Новиков передал мне модель сложной ветряной мельницы, высотой в полметра. Я разглядел устройство машины. <...> От главного вала шел вниз вертикальный стоячий вал. А внизу, на площадке, устроен был барабан-лебедка. Эту лебедку мог вертеть стоячий вал. Верхний главный вал был еще сцеплен со стоячим валом коническими шестернями и такими же шестернями передавалось движение на лебедку.

Вся ветряная машина стояла на платформе, а платформа имела, как телега, четыре колеса. <...> Лебедка во время действия ветряка должна вращаться и накручивать на себя толстую веревку, а на другой конец веревки будет прицеплен плуг. Раз мельница на колесах, то ее надо отвезти сначала на пахотное поле, и там поставить.

Ветер будет крутить крылья, лебедка потянет веревку и плуг станет тащиться и пахать силою ветра. А по мере пахоты мельницу следует понемногу продвигать. <...> А чтобы пахать в обе стороны, требовались две ветряные машины <...> Один ветряк должен стоять с этой стороны пашни, а другой — с той и работать попеременно: одна машина тянет плуг к себе, а другая только отпускает веревку; а затем начинает тянуть вторая машина, а эта только разматывает веревку с лебедки» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 54, л. 10, 6—8).

Несколько иной вариант предложен в статье Платонова «Два плана великих работ»: «...самую выгодную и легкую пахоту можно устроить так. Работает водная электрическая станция (на реке). Электрическая сила подается по проводам в поле, где электрические лебедки тянут поочередно огромный многолемешный плуг. Выходит дело, река пашет. Это и есть лучшая и самая дешевая пахота» (газ. «Наша газета», 1923, 22 июля, № 77, с. 1).

С. 215. *Работам комиссии обещана поддержка центра...*— Уже в проекте Земчека Платонов с уверенностью говорил о возможной помощи Наркомзема: «Много нам поможет Наркомзем инструкциями, литературой и опытом, а, м<ожет> б<ыть>, и средствами» (СА). Имеются сведения о командировке Платонова, председателя чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой, в Наркомзем в январе 1922 г. Командировка была предпринята с целью «получения инструкций и специальной литературы по общим вопросам развития сельского хозяйства и по борьбе с засухой» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1). Видимо, результаты как раз этой командировки отразились в статье Платонова «О поднятии энергетики сельского хозяйства»: «Мне там <в Наркомземе> прямо сказали, что наше начинание вполне правильное <...>. Моральная и отчасти материальная поддержка (бесплатное снабжение губернии литературой по сельскому хозяйству) у нас в центре есть. В будущем нам обещано и центр это выполнит, несомненно,— и снабжение средствами (за счет ЦК Помгола и Наркомзема)» (Вор. ком., 1922, 16 февр., № 37, с. 2—3).

Позднее «некоторая поддержка» центра была обещана непосредственно заместителем наркома земледелия Осинским (см.: *Стальский Л.* Первый удар по засухе // Там же, 1922, 23 июня, № 138, с. 2), посетившим Воронеж в марте 1922 г. в связи с проведением сельскохозяйственной кампании (см. извещение о приезде: Там же, 1922, 17 марта, № 62,

с. 4). По всей видимости, ни одно из обещаний не было подкреплено реальной помощью.

О КУЛЬТУРЕ ЗАПРЯЖЕННОГО СВЕТА И ПОЗНАННОГО ЭЛЕКТРИЧЕСТВА (с. 216).— Журн. «Искусство и театр», Воронеж, 1922, № 2, авг., с. 2—3.

Датируется июлем 1922 г.

Печатается по первой публикации.

Журнал «Искусство и театр» являлся еженедельником художественного подотдела Воронежского губполитпросвета. Всего в августе—сентябре 1922 г. вышло шесть номеров журнала.

Сотрудничество Платонова с журналом «Искусство и театр» прекратилось после первой публикации, хотя в содержании номеров, готовящихся к выпуску (№№ 3—4), значатся статья Платонова «Искусство Шпенгера» (очевидно, «Искусство Шпенглера») и его же стихотворения. Вероятнее всего, Платонову не подошло общее направление этого издания. Окончательным поводом к разрыву могла послужить и отрицательная рецензия на №№ 1—2 данного журнала, в постскриптуме к которой Ник. Олегов задал недоуменный вопрос: «...как это тт. Келлер и А. Платонов пришли к такому журналу?» (*Вор. ком.*, 1922, 10 авг., № 179, с. 5).

С. 216. ...а кончилась Беатриче и «прекрасной дамой»...— Беатриче, возлюбленная Данте, воспетая им в сонетах, выведена как одно из действующих лиц «Божественной комедии». *Прекрасная дама*, заглавная героиня книги А. Блока, ставшая символом искусства предреволюционной эпохи.

С. 217. ...в области сухого хлеба, где влагу заменит переменное электромагнитное поле...— Более подробное разъяснение этого направления работ см. в незавершенном наброске под названием «Гидрофикация»: «Еще есть мощный метод получения хлеба без воды, тоже электрический: электрический ток (переменный и высокого напряжения — в особенности) имеет свойство нивелировать среду своего действия, он даже может (при очень высоком напряжении и большой частоте перемен) смещать и смешивать те предметы и вещества, которые служат ему проводниками, чтобы на его пути не было тормозов, узлов и разрывов. Основываясь на этом, можно сказать, что принципиально возможен транспорт элементов питания в тело растения другим путем, чем это есть сейчас. В этом случае мы имеем уже не имитацию природы человеком, а совершенно самостоятельное изобретение человека — не бывшее и невозможное в природе. Тут требуются, конечно, большие поправки, надо говорить осторожно, а <двига>ясь преодолевать невероятные со-

противления при практическом осуществлении этих положений. Может быть вполне безводное сухое питание растений невозможно в силу консервативных физиологических рудиментов самого нутра растения, м. б. это применимо только для некоторых видов растений. Возможно все это. Но невозможно не добиться некоторых эффектов в направлении сухого питания растений — и они будут достигнуты, если отделение гидрофикации добьется в своей лаборатории нужных условий для постановки таких опытов. А эти условия необычайно сложны и тяжелы, ибо дело идет о перевоспитании растения, по сравнению с человеком полумертвеца, о жестокой дрессировке его» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 5, л. 37—38; датируется концом 1922 г.)

...где свет будет тянуть станки...— Речь идет о внедрении в производство фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора (см. прим. к рассказу «Невозможное» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 581).

...сложнее всех античных и западноевропейских культур...— Полемический выпад в адрес книги О. Шпенглера «Закат Европы» (см. ниже прим. к статье «Симфония сознания»).

СВЕТ И СОЦИАЛИЗМ (с. 218).— Журн. «Russian Literature», Amsterdam, 1988, № XXIII, с. 387—389.

Автограф — РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 32.

Датируется концом лета 1922 г.

Печатается по автографу.

Фактически статья посвящена проекту фотоэлектромагнитного резонатора-трансформатора (см. прим. к рассказу «Невозможное» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 581). При датировке принимается во внимание заявление Платонова о ходе создания резонатора, содержащееся в статье.

С. 220. *Резерфорд* Эрнест (1871—1937), английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома, осуществил первую искусственную ядерную реакцию (1919).

СИМФОНИЯ СОЗНАНИЯ (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы) (с. 221).— Журн. «Russian Literature», Amsterdam, 1992, № XXXII, с. 261—267 (в статье Н. Корниенко «“Эфирный тракт”. К истории текста повести»).

Беловой автограф находится в составе рукописи повести «Эфирный тракт» (СА, л. 41—55). Автограф сохранил самостоятельную авторскую пагинацию первой и второй частей статьи (л. 1—8; л. 1—7); на обороте л. 8 первой части имеется запись Платонова: «Бахметьев! Пусти вот это.

Будет ряд очерков. Совершенно без всяких исправлений Если будете править — не надо пускать. Платонов». Адресат статьи — газета «Воронежская коммуна», литературный отдел которой в 1922—1923 гг. вел прозаик Михаил Бахметьев. Публикация статьи в *Вор ком* не состоялась.

В статье отразились впечатления Платонова от знакомства с идеями книги немецкого философа и историка Освальда Шпенглера «Закат Европы» («*Der Untergang des Abendlandes*», Munchen, 1918 — 1 том; 1920 — 2 том). Книга имела сенсационный успех как в Европе, так и в России. Первый том «Заката Европы» на русском языке был издан лишь в 1923 г. До издания главного труда в Советской России выходят следующие книги О. Шпенглера: в июле—августе 1922 г. — «Пессимизм?» (Пг., пер. Г. Генкеля), «Пессимизм ли это?» (М., перевод П. Попова); в октябре—декабре — «Деньги и машина» (Пг., предисл. Г. Генкеля), «Пруссачество и социализм» (Пг.), «Философия будущего» (Иваново-Вознесенск), «Философия лирики» (М., пер. В. Нейштадта).

Как показывает сопоставительный анализ, в 1922 г. Платонов получил свои представления о философии Шпенглера преимущественно из брошюры «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М.: Кн-во «Берег», 1922), объединившей критические статьи Ф. А. Степуна («Освальд Шпенглер и Закат Европы»), С. Л. Франка («Кризис западной культуры»), Н. А. Бердяева («Предсмертные мысли Фауста») и Я. М. Букшпана («Непреодоленный рационализм»). Брошюра вышла в январе 1922 г. — до выхода «Заката Европы» на русском языке. Еще одним источником «Симфонии сознания», вероятно, является книга О. Шпенглера «Пессимизм?» с предисловием проф. Германа Генкеля (Пг.: Academia, 1922). Последняя — сохранилась в личной библиотеке Платонова (СА).

На основании извещения о поступлении книги «Освальд Шпенглер и Закат Европы» на книжные склады Воронежа (см.: *Вор. ком.*, 1922, 28 мая, № 117, с. 4) статья «Симфония сознания» датируется летом 1922 г. В том, что разработка темы Шпенглера пришлась на лето 1922 г., убеждает объявление о предстоящей публикации статьи Платонова о Шпенглере в журнале «Искусство и театр» (см. выше прим. к статье «О культуре запряженного света и познанного электричества», с. 397).

Печатается по беловому автографу.

Вероятно, «Симфонию сознания» следует расценивать как опыт участия Платонова в развернувшейся в 1-й половине 1922 г. философской дискуссии. Брошюра «Освальд Шпенглер и Закат Европы», посвященная разбору книги «Закат Европы» с позиций религиозной философии, открыла тему Шпенглера для советских марксистов. Позицию «последовательного материализма» применительно к идеям Шпенглера и оппонировавших ему русских философов взялся отстаивать начавший

выходить в 1922 г. ежемесячный философский и общественно-экономический журнал «Под знаменем марксизма» — орган «молодой пролетарской интеллигенции» (журн. «Под знаменем марксизма». М.: Кн-во «Материалист», 1922, № 1—2, с. 3). Новое издание в феврале напутствовал Л. Троцкий, указывая, что в «неустойчивую эпоху» нэпа воспитание молодого «пролетарского авангарда» является величайшей задачей современности и выходит на передний план, ибо человек, овладевший материалистическим мировоззрением, «не станет в ветхих “священных” книгах, в этих философских сказках первобытного ребячества, искать ключей к познанию тайн мироздания»: «...в такую переломную эпоху, как наша, особенно если она затянется, т. е. если темп революционных событий на Западе окажется более медленным, чем можно надеяться,— весьма вероятны попытки различных идеалистических и полуйдеалистических философских школ и сект овладеть сознанием рабочей молодежи. <...> мысль рабочей молодежи может оказаться незащищенной против различных учений идеализма, представляющих, в сущности, перевод религиозных догм на язык мнимой философии...» (Письмо тов. Троцкого // Там же, с. 7, 6). После открывавшего журнал выступления Троцкого следуют три статьи, посвященные «Закату Европы»: «Гибель Европы или торжество империализма» А. Деборина (с. 8—28; именно эта статья печаталась в качестве предисловия к изданию первого тома «Заката Европы»), «Наши российские шпенглеристы» В. Ваганяна (с. 28—33) и «Обломки старой России» Е. Преображенского (с. 33—35). Задачи материалистического воспитания, сформулированные Троцким, отрабатывались в каждой из статей без особых нюансов: Шпенглер — последователь «идеолога русского национализма» Н. Я. Данилевского, «славянофил от Пруссии», а книга русских философов явила «все тот же заскорузлый национализм, слепой, ничему не научившийся» (Деборин А. Указ. соч., с. 29—32); русские философы, эти «заскорузлые националисты» (Ваганян В. Указ. соч., с. 32) и «инвалиды от интеллигенции» (Преображенский Е. Указ. соч., с. 33), разоблачались за религиозность и недоверие к теории прогресса. Не менее последовательную и беспощадную критику позиции русских философов предложил в 1922 г. журнал «Красная новь». Во 2-м номере журнала (март—апрель) «Закату Европы» посвящены три статьи, выделенные в самостоятельный раздел: «Вехисты о Шпенглере» К. Грасиса, «О Шпенглер и его критики» В. Базарова, «Контуженный разум» С. Боброва. В 3-м номере (май—июнь) Г. Пятаков в статье «Философия современного империализма (Этюд о Шпенглере)» так резюмировал смысл развернувшейся дискуссии: «Шпенглер — настоящий идеолог империализма, в полном смысле этого слова. <...> Пусть империализм продолжает борьбу со смертью, нам от этого впадать в уныние нечего: он обречен и должен погибнуть»

(Кр. новь, 1922, № 3, с. 183, 197). Все было как бы ясно и со Шпенглером, и с его последователями: «...уставами авторов сборника глаголет старая веховская интеллигенция <...> повторяет она старые мысли и пропагандирует старую идеологию смирения, покаяния и обретения “внутренних ценностей”» (Грасис К. Указ. соч., с. 198); «...Шпенглер и шпенглериянство вряд ли опомнятся,— их гибель неизбежна. В ощущении гибели такого сознания — главное очарование Шпенглера» (Бобров С. Указ. соч., с. 241); «Европейская культура не идет к закату, она расцветает еще небывало пышным цветом, но носителем ее будет уже другой класс, являющийся ее нынешнему носителю в грозе и буре коммунистической революции» (Пятаков Г. Указ. соч., с. 197). Особняком в «Красной нови» стоит лишь работа профессионального философа-марксиста В. Базарова, одного из идеологов теории коллективизма пролетарской культуры, чьи идеи построения новой «философии деяния», наряду с концепциями А. Богданова, уже в начале века вызвали резкую критику В. И. Ленина («Материализм и эмпириокритицизм», 1909). С позиций неортодоксального марксизма Базаров подверг критике советских марксистов, укрывшихся, по его мнению, от «культурных бедствий», «катастроф» новейшей истории и противопоставивших Шпенглеру и русским религиозным философам идеи мировой эволюции и непрерывного прогресса, не выдерживающие серьезной философской критики. Базаров возражал не просто Деборину, утверждавшему, что социализм стремится не к разрушению культуры, а к дальнейшему ее развитию, вложив в нее новое содержание, а, по сути дела, изложенной в статье Деборина ленинской концепции преемственности пролетарской культуры: «При смене культур можно условно говорить о прогрессе или регрессе в зависимости от того, насколько богат стиль умершей и вновь возникшей культуры, насколько обширны и разнообразны возможности развития в пределах того и другого. Однако сама эта “смена” есть всегда катастрофа, опустошительная революция», и потому социализм, по Базарову, «есть в первую очередь изменение *самой* культуры, основных краеугольных форм ее» (Базаров В. Указ. соч., с. 226, 229). Советские марксисты, возглавляемые Дебориным, заняли в отношении пессимизма Шпенглера позицию «боязливого отрицания», а надо бы, утверждал Базаров, иную — «мужественного признания катастрофичности мирового процесса, переходящего характера культур и их истин...» (Там же, с. 229). Иронизируя над страхами представителей марксистского философского фронта, Базаров взывал к «верующим социалистам» (Там же, с. 230) — практикам пролетарской культуры, «истинным носителям ростков грядущей культуры», способным адекватно ответить шпенглеровской пессимистической «симфонии настроений» безрелигиозного времени. Всем читателям, интересующимся развернувшейся полемикой, Базаров сове-

товал читать не Деборина, а очерк Федора Степуна, как наиболее адекватный смыслу и пафосу «Заката Европы», и делал следующее заключение о книге русских философов: «“Закат Европы” есть кара за безбожие; возвращение к христианству было бы возрождением умирающей культуры — таков итог их размышлений над книгой Шпенглера» (Там же, с. 230).

Можно предположить, что Платонов, создавая «Симфонию сознания», услышал обращенный к «верующим социалистам» призыв авторитетного идеолога пролетарской культуры. Примечательно, что источником единственной прямой цитаты из «Заката Европы», приведенной в «Симфонии сознания» («Нет бессмертных творений...»), является именно статья Ф. Степуна, заглавная для всей книги русских философов.

Платонов был ошеломлен знакомством с идеями книги Шпенглера. В каком-то смысле они оказались созвучны его собственным философским размышлениям о вере и сомнении, которые он доверял записной книжке (см. записную книжку 1921 г. и записи этого года: *Записные книжки*, с. 17—22, 257). Примечательно, что изложение Платоновым шпенглеровских идей отмечено — в целом и даже в частности — печатью откровенного цитирования, пересказа и резюмирования статей русских философов. Отлична лишь отправная точка: как следует из экспозиции «Симфонии сознания», Платонов принимает предложенный религиозными философами «точный диагноз духовной болезни современной европейской культуры», являемый книгой Шпенглера, — утрата веры, «безрелигиозный скептический самоутвержденный рационализм» (*Букилан Я.* Указ. соч., с. 95), но «совпадает» со Шпенглером там, где «...идея целостного религиозного духа подменяется идеей художественного духа, который находит свое выражение и удовлетворение в пластическом формировании мировых образов» (*Степун Ф.* Указ. соч., с. 46). Как и у Шпенглера, у Платонова «...тот духовный порыв человеческого духа, который творит статую и картину, музыку и поэзию <...> творит также и Бога...» (Там же, с. 45). Эта позиция позволяет Платонову предаться размышлениям о современном месте человека-художника во времени и пространстве (речь, безусловно, идет о художнике пролетарской эры) вполне в русле мысли Шпенглера (экспозиция 1-й главы и 2-я глава статьи), сделав необходимое отступление для того, чтобы воздать ему должное как автору книги (основная часть 1-й главы). Оперируя в своих построениях оппозициями «время — пространство» и «история — природа», Платонов использует, с некоторым расширением, метафорические сближения слов, подменяющие в книге Шпенглера логику понятий, ср.: «Каждое бодрствующее сознание различает в себе “свое” и “чужое”. <...> он <Шпенглер> покрывает различие “своего” и “чужого” <...> противоположностью слов, называя свое — “душою”, а чужое

“миром”. На слово “душа” накладывается затем Шпенглером слово “становление”, а на слово “мир” слово “ставшее”. Так слагаются два полюса, — полюс становления души и полюс ставшего мира. Мир возможностей и мир осуществленностей. <...> Срашивая, таким образом, время со становящейся жизнью, Шпенглер в противоположном полюсе сознания, в полюсе “чужого”, срачивает ставший мир с пространством, ощущая пространство как “мертвое время”, как смерть. <...> К “чужому” моего сознания, т. е. к миру, я могу отнестись двояко. Я могу избрать детерминантою моего отношения или становление, направленность, время, — или ставшее, протяженность, пространство. В первом случае я как бы возвращаю мир себе в душу — получаю историю. Во втором — наоборот: я навек закрепляю дистанцию между душою и миром и получаю природу. <...> Созерцать — значит добывать из мира историю. Познавать — значит добывать из мира природу. Природа живет в понятии, в законе, в числе, в причинности, в пространстве. История всецело покоится по ту сторону всех этих понятий, по ту сторону всякой науки» (*Степун Ф.* Указ. соч., с. 7—9); «Шпенглер чувствует и познает мир прежде всего, как историю. Это он считает современным чувством мира. Только такому отношению к миру принадлежит будущее. Динамизм характерен для нашего времени. И только постижение мира как истории есть динамическое постижение» (*Бердяев Н.* Указ. соч., с. 60).

Говоря о самом Шпенглере, Платонов еще более зависим от своего источника. Практически все участники книги «Освальд Шпенглер и Закат Европы» отмечали «значительность» философской темы «Заката Европы» и ее вторичность, художественный талант, искренность философско-исторических исканий и одновременно глубинный релятивизм автора «Заката Европы»: «Книга Шпенглера не просто книга: не та штампованная форма, в которую ученые последних десятилетий привыкли сносить свои мертвые знания. Она создание если не великого художника, то все же большого артиста. Образ совершенной книги Ницше иной раз как бы пронесится над ее строками. <...> Книга Шпенглера творение — следовательно организм — следовательно живое лицо. Выражение ее лица — выражение страдания. <...> Но безусловный скептик, Шпенглер одновременно мужественный пророк. Содержание его пророчества — смерть европейской культуры. <...> В основе “Заката Европы” не лежит аппарат понятий, в основе его лежит организм слов. <...> Философия Шпенглера не метафизическое построение и не научно-логическое исследование; она изумительно точно явленное, новое в европейской душе переживание: она оригинальна не как мысль, но как звук» (*Степун Ф.* Указ. соч., с. 5—7, с. 30); «Книга Шпенглера “Закат Европы” есть бесспорно самая блестящая и замечательная — в буквальном смысле слова — книга европейской литературы со

времен Ницше, хотя далеко не самая глубокая и плодотворная. Первое впечатление — просто ошеломляющее. <...> То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие нарождаются. И мы кончаем тем, с чего начали: если не самым глубоким и плодотворным, то во всяком случае, самым замечательным и ярким симптомом этого кризиса является книга Шпенглера» (*Франк С.* Указ. соч., с. 34, 54); «Всякая культура неизбежно переходит в цивилизацию. Цивилизация есть судьба, рок культуры. Цивилизация же кончается смертью, она есть уже начало смерти, истощение творческих сил культуры. <...> Эти мысли выражены Шпенглером с изумительным блеском. Но новы ли эти мысли? Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией»; «В России скрыта тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать. Но тайна эта связана с разрешением какой-то темы всемирной истории. Час наш еще не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры. И потому такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это — нашего стиля книга» (*Бердяев Н.* Указ. соч., с. 64—65, 72); «Шпенглера трудно передать, его надо самому почувствовать, освоиться с ним, сжиться. Раз начавши изучать его, можно либо бросить на втором десятке страниц, либо быть увлеченным до конца. Деловито прочесть его, как читают серьезную книгу, значит пройти мимо него. Не поддаться на время тончайшему соблазну его философской пышности — значит ничего не увидеть из мира его идей» (*Букшпан Я.* Указ. соч., с. 73).

Заглавие статьи — «Симфония сознания» — также отражение мнения русских философов, не увидевших в философской системе Шпенглера особой новизны. «Философской симфонией» назвал «Закат Европы» Я. Букшпан, сделав ряд существенных оговорок: «...если я сравнил его “Закат Европы” с симфоническим произведением, если я ощутил его контрапунктичность, то в результате усвоения его перемежающихся тем я не нашел того, что бывает в обычном контрапункте, где идущие самостоятельные голоса и темы объединяются в нашем понимании в их отношении к одному созвуку, к основному голосу (*cantus firmus*). В симфонии Шпенглера отсутствует *cantus firmus*. <...> В духе Шпенглера мы можем сказать, что цивилизация это разум, это “вакхический танец разума” <...> Вся философия Шпенглера есть <...> художественное утончение, симфонический апофеоз разума» (Там же, с. 82, 93).

В основании платоновской концепции пролетарской культуры также присутствуют шпенглеровские идеи, в частности, именно те, что были заострены им в книге «Пессимизм?» — центральность «идеи судьбы», установка на философию «действия»: «Созерцатели собирают, рас-

членяют и систематизируют не с какой-либо практической целью, а исключительно потому, что это занятие удовлетворяет их; они требуют доказательств, и они мастера доказывать. Им моя книга будет казаться бреднями. Ну а я должен сознаться, что всегда порядочно презирал “философию ради философии”. Для меня нет ничего более скучного, чем чистая логика, научная психология, общая этика и эстетика. Жизнь не содержит ничего общего и ничего научного. Всякая строчка, написанная не для того, чтобы служить практической жизни, представляется мне лишней» (*Шпенглер О. Пессимизм? Указ. изд., с. 13*).

Летом 1922 г. платоновский ответ Шпенглеру оказался неуместным. Ситуация вокруг книги русских философов развивалась стремительно — дискуссия о Шпенглере под личный контроль берет В. Ленин: получает взыскание за публикацию статьи Базарова главный редактор «Красной нови» А. К. Воронский; марксистскому философскому фронту указано: «...Шпенглер не интересен и <...> им заниматься в советской России не стоит...» (см.: *Дементьев А. Г. В. И. Ленин и советская журналистика // Очерки истории русской советской журналистики. М., 1966, с. 167*). В мартовском номере журнала «Под знаменем марксизма» публикуется статья В. И. Ленина «О значении воинствующего марксизма», в которой недвусмысленно говорилось о конце вольных философских полемик. «Воинствующий материализм» и «воинствующий атеизм» вводились в качестве нормы для советской философии, которая с этой поры была обязана заняться вопросами насущными — «неуклонным разоблачением и преследованием всех современных “дипломированных” лакеев поповщины, все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя “демократическими левыми или идейно социалистическими” публицистами» (цит. по: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 203*). Марксисты-раскольники во главе с Базаровым были осуждены, бурно развернувшаяся в первые месяцы 1922 г. философская дискуссия между марксистами и религиозными философами была тихо свернута, а точнее, переведена в плоскость политического и административного решения. О последнем Ленин уже в марте напоминает управляющему делами Совнаркома РСФСР Н. Горбунову: «О прилагаемой книге (речь идет о книге «Освальд Шпенглер и Закат Европы». — *Н. К.*) я хотел бы поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на “литературное прикрытие белогвардейской организации”» (*Ленин В. И. Указ. изд., т. 54, с. 198*). Советские марксисты проигрывали в открытом диалоге с русскими философами, и для восстановления их авторитета требовалась сила в лице заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта. Вслед за процессом правых эсеров (июнь—июль) на очереди встали вопросы «крупных опасностей» эпохи нэпа в политической области. Их называет А. Зиновьев в докладе

на Всероссийской конференции РКП(б): «возрождение буржуазной идеологии» и «консолидация антисоветских сил» («Правда», 1922, 8 авг., № 176, с. 3). 7 августа Всероссийская конференция РКП(б) приняла по докладу А. Зиновьева резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», и имена Н. Бердяева, Ф. Степуна, С. Франка появились на страницах августовских газет; 30 августа «Правда» сообщила об арестах среди гуманитарной интеллигенции и о грядущей высылке — через месяц «философский пароход» увез из России и участников книги «Освальд Шпенглер и Закат Европы».

К концу лета 1922 г. явно не ко двору оказался и романтический финал «Симфонии сознания» с его упованием на грядущую мировую революцию, за которым узнавалась не столько политическая риторика времени Гражданской войны и военного коммунизма, сколько теория перманентной революции. Несмотря на все усилия исполкома Коминтерна создать «единый фронт пролетариата» и его обращение в июле 1922 г. к «мировому пролетариату», во всех европейских странах налицо был кризис революционного движения и затухание революционной борьбы: победа «буржуазного» правого блока на парламентских выборах в самой революционной европейской стране — Германии; отказ Советской России в кредитах на Гаагской конференции; запрет во Франции международного языка эсперанто как «орудия большевистской пропаганды» («Известия», 1922, 19 июля, № 159, с. 1) и т. д.

Весной 1923 г. московско-петербургское издание «Заката Европы» поступило в Воронеж: 21 апреля в рубрике «Книжные новости» *Вор. ком.* сообщалось, что книгу О. Шпенглера можно приобрести на складе Губиздата (с. 4). В это время Платонов как производитель работ по гидрофикации был поглощен очередным инженерным проектом (см. ниже прим. к статье «Воронежская гидроэлектрическая станция», с. 417—418). Возможно, он прочел, а скорее всего, пролистал книгу Шпенглера, круг идей которой им был уже освоен в предшествующем году. После 1922 г. Платонов эпизодически упоминает о философии Шпенглера в своих статьях «Странствующий метафизик (По поводу “трагедии одиночества” В. А. Поссе)» (1923), «Человек и пустыня» (1924).

Платонов вернулся к «Симфонии сознания» через четыре года, приступив к работе над первым большим эпическим произведением — повестью «Эфирный тракт»: неопубликованная рукопись статьи будет использована при написании сюжета об истории погибшей и забытой культуры Аюны (см.: *Корниенко Н* История текста и биография А. П. Платонова // Журн. «Здесь и теперь», М., 1993, № 1, с. 45—53).

С. 221. *Вера есть двигатель творчества; знание есть ~ застывшая вера-сомнение.*— У истоков данной формулы экспозиции статьи стоит

сказка «Вера, Знание и Сомнение», а также записи к ней в записной книжке 1921 г. (см.: *Записные книжки*, с. 21—22).

Когда хаос — синяя птица — пойман и посажен в клетку...— Образ, заимствованный из пьесы-сказки бельгийского драматурга М. Метерлинка «Синяя Птица» (1907). «Синяя Птица» у Метерлинка — один из базовых символов культуры: «величайшая Тайна Бытия», «Душа мира», которую «человек до сих пор не разгадал»; дети, отправляющиеся на ее поиски,— человечество с его жаждой чуда и счастья, стремящееся наконец-то «разгадать великую Тайну Бытия», «великую тайну вещей и счастья», а значит, по логике пьесы, посадить Синюю Птицу в клетку (Цит. по: *Метерлинка М.* Полн. собр. соч.: В 4 т., т. 3. Пг., 1915, с. 126). Появление данного образа свидетельствует не только о знакомстве Платонова с пьесами Метерлинка, но и с осмыслением феномена Метерлинка в русской культуре 1910-х гг., в частности, со статьями А. Блока. В статье «О драме» (1907) Блок отнес творчество Метерлинка к одному из «догматов» культуры, «которых держатся одни, которые разрушают другие» (цит. по: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т., т. 5. М.; Л., 1962, с. 165). В блоковской концепции XX в. как века цивилизации «Синяя Птица» и ее автор выступали символом погибающей и уходящей в прошлое органической культуры: это «уже золотой сон для нас, уже — радостное прошлое, незапятнанное, милое, чистое»; «настоящий классик», который «высоко держит знамя искусства» (*Блок А.* «Пробуждение весны» // Там же, т. 5, с. 195). Появление образа Синей Птицы в тексте «Симфонии сознания» явно осложняет и даже компрометирует прямой смысл одного из ключевых тезисов пролетарской космогонии, ибо указывает на сверхъестественный смысл описываемого события, на невыразимость его главного вопроса. Метафизический смысл заглавного образа пьесы Метерлинка будет акцентирован в рукописи «Эфирного тракта» при правке данного фрагмента «Симфонии сознания»: вместо «синяя птица» Платонов вписывает «черная немая птица» (СА, «Эфирный тракт», л. 42). Данный образ у Метерлинка также наделен огромным символическим содержанием. «почерневшая» мертвая птица — это посаженная детьми в клетку птица из Страны Воспоминаний, это разгаданная тайна прошлого, символизирующая его гибель. Символика метерлинковской Синей Птицы возникает в статье Платонова как своеобразный код к прочтению главной религиозной темы «Заката Европы», на котором собственно и настаивали русские философы.

С. 222. *Сейчас по Западной Европе курсирует ослепительная книга Освальда Шпенглера.* — «Закат Европы» имел успех в Европе, был переведен на все европейские языки. В кратком предисловии к брошюре «Освальд Шпенглер и Закат Европы» сообщалось, что «при своем изло-

жении авторы книги пользовались вышедшим в 1920-м году 32-м изданием 1-го тома и отчасти также брошюрой “Preussentum und Socialismus”, составляющей эскиз к не вышедшему еще 2-му тому» (Указ. изд., с. 2). Подобная же информация содержалась в предисловии проф. Г. Генкеля к книге «Пессимизм?»: «Выдержавшая в течение одного года 32, а в течение трех лет 53 издания книга Освальда Шпенглера <...> представляет одно из интереснейших явлений в истории современной мысли» (Указ. изд., с. 3).

...он сравним только с Ницше...— Сравнение Шпенглера с Ницше является сквозной темой в книге «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (см. выше, с. 403, 404). Шпенглер, критикуя Ницше, заметил Я. Букшпан, «напитался» символическими образами Ницше, превратив их в «механику образов», в «аппарат понятий» (Указ. изд., с. 81): «Для Ницше это были страстные образы, полные значительности и трагичности. Не методом служили они ему, не аппаратом познания, а подлинными философско-поэтическими, близкими к сердцу знаками о мире, о жизни, о борьбе, о судьбе человека. Совсем не то у Шпенглера» (Там же, с. 80). С основными идеями немецкого философа Ф. Ницше (1844—1900) Платонов познакомился еще в годы революции (афоризмы из книг Ницше постоянно печатались на страницах газет и журналов); лирика и проза Платонова начала 1920-х гг. также свидетельствуют о его внимании к самым популярным в России работам Ф. Ницше — «Рождению трагедии из духа музыки» (1872) и «Так говорил Заратустра» (1883—84). В записной книжке 1921 г. Платонов предложил собственную интерпретацию одного из ключевых и расхожих (по цитатности) тезисов пророка Заратустры, заглавного героя книги Ницше: «Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек» (см.: *Записные книжки*, с. 17, 314. О комплексе ницшеанских идей раннего Платонова и их трансформациях в творчестве А. Платонова см. также: *Яблоков Е.* Между дальними и ближними (Андрей Платонов и метафоры Фридриха Ницше) // Сб. «Алфавит», Смоленск, 2002, с. 5—20).

С. 223. *Культура — это искусство, а цивилизация — техника, гидрофикация.*— Интересно, что, следуя Шпенглеру в рассуждениях о «природе» и «истории», Платонов словно бы предпочитает «культуру» «цивилизации», хотя именно с цивилизацией в «Закате Европы» связывается инженерное искусство: техника, осушение болот, сооружение мостов, изобретение машин (см.: *Бердяев Н.* Указ. соч., с. 64, 67), а следовательно, и столь значимый для Платонова проект гидрофикации.

Кто же Шпенглер — пророк или только художник, вакханка сознания?— Резюме одного из положений статьи Я. Букшпана о ницшеанско-гуманитарном основании современной западной культуры. В обоснование данного положения Букшпан отсылает к высказыванию Г. Ман-

на о свободе: «Свобода — это вакхический танец разума. Свобода — это абсолютный человек» (Указ. соч., с. 93; сноска).

«Нет бессмертных творений ~ Кто знает, кто чувствует, что она значила для людей античного мира?» — Как цитата данный текст приводится в статье Ф. Степуна «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (Указ. соч., с. 13).

С. 224. *..возможна ли еще социальная революция на Западе — или там классы срослись уже органически ..* — Шпенглеровское понятие «органической эпохи» Платонов пытается применить к осмыслению одного из важных для 1921—1922 гг. международных политических вопросов, широко обсуждаемых на страницах советских газет,— ожидание революции в центральных странах Европы. В концепции перманентной революции, широко развиваемой в выступлениях идеологов партии в годы революции и Гражданской войны, наступление «органической эпохи» (Н. Бухарин) связывалось не с победой русского пролетариата, а с международной революцией. В книге «Азбука коммунизма», являвшейся популярным изложением программы партии, принятой на VIII-м съезде, говорилось, что «необходимость коммунистического переворота» и задача *«немедленного строительства коммунизма»* продиктованы международным значением революции в России: «Революция пролетариата сейчас может быть только *мировой* революцией. Она так и развивается. Европа неизбежно перейдет к диктатуре пролетариата, а за ней — к коммунизму. Следовательно, каким образом может остаться Россия капиталистической страной, если Германия, Франция, Англия перейдут к диктатуре пролетариата? Ясное дело, что Россия должна быть *втянута* в социализм. Ее отсталость, слабое сравнительно развитие ее промышленности и проч.— все эти недостатки рассосутся, если хозяйственно Россия объединится в международную, или хотя бы только *европейскую*, Советскую республику вместе с передовыми странами» (Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М., 1920, с. 133—134). Не менее важным для Платонова был и культурно-строительный смысл идей перманентной революции, входивших важнейшей составляющей в концепции пролетарской культуры. См., например: «Созидание пролетарской культуры должно совершаться в международном масштабе. В противоположность старой культуре, развивавшейся на национальной основе в рамках отдельного государства, культура пролетарская будет твориться на основе чисто классовой. <...> Полная победа пролетариата над своим врагом — дело ближайших лет» (Керженцев В. Международная революция и пролетарская культура // Журн. «Пролетарская культура», 1919, № 6, с. 1, 3); «Нечего и говорить, что пролетарская культура только и будет создана взаимными усилиями пролетариата различных национальностей» (Его же. Международный Пролеткульт // Журн. «Горн», 1919, № 2—3, с. 34).

С. 226. *У Шпенглера есть прекрасные слова. история есть мир цветущий в образе.*— Цитируется не Шпенглер, а Ф. Степун. Ср.: «История есть мир цветущий в образе. Таким знали мир Платон, Рембрандт, Гете» (Указ. соч., с. 9).

<РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л. КАРСАВИНА «NOCTES PETROPOLITANAE»> (с. 227).— *Вор. ком.*, 1922, 9 авг., № 178, с. 5. Подпись: А. Пл. В рубрике: *Книжная полка.*

Датируется и печатается по первой публикации.

«Noctes petropolitanae» (Пг., 1922) — первая философская книга известного историка-медиевиста, русского религиозного философа Льва Платоновича Карсавина (1882—1952). Осенью 1922 г. Л. Карсавин был выслан из России вместе с другими представителями русской философской мысли. Книга представляет собой трактат о метафизике любви; написана необычным, лирическим, стилем; главы книги носят название «Ночь первая», «Ночь вторая» и т. д., отсюда и обобщающее название книги — «Петербургские ночи». Создание «Петербургских ночей» связано с личной драмой в жизни Л. Карсавина. Лирическая героиня книги — реальное лицо, Елена Чеславовна Скржинская, талантливый историк-медиевист (См.: Л. П. Карсавин. СПб., 1994, с. 523. Примечания С. Хорунжего).

Вероятно, Платонову были известны некоторые из критических отзывов на книгу, появившихся в центральных изданиях (см., напр.: *Ваганян В.* Ученый мракобес // *Журн. «Под знаменем марксизма»*, 1922, № 3, с. 43—55; *Юрлов А.* Кафедральная эротика // *Кр. новь*, 1922, № 3, с. 273—275; *Губер П.* Метафизика любви // *Журн. «Литературные записки»*, 1922, № 1, с. 15), однако в рецензии их влияния не заметно. Рецензия Платонова, по существу, явилась выражением негативной реакции на религиозный характер философии Л. Карсавина. В статье цитируется текст предисловия к книге (с. 7), «Ночь четвертая» (с. 100), «Ночь шестая» (с. 139).

Появление отзыва на книгу Л. Карсавина в ряду печатных рецензий Платонова выглядит как некое отклонение от темы — приблизительно в это же время в сферу внимания Платонова попали книги К. Келлермана «Атмосферное электричество» (см.: *Вор. ком.*, 1922, 18 авг., № 186, с. 5) и А. Куликовского «Электричество в помощь крестьянству» (см.: Там же, 1922, 19 авг., № 187, с. 4). Особая заинтересованность книгой Л. Карсавина могла быть вызвана непосредственным интересом к теме исследования, не чуждой самому Платонову, — «метафизика любви». Возможно, свою роль сыграло и знакомство с именем философа по брошюре «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (см. выше прим. к статье

«Симфония сознания»): Н. Бердяев, указывая в своей статье на возможность противопоставления концепции Шпенглера иного понимания истории западной культуры, отметил при этом, что сходится в этом понимании «с одним из самых выдающихся русских историков западной культуры — с Л. П. Карсавиным» (Указ. изд., с. 51).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСКУССТВЕННОГО ОРОШЕНИЯ (с. 229).—
Вор. ком., 1922, 10 авг., № 179, с. 3. Подпись: *Отделение гидрофикации при ГЗУ.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Орошение земельных участков — одно из основных направлений практической деятельности Платонова. Механическая оросительная станция комиссии по гидрофикации (она же — отделение гидрофикации, см. выше прим. к статье «На фронте зноя», с. 388—389) функционировала в июле 1922 г., Платонов сам предоставлял сообщения о работе станции для воронежской прессы. Так, 9 июля 1922 г. извещалось о завершении строительства: «Губ. комиссия по гидрофикации для поливки приречных огородов закончила 5 июля установку оросительной станции. Станция сможет орошать до 20-ти дес<ятин>. Сооружена она исключительно силами и средствами губкомгидро без какой бы то ни было поддержки и является первым шагом в плане коренной борьбы с засухой» (Оросительная станция // *Вор. ком.*, 1922, 9 июля, № 152, с. 5). Новая информация появляется 13 июля: «Оросительная станция комгидро пущена в ход. Ежедневно она работает несколько часов, наполняя водой котловину в земле на огородном участке комиссии. Из котловины вода растекается ручейками между грядками и разбирается работающими на соседних участках гражданами. Комиссия по гидрофикации озабочена в настоящее время изысканием средств на установку цементного бассейна резервуара для воды и производства дальнейших работ» (Там же, 1922, 13 июля, № 155, с. 4). Статья «Результаты искусственного орошения» приводит цифровые данные, фигурирующие в июльском отчете о деятельности Воронежского губземуправления (РГАЭ, ф. 478, оп 2, ед. хр. 671, л. 44—45 об.). Урожай с орошенных огородов был собран в начале сентября 1922 г., по этому поводу *Вор. ком.* сообщила: «Губкомгидро в настоящее время занята уборкой урожая орошенных огородов. Урожай в несколько раз больше и выше по качеству овощей, чем на соседних неорошенных полях» (Там же, 1922, 13 сент., № 206, с. 6).

В 1923 г. отделение гидрофикации планировало расширить свою деятельность — оборудовать три оросительные станции: механическую, электрическую и на гидравлических таранах. К началу года в распоряжении отдела имелось полное оборудование для двух мощных ороси-

тельных станций и мастерская для их сборки и ремонта. Предполагалось оросить до 30 десятин огородных и 100 десятин полевых культур (Платонов А. Гидрофикация и электрификация // Там же, 1923, 28 янв., № 19, с. 5). Рекламируя возможности отделения гидрофикации в газете, Платонов наряду с объявлениями, охватывающими весь спектр работ организации (см. ниже прим. к статье «На фронте зноя», с. 391), помещает одно, касающееся только устройства искусственного орошения:

«Отделением гидрофикации Губ<ернского> зем<ельного> управ<ления> устраивается в тек<ущем> году искусственное орошение на участке огородной земли, расположенном направо от Чернавского моста к Яхт-клубу. Организации, желающие на своих огородах устроить искусственное орошение, должны подать об этом заявление отделению гидрофикации ГЗУ теперь же с указанием общей площади огорода, обрабатываемого данной организацией, и площади, отводимой под каждую культуру в отдельности. После заявки на орошение требуется заключить с отд<елением> гидрофикации договор. Плата за орошение установлена в 10% с валового сбора урожая натурой или денежный эквивалент. Устройство оросительной сети на огородных площадях осуществляется средствами землепользователей или отд<елением> гидрофикации за добавочную незначительную плату (3 руб. золотом с 1 десятины или эквивалент натурой после сбора урожая).

Отделение гидрофикации обязуется подать на орошаемую площадь оптимальное (в полной, наилучшей мере насыщающее) количество воды и гарантировать наивысший урожай, поскольку таковой зависит от влаги.

Производитель работ по гидрофикации А. Платонов» (Искусственное орошение // *Вор. ком.*, 1923, 27 февр., № 43, с. 4).

О дальнейшем ходе оросительных работ 1923 г. можно судить лишь по некоторым обрывочным сведениям. В отчете отдела землеустройства и мелиорации ВГЗУ за апрель 1923 г. в перечне работ отделения гидрофикации значится «перевозка гидравлических таранов и всей деревянной гидропередачи на место установки оросительной станции, осуществление самой установки на прудах, сборка и установка гидропередачи и организация оросительной сети силами землепользователей» (РГАЭ, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 1469, л. 55). Какое отношение эта информация имеет к указанному участку «направо от Чернавского моста к Яхт-клубу», неизвестно. По воспоминаниям Б. Бобылева и З. Маркиной, летом 1923 г. орошение на выделенном отделению гидрофикации участке действительно осуществлялось, Платонов уделял этому огороду много времени и часто оставался с ночевкой в построенном там большом шалаше (см. об этом: *Ласунский*, с. 184—188). Очевидно, однако, что летом

1923 г. внимание Платонова не было безраздельно отдано этому участку. С июня он являлся председателем комиссии по постройке Воронежской гидроэлектростанции и руководил гидротехническими изысканиями на р. Воронеж (см. ниже прим. к статье «Река Воронеж, ее настоящее и будущее», с. 421—423). В 1924—1925 гг. опытно-мелиоративным хозяйством Платонова стал совхоз «Спартак» (см. ниже прим. к статье «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии», с. 466—469).

С. 229. *У гидрофикации не было вначале друзей, но невежества, на смешек и всякой гнусности вокруг нее было достаточно.*— В период создания своей организации по борьбе с засухой (см. выше прим. к статье «Новое евангелие», с. 381) Платонов часто сталкивался со скептическим отношением к проекту гидрофикации: «Одному моему товарищу журналисту, сказавшему заведующему Губземотделом несколько слов о гидрофикации, было отвечено, что это утопия. <...> Сотни раз я слышал укоры за мечтательность и идеализм» (*Платонов А. Об «утопии» // Газ. «Наша газета», 1921, 18 дек., № 66, с. 2*). Вышеупомянутым журналистом был Нычипор, который в статье, написанной в поддержку Платонова, описал эту же ситуацию более подробно: «На мое замечание относительно гидрофикации по плану тов. А. Платонова, заведующий сказал, что это утопия. Я счел нужным спросить заведующего: почему же в газетах никто не выступил с критикой этого плана, почему Губземотдел в противовес утопическому плану не выдвинул план вполне осуществимый. В конце беседы заведующий обещал созвать заседание по вопросу борьбы с засухой с широким участием специалистов и заинтересованных учреждений. Но назначенное на 14 декабря заседание не состоялось, потому что пришло 5 человек, из них 2 журналиста, докладчики не явились» (*Нычипор. На борьбу с небесной контрреволюцией // Вор. ком., 1921, 30 дек., № 295, с. 2*).

Губэко — губернское экономическое совещание.

...товарищам Божско-Божинскому, Новикову, Абелью, Зудову, Ф. Михайлову и Гаек...— речь идет о членах Воронежского Губисполкома.

Сажень — русская мера длины, равная 2,134 м, применявшаяся до введения метрической системы мер.

Десятина — русская мера земельной площади, равная 2 400 кв. саженям или 1,09 гектара, применявшаяся до введения метрической системы.

С. 230. *...может быть, удастся организовать и выполнить работы по реконструкции рельефа почвы...*— Основные положения этого проекта изложены в статье «На фронте зноя» (см. с. 213, 392—393).

<ПО РОДИМОМУ КРАЮ> (с. 231).— *Вор ком.*, 1922, 24 авг., № 190, с. 2.

Фрагмент машинописи второй части статьи — *РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 4.

Статья напечатана без заглавия в рубрике «По родимому краю». Датируется и печатается по первой публикации.

При публикации была разделена на две части, второй части предшествовал подзаголовок «Зеленый Яр».

Статья написана в связи с поездкой Платонова в совхоз «Зеленый Яр», располагавшийся в с. Костенки Воронежского уезда (к югу от Воронежа); совхоз находился в пользовании Воронежского Губземуправления. Сведений о каких-либо работах отделения гидрофикации, проводившихся в совхозе после этой поездки, не обнаружено.

С. 231. ...на человеке запечатлелась фигура, флора и фауна его родной местности...— Размышления, вызванные, вероятно, недавним знакомством с положениями философии О. Шпенглера в изложении авторов книги «Освальд Шпенглер и закат Европы» (см. выше прим. к статье «Симфония сознания», с. 399—404): «В гнездах определенных ландшафтов <...> на берегу Средиземного моря, в долине Нила, в просторах Азии, на средневропейских равнинах рождаются души великих культур. <...> Этот стиль материнского ландшафта таинственно передался стилю всей античной культуры» (*Степун Ф.* Указ. соч., с. 12, 16).

С. 231—232. ...*Ллойд Джорджа, Пуанкаре, Пилсудского...*— *Ллойд Джордж Дэвид* (1863—1945), в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании; на Генуэзской конференции (1922) выдвинул программу экономической блокады и закабаления Советской России; *Пуанкаре Раймон* (1860—1934), в 1913—1920 гг. президент Франции, в 1922—1924 гг. и 1926—1929 гг.— премьер-министр; *Пилсудский Юзеф* (1867—1935), в 1919—1922 гг.— лидер, а с 1926 г.— фактически военный диктатор Польши; в 1920 г. руководил действиями польской армии против войск Советской России.

Десятинна — см. выше, с. 413.

Рытеть — скрипеть, издавать скрип.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ВОЗДУШНЫЕ ЛИНИИ (с. 233).— *Вор. ком.*, 1922, 2 нояб., № 248, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 233. *Государственным планом электрификации России намечены...*— Речь идет о плане ГОЭЛРО (см. выше прим. к статье «Электрификация», с. 362—363).

Царицын — ныне г. Волгоград (с 1961 г.).

ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КИТАЙСКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ (с. 235).— *Вор ком.*, 1922, 12 дек., № 281, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Проект, о котором идет речь, входил в план работ отделения гидрофикации ГЗУ и упоминается в подписном листе на организацию электроагрономической лаборатории при отделении гидрофикации (см. выше прим. к статье «На фронте зноя», с. 393).

Совхоз «Надежда», о котором упоминается в статье, находился к северу от г. Воронежа вблизи села Чертовицкого (ныне Чертовицы). С «Надеждой» связан целый ряд проектов Платонова, на основании чего можно сделать вывод, что, вероятно, уже в 1922 г. совхоз был предоставлен в распоряжение отделения гидрофикации для создания на его базе показательного хозяйства. Так, в статье Платонова «Гидрофикация и электрификация» сообщается, что «в совхозе “Надежда” будет осушено болото площадью 52 десятины и превращено в луг. Этим “Надежда” превратится в молочное хозяйство (каким она и быть должна, ибо там имеется все оборудование для хорошей молочной фермы)» (*Вор. ком.*, 1923, 28 янв., № 19, с. 5).

Некоторые сведения о планах, связанных с совхозом, содержатся в докладной записке Платонова, относящейся к периоду проектирования гидроэлектростанции на р. Воронеж (см. ниже прим. к статье «Воронежская гидроэлектрическая станция», с. 417—418). 16 апреля 1923 г. на заседании президиума Воронежского Губисполкома было решено выделить отделу гидрофикации 25 000 руб. на устройство колесной гидроэлектрической установки на р. Воронеж, при этом предполагалось, что заработанные при эксплуатации этой установки средства позволят начать работы по постройке турбинной гидроэлектростанции (*ГАВО*, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 533, л. 3 об.). Решение было вынесено на основании расчета, выполненного Платоновым совместно с председателем Губплана инженером Б. Петерсом в марте того же года (Там же, л. 38—39 об.). Однако в конце апреля Платонов был вынужден искать иной вариант реализации выделенной суммы, о чем и сообщил в докладной записке от 29 апреля 1923 г.:

«Не входя в пространные суждения по этому вопросу, т. к. правильное решение его очевидно, а также ввиду крайне неблагоприятных условий, о которых я писал выше — я предлагаю следующий выход из положения (выход единственно возможный, единственно разумный): осуществить за эти 25 000 р. тепловую (на нефти) электрическую станцию, мощностью в 10 кВт на зажимах генератора, но в таком районе и при

таких условиях загрузки, где бы работа станции была наиболее рентабельна, чтобы опять-таки возможно скорее было установить на р. Воронеж турбинную станцию. Конечно, эта станция не даст так скоро средства для означенной цели, как станция гидравлическая, но для колесной даже установки требуется известный минимум гидротехнического устройства, что за 25 000 р., да еще при работе на полном хозрасчете, осуществить нет никакой возможности, сколько я ни делал попыток. <...> Предлагаю установить нефтяную станцию в совхозе “Надежда” (в 18 верстах от Воронежа, в 2 вер<стах> от с<ела> Чертовицкого), приписанном к отделу гидрофикации. Там как раз есть условия для наиболее рентабельной загрузки станции. Станция будет тянуть мельницу, просорушку, раму лесопильную, подавать энергию для освещения в с. Чертовицкое. Кроме того, станция будет обслуживать энергией оросительную станцию (электромотор-центробежный насос) для орошения полевых и огородных угодий хозяйства, и можно будет поставить электропахоту. Есть еще в “Надежде” смолокурня, и на днях мы будем оборудовать завод эфирных масел (из сосновой иглы и полыни). <...> Кроме того, в “Надежде” будет поставлено дело фекального удобрения, что в 2—3 раза увеличит его доходность” (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 9, л. 7; начало документа утрачено).

Известно также, что летом 1923 г., получив разрешение у Гублесотдела, отдел гидрофикации с какой-то целью осуществлял в совхозе «Надежда» рубку леса. По поводу разрешения, данного Лесотделом, совхоз обратился с жалобой в Москву (Гублесотдел и с.-х. институт // *Вор. ком.*, 1923, 19 июля, № 157, с. 4). Вероятно, в июле—августе, совхоз был передан в ведение сельскохозяйственного института и 9 августа Платонов, ставший теперь управляющим мелиоративного бюро, обратился в подотдел государственных земельных имуществ ГЗУ с просьбой выделить «совхоз с площадью не менее 150 десятин пахотной земли, с заболоченными лугами — для организации опытно-показательного мелиоративного участка» и «весь инвентарь, значащийся по описи совхоза “Надежда”, передаваемого конторой по гидрофикации сельскохозяйственному институту, перевести в пользование предполагаемого к отводу совхоза» (ГВАО, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 1950, л. 47). Практически сразу Платонову был предложен совхоз «Спартак» (см. прим. к статье «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии», с. 466—469); выбор определился уже к концу августа (см.: Там же, л. 48), однако процесс передачи хозяйства затянулся до конца года. Возможно, в это время Платонов еще не отказался от мысли о китайском земледелии, поскольку 30 октября, в ходе приемки совхоза, он обратился к заведующему Губземуправлением с просьбой разрешить покупку у совхоза двух небольших домов пригодных для «оборудования опытного участка по удобри-

тельным мелиорациям вблизи гор Воронежа» (ГАВО, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 1950, л. 55). О дальнейшей судьбе проекта сведений не обнаружено.

С. 235. *Осьмушка* — то же, что и *восьмушка*, восьмая часть *фунта*. *Десятина* — см. выше, с. 413.

Сажень — см. выше, с. 413.

ВОРОНЕЖСКАЯ ГИДРОЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ (с. 237).—
Вор. ком., 1922, 15 дек., № 284, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Идея строительства гидроэлектростанции, вероятно, возникла у Платонова весной 1922 г. Так, 14 мая 1922 г. в *Вор. ком.* было помещено следующее объявление: «О р. Воронеж и о шлюзе под Воронежем. Ко всем лицам и учреждениям, имеющим какие-либо материалы исследователей бассейна р. Воронежа, скорости ее течения, высоты падения, живого сечения и т. д., а также материалы о шлюзах, большая просьба доставить эти матер<налы> в производство работ по гидрофикации при Губземуправлении, хотя бы за вознаграждение» (Указ. изд., № 106, с. 4).

Как следует из настоящей статьи, в декабре 1922 г. разработки отдела гидрофикации были представлены на рассмотрение городских властей, и инициатива получила официальную поддержку. Как всегда, очень остро стоял вопрос о средствах, на которые будет вестись строительство. В начале 1923 г. Платонов планировал строить гидроэлектростанцию совсем уже небольшой мощности с тем, чтобы расширять ее в дальнейшем: «Одна <станция> — на б<ывшем> шлюзу, мощностью в 30 киловатт на зажимах динамо, с примерно такой схемой электроснабжения: орошение крестьянской земли (электр<ическая> оросит<ельная> стан<ция> на 100 дес<ятин>); освещение деревень Двориков и Песчанки и частично — слободы Монастырщенки и Чижовки; электрическая обработка урожая в этом районе (оборудование даст центр в кредит); сельское водоснабжение; мукомольная мельница. <...> Многие товарищи удивятся малой мощности станции на шлюзу. Но у нас средств ровно столько, чтобы построить только такую станцию — или никакую. В дальнейшем она сама себя достроит на свои же доходы; будут построены плотины и использована имеющаяся там турбина Джонвалля — 200 л. с., что даст 130—140 кВт. Киловатт-час этой гидроэлектрической станции будет стоить — 4 к<опейки> золот<ом>. Воронежская городская станция отпускает кВт-ч по 20 к<опеек> з<олотом>» (*Платонов А. Гидрофикация и электрификация // Вор. ком.*, 1923, 28 янв., № 19, с. 5).

В апреле Губисполком выделил 25 000 рублей на устройство колесной гидроэлектрической установки на р. Воронеж с тем, чтобы заработанные при эксплуатации этой установки средства были направлены на постройку турбинной гидроэлектростанции (см. выше прим. к статье «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии», с. 415—416). В мае Платонов обращается за материальной поддержкой в Общество технической помощи Советской России. Центральное бюро Общества откликнулось и предложило осуществить сбор пожертвований или оборудования в Америке. Однако постоянная комиссия Совета труда и обороны не дала разрешения на эту акцию (см.: РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 697, л. 71).

К началу лета в распоряжении Платонова оказались материалы до-революционных исследований р. Воронеж, для проверки которых была организована так называемая партия повторных изысканий. С проведения изысканий начался качественно новый этап в проектировании воронежской гидроэлектростанции (см. ниже прим. к статье «Река Воронеж, ее настоящее и будущее», с. 421—422).

С. 237. ...до 500 миллиардов руб. старыми знаками...— Платонов оперирует неденоминированными денежными знаками. После проведения 1-й деноминации рубль дензнаков выпуска 1922 г. заменял 10 тыс. рублей прежних дензнаков (См.: «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства», 1921, № 77, ст. 643).

С. 238. ...на реке, где нарождался флот...— Речь идет о строительстве военно-морского флота, начатого в Воронеже в феврале 1696 г. при личном участии Петра I.

СТРАНСТВУЮЩИЙ МЕТАФИЗИК (По поводу «трагедии одиночества» В. А. Поссе) (с. 240).— *Вор. ком.*, 1923, 13 янв., № 8, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Владимир Александрович *Поссе* (1864—1940) — литератор, философ-просветитель, часто выступал с лекциями в Воронеже, где жили две его дочери (см.: *Ласунский*, с. 143—152). Лекция Поссе «Трагедия одиночества» состоялась во Дворце Труда 11 января 1923 г. (см.: *Вор. ком.*, 1923, 11 янв., № 6, с. 4).

Непосредственная реакция неускушенного читателя на данную статью Платонова отразилась в опубликованных материалах так называемого «суда над “Воронежской коммуной”». Во время «суда», устроенного редакцией газеты «в целях большего сближения редакции с читательской массой и для устранения тех или иных недостатков газеты», один из выступающих, некто «свидетель» Никольский, указал на непопуляр-

ный характер некоторых статей, ссылаясь в качестве примера именно «на отчет т. Платонова о лекции Поссе, 60 процентов которого рабочим совсем непонятно» (Там же, 1923, 27 июня, № 138, с. 2—3). Любопытно замечание Никольского о результатах, достигнутых этой публикацией: «Развенчать Поссе не удалось, наоборот — на второй его лекции публики было еще больше». С защитой Платонова выступил тогдашний редактор *Вор. ком.* Окулов, который пояснил, «что на лекции Поссе присутствовала почти исключительно интеллигенция, которой язык статьи о лекции понятен и по адресу которой статья направлялась и была необходима» (Там же).

С. 241. *Наша голова есть электромагнитный резонатор-трансформатор...*— О резонаторе и его функциях см. прим. к рассказу «Невозможное» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 581—582.

...*Шелли, Байрон...*— Шелли Перси Биш (1792—1822), Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английские поэты-романтики.

...*скоро будут начаты работы по «омолаживанию» всей системы р Воронежжа...*— Речь идет о строительстве плотин и гидроэлектростанции на р. Воронеж (см. выше статью «Воронежская гидроэлектрическая станция» и прим. к ней, с. 237—239, 417—418). Взятый в кавычки термин «омолаживание» — своеобразная дань трудам австрийского физиолога Э. Штейнаха (см. прим. к рассказам «Антисексус» и «Доклад Управления работ...») — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 565—566, 587).

О БОРЬБЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ГОЛОДА (с. 242).— *Вор. ком.*, 1923, 14 февр., № 33, с. 1. С подзаголовком: *В порядке обмена мнений.*

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 242. *Будем говорить о голоде двадцать первого года.*— Речь идет о голоде в результате засухи 1921 г. (см. выше прим. к статье «Революция “духа”», с. 373).

Новая экономическая политика установила правильные, для нашего момента, производственные отношения между классами рабочих и крестьян.— Решение о переходе к новой экономической политике было принято в марте 1921 г. X съездом РКП(б). Новая экономическая политика была рассчитана на укрепление экономического союза рабочего класса с крестьянством. В рамках нэпа продразверстка заменялась продналогом, была допущена торговля.

Ф. Хансен это уже понял и свертывает свои кормительные организации. — Хансен Фритъоф (1862—1930), норвежский ученый, общественный и политический деятель. В начале 1923 г., с 21 января по 3 фев-

раля, Ф. Нансен находился в России. Целью его приезда являлись переговоры с Советским правительством о дальнейшей форме оказания помощи в голодающих районах. Предполагалось, что «характер оказания помощи будет несколько изменен. <...> помощь выразится в доставке в голодающие местности тракторов, семян и проч.» (газ. «Известия», 1923, 21 янв., № 14, с. 5).

С. 243. *Последгол* — Комиссия по борьбе с последствиями голода при ВЦИК в сентябре 1922 — августе 1923 гг. сменила Помгол, объединяла деятельность советских и общественных организаций по оказанию помощи населению местностей, пострадавших от голода 1921—1922 гг.

О ЛИКВИДАЦИИ КАТАСТРОФ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (с. 244).— *Вор. ком.*, 1923, 21 марта, № 61, с. 4.

Датируется и печатается по первой публикации.

С. 244. *Наступающий период жесточайших засух...*— Данное утверждение основывается на современных Платонову научных гипотезах (см. выше прим. к статье «Жизнь до конца», с. 378).

На каждой реке устраиваются ~ гидроэлектрические станции (в большинстве их придется строить на колесах, за дороговизной турбин)...— План строительства гидроэлектростанций с целью орошения прибрежных земель имеет непосредственное отношение к проекту гидроэлектрической установки на р. Воронеж — все предложенные Платоновым варианты предполагали использование электростанции под орошение. Известно также, что в конце марта Платонов совместно с председателем Губплана Б. Петерсом подготовил для Губисполкома сравнительный расчет расходов по эксплуатации турбинной и колесной гидроэлектрических установок (*ГАВО*, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 533, л. 38—39 об.). На основании этого расчета Губисполком принял решение о финансировании строительства на р. Воронеж именно колесной гидроэлектростанции.

С. 245. *Реконструкция рельефа почвы взрывным способом...*— Один из важнейших проектов отделения гидрофикации. К этому времени общие положения проекта уже были изложены Платоновым в статье «На фронте зноя» (см. выше прим. к указанной статье, с. 393).

С. 246. *...работа по замыканию оврагов (взрывным способом) ~ с устройством водоотводной канавки...*— Фрагмент почти дословно соответствует тексту одного из мартовских рекламных объявлений отделения гидрофикации (см. выше прим. к статье «На фронте зноя», с. 392—393).

ВЕЛИКИЙ РАБОТНИК (О развитии в России взрывной культуры) (с. 248).— *Вор. ком.*, 1923, 1 апр., № 71, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья освещает перспективы одного из важнейших направлений работ отделения гидрофикации. Вероятно, свои сведения о Взрывсельпромгвиу — Управлении взрывными работами в сельском хозяйстве и промышленности, находившемся в ведении ГВИУ (Главного военно-инженерного управления) — Платонов получил непосредственно из рекламных объявлений этой организации, публиковавшихся в газете «Известия» (см.: 1923, 22 марта, № 63, с. 5; 25 марта, № 66, с. 5). Знакомство с рекламой Взрывсельпромгвиу сказалось и в предложенном Платоновым перечне взрывных работ, ср.: «...корчевка пней, деревьев, осушка болот, рытье канав, рыхление мерзлого и каменистого грунта, разрушение старых фундаментов и рытье котлованов для новых и др.» (№ 63).

С. 249. *...вплоть до фантазии Жюль Верна (путешествие на Луну посредством пушки)...— Верн Жюль (1828—1905), французский писатель, один из создателей жанра научно-фантастического романа; опубликовал свыше 65 произведений, среди которых романы «С Земли на Луну» (1865), «Вокруг Луны» (1869).*

РЕКА ВОРОНЕЖ, ЕЕ НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ (с. 251).— *Вор. ком.*, 1923, 20 июня, № 132, с. 5.

Датируется и печатается по первой публикации.

При публикации статья была разбита на 7 частей, каждой из которых был предпослан заголовок: «Была рекой — стала поганой лужей», «Наши задачи», «К открытому морю», «Нужно продолжить работу», «Вот откуда идет малярия», «Углубить дно — вот основная задача», «Силовое использование реки».

Статья ознаменовала начало качественно нового этапа в проектировании воронежской гидроэлектрической станции (см. выше прим. к статье «Воронежская гидроэлектрическая станция», с. 417—418). К лету 1923 г. Платонов получил в свое распоряжение материалы исследований р. Воронеж, проводившихся до революции инженером А. И. Легуном, что сразу же заметно сказалось на масштабах проекта. Уже к 25 июня Платонов представил в президиум Губисполкома перспективный план «...о шлюзовании устьевой части р. Воронежа, с производством дноуглубительных работ и сношением главной плотины на 19-й версте с целями: 1) использования энергии подпертой воды, 2) улучшения судоходных условий р. Воронежа и 3) санитарного оздоровления города Воро-

нежа» (ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 558, л. 17—19). Очевидно, что статья «Река Воронеж...» была написана в процессе проработки этого плана.

С целью уточнения данных А. Легуна под началом Платонова была создана так называемая партия повторных изысканий (в последующем — комиссия по строительству гидроэлектростанции или построечная комиссия). Научный контроль за работой партии повторных изысканий осуществляла гидробиологическая комиссия при Воронежском государственном университете (по другому источнику «при Воронежском обществе естествоиспытателей»), председателем которой являлся профессор К. Сент-Илер (см.: *Платонов А. О воронежской гидроэлектрической станции // Вор. ком.*, 1923, 20 июля, № 158, с. 3; ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 558, л. 33). 22 июня на заседании гидротехнической подкомиссии гидробиологической комиссии Платонов представил план предстоящих работ, по которому предполагалось сделать подробную съемку в устье р. Воронеж на длине около 3-х верст (примерно, на 1,5 версты выше впадения в Дон и на 1 версту ниже впадения) и в районе мельничных плотин (начать в версте ниже плотин и закончить у Чернавского моста) «с производством промеров глубин живых сечений реки по старым профилям, продольной и поперечной нивелировкой и определением расходов воды» (ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 558, л. 34). Гидротехническая подкомиссия утвердила данный план с небольшими изменениями (окончательные параметры плана Платонов приводит в указанной выше статье «О воронежской гидроэлектрической станции»). Срок проведения изысканий был определен с 16 июня по 16 августа, сумма затрат оценивалась в 35 000 рублей (ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 558, л. 33). 26 июня партия повторных изысканий выехала на работы в устье реки (Там же, л. 32).

Начиная со статьи «Река Воронеж...», место планируемой гидроэлектростанции определяется в устье р. Воронеж. 20 июля в *Вор. ком.* появляется свежая информация о проводимых изысканиях: к этому времени исследована устьевая часть реки, работа сосредоточилась в районе от шлюза до Алексеевского монастыря, изыскания должны завершиться через две недели (см.: *Платонов А. О воронежской гидроэлектрической станции // Указ. изд.*). На тот момент Платонов предполагал, что по завершении работ изыскательская партия успеет составить проект и смету электростанции с тем, чтобы смета была включена в местный бюджет 1923—1924 г. Цифровые выкладки статьи касались различных вариантов шлюзования реки: «...подготовлены материалы, по которым можно проектировать <...> также и улучшение судоходных условий р. Воронежа <...> Расход на работы по шлюзованию р. Воронежа <...> выражается, включая и приобретение одной 10-ти кубовой черпалки, в сумме 1 100 тысяч золотых рублей. Если же на первое время ограничиться

лишь плотиной с полушлюзом в устье р. Воронеж, с целью постройки там гидроэлектрической станции, а дноуглубительных работ (со сношением главной плотины на 19 вер<сте>, где сейчас т<ак> наз<ы>ваемый> шлюз) пока не производить, то стоимость этих работ будет выражаться в сумме 180 тысяч руб золотом» (Там же). Здесь же Платонов обещал, что с вводом планируемой гидроэлектрической станции стоимость киловатт·часа электроэнергии снизится в шесть раз, благодаря чему «варварская работа по истреблению дров и нефти, которой мы занимаемся сейчас, на теперешней электростанции», сократится до минимума. 22 июля в «Нашей газете» Платонов сообщает предполагаемую мощность будущей гидроэлектростанции: «В Воронеже сейчас приступлено к постройке большой водяной электрической станции — на 500 лошадиных сил. Станция будет построена в устье р. Воронежа при впадении р. Воронежа в р. Дон. Она будет освещать Воронеж, снабжать его водой, а также снабжать электрической силой прилегающую сельскохозяйственную область. <...> Станция будет открыта через 1½—2 года» (Платонов А Два плана великих работ // Указ. изд., № 77, с. 1).

31 июля в статье «Вода — основа социалистического хозяйства» Платонов опять раздвигает границы проекта, затрагивая вопрос о возможности строительства гидроэлектростанции непосредственно на р. Дон — мощность ее составит, предположительно, 2 000 лошадиных сил (см. с. 255). Попутно автор рассматривает перспективы строительства целого каскада гидроэлектростанций на р. Воронеж. Однако в появлении этого, еще более масштабного, проекта видится не столько вдохновенный полет инженерной мысли Платонова, сколько свидетельство того, что от предыдущего варианта пришлось отказаться. Приблизительно к этому времени (конец июля—начало августа 1923 г.) относится докладная записка, машинописные экземпляры которой сохранились как в *СА*, так и в *РГАЛИ*. Около 1926 г., предполагая каким-то образом использовать данный текст, Платонов внес в обе машинописи правку и озаглавил их. Редактирование двух копий совершалось не параллельно, но приблизительно в одно время, в результате чего правка по сути одинакова, но не тождественна. В первом случае текст получил название «О гидротехнических и мелиоративных работах в устьевой части реки Воронежа (По материалам партии повторных изысканий (1924 г.) по р. Воронежу и части Верхн<его> Дона, руководителем которой я был. А. П.)» (*СА*; год работ указан неточно); во втором — «О гидротехнических работах в устье р. Воронежа (По материалам изыскательской партии по устьевой части р. Воронежа и части Верхнего Дона, руководителем которой я был)» (*РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 5, л. 24—36). На л. 7 экземпляра *СА* вписан автокомментарий к ситуации, сло-

жившейся летом 1923 г.: «Более детальные изыскания показали, что строить силовую установку в устье р. Воронеж не выгодно, и внимание было перенесено на В<ерхний> Дон, где были организованы особые специальные изыскания».

Летом 1923 г. результаты изысканий, завершенных 2-го августа, послужили основанием для разборки мельничных плотин, существовавших на реке в четырех с половиной верстах от Яхт-клуба. Платонов сообщил о проделанной работе в своей статье от 14 августа. После разрушения плотин ширина русла реки у города уменьшилась, что, по мнению Платонова, должно было привести к ее самоуглублению и осушению малярийных очагов: «Характер реки после разборки плотин постепенно приходит в свое естественное состояние и в будущем необходимо будет разобрать остающееся еще основание-флотбет плотины, дабы этим дать возможность реке принять свой прежний естественный характер» (*Платонов А. О реке Воронеж // Вор. ком., 1923, № 178, с. 3.*)

Затем поток газетных сообщений о гидроэлектрической станции иссяк, однако работа над проектом продолжалась. 29 октября Платонов выступил с докладом от лица построечной комиссии на заседании президиума Губисполкома, после чего комиссии было предложено «в двухнедельный срок представить <...> подробные и обоснованные соображения по поводу <...> целесообразности постройки гидроэлектрической станции в районе, намеченном самой комиссией» (*ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 465, л. 98*). 10 ноября Платонов отчитался о работе построечной комиссии на заседании Воронежского Губплана: из выступления следовало, что обработка собранного материала близка к завершению (Там же, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 560, л. 14). На этом основании Губплан признал целесообразность ассигнования дополнительной суммы на окончание работы комиссии, в размере не более 1 000 золотых рублей, при этом разработанный проект гидротехнических сооружений и гидроэлектрической станции следовало представить не позднее, чем в двухмесячный срок (Там же). 12 ноября председатель Губплана Б. Петерс доложил «о хозяйственной пригодности и целесообразности постройки гидроэлектрической станции на р. Дон» на заседании президиума Губисполкома (Там же, л. 1). Построечная комиссия предоставила докладчику расчет мощности и смету строительства гидроэлектрической станции на Дону для двух возможных вариантов — у села Гремяче и у бывшей дачи Клочкова (Там же, л. 8—8 об.); на основании расчета Петерс оценил выгодность эксплуатации проектируемой гидроэлектрической станции в сравнении с дизельгенераторной. Заключение, сформулированное председателем Губплана, было принято как постановление президиума Губисполкома и легло в основу следующего сообщения в газете:

«Вопрос о постройке гидроэлектрической станции находится в стадии разрешения. В настоящее время по этому вопросу работает специальная построечная комиссия.

Затраты на устройство гидроэлектрической станции по ориентировочной смете комиссии равняются 1 650 рублям на один киловатт полезной мощности. Губплан, рассмотрев этот вопрос, признал, что при таких расходах использование водяной силы реки Воронеж для производства электрической энергии невыгодно, так как энергия, получаемая от гидроэлектрической станции, будет стоить значительно дороже, чем получаемая от дизельгенераторной.

Так как сметные расчеты построечной комиссии крайне схематичны и приблизительны, ибо собранный комиссией материал еще окончательно не разработан, а точная разработка материала может привести к значительному понижению стоимости устройства станции, Губплан предоставил комиссии возможность закончить разработку материалов для составления технически обоснованной сметы гидротехнических сооружений станции, согласованную с существующими ценами на машины, материалы и проч.

Для окончания этой работы комиссии предоставлен срок в 2 месяца и ассигновано (сверх уже выданных 1 000 червонных) рубл(ей) 1 000 руб.

Президиум Губисполкома согласился с мнением Губплана» (К постройке гидроэлектрической станции // *Вор. ком.*, 1923, 17 нояб., № 258, с. 4).

Как следует из протоколов 1924 г., вопрос о гидроэлектрической станции на заседаниях президиума Губисполкома в последующем не поднимался. По истечении двухмесячного срока, отпущенного построечной комиссии на доработку проекта, в *Вор. ком.* появилось сообщение, гласившее: «Комиссия по постройке Воронежской гидроэлектростанции на р. Дон предложила мелиоративной части ГЗУ составить полный исполнительный проект силовой установки станции. Изыскательский и гидрологический материал имеется в достаточном количестве, но не оказалось достаточно компетентных специалистов, которым можно было бы поручить эту работу. Пришлось обратиться в мелиорацию при Наркомземе с просьбой взять это дело на себя» (см.: К вопросу о постройке гидроэлектрической станции на р. Дон // *Вор. ком.*, 1924, 10 янв., № 8, с. 5).

Некоторые подробности того, как решалась судьба проекта на последнем этапе, обнаруживаются в одной из платоновских статей 1924 г. В феврале 1924 г. на страницах *Вор. ком.* активно обсуждался вопрос о создании памятника В. И. Ленину. Один из участников обсуждения, помнивший, вероятно, газетные публикации лета 1923 г., предложил

увекочить память вождя как раз строительством электростанции на Дону, ссылаясь на то, что «специалисты говорят о полной возможности осуществления этого дела, они говорят, что соответствующим оборудованием можно взять из Дона до 20 000 лошадиных сил» (А. Ю. О памятнике Ильичу // *Вор. ком.*, 1924, 20 февр., № 41, с. 1). Данный показатель мощности «мемориальной» электростанции отличается от цифры, указанной в статье Платонова «Вода — основа социалистического хозяйства», одним лишним нулем. Платонов не замедлил с поправкой:

«Очевидно, автор заметки и специалисты, сообщившие ему свои мнения о мощности станции, совершенно не осведомлены о том, какую мощность возможно получить путем использования энергии воды на р. Дон вблизи г. Воронежа. Построечная комиссия, работающая в этом направлении при Губисполкоме по обработке предварительных данных для проектировки будущей станции, пришла к заключению, что мощность станции, исходя из меженных расходов воды на р. Дон, возможно будет получить при подпоре 2,5 саж<еней> не более 3 000 лошадиных сил. Мнение комиссии подтверждается и Кавгидростроем (в Ростове-на-Дону), где работают крупные специалисты по гидротехнике (инженеры Аксамитный, Ефимович, Крокос), с которыми комиссия вошла в переговоры по поводу составления проекта гидротехнических сооружений и самой станции. <...>

Автор ссылается в заметке на специалистов. Сместим заверить его, что лучшие специалисты по использованию энергии воды и лучшие не в масштабе г. Воронежа (таковых тут нет), а в масштабе СССР нами привлечены к работе в постройкоме. Раздувать же слишком большие надежды — дело вредное.

С помощью Губисполкома, советских, партийных и кооперативных организаций г. Воронежа и губернии, с помощью специалистов мы гидроэлектрическую станцию на Дону построим» (Платонов А. Гидроэлектрическая станция на р. Дон имени Ленина // *Вор. ком.*, 1924, 22 февр., № 43, с. 1).

После этого тема воронежской гидроэлектрической станции окончательно ушла со страниц воронежской прессы. Кажется, что в 1924 г. силы Платонова полностью отданы строительству нескольких сельских электростанций (см. ниже прим. к статье «О работе по электрификации сельского хозяйства Воронежской губернии», с. 466—468), однако в анкете от 29 марта 1926 г., заполненной при приеме на работу в ЦК Всеработземлес, он указывает, что являлся председателем комиссии по постройке гидроэлектростанции на р. Дон с июня 1923 г. по август 1924 г. На настоящее время исследователи не располагают какими-либо документами, проясняющими данную ситуацию.

С. 251. ...удалось добыть результаты многолетних трудов инженера *Легуна*...— *Легун* Антон Иосифович, инженер путей сообщения (выпускник Института инженеров путей сообщения; 1890 г.), в 1908 г. заведующий 4-м техническим участком Московского округа путей сообщения; более 20 лет вел гидротехнические регулировочные работы на р. Дон. Известны следующие книги данного автора: «По вопросу об улучшении части среднего Дона» (СПб., 1906); «Воронежско-ростовский водный путь» (Воронеж, 1909); «По вопросу о приобщении г. Воронежа к Донскому судоходству» (М., 1914); «Коренные вопросы в деле улучшения рек России» (М., 1917). Возможно, материалы исследований А. Легуна были получены Платоновым при содействии техника П. А. Солдатова, ставшего затем членом построечной комиссии. Такое предположение можно сделать на основании послужного списка П. Солдатова, в котором он, в частности, сообщает, что «принимал главное участие в производстве подробных изысканий на р. Воронеже в 1905 г., по данным которых составлены подробные планы этой части реки, копии которых имеются сейчас в распоряжении построечной комиссии» (*ГВАО*, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 558, л. 30).

Отсылки к исследованиям А. Легуна имеются во всех расчетах Платонова, касающихся силового или транспортного использования реки Воронеж, см., напр.: «О гидротехнических и мелиоративных работах в устьевой части реки Воронежа» (*РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 5, л. 24—36). Печатные труды А. Легуна также были хорошо известны Платонову: цитаты из книги «Воронежско-ростовский водный путь» включены им в статью «О дешевом водном пути Черноземного края...». Эта же книга явилась впоследствии источником исторических сведений для повести «Епифанские шлюзы» (1927). На ее страницах был найден материал для письма Вильяма Перри и текст челобитной царю, оттуда же — описания обстоятельств строительства (болезни мастеровых, побегі работников, падеж лошадей), детали проекта (размеры объектов, названия населенных пунктов), катастрофа на Иван-озере (см.: *Антонова Е.* О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926—1927 гг. // *Страна философов*, 2000, с. 460—464).

Богуславский Михаил Соломонович (1886—1937) — партийный деятель. После занятия немцами Украины работал в Воронеже, где ему были поручены роспуск меньшевистско-эсеровской Городской думы и организация горсовета и Исполкома. Был председателем Горисполкома до января 1919 г. Позже работал на Украине, в Москве

С. 252. ...каким его видел *Петр* или *татарин*.— Речь идет о состоянии р. Воронеж до начала строительства русского флота, поскольку причиной обмеления реки явилась именно массовая вырубка строевых лесов (император Петр I начал строительство русского военного флота

в Воронеже в 1696 г.). Упоминание о татарах вызвано тем, что до основания города Воронежа (1585 г.) и других крепостей южной окраины Московского государства данные территории подвергались частым вторжениям крымских татар.

ВОДА — ОСНОВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА (Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего) (с. 254).— *Вор. ком.*, 1923, 31 июля, № 167, с. 2.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана на завершающем этапе исследования р. Воронеж, проводимого под руководством Платонова; см. об этом выше прим. к статье «Воронежская гидроэлектрическая станция», с. 417—418.

С. 254. ...и это уже я делал в другом месте.— Речь идет о брошюре «Электрификация» (1921).

С. 255. *Подпор от плотины в устье распространяется немного выше Чернавского моста (до Алексеевского монастыря).*— Речь идет об участке реки Воронеж, на длине которого после предполагаемого строительства плотины будет наблюдаться подъем уровня воды. Воронежский *Алексеевский Акатов монастырь*, названный в честь Алексия митрополита Московского, был основан в 1620 г. в память об отражении набега литовцев и черкас.

С. 256. ...поезда Махонина ..— см. выше прим. к статье «Электрификация», с. 364.

СТОЛИЦА ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛИ (с. 257).— *Вор. ком.*, 1923, 19 сент., № 208, с. 3.

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья написана под впечатлением от посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. В августе—сентябре 1923 г. в *Вор. ком* почти ежедневно помещались репортажи и очерки разных авторов о выставке и об участии в ней воронежской делегации. Платонов развивает идеи, высказанные им в опубликованной неделей раньше статье «Об Обществе друзей Обновленной Земли», содержавшей призыв к организации Общества, которое должно служить просвещению крестьян, на практике учить их прогрессивным методам ведения хозяйства и показывать пример скорого обогащения: «Задача ОДОЗ в экономике и технике сельского хозяйства эквивалентна задаче РКП в политике» (*Вор. ком.*, 1923, 12 сент., № 202, с. 3). Идея создания ОДОЗ, подхваченная Платоновым, была предложена Л. Сосновским именно в связи с от-

крытием сельскохозяйственной выставки (*Сосновский Л. К* обновленной земле // Газ. «Правда», 1923, 23 авг., № 188, с. 1). Название Общества — производная от заглавия книги А. Гарвуда «Обновленная земля». Мотивируя свой выбор, Сосновский подчеркивал, что эта «повесть о чудесах, творимых наукою в земледелии Америки» (в переводе К. Тимирязева) была прочитана им по настоятельной просьбе В. И. Ленина. Впоследствии ОДОЗ действительно было создано.

Поскольку в статье Платонова «Об Обществе друзей Обновленной Земли» посещение выставки еще никак не отразилось, можно предположить, что он побывал в Москве не ранее второй декады сентября 1923 г.

С. 257. *НОТ* — научная организация труда.

...*крестьянский сказочный град, который был скрыт на дне озера.*— Речь идет о легендарном граде Китеже, будто бы погрузившемся в озеро Светлояр и так укrywшемся от разорения татарами. Существует цикл народных преданий, связанных с этим городом.

<РЕЦЕНЗИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ МЫСЛИ»> (с. 259).— Журн. «Октябрь мысли», М., 1924, № 1, с. 93—96; № 2, с. 74.

Первые три рецензии датируются серединой января 1924 г., четвертая — началом февраля.

Печатаются по первой публикации.

Рецензируются журналы: «Лев», М., 1923, №№ 1—4; «Звезда», Пг., 1924, № 1; «На посту», М., 1923, №№ 1—4; «У станка», М., 1924, № 1.

История написания и публикации рецензий никак не документирована. Журнал «Октябрь мысли» начал выходить в январе 1924 г.; заявлен как орган Общества культурной смычки (ОКС) и Общества по изучению культуры современности «Октябрь мысли» (вышло 6 номеров). Осенью 1923 г. печаталась газета «Октябрь мысли», орган одноименного общества. Общество «Октябрь мысли» объединяло ученых и теоретиков-коммунистов, занимающихся вопросами науки, культуры и быта; собрания общества проходили в Социалистической академии. Общество культурной смычки (ОКС) было создано в декабре 1923 г. и ставило одной из своих задач организацию работы по шефству города над деревней. Учредителями общества выступили редакции газет «Беднота», «Рабочая газета», Наркомат просвещения, Наркомат путей сообщения и Наркомат земледелия РСФСР. 3 декабря прошло организационное собрание ОКС, на котором был принят устав, избран Центральный совет Всероссийского общества Культурной Смычки. Общество «Октябрь мысли» вошло в ОКС (см.: журн. «Октябрь мысли», 1924, № 1, с. 86).

В №№ 1—6 за 1924 г. Платонов указан в числе постоянных авторов, см на задней обложке журнала: Арватов Б., Бухарин Н., Горлов Д., Горлов Н., Коган С., Платонов А., Третьяков С., Чужак Н. Включение Платонова в список постоянных авторов могло быть связано с его журналистской работой, а также с ОКС. Журнал адресовался молодежи — «революционному поколению Октября, которое строя — учится, и учась — строит» (От редакции. Вместо программы // Там же, 1924, № 1, с. 3—4), ставил своей задачей «всемерно содействовать победе пролетариата на третьем фронте — фронте культуры» и активно бороться с «искажающим и разлагающим влиянием идеологов-попутчиков и явных врагов пролетарского Октября» (Там же, задняя обложка).

Скорее всего, рецензии написаны в Москве, куда Платонов нередко приезжал по служебно-производственным делам, и печатались с рукописи. Не исключено, что у истоков рецензий стоит поездка в сентябре 1923 г. на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (см. выше прим. к статье «Столица обновленной земли», с. 428). Вероятно, во время этой и других своих поездок в Москву Платонов бывал в «Кузнице», общался с «кузнецами», обсуждал опубликованную 21 июня в «Правде» «Декларацию пролетарских писателей “Кузница”» и из первых рук знал о внутренних распрях и расколе в пролетарском литературном движении. «Раскольниками» выступили вышедшие из «Кузницы» поэты и прозаики: они провели Первую московскую конференцию пролетарских писателей (15—17 марта 1923 г.), на которой приняли идеологическую и художественную платформу группы «Октябрь», возглавили Московскую ассоциацию пролетарских писателей (МАПП), начали выпускать журнал «На посту» (первый номер вышел в июне и имел скандальный успех), повели борьбу на нескольких литературных направлениях. В том числе, борьбу на пролетарском направлении за руководство Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП) и «укрепление коммунистической линии в пролетарской литературе и организационное укрепление ВАПП» (От редакции // Журн. «На посту», 1923, № 1, стб. 203), где одним из врагов была названа группа «Кузница»: «размагниченные декаденты», мешающие образованию идеологического фронта — «организационному объединению пролетарской литературы, спаянному твердокаменной идеологической платформой» (*Лелевич Г.* Нам нужна партийная линия // Там же, стб. 105). Во второй половине 1923 г. Платонов встречался не только с пролетарскими писателями, но и с заклятым врагом напостовцев, одним из влиятельных редакторов московских журналов и альманахов А. К. Воронским. К лету 1923 г. на олимпе московской литературной жизни в «драках за искусство» свое место отвоевала группа Лэф, издававшая одноименный журнал. В августе, выступая на страницах «Правды», один из теоретиков журнала Н. Чужак отверг

прозвучавшие в адрес Лефа политические обвинения, сказал, что Леф будет развивать идеи «производственного» движения футуристов — «непосредственное строение через искусство вещи» и «организующее воздействие» искусства на быт (*Чужак Н* В драках за искусство (Разные подходы к Лефу) // Газ. «Правда», 1923, 21 авг., № 186, с. 2). Скорее всего в это же время у Платонова устанавливаются новые связи в московских литературных кругах, которые и привели к появлению рецензий в «Октябре мысли». Из четырех рецензируемых изданий он внимательно читает, пожалуй, только «Леф», другие — скорее пролистывает. Рецензии лишь повод, чтобы выразить свое отношение к современной литературной ситуации, но главное — высказаться по основному вопросу общественно-культурной жизни нэпа.

Платонов не мог пройти мимо обозначившейся осенью 1923 г. (в выступлениях ведущих партийных идеологов) позиции, свидетельствовавшей об отказе партии от понятий «пролетарская культура» и «культурная революция». Этот вопрос не был новым; после партийной резолюции 1920 г. о Пролеткультах он вновь возник осенью 1922 г., когда на страницах «Правды» (27 сент., № 217, с. 2—3) была опубликована статья одного из идеологов Пролеткульта В. Плетнева «На идеологическом фронте». В статье затрагивался широкий круг вопросов идеологической борьбы времени нэпа. Говоря о смертельной «схватке двух идеологий» — пролетарской и буржуазной, Плетнев акцентировал «производственный» аспект этой борьбы и вновь настаивал, что пролетарский художник (а это одновременно и художник, и рабочий) будет рожден и обязательно «выбьется» именно из рабочей пролетарской «массы», из среды «индустриального пролетария» (Там же). С критикой «производственничества» пролеткультистов осенью 1922 г. выступили на страницах главной партийной газеты зав. Отделом печати ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев и один из руководителей Наркомпроса Н. К. Крупская. Яковлев признавался, что без старых романтических слов о пролетарской культуре большевики вряд ли выиграли бы Гражданскую войну, однако для текущего момента подобная риторика уже не только не нужна, а скорее даже политически вредна: «В том энтузиазме, без которого мы бы революции не совершили, некоторые элементы “фантастики” были неизбежны, особенно в начальный период революции... Но “фантастика” не нужна и вредна теперь, когда ею подменяют задачи, вытекающие из условий момента и отвечающие действительно интересам пролетариата» (*Яковлев Я.* О «пролетарской культуре» и Пролеткульте // Газ. «Правда», 1922, 24 окт., № 240, с. 3—4; 25 окт., № 241, с. 2—3). Крупская повторила старый наркомпросовский тезис о «сектантских» взглядах Пролеткульта (*Крупская Н. К.* Пролетарская идеология и Пролеткульт // Там же, 8 окт., № 227, с. 1). В 1922 г. за партийной критикой

идеологов пролетарской культуры стоял Ленин (См.: Заметки В. И. Ленина, сделанные 27 сентября 1922 г. карандашом на полях газеты «Правда» (Статья Плетнева «На идеологическом фронте») // В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957, с. 497—509). В одном из ответов оппонентам Плетнев проговорится, что за высокой политической риторикой дискуссии скрывается авторитетное мнение — «Пролеткульт следует снять с государственного снабжения» (*Плетнев В.* В Пролеткульте // Газ. «Правда», 1922, 20 окт., № 237, с. 3). За оговоркой Плетнева скрывалась одна из реальных причин ожесточенной литературно-политической борьбы первых лет нэпа. Пролеткульт не снимут с государственного финансирования; в сентябре 1922 г. политбюро ЦК будет принято решение о материальной поддержке пролетарских писателей, в первую очередь «Кузницы» (См.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999, с. 43).

Однако в 1922 г. главной стратегической задачей партии являлось завоевание непролетарских писательских групп — «колеблющихся, политически не оформленных, за души которых идет настоящая война между лагерями эмиграции и нами» (Докладная записка заместителя заведующего Отделом агитации ЦК РКП(б) Я. А. Яковлева И. В. Сталину о ситуации в писательской среде. Июль 1922 г. // Власть и художественная интеллигенция. Указ. изд., с. 39. См. также записки Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о молодых писателях и художниках // Там же, с. 36—37). 23 августа 1922 г. Пришвин запишет в дневнике: «...все наркомы занимаются литературой. Даются громадные средства на литературу. Время садического совокупления власти с литературой» (*Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. М., 1995, с. 260). Тогда же Троцким будет дано имя многообразным писательским группам, организационно не связанным с РКП, — «литературные попутчики революции»: «Они не охватывают революции в целом, и им чужда ее коммунистическая цель. Они все более или менее склонны через голову рабочего глядеть с надеждой на мужика. Они не художники пролетарской революции, а ее художественные попутчики в том смысле, в каком это слово употребляется старой социал-демократией» (*Троцкий Л.* Внеоктябрьская литература. Литературные попутчики революции // Газ. «Правда», 1922, 3 окт., № 222, с. 2—3).

Осенью 1923 г. ленинское отношение к пролетарской культуре было подтверждено в выступлении на страницах «Правды» Л. Троцкого. Троцкий осмелел «архи-заезжательские приемы» марксистов-литераторов в отношении писателей-попутчиков, подтвердил, что именно «по поручению партии» редактор «Красной нови» и руководитель издательства «Круг» А. Воронский проводит определенную литературно-куль-

турную линию, а рабочим надо учиться строить электростанции, усваивать «азбуку допролетарской культуры», участвовать в агитационной работе на страницах заводских стенных газет, готовить «базу» для будущей новой литературы, но — не более того, потому что «в массе своей пролетарская личность недостаточно оформилась и дифференцировалась» и только недавно вышла из «внеисторического почти бытия», что «духовно, а следовательно и художественно, очень чуткий, пролетариат эстетически не воспитан», что «слишком мало рабочих сил освобождается для искусства», что у пролетариата есть «культура политическая, но очень мало художественной» и т. п. И вывод, стратегический и тактический: «...“созерцательная” интеллигенция больше могла бы дать и дает в области художественного отражения революции,— хотя и с кривизной,— чем пролетариат, который ее совершил» (*Троцкий Л.* Партийная политика в искусстве // Там же, 1923, 16 сент., № 209, с. 2—3). Не исключено, что выступление Троцкого вызвало отклики, однако на страницах самой газеты появилось лишь два возражения. «Схематизм» новых пролетарских течений еще не является универсальным принципом для оценки и приговора, утверждал Г. Чичерин. Он напомнил о «схематизме» немецкого романтизма и связанным с ним типом органической культуры, которую явили Новалис, Бетховен и Вагнер, черпавшие источники изобразительности в «продуктах массового творчества» (*Чичерин Г.* Несколько поправок к последним статьям тов. Троцкого // Там же, 1923, 5 окт., № 225, с. 2). С защитой «пролетарского молодняка» от «орды попутчиков беспутных» выступил постоянный автор «Правды» Д. Бедный, разъяснив в стихотворном «ответе» Троцкому политические аспекты литературной полемики: «Наш, пролетарский молодняк // Скопфужен собственным обличем // Зло-символический Пильняк // Пред ним смердит гнилым величем» (*Бедный Д.* Обида // Там же, 1923, 18 окт., № 234, с. 1). К осени в дискуссию о правдинской статье Троцкого включаются самые разные общественные и литературные группы. С резким осуждением выступает Общество старых большевиков, заявив, что как статья Троцкого, так и покровительство попутчикам со стороны видных партийных работников (назывались Л. Троцкий, А. Луначарский, Н. Бухарин, Н. Осинский) являются свидетельством «серьезнейшей опасности идеологического перерождения значительных слоев партии». Отношение к писателям, стоявшим на «точке зрения рабочего класса» и не имеющим со стороны партии поддержки в журналах и издательствах, квалифицировалось как недопустимое положение (Общество старых большевиков о нашей литературной политике // Газ. «Рабочая Москва», 1923, 1 нояб., № 246. Цит. по: В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917—1927. М., 1992, с. 167). От «пролетарского молодняка» с поддержкой позиции Общества старых боль-

шевиков выступила входившая в «Кузницу» группа «Рабочая весна» (Там же, с. 169). Появление на страницах «Правды» рецензии Троцкого на книгу пролетарского поэта А. Безыменского должно было свидетельствовать, что в лагере пролетарских писателей (Безыменский являлся одним из руководителей МАПП) есть писатели, явно подтверждающие правоту высказанных им идей: «Первая небольшая книжка Безыменского есть подарок и обещание. <...> Ему, Безыменскому, нет надобности “планеты перекидывать, как комя”». Ему не нужны космические размеры, чтобы чувствовать революцию» (Троцкий Л. Как пахнет жизнь // Газ. «Правда», 1923, 17 нояб., № 261, с. 5). В качестве примера Троцкий приводил строки из стихотворения-манифеста Безыменского «Поэтам “Кузницы”» (1923), направленные против схематизма «космических» устремлений пролетарских поэтов и «производственных» идей левых: «Довольно неба // И мудрости вещей! // Давайте больше простых гвоздей! // Откиньте небо! Отбросьте вещи! // Давайте землю // И живых людей» (Там же). В опубликованной в декабрьском номере журнала «Прожектор» (выходил под редакцией Н. Бухарина и А. Воронского) поэме Безыменского «Комсомолия» Троцкий причислен к породе «коммунистического Данко» и назван в числе «учителей» молодого поколения: «Ленин и Маркс! // Обучи эту армию, // Коммунистический Данко // Мозгом горящим указывает путь. // Ленин и Троцкий! Ленин и Троцкий! // Сколько вместилось в вас наций и стран» («Прожектор», 1923, № 21, 16 дек., с. 2).

Наиболее радикальную позицию в литературной борьбе 1923 г. заняли теоретики Лефа, настойчиво и последовательно разрабатывавшие идеи «жизнестроительства», «производничества» и «вещизма». Исходной в рефлексиях левых оставалась революция. Для страны, где победил пролетариат, утверждали они, не может оставаться истинной прежняя методология «буржуазной эстетики» — «Искусство как метод познания жизни». Это — методология «пассивной созерцательности», и ее сменяет принципиально иная: «Искусство, как метод *строения* жизни (отсюда — преодоление материи) — вот лозунг, под которым идет *пролетарское** представление о науке искусства. Искусство есть своеобразный, эмоциональный по преимуществу (только по преимуществу, и лишь в этой преимущественности отличие от науки) диалектический подход к строению жизни. Здесь — четкий и ясный водораздел “эстетик”» (Чужак Н. Ф. Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня) // Журн. «Леф», 1923, № 1, с. 36. Подробно об этом см.: *Мазавев А. И.* Концепция «производственного искусства» 20-х годов. М.,

* Здесь и далее выделения в цитируемом тексте (разрядка и полужирный шрифт) даются курсивом

1975). В 1923 г. лефовцы остроотреагируют на недвусмысленную позицию партии в области искусства. Претензии были суммированы в статьях Н. Чужака, опубликованных в пролеткультовском «Горне» (Партия и искусство (К статье тов. Троцкого в № 209 «Правды») // 1923, № 9, с. 81—86), «Лефе» (Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня) // 1923, № 1, с. 12—39) и «Октябре мысли» (Без руля и без ветрил (К нашей политике в литературе) // 1924, № 1, с. 38—47). В последней Чужак скажет, что поддержка партией «реставрационного пути» и «нэпо-попутнического фронта» оказалась губительной прежде всего для молодого поколения писателей, «необорудованной молодежи», занятой «пачканьем под Пильняка» (Указ. изд., с. 41). В ноябре 1923 г. состоялось соглашение между Лефом и МАПП. «Соглашающиеся стороны» объединялись в понимании задач творчества, общем отстаивании принципов классовой художественной политики и объявили о создании единого фронта борьбы. К опубликованному тексту соглашения было присовокуплено «негласное положение», непосредственно направленное против А. Воронского; «договаривающиеся стороны» обязались не участвовать во всех органах печати, которыми руководил Воронский (см.: Очерки истории русской советской журналистики. 1917—1932. М., 1966, с. 322; *Шешуков С.* Неистовые ревнители. М., 1970, с. 39—41).

После выхода в ноябре 1923 г. книги Л. Троцкого «Литература и революция» лагеря попутчиков и пролетарских писателей вступили в кульминационную фазу выяснения позиций по вопросу об отношении партии к пролетарской культуре и «попутчикам». В первых откликах на книгу, опубликованных на страницах центральных газет и журналов, господствовала панегирическая интонация: «Блестящая книга, блестящий вклад в нашу пролетарскую литературу!» (*Луначарский А.* Лев Давыдович Троцкий о литературе // Журн. «Печать и революция», 1923, № 7, с. 16); «Так писать умел только Гейне» (*Лежнев А.* Литература и революция (О книге тов. Троцкого) // Журн. «Прожектор», 1924, № 9, с. 26). Мысль Троцкого, что пролетарской литературы быть не может, признавалась аксиоматичной и не подлежащей сомнению. Рецензенты дружно утверждали, что Троцкий не просто затронул, а «отчасти разрешил» самые важные вопросы (*Лежнев А.* Указ. соч., с. 26), что нужно согласиться с очевидным: пролетарские писатели проходят «период культурного ученичества»; иные же мнения можно считать — просто «недоразумением» (*Гимельфарб Б.* Литература и революция // Газ. «Известия», 1923, 16 дек., № 288, с. 5). К авторитету Троцкого не раз апеллировал в этот год А. Воронский. Характер «переходной эпохи», писал Воронский, предопределил задачи в области культуры: «Задача этой эпохи в области культуры сводится к тому, чтобы пролетариат в пер-

вую очередь овладел техникой, наукой, искусством прошлого. Отсюда в порядке дня стоит вопрос не о создании пролетарского искусства, а о таком *революционном переходном* искусстве, которое путем критического усвоения всех прежних приобретений и достижений помогло бы пролетариату одержать победу над буржуазией, *речь идет о приспособлении буржуазной культуры и искусства в интересах пролетариата*, что, разумеется, ни в какой мере не исключает исканий новых форм и стиля, более соответствующих нашей эпохе. Лучшие успехи пролетарских писателей являются, в действительности, таким приспособлением прежнего искусства в интересах рабочего класса: в основе они, успехи эти, целиком базируются на буржуазном искусстве. Соответствующая идеологическая и эмоциональная окраска не меняет сути, ибо за всем тем остается неизблемым все огромное содержание “наследства” (герон, передача душевных движений, художественные открытия в иных областях), форма, методы обработки художественного материала и т. д. <...> Эту точку зрения мы считаем единственно верной. Прав поэтому тов. Троцкий, когда он о пролетарском творчестве пишет: “под именем Пролетарской культуры, Пролетарского искусства и пр. в трех случаях, примерно, из десяти не критически фигурирует у нас культура и искусство грядущего коммунистического общества, в двух случаях из десяти — факты усвоения отдельными группами пролетариата отдельных элементов допролетарской культуры и, наконец, в пяти случаях из десяти — такая путаница понятий и слов, в которой уже вовсе ничего не разберешь” (“Литература и революция”). Потуги создать пролетарское искусство, принципиально отличное от старого искусства, легко приводят на практике к схематизму и кружковщине в творчестве, с одной стороны, а с другой — к походу против так называемых попутчиков, т. е. против беспартийных промежуточных писателей, стоящих на почве Октября, но не коммунистов, либо чуждых коммунизму» (*Воронский А. Дела литературные // Журн. «Прожектор», 1923, № 22, 31 дек., с. 21*). У «дел литературных» и борьбы за гегемонию, вскользь заметил Воронский, имеются и вполне прозаические причины: «Отсутствие книжного рынка, крахи и кризисы разных издательств, в том числе и в первую очередь государственных, создали острую безработицу среди писателей. Голодают пролетарские писатели, голодают попутчики, нет квартир, трудно пристроить произведения, тариф современного писателя голодный» (Там же).

К концу 1923 г. в дискуссии о пролетарской литературе стала преобладать политическая составляющая: началась борьба за ленинское наследие (Ленин был тяжело болен и уже не участвовал в реальном управлении страной) и за новую стратегию «партийного курса». Статья Троцкого «Новый курс. Письмо к партийным совещаниям», опубликованная 11 декабря на страницах «Правды», через несколько дней была

квалифицирована как борьба против ЦК и поддержка оппозиции (см.: «Правда», 1923, 15 дек., № 285, с. 4—5). Заодно жесткой критике подверглась «Рабочая газета», правда, за иные оппозиционные настроения, как орган рабочей оппозиции, в литературной борьбе взявший ориентир не на подлинных марксистов, а «учение Богданова», «Тектологию» которого изучают в рабочих кружках: «“Рабочая правда” предлагает резко “отграничиться от официальной советской литературы и искусства” и призывает к “всемерной поддержке пролетарских литературных и т. п. организаций”». Спасибо вам за ваш совет» (*Ярославский Е.* Что такое «Рабочая правда» // Там же, 1923, 19 дек., № 288, с. 2—3). Журнал «Октябрь мысли» заявил себя в тот промежуток, когда партийный курс уже не казался таким однозначным, как в истекшем году. Партийная критика «нового курса» Троцкого могла потеснить и тот литературный лагерь, который во многом рекрутировался Троцким во внутрипартийной борьбе за лидерство в партии. Журнал вышел в середине января 1924 г., за несколько дней до смерти Ленина. Борьба на литературном фронте продолжалась весь 1924 г., в июне 1925 г. принята резолюция ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».

При всей загруженности производственной работой Платонов, как свидетельствуют рецензии, поразительно сведущ в вопросах литературной политики партии, текущей литературы и стратегиях литературной жизни. Литературная дискуссия 1923 г. воспринималась «производственником» Платоновым прежде всего как политическая и этическая. Отказ ведущих идеологов партии от идеи создания пролетарской культуры был воспринят им не без обиды: партийная установка 1923 г. прочитывалась Платоновым как высокомерная и оскорбительная по отношению к низовой пролетарской жизни, представителям которой изначально отказывалось в смысле их художественного творчества. Из всех обозначившихся в 1923 г. глобальных стратегий литературы Платонову явно импонирует позиция Лефа. Лефовцы — одна из немногих группировок, которая не отказывалась от своего футуристического прошлого (футуризм был осужден в 1920 г. вместе с Пролеткультом); на этом фоне пролетписатели разных групп явно проигрывали своей непоследовательностью, кичливостью и сугубо партийной ангажированностью. В 1923 г. лефовские идеи «жизнестроения» и «производственного» искусства не звучали для Платонова новым откровением, но они оказались наиболее близкими ему эстетически — антипозитивистским пафосом и идеей активной личности, в том числе художнической, преодолевающей власть быта и прежнюю метафизику искусства. Платонов не мог согласиться с прикладным политическим статусом искусства «переходного периода» в редакции равно МАПП и Троцкого—Луначарского—Воронского.

Правда, само участие Платонова в литературно-политической дискуссии 1923 г. не стало устойчивой тенденцией. После трех дерзких рецензий в № 1 «Октября мысли» в № 2 появляется совсем иная по тональности, спокойная и где-то даже равнодушная. Обещанных новых публикаций на страницах «Октября мысли» не последует. У Платонова, очевидно, так и не сложились отношения с Лефом. В автобиографии, написанной в марте 1924 г., собственное участие в литературной дискуссии 1923 г. получит этическое и «производственное» измерение: «Засуха 1921 г. произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой». Выбору между «искусством — познанием жизни» и «искусством-жизнестроением» он предпочел собственный путь — тяжелую производственную работу 1924 г.; это был год, когда Платонов практически перестает появляться в печати.

С. 259. «*Леф*» — журнал Левого фронта искусств, издавался в 1923—1925 гг. В редколлегию входили: Б. Арватов, Н. Асеев, О. Брик, Б. Кушнер, В. Маяковский (ответств. редактор), С. Третьяков, Н. Чужак. Первый номер «Лефа» вышел в конце марта 1923 г. Всего вышло семь номеров, из них 4 номера — в 1923 г. (они и являются предметом критического разбора в рецензии). В журнале было 5 разделов: 1. «Программа»; 2. «Практика»; 3. «Теория»; 4. «Книги (Библиография)»; 5. «Факты».

...в программной статье тов. Чужака... — Чужак (Насимович) Николай Федорович (1876—1937), член РСДРП(б) с 1904 г., журналист, критик, в годы Гражданской войны — редактор ряда провинциальных партийных газет, редактор футуристического журнала «Творчество» (Владивосток—Чита); с 1922 г. — в Москве, сотрудник литературно-издательского отдела ЦК Всероссийского Пролеткульта, член группы Леф; один из ведущих теоретиков «жизнестроения» и «производственности». Речь идет о статье Чужака «Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня)» (№ 1, с. 12—39), опубликованной в разделе «Программа». Цитата неточная. В источнике: «...количественно-своеобразный, временный, с преобладанием...» (с. 12). Отношения между эстетикой футуризма и действительностью были определены четко и исключали всякую двусмысленность: «...футуризм — это не школа, а некая перестраивающая человека в устремлении к “футуризму” тенденция, — что только и объясняет постепенный отход от футуризма всех вольно и невольно эстетствующих, но и естественный подбор вокруг него молодого, волевого, победно-огнеупорного»; «футуризм, раздвинувший рамки вчера еще “школы” до реальнейшей, чем сама реальность, “философии”, — футуризм ныне уже по праву должен быть признан пролетарским искусством в самом буквальном — организационном и духов-

ном — смысле этого слова» (с. 22). Центром программы «производственного искусства» являлись понятия «строения вещи» и «материи искусства», а также аргументы о «своеобразной психике» пролетария, устремленного не к «индивидуальному “искусничанью” и “украшению” жизни» (с. 22), а к практическому творчеству «последнего класса»: «...рабочий класс везде и всюду,— и в реальной, действительной науке; и в реальном, действительном искусствотворчестве; и в действительной, костистой драке за нужный социальный строй,— *везде и всюду пролетариат центр тяжести переносит с момента познания на непосредственное строение вещи, включая сюда и идею,— но лишь как определенную инженерную модель*» (с. 35). Лефовцы полагали, что в противоречивой и двусмысленной обстановке «нэпа жирного» сохранить завоевания революции можно только через крайнее напряжение сил; искусство должно взять на себя функцию подготовки человека к труду, практике и изобретательству: «...футуристическое искусство уже не может оставаться простым подпевалой революции труда, и оно неизбежно должно пойти по линии *прорыва*, вот сейчас же, не дожидаясь нового размаха,— *непосредственно в производство и культуростроительство*» (с. 33). Чужак утверждал, что «момент преодоления материи — не есть только удел художника», ибо «ритмика искусства — ритмика труда — это едино»: «Масса радостно и вольно втягивается в процесс творения. Нет больше “храмов” и кумирен искусства, где окутанные фимиамом жрецов обитают священные абсолюты. Есть мастерские, фабрики, заводы, улица — где *в общем праздничном процессе производства* — творятся... *товаросокровища*» (с. 36). Платонов разделял ряд положений «производственничества» Чужака, идеи которого окажутся созвучными инженерам-спецам ранней и зрелой прозы писателя.

...даже и марксисты (тов. Воронский, тов. Троцкий) принимают за основу тезис — «искусство — познание жизни»...— Воронский Александр Константинович (1884—1937), член РСДРП(б) с 1904 г., член правления Госиздата, зам председателя агитационно-пропагандистского отдела Госиздата; критик, с 1921 г.— редактор журналов «Красная новь», «Прожектор»; Троцкий Лев Давидович (1879—1940), один из лидеров партии, см. выше прим. к статье «Луначарский», с. 332; О тезисе «искусство — познание жизни» см. ниже, с. 441.

...«искусство — украшение жизни» (тов. Луначарский)...— Одно из определений «буржуазного» искусства, которым пользовались теоретики пролетарской культуры (см.: Чужак Н. Под знаком жизнестроения (Опыт осознания искусства дня) // Указ. изд., с. 22). Луначарский Анатолий Васильевич, см. выше прим. к статье «Луначарский», с. 330—334). Утверждение приписано Луначарскому, скорее всего, в связи с позицией, которую тот занял в литературной борьбе начала 1920-х гг. С осени

1920 г. Луначарский неизменно оппонировал «производственным» идеям пролеткультовцев и футуристов, принимал активное участие в полемике 1923 г. о Лефе и формалистах; был убежден, что, как и футуристы, левовцы предлагают «неправильный путь» переоценки ценностей, что в художественном освоении быта как неотъемлемой части самой истории нужно возвращаться к реалистической традиции и отражать современный быт в русле социального реализма Островского — «назад к Островскому», к «театру бытовому и этическому» (*Луначарский А. Об Александре Николаевиче Островском и по поводу его // Газ. «Известия», 1923, 12 апр., № 78, с. 2; 13 апр., № 79, с. 2).* В литературной полемике о пролетарской литературе Луначарский не поддержал идеологов Пролеткульта, считая, что от пролетарских поэтов и прозаиков шедевров не последует, ибо «бесконечно трудно ждать в самом пожаре революции полноценных произведений искусства» (*Луначарский А. Литература и революция // Сб. «Художественное слово», М., 1920, кн. 1, с. 37).* Луначарский не раз выступал на диспутах о футуризме с резкой критикой «утилитарных» концепций современного искусства; отмечал востребованность массовым читателем и театральным зрителем как реалистического искусства, так и романтического: «Надо помнить, что пролетарий, овладев своей страной, хочет также и немного наслаждения, он хочет любоваться красивым зрелищем, он хочет, и в этом он в тысячу раз прав, жить различными сторонами своего сердца и своей души, он хочет прикоснуться к тем вечным вопросам, к тому многообразию страстей и положений, которые отразились в произведениях великих гениев человечества» (*Луначарский А. Революционный театр (Ответ тов. Бухарину) // Журн. «Вестник театра», М., 1919, № 47, 23—26 дек., с. 3).* В статье «Новый русский человек» (1923) Луначарский обращался к левовцам как поборникам НОТа, «чистого интеллекта», рациональных начал и предупреждал: «Солнце нашего идеала должно гореть над нами» (газ. «Известия», 1923, 9 марта, № 53, с. 2). Выдвигать в искусстве на первый план производственные практические задачи означает, по Луначарскому, «рисковать забыть задачи более далекие, но ради которых только и стоит жить. Как бы умным и передовым сторонникам “трудового практицизма” не свихнуться в теорию разумной личности на манер блаженной памяти писаревщины» (Там же). В докладе на IV Всероссийском съезде работников искусств Луначарский, говоря о производственном и орнаментальном искусстве, подверг резкой критике теорию и практику конструктивистов и выступил с защитой художественной промышленности, связанной с традициями народного орнамента — «украшающей художественной промышленности» (*Луначарский А. Театр и искусство. О художественной политике // Там же, 1923, 29 апр., № 94, с. 5).* 7 декабря на страницах «Правды» Луначарский так резюмировал свои отношения с

Лефом: «Весь “Леф” считает меня своим отъявленным врагом» (*Луначарский А.* Как нехорошо выходит! (Вроде открытого письма тов. Асееву) // 1923, 7 дек., № 278, с. 2). В декабрьском отклике на книгу Троцкого вопрос о пролетарской культуре был отнесен и вовсе к идеалистическим: «В самом деле, о какой пролетарской культуре мы в настоящее время можем говорить? <...> Какой же серьезный человек станет требовать этого чуда? Можно говорить лишь о том, чтобы класс критически и творчески определил самого себя в годину величайших подвигов, возложенных на него историческими судьбами» (*Луначарский А.* Лев Давыдович Троцкий о литературе // Указ. изд., с. 1—2).

...тов. *Воронский с гордостью указывает, что такое определение искусства давал еще Белинский...*— *Белинский* Виссарион Григорьевич (1811—1948), русский литературный критик. А. Воронский постоянно апеллировал к основным положениям реалистической эстетики XIX в., чаще всего — к работам Белинского: «Поэтому-то и Белинский, и Плеханов, и другие наши учителя не уставали твердить, что поэзия есть истина в форме созерцания, что поэт мыслит образами...» (*Воронский А.* О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях) // Журн. «Прожектор», 1923, № 13, 13 июля, с. 18); «Прежде всего искусство есть *познание* жизни. <...> “Поэзия,— писал еще Белинский,— есть истина в форме созерцания <...> Поэт не украшает действительности, не изображает людей, какими они должны быть, но каковы суть” (из статьи “Горе от ума”). Настоящий поэт, настоящий художник — тот, кто *видит* идеи <...> когда поэт или писатель не удовлетворен окружающей действительностью, он стремится изобразить не ее, а то, каковой она должна быть; он пытается приоткрыть завесу будущего и показать человека в его идеале. <...> это не противоречит определению искусства, как *познания* жизни. <...> И журнал “Красная новь”, и артель писателей “Круг” поставили своей задачей художественное познание жизни. И в этом их особенность и отличие и от “Лефа”, и от журнала “На посту”, и от многих других изданий» (*Воронский А.* Искусство как познание жизни и современность (К вопросу о наших разногласиях) // *Кр. новь*, 1923, № 5, авг.—сент., с. 349—351; 384).

У Гегеля было свое определение искусства.— *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ-идеалист, создавший теорию диалектики познания; рассматривал искусство как одну из форм познания абсолюта, мирового Духа. Согласно Гегелю, «искусство призвано раскрыть *истину* в чувственной форме» и оно разрешает высшую задачу только тогда, когда становится одним из способов «осознания и выражения *божественного*, глубочайших человеческих интересов, всеобъемлющих истин духа» (цит. по: *Гегель Г.-В.-Ф.* Эстетика: В 4 т., т. 2, М., 1969, с. 61, 13—14). Гегелевская «Феноменология духа» и его знамени-

тая формула «все действительное — разумно» оказали определяющее влияние на русскую демократическую критику 30—40-х гг. XIX в., в частности, на эстетику философского реализма В. Белинского. Называя имя Гегеля, Платонов полемически заострял вопрос о генезисе формулы «искусство — познание жизни», напоминал об общеизвестном — идеалистическом философском ядре эстетики Белинского и таким образом указывал на подмену смыслов в гегелевском понятии «истина» и «идеал». (Тема «Белинский и Гегель» широко освещалась в многочисленных исследованиях этого десятилетия; в 1923 г. вышла книга Г. Плеханова «Белинский. Сборник статей», включавшая статью «Белинский и разумная действительность», посвященную гегельянству критика.)

...к выходящей в скором времени книжке тов Горлова...— Горлов Николай, ответственный работник Московского комитета партии, критик-коммунист; указан в числе постоянных авторов журнала «Октябрь мысли», в № 2 опубликована статья Н. Горлова «Быт и культура классов» (с. 26—29), в которой был дан лаконичный «классовый» ответ на вопрос о переиздании русской классики: «Это значит: “Хочу старого быта, хочу своей собственной смерти”» (с. 29). Литературно-критические работы Н. Горлова обсуждались в 1923 г. в самых разных московских кругах. О «ненапечатанной еще работе т. Горлова» писал Л. Троцкий, указывая, что предложенная Горловым схема интернационального генезиса футуризма «ошибочна» и что т. Горлов «неправильно» отождествляет футуризм с пролетарской поэзией (*Троцкий Л. Футуризм // Газ. «Правда», 1923, 25 сент., № 216, с. 3*). Отмечает появление «интересной», но еще не опубликованной статьи «ответственного работника РКП тов. Горлова» Н. Чужак (*Чужак Н. Плюсы и минусы // Журн. «Леп», 1923, № 3, с. 28*). В выпущенной Госиздатом в начале 1924 г. книге «Футуризм и революция (Поэзия футуристов)» Горлов продолжал отстаивать «ошибочную» позицию, доказывал типологическую связь русского и итальянского футуризма и писал о положительном влиянии футуризма на будущее развитие пролетарской литературы. «Пролетарская поэзия окрепнет тогда, когда пройдет через футуризм и усвоит все уже далеко не малые его революционные завоевания...» (*Горлов Н. Футуризм и революция (Поэзия футуристов)*. М., 1924, с. 85). Данных о выходе книги «Искусство — эмоция класса» не обнаружено. В разделе хроники № 1 «Октября мысли» (с. 82) сообщалось, что 28 декабря 1923 г. на общем собрании общества «Октябрь мысли» Н. Горловым был прочитан доклад на тему «Искусство — эмоция класса», и давалось краткое его резюме: «Искусство противопоставляется науке, как образ — понятию и чувство — мысли. Искусство — общественная (вернее, классовая) эмоция, наука — общественная

мысль. В произведениях искусства мысль играет служебную роль по отношению к эмоции. <...> Смычка эмоции с идеей совсем не обязательна в произведениях искусства».

С. 260. *Статья тов Чужака ~ критика Маяковского за отход от производственной линии.*— Речь идет о статье «К задачам дня (Статья дискуссионная)» (№ 2, с. 145—152). Статья напечатана в разделе «Теория» и посвящена анализу «практики искусства дня» (Там же, с. 145). Чужак был последователен в отстаивании теории «производственничества», считал, что между искусством-познанием и искусством-жизнестроением невозможен никакой компромисс. Неполноценной и недостаточной с точки зрения «производственничества» является, по Чужаку, любая форма искусства, которая лишь внешне и со стороны «хотя бы самым авангардным образом» *аккомпанирует* реальной жизни: «Искусство, как аккомпанемент,— пусть даже самый революционный,— *есть ничто перед задачей самого активного слияния с процессом производства*» (Там же, с. 152). Исходя из этой установки, Чужак объявил неполноценным агитационное искусство. Однако особой критике подверглась лирическая поэзия Маяковского: Чужак призвал Маяковского платить «по выданным производственным векселям», а опубликованную в № 1 поэму «Про это» назвал «чувствительным романом» и «шагом назад» не только по сравнению с «Окнами РОСТА», но и с произведениями 1914 г. Резюме Чужака по поводу финала поэмы: «...это — вера *отчаяния*, от “некуда деться”, и очень далекая от вещных прозрений 14-го года. *Не выход, а безысходность*» (Указ. соч., с. 151). Оценка Чужака была оспорена в следующем номере «Лефа» Н. Горловым, который предлагал прочитать поэму «Про это» как «кризис поэта»: «Она носит двойственный характер: в ней Маяковский хорошо бьет быт, но и быт хорошо бьет Маяковского. В поэме Маяковский разделился пополам и Маяковский-революционер оказался на побегушках у Маяковского, пришедшего “из-за семи лет”. Любовь, когда-то поднимавшая Маяковского до революции, теперь шарахнула его вниз к медведю. Старая любовь это тот *быт*, которого не преодолел Маяковский. Но ведь это, пожалуй, самое трудное» (Горлов Н. Леф, преодолевающий слово, и слова, преодолевающие Леф // 1923, № 3, с. 15).

Статья того же тов. Чужака — в третьем номере — полемическая.— Речь идет о статье «Плюсы и минусы (Радость и опасения “по поводу”» (№ 3, с. 28—33). Напечатана в разделе «Программа». Вскоре после публикации статьи Чужак заявил о выходе из редколлегии журнала, так как содержание художественного отдела журнала все более противоречило его теории,— «по причинам принципиальных и организационных разногласий» (№ 4, с. 212; в разделе «Факты»). Рецензируя журнал в январе 1924 г., Платонов никак не комментирует уже состоявший-

ся разрыв Н. Чужака с Лефом. В оригинале цитируемый Платоновым текст выглядит следующим образом:

«...левый фронт искусства переживает глубокий *внутренний* кризис. Идет почти открытая уже борьба двух составных элементов:

старого футуризма, — додумавшегося — головой и под воздействием извне — до производственничества искусства, но отдающего производству только технику левой руки и явно путающегося меж производством и мещанской лирикой, — и:

производственнического Лефа, пытающегося сделать из теории — пока еще корявые и робкие, но — уже актуально-практические выводы, и — это особенно важно — ставящего ставку не на индивидуальное и неизбежно яческое искусство спецов, а на идущее с низов и лишь нуждающееся в оформлении — творчество массы.

Помочь производственническому крылу Лефа привлечением к нему спокойно-деловитого внимания и влитием живых и свежих сил, заинтересованных в выравнивании путей искусства в сторону сращения с жизнью, значит: способствовать скорейшему выявлению искусства, нужно-го рабочему классу» (№ 3, с. 31—32).

Чрезвычайно нужная статья тов Арватова... — Арватов Борис Игнатьевич (1896—1940); с 1918 г. член научной коллегии Всероссийского Пролеткульта, социолог искусства; участвовал в изданиях Пролеткульта и «Кузницы», член группы Леф; автор книг «Искусство и классы» (М.; Пг.: Госиздат, 1923); «Искусство и производство» (М.: Пролеткульт, 1926), «Социологическая поэтика» (М.: Федерация, 1928). В разработке проекта «производственной эстетики» искусства шел за «Тектологией» А. Богданова (см.: *Мазаев А. И.* Указ. соч., с. 230—267). В рецензии речь идет о статье Арватова «Маркс о художественной реставрации» (№ 3, с. 76—96). Проводя аналогию между идеологическими и социально-экономическими явлениями, Арватов, как всегда, апеллировал к работам К. Маркса: «Нельзя подойти к проблеме пролетарского искусства, не решив сначала вопрос о социальных корнях и социальном смысле художественной иллюзии. Иллюзия может существовать в самых разных видах, и было бы чрезвычайно важно установить, является ли она монополией искусства и притом вечной его монополией, или же это “средство самообмана” представляет собой общее явление, но только на известной ступени исторического развития, вместе с которым оно неизбежно исчезнет. <...> *реставрационная форма эстетической* иллюзии или т. н. “пассеизм” рассматривается Марксом, как *один из возможных* случаев реставрационного обмана вообще» (№ 3, с. 88, 93). Арватов считал ошибочной ориентацию на классическое наследие прошлого, был убежден, что для революционного пролетариата опасны как идеалы, так и формы прошлого искусства: «...для того, чтобы победоносно

завершить свою революцию, революцию великого прыжка из царства необходимости в царство свободы, — рабочий класс вынужден будет освободиться от всех пут, так или иначе связывающих его, и прежде всего от пут, притягивающих его к прошлому, т. е. от пут традиции. “Традиции всех умерших поколений”, — этот, по терминологии Маркса, кошмар, тяготеющий над “мозгом живущих”, — должны быть низвергнуты революционным пролетариатом, если он хочет победить» (№ 3, с. 95). Введенное Арватовым понятие «художественной реставрации» базировалось на марксовом анализе истории французской революции (статья К. Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» и «Введение к критике политической экономии»).

«немарксистскость» назадовых лозунгов. — Речь идет о лозунге Луначарского «Назад к Островскому», ставшем одной из постоянных мишеней Лефа: «Мы дадим организованный отпор тяге “назад!”, в прошлое, в поминки. Мы утверждаем, что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы» (Леф и МАПП // Журн. «Леф», 1923, № 4, с. 3).

Пolemические статьи тов. Горлова ~ ответ тт. Сосновскому и Троцкому... — Речь идет о статьях Н. Горлова «Леф, преодолевающий слово, и слова, преодолевающие Леф» (№ 3, с. 17—21), «О футуризмах и футуризме (По поводу статьи тов. Троцкого)» (№ 4, с. 6—15), посвященных анализу критических рецензий и откликов на первые номера журнала «Леф». Печатались в разделе «Программа». Сосновский Лев Семенович (1886—1937), член Президиума ВЦИК (1918—1924), зав. агитпропом ЦК РКП(б) (1921). В 1918—1924 — главный редактор газеты «Беднота». Печатался в «Правде», «Известиях», «Рабочей газете» и др. Указан в списке постоянных сотрудников «На посту» (1923, № 1); один из последовательных критиков теоретической платформы и художественной практики Лефа (см.: Довольно маяковщины // Газ. «Правда», 1921, 8 сент., № 199, с. 2; Желтая кофта из советского ситца // Там же, 1923, 24 мая, № 113, с. 2; Первый пролетарский поэт Демьян Бедный // Журн. «На посту», 1923, № 1, стб. 119—132; О якобы революционном словотворчестве // Там же, № 2/3, стб. 247—250). Особый гнев у левовцев вызвал фельетон «Желтая кофта из советского ситца». В очередной раз обыгрывая заумное словообразование «згара-амба» из опубликованного на страницах «Лефа» стихотворения В. Каменского «Жонглер», Сосновский высмеял претензии футуристов на революционность и поставил вопрос о правомерности государственной поддержки журнала «Леф»: «Пусть себе юродствуют и кувыркаются. Но, во-первых, пусть делают это за свой счет или за счет своих почитателей, а не за казенный счет. Во-вторых, пусть над “згара-амба” не красуется марка рассадника просвещения, нашего Госиздата» (газ. «Правда», 1923, 24 мая, № 113,

с 2) Претензии Сосновского Горлов переадресовал их автору, также выдвинув против критика футуризма политические обвинения: «Для т Сосновского “священны” слова: *народы, свободы, пламя, знамя и красный*. <...> С каких это пор пролетарское слово *класс* вы променяли на буржуазное слово *народ*, и большевистское слово *диктатура* на учредилловское *свобода*?»; «Почему же Сосновский сердится на футуристов, а не на революцию?» (№ 3, с. 20). Ответ редколлегии «Лефа» на критику Сосновского был дан в статье «Крит-халтура» (№ 4, с. 22—26. Подпись. *Леф*).

Л. Троцкий посвятил футуристам и Лефу нескольких выступлений. Вопросы, поставленные теоретиками Лефа, утверждал Троцкий, актуальны, однако, «к несчастью, подход к этим вопросам окрашивается у Лефа в цвет утопического сектанства» (См.: *Троцкий Л. Футуризм* // Газ. «Правда», 1923, 25 сент., № 216, с. 2). Ответ Троцкому выдержан у Горлова в более мягких, чем ответ Сосновскому, тонах: критик благодарил Троцкого за своевременность постановки вопросов быта («Тов. Троцкий своими статьями о быте, культуре и искусстве поднял почти девственную новь < .>; партийная мысль получила добрую сотню хороших толчков» // Указ. изд., № 4, с. 6), оценки футуризма и Маяковского назвал «несправедливыми», а отношение Троцкого к теме искусства и быта «неопределенным»: «В настоящий момент действительно для нас только такое искусство, которое *целиком оттолкнулось от старого быта*, которое сожгло старые идеологические мосты и эстетические корабли»; «Искусство нынешнего дня это — не анализ, а синтез, не портрет кирпича, а план здания» (Там же, с. 11).

Статьи тов. Третьякова...— Третьяков Сергей Михайлович (1892—1939), поэт, драматург, очеркист; до революции входил в группу кубофутуристов, активный участник «производственного» движения, руководитель ЛИТО московского Пролеткульта; теоретик и практик революционного эксперимента в искусстве, член группы Леф; автор статей, опубликованных в разделе «Теория»: «Откуда и куда» (№ 1, с. 192—203), «ЛЕФ и НЭП» (№ 2, с. 70—78), «Трибуна Лефа» (№ 3, с. 154—164). В рецензии речь идет о статье «Трибуна Лефа», в которой был дан развернутый и самый остроумный «ответ» критикам журнала: обвинения «Лефу» были набраны жирным шрифтом и каждое вставлено в рамочку (в этом номере журнала, открывающегося передовой «Леф, к бою!», большое место заняли «ответы» Сосновскому и другим критикам позиции «Лефа»). Третьяков доказывал положительное значение футуризма и опоязовских идей о правомерности затрудненного поэтического языка, что вполне согласовывалось с программой «производственности» и лефовским отношением к культуре прошлого: «В отношении к старью полезно не забывать: старье навоз, но не пища»; «ЛЕФ может не звать в

прошлое, ибо перед ним несомненное и неизбежное будущее. И основной задачей ЛЕФА является — углубить до предельной возможности классовую траншею военных действий искусства. Не уставать повторять, что каждая буква и штрих, каждый жест и тема в процессе потребления выполняет либо революционную работу, либо контрреволюционную; реорганизует психику работников к максимальной производительности, изобретательности, целевой устойчивости, или же расслабляет ее, создавая эстетические перерывы в практике, и тем самым противопоставляет эстетическую иллюзию конкретной живой действительности» (№ 3, с. 78).

...*статьи специальные. Тов Винокура — о языке; о них уже очень много писалось и говорилось за последнее время — Винокур* Георгий Осипович (1896—1947), профессор, лингвист, автор трудов по истории русского литературного языка; в молодости примыкал к Опоязу (Общество по изучению поэтического языка). В рецензируемых номерах журнала помещены следующие статьи Г. Винокура: «Футуристы — строители языка» (№ 1, с. 204—212), «Революционная фразеология» (№ 2, с. 104—118), «Поэтика, лингвистика, социология» (№ 3, с. 104—113), «О пуризме» (№ 4, с. 156—171). Статьи печатались в разделе «Теория». Г. Винокур также выступал рецензентом современных работ по лингвистике и поэтике (раздел «Книги»). В 1921—1924 гг. работы опоязовцев широко обсуждались на страницах центральных газет, а также журналов «Литературные записки», «Печать и революция», «Красная новь», «Красная нива»; почетное место работы формалистов занимали и на страницах «Лефа» (см.: *Брик О. М.* Т. н. «формальный метод» // № 1, с. 213—251; *Винокур Г.* Новая литература по поэтике (Обзор) // Там же, с. 239—243; *Цейтлин А.* Марксисты и «формальный метод» // Там же, № 3, с. 114—130 и т. д.).

С. 261. *Статья тов. Дзиги Вертова... — Дзига Вертов* (Вертов Денис Аркадьевич, 1896—1953), советский кинорежиссер, новатор в области документальной кинематографии, первым применил монтаж в кинохронике. В 1923 г. в № 3 журнала «Леф» опубликована статья-манифест Д. Вертова «Киноки. Переворот» (с. 135—143), доказывающая способность кинокамеры видеть и показывать мир с неизвестной до того яркой и необычной силой изображения.

Статья Шкловского... — Шкловский Виктор Борисович (1893—1984), прозаик, литературовед, критик; см. также прим. к рассказу «Антисексус» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 558—560, 568—569. Речь идет о статье В. Шкловского «Техника романа тайн» (№ 4, с. 125—155). В СА хранится изданная Опоязом книга Шкловского «“Тристрам Шенди” Стерна и теория романа».

Практика Это тема настолько большая ~ о ней отдельно, уже не рецензией, а специальной статьей...— Речь идет о самом большом разделе журнала — «Практика». В рецензируемых №№ 1—4 печатались произведения В. Хлебникова («Уструг Разина» — № 1, с. 58—60; «Ладомир» — № 2, с. 31—41; «Образ восстанья», «Иранская песня» — № 4, с. 41—44); В. Маяковского («Про это» — № 1, с. 65—103; «Рабочим Курска» — № 4, с. 45—57); Б. Пастернака («Кремль в буран конца 1918 г.» — № 1, с. 53), О. Брика («Не попутчица» — № 1, с. 108—142), И. Бабеля («Из книги “Конармия”», «Из книги “Одесские рассказы”» — № 4, с. 63—80); в № 2 (с. 9—19) — 8 стихотворений под одним заглавием «1-ое мая» (авторы, участвовавшие в данном поэтическом эксперименте: В. Каменский, Н. Асеев, В. Маяковский, П. Незнамов, Б. Пастернак, А. Крученых, И. Терентьев, С. Третьяков). В этом же разделе публиковались работы конструктивистов: книжные обложки и проекты киноавтомобилей (№ 1, с. 106—107), эскизы прозодежды (№ 2, с. 66—67), макеты комбинированной мебели (№ 3, с. 54—55), фотомонтажи (№ 4, с. 42—43) и т. п.

Статья Платонова, посвященная разделу «Практика», в последующих номерах журнала не вышла, возможно, она вообще не была написана. Тем не менее, обещание откликнуться на «практику» «Лефа» Платонов исполнил (см. прим. к рассказу «Антисексус» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 557—560, 570).

«Звезда» — Литературно-общественный научно-популярный журнал. Первый номер готовился осенью 1923 г.; вышел под эгидой Петроградского отделения государственного издательства, без указания редакционной коллегии, с подписью: *Редакционная коллегия* (с. 311) и с обращением «От редакции»: «Возобновляя вековую традицию толстых журналов в Петрограде после пятилетнего перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны, “Звезда” ставит своей основной задачей воспитание новой, выдвинутой революцией, рабоче-крестьянской интеллигенции. Редакция прекрасно сознает всю трудность осуществления этой задачи в сложной обстановке наших дней,— тем не менее она уверенно рассчитывает, что в тесном контакте со своим читателем ей удастся найти правильный путь к ее разрешению. Петроград, ноябрь 1923». Подготовка журнала непосредственно курировалась председателем Петросовета Г. Зиновьевым, о чем сообщала газета «Известия» (1923, 21 дек., № 292, с. 5): «В Петрограде вышел 1-й номер нового толстого журнала. <...> Ближайшее участие в редакции принимает тов. Зиновьев. В первом номере помещены 2 статьи его: “Ленин и национальный вопрос” и “Германия накануне революции”». С № 3 на страницах журнала началась дискуссия о путях развития современной литературы, открывшаяся статьей главного редактора И. Майского «О культуре, литературе и коммунистической партии».

«Возобновляя вековую традицию ~ вызванного эпохой революции и гражданской войны..» — Платонов цитирует открывающее журнал обращение «От редакции».

Когда читаешь список сотрудников журнала, в глаза бросается прозаическое сожительство ~ тов Ленина и, например, Мариэтты Шагинян, тов. Клары Цеткин и Ходасевича или графа Толстого.— Платонов внимательно читает и анализирует «Состав сотрудников», напечатанный в рекламном блоке (без указания страниц). В список включено 49 имен, среди которых деятели партии (В. Ленин, А. Бубнов, Н. Бухарин, Г. Зиновьев, К. Цеткин), академики (П. Лазарев, А. Ферман), пролетарские писатели и попутчики. Оппозиции выстраиваются Платоновым по классовому принципу. Ленин Владимир Ильич, глава Советского государства, см. статью «Ленин», с. 17—18. Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982), поэтесса, прозаик, публицист; активный участник литературной жизни; в 1923 г. на страницах редактируемого А. Воронским журнала «Красная нива» печатался роман М. Шагинян «Приключения дамы из общества» (№№ 48—51). Цеткин Клара (1857—1933), немецкий политический деятель, один из активных деятелей Коминтерна; возглавляла международный женский секретариат Коминтерна; руководитель МОПР. Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939), поэт, прозаик, критик и историк литературы, переводчик; в 1918—1920 гг. читал лекции по художественной технике для студийцев Пролеткульта; в начале 1920-х гг. выступал с защитой неоклассического, пушкинского пути русской литературы; последовательный критик футуризма и формализма. С 1922 г.— в эмиграции; продолжал сотрудничать и публиковаться в журналах и издательствах Советской России. «Леф» и «На посту» единым фронтом выступили с осуждением Госиздата, выпустившего в 1922 г. книгу Ходасевича «Тяжелая лира». Стихи «Тяжелой лиры», писал Н. Асеев, «двусмысленны и тяжеловесны» («Леф», 1923, № 2, с. 161; раздел «Книги»). Ходасевич — «герой не нашего времени», утверждал один из ведущих теоретиков-напостовцев С. Родов и переводил вопрос в практическую плоскость: «Как могло случиться, что эти книги изданы Госиздатом» (*Родов С.* «Оригинальная» поэзия Госиздата // Журн. «На посту», 1923, № 2—3, стб. 159). Толстой Алексей Николаевич (1882—1945), прозаик, драматург, с 1919 г. в эмиграции, жил в Париже, затем в Берлине; в августе 1923 г. вернулся в Петроград; о разрыве А. Толстого с белоэмиграцией и возвращении в Советскую Россию сообщалось во всех центральных газетах. В 1923 г. Госиздатом было выпущено пять книг А. Толстого: «Лунная сырость», «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)», «Дикое поле», «Под старыми липами», «Приворот» (в этом же году во второй книге альманаха «Недра» печатается повесть «Рукопись, найденная под

кроватью»). «Граф Толстой» являлся одной из постоянных мишеней пролетарской критики: «О творчестве А. Н. Толстого и К^о, за последние годы, не стоило бы и говорить, если бы кой у кого не существовала навивная вера в возможность действительной “Смены Вех”, — в сторону пролетарского строительства жизни, со стороны тех или иных буржуазных писателей. Для нас ясно, что всякие Толстые, как бы они ни меняли свои вехи, останутся бывшими писателями. новая жизнь чужда их пониманию, а копаться в гнилом отребье прошлого для нас бесполезно. <...> Приходится сожалеть, что подобная литература (с позволения будь сказано) издается Госиздатом» (*Берсенева*. Лунная сырость // Журн. «На посту», 1923, № 1, стб. 188); «Алексей Толстой, аристократический стилизатор старины, у которого графский титул не только в паспорте, но и в писательской чернильнице, одарил нас “Аэлитой”, вещь слабой и неоригинальной» (*Лелевич Г.* 1923 год. Литературные итоги // Там же, 1924, № 1, стб. 79). Проза Толстого начала 1920-х гг. входила в круг внимательного чтения Платонова (ср. первое заглавие повести «Детство Никиты» с заглавием написанного в 1924 г. в соавторстве с М. Бахметьевым «Рассказа о многих интересных вещах»). В *СА* сохранились издания повестей А. Толстого: «Похождения Невзорова или Ибикус» (из Собрания сочинений, изданного Госиздатом в 1923 г.) и «Рукопись, найденная среди мусора под кроватью» (Берлин, 1923). На титульном листе последней к заглавию сделана приписка Платонова: «...и брошенная туда обратно».

С. 262. *Граф, как и подобает графу, описывает ~ Парижи.* — В рецензируемом журнале был опубликован рассказ А. Толстого «Парижские олеографии» (с. 7—20), позже выходявший под названием «Убийство Антуана Риво».

...*бывшие «пуало»* — Poilu (фр) — косматый, волосатый. Вероятно, слово здесь использовано в значении, распространенном в годы Первой мировой войны: солдат-фронтвик; более широкое значение: парень, мужик.

...*о казни Марии-Антуанетты совсем нехстати рассказано.* — Имеется в виду очевидная толстовская параллель двух революций, французской и русской, безжалостных в расправе с царствующей династией. *Мария Антуанетта* (1755—1799), французская королева, жена Людовика XVI (1754—1799; казнен по приговору революционного Конвента сразу после победы революции) была обвинена в организации контрреволюционного заговора и казнена. Семья последнего русского императора Николая II была расстреляна в Екатеринбурге в 1918 г.

Дальше — Николай Никитин ~ Рассказ о старых офицерах... — *Никитин* Николай Николаевич (1895—1963), прозаик; профессиональную литературную деятельность начал в 1920 г. в студии Дома Искусств в

Петрограде; входил в группу «Серапионовы братья»; широкую известность принесла Никитину повесть «Рвотный форт» (1921), после публикации которой о Никитине заговорили как о представителе «новой прозы». С 1922 г. печатался в журнале «Красная новь»; член правления издательства «Круг», где в 1923 г. вышел его сборник рассказов «Бунт». В рецензии речь идет о повести Н. Никитина «Полет»; в № 1 была опубликована ее первая часть (с. 32—65) Повесть посвящена событиям революции; в ней рассказывается о двух офицерах Фирсове и Климовиче, втянутых в водоворот «метельных» событий революции и любовно-эротических страстей; повесть построена по «методу Пильняка» — на смещении планов, на символических рефренах-повторах, включении в ткань текста документальных фрагментов; автор повести восхищается стихийной силой революции, находит особую красоту в варварстве и жестокости осуществляемого ею «отбора».

...советскому литератору, попутчику из Круга... — Издательство «Круг» образовано летом 1922 г. по инициативе А. Воронского, который был назначен ЦК РКП(б) ответственным за организацию нового государственного издательства, названного по его предложению «Круг». Большинство авторов, издававшихся в «Круге», печатались в «Красной нови». В 1923 г. в «Круге» вышли книги Вс. Иванова, Л. Леонова, М. Пришвина, Л. Сейфуллиной, Н. Никитина, Н. Тихонова, А. Белого, Б. Пильняка, М. Зощенко и др. (См.: *Воронский А. К* Из переписки с советскими писателями // Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. Литературное наследство, т. 93, М., 1983, с. 534—536).

«У меня узкий круг ~ Пушкин назвал “младым и незнакомым”». — Сокращая при цитировании текст авторского предисловия, Платонов несколько утрирует его «реакционность». В оригинале предисловие выглядит следующим образом:

«У меня узкий круг некоторой части старого царского офицерства. Война, революция, исход развеяли их, как песок, революция им не была *своей*, организм этой группы прогнил насквозь, и они вывалились из нашей жизни, как из мешка, *вылетели* Но скверная привычка — “я”, им хочется быть актуальными, им кажется, что это полет.

Молодая Россия, о которой говорит в повести доктор, — растет. Вот почему я не стенаю и не плачу.

Если из “150 миллионов” вывалится 1% зараженного общественной гангреной, нужно уметь быть жестоким и не жалеть ненужного. Это — отсохшее, что отсекается само собой. Повестью я их регистрирую как покойников. Об их судьбе — странной и скучной — мне хотелось здесь рассказать. Это точка им — и для меня, автора — чтобы мог теперь после точки сказать о радости нового, чтобы обменяться приветом с тем племенем, кого еще Пушкин назвал “младым и незнакомым”».

Совершенно игнорируя сюжетную конструкцию произведения, Платонов подчеркивает свою отрицательную оценку намеренно небрежным цитированием вразброс, в результате чего создается впечатление полной невразумительности текста оригинала. Помимо этого, в ряде случаев текст цитируется неточно.

Ср. сцену с политкомом (1-я цитата) и текст оригинала:

«Над Фирсовым наклонился комиссар, поглаживая его по плечу.

— Милый, с жизнью надо по дороге, а не в сторону.

— Да?.. Это вы Климовича научите, я знаю.

Лепукалн — ходил ясно, капельку хмельной, пошатываясь радостно, разыскивая глазами Климовича. И найдя, шепнул ласково.

— И Климовича научу... что ж... Любовник... А, любовник?

И только хотел он к Климовичу наклониться, как Климович бешено отскочил от него. И сжал брезгливо бороду в горсть.

— Отстаньте. От вас разит пивом» (с. 56).

2-я цитата в рецензии дана с опечаткой, ср.:

«Когда он <Фирсов> вернулся домой, Климович сидел у стола и переречерчивал съемки осенних маневров. <...> И его черные глаза (затянутые мохнатыми, как у зверя, ресницами), любившие смеяться, но не умевшие говорить, уперлись в Фирсова» (с. 58—59).

Речь политкома на митинге в честь дивизионной годовщины (3-я цитата) в оригинале дана в восприятии офицера Фирсова, который различает лишь отдельные долетающие до него фразы:

«— “Мы вспомним исторические переживания”...

“недовольство внутри того строя, который мы с вами переживали”...

“эту нить проделали рабочие и красная армия”...

“с гордостью восстановились”...

“с гордостью бьемся в бою, переживая тяготы и лишения”...

“С гордостью — с гордостью”...— летели слова шлепками, густыми и черными, будто подбрасывали лопатой землю» (с. 35).

4-я цитата (Фирсов за обедом) неточна, напечатано «в газеты был завернут хлеб» вместо «в газету завернут был хлеб» (с. 37).

«Кривой Кочеток» (5-я цитата) — дореволюционное название бывшего имениа семьи Климовича. Цитата — фрагмент размышлений Климовича:

«И я не хочу знать, что Кривой Кочеток, когда пришла революция, назвали иначе.

Кривой Кочеток, как ни назови, останется всегда Кочетком, так же, как останутся на террасе дома четыре колонны, залосканные — будто о них терлись сальные борова» (с. 39).

6-я цитата (портрет квартального Фонарикова) дана с пропуском, ср.:

«Он идет мимо Уездкома, Отнаробра — и прочих, и прочих правящих мест. За плечами винтовка, в снегу тяжелые вятские валенки, и с красной звездой на левом боку у сердца — на полушубке, с красной звездой, заточённой в овал скрестившихся веток.

У него нет лица, потому что не надо ему лица» (с. 45).

7-я цитата — описание обстановки квартиры портного Бурштейна (с. 45).

С. 264. *Остальная беллетристика бесцветна и так же «кругла»...* — Обыгрывается название издательства «Круг». Помимо произведений А. Толстого и Н. Никитина в журнале напечатаны рассказы С. Семенова («О чем рассказывал мне Сакре (Лопарские легенды)» — с. 21—30), проза Жоржа Д'Эспарбеса («Лики революции» — с. 67—81; перевод с фр.) и В. Муйжеля («Повстречались» — с. 82—96).

«Пролетарский» поэт Илья Ионов пишет... — *Ионов Илья* Ионович (наст. фам. Бернштейн, 1887—1942), профессиональный революционер, каторжанин, поэт, в советское время — один из руководителей издательского дела; председатель правления издательства Петросовета; в 1924 г. — заведующий Государственным издательством РСФСР, по его приказу было закрыто издательство «Всемирная литература»; в 1928—1929 гг. — заведующий издательством «Земля и фабрика»; в 1937 г. репрессирован. Платонов не без язвительности напоминает об ином периоде творчества Ионова, когда тот писал стихи на популярные «пролеткультовские» темы («На заводе» (1918), «Кузнец» (1918)), участвовал в создании новых песен (слова для мелодекламации «Слушайте...»), печатался в журнале «Грядущее», участвовал в изданиях библиотеки Пролеткульта и т. п. В № 1 «Звезды» опубликованы сонеты И. Ионова «Дорога на Джиналь», «Джиналь», «Ах, в книге много букв, как много дней в столетях...» (с. 99—101). Платонов цитирует стихотворение «Ах, в книге много букв, как много дней в столетях...», отмеченное явным влиянием петербургской школы поэтов (Н. Гумилева, Г. Иванова, В. Ходасевича).

...Ходасевич пишет совсем просто... — В журнале напечатано стихотворение В. Ходасевича «Гляжу на грубые ремесла...» (с. 102), которое и цитирует (весьма вольно) Платонов, обыгрывая понятие «простой» в первой и последней строфе стихотворения.

Вот примерный словарь четырех «звездных» поэтов ~ И еще словарь эпитетов... — Помимо произведений И. Ионова и В. Ходасевича, в журнале напечатаны стихотворение пролетарского поэта И. Садофьева («Два брата» — с. 97—98) и сонеты Жозе Эредиа («Раковина», «Смерть орла», «Пастухи», «Пахарь» — с. 103—106). В составлении «словарей» Платонов использует методику социологического анализа поэтических приемов, предложенную Б. Арватовым (см.: *Арватов Б.* Контрреволю-

ция формы (О Валерии Брюсове) // Журн. «Лэф», № 1, с. 215—230). Словари архаизмов, эпитетов и мифологических образов лирики Брюсова позволили Арватову сделать важный для «производственников» вывод не только об «архаизме приемов» Брюсова, но и о смысле подобного поэтического реставраторства: «Брюсов всеми силами тащит сознание назад, в прошлое; он переделывает революцию на манер греческих и других стилей, — приспособливает ее к вкусам наиболее консервативных социальных слоев современности» (Там же, с. 230). Методикой Арватова широко пользовались и другие авторы «Лефа» (см. в рецензируемых номерах. *Винокур Г.* Игра в науку // № 2, с. 158—159; *Силлов В.* Расея или РСФСР (Заметки о пролетарской поэзии) // № 2, с. 119—129). Словари, составленные Платоновым, охватывают все без исключения поэтические тексты; при этом никак не оговаривается, что преобладающее число «красивостей» и все имена мифологических персонажей принадлежат сонетам Жозе Эредиа (см. ниже). Кроме того, обнаруживается ряд неточностей: вместо слов «лихолетье» и «стан» в словаре появляются «лиходей» и «стон», вместо «гнусная плата» — «гнусная плита». Возможно, это простые опечатки.

С. 265. ...такую загадку из *X. М. Эредиа*... — *Эредиа* Жозе Мария де (1842—1905), французский поэт, участник группы «Парнас». В журнале напечатаны сонеты «Раковина», «Смерть орла», «Пастухи», «Пахарь» из книги Ж. М. Эредиа «Трофеи» (1893), перевод с французского Д. Глушкова; Платонов цитирует «Смерть орла». Возможно, определенную роль в появлении данной публикации на страницах «Звезды» сыграло имя переводчика. Дмитрий Глушков (1884—1918), революционер, поэт; в 1915 г., находясь в ссылке, организовал выпуск рукописного журнала политических ссыльных «Елань», одним из участников этого журнала был И. Ионов. Переводческая деятельность Д. Глушкова — первый полный перевод книги Ж. М. Эредиа «Трофеи» — была высоко оценена Ф. Зелинским, В. Брюсовым.

Эдип — в греческой мифологии сын фиванского царя Лая; отгадал загадку чудовищной Сфинкс, обосновавшейся вблизи Фив, после чего Сфинкс бросилась с горы вниз и разбилась. В благодарность за избавление Фив от продолжительного бедствия фиванские граждане сделали Эдипа своим царем.

Петрогосиздат — Петроградское отделение Государственного издательства РСФСР.

«На посту» — ежемесячный литературно-критический журнал (изд-во «Новая Москва»), выходил под редакцией Б. Волина, Г. Лелевича, С. Родова. № 1 вышел в июне 1923 г.; № 2/3 — в сентябре—октябре; № 4 — в ноябре. Всего вышло шесть номеров журнала. В списке сотрудников «На посту» значатся: Л. Авербах, Д. Бедный, А. Безыменский,

А. Бубнов, И. Вардин, Бор Волин, Г. Деев-Хомяковский, Л. Каменев, М. Кольцов, В. Нарбут, В. Плетнев, В. Попов-Дубовский, К. Радек, С. Родов, А. Серафимович, Л. Сосновский и др. Журнал являлся органом Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП).

В открывающей № 1 статье «От редакции» были определены стратегия и тактика борьбы за пролетарскую литературу: «Прежде всего, пролетарской литературе необходимо окончательно освободиться от влияния прошлого и в области идеологии, и в области формы» (стб. 6); «Мы будем бороться с теми стародумами, которые в благоговейной позе, без достаточной критической оценки, застыли перед гранитным монументом старой буржуазно-дворянской литературы и не хотят сбросить с плеч рабочего класса ее гнетущей идеологической тяжести» (стб. 8); «Ясная, твердая, строго выдержанная коммунистическая линия в художественной литературе будет руководящим принципом нашего журнала» (стб. 8).

...с гордостью объявляет журнал «заезжательским» — Речь идет о статье *Б. Волина* «Большевики-заезжатели» (№ 4, стб. 11—28). Статья явилась ответом на упреки оппонентов в том, что журнал «употребляет совершенно недопустимый тон по отношению к критикуемым авторам». Рассматривая в статье историю борьбы партии с различными уклонами («История заезжательства»), Волин доказывал, что «На посту» всего лишь продолжает в области литературы старую большевистскую линию и теми методами и приемами, которые были всегда свойственны большевикам в борьбе против всяких «идеологических уклонов в нашей собственной среде»: «Мы — со всеми революционными марксистами, в горячих полемиках отстаивавших верность партийной линии и цельность марксистского мирозерцания» (стб. 27).

...писателей враждебных пролетариату — *Пильняков*, «круглую» компанию и прочих *Ходасевичей*. — Речь идет о писателях-попутчиках, публиковавшихся в возглавляемом Воронским издательстве «Круг» В № 1 «На посту» опубликован цикл статей, посвященных критике Воронского, попутчиков и политики Госиздата: «Литературная пильняковщина» (стб. 149—150. Подпись: *М. П.*); «Деревня в современной литературе. 1. Глазами Пильняка» (стб. 153—158. Подпись: *Деревенский*); «Классическое и классовое» *А. Тарасова-Родионова* (стб. 61—94) и др. Классовая линия размежевания в литературе была проведена без каких-то полутонов: «В литературе, искусстве, культуре есть теперь не правый и не левый фронты, а фронты реакционный и революционный < > Нейтральных не может и не должно быть» (От редакции // Там же, стб. 9—10), «С одной стороны, последние представители старой упадочной, реакционной, контрреволюционной, буржуазной литературы, последние могикане старого мира до конца враждебные рабочему клас-

су и революции <...>. *С другой* — пролетарская литература, всеми нитями связанная с пролетариатом и его борьбой, до конца преданная рабочему классу и революции <...> *Примирения между этими двумя сторонами нет и не может быть; здесь каждый друг другу — враг, как враги до смерти эти классы*» (Родов С. Под обстрелом // Там же, стб. 26). Пильняк Борис Андреевич (1894—1938) — прозаик, активный участник литературной жизни 1920-х гг., один из идеологов «новой прозы»; постоянный объект критики «На посту»: «В конце концов, *Воронскому мало дела до классиков. Он хлопочет все* о том же “брате” Пильняке и других “братьях” их, обанкротившихся...» (Родов С. Под обстрелом // Указ. изд., стб. 20); «Пильняковщина, несомненно импрессионистски острое описание “углов” революционного быта, его задворок, возникших в железном беге революции навозных куч и помойных ям. Кривое и сильно увеличенное описание гнойников — это типичный для попутчиков <...> тематический материал <...>. У Пильняка его философские рассуждения путаны, но *никогда* они не сходятся с идеологией пролетариата — они всегда *против* него. Впрочем, не для пролетариата они и пишутся» (Зонин А. Надо перепахать (О литературном отделе «Красной нови») // Там же, 1923, № 2/3, стб. 217, 219). *Ходасевич* — см. выше, с. 449, 453.

Второй способ «с оговорочками». — Платонов обыгрывает стиль рецензий журнала, ср.: «Конечно, не полным голосом, намеками, с оговорочками футуристы излагают свою родословную» (Родов С. Как Леф в поход собрался // № 1, стб. 33).

...«*клеветник*» Брик... — Брик Осип Максимович (1888—1945), критик, теоретик литературы, член редколлегии журнала «Леф». Опубликованный в № 1 «Лефа» рассказ О. Брика «Не попутчица» стал одним из объектов критики напостовцев: «неудачная попытка красного бульварного романа» (Родов С. Как Леф в поход собирался // Там же, № 1, стб. 44); «...эта рвотная литература искажает революционную действительность, пасквильничает, утрирует факты и типы и клеветает, клеветает, клеветает без конца и без зазрения совести на революцию, революционеров, на партию и на коммунистов», «лаконичная пошлятина» (Воллин Н. Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик // Там же, стб. 10, 23). Рассказ «Не попутчица» посвящен модной в то время теме «разложения» коммуниста, попавшего в буржуазную, нэпманскую среду. Примитивный по содержанию и форме рассказ Брика вызвал резкие критические отклики не только среди напостовцев; в «Лефе» (№ 2, с. 69) против публикации рассказа выступал Н. Чужак.

...«*згара-амба*»... — Словообразование из стихотворения В. Каменского «Жонглер» (опубл. в журн. «Леф», 1923, № 1, с. 45—47; раздел «Практика»), один из постоянных примеров во всех критических анти-

лефовских выступлениях. Анализ стихотворения дается в статье С. Родова «Как Леф в поход собрался» (№ 1, стб. 43—45).

С. 266. ...«индивидуализм» Маяковского ..— Разоблачению индивидуализма Маяковского посвящена статья Г. Лелевича «Владимир Маяковский (Беглые заметки)» (№ 1, стб. 133—148), где доказывается, что Маяковский является «представителем богемы», «интеллигентного люмпен-пролетария» (стб. 136), и потому претендовать на звание борца с мешанством ему не позволяет «прущий из каждой строки индивидуализм (вернее, инфра-индивидуализм)» (стб. 137) (названия глав статьи: «Один как перст», «Госпожа истерика», «Я, Маяковский!», «Я, маяковский, И РЕВОЛЮЦИЯ» и т. п.).

...«Леф — искусство разлагающейся буржуазии».— Одно из давних обвинений в адрес футуризма, с которым выступали пролеткультовцы, затем поэты «Кузницы» и напостовцы; формула данного обвинения воспроизведена в статье С. Родова «Как Леф в поход собрался»: «Вопрос о происхождении футуризма, вопрос о том, является ли футуризм художественным движением, созвучным и содружным политическому движению рабочего класса, или представляет собою продукт окончательного разложения, гниения буржуазного строя, его империалистической стадии...» (№ 1, стб. 31).

Все это мы читали в «Кузнице», в речах тов. Зиновьева, в статьях тов. Сосновского...— «Кузница» всегда оппонировала футуристам, в частности, в понимании коллективизма: «“Мы” в пролетарской литературе вытесняет “Я”, но это не ведет к тому, что всякого рода новаторы выдают за “коллективное творчество”. За переживаниями отдельной личности, героя, чувствуется коллектив — личность как бы воспитала его» (Ляшко Н. Пролетарская литература // Газ. «Кузница», юбилейный выпуск, 1923, янв., с. 6). Выпад в сторону футуризма, литературного течения «осужденного историей», содержался и в декларации «Кузницы» 1923 г.: «Футуризм вырос из крайнего, гипертрофически развитого и в последнем счете сложившегося интеллигентского индивидуализма. Футуризм значило — смертничество, будущий мертвизм. Для него идти вперед — идти к собственной гибели, стоять на месте — значит копаться в крепости техницизма и всяческой заумности» (Декларация пролетарских писателей «Кузница» // Газ. «Правда», 1923, 21 июня, № 136, с. 7). Зиновьев Григорий Евсеевич (1883—1936), профессиональный партийный деятель, председатель Петроградского совета, с марта 1919 г.— председатель Исполкома III Интернационала, редактор журнала «Коммунистический Интернационал»; член редколлегии журнала «Звезда»; в 1923 г.— один из реальных лидеров партии, боровшихся за верховную власть. В политическом отчете на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.) утверждал, что «всякая критика партийной линии, хотя бы так называе-

мая левая, является меньшевистской критикой», а в качестве примера подобной критики напомнил о тезисе «Гегемония без сапог», с которым в 1921 г выступала рабочая оппозиция (Политический отчет — речь тов. Зиновьева // Газ «Известия», 1923, 19 апр., № 85, с. 3). В контексте главных персонажей рецензии также важна связка с именем Сосновского (см. выше, с. 445—446), ссылавшегося в полемике с Лефом на «руководящие статьи» Зиновьева, как одного «вождей» революции (*Сосновский Л* Первый пролетарский поэт Демьян Бедный // Журн. «На посту», 1923, №1, стб. 126). Не исключено, что упоминание о «речах» Зиновьева появляется в рецензии и как отсылка к международной политической ситуации осени 1922 г., которой посвящены статьи Зиновьева, опубликованные в № 1 «Звезды» (см. также выше прим. к статье «Симфония сознания», с. 405—406).

Не становятся они также убедительней и от заявлений тов Родова ~ фраз внешне революционных — Родов Семен Абрамович (1893—1968), пролетарский поэт и критик, теоретик РАППа. Платонов цитирует статью С. Родова «Как Леф в поход собрался» (№ 1), переадресуя, в завершение, самим «постникам» одну из филиппик, направленных в сторону Лефа. В оригинале цитируемый фрагмент выглядит следующим образом:

«Картина ясна. *Футуризм изжил себя*. Анархически-революционный отщепенец класса буржуазии, он впитал слишком много от ее яда и разложения, чтобы оказаться способным на строительство вместе с классом победителем, с пролетариатом. Эстетический бунтарь по существу, разрушитель ради разрушения, он на словах отказался от своих прежних теорий, чтобы под более современным флагом, прикрываясь модными словечками, проводить эти теории как “самые революционные”. Вертясь в колесе собственных противоречий, он *путается сам и запутывает других* в феерической эквилибристике фраз внешне революционных, но часто лишенных конкретного, а иногда и просто логического смысла» (стб. 42—43)

...прочитать статью тов. Чужака. — Имеется в виду статья «К задачам дня (Статья дискуссионная)»; она же отмечена Платоновым в рецензии на журнал «Леф» (см. выше).

На странице 80 того же номера тов Авербах провозглашает... — Авербах Леопольд Леонидович (1903—1939), журналист, член редколлегии журн. «Молодая гвардия», критик, один из руководителей МАПП (затем — генеральный секретарь РАПП). В рецензии речь идет о статье Л. Авербаха «По эту сторону литературных траншей» (№ 1, стб. 79—84). Критикуя Леф за футуристическое прошлое и настоящее, а также за употребление марксистской терминологией, Авербах в то же время видел в левовцах союзников по литературному фронту. «...руководящее ядро “Лефа” даже в том виде, в каком мы его имеем сейчас, при известных ус-

ловиях может стать нашим союзником в борьбе против буржуазной идеологии и литературы. Его лучшая часть идет и придет к нам, зовущим на путь отображения революции, как быта, как действительности, на путь отображения живых людей революционного сегодня» (стб. 80—81).

..«Октябрь» — (это эссе не секрет) — тот эссе «На посту». — Группа пролетарских писателей «Октябрь» возникла в декабре 1922 г. В марте 1923 г. на Московской конференции пролетарских писателей, созванной группой «Октябрь», было принято решение основать Московскую ассоциацию пролетписателей (МАПП) и объявить платформу «Октября» платформой МАПП. Литературно-критический журнал «На посту» являлся органом МАПП.

...в статье тов. Либединского «Классовое и групповое». — Либединский Юрий Николаевич (1898—1959), прозаик, член РКП(б) с 1920 г., один из организаторов группы «Октябрь» и МАПП (затем — РАПП). Статья Ю. Либединского «Классовое и групповое» была опубликована в № 4 журнала (стб. 49—62). Цитата из статьи дана неточно, в оригинале: «...всю пролетарскую и подлинно революционную истинно попутническую литературу».

С. 267. ...незадолго до выхода четвертого номера — «Октябрь» заключил с Лефом оборонительный и наступательный союз. — Соглашение между группой Леф и Московской ассоциацией пролетарских писателей было заключено в ноябре 1923 г. и опубликовано в декабрьском номере «Лефа» (№ 4, с. 4—5); в «На посту» соглашение было напечатано лишь в 1924 г. (№ 1, стб. 283—286). Последний из рецензируемых Платоновым номеров «На посту» (№ 4) вышел в ноябре 1923 г. Имея возможность прочитывать программные статьи напостовцев сквозь призму подписанного соглашения, Платонов листает № 4 «На посту» с особым любопытством. От МАПП соглашение подписали Ю. Либединский, С. Родов, Л. Авербах (именно их статьи Платонов упоминает в рецензии); от Лефа — В. Маяковский, О. Брик. Соглашение включало четыре пункта: «Соглашающиеся стороны: 1) Не прекращая лабораторной работы, направляют всю творческую деятельность на организацию психики и сознания читателей в сторону коммунистических задач пролетариата. 2) Путем устных и печатных выступлений проводят неуклонное разоблачение буржуазно-дворянских и мнимо-путнических литературных группировок и выдвигают свои принципы классовой художественной политики. 3) Организовано вступают во взаимоотношения с издательскими предприятиями и органами печати, и борются с засилием в них реакционных и мнимопутнических групп, обуславливая свое участие лишением этих групп преобладающего влияния. 4) Избегают взаимной полемики, не отказываясь в то же время от дискуссии и деловой творческой критики» и т. п. (Соглашение Моск. Ассоциации Пролет. Писате-

лей МАПП и группы «ЛЕФ» // Журн. «Леф», № 4, с. 4—5). В № 4 «Лефа» соглашению посвящена передовая «ЛЕФ и МАПП», в которой назывались главные противники нового литературного союза — это возглавляемая Воронским «Красная новь» и главный оппонент Лефа Луначарский: «Мы видим, что пролетарской литературе грозит опасность со стороны слишком скоро уставших, слишком быстро успокоившихся, слишком безоговорочно принявших в свои объятия кающихся заграничников, мастеров на сладкие речи и вкрадчивые слова. Мы дадим организованный отпор тяге “назад!”, в прошлое, в поминки. Мы утверждаем, что литература не зеркало, отражающее историческую борьбу, а оружие этой борьбы» (№ 4, с. 3).

...медиумическая платформа... ~ Это «медиумическое родство» с «Кузницей».— Платонов явно сравнил опубликованные в июне декларации «Кузницы» и «Октября», которые сходны не только схематическим теоретизированием и догматизмом (18 тезисов у «Кузницы», 13 — у «Октября»), но и общей для соперничающих групп претензией на роль «пролетарского авангарда», т. е. выразителя мироощущения рабочего класса и одновременно его учителя. Ср.: «Пролетарское искусство — это призма, где концентрируется лицо класса, зеркало, куда рабочие массы смотрятся на себя, на ими пройденное и созданное, на создаваемое и грядущее. <...> Художник пролетариата есть творящий медиум своего класса» («Декларация пролетарских писателей “Кузницы”»). Язвительный анализ тезиса «Художник — медиум класса» был дан в статье С. Третьякова «Искусники из Кузницы» («Леф», 1923, № 3, с. 144—147).

...«Октябрь» — это отколовшаяся часть «Кузницы».— В организации объединенной группы пролетарских писателей под названием «Октябрь» большая роль принадлежала вышедшим из «Кузницы» поэтам С. Родову, А. Дорогойченко, прозаику С. Малашкину. Это была уже третья литературная пролетарская группировка, в которую они вошли (Пролеткульт — «Кузница» — «Октябрь»).

Старокоюшенный — переулок в центре Москвы. По адресу: Москва, Старокоюшенный пер., д. 33, кв. 11 располагались журнал и издательство «Кузница».

Спорят с тт А. Воронским и Троцким.— См. выше, с. 430—439.

Пока вопрос о партполитике в искусстве ставится практически...— Резюме статьи Г. Лелевича «Нам нужна партийная линия», в которой доказывалось, что партийной линии пока в литературе нет и что повинны в том сами коммунисты, руководители идеологического фронта: «Благочестивый Осинский, забыв о Наркомземе, застыл в молитвенном экстазе перед “инокиней” Ахматовой. Тяжелодумный Чужак с оговорочками, оправданиями и оглядкой семенит за грузной фигурой Маяковского. Чадолюбивый Воронский усиленно поливает из лейки “Крас-

ной нови” пахучие овощи пильняковского сорта. Занозистый Сосновский зычно провозглашает здравицу в честь Демьяна Бедного) («На посту», 1923, № 1, стб. 102).

. нельзя поддерживать Пильняков и Алексеев Толстых, Ахматовых и Ходасевичей Это стало трюизмом.— Пильняк Борис Андреевич, см. выше, с. 455—456. Толстой Алексей Николаевич, см. выше, с. 449—450. Ходасевич Владислав Фелицианович, см. выше, с. 449. Ахматова Анна Андреевна (1889—1966), поэт. «Партлиния» в отношении к Ахматовой определилась на рубеже 1922—1923 г.: «Всем известно, что А. Ахматова — мистичка, монастырка, реакционна по своей идеологии, и, следовательно, нам определенно враждебна»; «яд буржуазного разложения», «гнильный яд» стихов; «нездоровая любовь к православно-религиозным предрассудкам» (*Родов С.* Литературное сегодня. Статья первая. Литературное окружение // Журн. «Молодая гвардия», 1922, № 6/7, окт.—дек., с. 308—309). «Келейно-монастырская Ахматова» (От редакции // Журн. «На посту», 1923, № 1, стб. 5) явно не вписывалась в борьбу за новый быт, а потому ведущие критики «На посту» и «Лефа» заняли непримиримую позицию, доказывая опасность лирики Ахматовой: «Не только быт, но и вся психика Ахматовой пронизана насквозь мистикой и религиозностью» (*Лелевич Г.* Анна Ахматова // Там же, 1923, № 2—3, стб. 182. *Он же.* Несовременный «Современник» // Журн. «Большевик», 1924, № 5/6, с. 146—150. См. также: *Арватов Б.* Гражд. Ахматова и Тов. Коллонтай // Журн. «Молодая гвардия», 1923, № 4/5, с. 147—151).

Тут раскрывается трогательное единение «постников» и с т. Воронским, и с т. Троцким, и даже с самим т. Луначарским.— См. выше, с. 439—441.

С. 268. «У СТАНКА» — заводской журнал Московского Комитета РКП(б); выходил в 1924—1925 гг.; являлся своеобразным приложением к выходящему с 1923 г. журналу «Безбожник у станка». Общими у журналов были адрес, ответственный редактор, главный художник, профессиональные писатели и партийные журналисты, ориентация на массового читателя и рабочих корреспондентов и т. п. Среди учредителей журнала назывались девять московских заводов и фабрик, Московская главная электрическая станция, вагонные мастерские Курской железной дороги, типография. Журнал объявил, что его главной темой станут вопросы изучения и перестройки рабочего быта: «Надо изучать быт, обсуждать его, описывать, изображать. <...> Нам надо осознать себя, свой быт в семье, в производстве, в общественных отношениях, в досугах и развлечениях. <...> От товарищей, работающих на фабриках и заводах, мы ждем помощи. Нам нужны: рассказы, стихи, рисунки, письма в редакцию, заметки. Кроме того, нужны отзывы читателей о нашем первом опыте» (Как организован наш журнал // 1923, № 1, с. 50). Из известных

писателей в журнале печатался А. Серафимович (также постоянный автор журнала «Безбожник у станка»); большое место было отдано заметкам, стихам и рассказам непрофессиональных писателей, участникам заводских и фабричных литературных студий; лишь немногие из авторов «У станка» стали профессиональными писателями (А. Кожевников, Я. Шведов)

Первый и пока единственный серьезный, хороший рабочий журнал.— Тезис явно полемический по отношению к группе «Кузница». Платонов не мог не знать, что с конца 1923 г. группа боролась за новый печатный орган, 5 января газета «Известия» (с. 6) сообщала о выходе к концу января первого номера «Рабочего журнала» (заметка «По организациям и кружкам. “Кузница”»).

...бывали рабочие журналы по специальным отраслям (антирелигиозные, профессиональные и пр.) или же сатирические («Крокодил»).— В 1918 г. выходил рабочий журнал сатиры и юмора «Красный дьявол»; с 1922 г. начал выходить антирелигиозный журнал «Безбожник у станка» (с 1925 — «Безбожник»); антирелигиозная тематика доминировала и в журналах «Крестьянка» (выходит с 1922 г.) и «Работница» (выходит с 1923 г.). Из профессиональных журналов Советской России назовем близкий Платонову журнал «Землеведение» (с 1924 г. — «Землеустроитель»). Сатирические журналы: «Мухомор» (Пг., 1922—1923), «Красный перец» (М., 1922—1926), «Крокодил» (с 1922).

...сделанный такими мастерами, как тт. Моор и Доброковский .— Моор Дмитрий Стахивич (1883—1946), советский график, мастер сатирического рисунка, один из родоначальников советского политического плаката («Ты записался добровольцем?», 1920, «Помоги!», 1921—1922); член объединения «Октябрь»; в 1922—1930 гг. преподавал во Вхутемасе-Вхутеине. Иллюстрировал журналы «Безбожник у станка», «Крокодил» и др. Доброковский Мечислав Васильевич (1895—1937), график, в 1923—1932 гг. постоянно сотрудничал в журнале «Безбожник у станка», исполнял рисунки на темы индустриализации, на антирелигиозные темы; им выполнены обложка и заставки главных отделов журнала (болты, гайки, изображения производственного процесса и т. д.). Политические плакаты и шаржи в № 1 подготовлены Д. Моором: помещенный на первом форзаце плакат «Человеческие отношения в капиталистическом обществе» относится к статье Н. Бухарина (см. ниже), плакат «Крылатый Эрос» (с. 9) — к статье М. Лядова, плакат «Назад к Пушкину» (с. 37) — к статье В. Попова-Дубовского.

Литературный материал журнала делится по отделам.— В рецензии ничего не говорится о материалах разделов «Что думает тов. Ленин» (с. 34—35), «Музыка», «Кино», «Физическая культура», «Питание» и «Жилище» (с. 40—50).

...статьей тов Бухарина «О пролетарской революции» .— Бухарин Николай Иванович (1888—1938), профессиональный партийный деятель, один из теоретиков РКП(б); в 1918—1929 гг.— ответственный редактор газеты «Правда», одновременно член Исполкома Коминтерна и его президиума; куратор комсомола; один из идеологов и организаторов рабкоровского движения (См.: Тов. Бухарин о рабкорах // Газ. «Правда», 1923, 20 нояб., № 263, с. 5; Тов. Бухарин о языке газет (По докладу тов. Сосновского) // Там же, 22 нояб., № 265, с. 5). Статья Бухарина открывала журнал; с его же передовицей вышел № 1 журнала «Безбожник у станка» за 1923 г.

...статья тов Лядова...— Лядов Михаил Николаевич, партийный журналист, сотрудник Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. Речь идет о статье «Беседы о семье, любви и тому подобных вещах» (с. 8—9). Статья открывала раздел журнала «Семья» и представляла собой популярное изложение марксистского взгляда на «буржуазную» семью. Основную причину неравноправия женщины автор усматривал в господстве частной собственности.

С. 269. Тем же недостатком отличается и статья тов. Логинова...— Логинов Антон, партийный журналист, сотрудник Коммунистического университета им. Свердлова, постоянный автор журнала «Безбожник у станка» и газеты «Известия». Его статьей «Старый предрассудок» (с. 14) открывался раздел журнала «Дети». В преамбуле к разделу говорилось, что вопрос, что делать с детьми, относится к «задачам, неразрешимым практически и посейчас» и что журнал будет постоянно заниматься темами беспризорных и сирот, жизни детей в рабочей семье, освещать на своих страницах этот важнейший вопрос рабочего быта. В статье Логинова излагались классовые принципы воспитания, критиковались религиозные предрассудки в воспитании детей.

.. литературные очерки ..— Платонов выделяет действительно самые интересные материалы журнала: «Какой выход?» (с. 10), письмо слесаря авторемонтного завода об отсутствии культурных запросов у его жены и безвыходности этой ситуации (подпись: П), присланный из Можайска рассказ «Жена (Разговор в вагоне)» (подпись: В-в); письмо «к товарищам женщинам о нашем женском деле» из Орехово-Зуева (подпись: ткачиха Анна), рассказ А. Андреева «Бабыя горечь» — о женском неравноправии в семье (с. 10—12). Больше всего Платонову понравился рассказ-очерк «Жена (Разговор в вагоне)». Именно проблемы героини этого рассказа отмечают Платоновым как реальные, а не мнимо-теоретические. Очерк неизвестного автора построен в форме рассказа бывшей жены комиссара, религиозной женщины, о собственной жизни: она одна поднимала пятерых детей, надрывалась на тяжелых крестьянских работах, возила мужу, учившемуся в городе, хлеб; муж стал образован-

ным партийцем, «ну а после и заговорил с ней о какой-то пропасти между нами», бросил семью и женился на комсомолке.

Только тов. Минаев находит ~ выход явно надуманный. — Минаев Константин Андреевич (1900—?), очеркист, постоянный автор журнала, активный участник пролетарского литературного движения; специализировался на разработке актуальной антирелигиозной «безбожной» тематики (в № 2 — рассказ «Некрещеная», с. 21); печатался в журнале «Безбожник у станка», позже — в журналах «Октябрь», «Красная новь». Речь в рецензии идет о рассказе «Аграфена (Фабрично-бытовое)» (с. 11—12), посвященном разоблачению «религиозного дурмана» в быте заводских комсомольцев, жены которых продолжают держать в доме иконы и крестят детей. Вторая часть рассказа посвящена бунту рабочего Кедрова против жены Аграфены: Кедров снимает, а затем сжигает иконы-«идолы»; протестуя против этого поступка религиозная жена Аграфена уходит из дома, но в конце концов возвращается к мужу.

Почти весь литературный материал отдела «Дети» — о беспризорных. ~ Рассказы о детях тов. Кожевникова и тов. Долныкова... — В разделе журнала «Дети» также напечатаны: рассказ А. Серафимовича «Сенька (Из октябрьских дней)» (с. 16); письмо рабкора из Можайска «Жуткие комнаты» (с. 17) — о детском доме в селе Вольтынина; подборка «Дети о самих себе» (с. 18). Кожевников Алексей Венедиктович (1891—1980), прозаик, дебютировал на страницах журнала «У станка»; в № 1 опубликовал три рассказа-очерка: «На производстве» (с. 14—15), «Готовятся к зиме» (с. 16—17), «Свой» (с. 18—19). Долныков Сергей, поэт, член литературной группы «Рабочая весна», печатался в журналах «Кузница», «Молодая гвардия». Речь в рецензии идет о рассказе «Мотылька» (с. 19) о судьбе деревенской девочки-сироты, ставшей нянькой в семье рабочего Бородина.

В других отделах литературный материал гораздо слабее. — На с. 21—38 помещены рассказы и стихи, в основном принадлежащие перу непрофессиональных писателей.

Останавливают ~ стихотворения тов. Шведова «О смазчике» и его же поэма «Не придут». — Шведов Яков Захарович (1905—1984), поэт, печатался с 1922 г.; член московской литературной группы «Рабочая весна», созданной при редакции газеты «Рабочая Москва», и группы «Молодая гвардия»; в 1924 г. — рабочий московского завода «Серп и молот». В № 1 опубликовано три стихотворения Шведова: «Не придут» (с. 24—26), «У печки» (с. 30), «О смазчике» (с. 31). Платонов выделяет у Шведова произведения рабочей тематики — стихотворение о случайной гибели на производстве смазчика Васьки Настасьева (могло напомнить Платонову его первый прозаический опыт — рассказ «Очередной») и поэму о деревенском парне Якове, который приезжает в Москву и по-

степенно превращается в профессионального сознательного рабочего Шведов был постоянным автором журнала «У станка», его главным по-этом. В разделе «Библиография» третьего номера «У станка» сообщалось о выходе в свет первой поэтической книги Я. Шведова «Шестеренные перезвоны» (М., 1924): «Тов. Шведов один из молодых рабочих писателей от станка, которые серьезно работают над собой и имеют несомненное дарование. <...> т. Шведов держится правильного курса на рабочего читателя. <...> Неудачно только заглавие: звоны-стоны-перезвоны» («У станка», 1924, № 3, с. 21). Положительный отклик на первые стихи Шведова «На плавке», «Гудки поют», посвященные трудовым будням и людям завода, был дан критиком Перекати-Поле (наст. фамилия — Г. Кальмансон): «...это новая культурная ценность, совершенно незнакомая, по типу своему, буржуазной литературе. Яков Шведов один из тех, кто является лучшим ответом сомневающимся в возможности развития пролетарской культуры» (*Перекати-Поле. Яков Шведов // Журн. «На посту», 1923, № 4, стб. 188*); выделяет Я. Шведова и А. Тарасов-Родионов в рецензии на вышедший в 1923 г. второй сборник «Рабочая весна» (Там же, стб. 198—199).

...статьи тов. Попова-Дубовского о литературной форме и о «назад» к классикам.— Попов-Дубовский Вениамин Серафимович (1872—1942), партийный журналист; заведующий литературным отделом и член редколлегии газеты «Правда»; входил в группу «Литературный фронт»; указан в списке сотрудников журнала «На посту» (1923, № 1); брат писателя А. Серафимовича; постоянный автор журнала «У станка» (см. его статьи: Старый писатель и рабочий писатель // 1924, № 2, с. 24—25; О рабочей литературе // № 3, с. 20); в № 1 помещены две статьи данного автора: «Форма и содержание» (с. 36) и «Поэты и космизм» (с. 39). Попов-Дубовской разрабатывал формулу «рабочий—человек—писатель», писал о поисках новой формы для пролетарского искусства, призывал учиться у Пушкина, хотя и не бездумно: «...не вешаясь на шею дедушке Пушкину, мы должны будем создать новые формы для нового содержания в пролетарской литературе. А Пушкин, а также Мольер, Рабле и другие дедушки, папаши и дядья, разумеется, могут нам многое предложить в помощь, а мы с признательностью возьмем». Вторая статья Попова-Дубовского «Поэты и космизм» (с. 39; подпись: *В. П.-Д.*) посвящена критике пролетарских поэтов (упоминаются Герасимов, Обрадович, Садофьев, Кириллов, Арский). Критика пролетарского космизма, предложенная журналистом, не была новой и представляла компиляцию «антикосмических» тезисов Троцкого, Безыменского и «Лефа»; Платонову мог быть близок неполитический аспект критики: «Ну, конечно, за солнцем и звездами великому человеку и не видать нашей потной рабочей жизни. <...> Нет ничего бесплоднее кос-

мизма <...> Вся их вселенная с планетами и кометами — жалкая смешная игрушка, взятая из десятых рук, на которую, к сожалению, потрачено много времени и бумаги».

...не по наркомпросовской указке.— Еще один полемический выпад в сторону журнала «Кузница», издания литературного отдела Наркомпроса. Платонов выдает желаемое за действительное, ибо никаких разногласий с Наркомпросом ни в стратегии, ни в тактике у журнала «У станка» не было.

О РАБОТЕ ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (с. 270).— *Вор. ком.*, 1924, 23 авг., № 191, с. 3; с подзаголовком: *В порядке обсуждения.*

Датируется и печатается по первой публикации.

Статья освещает один из этапов электрификационных работ Платонова в 1924 г., связанных, в частности, с хозяйством «Спартак», расположенным вблизи с. Рогачевка. Этот совхоз попал в сферу внимания Платонова в августе 1923 г. (см. прим. к статье «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии», с. 416); однако одна из последних резолюций по поводу передачи этого хозяйства в ведение Платонова была принята на заседании воронежского землеустроительного совещания лишь 16 января 1924 г.: «Передать совхоз “Спартак” в пользование мелиоративной части Губмелиозема для ведения хозяйства на основах хозяйства, согласно представления заведующего мелиоративными работами от 28/XI—23 г.» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2902, л. 98). В конце 1923 г. в совхоз «Спартак» из Воронежа был доставлен и установлен электродвигатель (Там же, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2321, л. 33). Поскольку ход работ освещался местной прессой, известно, что параллельно Платоновым велись работы в селах Никольское и Бабяково:

«Около села Рогачевки, Воронежского уезда, есть совхоз “Спартак”. В этом совхозе на днях установлена маленькая электрическая станция. Вся работа сделана в 4 дня, в самый буран, холод. Теперь в “Спартак” электричеством освещаются не только жилые помещения, но и скотный двор.

Ведутся работы по установке электрической станции в селе Никольском, Воронежского уезда. Электричество проводит сельскохозяйственный подотдел Воронежского губернского земельного отдела. Крестьянские хаты будут освещаться за самую дешевую плату (примерно 10 фунтов хлеба в месяц с каждого двора). Работа по установке станции будет закончена не позже 1 февраля сего года. Всего сменил лучину на электричество 100 крестьянских дворов.

Подготавливается постройка электрической станции в селе Бабяково, Воронежского уезда. Станция будет работать на торфе (около Бабякова

есть большое торфяное болото). Локомобиль и деньги уже отпущены» (На смену лучине — идет электричество // Газ. «Наша газета», 1924, 5 янв., № 2, с. 6).

Электростанция в Бабяково, вероятно, самый ранний из перечисленных проектов — наряду с гидроэлектрической станцией на реке Воронеж, она упоминается уже в статье Платонова «Гидрофикация и электрификация»: «Вторая станция будет в с. Бабяково на торфу, мощностью 8 киловатт. Освещать эта станция будет изб 300 (если считать по 1 лампе на избу в 25 свечей). Днем она будет тянуть мельницу и работать на орошение общественного огорода, который будет страховать население с. Бабякова от засухи; это будет началом массового создания базисного поливного хозяйства» (*Вор. ком.*, 1923, 28 янв., № 19, с. 5). Как можно судить по сохранившимся документам, Платонова в январе 1924 г. особенно занимают проблемы строительства в Бабяково. Хотя газета сообщила о наличии денег на строительство уже 5 января, финансовый вопрос продолжал решаться вплоть до февраля. 18 января Платонов обратился за ссудой в размере не менее 100 золотых рублей в правление Среднечерноземного общества сельскохозяйственного кредита (*ГАВО*, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 755, л. 82—82 об.), 19 января, заручившись принципиальным согласием кредитного общества, он просит разрешения на эту же ссуду в президиуме Губисполкома (Там же, л. 81). Губисполком запрашивает заключение Губплана (Там же, л. 80), после чего 23 января Платонов получает необходимое разрешение на кредит «в сумме 100 червонцев» (Там же, л. 79). Однако, по неизвестным причинам, окончательное решение, принятое 7 февраля на заседании президиума Губисполкома, гласит о разрешении кредитоваться на строительство электростанции в Бабяково уже в сумме 1 000 золотых рублей (Там же, л. 3 об.). Судьба этого проекта остается невыясненной: последнее из известных упоминание об электростанции в Бабяково содержится в апрельском письме Платонова в Наркомзем (см. ниже, с. 467—468). Что касается ссуды, то она, как следует из сообщения *Вор. ком.*, возможно, была переадресована, см.: «В начале 1924 года частью по электрификации сельского хозяйства при Губземуправлении на средства Сельхозкредита (1 000 руб.) была предпринята электрификация с. Рогачевки, Воронежского уезда» (Рогачевстрой // *Вор. ком.*, 1924, 2 окт., № 225, с. 4)

В последующем первое место среди всех проектов делят электростанции в Никольском и «Спартаке»-Рогачевке. Как следует из письма Платонова в Наркомзем (в подраздел механизации отдела агрикультурных мероприятий), в начале апреля две эти совхозные станции уже действуют:

«...были установлены две сельскохозяйственные электрические станции — одна на опытно-мелиоративном участке “Спартак” мощностью»

в 3 кВт, пост<оянного> тока, 220 вольт, с нефтяным двигателем внутреннего сгорания; другая при с. Никольском Воронежского уезда, мощн<ость> 5 кВт пост<оянного> тока, 220 вольт, с нефтяным двигателем внутреннего сгорания. Обе станции — с питательными сетями и с полным оборудованием потребителей. Обе станции работают пока на освещение. <...> Мы сознаем незначительность экономического эффекта от устроенных нами станций, но приходится или строить такие станции — или никакие. Мы предпочли первое.

Обе указанные станции открыты и действуют.

С наступлением строительного сезона 1924 года нами будет приступлено к устройству электростанции в с. Бабяково Воронежского уезда, паровой, с торфяным отоплением (станция будет у торфяного болота) мощн<остью> 10 кВт, пост<оянный> ток, 120 вольт. Деньги на эту станцию получены от Среднечерноземного общества сельскохозяйственного кредита и главное оборудование станции уже приобретено.

Кроме того, намечено переоборудование станции на опытно-мелиоративном участке “Спартак” в сторону увеличения ее мощности и удлинения линии для передачи тока на близлежащие села и выселки. Средства на эту работу еще пока не получены <...>.

В худшем случае, расширение этой станции будет осуществлено осенью, по сбору урожая с сада мелиоративного участка» (РГАЭ, ф. 478, оп. 5, ед. хр. 3259, л. 82—83).

Работы по электрификации села Рогачевки в значительной степени были выполнены уже в апреле—июне, строительство электростанции завершилось к началу октября; немногим раньше, 28 сентября, «в торжественной обстановке» была открыта к регулярному действию электрическая станция в с. Никольском (см. сообщения об этом: Рогачевстрой // *Вор. ком.*, 1924, 2 окт., № 225, с. 4; Электричество в крестьянские избы // Там же). В удостоверении-справке, выданном А. Платонову Воронежским ГЗУ 11 мая 1926 г. при увольнении, отмечена постройка трех сельских электростанций: два объекта определяются без затруднений — электростанции в совхозах «Спартак» и «Никольское», третья установка, скорее всего, Рогачевская.

23 августа 1925 г. электростанция и мельница в Рогачевке сгорели в результате кулацкого поджога (см.: *ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 1950, л. 19; *Ласунский*, с. 204). В последующем история этого проекта легла в основу «Рассказа о потухшей лампе Ильича» (1926).

Со слов самого Платонова известно, что электростанцию удалось отстроить вторично (см.: *Платонов А. Против халтурных судей* (Ответ В. Стрельниковой) // «Литературная газета», 1929, 14 окт., № 26, с. 2), однако она не была восстановлена ко времени написания «Рассказа о потухшей лампе Ильича». Сохранилось датированное 22 октября 1926 г.

письмо к Платонову жителя Рогачевки, активного участника строительства 1924 г. Захара Ивановича Воронина, в котором описывается ситуация вокруг нового строительства мельницы и электростанции (*Воспоминания*, с. 149). На тот момент мельница успешно восстанавливалась на вклады членов кредитного общества, но с возобновлением электростанции возникли серьезные затруднения, см.: «...только дело с электростанцией очевидно не выйдет. ГУБЗО отказало — режим экономии, своих средств не найдем, а желания у всех много, даже старики и те спрашивают о судьбе электричества. Я пока обещаю, что устроим, поэтому, зная Ваше искреннее участие и любовь, которую Вы проявляли при устройстве — в нашей Рогачевке, я осмелился написать к Вам. Напишите Ваш совет, укажите, какая возможность и надежды в устройстве электростанции; дальнейшее развитие мы сами бы повели» (*РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 121).

В 1924—1925 гг. электрификационные работы в совхозе «Спартак» самым тесным образом переплетались с мелиоративными. Так, например, в апреле Платонов, вместе с техником Н. Николаевым, ездил в «Спартак» «на предмет осмотра находящихся на землях его прудов и возможности устройства водяной мельницы» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2320, л. 64). В период с апреля по июнь в совхозе «за счет общих ассигнований центра» (400 руб.) был произведен ремонт колодца и устроен водопровод для орошения сада и огородов хозяйства (*ГАРФ*, ф. 1235, оп. 101, ед. хр. 170, л. 275 об.). 26 сентября на заседании губернской тройки по общественно-мелиоративным работам (о составе губтройки см. прим. к статье «Мелиоративные работы в нашей губернии», с. 477) по докладу Платонова было принято решение о включении восстановления поливного хозяйства в совхозе «Спартак» в план общественно-мелиоративных работ (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 93); таким образом было обеспечено финансирование работ на осень 1924 г.— в сумме «не более 3 000 рублей» (Там же). К декабрю проект восстановления поливного хозяйства на опытно-мелиоративном участке «Спартак» был подготовлен и отослан на отзыв в Институт сельскохозяйственных мелиораций при Наркомате земледелия (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3259, л. 13). 7 января 1925 г. докладная записка, касающаяся этого же проекта, рассматривалась на заседании технической коллегии сельскохозяйственного отдела Воронежского ГЗУ — устройство машинного орошения сада было признано целесообразным (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2903, л. 182). В середине марта проект был возвращен из Москвы «для переработки и исправления» (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3259, л. 18), и, как следует из сообщения *Вор. ком.*, оросительная установка была построена к началу мая (см.: В Рогачевке // *Вор. ком.*, 1925, 12 мая, № 105, с. 2). В. Шкловский, посетивший Воронеж в конце июня 1925 г. (см. об этом:

Галушкин А. Ю. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // *Воспоминания*, с. 172—183), включил зарисовку орошаемого сада «Спартак» в свою книгу «Третья фабрика» (М., 1926, с. 128—129).

С. 270. *В начале февраля ~ организовано отделение по электрификации сельского хозяйства (Губэлектрозем).*— Формально отделение по электрификации сельского хозяйства, возглавляемое Платоновым, существовало с 1 марта 1924 г. (см.: РГАЭ, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2320, л. 56).

...выполнены на 75 процентов работы по электрификации села Рогачевки ~ общественных учреждений — 2.— Как следует из отчета Губисполкома, эти работы были проведены еще в апреле—июне 1924 г. (ГАРФ, ф. 1235, оп. 101, ед. хр. 170, л. 273). Начиная с июля, велись работы по оборудованию силовой станции, мельницы и пр.

Просорушка — машина для переработки проса в пшено.

Обойка — обочная машина для очистки зерна.

...испрашивается кредит из местного бюджета...— В фонде Платонова РГАЛИ сохранилось выданное ему в июле 1924 г. разрешение на исходатайствование в Среднечерноземном обществе сельскохозяйственного кредита ссуды «в сумме 250 рублей на достройку электрической станции в с. Рогачевке» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2).

С. 271. *Сейчас штат Губэлектрозема ~ состоит из заведующего работами и одного электромонтера...*— Первоначально штат организации был установлен в количестве пяти человек (см.: РГАЭ, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2320, л. 56).

...зав. работами ~ несет обязанности монтера и механика и бьется с безденежьем.— Здесь Платонов имеет в виду самого себя. В 1924 г. он, по крайней мере дважды, обращался за денежными ссудами на строительство электростанций. Использовались и любые другие возможности: так, например, в январе мелиоративной части Губземотдела было разрешено, с целью закупки оборудования для строительства электростанции в совхозе «Никольское», разобрать и продать часть построек усадьбы бывшего Толшевского монастыря (РГАЭ, ф. 478, оп. 3, ед. хр. 2902, л. 78 об.). Невозможность из-за отсутствия финансирования вести работы чрезвычайно тяготила Платонова, о чем свидетельствуют его письма этого времени. В письме Платонова от 11 апреля 1924 г. в Наркомзем (в подраздел механизации отдела агрикультурных мероприятий) содержится следующая просьба: «Убедительно просим, если возможно, помочь нам в деле организации работ по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии путем ассигнования средств из центра на заработную плату сотрудникам части по электрификации сельского хозяйства, хотя бы по 100 р. ежемесячно (это составит поло-

вину месячной зарплаты штата, остальную половину мы заработаем сами) и хотя бы эти ассигнования довести до августа, начав с апреля. С августа же мы окончательно окрепнем и встанем на ноги» (РГАЭ, ф. 478, оп. 5, ед. хр. 2941, л. 83). В это же время, в письме в краснодарское издательство «Буревестник» от 20 апреля 1924 г., он заявляет ультиматум по поводу когда-то отосланных туда произведений — или верните, или «платите за работу деньги, потому что я без работы» (см.: *Воспоминания*, с. 162). В письме Г. З. Литвину-Молотову от 5 июля 1924 г. Платонов пишет. «Несколько раз (в двух, кажется, письмах) я предлагал Вам свой труд, находясь обремененным нуждой и полубезработицей» (см.: *Веленгурии Н. Друг и наставник // Газ. «Вольная Кубань», 1992, 19 нояб., № 119, с. 4*). Это письмо Платонова в Краснодар осталось без ответа, так как в мае 1924 г. Г. З. Литвин-Молотов был переведен на работу в Ростов-на-Дону. Переписываясь в это же время по поводу своих изобретений с Комитетом по делам изобретений ВСНХ, Платонов отправляет запрос о возможной материальной помощи даже туда. Из Комитета сообщили, что деятельность этого органа ограничивается исключительно выдачей авторских свидетельств и патентов (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3; от 18 июля 1924 г.).

...есть ряд предложений от сельских обществ и кооперативов на электрификацию. — Вопреки очевидным затруднениям Платонов стремился охватить деятельностью Губэлектрозема как можно большее число потребителей, см.: «Часть по электрификации сельского хозяйства принимает на себя полное устройство всяких электрических станций (водяных, тепловых и др.), устройство линий для передачи электрической силы и оборудование потребителей электричества лампами и машинами.

Все эти работы часть по электрификации может проводить в рассрочку — до 2-х лет, а в некоторых случаях и больше. Вообще часть по электрификации стремится найти в каждом отдельном случае такие условия для крестьянства, чтобы электрификацию осуществить было можно везде. Эти условия зависят от многих обстоятельств.

Всем интересующимся делом электрификации отдельным крестьянам, земельным обществам, сельскохозяйственным артелям, коллективам, коммунам и другим часть по электрификации сельского хозяйства немедленно, по запросу даст полное разъяснение всех вопросов по электрификации их местностей и высылает бесплатно специалистов для обследований и изучения района, где крестьянами намечается электрификация» (Платонов А. Электричество в деревню! К крестьянам Воронежской губернии // Газ. «Наша газета», 1924, 14 мая, № 38, с. 1).

По состоянию на начало лета 1924 г., помимо работ в Рогачевке и Никольском, Платоновым велось «производство обследований, расчет проектных данных и указание способов финансирования (и фактическое

деловое содействие финансированию) по заявкам на электрификацию пяти сельским обществам и одному с.-х. коллективу» (*ГАРФ*, ф. 1235, оп. 101, ед. хр. 170, л. 273).

Что касается конкретных сведений, то известно, например, что еще весной 1923 г. Бобровский Уисполком принял проект гидроэлектрической станции «на р. Битюге у с. Коршева, в 8-ми верстах от Боброва». Основную часть работ планировалось проводить совместно с отделением гидрофикации и электрофикации при ГЗУ, т. е. при непосредственном участии А. Платонова (*Платонов А.* Из Боброва. Работы по местной электрификации // *Вор ком.*, 1923, 18 марта, № 59, с. 3). В начале 1924 г. на совещании представителей местных организаций (Общества сельхозкредита Среднечерноземной области, Губплана, ГубЗУ, Всеработземлеса, ГСНХ, кооперативных организаций, банков) решено было увековечить память В. И. Ленина строительством электростанции в Богучарском уезде «на средства, которые должны быть собраны с организаций, принимавших участие в этом совещании» (Электростанция памяти В. И. Ленина // *Вор ком.*, 1 марта, № 50, с. 4). Платонов вошел в бюро, сформированное «для выработки подробного плана постройки и сбора средств» наравне с представителями Общества сельхозкредита (т. Кибальников) и Госбанка (т. Комиссаров). Из письма в Наркомзем известно, что финансирование строительства волостной электростанции им. В. И. Ленина задерживалось по причине «временных финансовых затруднений вследствие проведения денежной реформы» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 5, ед. хр. 2941, л. 83). По поводу «организованного строительства в память тов. В. И. Ленина электрических станций волостного масштаба, хотя бы по одной на губернию», существовало особое отношение Госбанка во все ГЗУ, в том числе и Воронежское (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 5, ед. хр. 2941, л. 81).

МЕЛИОРАТИВНЫЕ РАБОТЫ В НАШЕЙ ГУБЕРНИИ (с. 273).— *Вор. ком.*, 1924, 15 нояб., № 261, с. 1.

Датируется и печатается по первой публикации.

При публикации после заглавия статьи были вынесены ее основные тезисы: «Экзамен советской мелиоративной технике.— Население и местные власти к мелиоративным работам относятся сочувственно и всячески им содействуют.— Политическое значение работ полностью не оценено.— Работы сомкнули город с деревней.— Крестьянская солидарность стихийно растет.— Работы будут вестись до последней возможности».

Статья представляет собою отчет губмелиоратора Платонова о состоянии общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии

на 15 ноября 1924 г (подробно о ходе работ см.: «Губмелиоратор тов. Платонов»: По материалам Наркомата земледелия. 1921—1926 гг. // *Страна философов*, 1999, с. 484—508). Основной целью общественно-мелиоративных работ 1924—1925 гг. являлось оказание продовольственной помощи населению 12 губерний, особенно пострадавших от засухи 1924 г. Выделенные правительством денежные средства должны были передаваться населению в виде платы за участие в противозасушливо-мелиоративных работах.

С. 273. *Устройство водохранилищ в нашей безводной губернии ~ имеет также великое значение для землеустройства.*— Согласно справке Воронежского Губземуправления, выданной Платонову при увольнении, в ходе общественно-мелиоративных работ было построено 763 пруда и 331 колодец. В 1924 г. с планом обводнения (строительство водохранилищ и колодцев) был связан один из напряженных моментов во взаимоотношениях с центром. Рассмотрев план работ, составленный в Воронеже, Наркомзем значительно сократил количество обводнительных работ, предложив в то же время расширить осушительные (см.: Изменение видов общественно-мелиоративных работ // *Вор. ком.*, 1924, 18 сент., № 213, с. 1). В свою очередь в Воронеже, на заседаниях Губернской тройки по общественно-мелиоративным работам решено было ходатайствовать перед Наркомземом об оставлении плана работ в первоначальном варианте (см.: *РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 87—89, 91—93). В связи с этим в период между 30 сентября и 4 октября Платонов был командирован в Москву, где и добился отмены решения Наркомзема (см.: Там же, л. 168—169).

Проблему землеустройства, связанную с разукрупнением селений засушливой Воронежской губернии, Платонов ставит и в статьях 1925—1926 гг. (см., например, статью «Страна бедняков» и прим. к ней, с. 286—289, 483—484). Позднее решать аналогичную проблему он поручает герою «Чевенгура» — Александру Дванову.

Предсовнаркома А. И. Рыков перед открытием работ сказал...— Рыков Алексей Иванович (1881—1938), государственный деятель, член партии с 1899 г. В 1918—1921 гг. (с марта 1918 г.) и в 1923—1924 гг.— председатель ВСНХ РСФСР (СССР). В 1924—1930 гг.— председатель СНК СССР и РСФСР (с 2 февраля 1924 г.). Председатель комиссии по борьбе с последствиями неурожая 1924 г. Член ЦК партии в 1917—1918, 1920—1934 гг., член Политбюро в 1922—1930 гг.

С. 274. *...работы по углублению русла реки Тихой Сосны будут вестись паровой лопатой на понтоне, приобретение которой представляет трудную задачу ~ сейчас переговоры ведутся по всем линиям...*— Решением этой задачи Платонову пришлось заниматься вплоть до своего отъ-

езда в Москву в 1926 г. Необходимость приобретения землечерпалки, т. е. экскаватора, была ясна уже в сентябре 1924 г. Будучи в Москве в первых числах октября, Платонов выяснил, что Наркомзем не располагает нужными для Воронежа машинами, однако остается еще возможность приобретения экскаватора за границей. Об этом по возвращении в Воронеж было доложено Губернской тройке по общественно-мелиоративным работам, после чего Платонову предложили «вопрос этот проработать и представить свои соображения на утверждение» (РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 168—169). Дело, как кажется, было почти безнадежным, однако в октябре же Госплан постановил передать в распоряжение Наркомзема 11 экскаваторов, находившихся до того в ведении ГЭК ВСНХ. Один из этих экскаваторов, а именно «Марион» № 3608, Наркомзем запланировал для передачи в Воронежскую губернию; 6 ноября Наркомзем выслал в Воронеж чертежи этого экскаватора для ознакомления (ГВАО, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 127) В то же время обнаружилась и другая возможность приобретения землечерпалки — 13 ноября на имя губмелиоратора пришло письмо инженера Волховстроя И. Г. Райхера, «специалиста по землечерпательным и экскаваторным работам». Райхер узнал о затруднениях воронежцев в Наркомземе через инспектора общественно-мелиоративных работ А. А. Прозорова и предложил Платонову землечерпалку собственной, улучшенной, конструкции (см.: Там же, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 122—122 об.). Предложение Райхера повлекло за собою активную переписку, как раз в одном из писем Райхера упоминается о воронежском заводе, бывш. «Столль», как предполагаемом месте строительства землечерпалки (подробности переписки см. ниже в прим. к статье «Огни Волховстроя», с. 479—481). Вероятно, Платонову хотелось получить обе машины — и землечерпалку Райхера, и экскаватор «Марион», однако, исходя из финансовых соображений, следовало быть готовым к тому, чтобы выбрать что-то одно. 4 декабря Платонов отправляет в Наркомзем телеграмму с просьбой закрепить «Марион» за Воронежской губернией (Там же, л. 170), а к 10 декабря им уже подготовлен доклад «о сравнительной стоимости выработки 1 куб. земли арендным экскаватором “Марион” и приобретенной лопатой инж<енера> Райхера» (Там же, л. 313—314). 11 декабря Платонов выступил с этим докладом на заседании Губернской тройки, мотивируя необходимость предпочтения землечерпалки Райхера (РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3387, л. 25). На основании доклада Губтрояка приняла следующее решение: «Принимая во внимание действительную необходимость паровой лопаты сист<емы> инж<енера> Райхера на работах по регулированию реки Тихой Сосны и крайне высокую арендную плату за экскаватор “Марион”, признать приобретение паровой лопаты системы инж<енера> Райхера желательным, для чего

срочно командировать лицо, компетентное в этом деле на Путиловский завод с целью точного установления стоимости указанной паровой лопаты и срока ее изготовления» (Там же). 14 декабря Платонов лично отправился в предписанную поездку (см.: *Вор. ком.*, 1924, 16 дек., № 287, с. 4), продлившуюся около 8 дней. Поездка далеко не оправдала ожидания Платонова, и теперь внимание воронежцев сосредоточилось преимущественно на предложении Наркомзема (см. прим. к статье «Огни Волховстроя», с. 479—481). 24 декабря из Воронежа в Наркомзем направляется просьба о передаче экскаватора «Марион» (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 317), в ответ на нее 30 декабря высылается необходимое уведомление (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3387, л. 53). Однако в конце декабря Наркомзему еще не было известно местонахождение машины — оно могло выясниться лишь «после праздников» (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 348). В январе 1925 г., по выяснении местонахождения экскаватора, воронежцы хотели немедленно произвести приемку машины (Там же, л. 281), — *Вор. ком.*, предвосхищая события, сообщила, что прибытие экскаватора ожидается 1 февраля (1925, 7 янв., № 5, с. 4), — но оказалось, что решение Госплана еще не прошло утверждение в СТО и по этой причине фактическая передача машины невозможна (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 262). Дело сильно затянулось, и в марте 1925 г. Губернская тройка обратилась с просьбой о содействии в передаче экскаватора, не дожидаясь постановления СТО, в Комиссию по борьбе с последствиями неурожая при СНК СССР (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3387, л. 53); аналогичная просьба была направлена Наркомземом в ВСНХ. Однако рабочий сезон 1925 г. был потерян полностью — приемка экскаватора «Марион», находившегося в ведении «Ленинграджелдор», состоялась не ранее сентября (*Вор. ком.*, 1925, 3 сент., № 199, с. 4).

Для работы на Тихой Сосне полученный экскаватор необходимо было отремонтировать и перестроить. Платонов сам проектировал конструкцию плавучего понтонного экскаватора и, вероятно, в январе 1926 г. лично заключил договор на переустройство экскаватора с Ленинградской государственной экскаваторной технической конторой (см.: *РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1—2). В мае 1926 г. Платонов ездил в Ленинград для предварительной приемки машины; в семейном архиве сохранилось командировочное удостоверение от 17 мая 1926 г., выписанное на имя бывшего зав. подотделом мелиорации А. Платонова. Экскаватор прибыл на место работ только в конце лета 1926 г. (см. сообщения *Вор. ком.*, 1926, 23 июля, № 165, с. 4; Там же, 20 авг., № 188, с. 4). По этому поводу Платонов, живший в это время в Москве, опубликовал небольшое сообщение в журнале «Землеустроитель» (Мелиоративное достижение // *Журн. «Землеустроитель»*, М., 1926, № 7, с. 73). На сборку и до-

делку машины ушла большая часть лета 1927 г. (см. сообщения: *Вор. ком.*, 1927, 5 июня, № 126, с. 4; Там же, 16 июля, № 160, с. 4; Там же, 21 авг., № 189, с. 3); работа экскаватора на Тихой Сосне началась только в конце июля 1927 г. (см.: Там же, 2 авг., № 174, с. 4).

Судьба Тихой Сосны продолжала волновать Платонова и в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Так, например, в фонде Платонова (*РГАЛИ*) сохранился набросок к очерку под условным названием «По Тихой Сосне» (ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 8, л. 6), датируемый 1929 г. Та же тема присутствует в повести «Впрок» и киносценарии «Машинист».

С. 275. *Сверх указанного открыты и на днях открываются 50 плотин ~ Работы будут вестись до последней возможности.*— Одна из проблем, возникших в ходе общественно-мелиоративных работ, заключалась в том, что для поглощения всех денежных средств, выделенных на осенний период, требовалось расширить работы по строительству плотин, понимая, что они не будут закончены в строительном сезоне 1924 г. и впоследствии могут быть разрушены при проходе весенних паводковых вод.

Вероятно, Платонов впервые услышал о необходимости начать строительство новых плотин в расчете на весеннюю доделку во время поездки в Наркомзем в первых числах октября. Отчет о командировке зафиксировал его изначальное мнение по этому вопросу: «На это я возразил, что доделка сооружений весной мне непонятна, как непонятен вообще термин “доделка” при наших типах сооружений и после пропуска весенних вод. По-моему, под весеннюю воду, даже под снег, надо оставить уже вполне технически законченные сооружения — с водосливами, чтобы весенний паводок они вынесли бы без вреда, недоделанные же сооружения, сказал я, мы оставлять не намерены, ибо мы отвечаем головой за их техническое совершенство и сохранность после спада весенних вод» (*ГАВО*, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 815, л. 3—4). 4 октября сообщение Платонова «о необходимости использования отпускаемых кредитов этой осенью» заслушивалось на заседании Губернской тройки, после чего было принято решение проводить работы по ранее утвержденному плану, «допустив увеличение производства работ при условии, чтобы техническое качество выполняемых работ не ухудшилось за счет количества таковых» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 168—169). Однако к этому вопросу пришлось вернуться после приезда в Воронеж постоянного инспектора общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии А. А. Прозорова. На заседании Губернской тройки 10 октября Прозоров прямо указал, что работы необходимо расширить, и мелиоративной части было поручено в пятидневный срок «выяснить на местах возможность начала новых работ» (Там же, л. 141—142). Обсуждение проблемы продолжилось 16 октября, после возвращения Прозо-

рова и Платонова из инспекционной поездки на объекты Россошанского и Богучарского уездов. При мелиоративной части состоялось широкое техническое совещание (с участием Платонова, Прозорова, профессоров-консультантов и районных гидротехников), которое признало производство новых работ по сооружению плотин возможным «с тем, однако, условием, чтобы ввиду возможности, что сооружение не будет закончено и оборудовано водосливом для пропуска весенних вод, в телах вновь сооружаемых плотин оставлялось бы отверстие для прохода весенних вод. Весною же можно будет приступить к окончательной заделке таких плотин и оборудованию их водосливами» (Там же, л. 175). В тот же день состоялось заседание Губернской тройки, утвердившее это решение (Там же, л. 174).

Следует отметить, что отстаивание позиции центра давалось Прозорову не без труда. Уже после первого обсуждения вопроса (10 октября) в своем письменном докладе в Наркомзем Прозоров запросил поддержки: «...желательно подтверждение из центра с указанием, что работы должны быть развертываемы в возможно максимальном масштабе и сооружения вовсе не должны непременно быть оканчиваемы полностью в осенний сезон <...> указанная выше бумага из центра имела бы значение» (Там же, л. 130); а в аналогичном докладе от 16 октября описал открытое столкновение с одним из членов Губтройки: «Вследствие полученного мною от управляющего отделом указания <...> я считал необходимым проявить в этом вопросе исключительную настойчивость. В результате переговоров <...> зам. зав. ГЗУ т. Симончик заявил, что я только торможу работы, что он будет просить центр об отзывании меня» (Там же, л. 124).

Во время паводка, в конце марта — начале апреля 1925 г., Платонов лично проинспектировал строящиеся объекты; в целом пропуск весенних вод прошел удачно (см.: Там же, ед. хр. 3388, л. 25).

Губернская тройка по мелиорации...— По указанию центра для осуществления руководства работами создавалась так называемая тройка при Губисполкоме в составе: председатель — член президиума Губисполкома, члены Тройки — представители Губземуправления и Губпрофсовета. В Воронеже председателем Тройки являлся секретарь Губисполкома В. П. Столпник; члены Тройки: заместитель заведующего Губземуправлением Симончик и заведующий ГЗУ Н. Д. Архипов (в разное время), председатель губернского отдела Всеработземлес Елисеев.

...работы не получили бы такой высокой оценки в центре...— См., например, сообщение: «Наркомзем считает Воронежскую губернию образцовой в смысле проведения общественно-мелиоративных работ» (В пример другим губерниям // *Вор. ком.*, 1924, 24 сент., № 218, с. 1). 10 октября на заседании Воронежской Губернской тройки инспектор Нарком-

зема А. Прозоров «отметил хорошее состояние работ в Воронежской губернии и сообщил, что общественные работы Воронежской губернии Центром отмечены как лучшие по всему СССР» (РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 141—142). Однако в обращении Платонова к райгидротехникам от того же числа отмечается: «В последние недели темп наших работ сильно упал. Саратовская губерния нас уже обогнала. Наша губерния потеряла первое место и идет на третьем (второе заняла, кажется, Немкоммуна)» (Там же, ед. хр. 3387, л. 7).

БОРЬБА С ПУСТЫНЕЙ (с. 276).— *Вор. ком.*, 1924, 14 дек., № 286, с. 5.
Вырезка из *Вор. ком.* с авторской правкой и пометой в верхнем левом углу «2 экз. на одной стор. листа» — *СА*.

Датируется по первой публикации.

Печатается по источнику *СА*

Судя по замене административных названий (например, «ЦЧО» вместо «Воронежской губернии»; «Тамбовской губернии» вместо «Воронежской губернии») правка была внесена в период работы Платонова в Тамбове (декабрь 1926 г.— март 1927 г.), возможно, с целью напечатания статьи в тамбовской газете. Впоследствии статья полностью вошла в очерк Платонова «“Первый Иван”. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей» (1930).

С. 277. В 1923 г. группой мелиораторов (работавших на юге ЦЧО) — был разработан проект так называемой «реконструкции рельефа»...— Речь идет о проекте, неоднократно упоминавшемся в статьях Платонова 1922—1923 гг. (см.: «На фронте зноя», «О ликвидации катастроф сельского хозяйства»). Упоминание о ЦЧО появилось в результате поздней правки текста. В качестве административно-территориальной единицы Центральночерноземная область, включившая в себя Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии, была образована лишь в мае 1928 г. Идея нового районирования страны, разработанная Госпланом, реализовывалась, начиная с 1923 г., и широко обсуждалась на страницах центральных газет.

...*обстоятельная статья Г. Б. Красина*...— Речь идет о статье «Первоочередные вопросы нашей земельной культуры» (газ. «Известия», 1924, 25 нояб., № 269, с. 2).

ОГНИ ВОЛХОВСТРОЯ (с. 280).— *Вор. ком.*, 1925, 1 янв., № 1, с. 3.
Беловой автограф с пометой «3 экз.» в верхнем левом углу л. 1, датированный «Ленинград, 19/XII—24»,— *СА* Первоначально статья

имела подзаголовок (вычеркнут в рукописи): *Впечатления из командировки*.

Печатается по беловому автографу.

Статья была написана в поездке, предпринятой Платоновым с целью заключения договора на строительство экскаватора для осушительных работ на р. Тихая Сосна (см. выше прим. к статье «Мелиоративные работы в нашей губернии», с. 473—476). Командировка на Волховстрой и заводы Ленинграда явилась прямым следствием переписки Платонова с инженером И. Г. Райхером, узнавшем о проблеме с приобретением экскаватора через инспектора Наркомзема А. А. Прозорова. С первым же письмом в Воронеж (получено 13 ноября) Райхер отправил схематический эскиз землечерпалки собственной конструкции и предложил, если потребуется, не только изготовить в короткое время рабочие чертежи машины, но и «иметь наблюдение за постройкой снарядов вплоть до приведения таковых в рабочее состояние» (*ГАВО*, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 122—122 об.). О себе Райхер сообщал, что в настоящее время состоит на службе на Волховстрое и консультирует по ирригации Туркменскую республику, а его землечерпалки были «введены во многих местах в довоенное время и оказались вполне пригодными для выполнения соответствующих работ» (Там же). В ответ на предложение Райхера из Воронежа последовал запрос о возможном месте, сроках и стоимости изготовления машины (Там же, л. 121). Со вторым письмом Райхера (получено 24 ноября) пришли новые схематические чертежи и таблица «главных элементов землечерпательниц типа I и II», в качестве места изготовления экскаватора назывались Ленинград (в частности, Путиловский завод) или Воронеж (завод «Столль»), срок работ определялся в 3—4 месяца (Там же, л. 218). Предложение, вероятно, все более казалось подходящим, и для принятия окончательного решения Воронеж запросил приблизительную стоимость машины (Там же, л. 219). Райхер ответил в довоенных ценах (письмо от 1 декабря) и, будучи в отпуске, вызвался лично приехать в Воронеж для переговоров «при соответствующей оплате за проезд и командировочные расходы» (Там же, л. 220). Как известно, в это время Платонов, рассчитывая еще и на получение экскаватора «Марион», предложенного Наркомземом, и, вероятно, хотел бы реализовать обе возможности, но, исходя из финансовых соображений, склонялся скорее в пользу землечерпалки Райхера. 11 декабря, выслушав доклад Платонова по этому вопросу, Губернская тройка по общественно-мелиоративным работам признала приобретение машины Райхера желательным и постановила «срочно командировать лицо, компетентное в этом деле, на Путиловский завод с целью точного установления стоимости указанной паровой лопаты и срока ее изготовления» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3387, л. 25). 12 декабря Пла-

тонов отправил Райхеру телеграмму, извещающую о приезде (ГАВО, ф. Р-19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 175); 13 декабря ему было выдано «полномочие» на ведение переговоров «с государственными учреждениями, предприятиями и частными лицами по вопросу об издании парового многочерпакового экскаватора для работ по регулированию стоков рек Воронежской губернии» и на заключение договора «с расчетом стоимости экскаватора франко-завод-Ленинград не более четырнадцати тысяч рублей» (Там же, л. 177). Платонов выехал из Воронежа 14 декабря. Как свидетельствует рапорт заведующему Губземуправлением от 11 декабря, во время командировки Платонов планировал заключить в Ленинграде договор с инженером Райхером и ознакомиться с работой его экскаватора на Волховстрое (ГАВО, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 3286, л. 172—172 об.). Обстоятельства этой поездки отчасти проясняются письмом Райхера от 20 декабря, написанном вдогонку возвращающемуся в Воронеж Платонову (Там же, л. 233). 18 декабря Платонову была вручена техническая документация по землечерпалке (спецификация главных элементов, чертеж), при этом инженер Райхер поднял вопрос «о выдаче какой-нибудь суммы в счет произведенной мною работы и за консультативные участия в Маштресте, Путиловском и “Вперед” заводских совещаниях, связанных с затратой времени и расходами по разъездам и проч.». Можно предположить, что вышеупомянутые совещания проходили во время командировки Платонова, однако документального подтверждения этому не обнаружено. По словам Райхера, Платонов «категорически отклонил» предложение о выплате денег и «заявил», что оплата будет произведена по окончательном оформлении заказа на заводе; речь скорее всего шла о заводе «Вперед» (см.: там же, л. 325). В то же время Платонов рассчитывал, что по его отъезде Райхер проделает «дальнейшую срочную работу на заводе». 19 декабря, уже в отсутствие Платонова, Райхер лично уточнил на заводе перспективы своей работы и пришел к решению «отказаться от дальнейшего участия в этом начинании, ввиду неуплаты за вышеупомянутые труды непосредственно после выполнения той или иной работы». В этой критической ситуации Платонов проявил очевидное желание сохранить сотрудничество с Райхером: 13 января 1925 г. инженеру было направлено отношение с просьбой срочно сообщить условия, на которых тот согласится «провести все работы по наблюдению за изготовлением многочерпакового экскаватора Вашей системы на одном из машиностроительных заводов Ленинграда, предоставив в распоряжение завода-строителя рабочие чертежи и наблюдая за техническим выполнением их» (Там же, л. 326). При такой постановке вопроса Райхер в ответном письме от 23 января также выразил готовность к дальнейшей совместной работе (Там же, л. 325). Однако с января 1925 г. воронежские мелиораторы в большей степени рас-

считывали уже на получение экскаватора «Марион» от Наркомата земледелия. 21 января Платонов доложил об экскаваторе Наркомзема на очередном заседании Губернской тройки по общественно-мелиоративным работам, на этом же заседании было решено временно отложить решение вопроса об изготовлении второго экскаватора в Ленинграде (ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, ед. хр. 815, л. 17—18 об.). Окончательное решение — «от приобретения 2-го экскаватора за неимением средств воздержаться» — было принято на заседании Губтройки 8 апреля 1925 г. (РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3388, л. 25).

Вероятно, Платонов посещал Волховстрой не только в декабре 1924 г. В РГАЛИ сохранилось удостоверение, выданное губмелиоратору Платонову 10 августа 1925 г. (срок действия по 1 сентября), в котором сообщается, что он «командируется Вор^{онежским} губ^{ернским} зем^{ельным} упр^{авлением} на работы Волховск^{ой} гидроэл^{ек}трической^{ой} силовой установки и Кондопожской гидросил^{овой} установки на предмет ознакомления с технич^{еским} исполнением работ» (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 2, л. 3).

С. 280. *Графтио* Генрих Осипович (1869—1949) — советский ученый и инженер, участник составления плана ГОЭЛРО, руководитель строительства Волховской и Нижнесвирской ГЭС и др.

МЕТОД ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ (с. 283).— Журн. «Воронежская сельскохозяйственная жизнь», Воронеж, 1925, № 2, с. 24—25.

Авторизованная машинопись — РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3387, л. 1—3.

Датируется январем 1925 г.

Печатается по машинописи.

Вероятно, данная статья представляет собою текст доклада, прочитанного Платоновым на краевом совещании по общественно-мелиоративным работам в г. Саратове (29 января — 3 февраля 1925 г.). Этот факт устанавливается из «Доклада о работе совещаний по общественно-мелиоративным работам в Саратове 29 января и в Ростове 10 февраля 1925 г.» (РГАЭ, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 3392, л. 119—129). Составитель доклада упоминает выступление Платонова и даже цитирует его: «Делегат Воронежской губернии тов. Платонов, характеризуя условия, в которых был достигнут решительный успех общественных работ, говорит: “С одной стороны были обстановка недорода, переменная, неквалифицированная рабочая сила, недостаток во всем и ряд самых неблагоприятных условий, с другой — неспящий, всегда на подводах, увлеченный единой идеей, технический персонал и поднятое им на дыбы

в борьбе за жизнь и будущую прочную судьбу передовое крестьянство”» (Там же).

С. 283. ...*общественные работы — абсурд, деятельность без результата.*— К осмыслению результатов общественно-мелиоративных работ Платонов возвращается и позднее, например, в статье «Победим ли мы засуху?» (датируется концом 1926 — началом 1927 г.): «Если первую задачу — оказание продовольственной помощи пострадавшему от недородов населению — эти работы выполнили, то вторую задачу <...> — вложить в сельское хозяйство элементы сопротивления засухе в виде гидротехнических сооружений — эти работы не выполнили. <...> Специалисты работали с огромным перенапряжением и личным техническим интересом, сооружения строились качественно отлично, количественно план был превзойден. Но сооружения общественных работ сейчас десятками разрушаются, стихии крестьянской некультурности и паводковых вод совместно равняют с землей и расстилают по балкам сотни тысяч кубических саженой плотин.

Отчего это? Работы были непродуманы, неправильно организованы, земельные аппараты не выдерживали такой нагрузки, бюрократизм душил строительство и т. д. и т. д. Теперь, после такого испытания, кажется проще было бы 10 миллионов рублей раздать крестьянской бедноте, а только 4 миллиона пустить на мелиоративное строительство, но это строительство совсем не так надо поставить, как оно было поставлено в 1924—1925 гг., когда заведующий земельным органом ехал и открывал работы, а следом ехавший инженер-мелиоратор их закрывал, или когда строились сотни плотин без укрепленных водосливов, а с простыми земляными канавами, т. к. деньги давались только на рабсилу, а на материал нет. Тогда строить не надо, чтобы никого не компрометировать» (*Колесникова Е. И.* Рукописное наследие А. Платонова в Пушкинском доме // Сб. «Творчество Андрея Платонова», СПб., 1995, с. 224).

С. 285. ...*неспящий, всегда на подводах...*— О крайне напряженном ходе работ свидетельствует и письмо Платонова инспектору НКЗ А. Прозорову от 22 сентября 1924 г.: «В Валуйск<ом> уезде, например, техперсонал питается хлебом и молоком, ездит по 25 в<ерст> в сутки. Райгидротехник от тележной тряски, недосыпания, недоедания, вечного напряжения стал ползать, перестал раздеваться вечером и одеваться утром, а также мыться. Говорит, зимой сделаю все сразу. Надо беречь штат. Надо принять реальные меры. Мы платим ведь очень мало, если судить по работе» (*РГАЭ*, ф. 478, оп. 7, ед. хр. 2627, л. 265). См. также в докладе Прозорова от 3 сентября: «Работа технического персонала безукоризненна — ночью они едут, а днем нивелируют, разбивают, органи-

зуют работу, считают, “когда спят неизвестно”, как сказал мне зав. УЗО в Россоши» (Там же, л. 51).

СТРАНА БЕДНЯКОВ (Очерки Черноземной области) (с. 286).— *Страна философов, 1994, с. 354—356.*

Автограф — СА.

Датируется 1925 г. Печатается по автографу.

Предварительным наброском «Страны бедняков» могут быть сочтены незаконченные «Очерки бедной области» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1—2) — см.: *Страна философов, 1994, с. 357—358.*

Вероятно, очерк явился одной из реплик Платонова в развернувшемся в середине 1920-х гг. обсуждении государственной программы Наркомата земледелия по восстановлению и реорганизации Центрально-черноземной области. Тематически и стилистически к «Стране бедняков» примыкает статья «О дешевом водном пути Черноземного края».

С. 286. ...*расселение крупных сел к этой искусственно добытой воде — путь к победе над бедностью.*— В 1925 г., в ходе общественно-мелиоративных работ (см. выше прим. к статье «Мелиоративные работы в нашей губернии», с. 472—478), Платонов на практике занимался решением этой проблемы. Под впечатлением от общения с Платоновым, инспектор общественных работ А. Прозоров в одном из своих докладов в Наркомзем уделяет значительное внимание деятельности по разукрупнению сел на юго-востоке Воронежской губернии:

«Основным направлением землеустройства здесь <в Богучарском уезде> является расселение многодворных селений на поселки — для устройства же последних необходимо обводнение. Устройство прудов, таким образом, производилось по землеустроительным планам, и при осмотре прудов я уже видел на одном из них, как вокруг пруда велись работы по постройке хат для нового поселка.

Для характеристики экономического значения произведенных работ мне удалось в Богучарском УЗО подобрать любопытные статистические сведения относительно одной из волостей Богучарского у., которые прилагаю при настоящем докладе. Старо-Меловатская волость, лежащая в середине Богучарского у., насчитывает всего 5 селений, из которых 2 больших тянутся вдоль реки, остальные же 3 расположены у прудов. Анализ этих статистических сведений показывает, что общая площадь засева в больших селениях составляет 2,96 дес. на двор, в селениях же меньших на двор приходится 3,44 дес. засева. Погибшая площадь засева в больших селениях составляет 52%, в малых же селениях всего 34%. Наконец урожайность главной культуры — ржи в 1924 г.

в больших селениях в среднем была в 2 п. с десятины, в малых же — 4,5 п. с дес. Эти данные относятся к неурожайному 1924 г.— но из них можно сделать некоторые выводы — в больших селениях засеивается меньше и обработка полей ведется хуже, чем в малых. Очевидно, что, когда поля находятся на 15—20 верст расстояния от села и засеиваются меньше, крестьянин лишен возможности достаточно внимательно заботиться о поле и применять более совершенные способы обработки, что, конечно неминуемо сказывается на урожае» (РГАЭ, ф. 478. оп. 7, ед. хр. 3388, л. 60—61; доклад от 10 мая 1925 г.).

Та же тема появляется и у В. Шкловского, чье знакомство с Платоновым пришлось на завершающий этап общественно-мелиоративных работ: «А кругом степь и степь, и огромные деревни, на тридцать верст одна от другой. <...> А на поле ездят за 12—13 верст и больше. Жить же всем приходится, теснясь друг к другу, в долинах пересохших рек или у редких колодцев. Нет воды! Нет воды! В степи на двадцать верст нет воды» (Цит. по: *Галушкин А. Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // *Воспоминания*, с. 172—183).

О ДЕШЕВОМ ВОДНОМ ПУТИ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРАЯ (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО) (с. 290).— Газ. «Известия», М., 1926, 17 июля, № 162, с. 3; газ. «Тамбовская правда», Тамбов, 1927, 12 янв., № 8, с. 2; с редакционной пометой: *В порядке обсуждения.*

Беловой автограф статьи — СА (л. 1—9). Черновой автограф ранней редакции статьи — СА (л. 1—3).

Печатается по беловому автографу СА.

Датируется первой половиной 1926 г.

В ранней редакции отсутствует экскурс в историю вопроса; судя по надписи в левом верхнем углу листа («3 экз. на одной стороне листа. АП») возможно существование машинописи данного текста. Окончательный вариант статьи был написан еще до отъезда Платонова из Воронежа, поскольку на л. 9 указан (впоследствии вычеркнут) воронежский адрес автора. Именно эта рукопись была предложена Платоновым в «Известия». На верхнем поле л. 1 помета «12/VI» — вероятно, время поступления в редакцию. На л. 9 об. указан адресат, которому направлялась статья, — «т. Гронскому» (редактор экономического отдела Иван Михайлович Гронский). Здесь же резолюция И. Гронского: «Необходимо устранить историю. Осветить только современное состояние вопроса. И. Гр.». Обе прижизненные публикации статьи представляют собою значительно сокращенный, в каждом случае по-разному, текст белового автографа.

Источником исторических сведений, приводимых в статье, является книга инженера путей сообщения А. И. Легуна «Воронежско-ростовский водный путь» (Воронеж, 1909 г.); см. также выше прим. к статье «Река Воронеж, ее настоящее и будущее», с. 427.

С. 290. *Вице-адмирал Крюйс* — см. прим. к рассказу «Крюйс» — наст. изд., т. 1, кн. 1, с. 539.

С. 292. *Сейчас в Центральночерноземной области ~ идет восстановление сельского хозяйства...*— Средства на восстановление сельского хозяйства ЦЧО были отпущены постановлением СНК и ВЦИК от 21 сентября 1925 г. после того, как правительством было признано, что центральные черноземные губернии «при общем подъеме народного хозяйства всего Союза <...> отстают от общего темпа восстановления хозяйства во всем Союзе» (газ. «Известия», 1925, 25 сент., № 219, с. 7).

...тремя пятилетними планами одинаковой ценности...— Речь идет о планах по восстановлению сельского хозяйства ЦЧО.

Эйнштейн Альберт (1879—1955), физик-теоретик; создал частную (1905) и общую (1907—1916) теорию относительности.

С. 294. *Волго-Донской канал... Днепрострой* — Речь идет о важнейших объектах соцстроительства, широко обсуждавшихся на страницах центральных газет.

С. 295. *...режим экономии...*— В 1926 г. на апрельском пленуме ЦК партии был поставлен вопрос о режиме экономии. 25 апреля 1926 г. в газете «Правда» (с. 1) появилось специальное обращение «О борьбе за режим экономии» за подписями И. Сталина и В. Куйбышева. Проведение кампании предполагало выявление фактов бесхозяйственности, усиление ответственности за подобные нарушения и т. п.

О БОРЬБЕ С ОПОЛЗНЯМИ В КРЫМУ И В ПРОЧИХ МЕСТАХ (с. 296).— Журн. «Землеустроитель», М., 1926, № 7, с. 71—73. Подпись: *Ив. Вогулов*. Со сноской: *Дискуссионно. Ред.*

Беловой автограф — СА (л. 1—3).

Печатается по журнальной публикации.

Датируется серединой 1926 г.

В этом же номере журнала помещена заметка Платонова о прибытии в распоряжение воронежских мелиораторов экскаватора (Мелиоративное достижение // Журн. «Землеустроитель», 1926, № 7, с. 73. Без подписи).

С. 296. *На бывшем в феврале этого года Всероссийском мелиоративном совещании вопрос о технической борьбе с оползнями ставил-*

ся...— 1-е Всероссийское мелиоративное совещание прошло в Москве с 15 по 22 февраля 1926 г. По сообщению *Вор. ком.*, Платонов должен был выступить на совещании с докладом о мелиорации в Центрально-черноземной области (см.: Делегаты на Всероссийское мелиоративное совещание // *Вор. ком.*, 1926, 9 февр., № 31, с. 3). Однако в опубликованной программе совещания доклад Платонова не значится; возможные выступления Платонова в прениях в опубликованных материалах совещания также не отмечены (см.: Первое Всероссийское мелиоративное совещание. 15—22 февраля 1926 г. М., 1926). Делегация из Воронежа состояла из 5 человек, трое из них, в том числе и Платонов, имели право решающего голоса. На этом совещании Платонов был избран для работы в Мелиоративно-землеустроительной секции ЦК союза Всеработземлес (см.: Выдвижение // *Вор. ком.*, 1926, 27 февр., № 47, с. 4).

Проблема борьбы с оползнями на совещании была затронута в докладе А. П. Нифантова «Оползни Южного берега Крыма и Черноморского побережья».

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОРОШЕНИЕ ПОЧВЫ (с. 300).— Публикуется впервые.

Беловой автограф — СА (л. 1—8).

Датируется 1926 г.

Печатается по автографу.

В автографе вычеркнут последний абзац статьи: «Я предлагаю поставить опыты и произвести полное и всестороннее исследование вопроса на основе высказанных соображений. Приурочить эту работу можно либо к Московскому государственному институту сельскохозяйственных мелиораций, либо к Ленинградскому научно-мелиорационному институту, либо к одному из отвечающих нашему вопросу институтов при НТО ВСНХ, где и оборудования, и средств и возможностей больше, чем у мелиоративных научных учреждений».

Поводом к написанию статьи послужила статья В. Г. Корнева «Всасывающая сила почвы и принцип системы автоматического самоорошения почвы» (Труды Государственного института сельскохозяйственных мелиораций. М., 1925, с. 197—226). Впоследствии статья полностью (с небольшими изменениями) вошла в текст очерка «“Первый Иван”. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей» (1930).

По различным источникам устанавливается, что сам Платонов вел работы по отрицательной электризации корневых систем, начиная с 1922 г. Так, в отчете о деятельности ВГЗУ за июль 1922 г. сообщалось о том, что «спроектированы опытные работы по увлажнению через отрицательную электризацию корневых систем и по замене влаги пере-

менным электромагнитным полем» (*ГАРФ*, ф. 478, оп. 2, ед. хр. 671, л. 44—45 об.). Серия опытных работ по отрицательной электризации входила в план лаборатории гидрофикации на 1923 г. (см.: *Платонов А.* Гидрофикация и электрификация // *Вор. ком.*, 1923, 28 янв., № 19, с. 5). Устройство по электризации корневых систем описано Платоновым в 10-й главе «Рассказа о многих интересных вещах».

ОБ УЛУЧШЕНИЯХ КЛИМАТА (с. 306).— *Вор. ком.*, 1923, 4 апр., № 73, с. 4.

Беловой автограф — *РГАЛИ*, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 5, л. 18—19. Машинопись — Там же, л. 20—23.

Статья, написанная весной 1923 г., продолжала и развивала тему взрывных работ, затронутую в заметке «Великий работник». Вероятно, во второй половине 1926 г. Платонов возвращается к тексту статьи и вносит в него значительную правку. Именно этот, новый, вариант статьи отражен источниками *РГАЛИ*.

Печатается по автографу *РГАЛИ*.

С. 306. ...проект повышения средней годовой температуры полуострова Лабрадора и, кажется, острова Нью-Фаундленда.— Содержание проекта было изложено в статье инженера Ф. Давыдова «Грандиозный проект изменения климата» (газ. «Известия», 1923, 11 марта, № 55, с. 4).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ПЛАТОНОВА*

- «Анархисты и коммунисты» — I (2): 117–118, 356
- «Антисексус» — I (1): 8, 123–136, 499, 502, 503, 504, 545, 546, 547–572; I (2): 419, 447, 448
- «Апалитыч» — I (1): 147–149, 500, 510, 574–575, 591
- «Афродита» — I (1). 8, 447
- «Баю-баю, Машенька...» — I (1). 438, 639
- «Бегство» — I (1). 311–312, 601, 609
- «Бегун» — I (1): 500
- «Без сна, без забвенья шуршат в тесноте...» — I (1): 294, 584, 600, 605
- «Белогорлик» — I (1): 164, 578
- «Белые духом» — I (2): 57, 336–337, 345
- «Белый бес» — I (2): 83, 343
- «Белый свет» — I (1): 320, 477, 613
- «Богомольцы» — I (1): 292–293, 604
- «Борьба мозгов» — I (2): 79–80, 342, 345
- «Борьба с пустыней» — I (2). 276–278, 478
- «Будущий Октябрь» — I (2): 107–109, 352–354
- «Буквы черною печалью...» — I (1): 442, 639
- «Бучило» — I (1). 17–25, 465, 502, 507, 508–511, 541, 580, 586
- «В железной шапке льдов...» — I (1): 317, 601, 610
- «В звездной пустыне» — I (1): 176–181, 579
- «В мастерских» — I (1): 157–158, 576; I (2): 364
- «В мире тихий ветхий вечер.» — I (1): 419, 601, 611, 634
- «В моем сердце песня вечная...» — I (1): 287, 546, 602–603
- «В небесном мире нету слова...» — см. «Мир рожден улыбкой человека...»
- «В чем свобода» — I (2): 70–72, 341
- «В эти дни земля горячее солнца...» — I (1): 413, 599, 633
- «Варшава» — см. «Фронт»
- «Великая работа» — I (2): 195–196, 315, 382–383
- «Великий работник (О развитии в России взрывной культуры)» — I (2): 248–250, 393, 421
- «Великое равно малому, а малое — ничему» — I (2): 357, 358
- «Вера, Знание и Сомнение» — I (1): 492; I (2): 407
- «Ветер-пахарь» — I (2): 395
- «Ветхая Русь» — I (1): 299, 606
- «Вечер душен. Ночь недалеко...» — I (1): 329, 459, 615
- «Вечер комсомола» — I (2): 110, 354–355
- «Вечер мира» — I (1). 407, 632
- «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» — I (1). 611; I (2): 178–179, 377
- «Вечерние дороги» — I (1). 298, 606
- «Вечер после труда» — I (1). 351, 458, 619
- «Вечная жизнь» — I (2). 66–67, 340, 342
- «Внимание великой работе» — I (2): 394

* Курсивом обозначены произведения, упоминаемые только в комментариях.

- «Внимание X губсъезда Советов (К 4-му пункту повестки дня)» — I (2). 381, 383
- «Во сне» — I (1): 395, 599, 628
- «Вода — основа социалистического хозяйства (Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего)» — I (2). 254–256, 364, 423, 426, 428
- «Водой за хлеб» — I (2): 386
- «Вождю оппозиции» — I (1): 428–429, 584, 637
- «Война и крестьянство» — I (1) 460
- «Володькин муж (Мои похождения на этом свете)» — I (1): 182–183, 579–580
- «Волчок» — I (1): 150–153, 500, 503, 510, 511, 575, 577, 626
- «Воль» — I (1): 154–156, 577
- «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии» — I (1): 535; I (2): 235–236, 415–417, 418, 466
- «Воронежская гидроэлектрическая станция» — I (2): 237–239, 406, 415, 417–418, 419, 421, 428
- «Воспитание коммунистов» — I (2): 62–63, 338–339
- «Воспитание коммунистов (1 детская школа-клуб Горнаробраза)» — I (2): 313, 359
- «Восстание Востока» — I (2): 58–59, 337–338
- «Впрок» — I (1): 447, 508; I (2): 476
- «Время, помноженное на силу, на вещьество и на скупость, — даст нам благоденствие» — I (1): 636
- «Вселенной» — I (1): 402–403, 631
- «Всероссийская колымага» — I (2). 187–191, 380–381
- «Выключенные дни» — I (2): 119–121, 356–357, 366
- «Высокое напряжение» — I (1). 8
- «Газета и ее значение» — I (2). 73–74, 341, 345
- «Гапон и рабочие» — I (2): 149–150, 366–367
- «Герои режимной экономики (Бель советских заштатных населенных пунктов)» — I (1). 502, 530
- «Герои труда» — I (2): 101–105, 350–352
- «Гидрофикация» — I (2): 397
- «Гидрофикация (Система орошения полей посредством рек)» — I (2): 377, 378, 379, 380, 382, 383, 385
- «Гидрофикация и электрификация» — I (2) 393, 412, 415, 417, 467, 487
- «Гидроэлектрическая станция на р. Дон имени Ленина» — I (2): 426
- «Голова пролетариата» — I (1). 577; I (2): 114–116, 355–356
- «Город Градов» — I (1): 7, 504, 506, 536, 546
- «Горький и его “На дне”» — I (1). 632; I (2): 199–200, 384
- «Государство — это мы» — I (2): 106, 352
- «Грядущему духу» — I (1): 458
- «Гудок» — I (1): 359–360, 459, 460, 620–621
- «Да святится имя твое» — I (2): 39–40, 325–326
- «Дайте квалифицированных мастеровых» — I (1): 576; I (2): 158, 368
- «Далью серебряной в утро росистое. » — I (1): 410, 599, 632
- «Данилок» — I (1): 209–211, 510, 585, 586
- «Дарвин» — I (1): 465
- «Два изобретения» — I (2): 351
- «Два мира» — I (2): 23–24, 320
- «Два плана великих работ» — I (2): 396, 423
- «Два удара на удар» — I (2): 60–61, 338
- «Две победы» — I (2): 81–82, 342–343, 344
- «Девушка в провинции» — см. «Вечер душен. Ночь недалеко...»

- «Демьян Фомич — мастер кожного ходового устройства» — I (1): 85–88, 500, 502, 503, 507, 536–538, 575
- «День» — I (1). 342, 599, 618
- «Дети» — I (1). 394, 578, 628
- «Джан» — I (1): 8, 9
- «Динамо-машина» — I (1): 334, 616
- <Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии> — I (1): 212–217, 540, 581, 582, 584, 586–587; I (2): 369, 419
- «Долог зимний рассвет...» — I (1). 346, 599, 618
- «Домой» — I (1). 383–385, 627
- «Дорога» — I (1). 374, 599, 624
- «Дорога утром» — I (1): 323, 477, 611, 613
- «Достоевский» — I (2): 45–46, 328
- «Древний мир, воспетый птицами...» — I (1): 327, 601, 614–615
- «Друг» — I (1): 500
- «Душа мира» — I (2): 47–49, 328–330, 345
- «Душа человека — неприличное животное» — I (1): 452, 587; I (2): 168–170, 372–373
- «Душевная ночь» — I (1): 91–93, 500, 502, 503, 540–541
- «Единая сила» — I (2): 56, 335–336, 338
- «Епифанские шлюзы» — I (1): 503, 504, 506; I (2): 427
- «Епифаны» — см «Епифанские шлюзы»
- «Ерик» — I (1). 172–173, 500, 578–579
- «Еще о гидрофикации (Ответ А С А. и на безьянное письмо)» — I (2): 377
- «Жажда нищего (Видения истории)» — I (1): 166–171, 545, 578
- «Железная природа» — I (1): 492
- «Живая ехидна» — I (2): 37, 324–325
- «Живая хата» — I (1). 165, 578
- «Жизнь — далекая дорога..» — I (1). 439, 639
- «Жизнь до конца» — I (2): 180–183, 377–379, 380, 381, 382, 383, 385, 420
- «Жить ласково здесь невозможно...» — I (1): 296, 601, 605
- «Завоевание воздуха» — I (1). 636
- «Задние планы» — I (2). 84–85, 343–344
- «Заметки» — I (1): 184–186, 511, 580, 586, 613; I (2): 382
- «Звери» — см «Тиха дорога, неизвестна..»
- «Земля — дума, песня не пропета...» — I (1): 315, 610
- «Земчека (Черный Реввоенсовет)» — I (2) 206–208, 385–387, 388
- «Знамена грядущего» — I (2): 124, 358, 359
- «Знание» — I (1). 367, 622–623
- «Иван да Марья» — I (1): 306–310, 585, 602, 608–609
- «Иван Жох» — I (1): 26–41, 500, 504, 505, 512–519; I (2): 323, 352, 383
- «Иван Митрич» — I (1). 61–62, 502, 528
- «Из Боброва. Работы по местной электрификации» — I (2): 472
- «Изобретатели!..» — I (1): 424, 636
- «Из поэмы “Мария”» — см «В моем сердце песня вечная...»
- «Институт вместо курсов» — I (2): 368
- «Искусство пролетария» — I (1): 465; I (2): 340, 342
- «Искусство Шпенглера» — I (1): 464; I (2). 397
- «Истина, сделанная из лжи» — I (2): 366
- «История иерея Прокопия Жабрина» — I (1): 93–95, 502, 510, 541–542, 588, 635
- «Италии» — I (1): 366, 460, 481, 622
- «Июльская гроза» — I (1) 7, 8

- «К звездным товарищам» — I (1) 406, 632
- «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» — I (1) 459, 468, I (2). 8–12, 316–317, 340
- «К оружию, народ!» — I (2): 382
- «Как зажглась лампа Ильича» — см. «Рассказ о потухшей лампе Ильича»
- «Как тополи в тихие ночи ..» — I (1). 328, 599, 615
- «Клуб-школа» — I (2): 125–127, 358–359
- «Когда я думаю, я слышу музыку. ..» — I (1) 319, 611, 613, 615, 634, 635
- «Коммунизм в материи» — I (2): 364
- «Коммунист! Покажи, что ты коммунист» — I (2). 177, 377
- «Коммунист принадлежит будущему» — I (1): 452; I (2). 174–176, 373–376
- «Конец света» — I (1): 335, 601, 617
- «Конный вихрь» — I (1): 379, 625–626
- «Корабль света» — I (1): 583
- «Котлован» — I (1) 8
- «Красному Воронежу» — I (1): 362–363, 460, 500, 622
- «Красному городу» — см. «Красному Воронежу»
- «Красные вожди» — I (2): 29–30, 321
- «Красный труд» — I (2): 64–65, 339
- «Крестьянская коммунистическая революция» — I (2) 184–186, 379–380
- «Крюйс» — I (1). 88–91, 500, 502, 503, 533, 538–540, 594, I (2) 485
- «Кузнецы» — I (1): 368, 623
- «Культура пролетариата» — I (1): 542, 627; I (2). 90–100, 345–350, 372
- «Ледобой» — I (1). 532, 533
- «Ленин» — I (2). 17–18, 319, 449
- «Лесная говорушка» — I (1). 318, 477, 601, 611
- «Луговые мастера» — I (1). 95–99, 505, 542–543
- «Луначарский» — I (2): 50–52, 330–335, 339, 340, 352, 439
- «Лунная бомба» — см. «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”）」
- «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”）」 — I (1). 100–122, 499, 502, 504, 544–547, 561, 582, 584
- «Лунный гул» — I (1). 420, 634
- «Любовь Ивана (Деревенское происшествие)» — I (1): 532
- «Мавра Кузьминишна» — I (1): 67–68, 502, 529–530
- «Май» — I (1): 372, 623–624
- «Маня с Усмани» — см. «Румяная мать»
- «Мальчик» — I (1). 381–382, 511, 575, 626
- «Марии» — I (1): 436, 638–639
- «Мария» — I (1): 465
- «Маркун» — I (1): 140–146, 465, 491, 500, 506, 573–574; I (2): 335
- «Март» — I (1): 353, 459, 619
- «Масло розы» — I (1): 533
- «Мастер-коммунист» — I (2): 111–113, 355, 360
- «Мать» — I (1): 304, 607
- «Машинист» — I (2): 476
- «Машины для орошения полей» — I (2): 394
- «Мелиоративные работы в нашей губернии» — I (1): 543, I (2). 273–275, 469, 472–478, 483
- «Мелиоративное достижение» — I (2). 475, 485
- «Мертвая петля» — I (2): 368
- «Мертвый» — I (1) 316, 610
- «Метод общественных работ» — I (2). 283–285, 481–483
- «Мир родимый, я тебя не кину..» — I (1): 297, 600, 605–606
- «Мир рожден улыбкой человека ..» — I (1) 399, 629–631, 633, 634

- «Млеют в горячей весенней испарине...» — I (1): 354, 620
- «Много матерей» — I (1): 393, 577, 627–628
- «Молот» — I (1): 356, 620
- «Мужик» — I (1): 332, 599, 616
- «Мы дума мира темного...» — I (1): 291, 604
- «Мы на канатах прём локомотив...» — I (1): 361, 459, 584, 621–622
- «Мы пройдем тебя до края...» — I (1): 392, 627
- «Мысль» — I (1): 386, 475, 627; I (2): 349
- «Мы стареем, потому что мы живые...» — I (1): 325, 601, 613–614
- «На корабле» — см. «Мир рожден улыбкой человека...»
- «На реке» — I (1): 352, 459, 619
- «На реке вечерней, замирающей...» — I (1): 378, 577, 625
- «На фронте зноя» — I (1): 583, 585, 590, 594; I (2): 211–215, 387, 388–397, 411, 413, 415, 420, 478
- «Наверно, молодость придется истомить...» — I (1): 326, 601, 614–615
- «Над голубыми озерами...» — I (1): 373, 624
- «Над горами» — I (1): 350, 458, 619
- «Над мертвой бездной» — I (2): 153–154, 367
- «Напор» — I (1): 377, 475, 625
- «Наступает Новый годик...» — I (1): 440, 639
- «Начало пугачевского восстания» — I (1): 512, 513, 514, 515, 517, 584
- «Не тихо и не шибко...» — I (1): 344, 599, 618
- «Небесная авиация» — I (1): 423, 635
- «Небо вверху голубое...» — I (1): 414, 631, 633
- «Невозможное» — I (1): 187–196, 545, 546, 581–582, 584, 585, 586, 587, 588, 594; I (2): 393, 398, 419
- «Невысокие лозины...» — I (1): 355, 620
- «Немые тайны морских глубин» — I (1): 229–235, 495, 531, 542, 588–590, 591, 613
- «Новое евангелие» — I (1): 580; I (2): 192–194, 381–382, 385, 413
- «Новые братья» — I (2): 31, 321–322
- «Нормализованный работник» — I (1): 556; I (2): 131–132, 357, 360–362
- «Ночь» — I (1): 417, 459, 634
- «Ночь на дворе стоит сиротой...» — I (1): 295, 601, 605
- «О борьбе с оползнями в Крыму и в прочих местах» — I (1): 584; I (2): 296–298, 485–486
- «О борьбе с последствиями голода» — I (2): 242–243, 419–420
- «О воронежской гидроэлектрической станции» — I (2): 422
- «О голом и живом» — I (1): 324, 601, 613
- «О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)» — I (1): 530; I (2): 290–295, 427, 483, 484–485
- «О завоевании воздушного океана на пространстве нашей республики» — I (1): 637
- «О культуре запряженного света и познанного электричества» — I (1): 581; I (2): 216–217, 397–398, 399
- «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» — I (2): 244–246, 393, 420, 478
- «О малопитательной ерунде» — I (1): 541
- «О науке» — I (2): 33–34, 323
- «О нашей религии» — I (2): 75–78, 341–342
- «О них» — I (2): 122–123, 350, 357–358

- «О поднятии энергетики сельского хозяйства (Очерк о планах Энергезема)» — I (2): 388, 394, 396
- «О потухшей лампе Ильича» — см «Рассказ о потухшей лампе Ильича»
- «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии» — I (1): 524; I (2): 270–272, 413, 416, 426, 466–472
- «О реке Воронеж» — I (2): 424
- «О религии» — I (2): 341–342
- «Об Институте труда в Москве и о зоркой мысли, берегущей тело и одолевающей время» — I (1): 636
- «Об искусстве (Из дневника)» — I (1): 458, 465; I (2): 7, 316
- «Об Обществе друзей Обновленной земли» — I (2): 428, 429
- «Об улучшения климата» — I (2): 306–308, 393, 487
- «Об “утопии”» — I (2): 413
- <Обзор журнала «Вестник жизни»> — I (2): 15–16, 318–319
- «Обороняйтесь — наступайте!» — I (2): 382, 386
- «Обучение управлению» — I (2): 86–87, 344
- «Овечка» — I (1): 458
- «Огни Волховстроя» — I (1): 604; I (2): 280–282, 474, 475, 478–481
- «Огромный человек» — I (2): 358
- «Оратор» — I (1): 370, 623
- «Ответ мещанину» — I (2): 374
- «Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”» — I (1): 479, 529; I (2): 68–69, 340
- «Отрывок из “Генерального сочинения”» — см. «Кройск»
- «Очередной» — I (1): 137–139, 458, 468, 573; I (2): 464
- «Очерки бедной области» — I (2): 483
- «Память» — I (1) 59–61, 504, 510, 527–528
- «“Первый Иван”. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей» — I (2): 478, 486
- «Песнь» — I (1): 357–358, 460, 472, 620
- «Песня» — I (1): 322, 612–613
- «Песчаная учительница» — I (1): 42–48, 504, 506, 507, 520–523, 591
- «По деревням колокола...» — I (1): 321, 612
- <По родимому краю> — I (2): 231–232, 414
- «Победим ли мы засуху?» — I (2): 482
- «Поезд» — I (1): 349, 458, 619
- «Познаны нами тайны вселенной...» — I (1): 404–405, 631
- «Помогай, крестьянин!» — I (2): 53–54, 335
- «Поп» — I (1): 64–67, 502, 529
- «Последний враг» — I (2): 22, 319–320, 335
- «Последний день» — I (1): 364–365, 622
- «Последний шаг» — I (1): 397, 460, 629
- «Потомки Солнца» — I (1): 223–228, 492, 545, 583, 585, 588
- «Потухшая лампа Ильича» — см. «Рассказ о потухшей лампе Ильича»
- «Потухшие лампочки Ильича» — см. «Рассказ о потухшей лампе Ильича»
- «Поход» — I (1): 333, 616
- «Поэзия рабочих и крестьян» — I (1): 577; I (2): 88–89, 344–345
- «Поэма мысли» — I (1): 174–175, 579
- «Праздник силы (Ко дню всевобуча)» — I (1): 375, 624
- «Преображение» — I (2): 19–20, 319
- «При прощании» — I (1): 341, 599, 618
- «Приезд английских рабочих» — I (2): 21, 319
- «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» — I (1): 205–

- 208, 510, 511, 574, 575, 577, 580, 581, 582, 584–586, 587, 590, 621, 626, 627
- «Про электричество» — I (1): 430–435, 638
- «Происхождение труда» — I (2): 151–152, 367
- «Пролетарская поэзия» — I (1): 465; I (2): 162–167, 369–372
- «Против зноя» — I (2): 314, 392
- «Против халтурных судей (Ответ В Стрельниковой)» — I (1): 525; I (2): 468
- «Прямой путь» — I (2): 35–36, 323–324, 338
- «Птицы» — I (1): 336, 599, 617
- «Путь» — I (1): 458
- «Путь в горы» — I (1): 376, 624
- «Рабочее братство» — I (2): 41–42, 326, 342
- «Рабы машин» — I (1): 348, 457, 619
- «Равенство в страдании» — I (2): 203–204, 385
- «Размозжим» — I (2): 32, 322–323, 335, 336, 343, 344, 351, 383
- «Размышления о Маяковском» — I (1): 447, 558
- «Рассказ не состоящего больше во жлобах» — I (1): 236–237, 584, 590–591
- «Рассказ о многих интересных вещах» — I (1): 238–284, 499, 505, 522, 532, 533, 535, 539, 542, 545, 574, 581, 582, 585, 586, 587, 589, 592–595; I (2): 450, 487
- «Рассказ о Непачовке» — I (1): 422, 635
- «Рассказ о потухшей лампе Ильича» — I (1): 49–58, 503, 506, 507, 508, 523–527; I (2): 468
- «Растет мое сердце во сне...» — I (1): 302, 601, 607
- «Революция “духа”» — I (2): 171–173, 373, 377, 378, 380, 384, 387, 419
- «Ревсовет Земли» — I (2): 197–198, 315, 382, 383
- <Редакционные статьи газеты «Рейник»> — I (1): 495, 496
- «Результаты искусственного орошения» — I (1): 523; I (2): 229–230, 391, 393, 394, 411–413
- «Резцом эпох и молотом времен...» — I (1): 314, 601, 610
- «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» — I (2): 251–252, 413, 418, 421–428, 485
- «Река Потудань» — I (1): 447
- «Ремонт земли» — I (2): 25–26, 320–321
- <Рецензии, опубликованные в журнале «Октябрь мысли»> — I (1): 465; I (2): 259–269, 371, 429–466
- <Рецензия на книгу Л. Карсавина «Noctes Petropolitanae»> — I (2): 227–228, 410–411
- <Рецензия на сборник «Красное утро»> — I (1): 472; I (2): 13–14, 318
- «Родина электричества» — I (1): 447
- «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» — I (1): 73–84, 500, 504, 505, 532–535, 574, 582, 591, 594
- «Румяная богородица» — I (1): 500
- «Румяная мать» — I (1): 300, 606–607
- «Русь» — см. «Ветхая Русь»
- «Сатана мысли» — I (1): 197–204, 500, 504, 582–584, 585, 605, 608, 637; I (2): 393
- «Свет и социализм» — I (1): 581; I (2): 218–220, 398
- «Сгорели пустые пространства...» — I (1): 408, 599, 632
- «Семен» — I (1): 447
- «Сердце в эти дни смертельно и тревожно...» — I (1): 305, 607–608
- «Сергея и я» — I (1): 161–163, 500, 510, 511, 577–578
- «Сила сил» — I (2): 43–44, 326–328, 347

- «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)» — I (1): 7, 567; I (2): 221–226, 398–410, 411, 414, 458
- «Сказка» — I (1): 415–416, 599, 633
- «Слепой» — I (1): 390–391, 585, 627
- «Слесарь Климентов — изобретатель» — I (2): 351
- «Слышные шаги (Революция и математика)» — I (2): 147–148, 365–366
- «Сокровенный человек» — I (1): 8, 533, 545
- «Солнце жжет арбузы, зеленит огурцы...» — I (1): 369, 623
- «Солнце — розовый ребенок...» — I (1): 438, 639
- «Сон» — I (1): 500
- «Среди нив, певучих в спелости...» — I (1): 412, 611, 634
- «Среди страны» — I (1): 290, 601, 603–604
- «Степь» — I (1): 330, 459, 616
- «Стихи о человеческой сути» — I (1): 421, 495, 542, 635
- «Столица обновленной земли» — I (2): 257–258, 428–429, 430
- «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)» — I (2): 286–289, 473, 483–484
- «Странник» — I (1): 288–289, 603
- «Странники» — I (1): 159–160, 510, 511, 577–578, 628
- «Странствующий метафизик (По поводу “трагедии одиночества” В. А. Поссе)» — I (2): 240–241, 406, 418–419
- «Страхование урожая от недорода» — I (1): 497
- «Строители страны» — I (1): 7, 469; I (2): 384
- «Субботник» — I (1): 371, 623
- «Судьба» — I (1): 398, 629
- «Сумрак» — I (1): 339, 599, 618
- «Схватка с засухой» — I (2): 394, 395
- «Счастливая Москва» — I (1): 6, 607; I (2): 335
- «Счастлиное время» — I (1): 425–427, 584, 636
- «Сын Земли» — I (1): 388–389, 627; I (2): 328
- «Творческая газета» — I (2): 128–130, 359–360
- «Технический роман» — I (1): 447; I (2): 335
- «Тиха дорога, неизвестна...» — I (1): 396, 628–629
- «Тихий свет сиянья угасания...» — I (1): 340, 599, 618
- «Тих под пустынею звездною...» — I (1): 409, 579, 632
- «Томится сила недр земного шара...» — I (1): 313, 600, 609
- «Топот» — I (1): 400–401, 631
- «Тоска» — см. «Вечер душен. Ночь недалеко...»
- «Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села...» — I (1): 301, 477, 607
- «Тридцать красных» — I (2): 38, 325, 338
- «Тьма» — I (1): 575
- «Тютень, Витютень и Протегален» — I (1): 218–222, 502, 584, 588; I (2): 372
- «У города» — I (1): 343, 599, 618
- «У начала царства сознания» — I (2): 143–146, 364–365
- «У реки» — см. «На реке»
- «Ультрамикроб» — I (1): 574
- «Усомнившийся Макар» — I (1): 508
- «Фабрика литературы» — I (1): 502, 559
- «Фронт» — I (1): 380, 626
- «Фронт зноя» — I (2): 315, 381, 382
- «Хлеб и чтение» — I (2): 363
- «Хлебные богомольцы» — I (2): 209–210, 387
- «Хлебстанок» — I (2): 201–202, 315, 384–385

- «Христос» — I (1): 500
«Христос и мь» — I (2): 27–28, 321, 384
- «Цыганский мерин» — I (1): 70–72, 500, 502, 503, 531–532, 589
- «Чевенгур» — I (1): 6, 8, 447, 469, 568; I (2): 331, 335, 473
- «Человек и пустыня» — I (2): 406
- «Человек — цветущее растение...» — I (1): 418, 611, 634
- «Черный спаситель» — I (2): 156–157, 367–368
- «Че-Че-О» — I (1): 530
- «Чтобы стать гением будущего...» — I (2): 155, 367
- «Чульдик и Епишка» — I (1): 62–64, 502, 507, 528–529, 534; I (2): 340
- «Шарманка» — I (1): 8, 536
- «Экономик Магов» — I (1): 68–70, 530–531
- «Электрификация (Общие понятия)» — I (1): 452, 576; I (2): 133–142, 362–364, 365, 368, 369, 414, 428
- «Электрификация деревень» — I (2): 159–161, 368–369
- «Электрические воздушные линии» — I (2): 233–234, 414–415
- «Электрическое орошение почвы» — I (1): 535, 592; I (2): 300–305, 486–487
- «Электричество в деревню! К крестьянам Воронежской губернии» — I (1): 594; I (2): 471
- «Эфирный тракт» — I (1): 7, 8, 503, 504, 533, 545, 546, 551, 582, 584, 586, 638; I (2): 398, 406, 407
- «Ювенильное море» — I (1): 8
- «Юноше» — I (1): 347, 457, 618
- «Я поэт разрушающих Вечность времен...» — I (1): 411, 632
- «Я сердцем знаю...» — I (1): 338, 599, 617
- «Ямская слобода» — I (1): 532
- «14 Красных избушек» — I (1): 8

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ СЛОВ И ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Алахарь — дармоед, лежебока
Амперметр — прибор для измерения
силы электрического тока

Бадик — палка, посох
Балакать — говорить
Бекасырики — вши
Блукать — блуждать
Бутить — производить бутую
кладку; *бут* — строительный ка-
мень, употребляемый для возве-
дения фундамента
Бучило — пучина, водоворот, омут

В срезёк, в срезок — окончательно
Вагранная печь — шахтная печь для
плавки чугуна и цветных метал-
лов, а также для обжига различ-
ных материалов
Ветрянка — ветряная мельница
Возгря — сопли, сопля, ноздревая слизь
Втугачку — втугую
Втупор же — в ту же пору

Гашиник — поясок, шнурок, продер-
гиваемый в верхнюю часть штан-
нов для их подвязывания, а так-
же верхняя кромка штанов
Гумно — задворье, зады, огороды
Гуни — от *гуня*, старая, изношенная
верхняя одежда
Гуторить — говорить, беседовать,
болтать

Двошать — дышать
Дежка — от *дежа*, квашня
Динамо — то же, что *динамо-машина*;
устарелое название машины, слу-
жащей для выработки постоян-

ного электрического тока; элект-
рический генератор

Дробьши — мелочь
Дюже — очень

Ерик — глухой непроточный рукав
реки, образовавшийся из части
старого русла
Ерихониться — хорохориться, важ-
ничать

Жамки — прянички, скатанные в ру-
ках и расплюснутые нажимом в
обе ладони
Жох — тертый, бывалый человек, наг-
лый плут

Заквоклый — заскорузший, затвер-
девший
Заквокнуть — затвердеть

Камилавка — маленькая шапочка,
облегающая голову
Карча — затонувшее дерево, бревно
Кацап — прозвище великороссов
Кизяк — высушенный в форме кир-
пича навоз, употребляемый как
топливо в степных районах

Компаунд-машина — паровая машина
с двумя цилиндрами, в которых
пар работает последовательно
Конус — система сцепления в авто-
мобиле

Корчажка — от *корчага*, большой
глиняный горшок для разных хо-
зяйственных надобностей

Крейцкопф — то же, что ползун, де-
таль кривошипно-ползунного ме-
ханизма, скользящая в прямоли-

нейных направлениях, шарнирно связанная с шатуном

Кривошип — звено кривошипного механизма, которое может совершать полный оборот вокруг неподвижной оси

Курень — изба, жилой дом, шалаш, сторожка (на огородах, бахчах и т. п.)

Курник — курная изба

Латошник — латочник, сапожник, не шьющий сапог, а занимающийся только их починкой

Лёссовый — состоящий из лёсса, лёсс — почвообразующая рыхлая горная порода светло-желтого цвета

Локомобиль — передвижная или неподвижная паросиловая установка, состоящая из котла, паровой машины и различных вспомогательных устройств

Лыдки — ноги

Лядачий — дрянной, хилый, тощий

Лярва — человек легкого поведения

Мазанка — хата из глины, сырцового кирпича или дерева, обмазанного глиной

Маховик — маховое колесо, колесо с массивным ободом, установленное на валу машины для обеспечения равномерности вращения вала

Мёнеть — уменьшаться

Музавер — безбожник, неверный, злодей

Мурицовка — то же, что тюря

Насос-камерон — особый тип поршневых насосов

Нехай — пускай

Нюжли — неужели

Обаполло, обапол — около, близко, рядом

Обеспекa — несомненно

Обойка — обочная машина для очистки зерна

Оболонка — крайняя доска от бревна, горбыль

Обротать — обуздывать, покорить

Однолемешный — плуг с одним лемехом; *лемех* — часть плуга, подрезающая пласт земли снизу

Окомелок — толстый комлевой конец дерева, обрубок, чурбан

Опорки — старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами, вообще старая, изношенная и рваная обувь

Осьмушка — восьмая часть фунта

Отжошка — от глагола отжогать, отстегать

Охальник — наглец, бесстыжий озорник

Охальный — наглый, бесстыжий

Палец — валик или стержень округлой формы, укрепляемый на конце одной из движущихся частей механизма и служащий осью вращения для другой соединенной с ним части

Пеклеванная — мелко размолотая и просеянная мука

Плоскушка — вошь площадь

Побалыхней — побольше

Постáв — пара мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем

Похилить — наклонить

Прозодежда — производственная, рабочая одежда

Просорушка — машина для переработки проса в пшено

Резка — мелконарезанная солома, трава для корма

Реостат — аппарат, регулирующий силу тока или напряжение в электрической цепи

Рогач — ухват

Ротор — вращающаяся часть машины

Рыпеть — издавать скрип

Сальник — деталь, которая плотно закрывает зазоры вокруг двигающихся частей механизма и препятствует просачиванию жидкости, пара или газа

Свитка или *свита* — верхняя широкая, длинная одежда вообще

Сотка — мера жидкости в одну сотую часть ведра, а также бутылка такой вместимости

Спрохвала — исподволь, полегоньку, не вдруг

Сторновка — неразбитые обмолоченные снопы

Супесок — почва с большой примесью песка

Тарань — разновидность плотвы, преимущественно используется в пищу вяленая с просолом

Тахометр — прибор для измерения скорости вращения деталей машины, механизмов

Тендер — вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательного устройства

Трансмиссионное устройство или *трансмиссия* — устройство для

передачи движения от двигателя к станкам или другим механизмам

Тюря — кушанье из крошеного в воду или квас хлеба с луком

Фланец — соединительная часть труб, резервуаров, валов и т. п. в виде плоского кольца или диска с отверстиями для болтов

Черепендик — вероятно, то же, что и *черепеник* — гречишник, гречневик, пряженное в постном масле тесто, в виде стопок; печется в черепушках. *Черепеня*, *черепеничник* — тот, кто печет, продает черепеники вразноску

Чохом — целиком, все сразу, оптом

Чуни — лапти из пеньковой веревки

Шелюга — то же, что краснотал, кустарник или дерево из рода ив, с красно-бурыми побегам, способствующими закреплению песков

Шкив — колесо, которое передает движение приводному ремню или канату

Шток — деталь поршневой машины, соединяющая поршень с ползуном

Эксцентрик — диск, ось вращения которого не совпадает с его геометрической осью

СЛОВАРЬ АББРЕВИАТУР

- ВАПП* — Всероссийская ассоциация пролетарских писателей
- ВГЗУ* — Воронежское губернское земельное управление
- ВКП(б)* — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВРК* — Военно-революционный комитет
- Всевобуч* — всеобщее военное обучение граждан
- Всеработземлес* — Всероссийский профсоюз работников земельного и лесного хозяйства
- ВСНХ* — Высший совет народного хозяйства
- Вхутешин* — Высший художественно-технический институт
- Вхутемас* — Высшие государственные художественно-технические мастерские
- ВЦИК* — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦСПС* — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
- ВЧК* — Всероссийская чрезвычайная комиссия (по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией)
- ГИК* — Государственный исполнительный комитет
- Главковерх* — верховный главнокомандующий
- Горнаробраз* — городской отдел народного образования
- Госиздат* — Государственное издательство
- ГОЭЛРО* — Государственный план электрификации России
- ГПУ* — Государственное политическое управление
- Губвоенком* — Губернский военный комиссариат
- Губземотдел, ГЗО, ГУБЗО* — Губернский земельный отдел
- Губземуправление, ГЗУ* — Губернское земельное управление
- Губисполком* — Губернский исполнительный комитет
- Губком* — Губернский комитет (партии)
- Губкомгидро* — Губернская комиссия по гидрофикации
- Губмелиоратор* — губернский мелиоратор
- Губплан* — Губернская плановая комиссия
- Губфинотдел* — Губернский финансовый отдел
- Губэконо* — Губернский экономический совет
- ГЭК* — государственная экскаваторная контора
- Доркпрофсоюз* — дорожный комитет профсоюза рабочих железнодорожного транспорта
- Завгубоно* — заведующий губернским отделом народного образования
- Завокроно* — заведующий окружным отделом народного образования
- Земчека* — Земельная чрезвычайная комиссия
- Комсоеюз* — коммунистический союз журналистов

Лэф — Левый фронт искусства (литературная группа и журнал)

МАПП — Московская ассоциация пролетарских писателей

МОПР — Международная организация помощи борцам революции

Наркомзем — народный комиссариат земледелия

Наркомпрос — народный комиссариат просвещения

НОТ — научная организация труда

Нэл — новая экономическая политика

ОДОЗ — Общество друзей Обновленной Земли

ОКС — Общество культурной смычки

Опродкомарм — Особая продовольственная комиссия армии

Предсельсовета — председатель сельского совета

Предсовнаркома — председатель Совета народных комиссаров

Предуика — председатель уездного исполнительного комитета

Рабкор — рабочий корреспондент

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей

РВС — Революционный военный совет

РКИ — рабоче-крестьянская инспекция

РКК — расценочно-контрольная комиссия

РКСМ — Российский коммунистический союз молодежи

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Совнарком, СНК — Совет народных комиссаров

Совнархоз — Совет народного хозяйства

СТО — Совет труда и обороны

Уком — уездный комитет (партии)

Учека — уездная чрезвычайная комиссия

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦИТ — Центральный институт труда

ЦЧО — Центральночерноземная область

Чрезреуштаб — чрезвычайный революционный штаб

Чрезфинтройка — чрезвычайная уездная финансовая тройка

ЮВЖД — Юго-восточные железные дороги

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. П. Платонов. С фотографии 1922 г. фронтиспис	
Рассказ «Бучило». Публикация в журн. «Красная нива» (1924 г.)	I (1) 19
Рассказ «Песчаная учительница». Автограф с пометами редактора	I (1) 43
Рассказ «Рассказ о потухшей лампе Ильича». Автограф	I (1) 51
Рассказ «Экономик Магов». Черновой автограф	I (1) 69
Иллюстрация к рассказу «Лунная бомба» в журн. «Всемирный следопыт» (1926 г.)	I (1) 111
Рассказ «Антисексус». Машинопись с правкой автора и пометами Марии Александровны Платоновой	I (1) 127
Рассказ «Маркун». Автограф	I (1) 141
Оглавление сборника рассказов 1926 г. Автограф	I (1) 217
Заявление Андрея Платонова (Климентова) о приеме на работу (1914 г.)	I (1) 283
Стихотворение «В моем сердце песня вечная...». Автограф	I (1) 289
Стихотворение «Мать». Копия Марии Александровны Платоновой	I (1) 303
Оглавление книги стихов 1927 г., первая страница. Автограф	I (1) 331
Стихотворение «Я сердцем знаю...». Лист макета книги «Голубая глубина» с правкой Платонова и пометой редактора	I (1) 337
Стихотворение «Долог зимний рассвет...». Автограф	I (1) 345
Обложка книги «Голубая глубина» (1922)	I (1) 387
Стихотворение «Вселенной». Страница из сборника «Стихи» (Воронеж, 1921) с правкой автора	I (1) 405
Стихотворение «Вождю оппозиции». Черновой автограф	I (1) 427
Стихотворение «Про электричество». Черновой автограф	I (1) 435
Фрагмент автобиографии 1924 г. Автограф	I (2) 55
Докладная записка А. П. Платонова 1922 г. Копия с правкой автора	I (2) 205
Личный листок 1924 г.	I (2) 247
Чертеж устройства для поддержания напряжения сети постоянным при переменном числе оборотов генератора переменного тока. Патент 1924 г.	I (2) 253
Обращения в ячейку ВКП(б). Автографы	I (2) 279
Очерк «Страна бедняков». Автограф	I (2) 287
Удостоверение 1926 г.	I (2) 299

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 1-го ТОМА

Работа над 1-м томом Сочинений А. П. Платонова началась в 1997 г. Дочерью писателя Марией Андреевной Платоновой был открыт семейный архив и отобраны материалы воронежского периода жизни и творчества А. П. Платонова; они были ксерокопированы и составили основу резервного фонда архива А. П. Платонова в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. На заседаниях группы собрания Сочинений были обсуждены положение о типе издания и общая структура 1-го тома; были проведены сверки и написаны первые варианты комментариев. На этом этапе работы раздел «Рассказы» готовился Н. Малыгиной, Л. Суматохиной, «Стихотворения» — М. Гах, Е. Шубиной, «Статьи» — Е. Антоновой, О. Капельницкой, Н. Корниенко, Е. Яблоковым. На следующем этапе продолжалась работа над структурой тома и содержанием разделов, шел поиск новых архивных материалов, обследовалась центральная и областная периодика, уточнялись текстологические карты и реальный комментарий, проводились контрольные сверки текстов.

Тексты раздела «Рассказы» подготовили: «Бучило» (Н. Малыгина), «Иван Жох» (Л. Суматохина), «Песчаная учительница» (Е. Антонова, Н. Малыгина), «Рассказ о потухшей лампе Ильича» (Е. Антонова, Л. Суматохина), «Память» (Л. Суматохина), «Иван Митрич» (Н. Малыгина), «Чульдик и Епишка» (Е. Антонова, Н. Малыгина), «Поп» (Е. Антонова, Н. Малыгина), «Мавра Кузьминишна» (Л. Суматохина), «Экономик Магов» (Л. Суматохина), «Цыганский мерин» (Н. Малыгина), «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (Е. Антонова), «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства» (Е. Антонова, Л. Суматохина), «Крюйс» (Е. Антонова, Л. Суматохина), «Душевная ночь» (Е. Антонова, Н. Малыгина), «История иерея Прокопия Жабрина» (Н. Малыгина), «Луговые мастера» (Е. Антонова), «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”» (Е. Антонова), «Антисексус» (Д. Московская), «Очередной» (Л. Суматохина), «Маркун» (Е. Антонова, Л. Суматохина), «Апалитыч» (Л. Суматохина), «Волчок» (Е. Антонова, Л. Суматохина), «Волю» (Л. Суматохина), «В мастерских» (Л. Суматохина), «Странники» (Л. Суматохина), «Сергея и я» (Л. Суматохина), «Белогорлик» (Л. Суматохина), «Живая хата» (Л. Суматохина), «Жажда нищего (Видения истории)» (Е. Антонова), «Ерик» (Л. Суматохина), «Поэма мысли» (Н. Малыгина), «В звездной пустыне» (Н. Малыгина), «Володькин муж (Мои похождения на этом свете)» (Л. Суматохина), «Заметки» (Е. Яблоков), «Невозможное» (Н. Корниенко), «Сатана мысли» (Е. Антонова, Н. Малыгина), «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)» (Н. Малыгина), «Данилок» (Л. Суматохина), «Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии» (Е. Антонова), «Тютень, Витютень и Протегален» (Л. Суматохина), «Потомки Солнца» (Н. Малыгина), «Немые тайны морских глубин» (Л. Суматохина), «Рассказ не состоящего больше во жлобах» (Л. Суматохина), «Рассказ о многих интересных вещах» (Н. Малыгина)

Комментарии к рассказам составили: Е. Антонова («Бучило», «Иван Жох», «Песчаная учительница», «Рассказ о потухшей лампе Ильича», «Память», «Иван Митрич», «Чульдик и Епишка», «Поп», «Мавра Кузьминишна», «Экономик Магов», «Цыганский мерин», «Родоначальники нации или беспокойные происшествия», «Крюйс», «Душевная ночь», «История иерея Прокопия Жабрина», «Луговые мастера», «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”», «Маркун», «Апалитыч», «Волчок», «В мастерских», «Странники», «Жажда нищего (Видения истории)», «Ерик», «Сатана мысли», «Приключения Баклажанова (Бесконечная повесть)», «Данилок», «Доклад Управления работ по гидрофикации Центральной Азии», «Немые тайны морских глубин»), Е. Антонова, Н. Малыгина («Рассказ о многих интересных вещах»), Е. Антонова, Д. Московская («Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства»), Е. Антонова, Е. Яблоков («Заметки», «Невозможное»); Н. Малыгина («Поэма мысли», «В звездной пустыне», «Потомки Солнца»); Д. Московская («Антисексус»); Л. Суматохина («Очередной», «Воль», «Серега и я», «Белогорлик», «Живая хата», «Володькин муж (Мои похождения на этом свете)», «Тютень, Витютень и Протегален», «Рассказ не состоящего больше во жлобах»).

Тексты раздела «Стихотворения» подготовили. «В моем сердце песня вечная..» (Е. Антонова), «Странник» (Е. Шубина), «Среди страны» (Е. Антонова, Е. Шубина), «Мы дума мира темного.» (М. Гах), «Богомольцы» (М. Гах), «Без сна, без забвенья шуршат в тесноте...» (Е. Антонова), «Ночь на дворе стоит сиротой...» (Е. Антонова), «Жить ласково здесь невозможно...» (Е. Антонова), «Мир родимый, я тебя не кину...» (М. Гах), «Вечерние дороги» (Е. Шубина), «Ветхая Русь» (Е. Шубина), «Румяная мать» (Е. Шубина), «Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села...» (М. Гах), «Растет мое сердце во сне...» (Е. Антонова), «Мать» (Е. Шубина), «Сердце в эти дни смертельно и тревожно...» (М. Гах), «Иван да Марья» (Е. Антонова, М. Гах), «Бегство» (Е. Антонова), «Томится сила недр земного шара...» (Е. Антонова), «Резцом эпох и молотом времен...» (М. Гах), «Земля — дума, песня не пропетая...» (М. Гах), «Мертвый» (Е. Антонова), «В железной шапке льдов...» (М. Гах), «Лесная говорушка» (Е. Шубина), «Когда я думаю, я слышу музыку...» (М. Гах), «Белый свет» (Е. Шубина), «По деревням колокола..» (Е. Антонова), «Песня» (Е. Антонова), «Дорога утром» (Е. Шубина), «О голом и живом» (Е. Антонова), «Мы стареем, потому что мы живые...» (Е. Антонова), «Наверно, молодость придется истомить...» (Е. Антонова), «Древний мир, воспетый птицами...» (Е. Шубина), «Как тополи в тихие ночи...» (Е. Шубина), «Вечер душен. Ночь недалека...» (М. Гах), «Степь» (Е. Шубина), «Мужик» (Е. Шубина), «Поход» (М. Гах), «Динамо-машина» (М. Гах), «Конец света» (М. Гах), «Птицы» (М. Гах), «Я сердцем знаю ..» (М. Гах), «Сумрак» (М. Гах), «Тихий свет сиянья угасания...» (М. Гах), «При прощании» (М. Гах), «День» (Е. Шубина), «У города» (Е. Шубина), «Не тихо и не шибко...» (Е. Шубина), «Долог зимний рассвет...» (Е. Шубина), «Юноше» (М. Гах), «Рабы машин» (Е. Антонова), «Поезд» (М. Гах), «Над горами» (М. Гах), «Вечер после труда» (М. Гах), «На реке» (Е. Шубина), «Март» (Е. Шубина), «Млеют в горячей весенней испарине.» (Е. Шубина), «Невысокие лозины ..» (Е. Шубина), «Молот» (М. Гах), «Песнь» (Е. Антонова), «Гудок» (М. Гах), «Мы на канатах прем локомотив...» (Е. Антонова), «Красному Воронежу» (О Алейников),

«Последний день» (М. Гах), «Италии» (М. Гах), «Знание» (М. Гах), «Кузнецы» (М. Гах), «Солнце жжет арбузы, зеленит огурцы...» (Е Шубина), «Оратор» (М. Гах), «Субботник» (Е. Антонова, М. Гах), «Май» (М. Гах), «Над голубыми озерами..» (М. Гах), «Дорога» (Е. Шубина), «Праздник силы (Ко дню всевобуча)» (М. Гах), «Путь в горы» (М. Гах), «Напор» (М. Гах), «На реке вечерней, замирающей...» (Е. Антонова), «Конный вихрь» (М. Гах), «Фронт» (М. Гах), «Мальчик» (М. Гах), «Домой» (М. Гах, Е. Шубина), «Мысль» (М. Гах), «Сын Земли» (М. Гах), «Слепой» (М. Гах), «Мы пройдем тебя до края...» (М. Гах), «Много матерей» (М. Гах), «Дети» (М. Гах), «Во сне» (М. Гах), «Тиха дорога, неизвестна...» (М. Гах), «Последний шаг» (М. Гах), «Судьба» (М. Гах), «Мир рожден улыбкой человека ..» (М. Гах), «Топот» (М. Гах), «Вселенной» (М. Гах), «Познаны нами тайны вселенной..» (М. Гах), «К звездным товарищам» (М. Гах), «Вечер мира» (М. Гах), «Сгорели пустые пространства..» (М. Гах), «Тих под пустынею звездною...» (М. Гах), «Далью серебряной в утро росистое ..» (М. Гах), «Среди нив, певучих в спелости...» (М. Гах), «В эти дни земля горячее солнца...» (М. Гах), «Небо вверх голубое...» (М. Гах), «Сказка» (Е Шубина), «Ночь» (Е. Шубина), «Человек — цветущее растение...» (Е. Антонова), «В мире тихий ветхий вечер...» (Е. Антонова), «Лунный гул» (М. Гах), «Стихи о человеческой сути» (М. Гах), «Рассказ о Непачовке» (Е. Антонова), «Небесная авиация» (Е. Антонова), «Изобретатели!..» (Е Антонова), «Счастливое время» (Е. Антонова), «Вождю оппозиции» (Е. Антонова), «Про электричество» (Е Антонова), «Стихи на случай» (Е. Антонова).

Комментарии к стихотворениям составили: О. Алейников («Красному Воронежцу»); Е. Антонова («В моем сердце песня вечная...», «Среди стран», «Богомольцы», «Без сна, без забвенья шуршат в тесноте...», «Ночь на дворе стоит сиротой...», «Жить ласково здесь невозможно...», «Растет мое сердце во сне...», «Иван да Марья», «Бегство», «Томится сила недр земного шара...», «Мертвый», «По деревянн колокола...», «Песня», «О голом и живом», «Мы стареем, потому что мы живые...», «Наверно, молодость придется истомить...», «Рабы машин», «Песнь», «Мы на канатах прѐм локомотив...», «Субботник», «Праздник силы (Ко дню всевобуча)», «На реке вечерней, замирающей...», «Я поэт разрушающих Вечность времен...», «Конный вихрь», «Человек — цветущее растение...», «В мире тихий ветхий вечер...», «Дети», «Рассказ о Непачовке», «Небесная авиация», «Изобретатели!..», «Счастливое время», «Вождю оппозиции», «Про электричество», «Стихи на случай»); Е. Антонова, М. Гах («Гудок»), М. Гах («Мы дума мира темного...», «Мир родимый, я тебя не кину. .», «Сердце в эти дни смертельно и тревожно...», «Резцом эпох и молотом времен...», «Земля — дума, песня не пропетая...», «В железной шапке льдов...», «Когда я думаю, я слышу музыку. .», «Поход», «Динамо-машина», «Конец света», «Птицы», «Я сердцем знаю. .», «Сумрак», «Тихий свет сиянья угасания..», «При прощании», «Вечер души. Ночь недалеко .», «Юноше», «Поезд», «Над горами», «Вечер после труда», «Молот», «Италии», «Знание», «Кузнецы», «Последний день», «Оратор», «Май», «Над голубыми озерами...», «Путь в горы», «Напор», «Фронт», «Мальчик», «Домой», «Мысль», «Сын Земли», «Слепой», «Мы пройдем тебя до края..», «Много матерей», «Во сне», «Тиха дорога, неизвестна...», «Последний шаг», «Судьба», «Мир рожден улыбкой человека .», «Топот», «Вселенной»,

«Познаны нами тайны вселенной...», «К звездным товарищам», «Вечер мира», «Сгорели пустые пространства ..», «Тих под пустынею звездною...», «Далью серебряной в утро росистое...», «Среди нив певучих в спелости ..», «В эти дни земля горячее солнца . », «Небоверху голубое ..», «Лунный гул», «Стихи о человеческой сути»); Е. Шубина («Странник», «Вечерние дороги», «Ветхая Русь», «Румяная мать», «Тою ночью, тою ночью чутко спали пашни, села...», «Мать», «Лесная говорушка», «Белый свет», «Дорога утром», «Древний мир, воспетый птицами...», «Как тополи в тихие ночи...», «Степь», «Мужик», «День», «У города», «Не тихо и не шибко...», «Долго зимний рассвет...», «На реке», «Март», «Млеют в горячей весенней испарине...», «Невысокие лозины...», «Солнце жжет арбузы, зеленил огурцы. .», «Дорога», «Сказка», «Ночь».

Тексты раздела «Статьи» подготовили: «Об искусстве (Из дневника)» (Е. Яблоков), «К начинающим пролетарским поэтам и писателям» (Е. Яблоков), «Рецензия на сборник “Красное утро”» (О. Капельницкая), «Обзор журнала “Вестник жизни”» (Е. Антонова), «Ленин» (Е. Антонова), «Преображение» (Е. Яблоков), «Приезд английских рабочих» (Е. Антонова), «Последний враг» (Е. Антонова), «Два мира» (Е. Антонова), «Ремонт земли» (Е. Яблоков), «Христос и мы» (Е. Яблоков), «Красные вожди» (Е. Антонова), «Новые братья» (Е. Антонова), «Размозжим» (Е. Антонова), «О науке» (Е. Яблоков), «Прямой путь» (Е. Яблоков), «Живая ехидна» (Е. Антонова), «Тридцать красных» (Е. Антонова), «Да святится имя твое» (Е. Яблоков), «Рабочее братство» (Е. Антонова), «Сила сил» (Е. Антонова), «Достоевский» (О. Капельницкая), «Душа мира» (Е. Яблоков), «Луначарский» (Е. Яблоков), «Помогай, крестьянин!» (Е. Антонова), «Единая сила» (Е. Антонова), «Белые духом» (О. Капельницкая), «Восстание Востока» (Е. Антонова), «Два удара на удар» (Е. Антонова), «Воспитание коммунистов» (Е. Яблоков), «Красный труд» (Е. Яблоков), «Вечная жизнь» (Е. Яблоков), «Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”» (Е. Антонова), «В чем свобода» (Е. Яблоков), «Газета и ее значение» (Е. Антонова), «О нашей религии» (Е. Антонова), «Борьба мозгов» (Е. Антонова), «Две победы» (Е. Антонова), «Белый бес» (Е. Антонова), «Задние планы» (Е. Антонова), «Обучение управлению» (Е. Антонова), «Поэзия рабочих и крестьян» (Е. Антонова), «Культура пролетариата» (О. Капельницкая), «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик» (О. Капельницкая), «Государство — это мы» (Е. Яблоков), «Будущий Октябрь» (О. Капельницкая), «Вечер комсомола» (О. Капельницкая), «Мастер-коммунист» (О. Капельницкая), «Голова пролетариата» (Е. Антонова), «Анархисты и коммунисты (Е. Антонова), «Выключенные дни» (О. Капельницкая), «О них» (Е. Яблоков), «Знамена грядущего» (О. Капельницкая), «Клуб-школа» (О. Капельницкая), «Творческая газета» (Е. Яблоков), «Нормализованный работник» (О. Капельницкая), «Электрификация (Общие понятия)» (О. Капельницкая), «У начала царства сознания» (Е. Яблоков), «Слышные шаги (Революция и математика)» (Е. Яблоков), «Гапон и рабочие» (Е. Яблоков), «Пронсхождение труда» (Е. Яблоков), «Над мертвой бездной» (Е. Яблоков), «Чтобы стать гением будущего...» (Е. Яблоков), «Черный спаситель» (Е. Яблоков), «Дайте квалифицированных мастеровых» (Е. Яблоков), «Электрификация деревень» (О. Капельницкая), «Пролетарская поэзия» (Е. Яблоков), «Душа человека — неприличное животное» (Л. Суматохина), «Револю-

ция “духа”» (Е. Яблоков), «Коммунист принадлежит будущему» (Е. Яблоков), «Коммунист! Покажи, что ты коммунист» (Е. Яблоков), «Вечер Некрасова в коммунистическом университете» (О. Капельницкая), «Жизнь до конца» (Е. Яблоков), «Крестьянская коммунистическая революция» (Е. Яблоков), «Всероссийская колымага» (Е. Антонова), «Новое евангелие» (Е. Антонова), «Великая работа» (Е. Антонова), «Ревсовет Земли» (Е. Антонова), «Горький и его “На дне”» (Е. Антонова), «Хлебстанок» (Е. Антонова), «Равенство в страдании» (Е. Антонова), «Земчка (Черный Реввоенсовет)» (Е. Антонова), «Хлебные богемольцы» (Е. Антонова), «На фронте зноя» (Е. Антонова), «О культуре запряженного света и познанного электричества» (Е. Яблоков), «Свет и социализм» (Е. Яблоков), «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)» (Н. Корниенко), «Рецензия на книгу А. Карсавина “Noctes Petropolitanae”» (О. Капельницкая), «Результаты искусственного орошения» (Е. Антонова), «По родимому краю» (Е. Антонова, Е. Яблоков), «Электрические воздушные линии» (Е. Яблоков), «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии» (Е. Антонова), «Воронежская гидроэлектрическая станция» (Е. Яблоков), «Странствующий метафизик (По поводу “трагедии одиночества” В. А. Поссе)» (О. Капельницкая), «О борьбе с последствиями голода» (Е. Яблоков), «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (Е. Яблоков), «Великий работник (О развитии в России взрывной культуры)» (Е. Яблоков), «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» (Е. Яблоков), «Вода — основа социалистического хозяйства (Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего)» (О. Капельницкая), «Столица обновленной земли» (О. Капельницкая), «Рецензии, опубликованные в журнале “Октябрь мысли”» (О. Капельницкая, Е. Яблоков), «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии» (Е. Антонова), «Мелиоративные работы в нашей губернии» (Е. Антонова), «Борьба с пустыней» (Е. Яблоков), «Огни Волховстроя» (Е. Антонова), «Метод общественных работ» (Е. Антонова), «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)» (Н. Корниенко), «О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)» (Е. Антонова), «О борьбе с оползнями в Крыму и в прочих местах» (Е. Антонова), «Электрическое орошение почвы» (Е. Антонова), «Об улучшениях климата» (Е. Антонова).

Комментарии к статьям составили: Е. Антонова («Обзор журнала “Вестник жизни”», «Ленин», «Преображение», «Приезд английских рабочих», «Последний враг», «Два мира», «Красные вожди», «Новые братья», «Разможжим», «Живая ехидна», «Тридцать красных», «Рабочее братство», «Сила сил», «Достоевский», «Помогай, крестьянин!», «Единая сила», «Белые духом», «Восстание Востока», «Два удара на удар», «Воспитание коммунистов», «Красный труд», «Ответ редакции “Трудовой армии” по поводу моего рассказа “Чульдик и Епишка”», «Газета и ее значение», «О нашей религии», «Борьба мозгов», «Две победы», «Белый бес», «Задние планы», «Обучение управлению», «Поэзия рабочих и крестьян», «Будущий Октябрь», «Вечер комсомола», «Голова пролетариата», «Анархисты и коммунисты», «Выключенные дни», «Знамена грядущего», «Клуб-школа», «Творческая газета», «Электрификация (Общие понятия)», «У начала царства сознания», «Черный спаситель», «Дайте квалифицированных мастеровых», «Душа человека — неприличное животное», «Революция “духа”», «Ком-

мунист принадлежит будущему», «Жизнь до конца», «Всероссийская колымага», «Новое евангелие», «Великая работа», «Ревсовет Земли», «Горький и его “На дне”», «Хлебстанок», «Равенство в страдании», «Земчека (Черный Реввоенсовет)», «Хлебные богомольцы», «На фронте зноя», «О культуре запряженного света и познанного электричества», «Рецензия на книгу А. Карсавина “Noctes Petropolitanae”», «Результаты искусственного орошения», «По родимому краю», «Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии», «Воронежская гидроэлектрическая станция», «Странствующий метафизик (По поводу “трагедии одиночества” В. А. Поссе)», «О борьбе с последствиями голода», «О ликвидации катастроф сельского хозяйства», «Великий работник (О развитии в России взрывной культуры)», «Река Воронеж, ее настоящее и будущее», «Вода — основа социалистического хозяйства (Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего)», «Столица обновленной земли», «О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии», «Мелиоративные работы в нашей губернии», «Борьба с пустыней», «Огни Волховстроя», «Метод общественных работ», «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)», «О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)», «О борьбе с оползнями в Крыму и в прочих местах», «Электрическое орошение почвы», «Об улучшениях климата»); Е. Антонова, Е. Яблоков («Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик», «О них», «Нормализованный работник»); О. Капельницкая («Рецензия на сборник “Красное утро”», «Мастер-коммунист», «Вечер Некрасова в коммунистическом университете», «Электрификация деревень»); Н. Корниенко («Душа мира», «Луначарский», «Культура пролетариата», «Пролетарская поэзия», «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)», «Рецензии, опубликованные в журнале “Октябрь мысли”»); Н. Корниенко, Е. Яблоков («К начинающим пролетарским поэтам и писателям»); Е. Яблоков («Об искусстве (Из дневника)», «Преображение», «Ремонт земли», «Христос и мы», «О науке», «Прямой путь», «Да святится имя твое», «Вечная жизнь», «В чем свобода», «Государство — это мы», «Слышные шаги (Революция и математика)», «Гапон и рабочие», «Происхождение труда», «Над мертвой бездной», «Чтобы стать гением будущего...», «Коммунист! Покажи, что ты коммунист», «Крестьянская коммунистическая революция», «Свет и социализм», «Электрические воздушные линии»).

Опись материалов *СА* для 1-го тома, включая комментарии, подготовлена Н. Корниенко.

Общая вступительная статья к комментариям написана Е. Антоновой (раздел 1) и Н. Корниенко; предисловия к разделам — Е. Антоновой; статья «От редакции» — Н. Корниенко.

Указатель произведений А. П. Платонова и словари составлены Е. Антоновой и Е. Рожнецовой.

В подборке иллюстраций использованы материалы архива Марии Андреевны Платоновой, Российской государственной патентной библиотеки и О. Г. Ласунского (Воронеж).

Библиографические сверки проведены Е. Рожнецовой.

Рецензенты тома: В. В. Васильев, А. А. Козловский, С. А. Небольсин, С. Г. Семенова.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Об искусстве (Из дневника)	7*	316
К начинающим пролетарским поэтам и писателям	8	316
<Рецензия на сборник «Красное утро»>	13	318
<Обзор журнала «Вестник жизни»>	15	318
Ленин	17	319
Преображение	19	319
Приезд английских рабочих	21	319
Последний враг	22	319
Два мира	23	320
Ремонт земли	25	320
Христос и мы	27	321
Красные вожди	29	321
Новые братья	31	321
Размозжим	32	322
О науке	33	323
Прямой путь	35	323
Живая ехидна	37	324
Тридцать красных	38	325
Да святится имя твое	39	325
Рабочее братство	41	326
Сила сил	43	326
Достоевский	45	328
Душа мира	47	328
Луначарский	50	330
Помогай, крестьянин!	53	335
Единая сила	56	335
Белые духом	57	336
Восстание Востока	58	337
Два удара на удар	60	338
Воспитание коммунистов	62	338
Красный труд	64	339
Вечная жизнь	66	340
Ответ редакции «Трудовой армии» по поводу моего рассказа «Чульдик и Епишка»	68	340
В чем свобода	70	341
Газета и ее значение	73	341
О нашей религии	75	341
Борьба мозгов	79	342

* В первом столбике указана страница текста, во втором — комментарий.

Две победы	81	342
Белый бес	83	343
Задние планы	84	343
Обучение управлению	86	344
Поэзия рабочих и крестьян	88	344
Культура пролетариата	90	345
Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик	101	350
Государство — это мы	106	352
Будущий Октябрь	107	352
Вечер комсомола	110	354
Мастер-коммунист	111	355
Голова пролетариата	114	355
Анархисты и коммунисты	117	356
Выключенные дни	119	356
О них	122	357
Знамена грядущего	124	358
Клуб-школа	125	358
Творческая газета	128	359
Нормализованный работник	131	360
Электрификация (Общие понятия)	133	362
У начала царства сознания	143	364
Слышные шаги (Революция и математика)	147	365
Гапон и рабочие	149	366
Происхождение труда	151	367
Над мертвой бездной	153	367
«Чтобы стать гением будущего...»	155	367
Черный спаситель	156	367
Дайте квалифицированных мастеровых	158	368
Электрификация деревень	159	368
Пролетарская поэзия	162	369
Душа человека — неприличное животное	168	372
Революция «духа»	171	373
Коммунист принадлежит будущему	174	373
Коммунист! Покажи, что ты коммунист	177	377
Вечер Некрасова в коммунистическом университете	178	377
Жизнь до конца	180	377
Крестьянская коммунистическая революция	184	379
Всероссийская колымага	187	380
Новое евангелие	192	381
Великая работа	195	382
Ревсовет Земли	197	383
Горький и его «На дне»	199	384
Хлебстанок	201	384
Равенство в страдании	203	385
Земчека (Черный Реввоенсовет)	206	385
Хлебные богомолцы	209	387

На фронте зноя	211	388
О культуре запряженного света и познанного электричества	216	397
Свет и социализм	218	398
Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)	221	398
<Рецензия на книгу Л.Карсавина «Noctes Petropolitanae»>	227	410
Результаты искусственного орошения	229	411
<По родимому краю>	231	414
Электрические воздушные линии	233	414
Вопросы сельского хозяйства в китайском земледелии	235	415
Воронежская гидроэлектрическая станция	237	417
Странствующий метафизик (По поводу «трагедии одиночества» В. А. Поссе)	240	418
О борьбе с последствиями голода	242	419
О ликвидации катастроф сельского хозяйства	244	420
Великий работник (О развитии в России взрывной культуры)	248	421
Река Воронеж, ее настоящее и будущее	251	421
Вода — основа социалистического хозяйства (Сила речного подпертого потока как основа энергетики хозяйства будущего)	254	428
Столица обновленной земли	257	428
<Рецензии, опубликованные в журнале «Октябрь мысли»>	259	429
О работе по электрификации сельского хозяйства в Воронежской губернии	270	466
Мелиоративные работы в нашей губернии	273	472
Борьба с пустыней	276	478
Огни Волховстроя	280	478
Метод общественных работ	283	481
Страна бедняков (Очерки Черноземной области)	286	483
О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелио- рационно-техническая проблема в связи с восстановлением сель- ского хозяйства в ЦЧО)	290	484
О борьбе с оползнями в Крыму и в прочих местах	296	485
Электрическое орошение почвы	300	486
Об улучшениях климата	306	487

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения	311
Статьи. 1918—1926	313
Указатель произведений А. П. Платонова	488
Словарь областных слов и технических терминов	497
Словарь аббревиатур	500
Список иллюстраций	502
Исследовательский коллектив 1-го тома	503

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН*

Андрей Платонович Платонов

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Том первый

1918—1927

Книга вторая

Статьи

Технический редактор А. В. Лавочкина
Корректоры Е. Н. Сценювич, Е. А. Роженцева

ИД № 01286 от 22.03.2000 г.

Подписано в печать 24.05.2004. Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Печ. л. 32. Тираж 5000 экз. 1-й завод — 2000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а

тел. (095) 291-23-01, 202-21-23

Заказ № 10494

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

